АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ АН СССР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СЕВЕРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР

СЕВЕРНЫЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК I

ТРУДЫ ВОЛОГОДСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

Декабрь 1969 г.

Кр 667913

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ВОЛОГДА
1970

9(с)
М34
9(с12)+9(с124)+Кр+кми

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В марте 1969 г. Бюро отделения истории АН СССР согласилось с предложением, высказанным 6 декабря 1968 г. на Вологодской конференции по историографии и источниковедению Европейского Севера СССР, об организации на общественных началах Северного Отделения Археографической Комиссии с центром в г. Вологде.

Целью созданной Комиссии является сбор, публикация и передача на хранение в архивы и изучение материалов и документов по истории Европейского Севера нашей страны, привлечение к этой важной работе ученых и преподавателей вузов, учителей и краеведов, работников центральных и местных архивов, студентов и учащихся. Особое внимание намечено уделить документам по истории революционного движения и деятельности местных большевистских организаций в дооктябрьский период, по истории становления Советской власти и социалистических преобразований на Европейском Севере, об участии северян в Великой Отечественной войне и по другим вопросам строительства коммунизма в нашей стране.

Безусловно, деятельность Комиссии отразит сбор и исследование материалов и по истории прошлого Архангельской, Вологодской областей в Коми АССР.

Вниманию читателей предлагается первый выпуск материалов, подготовленный Северным отделением Археографической Комиссии АН СССР. Большинство из них обсуждено на научной конференции в декабре 1968 г. Часть сообщений публикуется по представлению членов Комиссии. В сборник включены работы, подготовленные учеными, научными сотрудниками государственных архивов, библиотек, музеев, краеведами и студентами северных областей РСФСР, а также Москвы, Ленинграда и других городов страны.

Просьба отзывы и пожелания направлять по адресу: г. Вологда, Маяковского, 6, Археографической комиссии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. А. Колесников, (отв. редактор), А. С. Бланк,
Я. Н. Безносиков, В. А. Дмитриева, В. М. Малков,
Н. Е. Носов, Г. Г. Фрумен ков, С. О. Шмидт.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
от 11 марта 1969 года

О создании отделений Археографической комиссии в гг. Вологде и Новосибирске

Сообщение С. О. Шмидта

Бюро Отделения истории постановляет:

1. Согласиться с предложением, высказанным на Вологодской конференции по историографии и источниковедению, об организации на общественных началах Северного Отделения Археографической комиссии с центром в гор. Вологде.

Утвердить председателем Северного Отделения проректора Вологодского государственного педагогического института *Колесникова П. А.*

Заместителем председателя — заведующего отделом этнографии и археологии Коми филиала АН СССР *Безносикова Я. Н.* и ректора Архангельского государственного педагогического института *Фруменкова Г. Г.*

2. Согласиться с предложением академика *А. П. Окладникова* об организации Сибирского Отделения Археографической комиссии.

Утвердить председателем Сибирского Отделения академика *Окладникова А. П.*, заместителем председателя — *Покровского Н. Н.*

Академик-секретарь Отделения истории АН СССР
академик *Е. М. Жуков.*

Ученый секретарь Отделения истории
АН СССР *А. О. Чубарьян.*

СОСТАВ

Северного отделения Археографической комиссии АН СССР

(Утверждено Бюро Археографической Комиссии АН СССР в октябре 1969 года)

Колесников П. А. — кандидат исторических наук, проректор Вологодского педагогического института, председатель.

Безносиков Я. Н. — доктор исторических наук, зав. отделом этнографии и археологии Коми филиала АН СССР, зам. председателя.

Фруменков Г. Г. — доктор исторических наук, ректор Архангельского педагогического института, зам. председателя.

Авдеев В. А. — кандидат исторических наук, Вологодский филиал Северо-Западного политехнического института.

Аксенов А. Н. — кандидат исторических наук, проректор Архангельского пединститута.

Бланк А. С. — доктор исторических наук, Вологодский пединститут.

Балуева Д. Д. — кандидат исторических наук, Коми филиал АН СССР.

Васильев Ю. С. — Вологодский пединститут.

Воропанова Т. М. — директор Вологодского областного архива.

Дмитриева В. А. — кандидат исторических наук, Вологодский пединститут.

Дмитриков М. П. — директор Центрального Государственного Архива Коми АССР.

Елфимов В. Ф. — кандидат философских наук, Вологодский педагогический институт.

Иванов А. Н. — зам. завед отделом науки и учебных заведений Вологодского обкома КПСС.

Лебедев Н. В. — кандидат исторических наук, Вологодский пединститут.

Малков В. М. — зав. Вологодским отделением Северо-Западного книжного издательства.

Малиновский В. В. — кандидат исторических наук, Архангельский пединститут.

Новикова Е. В. — зав. архивным отделом Вологодского облисполкома.

Новожилов Ю. К. — кандидат исторических наук, проректор Архангельского пединститута.

Никольская М. Н.—кандидат исторических наук, Вологодский пединститут.

Овсянкин Е. И. — кандидат исторических наук, лектор Архангельского обкома КПСС.

Полуянов И. О. — зав. архивным отделом Архангельского облисполкома.

Резников Ф. И. — профессор Вологодского молочного института.

Рочев Н. Н. — кандидат исторических наук, Коми филиал АН СССР.

Руденко П. Ф. — зав. партархивом Архангельского обкома КПСС.

Смирнов А. В. — кандидат педагогических наук, Вологодский пединститут.

Некрасов К. В. — кандидат исторических наук, Вологодский пединститут.

Соллертинский Е. Е. — кандидат филологических наук, Вологодский пединститут.

Ушакова Н. А. — зав. партархивом Вологодского обкома КПСС.

Хохолков Н. М. — кандидат исторических наук, ректор Вологодского пединститута.

Цинман А. З. — кандидат исторических наук, Вологодский пединститут.

Шабалова Л. С. — кандидат исторических наук, отдел истории Коми филиала АН СССР.

С. О. Шмидт

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И ЕЕ ФИЛИАЛОВ

Археографическая комиссия при Отделении истории Академии наук СССР — Научный совет по археографии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам была основана в апреле 1956 г. по почину и под председательством академика Михаила Николаевича Тихомирова, приложившего много усилий для определения основных направлений и форм ее работы.

Задачи и формы работы Комиссии были выработаны в результате обсуждения предложений членов Комиссии и заинтересованных специалистов уже на общем собрании Комиссии в октябре 1956 г. Задачи эти затем пересматривались, расширялись, конкретизировались (это отражено в хроникальных материалах «Археографических ежегодников», издаваемых Комиссией с 1957 г.); пересматривался, расширялся и состав Комиссии; в настоящее время Комиссия существенно расширена прежде всего путем включения работников архивов, сотрудников периферийных научных учреждений, преподавателей вузов. Среди членов Комиссии — академики, члены-корреспонденты АН СССР и Академий союзных республик. В 1965 г. было создано Ленинградское отделение Археографической комиссии, начавшее регулярно издавать сборники «Вспомогательные исторические дисциплины» под редакцией С. Н. Валка.

Следует различать понятия «Археографическая комиссия», как небольшой коллектив научных сотрудников, занятых по преимуществу составлением обозрений и каталогов архивных материалов и публикаций, правил издания и описания документов, специальных словарей и библиографий, а также научно-издательской деятельностью, и как Научный совет со всеми функциями научно-методического и научного координирующего органа, хотя теснейшая взаимозависимость их работы несомненна.

На Археографическую комиссию, как на Научный со-

вет, возлагаются обязанности анализа современного состояния работ в области вспомогательных исторических дисциплин, координации перспективного планирования исследовательских работ научных учреждений и кафедр вузов в этой области, осуществления научно-методического руководства их деятельностью, а также деятельностью археографических экспедиций, осуществления контроля за сохранностью памятников письменности (прежде всего находящихся вне системы Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Архива АН СССР), организации их научного описания и информации о письменных богатствах нашей страны, научной публикации письменных источников и выработки правил публикации документов, составления справочных пособий (терминологических, библиографических и др.), необходимых для работы археографа и источниковеда.

Археографическая комиссия призвана координировать соответствующую работу не только в области изучения письменных источников на русском языке, но и на языках других народов Советского Союза; задачей ее является и изучение вспомогательных исторических дисциплин в области всеобщей истории.

Соответственно Археографическая комиссия имеет право: вносить рекомендации о тематике диссертаций, а также рекомендовать к защите в качестве диссертаций результаты исследований по профилю Совета; получать в соответствующих учреждениях информацию о состоянии работы в области вспомогательных исторических дисциплин, планирования археографических экспедиций и результатах их деятельности, степени сохранности памятников письменности, направлять консультантов для ознакомления с письменными источниками и их описаниями и определения тематики работ археографических экспедиций на местах.

Естественно, что успешную работу во всех этих направлениях можно вести только при согласованных действиях с институтами и другими научными советами Академии наук и ее филиалов, Академий наук союзных республик, с Главным архивным управлением и архивами, вузами, музеями и библиотеками страны.

Археографическая комиссия не менее двух раз в год проводит конференции, посвященные актуальным вопросам археографии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин — в мае — июне «Тихомировские чтения» (с 1968 года; первые «Тихомировские чтения» были посвящены 75-летию со дня рождения М. Н. Тихомирова) и в декабре,— что позволяет получать информацию о состоянии изучения этих дисциплин, определить перспективы их развития.

Предполагается провести конференции об изучении и преподавании источниковедения и археографии [1], об изучении и преподавании других специальных (или вспомогательных) исторических дисциплин (палеографии, метрологии, хронологии, нумизматики, сфрагистики, эмблематики и др.) [2], об изучении и издании древних рукописей [3], об итогах деятельности и методике работы археографических экспедиций, об обобщении опыта публикации архивных материалов по отечественной истории (совместно с ГАУ при СМ СССР), по теоретическому источниковедению (Сборники этой тематики «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» будут готовиться теперь совместно Институтом всеобщей истории АН СССР и Археографической комиссией) [4].

Проводятся совещания в различных городах страны с участием представителей Археографической комиссии (в 1968 г. такие совещания были в Ленинграде, Минске, Перми). На заседаниях Археографической комиссии в Москве регулярно заслушиваются и обсуждаются доклады ученых (из Москвы и других городов).

Естественно, что первостепенное внимание уделяется изучению материалов ленинской тематики. Эти материалы занимают значительное место и в изданиях Комиссии, прежде всего, в «Археографическом ежегоднике», сборниках «Вспомогательные исторические дисциплины».

В Археографической комиссии — при участии сотрудников многих учреждений — продолжается работа по составлению Сводного каталога рукописных книг (по XV век включительно), хранящихся в СССР. Предварительный список славяно-русских рукописей уже опубликован. Начали работу группы по составлению каталогов рукописей на греческом и латинском языках; такая же работа запланирована по рукописям на восточных языках. Составляется хронологическое обозрение писцовых книг и сотных выписей Российского государства, охватывающее пока данные по XVI веку. В плане Комиссии работа по выявлению, обозрению, каталогизации и изданию неопубликованного творческого наследия историков. Сотрудники Комиссии дают

---

[1] Конференция состоялась в декабре 1968 г. в Москве при участии специалистов из Ленинграда, Минска и других городов. (См. «Археографический ежегодник за 1968 год»).

[2] Всесоюзная конференция этой тематики «Тихомировские чтения 1969 года» состоялась в июне 1969 г. в Ленинграде.

[3] Всесоюзная конференция этой тематики (организованная совместно с Институтом рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР) состоялась в ноябре 1969 г. в г. Тбилиси).

[4] О планах научной работы Комиссии см. «История СССР» 1970, № 1, стр. 226, 227.

консультации по вопросам местонахождения, публикации, комментирования источников.

Археографическая комиссия выпускает «Археографические ежегодники», в которых принимают участие ученые (в том числе и начинающие) многих районов страны. В Ежегоднике четыре раздела: I. Статьи и сообщения; II. Обзоры, описания, библиография; III. Публикации; IV. Хроника.

В Ежегоднике за 1968 г. публикуется как раз хроникальное сообщение о большой многообразной работе по выявлению и изучению источников по аграрной истории Европейского Севера СССР, проводимой под руководством ученых Вологодского педагогического института и прежде всего П. А. Колесникова, а также и некоторые другие материалы, относящиеся к истории русского Севера.

Археографической комиссией готовятся издания (совместно с ГАУ при СМ СССР и другими учреждениями) памятников отечественной истории, описаний архивных материалов, тематических сборников статей, исследований по истории архивного дела и археографии, фототипические издания отдельных уникальных рукописей. В издательстве находится «Пособие по внешним признакам документов советской эпохи» (в двух выпусках). На Археографическую комиссию (совместно с другими учреждениями) возложена подготовка к печати трудов ее покойных председателей академика М. Н. Тихомирова[5] и члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова.

В издательстве находится первый выпуск серии аннотированных библиографий основной литературы по специальным историческим дисциплинам (по славяно-русской палеографии — составитель В. Б. Павлов-Сильванский). Планируется (совместно с сектором археографии ВНИИДАД при ГАУ СССР) составление аннотированной библиографии по археографии. Подобные работы — обязательное предварительное условие для подготовки обобщающего труда по специальным историческим дисциплинам. К предстоящему Всемирному конгрессу архивистов, который намечено провести в 1972 г. в Москве, предполагается подготовить обзорные работы по истории развития советской археографии, источниковедения и других специальных исторических дисциплин.

Особое место в деятельности Археографической комиссии занимает совместная работа с научными учреждениями и вузами других городов по выявлению, описанию, изу-

[5] Три тома трудов М. Н. Тихомирова уже изданы издательством «Наука». «Русская культура X—XVIII веков» (М., 1968), «Классовая борьба в России XVII в.». (М., 1969), «Исторические связи России со славянскими странами и Византией» (М., 1969 г.).

чению и публикации исторических памятников. В пределах РСФСР подобная работа особенно интенсивно ведется в Новосибирске (там ежегодно организуются и широкого профиля археографические экспедиции с участием собственно историков, этнографов, литературоведов, филологов, причем не только опытных уже специалистов, но и студентов). Интересная программа работ намечена в Перми, где предполагается издавать периодическое издание «Материалы по истории Приуралья» типа «Археографического ежегодника» (отв. редактор — ректор Пермского университета профессор Ф. С. Горовой).

Есть основания полагать, что имеются уже возможности для образования Северного отделения Археографической комиссии с центром в Вологде. В этом прежде всего убеждает сам факт созыва настоящей конференции. Ученые Академии наук СССР придают большое значение конференции. Конференция — показатель и серьезного интереса к всестороннему изучению отечественной истории (и ее общих закономерностей и особенностей регионального развития), и несомненных достижений историков, работающих на Европейском Севере нашей страны.

На конференции собрались из различных районов Вологодской и Архангельской областей и Коми АССР партийные и советские работники, преподаватели вузов, сотрудники научно-исследовательских институтов, архивов, музеев, библиотек, учителя и краеведы, аспиранты и студенты. Отрадно, что на конференции выступают с докладами и сообщениями по источниковедению и историографии Европейского Севера СССР и специалисты из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Мурманска. Особенно радует то, что среди докладчиков — и притом докладчиков, подготовивших высококвалифицированные сообщения, — аспиранты и студенты.

Вологодская область — область молодежная, и участие молодежи в работе конференции — залог дальнейшей успешной работы! Конференция является хорошим примером сотрудничества ученых разных городов, разных учреждений и разных поколений в решении важных проблем нашей истории. Значение конференции и обсуждаемого перспективного плана научных работ выходит за пределы мероприятий местного значения. Это может стать образцом и для других регионов страны и стимулом дальнейшего развертывания там научно-исследовательской и краеведческой деятельности.

В Вологде в 1967 г. при участии покойного председателя Археографической комиссии и руководителя Комиссии по истории крестьянства и сельского хозяйства Института истории СССР АН СССР В. И. Шункова проходила научная

конференция по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Очень содержательный том трудов этой конференции недавно опубликован.

Тематика настоящей конференции более широка и многообразна. Наряду с обсуждением вопросов аграрной истории, предусматривается рассмотрение и таких проблем, как история города и рабочего класса, история революционного движения и социалистического строительства, история культуры. Особое внимание уделяется изучению различных разновидностей исторических источников, методике исторического исследования. И это как раз отвечает современным запросам исторической науки.

В настоящее время наблюдается все возрастающий интерес к вопросам источниковедения и специальных исторических дисциплин. Этой проблематике уделяется все большее внимание в Институтах Академии наук СССР и Академий наук союзных республик, в высших учебных заведениях, что свидетельствует о повышающемся уровне самой методики исторических исследований. В то же время тревогу научной общественности вызывает малочисленность специалистов в области специальных исторических дисциплин; об этом говорили на заседаниях в Академии наук СССР академики Е. М. Жуков и Б. А. Рыбаков и счел необходимым напомнить в статье, посвященной выполнению Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», академик А. М. Румянцев [6].

Всестороннее изучение исторических источников рассматривается как обязательное условие для развития самостоятельной мысли студентов. В среде научной молодежи все сильнее тяга к проблематике источниковедения. Выделяются места в аспирантуру для специализации в этих областях исторической науки. Специально обсуждаются программы и приемы преподавания источниковедения в вузах (в журналах имели место дискуссии о преподавании источниковедения истории КПСС, новой и новейшей истории), методы прикладного источниковедения, в частности, в краеведческой работе музеев и школ [7].

Многообразная краеведческая и публикаторская работа получают все более ощутимую поддержку. А с подъемом публикаторской работы, усилением интереса народа к своим рукописным богатствам и невиданным прежде расширением краеведческой деятельности существенно возрастают

---

[6] См. А. М. Румянцев. Общественные науки в СССР и современность. «Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 12.

[7] Подробнее см. С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения — в кн. «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 7—9.

и научно-общественные обязанности источниковедов, призванных помогать более углубленному познанию истории, дальнейшему выявлению и сохранению исторических памятников, распространению исторических знаний.

Направления и формы организации работы Северного отделения Археографической комиссии определяются прежде всего особенностями местных условий, сложившимися местными традициями. Деятельность Археографической комиссии в целом может служить — и то лишь в известной степени — только макромоделью для деятельности ее отделений, также как и структура и состав «Археографического ежегодника» и других изданий Комиссии, макромоделью для региональных изданий подобного же типа.

Желательно было бы с самого начала четко определить возможный тематический круг проблем, привлекающих преимущественное внимание Отделения. Представляется, что тематика эта в основном связана с историей Северного региона Европейской России. Изучение этого региона позволяет с большой наглядностью выявить общее и особенное в истории нашей страны, обнаружить как проявлялись общие закономерности исторического процесса в своеобразных местных условиях.

Общеизвестно, что социально-экономическое развитие разных регионов огромной страны в дореволюционное время происходило неравномерно. Причем именно на севере Европейской России рано обнаружились заметные (и для Севера и для страны в целом) последствия хозяйственной колонизации русскими людьми малообжитых земель, в том числе и в плане взаимоотношений русского и нерусских народов. На Севере (в Поморье), не испытавшем таких страшных тягот крепостничества как центр России, особенно рано проявились и элементы предбуржуазных (или даже буржуазных) социально-экономических отношений (об этом интересно написано в недавней работе Н. Е. Носова).

На Севере дольше, чем в других регионах страны, удерживались исконные элементы древнерусской культуры (перенесенные затем и в Сибирь), где они и по сей день наблюдаются еще в глухих местах), и в то же время более близким, чем в других городах было первоначально (в XVI—XVII вв., вплоть до строительства Петербурга) общение с западно-европейцами.

Очень заманчива перспектива изучения местных «культурных гнезд» (в этом плане — вслед за Н. К. Пиксановым — плодотворно работают специалисты в области истории литературы и искусства). Сейчас выявлены уже существенные особенности развития культуры отдельных районов страны, обнаруживаемые, в частности, в развитии местной литературы, в репертуаре чтения, даже в почерках

рукописей, в памятниках фольклора, изобразительного искусства, в предметах бытового обихода. Особенно велика была роль представителей передовой общественно-политической мысли — ссыльно-поселенцев в развитии местной культуры, в демократизации ее. Очень поучительно и в общесоциологическом плане изучение особенностей советского хозяйственного и культурного строительства, когда отсталый прежде и в основном аграрный район стал районом высокоразвитой разнообразной промышленности.

Северное отделение Комиссии могло бы привлечь научную общественность к осуществлению задач, требующих коллективных усилий. При организации такой работы полезно было бы прежде всего опереться на имеющийся уже опыт, в частности, на опыт Вологодского пединститута по выявлению и сосредоточению (в микрофильмах, фотокопиях, машинописных и рукописных копиях) материалов по аграрной истории, находящихся в различных хранилищах страны, по разработке примерной программы сбора сведений по истории сел и деревень, колхозов и совхозов, Архангельского пединститута (проф. Г. Г. Фруменкова и др.) по изучению материалов о жизни и творчестве Ломоносова, Череповецкого пединститута (проф. А. С. Бланка и др.) по выявлению и изучению данных о письмах трудящихся Ленину, ученых Коми АССР по написанию коллективных трудов по истории своего края, на опыт составителей хрестоматий по истории отдельных областей и городов Севера Европейской России, на опыт собирательской, публикаторской и научно-пропагандистской деятельности архивов, музеев, библиотек, отдельных краеведов — и таких известных, как заслуженный учитель из Тарноги А. А. Угрюмов и начинающих краеведов — вчерашних выпускников вузов, организаторов уголков по истории своих заводов, колхозов, школ. Вероятно, немало полезного можно было бы почерпнуть и из опыта краеведов 1920-х годов.

Наука, как известно, начинается с осведомленности. Полезно было бы подготовить и напечатать (типографским или ротапринтным способом) перечни и обзоры архивных материалов и прежде всего так называемых массовых источников по разновидностям (например, по периоду феодализма сведения о писцовых и переписных книгах, таможенных книгах, ландратских книгах, монастырских хозяйственных книгах и др., находящихся и в местных, и в центральных архивах).

Очень важно было бы подготовить и тематические обзоры документов (например, о крестьянском движении, о стачках, о ссыльных революционерах, о культурном строительстве, об участии в Великой Отечественной войне и т. д., и т. п.), обзоры дневников и мемуаров, хранящихся в раз-

личных собраниях северного региона, а также обзоры материалов отдельных небольших архивов и коллекций. При этом желательно предварительно разработать единую методику выявления и обозрения таких материалов (с учетом и территориальных и хронологических особенностей).

Хорошо было бы специально запланировать составление трудов по методике исследования различных источников (и прежде всего таких, которые наиболее типичны среди материалов по истории Севера). К подобной работе можно было бы привлечь не только местных ученых, но и ученых Москвы и Ленинграда и других городов, занимающихся в исследовательском плане историей Севера нашей страны.

Отделению Комиссии следовало бы оказать содействие в подготовке «Свода памятников» (работу эту возглавляет Всероссийское общество по охране памятников истории и культуры). Предполагается учитывать и описывать и памятники производственной (трудовой) деятельности, и памятники и памятные места, раскрывающие общественную деятельность людей: связанные с историей классовой борьбы, государственного строительства, борьбы за независимость страны, с развитием просвещения, с жизнью и творчеством выдающихся деятелей прошлого. Выявление и описание этих памятников потребует и выявления архивной и печатной документации. В частности, могло бы облегчить эту работу привлечение данных, так называемых церковных летописей, составлявшихся в конце XIX в., в особых книгах, согласно инструкциям, полученным из духовных консисторий. В этих книгах содержатся не только сведения о памятниках старины, народных преданиях, местах захоронения и т. д., но и данные о населении церковной округи, занятиях его, рыночных связях, урожаях, образовании и др. А это особенно интересно потому, что сведения относятся к годам, близким ко времени написания В. И. Лениным «Развития капитализма в России». Тем самым возникает возможность конкретизировать общие положения классического ленинского труда применительно к истории отдельных микрорайонов. Между тем, так называемые «церковные летописи» до сих пор еще не только слабо используются историками, но остаются зачастую неучтенными.

Важно было бы обобщить данные (в том числе архивные) о ссыльных революционерах, а затем и подготовить особый биографо-библиографический словарь этой тематики. Такие же словари можно было бы посвятить местным революционерам, активным участникам борьбы за установление Советской власти и социалистическое строительство, героям Великой Отечественной войны, деятелям культуры. Здесь, конечно, необходимо было бы учесть материалы музеев (в том числе и школьных) и местных — район-

ных, заводских газет. Хорошо было бы возродить и традицию составления словарей краеведов, включающих и списки опубликованных и рукописных трудов их, и вообще заняться в исследовательском плане — с обязательным привлечением архивных материалов — историей советского краеведения и архивного строительства.

Важным условием дальнейшего развития краеведения является составление обзоров накопленных материалов по истории края (в частности, материалов отдельных музеев, а также частных коллекций) и библиографических справочников. Как не достает сводной библиографии материалов по истории отдельных краев, библиографии, включающей и мелкие публикации и заметки в местной печати (вплоть до районных газет, газет предприятий)! Такая библиография поможет и выявлению наиболее ценных в научном отношении трудов историков-любителей. Хорошо было бы издать и справочник об опубликованных материалах, хранящихся в архивах) и об использовании архивных материалов учеными (с указанием тематики их работ). Таким знатокам архивных богатств и друзьям посетителей архивов, как, например, Е. С. и И. О. Полуяновы в Архангельске, было бы, думается, не так сложно подготовить подобную работу.

Интересно было бы выявить и ненапечатанные труды ученых по тематике истории русского Севера или хотя бы фрагменты, заготовки таких трудов — и исследовательские работы, и копии документов, и записи впечатлений о пребывании на Севере. С каким интересом познакомились мы недавно с дневниковыми записями М. Н. Тихомирова, составленными в 1952 г. в дни его поездки по северным городам, как приоткрыли они нам окно в творческую лабораторию ученого [8]. Немало можно почерпнуть из отложившихся в архивах материалов краеведческой деятельности в первые годы Советской власти. Так, например, в Вологодском областном архиве имеются тексты докладов краеведов, машинописные сборники документов.

Целесообразно было бы организовать собирание памятников прошлого у населения, а также запись воспоминаний ветеранов революционного движения, социалистического строительства, участников Великой Отечественной войны. Следует продумать и возможные маршруты археографических экспедиций — на Севере сохранилось еще много старинных рукописей (это доказывают прежде всего результа-

[8] В Великом Устюге и Сольвычегодске — в кн. М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков, стр. 410—412. См. также С. О. Шмидт. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова) — в кн. «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 14—16.

ты экспедиций В. И. Малышева). Серьезную научную ценность могут представлять и документы, более близкие к нам по времени, не говоря уже о большом значении таких документов для патриотического воспитания. Необходимо при этом разработать методическое пособие или хотя бы методическое письмо, адресованное краеведам-любителям, и прежде всего юным энтузиастам-следопытам, о приемах собирания, фиксирования, описания, хранения документальных материалов.

Богатые коллекции архивов и музеев позволяют запланировать и серьезные исследования в области палеографии (здесь значительную помощь историкам могут оказать и филологи), истории древнерусской книги, метрологии, сфрагистики, нумизматики, геральдики и т. д. Особый интерес представляют исследования в области топонимики и ономастики — в этом плане можно было бы запланировать совместную работу не только с филологами, но и с географами.

Естественно ожидать, что Отделение Археографической комиссии будет уделять внимание и издательской деятельности — публикации документальных материалов, исследований, обзоров, каталогов, терминологических и библиографических справочников. Очевидно, можно было бы регулярно готовить периодические издания типа «Археографического ежегодника» с участием широкого круга авторов и не только местных, но и тех, кто специально занимается вопросами истории Европейского Севера СССР, с тем, чтобы это издание стало признанным средоточием материалов соответствующей тематики. В этом издании целесообразно было бы отвести значительное место хроникальным материалам, отражающим во всем многообразии состояние собирания, изучения и издания источников — как по тематике истории Севера, так и вообще в северном регионе Европейской России, в частности, хронике заседаний Северного отделения Комиссии (при этом желательно печатать не только доклад или его резюме, но и материал прений). Полезно было бы с самого начала уделять должное внимание и библиографии, а также публиковать и обзоры литературы соответствующей тематики, рецензии на подобные издания, материалы об обсуждении таких изданий.

Вероятно будут возможности и для разработки плана совместных изданий Отделения Археографической комиссии и других учреждений (архивов, вузов, библиотек, музеев и др.). Такими изданиями могут быть и документальные публикации, и обзоры, описания архивных и музейных материалов, и библиографические справочники, и сборники исследовательских работ и материалов об опыте школьного краеведения, наконец, хрестоматии, документальные сборники, и книги и брошюры, предназначенные для самого ши-

рокого читателя. Возможны и различные формы издания, в том числе и малотиражные и ротапринтные, заведомо рассчитанные на читателя-специалиста. Желательно было бы при этом, чтобы круг авторов не ограничивался только известными уже учеными — на страницах изданий Археографической комиссии находят место для трудов и сотрудников архивов и музеев и начинающих ученых-аспирантов и даже студентов, и любителей-краеведов.

Разумеется, этот перечень тем, направлений и форм деятельности Отделения Археографической комиссии может и должен быть дополнен специалистами, более осведомленными о состоянии изучения материалов по истории Севера Европейской России. Сейчас самое важное определить среди многих возможных направлений работы первоочередные, уточнить задачи, выполнение которых наиболее вероятно при использовании имеющихся научных сил.

Учеными Севера Европейской части СССР сделано уже очень много для изучения прошлого своего края. Наметились уже и плодотворные организационные мероприятия дальнейшего совершенствования этой деятельности. Хочется выразить уверенность в том, что конференция положит начало организации систематического планомерного выявления, изучения и популяризации источников по истории Севера Европейской части нашей страны с привлечением широкого круга заинтересованных лиц, побудит к новым творческим исканиям.

667913

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

I

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. С. Бланк, В. А. Сазонова

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВОЛОГОДЧИНЫ

Среди многочисленных источников по истории отдельных районов нашей страны и даже отдельных краев, областей и городов важнейшее место принадлежит ленинским трудам, статьям и заметкам, а также письмам, телеграммам и другим документам, которые вводят нас в лабораторию ленинской мысли и сложный механизм его практической деятельности по руководству партией и государством.

Нередко всего несколько строк, содержащиеся в ленинской работе, та или иная оценка или характеристика как бы «мимоходом», брошенная Ильичем, несет настолько большую смысловую нагрузку, что, как правило, становится ключом для объяснения сложных социально-экономических и исторических явлений.

Драгоценные россыпи ленинских мыслей содержатся часто в воспоминаниях посланцев губерний, городов, волостей, рабочих, крестьян и красноармейцев, советских и партийных работников с мест, бывавших у В. И. Ленина, слушавших его выступления или работавших под его руководством.

Ленинское наследие играет, в частности, особую роль в изучении вопросов о связи партии и трудящихся с массами, о нерушимом единстве партийного руководства и народа. Это выпукло прослеживается, например, на материалах, характеризующих связи В. И. Ленина с вологодскими рабочими и крестьянами как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и в первые годы Советской власти.

Изучая ленинское наследие, разбирая архивы и газеты первых лет Советской власти, мы нередко обнаруживаем все новые и новые — невидимые, но прочные нити, так или иначе связывающие В. И. Ленина с трудящимися всей нашей страны и многих ее районов, в том числе одной из крупных северных губерний — Вологодчины. Факты, дета-

ли, письма, документы дополняют и обогащают картину, отражающую влияние ленинских идей и дел на судьбы трудящихся.

Связь В. И. Ленина с Вологодским краем обнаруживается почти сразу после приезда молодого Ленина в Петербург. Широко известно, как высоко ценил Владимир Ильич замечательного революционера Ивана Васильевича Бабушкина. Выходец из бедной крестьянской семьи, Иван Васильевич целиком посвятил себя борьбе за освобождение рабочего класса, вырос в народного героя. Встреча И. В. Бабушкина с В. И. Лениным стала самой значительной вехой в жизни молодого рабочего и определила весь его дальнейший жизненный путь. И. В. Бабушкин был, вероятно, одним из первых наших земляков, с которым лично познакомился и вместе работал В. И. Ленин в середине 90-х годов в Петербурге. «Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу... Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин... С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации» [1] — писал В. И. Ленин.

Посланцем ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» был питерский рабочий Егор Хренов, который в середине 90-х годов вел революционную работу среди череповецких речников, грузчиков, рабочих лесных промыслов.

Положению крестьян в царской России и разработке аграрной программы РСДРП Владимир Ильич уделял большое внимание. В аграрной стране, какой была царская Россия, только союз с крестьянством мог обеспечить пролетариату победу в революции. А дать правильную программу, такую, которую бы поддержало крестьянство, можно было только изучив жизнь крестьян России.

Характеризуя земельный фонд России, В. И. Ленин отмечал, что «в число казенных земель наша статистика вводит свыше сотни миллионов десятин на дальнем Севере, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской» [2], но «для сельского хозяйства эти земли не пригодны: это тундры и леса далекого Севера. Обыкновенно ссылаются на эти земли только для того, чтобы *затемнить* действительное распределение той земли, которая в состоянии служить для сельского хозяйства» [3].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 20, стр. 79—82.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 60.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 263.

Известно, например, что в Вологодской губернии было развито молочное хозяйство. Изучив показатели о количестве молочной продукции, производимой в губернии, проникнув в глубь явления, проанализировав цифры и факты, Владимир Ильич установил, что развитие молочного хозяйства не улучшало, а значительно ухудшало положение крестьянства в его громадном большинстве, ухудшало питание крестьянских детей. Молоко, ставшее товарной продукцией, все меньше употреблялось в бедняцком и даже среднем хозяйстве, детям давали «обрат» — отходы от маслоделия. Молоко, сметана, масло шли на рынок.

«...Около половины крестьянских дворов (бескоровные и однокоровные) могут принимать лишь отрицательное участие в благах молочного хозяйства. Крестьянин, имеющий 1 корову, станет продавать молоко лишь из нужды, ухудшая питание своих детей» [4].

В. И. Ленин резюмировал по этому поводу: «У капитала есть все новейшие усовершенствования и способы не только для отделения сливок от молока, но и ...для отделения молока от детей крестьянской бедноты» [5].

В. И. Ленин видел социальные последствия развивающегося в русской деревне капитализма, видел начало расслоения крестьянства и обострение классовой борьбы. Не бывая в вологодских селах и деревнях, Ленин сумел не только рассмотреть их жизнь, но найти и показать все особенности ее, отразить лицо послереформенной Вологодчины.

Одним из важных каналов, через который проникали в наш край ленинские идеи, была вологодская политическая ссылка. Много выдающихся революционных деятелей отбывало ссылку на территории нашей области, непосредственно общаясь с рабочими и крестьянами. И, может быть, и поэтому В. И. Ленин с таким вниманием следил за тем, как в отдаленной губернии царской России под воздействием революционных идей поднимался народ на борьбу за свои права.

Вспомним хотя бы «перекличку» с В. И. Лениным выдающегося русского марксиста Н. Е. Федосеева, отбывавшего ссылку в Сольвычегодске или обратимся к письмам Владимира Ильича родным в Вологду, когда здесь отбывала ссылку (1912—1914 гг.) сестра Ильича — Мария Ильинична Ульянова.

Почти ни одно более или менее значительное событие в жизни рабочих и крестьян Вологодчины не ускользнуло от пристального внимания Владимира Ильича, где бы в то время он ни находился.

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 273.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 263.

1906 год. Черносотенные банды бесчинствуют в Вологде. Гневно пишет об этом В. И. Ленин в газете «Вперед»: «Старая знакомая картина!.. Зверское избиение вооруженными безоружных, комедия суда и следствия, производимых самими виновными. И могут еще находиться люди, которые, видя эти явления русской жизни, думают и говорят, будто чье-то «легкомыслие» призывает народ к «крайним средствам»!. Не только легкомыслие нужно, нужна дрянность души, нужна политическая испорченность, чтобы говорить подобные вещи перед лицом таких событий, как сожжение Народного дома в Вологде (начало заседаний Гос. думы), или белостокский погром (месяц заседаний Думы). Миллионы призывов не произведут на народ и сотой доли того действия, как одно такое событие. И говорить о «легкомыслии» призывов — такое же беспросветное педантство, такое же гражданское омертвление, как осуждение бешеного крика мести, несущегося с поля вологодских и белостокских сражений» [6].

А через четыре года снова полные возмущения и гнева слова о зверствах царских карателей, которые не в состоянии, однако, задержать назревающий революционный подъем в стране. «В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их героическую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции» [7]. Так писал В. И. Ленин в статье «Начало демонстраций», отмечая первые признаки оживления рабочего движения после нескольких лет реакции.

Внимательно следил Владимир Ильич за изменениями в уровне классовой борьбы в этих районах страны. Он с удовлетворением отметил в конце 1910 года, что «...в некоторых производствах и в некоторых районах с 1906 по 1907 г. наблюдается не упадок, а усиление стачечного движения. Пока отметим, что погубернские данные о числе рабочих, действительно участвовавших в стачках, показывает следующее интересное явление. С 1905 года по 1906 год процент рабочих, участвовавших в стачках, понизился в громадном большинстве губерний с развитой промышленностью; но

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 199—200.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 74—75.

есть ряд губерний, в которых этот процент *повысился* с 1905 по 1906 год. Это — наименее промышленные, наиболее захолустные, так сказать, губернии. Сюда относятся, например, губернии дальнего севера: Архангельская (11 тыс. фабрично-заводских рабочих; 1905 г. 0,4 проц. раб., участвовавших в стачках; 1906 г. — 78,6 проц.; Вологодская 6 тыс. фабр.-завод. рабочих; 26,8% — 40,2% за те же годы)...» И далее: «Ясно, какое значение имеет повышение процента участников стачек в этих губерниях с 1905 по 1906 год: до них волна не успела докатиться в 1905 году, они начали втягиваться в движение лишь после годовой, невиданной в мире борьбы более передовых рабочих. С этим явлением, очень важным для понимания исторического хода событий, мы встретимся неоднократно в дальнейшем изложении» [8].

Высокой оценкой революционной активности передовых рабочих Вологды звучали ленинские слова, написанные в «Правде» в июле 1912 года. В статье «Итоги полугодовой работы» Владимир Ильич отметил, что в числе передовых пролетариев страны рабочие Вологды материально поддержали большевистскую «Правду», собрали в ее фонд» [9].

И спустя семь лет, весной 1917 года, Ильич также внимательно отмечает и поддерживает каждый подлинно революционный шаг вологодских рабочих. Интересно отметить, например, что Владимир Ильич записал в свой блокнот содержание выступления делегата большевиков Сухоны на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) [10]. Сухонский Совет, в котором преобладали большевики, осуществил серьезные преобразования: ограничил продолжительность рабочего дня, принял меры к защите интересов крестьян близлежащих деревень.

Живой интерес к жизни трудового человека — рабочих, крестьян — был органически присущ Ленину всю жизнь — и тогда, когда он в качестве политического ссыльного дописывал в далеком Шушенском свой капитальный труд «Развитие капитализма в России», и спустя два десятилетия, когда он возглавил Советское правительство.

В трудные годы гражданской войны, когда все силы страна напрягала для защиты социалистического Отечества, первые шаги молодой Советской власти исключительно интересовали Ильича. Создание и деятельность комитетов бедноты, работа первых большевистских ячеек находились под непосредственным контролем центральных органов партии.

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 381, 382.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 427—440.
[10] Ленинский сборник, XXI, стр. 47.

В соответствии с ленинской идеей повсеместно летом 1918 года начали создаваться комитеты бедноты. В Череповецкой губернии, например, к ноябрю их насчитывалось уже 505.

Имя В. И. Ленина было широко известно крестьянам губернии. Об этом говорит, например, такой далеко не единственный факт — беднота села Михайлово Нелазской волости избрала В. И. Ленина почетным членом своего комитета бедноты.

Владимир Ильич внимательно следил за деятельностью комитетов бедноты. Он высоко оценил, например, съезд комитетов бедноты северных губерний, проходивший в Петрограде с 3 по 6 ноября 1918 года. На этом съезде присутствовали представители бедноты от восьми северных губерний. Многочисленной была делегация Череповецкой губернии — 1893 делегата, или 12,9 процента от общего числа. Характеризуя этот съезд, В. И. Ленин писал, что «...гражданская война в деревне понята правильно: беднота объединяется и дружными рядами борется против кулаков, богатеев и мироедов» [11].

Трудящиеся крестьяне понимали, что основная цель интервенции — это реставрация капитализма в России, возвращение земли кулакам и помещикам. Поэтому в многочисленных письмах Ленину, резолюциях собраний крестьяне Вологодской, Северо-Двинской, Череповецкой губерний заверяли дорогого Ильича, что они полны решимости постоять за Советскую власть. Так, в письме В. И. Ленину, принятом III объединенным съездом Советов Вологды и Вологодского уезда 1 июля 1919 года, делегаты писали: «Съезд заявляет вам, Владимир Ильич, что все свои силы отдает на завершение борьбы рабочих и крестьян за социализм».

Владимир Ильич был организатором и руководителем, душой борьбы за Советский Север, которую рабочие и крестьяне вели против иностранных интервентов. Достаточно перечитать ленинские телеграммы и записки этого периода, чтобы стало ясно, какую постоянную заботу проявлял Владимир Ильич о безопасности, обороне, отстаивании Севера.

Вот одна из многих телеграмм Ильича, посланная М. С. Кедрову, одному из посланцев ЦК, осуществлявшему руководство борьбой против интервентов.

«29. VIII. 1918 г. М. С. Кедрову.

Т. Кедров! Вы мало сообщаете фактического. Присылайте с *каждой оказией* отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 180.

По какой линии?

Какие пункты ж.-д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили серьезно **такое-то** (какое именно, надо дать отчет, и где именно) (количество) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности. Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.

Привет!

Ленин» [12].

«Необходимо... напрячь все силы для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейцами, явно готовящими измену в Вологде» [13].

А вот что вспоминал председатель Вологодского губкома партии и губисполкома М. К. Ветошкин: «Как только прошла первая угроза захвата Вологды десантом союзников, мы начали интенсивную мобилизацию сил против архангельской авантюры. Центральный комитет партии и лично В. И Ленин оказывали нам помощь советами, присылкой воинских сил...».

Назначенный на должность губернского военного комиссара в эти тревожные месяцы А. А. Медведев перед выездом в Вологду был принят В. И. Лениным. О беседе с Ильичем А. А. Медведев вспоминает: «То, что было сказано тогда Лениным, особенно памятно мне потому, что оценка, которую Владимир Ильич дал положению в северных районах страны и планам интервентов, поразили меня своей проницательностью. В. И. Ленин указал на опасность, которая угрожает стране с Севера. Запомнились его слова, в которых выражалась полная уверенность в нашей победе. Заканчивая беседу со мной, он сказал: «Враг будет разбит, если мы проявим революционную стойкость. Я ни минуты не сомневаюсь, что победа будет за нами» [14].

Самые важные государственные дела никогда не заслоняли от Ильича судьбы отдельных трудящихся, их чаяния и нужды, отражавшиеся в огромном потоке телеграмм, писем из городов и деревень необъятной страны.

Конец марта 1919 года. Республика в огненном кольце фронтов. Контрреволюционные заговоры. Голод и блокада. VIII съезд партии.

В этой напряженной обстановке, в эти загруженные до предела дни, решая массу неотложных политических, хозяйственных, военных вопросов, В. И. Ленин находил вре-

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 172.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 143.
[14] См. «О Владимире Ильиче Ленине». М., 1963, стр. 407.

мя и для разбора предложений, наказов, жалоб с мест. Для Ленина не было дел незначительных, мелких, если это касалось защиты интересов трудящихся. Вот почему и находит возможность Ильич конкретно заняться жалобой крестьянки из далекой вологодской деревни, обратившейся к нему, вождю партии и государства, со своей, пусть небольшой в масштабе государственных дел, но горькой для нее обидой.

Весна 1919 года была очень тяжелой в продовольственном отношении. 13 тысяч человек голодало только в одном Белозерском уезде Череповецкой губернии, было зарегистрировано около 50 случаев смерти от голода. По деревням шла реквизиция хлеба, и в этом деле не обошлось без отдельных ошибок и перегибов. У крестьянки деревни Новосела Покровской волости Белозерского уезда было отобрано 20 пудов хлеба, тех, что ей удалось сэкономить, чтобы прокормить своих детей. Попытка убедить волостные власти вернуть зерно не привели ни к чему. Тогда и посоветовал народный судья Фролов, как вспоминали много десятилетий спустя односельчане, «отбить телеграмму самому Ленину». 28 марта 1919 года эта телеграмма от вологодской крестьянки Ефросиньи Ефимовой, среди сотен телеграмм, приходящих на имя В. И. Ленина, была зарегистрирована в его секретариате. А уже 29 марта Череповецкий губисполком получил следующую телеграмму:

«Череповец.

Губисполкому.

Проверьте жалобу Ефросиньи Андреевой Ефимовой, солдатки деревни Новосела, Покровской волости, Белозерского уезда, на отнятие у нее хлеба в общий амбар, хотя у нее муж в плену пятый год, семья — трое, без работника. Результат проверки и ваших мер сообщите мне.

Предсовнаркома *ЛЕНИН*» [15].

5 апреля 1919 года в деревню Новосела приехал представитель губисполкома, убедился, что положение семьи требует немедленной помощи, и зерно было возвращено.

Далеко не единичный этот случай, когда В. И. Ленин лично рассматривал жалобы. А сколько рабочих и крестьян, ходоков со всей страны обращалось в то время за помощью к Ленину!

Вместе с посланцами от других областей страны бывали у Владимира Ильича в эти годы и представители трудящихся нашего края. У В. И. Ленина был первый председатель уездного, а затем и Череповецкого губернского испол-

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 272.

нительного комитета И. В. Тимохин. Член Череповецкого исполкома коммунист И. И. Козлов ездил к Ильичу за советом о национализации банков. Доклад В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Советов слушал делегат Череповца И. Гольдштейн, который рассказал затем череповецким трудящимся об этом событии.

В начале апреля 1919 года крестьянин В. Бахвалов из деревни Яганово Череповецкого уезда привез в Москву прошение своих односельчан. Владимир Ильич быстро нашел способ удовлетворить их просьбу и дал соответствующее поручение народному комиссару юстиции Д. И. Курскому [16].

Вот еще один из многочисленных примеров. Не позднее 22 марта 1919 года, прочитав письмо от крестьян Кадниковского уезда, в котором они жаловались на неправильное отношение к середнякам со стороны местных властей, В. И. Ленин пишет записку наркому внутренних дел Г. И. Петровскому о необходимости провести ревизию Корбангского волостного Совета Кадниковского уезда и навести там должный порядок. Текст поручения Г. И. Петровскому Владимир Ильич написал на следующем проекте телеграммы, написанной рукой Н. К. Крупской:

«В Корбангский волостной Совет Кадниковского уезда Вологодской губернии. Составьте немедля во всех деревнях списки избирателей в Совет, устраняя лишь заведомых кулаков и привлекая к выборам среднего крестьянина. По составлении списков назначьте перевыборы Совета. Будет произведена проверка. Виновные в неправильном составлении списков подлежат ответственности» [17].

Вскоре после этого, узнав о грубом отношении члена коллегии Народного комиссариата внутренних дел А. Г. Правдина к У. П. Мостаковой, доставившей жалобу вологодских крестьян, В. И. Ленин писал Г. И. Петровскому: «...надо Правдина пробрать с песком. Вы его не распускайте, а возьмите под надзор, у него есть склонность к глупому «командовению». Этому надо положить конец» [18].

Нужно было обладать ленинской политической прозорливостью, его непревзойденной чуткостью, чтобы в каждый момент точно угадать, что волнует умы и сердца трудящихся тамбовских и ярославских, рязанских и вологодских...

Чтобы постоянно ощущать пульс политических настроений в стране, Ленин умел внимательно слушать простых людей, угадывать за их бесхитростными письмами и просьбами контуры больших политических вопросов. Для проникновения в лабораторию ленинской мысли по таким, на-

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 273, 477.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 50, стр. 476.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 476.

пример, вопросам, как выработка политики партии по отношению к середняку или подготовка к переходу к новой экономической политике, небезынтересно обратиться к переписке Владимира Ильича с крестьянами, советскими и партийными органами нашего края. Вот, например, один из документов, подготовленный к печати сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

«8 октября 1918 г.

Владимир Ильич!

Считаю необходимым сообщить Вам о чрезвычайно важном явлении наблюдающемся сейчас в деревне.

С августа месяца мне по обязанности своей пришлось бывать в Костромской, Вятской, Вологодской и Череповецкой губерниях. В первое время кроме (и то редко) некоторого сочувствия к Советской власти или индифферентизма вообще в крестьянстве как массе встречать не приходилось. Потом, после сбора урожая стал бросаться в глаза появившийся у крестьян интерес к событиям. И хотя далеко не в достаточной форме, но приезжающие из Питера и Москвы товарищи своей агитацией удовлетворяют деревню, так что теперь можно с полной уверенностью констатировать прямой и безусловный перелом среди крестьянства как такового (как определенной в хозяйственном смысле категории).

Крестьянство стало изыскивать другие формы хозяйства, применительные к государственному строительству Советской власти. На днях председатель Череповецкого губисполкома в беседе со мной говорил: «... теперь они, убедившись, в правоте требования Советов, спрашивают, что надо сделать, чтобы зажить по-советскому.

Я, — говорил он, — рекомендовал организовать им коммуны».

Владимир Ильич, пишу Вам об этом потому, что считаю указанное явление чрезвычайно важным и что не только Вам, но всем товарищам, находящимся в центре, этого трудно подметить. Между тем в настоящий исторический момент Вы знаете как необходимо быть осведомленным о происходящем в толще крестьянской массы.

С товарищеским приветом

Наумов.

Если потребуются какие-либо разъяснения или дополнения, я рад буду сделать. Адрес мой: Вологда, Штаб Командующего, Наумову» [19].

Это письмо И. К. Наумова — члена Реввоенсовета и начальника политотдела VI армии интересно тем, что отражает изменение настроения крестьянства под воздействи-

[19] «Правда», 1969 год, 25 сентября, стр. 3.

ем начавшегося социалистического строительства в первые месяцы Советской власти.

В 1920—1921 годах, когда партия намечала коренной поворот в своей экономической политике, Владимир Ильич Ленин особенно часто беседовал со многими практиками сельского хозяйства. Нужно было точно знать положение в стране, в особенности в деревне, заботы и чаяния простых крестьян. На места были посланы работники центрального аппарата, которые внимательно изучали настроения, нужды, запросы крестьян.

Много, например, разъезжал по селам и деревням края В. И. Невский, старый большевик, один из активных участников Октябрьской революции. Будучи в 1919—1920 годах заместителем председателя ВЦИК, он по поручению ЦК РКП(б) не раз приезжал в Череповец. В. И. Невский встречался с череповецкими рабочими, проверял работу сельских и волостных Советов, беседовал с крестьянами, выступая на многочисленных собраниях и митингах.

В самые трудные времена Коммунистическая партия всегда обращалась непосредственно к народу и разговаривала с ним по коренным вопросам политики. 9 сентября 1919 года в местной череповецкой газете «Коммунист» было опубликовано обращение особо уполномоченного ВЦИК по Череповецкой губернии Н. П. Подвойского «К рабочим и крестьянам Череповецкой губернии», в котором говорилось: «С каждым месяцем Советская власть улучшается. И чем больше вы будете по-хозяйски присматривать, что делается в нашей республике и помогать своей власти, тем скорее мы все болячки изживем...»

В губерниях страны среди крестьян работали в это время посланцы не только центральных органов. Губкомы РКП(б) также посылали своих представителей в деревню. Так, например, 9 сентября 1920 года губком РКП(б) Вологодской губернии выдал мандат товарищу И. В. Пелевину для поездки в Воронцовскую и Попадьинскую волости Вологодского уезда «для производства бесед с крестьянами» [20].

Поездки в деревню, беседы с крестьянами помогли лучше понять положение в деревне. В. И. Ленин внимательно изучал письма крестьян, сведения, шедшие из деревни, и все явственнее видел тот путь, который помог стране выйти из создавшегося положения. В какой-то степени и письма вологодских крестьян помогли В. И. Ленину сделать вывод о необходимости того поворота к политике, который позднее будет назван новой экономической политикой.

---

[20] ВОПА, ф. 1853, ед. хр. 22, оп. 4, л. 8.

Крестьяне Панфиловской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии в письме к Ленину сообщали, что вся посевная кампания будет ни к чему, если вместо разверстки крестьян не обложить податью, только не денежной, а хлебной. «Когда крестьянин будет знать норму налога и время его, — говорится в этом письме, — тогда не нужно будет держать в волости десятки продагентов» [21].

Крестьяне Вологодской губернии все чаще говорили о необходимости замены продразверстки. У них еще не было, конечно, того ясного плана, какой детально разрабатывался Владимиром Ильичем, но они чувствовали, что необходимо экономически заинтересовать крестьян в производстве хлеба.

Газета «Северная беднота» (орган Вологодского горкома РКП(б) 4 мая 1919 года опубликовала статью «Крестьянина-середняка», который писал, что «нужно принять меры к поощрению земледелия в деревне и учитывать, что крестьянин-середняк — народ практический, он считает, выгодно ли сеять. За обработку 1,5 надела земли просят около 2000 рублей, а другие расходы—семена и прочее. А хлеба на этой земле будет приблизительно пудов 50—75, почем же хлеб — 15—18 рублей. А на железной дороге крестьянин с лощадью зарабатывает за 8 часов 50 рублей, а в деревне летом крестьянин работает не 8, а 18 часов. Крестьянин желает, чтобы хлеб оправдывал труд...»

Владимир Ильич вряд ли знал об этом письме в вологодскую газету, но думы и нужды крестьян ему были знакомы хорошо.

В самом начале 1921 года В. И. Ленин беседовал с Д. И. Гразкиным, побывавшем в Вологодской губернии. Дмитрий Иванович Гразкин, уроженец Кирилловского района Вологодской области, с 1909 года был членом партии и вел активную работу в партийных организациях. После победы Октябрьской революции он находился на ответственной партийной, советской и хозяйственной работе. В начале 1921 года, накануне перехода от продразверстки к продналогу, он вернулся в Москву из деревни, где жили его родители, и написал письмо М. И. Калинину (копию в ЦК РКП(б), в котором на основе своих наблюдений охарактеризовал положение в деревне. В этом письме Дмитрий Иванович рассказывал, что много беседовал с крестьянами его родной деревни и соседних деревень. В разговорах крестьяне говорили, что не видят никакого смысла поднимать хозяйство, когда все излишки по продразверстке отбирают.

---

[21] Цит. по Е. Драбкина «Зимний перевал», Новый мир, 1968 г. № 10, стр. 28.

Исходя из этого Гразкин и предлагал установить «процентную норму» взимания продуктов.

Через 2—3 дня (не позднее 16 февраля) В. И. Ленин пригласил Д. И. Гразкина к себе.

«Меня вызвал В. И. Ленин, — рассказывает Д. И. Гразкин, — и начал подробно расспрашивать о состоянии крестьянских хозяйств с таким знанием дела, как будто бы Ленин никогда ничем иным и не занимался, как только сельским хозяйством».

В. И. Ленин подробно расспросил Дмитрия Ивановича о типах крестьянских хозяйств (зажиточные, середняки, бедняки), о почве, об урожайности по культурам, о семенах, о породе скота, удойности.

Подсчитав доходность крестьянских хозяйств, Владимир Ильич заметил: «Как же жили крестьяне? Доходы неправдоподобно малы...»

«Я сказал, — вспоминает Д. И. Гразкин, — что крестьяне нашей волости уходили на лесные работы по заготовке бревен, дров».

В. И. Ленин спросил: «Сколько зарабатывали?»

Я ответил, что если в семье три женатых сына, то вся семья может заработать 70—80 рублей за зиму.

Владимир Ильич приплюсовал эту цифру к доходам крестьянских хозяйств и заметил:

— Доход все-таки неправдоподобно мал.

В заключение разговора В. И. Ленин как бы про себя проговорил:

— В настоящее время страна голодает. Увеличение сельскохозяйственных продуктов — основное. В дальнейшем современная форма крестьянских хозяйств не сможет удовлетворить потребности страны» [22].

Владимир Ильич Ленин ставил вопрос о сельском хозяйстве не изолированно, а в совокупности со всем развитием страны. Он до мельчайших подробностей хотел знать все, что связано с сельским хозяйством, всегда старался через непосредственную беседу узнать о настроении народа. Это показывает метод подхода В. И. Ленина к решению важных политических вопросов.

Почти полстолетия отделяют нас от этих событий. Великая Октябрьская социалистическая революция, осуществленная под руководством ленинской партии, сделала и вологодских рабочих и крестьян свободными тружениками, хозяевами своей судьбы, открыла им дорогу к счастливой и полноценной жизни, освободила от эксплуатации и нищеты, бесправия и рабства.

---

[22] Партийный архив Вологодского обкома КПСС. Воспоминания Д. И. Гразкина.

Ленинский план построения социализма — социалистическая индустриализация страны и социалистическое переустройство сельского хозяйства, коренное изменение культурного облика рабочего и крестьянина — ознаменовал новую историческую эпоху в судьбах всего нашего народа и, в частности, вологодских рабочих и крестьян.

Разве не воплощением ленинских идей являются такие обычные, но вместе с тем знаменательные факты, как полет в космическое пространство внука и сына вологодских крестьян Павла Беляева, образование из потомков вологодских крестьян нового отряда рабочего класса на гигантском Череповецком ордена Ленина металлургическом заводе!

Имя великого Ленина с гордостью носят лучшие колхозы Вологодчины.

С запада на восток пересекает область великий Волго-Балтийский водный путь имени В. И. Ленина.

Орден с изображением Ленина гордо сияет на знамени Вологодской области.

Имя Ленина, великие дела его в судьбах людей, в свершениях современности.

Н. В. Лебедев

ДОКУМЕНТЫ О ПРЕБЫВАНИИ В ВОЛОГОДСКОЙ ССЫЛКЕ М. И. УЛЬЯНОВОЙ (1912—1914 гг.)

Семья Ульяновых — все братья и сестры Владимира Ильича Ленина были стойкие самоотверженные революционеры. В мае 1887 года его старший брат Александр был казнен за участие в подготовке покушения на жизнь царя Александра III. Остальные за революционную деятельность многократно арестовывались, заключались в тюрьмы, отбывали ссылку.

Мария Ильинична Ульянова — самая младшая в семье (она родилась 18 февраля 1878 года) прожила яркую содержательную жизнь как друг, соратник и ценный помощник своего великого брата.

На формирование мировоззрения Марии Ильиничны сказала решающую роль революционная среда, в которой она росла и воспитывалась. В своей автобиографии она пишет: «...эта гибель (брата Александра — *Н. Л.*), отношение к ней родных и особенно Владимира Ильича, разговоры, которые велись в связи с ней как среди родных, так и среди знакомых, оставили на мне свой след, дали сильный толчок к более сознательному отношению к окружающему» [1]. Глубоко в душу запали ей слова Владимира Ильича, сказанные им в те скорбные дни: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И Мария Ильинична пошла по другому — ленинскому пути. «С детских лет, — пишет она, — я любила Владимира Ильича больше всех других братьев и сестер, и влияние его на меня во все поры моей жизни было очень велико» [2].

Мария Ильинична начала революционную деятельность семнадцатилетней девушкой. В 1898 году она вступила в ряды РСДРП, и с этого времени для нее начинается тер-

[1] М. Ульянова. Мой путь в революцию (Автобиография), газ. «Правда», № 49, 18 февраля 1968 г.

[2] Там же.

нистый путь профессионального революционера. Еще в конце 90-х годов московское охранное отделение завело на Марию Ильиничну специальное досье, в котором отмечалось, что она «несомненно поддерживает революционные традиции своей семьи, все члены коей отличаются крайне вредным направлением». Она шесть раз подвергалась аресту и трижды отбывала ссылку.

В конце 1910 года Мария Ильинична вместе с матерью приезжает в Саратов, где жила тогда ее старшая сестра Анна Ильинична с мужем М. Т. Елизаровым. Здесь она становится фактическим руководителем саратовских большевиков. В 1912 году при помощи провокатора жандармам удалось напасть на след партийной организации. В ночь с 7 на 8 мая полицией был произведен обыск в квартире Ульяновых. Мария Ильинична вместе с сестрой Анной Ильиничной были арестованы. Это был уже пятый ее арест. Шесть месяцев Мария Ильинична находилась в тюрьме, после чего ей предстояло отбыть ссылку в Астраханской губернии. По просьбе матери Марии Александровны Астраханская губерния была заменена Вологодской.

Кроме М. И. Ульяновой, в Вологодскую губернию высылались также за принадлежность к Саратовской группе РСДРП еще четыре партийца: С. С. Кржыжановский, И. А. Скворцов, А. А. Ларионов и А. В. Симонов (см. док. № 1).

17 ноября 1912 г. Мария Ильинична в сопровождении конвоира выехала в Вологду (см. док. № 2). До Вологды ее провожал М. Т. Елизаров.

20 ноября она прибыла в Вологду и временно остановилась в гостинице «Эрмитаж» [3] (см. док. № 3). М. Т. Елизаров помог ей устроиться в номере гостиницы и через два дня выехал в Петербург.

В день прибытия вологодским полицмейстером был составлен список (анкета) со сведениями о М. И. Ульяновой (см. док. № 4).

Для отбывания ссылки Мария Ильинична была оставлена в Вологде (см. док. № 5). Она высылалась под гласный надзор полиции на три года, но по амнистии ей этот срок был сокращен на один год [4]. (см. док. № 6).

Марии Ильиничне было обещано не препятствовать ей в подыскании заработка и разрешалось давать частные уроки французского языка. Однако губернатор предупредил, что она может попасть в самые отдаленные места губернии, если будет общаться с другими политическими ссыльными.

[3] Ныне здание Вологодского обкома КПСС.

[4] Амнистия была проведена в 1913 г. в связи с 300-летием дома Романовых. Большинству вологодских ссыльных срок был сокращен на одну треть.

Но разве можно было чем-либо запугать профессионала-революционера, который всю свою жизнь беззаветно посвятил служению великому делу ленинской партии. Истосковавшаяся по работе, несмотря на серьезные недомогания после шестимесячного тюремного заключения, Мария Ильинична и в ссылке сразу же включается в активную революционную деятельность. Она устанавливает связь с заграничным большевистским центром, с редакцией «Правды» и большевистскими журналами, издававшимися в Петербурге, ведет переписку с В. И. Лениным.

В это время в Вологде среди политических ссыльных было несколько выдающихся большевиков — соратников В. И. Ленина. Они стали посетителями квартиры М. И. Ульяновой. Чаще других в ней бывали В. В. Воровский, Б. П. Милютин, И. А. Саммер, И. Е. Любимов, С. В. Малышев, Ф. Г. Чучин, Л. М. Быстрова. Эта квартира становится притягательным центром не только для ссыльных, но и местных большевиков.

«Благодаря Марии Ильиничны и установленной связи с Москвой и Петербургом, — пишет И. Е. Любимов, — мы были хорошо осведомлены о всей партийной работе, о борьбе большевиков с ликвидаторами. И сами мы вели постоянные споры и борьбу со значительным количеством меньшевиков и ликвидаторов, находившихся тогда в Вологде» [5].

Через несколько дней пребывания в Вологде Мария Ильинична написала в Краков В. И. Ленину открытое письмо с видом реки Вологды, в котором коротко поделилась своими первыми вологодскими впечатлениями и состоянием своего несколько пошатнувшегося здоровья. А в конце декабря она получает ответное письмо.

«Дорогая Маняша! — писал В. И. Ленин. — Наконец-то удалось получить от тебя хоть коротенькую весточку. Пиши, как устроилась, какие знакомые, есть ли возможность найти заработок. Оправдалось ли данное местными властями обещание не препятствовать в деле приискания заработка?.. А у тебя, верно, теперь «тюремное малокровие» или, пожалуй, *обострение* прежнего малокровия? Надо бы принять меры — на коньках кататься. Право, этим не пренебрегай!..» [6].

В последующих письмах Мария Ильинична информирует Владимира Ильича о ему известных большевиках, разделявших с ней вологодскую ссылку. Во втором своем письме в Вологду В. И. Ленин уже пишет: «Тысяча поздравлений и приветов всем друзьям» [7].

---

[5] И. Е. Любимов. В Вологодской ссылке (Воспоминания). «Правда», 1937, 14 июня.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 331—332.

[7] Там же, стр. 333.

Мария Ильинична помогает В. В. Воровскому, В. П. Милютину, И. А. Саммеру установить связь с В. И. Лениным, с заграничным большевистским центром. В мае 1913 года В. И. Ленин в письме к Марии Ильиничне иносказательной, в целях конспирации, фразой посылает привет Воровскому: «Привет польским друзьям и пожелания, чтобы всячески подмогали...» [8]. Письмо В. И. Ленина, написанное им к сестре 12 или 13 ноября (н/ст) 1913 года [9], вологодской жандармерией было перехвачено и перлюстрировано (см. док. № 7).

В январе 1914 года В. И. Ленин направил в Вологду письмо В. П. Милютину, в котором он сообщал о получении от него письма и о том, «что статьи против богдановских пошлостей в философии ...крайне нужны» [10]. Это письмо было послано казалось бы по надежному адресу: Вологда, коммерческий отдел при сельскохозяйственном обществе, на имя Е. С. Деларовой, которая не была скомпрометирована в глазах полиции, и все же и оно попало в руки жандармов и также подверглось перлюстрации [11].

В одном из своих писем в Вологду Владимир Ильич с горечью писал сестре: «...Очень уж трудно в нашем (и твоем и моем особенно) положении вести переписку как хочется...» [12]. Однако Мария Ильинична получала от него не только письма, но и нередко заграничные нелегальные издания. Некоторая часть из этих изданий попадала жандармерии. Так, ею были перехвачены: высланная по почте в адрес: Вологда, Московская улица, А. П. Самарину [13] газета «Социал-демократ», причем судя по жандармским документам (см. док. №№ 8 и 9) отправительница газеты имела связь с г. Краковым, где тогда проживал В. И. Ленин; отправленная из Штутгардта на имя Марии Ульяновой брошюра на немецком языке (см. док. № 10); из Берлина в адрес Самарина — восемь экземпляров первомайских прокламаций социал-демократической партии и два экземпляра воззвания «За партию» (см. док. № 11) и некоторые другие.

Перлюстрация корреспонденции обыкновенно происходила на почте специальными почтовыми служащими, которые одновременно являлись и тайными агентами жандармского управления (см. док. № 12). И все же большая часть корреспонденции различными путями благополучно доходила до адресата.

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 340.
[9] Там же, стр. 344—345.
[10] Там же, т. 48, стр. 251.
[11] Государственный архив Вологодской области (ГАВО), ф. 108, оп. 4, д. 223, л. 5.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 354.
[13] В доме А. П. Самарина проживала тогда М. И. Ульянова.

О М. И. Ульяновой Вологодское жандармское управление доносило в департамент полиции: «По совершенно секретным сведениям на ее имя высылаются журналы и газеты социал-демократического направления, которые и конфискуются на почте» и что она «является в городе Вологде центральным лицом среди политических ссыльных» [14].

Летом 1913 г. в Вологду к Марии Ильиничне приехала мать. Сопровождала Марию Александровну и пробыла некоторое время в Вологде Анна Ильинична Елизарова со своим семилетним приемным сыном Горой.

Мария Ильинична установила самые тесные связи не только с ссыльными, но также и с местными большевиками из железнодорожной социал-демократической группы, руководитель которой рабочий-большевик В. И. Мохов посещал ее квартиру почти регулярно.

Конец 1913 — начало 1914 года ознаменовались дальнейшим ростом революционного движения в стране. Назревал революционный кризис. Вместе с подъемом рабочего движения росла и крепла партия большевиков.

В этот период в Вологде, пожалуй, впервые в истории местной партийной организации создался сплоченный, относительно сильный коллектив большевиков. Он состоял из ссыльных партийных деятелей-ленинцев, располагавших большим опытом партийной работы, и местных партийцев, главным образом, из рабочих железнодорожных мастерских. Фактическим руководителем коллектива была М. И. Ульянова. Вологодские большевики продолжали через Марию Ильиничну сохранять постоянную связь с заграничным большевистским центром и непосредственно с В. И. Лениным, редакцией «Правды» и большевистской фракцией IV Государственной думы.

«Большевистская группа, — вспоминает И. Е. Любимов, — жила довольно дружной семьей, часто собираясь в семье Ульяновых... Вспоминая М. И. Ульянову, мне представляется всегда вологодская ссылка и оживление рабочего движения и партийной работы после мрачных лет реакции. Семья Ульяновых была прекрасной товарищеской семьей, общение с которой облегчало трудную работу и борьбу в годы вологодской ссылки» [15].

В январе 1914 года не без влияния М. И. Ульяновой и других ссыльных большевиков в Вологде было организовано легальное культурно-просветительное общество «Просвещение». Большинство членов общества составляли рабочие железнодорожных мастерских. При обществе была создана

---

[14] ВОГА, ф. 108, оп. 1, д. 5705, лл. 23—24.

[15] И. Е. Любимов. В Вологодской ссылке (Воспоминания). «Правда», 1937, 14 июня.

нелегальная партийная организация, которая и направляла его деятельность.

Весной 1914 года была проведена общероссийская политическая кампания в связи с Днем печати, намеченным Центральным Комитетом партии на 22 апреля (5 мая) — день второй годовщины выхода «Правды». Вологодские большевики развернули большую работу по разъяснению роли рабочей печати в классовой борьбе пролетариата и успешно провели денежный сбор в железный фонд «Правды».

В апреле 1914 года Центральный Комитет партии принял решение о созыве очередного партийного съезда. На местах, согласно резолюции ЦК, создавались организационные комиссии, на которые возлагалась вся работа по подготовке съезда. Комиссию для Севера было намечено создать в Вологде. Эту комиссию по уполномочению ЦК возглавила М. И. Ульянова — «Медведь» (партийный псевдоним М. И. Ульяновой). Одной из основных задач комиссии была организация сбора денежных средств, необходимых для проведения съезда. И в этой области в Вологде велась значительная работа. И. Е. Любимов писал впоследствии: Мы «вместе с Марией Ильиничной занялись рядом довольно успешных для партии финансовых предприятий... Нам удалось в течение длительного времени собирать каждый месяц от 100 до 200 рублей и посылать их в распоряжение Ильича. Эти средства получали мы путем устройства лекций наших марксистских лекторов...» [16].

Усиление революционной активности вологодских большевиков, факты общения видной ссыльной большевички М. И. Ульяновой с местными социал-демократами не на шутку встревожили вологодское жандармское начальство. Догадываясь, что нити всей деятельности большевистской организации ведут к М. И. Ульяновой, жандармское управление максимально усиливает наблюдение за ней. Теперь велась слежка тайных агентов жандармерии непрерывно. В течение всего дня они неотступно следовали по пятам и фиксировали каждый ее шаг.

Приведем для образца выдержки из дневника агентурных наблюдений постоянных шпиков (филеров), следивших за М. И. Ульяновой, в котором она фигурирует под кличкой «Пухлая».

«13 марта 1914 года. Наблюдение начато в 9 час. утра. В 12 часов 10 минут наблюдаемая вместе со своей матерью вышли из наблюдаемого дома и пошли в магазин обуви Архарова по Кирилловской улице; в 12 часов 30 минут вышли и пошли в магазин Зайцева по Светлому ряду; вышли

[16] И. Е. Любимов. В Вологодской ссылке (Воспоминания), «Правда», 1957, 14 июня.

в 12 часов 40 минут и пошли в магазин Плотникова-Катинова тоже по Светлову ряду; в 2 часа вышли и пошли в свою квартиру. Более выхода наблюдаемой из своей квартиры, а также прихода в ее квартиру не замечено. Наблюдение окончено в 9 часов вечера».

«5 мая 1914 года. В 5 часов 20 минут наблюдаемая вышла из своей квартиры вместе со своей матерью и пошла в торговые бани Веденеева, имели при себе сверток, по-видимому белье, в 7 часов вечера вышли с тем же свертком и пошли в свою квартиру; более наблюдаемой выхода и прихода не видели». И так каждый день с утра до позднего вечера.

В конце мая 1914 года Мария Александровна Ульянова обратилась к губернатору с ходатайством о разрешении ее дочери М. И. Ульяновой прожить вместе с ней в летние месяцы (июнь и июль) на даче в селе Раскопино (см. док. № 13). На это ходатайство последовало возражение начальника жандармского управления. Он боялся, что опасная ссыльная революционерка «может вредно в политическом отношении повлиять на крестьянскую среду» (см. док. № 14).

После долгих проволочек выезд в Раскопино был разрешен (см. док. № 15). 16 июня Мария Ильинична, ее мать Мария Александровна и сестра Анна Ильинична, которая вновь приехала с приемным сыном в Вологду, чтобы провести летний отдых вместе с родными, устроились в одном из крестьянских домов в Раскопине (см. док. № 16).

М. И. Ульянова была отличным конспиратором, а потому, несмотря на весьма тщательную слежку за ней, местные жандармы не располагали явными уликами, на основании которых они могли бы применить репрессии к наблюдаемой.

Вологодской жандармерии помог выйти из затруднительного положения начальник петербургской охранки. 14 июня 1914 года он направил начальнику вологодского жандармского управления пространное отношение (в Вологде оно получено 17 июня). В нем, в частности, говорилось, что из Петербурга со склада «Правды» усиленно рассылается в провинции литература «преступного и тенденциозного содержания». Причем в Вологодскую губернию она высылалась по четырем адресам и в том числе в адрес: Вологда, Московская ул., д. Самарина. Ее превосходительство М. А. Ульянова. Начальник охранки предписывал произвести обыск по указанным адресам (см. док. № 17).

26 июня полицией были произведены обыски в Вологде в доме Самарина на квартире М. И. Ульяновой и в селе Раскопине в доме крестьянина П. А. Кукушкина, где временно проживала семья Ульяновых (см. док. №№ 18 и 19).

Во время обысков в двух квартирах М. И. Ульяновой (в Вологде и Раскопине) было обнаружено значительное количество политической литературы, в том числе несколько номеров журналов и газет, тираж которых подлежал конфискации. Два номера «Работницы» оказались в нескольких экземплярах.

17 июля жандармским ротмистром был произведен допрос М. И. Ульяновой (см. док. № 20).

2 августа М. И. Ульянова с остальными членами семьи возвратилась из Раскопина в Вологду (см. док. № 21).

13 августа начальник Вологодского жандармского управления постановил: производство по отношению Ульяновой выделить и препроводить губернатору с ходатайством о наложении на нее взыскания, в административном порядке (см. док. № 22).

21 августа губернатор постановил: подвергнуть М. И. Ульянову аресту при полиции на один месяц (см. док. 23).

23 августа М. И. Ульянова была арестована и заключена в камеру третьего полицейского участка г. Вологды (см. док. № 24).

В то время, когда была взята под арест М. И. Ульянова, ее мать Мария Александровна уже третью неделю была серьезно больна. До ее выздоровления постоянное присутствие при ней близкого человека было крайне необходимо. У оставшейся же с ней Анны Ильиничны заканчивался летний отдых, и она должна была возвратиться в Петроград к месту работы. Это обстоятельство заставило Анну Ильиничну подать на имя губернатора прошение с просьбой отменить арест сестры или по крайней мере отсрочить его до окончательного выздоровления матери (см. док. № 25).

Несколько позже сама больная подала прошение с ходатайством разрешить дочери срок наказания отбыть под домашним арестом (см. док. № 26). Но полицейский сатрап был неумолим. Анна Ильинична была вынуждена еще на месяц остаться в Вологде.

Месячное пребывание Марии Ильиничны под арестом подходило к концу, и 19 сентября Анна Ильинична пишет письмо в Берн В. И. Ленину (см. док. № 27). Письмо вологодской жандармерией было перехвачено и перлюстрировано. Впервые оно было опубликовано в журнале «Север» 1924, № 1—2, стр. XIII—XIV.

21 сентября 1914 года Мария Ильинична была освобождена из-под ареста, а на другой день кончался и срок ее ссылки (см. док. №№ 28 и 29).

Проводив мать и сестру в Петербург, она направилась в Москву, с тем, чтобы снова включиться в кипучую революционную деятельность. А 28 октября московская охранка уже сообщала в департамент полиции о приезде в Москву

М. И. Ульяновой и о том, что при свидании с некоторыми социал-демократами она знакомила их с тезисами В. И. Ленина (см. док. № 30).

Так начинался новый этап в жизни пламенной большевички — сестры, друга и соратника В. И. Ленина.

«Мария Ильинична много сделала,—пишет в своих воспоминаниях Л. М. Быстрова, — чтобы наладить партийную работу среди железнодорожных рабочих Вологды, для использования легальных возможностей в Вологде, для организации общества «Просвещение», установления тесной связи с «Правдой» [17].

Ее деятельность в Вологде подняла на более высокий уровень всю партийную работу местных большевиков и оставила глубокий след в революционном движении вологодских железнодорожников.

* * *

Публикуемые нами документы взяты из фондов Государственного архива Вологодской области (ГАВО) и в своем абсолютном большинстве представляют из себя копии с копий документов, так как подлинники сданы на хранение в Центральный партийный архив при Институте марксизма-ленинизма. И только семь документов за №№ 1, 12, 17, 18, 22, 30 и 31 являются копиями с подлинников, причем три первых подлинника хранятся в Государственном архиве Вологодской области, а остальные четыре в Центральном партийном архиве в Москве (ЦПА ИМЛ).

Документы в основном печатаются в хронологическом порядке.

№ 1

Копия

За начальника
Саратовского
губернского
жандармского
управления

24 октября 1912 г.
№ 13563

г. Саратов

Вологодское губернское
жандармское управление
получено
30 октября 1912 г.
вх. № 8452, д. 9

Начальнику Вологодского губернского жандармского управления

Препровождая при сем пять регистрационных фотографических карточек, 5 алфавитных карточек и 5 особых листков с дактилоскопическими оттисками, снятых: с дочери действительного статского советника Марии Ильиной *Ульяновой*, дворянина Станислава Станиславова *Кржижановского*, саратовского мещанина Ильи Александрова *Сквор-*

[17] Л. Быстрова. В Петрограде. М. И. Ульянова секретарь «Правды», 1965, стр. 123.

цова, крестьянина дер. Средних Колышлей, Аткарского уезда, Саратовской губернии, Александра Александрова *Ларионова,* он же *Богонсков* и корсунского мещанина (ныне приписанного к Саратовскому цеховому обществу) Александра Васильева *Симонова,* сообщаю, что названные лица в настоящем году были привлечены при вверенном мне управлении к переписке, в порядке Положения о Государственной охране, которой установлена принадлежность их к Саратовской группе Р.С.Д.Р.П., за что по постановлению г. Министра внутренних дел высылаются с ближайшим этапом под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию; первые трое на три года, а *Ларионов* и *Симонов* на два года, считая срок такового с 22-го сентября сего года.

Кроме того, на означенных лиц во вверенном мне управлении имеются следующие сведения: *Ульянова* привлекалась при Московском губернском жандармском управлении к двум дознаниям: по делу о дочери надворного советника Ольги *Смидович* и др. обвиняемых в преступлении, предусмотренном 318 ст. Ул. о наказ., каковое по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелению 28 февраля 1901 года разрешено административным порядком с тем, чтобы вменить ей в наказание предварительное содержание под стражей; и по делу о московской группе РСДРП (ст. 250 Ул. о наказ.), каковое дознание по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелению 4 июля 1903 года разрешено административным порядком с тем, чтобы вменить ей в наказание предварительное содержание под стражей. В 1904 году *Ульянова* привлекалась при Киевском губернском жандармском управлении к дознанию в качестве обвиняемой в преступлении, предусмотренном 126 ст. Угол. Улож. Основанием к привлечению ее послужили сведения Киевского охранного отделения о сношениях ее с главными руководителями киевских соц.-дем. организаций. Дознание это в силу Высочайшего Указа от 21 октября 1905 года прекращено с отменой меры пресечения особого надзора полиции.

Станислав Станиславов *Кржижановский,* состоя на военной службе вольноопределяющимся в 203 пехотном резервном Грайворонском полку в г. Курске, 3 февраля 1908 года был задержан вместе с другими на военной сходке членов партии соц.-рев. Цель означенных сходок, происходивших из нижних чинов Курского гарнизона и нескольких лиц статских, — подготовить из числа нижних чинов «войсковых работников», способных привлекать солдат к партийным кружкам, вести с ними кружковые занятия по программе партии. По делу означенной сходки при Курском губернском жандармском управлении тогда же была возбуждена переписка, в порядке Положения о Государственной охране, а затем эта переписка переведена на формальное дознание, но в качестве обвиняемого *Кржижановский* привлечен не был.

Илья Александров *Скворцов* с целью проверки поступивших агентурных сведений, указывающих на принадлежность его к местной группе максималистов, 30-го декабря 1906 года был обыскан в г. Саратове, но обыск оказался безрезультатным.

И Александр Александров *Ларионов* в 1907 году, состоя рабочим гвоздильного завода Гантке, был замечен в сношениях с лицами, принадлежащими к местной организации РСДРП.

В 1909 году *Ларионов* принимал активное участие в делах местной организации РСДРП, вел усиленную пропаганду среди рабочих, снабжая их партийной литературой. Вследствие чего был обыскан и арестован. По результатам произведенного обыска *Ларионов* к дознанию не привлечен и 29 мая из под стражи освобожден.

Подполковник — (подпись неразборчива).

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 187, лл. 68—69. Подлинник.

№ 2

Копия

Министерство
Внутренних дел

Саратовский
полицеймейстер
19 ноября 1912 г.
№ 3613
г. Саратов

Получено 24 нояб. 1912 г. Секретно.
№ 1777.

Вологодскому полицеймейстеру

Препровождая при сем копию предписания г. Саратовского губернатора от 19 сего ноября за № 1497 и паспортную книжку от 26 октября 1896 года за № 27 дочери действительного статского советника Марии Ильиной *Ульяновой*, сообщаю Вашему высокоблагородию, что названная *Ульянова* выбыла в город Вологду 17 сего ноября, при проходном свидетельстве от 4-го ноября за № 3613.

Полицеймейстер (подпись)

Резолюция: создать распоряжение начальника губернии.

За полицеймейстера (подпись)

ГАВО, ф. 129, оп. 1, д. 1156, л. 4.

№ 3

Архивная копия

МВД

Вологодский
полицеймейстер
21 ноября 1912 г.
№ 1777
г. Вологда.

Секретно

Г. начальнику Вологодского Губернского Жандармского Управления

Вологод. Губернское Жандарм. Управ.
Получено 23 нояб. 1912 г.,
вх. № 9055.

Состоящая под гласным надзором полиции дочь действительного статского советника Мария Ильинична *Ульянова* 20 сего ноября прибыла в г. Вологду с проходным свидетельством Саратовского полицеймейстера. Остановилась в «Эрмитаже». О чем имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие.

Полицеймейстер (подпись неразборчива)

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5492, л. 8.

№ 4

Архивная копия

СПИСОК

о состоящей под гласным надзором полиции Марии Ильиничне Ульяновой

Составлен 20 ноября 1912 года.

Вопросы	Ответы
1. Имя, отчество, фамилия и звание.	Мария Ильинична УЛЬЯНОВА, дочь действительного статского советника.

Вопросы	Ответы
2. Место родины.	Город Симбирск.
3. Вероисповедание.	Православное.
4. Лета.	34.
5. Грамотность или место воспитания.	Кончила курс Московской Елизаветинской женской гимназии.
6. Была ли под судом и следствием.	Под судом не была.
7. Женат или холост, если женат, то на ком.	Девица.
8. Имеет ли детей и если имеет, то их имена и лета.	—
9. Имеет ли родителей и кого именно, лета их и место жительства.	Мать, вдова действительного статского советника, 78 лет, живет в Саратове, Царевская ул., № 36.
10. Имеет ли родных братьев и сестер, их имена, лета и место жительства.	Братьев: Владимира 44 лет, живущего за границей, Дмитрия 38 лет, санитарный врач, г. Феодосия, Таврической губернии, сестра Анна Елизарова, 47 лет, Саратов, Царевская, д. № 36.
11. Следует ли за ним в место высылки кто-либо из его семьи и кто именно.	Мать, прибудет.
12. Если семейство его за ним не следует, то где будет проживать после высылки.	—
13. Имеет ли собственные средства существования и в чем они заключаются.	Не имеет.
14. Знает ли какое ремесло.	Не знает.
15. Чем до сего времени добывал себе средства существования как сам он, так и его жена.	Уроками французского языка и музыки.
16. Имеют ли родители какое-либо состояние.	Не имеют.
17. По какому распоряжению и за что именно учрежден гласный полицейский надзор.	По постановлению Министра Внутренних Дел. За принадлежность к Саратовской группе Российской социал-демократической рабочей партии.
18. Срок надзора, с какого времени его надлежит считать.	3 года, с 22 сентября 1912 года.
19. Куда выслан или же надзор учрежден в месте его жительства.	В г. Вологде.

За полицеймейстера (подпись неразборчива).

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5492, л. 10.

№ 5

МВД
Вологодского
губернатора
по канцелярии
3 стол.
30 ноября 1912 г.
№ 2707
г. Вологда

Копия

Секретно

Получено
5 дек. 1912.
№ 1777.

Вологодскому полицеймейстеру

Департамент полиции отношением от 30 сентября с. г. за № 72839 уведомил, что, по рассмотрении Особым совещанием, образованным согласно ст. 34 Положения о государственной охране, представления Саратовского губернатора от 1 августа 1912 г. за № 1127 о высылке дочери действительного статского советника Марии Ильиной *Ульяновой*, изобличенной в принадлежности к Саратовской группе Российской социал-демократической рабочей партии, г. Министр внутренних дел постановил: выслать названное лицо в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на три года, считая срок с 22 сентября 1912 года.

Назначив место жительства *Ульяновой* гор. Вологду, даю знать об этом Вам для зависящих распоряжений относительно подчинения *Ульяновой* в г. Вологде гласному надзору полиции на вышеуказанный срок, подписывая о последующем, с представлением списка сведений о ней донести мне и сообщить начальнику губернского жандармского управления.

п.п. Губернатор (подпись)
Правитель канцелярии (подпись)
Помощник правителя (подпись)

ГАВО: ф. 129, оп. 1, д. 1156, л. 7.

№ 6

МВД
Вологодского
губернатора
по канцелярии
3 стол.
26 февраля 1913 г.
№ 2587
г. Вологда

Копия

Экстренно
Секретно

Вологодскому полицеймейстеру

На основании 3 п. 30 отд. высочайшего Указа 21 февраля с. г. предлагаю Вам гласноподнадзорному гор. Вологды Марии *Ульяновой* сократить срок высылки и гласного надзора на один год и о последующем донести мне и сообщить начальнику губернского жандармского управления.

Подлинное подписали: Губернатор *М. Шрамченко*
Правитель канцелярии *Можженко*
Помощник правителя *Брауэрг*

Постановление: *Ульяновой* срок надзора оканчивается 22 сентября 1914 года, о чем ей объявить под расписку. Донести начальнику губернии и сообщить начальнику губернского жандармского управления.
Полицеймейстер (подпись)

Исполнено 28 февраля.
М. Ульянова.

ГАВО, ф. 129, оп. 1, д. 1156, л. 12.

№ 7

№ 933
5 ноября
1913 г.

Копия

Совершенно секретно

Представляя при сем копию агентурно добытого секретного документа за подписью «В. У.», доношу вашему превосходительству, что адресатом документа является состоящая в городе Вологде под гласным надзором полиции дочь действительного статского советника Мария Ильинична *Ульянова*, 34 лет, высланная за принадлежность к саратовской группе РСДР партии на три года, с 22 сентября 1912 года.

Автором документа, как видно, является брат Ульяновой — Владимир Ильич *Ульянов*, 44 лет, проживающий по сведениям, за границей.

Упоминаемые в документе «Надя» и «Анюта» вероятно есть первая жена Владимира *Ульянова*, а вторая сестра его Анна Ильинична, по мужу Елизарова, проживающая в городе Саратове, Царевская, д. № 36.

Копия с настоящего представления вместе с сим за № 934 препровождена начальнику Саратовского губернского жандармского управления.

Верно: Полковник *Иванов*.

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 205, л. 588.

№ 8

№ 108
11 февраля
1914 г.

Секретно

В Департамент полиции

(По особому отделу)

Доношу Департаменту полиции, что по адресу г. Вологда, Московская улица, дом Самарина. Александру Павловичу Самарину была выслана по почте газета «Социал-демократ» № 22 15/28 декабря 1913 года (почтовый штемпель на конверте: «Прошовицы, Келецкой губернии, 28-1-14»).

Упомянутый Самарин местный житель, домовладелец, ювелир. По имеющимся в управлении сведениям по своим убеждениям придерживается левых взглядов, замечается в знакомстве с неблагонадежными лицами, у него в доме постоянно проживали и теперь проживают ссыльные и возможно, что нелегальная литература по адресу Самарина высылается для кого-нибудь из его жильцов ссыльных. Наблюдение за поступающей корреспонденцией на имя Самарина продолжается.

Об изложенном вместе с сим сообщено для сведения начальнику Келецкого губернского жандармского управления за № 109.

Верно: Полковник *Иванов*.

Секретно.

Начальнику Келецкого губернского жандармского управления

Верно: Полковник *Иванов*

№ 109 11 февраля 1914 года
г. Вологда

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 223, л. 72, Отпуск.

№ 9

Начальник
Келецкого губернского
Жандармского
Управления

Марта 28 дня 1914 г.
№ 1941
гор. Кельцы

Копия

Секретно

В департамент полиции

(По особому отделу)

Доношу, что в виду полученных мною сведений о том, что высылка прокламаций, в единичных экземплярах по почте в разные пункты империи из пос. Прошовиц, Меховского уезда, вверенной моему наблюдению губернии может быть производима одной из дочерей местного врача Мариуша *Вильчинского*, мною были подвергнуты через экспертов сличение почерков письма его дочерей, взятые у него при обыске 21 сего марта (лит. Б от 28 марта за № 1938) с почерком на конвертах, в коих рассылались прокламации.

При этом эксперты категорически признали, что почерк, коим написаны адреса на конвертах, адресованных в г.г. Сызрань, Егорьевск и др. безусловно сходен с несомненным почерком дочери означенного врача *Вильчинского* Елены *Вильчинской*.

Упомянутая Елена *Вильчинская*, 15 лет, воспитывается в пансионе Клорисов, в Белянах, близь г. Варшавы, а ранее обучалась в г. Кракове и часто посещает своих родных в пос. Прошовицах, почему по поводу принятия против нее мер согласно цирк. деп. пол. от 5 сентября 1884 г. и 9-го марта 1895 г. за № 1200 и 621 я вхожу в соглашение с прокурорским надзором.

Справка: Донесения Департаменту полиции начальников губернских жандармских управлений: Рязанского от 20-го января и 4 марта с. г. за №№ 818 и 2400, Вологодского от 11 февраля с. г. за № 108 и Екатеринославского от 24-го марта с. г. № 1576.

Подлинное подписал и с подлинным верно:

Полковник: *Штольценбург*

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 223, л. 75, 75 об.

№ 10

№ 237

Марта 1914 г.

Копия

Секретно

Представляя при сем Вашему превосходительству задержанное мною, совершенно секретным порядком простое бандерольное отправление из Штутгардта от 14 сего марта (нов. стиля), на имя Марии Ульяновой, известной Департаменту по донесению моему от 5 ноября 1913 года за № 933 (по особому отделу).

Приложение: брошюра (название немецкое)

Верно: полковник (подпись)

Г. Директору Департамента полиции (по особому отделу).

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 223, л. 162.

№ 11

№ 388
19 апреля 1914 г.

Совершенно секретно

В департамент полиции

(По 9-му делопроизводству)

Доношу Департаменту полиции, что по адресу: город Вологда, Московская улица, дом Самарина Александру Павловичу Самарину высланы по почте из Берлина первомайские прокламации Российской социал-демократической рабочей партии в количестве 8-ми экземпляров и два экземпляра воззваний под заглавием «За партию».

Справка: сведения о Самарине помещены в представлении моем от 11 февраля сего года за № 108.

Приложение: по одному экземпляру прокламации и воззвания.

Верно: полковник *Иванов.*

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 223, л. 78. Отпуск.

№ 12

Ваше высокоблагородие!

Вчера разбирая почту, поступившую из почтового вагона № 279 и вскрывая пост-пакет из Варшавы в Вологду — между прочим заинтересовался бандеролью по адресу: Московская улица, соб. дом. А. П. Самарину, в которой после тщательного осмотра, как вообще я усиленно просматриваю, ввиду того что я исполняю Ваши поручения, обнаружил две газетки «Брошюры», кои при сем Вам представляю. Причем бандероль отправил по назначению, а то что было вложено — вынял. Такие случаи у меня на опыте не раз были, еще при г-не Конисском и я всегда так поступал. Бандероль была из-за границы — Германии.

Вместе с сим присовокупляю Вашему высокородию, что я всегда старался по отношению к своим обязанностям и впредь также буду относиться ревностно.

Ваш агент *Светлов.*

Эти газетки были вложены среди большой газеты. Ввиду того, что та газета бесцельная, я ее отправил по назначению.

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 223, л. 80, 80 об. Подлинник.

№ 13

МВД
Вологодского
губернатора
По губернскому
правлению
31 мая 1914 г.
№ 950
г. Вологда

Архивная копия

Секретно

Начальнику Вологодского Губернского Жандармского Управления

Вологодское Губернское
Жандармское Управление
Получено
2 июня 1914 года
Вх. № 3213

Вдова Д. С. С Мария Александровна *Ульянова* обратилась ко мне с ходатайством о разрешении дочери ее Марии Ильиничне *Ульяновой*, отбывающей гласный надзор полиции в гор. Вологде, прожить с ней

вместе, в течение июня и июля месяцев, на даче в селе Раскопино, разъезд Бовыкино.

В виду изложенного, прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к удовлетворению означенного ходатайства.

Губернатор (подпись неразборчива)

Советник *М. Кирилов.*

За делопроизводителя (подпись неразборчива)

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5492, л. 12.

№ 14

№ 3255 — *Архивная копия*

3 июня 1914 г. — Секретно

Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что дочь Действительного Статского Советника Мария Ильина *Ульянова,* находясь под гласным надзором полиции в г. Вологде, поддерживала связи с местными эсдеками, почему входит в сферу наружного наблюдения и выезд ее из г. Вологды в село Раскопино является нежелательным, так как она там, будучи без должного надзора, легко может вредно, в политическом отношении, повлиять на крестьянскую среду.

Подписано и верно: полковник (подпись неразборчива).

Г. Вологодскому Губернатору.

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5492, л. 13.

№ 15

МВД
Вологодского
губернатора
По губернскому
правлению
10 июня 1914 г.
№ 1048
г. Вологда

Секретно

Начальнику Вологодского Губернского Жандармского Управления

Вологод. Губерн.
Жандарм. Управление
Получено
12 июня 1914 года
Вх. № 3463 д. 149—12.

Уведомляю Ваше Высокоблагородие, что административно-ссыльной гор. Вологды Марии Ильиничне *Ульяновой* я разрешил временную, на июнь и июль, отлучку в село Раскопино (разъезд Бовыкино), для совместного проживания с матерью на даче, но при условии соблюдения ею всех обязательств, установленных вообще для административно-ссыльных, отбывающих гласный надзор полиции и с запрещением куда бы то ни было отлучки из места жительства.

Одновременно с сим я предписал Вологодскому уездному исправнику дать подробные указания, проживающему в 2 1/2 верстах от села Раскопина уряднику, относительно наблюдения за *Ульяновой.*

Губернатор (подпись неразборчива).

Советник *М. Кирилов.*

За делопроизводителя (подпись неразборчива).

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5492, л. 14.

№ 16

Архивная справка

МВД
Вологодский
полицеймейстер
22 июня 1914 г.
№ 700
г. Вологда

Секретно
Вологодское Губернское
Жандармское Управление
Получено
24 июня 1914 года
Вх. № 3769

Начальнику Вологодского Губернского Жандармского Управления

В дополнение к отношению за № 700 уведомляю Ваше Высокоблагородие, что административно-ссыльная Мария Ильинична *Ульянова* прибыла 16 июня на дачу в село Раскопино Ватлановской волости и надзор полиции за нею учрежден, как видно из отношения Вологодского уездного исправника от 18 июня за № 318.

За полицеймейстера (подпись неразборчива).

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5492, л. 17.

№ 17

Начальник
Отделения по охранению
общественной безопасности
и порядка в С-Петербурге.

14 июня 1914 г.
№ 12917

Секретно

Вологод. Губерн.
Жандарм. Управл.
17 июня 1914
Вх. № 3559

Начальнику Вологодского Губернского Жандармского Управления

В виду предстоящих партийного съезда большевиков Российской социал-демократической партии и международного социалистического конгресса, требующих предварительного подъема настроения на местах для избрания соответствующих делегатов и считаясь вообще с недостатком на местах партийных работников для изустной пропаганды, вожаки указанной партии занялись усиленной рассылкой из С. Петербурга в провинцию агитационной литературы, в виде книг и брошюр, изданных явочным порядком в 1905—1907 годах преступного и тенденциозного содержания.

Рассылка в провинцию такой литературы производилась первоначально редакцией издающегося легального в С. Петербурге органа большевиков, называвшегося то «Правда», то «Путь Правды» и ныне носящего название «Трудовая Правда», — по адресам подписчиков на эту газету, в последующее же время редакция стала передавать адреса и поступающие из провинции заказы в свой книжный склад «Правда», помещающийся в д. № 19, по Владимирскому проспекту, фиктивной владелицей коего является финляндская уроженка Александра Павловна *Лукова*.

Свои запасы социал-демократической литературы склад «Правда» пополнял, давая заказы магазинам и книжным складам: Ивана Григорьева *Малмыго*, Суворовский пр., д. 20/5, Александра Кузьмина *Гомулина*, Литейный проспект, д. 49 и ул. Жуковского, д. 3, Ильи Иванова *Базлова*, Екатерининская улица, д. № 4 и Забалканский пр., д. 24, Федора Леонтьева *Смирнова*, Суворовский пр., д. № 25 и Боль-

ше-Охтенский пр., д. № 106—108, Никиты Васильева *Чуенкова*, он же *Быстров*, Суворовский пр., д. № 1 и Ивана Федорова *Косцова*, Литейный пр., д. № 64.

В виду сего в период времени с 3-го по 6-е июня во всех вышеупомянутых книжных складах и магазинах, по моему распоряжению, были произведены обыски, причем все данные агентуры вполне подтвердились.

В складе «Правда» обнаружен значительный рукописный материал, доказывающий подчиненную роль склада по отношению редакции газеты «Трудовая Правда», большое число адресов, отрезков от денежных переводных бланков и писем-заказов, по коим рассылалась из склада литература, заготовленные к отправке посылки и бандероли с указанной литературой, значительное количество конфискованных рабочих журналов и подлежащих аресту по судебным приговорам брошюр и сохранился даже черновик заказа склада «Правда» на литературу складу *Гомулина*.

В остальных складах и магазинах, кроме складов *Косцова* и *Чуенкова*, обнаружено огромное количество брошюр, подлежащих аресту по судебным приговорам, значащихся в каталогах 1913 года Главного управления по делам печати, и еще большее количество изданий 1905—1907 годов, партийного преступного характера, но не вошедших в означенные каталоги, повидимому только потому, что издания эти своевременно не попали на рассмотрение судебных установлений.

По осмотру рукописных документов склада «Правда» оказалось, что из такового была отправлена литература во вверенную Вашему надзору губернию по следующим адресам:

1. Г. Яренск — В. В. Фомину.
2. Устьвым, Яренск. у., учительнице А. П. Кулаковой.
3. Копия счета обществу «Просвещение» в Вологде с распиской получателя «А. Кожевникова».
4. Адрес: Вологда, Московская ул., д. Самарина. Ее превосходительство М. А. Ульянова (надлежит иметь в виду циркуляры Департамента полиции 31 марта 1908 г. № 112850).

Сообщая об изложенном, прошу распоряжения Вашего о производстве обысков в порядке Положения о Государственной охране по указанным адресам и с обыскиваемыми поступить по результатам обысков; переписки же по этим обыскам с предметами взятия по таковым, имеющими значение для г. С. Петербурга, благоволите направлять непосредственно на распоряжение начальнику С. Петербургского губернского жандармского управления, которому и передано все это дело для производства расследования, с ссылкой на мой номер передаточной записки от 9-го сего июня за № 12447.

В случае обнаружения поличного о необходимости ареста обыскиваемых, прошу зачислять таковых содержанием под стражей за собой для производства расследования при вверенном Вам управлении и лишь уведомлять об этом начальника С. Петербургского губернского жандармского управления с подробным изложением результатов обыска.

При производстве обысков надлежит иметь в виду, что рассылалось много литературы, хотя и непоименованной в каталогах, но преступного характера, поэтому в случае обнаружения изданий необходимо осматривать их по существу содержания, не ограничиваясь проверкой по каталогу запрещенных изданий.

О результате обысков и расследования по этому делу при вверенном Вам управлении не откажите меня уведомить.

Полковник (подпись неразборчива).

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5819, л. 248—249, 249 об. Подлинник.

№ 18

№ 339 25 июн. 1914 — Экстренно
Секретно

ОРДЕР № 3789

1914 года июня 25 дня. Начальник Вологодского Губернского Жандармского Управления поручает Вологодскому Уездному исправнику произвести самый тщательный и всесторонний обыск у вдовы Действительного статского Советника Марии Александровны *Ульяновой*, проживающей временно в селе Раскопино (разъезд Бовыкино) Вологодского уезда.

Примечание: 1. Полицейские и околоточные надзиратели, урядники, городовые и стражники никоим образом не имеют права производить обысков по делам политического характера (ст. 1035 I уст. уг. суд.).

2. В протоколе обыска должно быть обязательно обозначено, что обыск произведен на основании 1035 I и II ст. уст. угол. суд.

3. Обнаруженные по обыску: оружие, боевые припасы, предметы, относящиеся к устройству и снаряжению разрывных снарядов, типографские принадлежности, множительные аппараты (гектографы, шапирографы и пр.), бесцензурные и явочные издания, вся без исключения переписка, фотографические и визитные карточки, адреса, записки, заметки, а равно все предметы, запрещенные к обращению или могущие свидетельствовать о преступности или неблагонадежности обыскиваемого лица, должны быть подробно занесены в протокол обыска и немедленно переданы в Губернское Жандармское Управление при надписи на сем же.

4. Должны быть также отобраны и переданы в Управление личные документы обыскиваемой.

Обыскиваемая подлежит задержанию в зависимости от результатов обыска.

Начальник Вологодского Губернского Жандармского Управления полковник *Иванов*.

№ 141 — Экстренно

25 июня 1914 г. 8 1/2 часа вечера. — Секретно
Немедленно выбыть для обыска
приставу Чугневу

К немедленному исполнению передается г. приставу 2 стана. Протокол обыска об аресте с отобранными вещами и предметами представить мне, 1914 г. июня 25 дня, № 339.

За исправника (подпись неразборчива).

№ 141 — 26 июня 1914 г. — Секретно

Протокол обыска с отобранными по обыску изданиями представляю Его Высокородию Вологодскому уездному исправнику. 26 июня 1914 г.

Пристав 2 стана Вологодского у. *Чугнев*.

ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 30, л. 4, 4 об.

№ 19

Эстренно-секретно

Начальнику Вологодского Жандармского Управления

Приложения: протокол обыска с отобранными по обыску вещами в двух свертках.

Справка: вследствие обыска задержан.

И. об. Уездного исправника (подпись).

Ио 26/VI
№ 339
26 июня 1914 г.

Вологод. Губерн. Жандарм. Управл.
получено 26 июня 1914 г.
Вх № 3833

ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 30, л. 5.

Копия

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА № 3

1914 г. июня 26 дня, 3 часа утра. Пристав 2 стана Вологодского у. Чугнев, согласно предписания г. Вологодского уездного исправника, от 25 сего июня за № 339, основанного на получении господина Начальника Вологодского губернского жандармского управления от того же числа, по ордеру № 3789, экстренно прибыл с поездом на разъезд «Бовыкино» в дер. Раскопино Ватлановской вол., Вологодского уезда и, явившись здесь с унтер-офицером Вологодского губернского жандармского управления Видишиным и нижеподписавшимися понятыми-свидетелями в квартиру вдовы действительного статского советника Марии Александровны *Ульяновой,* временно проживающей в названной дер. Раскопине в доме местного кр-на Павла Александровича *Кукушкина,* совместно (нераздельно) со своими родными дочерями: девицею (состоящей под гласным надзором полиции) Марией Ильиной *Ульяновой* и замужней (за главным инспектором Российского страхового транспортного общества в гор. Омске, отставного колежского секретаря Марком Тимофеевичем *Елизаровым*) Анной Ильиничной *Елизаровой,* у коей имеется пятилетняя паспортная книжка, выданная Саратовским городским полицейским управлением 11 мая 1910 г. за № 382, объяснил Ульяновым и Елизаровой цель своего прихода и, на основании 1035 I и II ст. ст. Улож. Угол. Судопр., произвел в общей квартире их тщательный и всесторонний обыск; при этом обнаружил и отобрал нижеследующие издания:

1) один № 75 «Новой рабочей газеты» за 1913 г.;
2) шесть №№ 37—42 с. г. «Нашей рабочей газеты»;
3) один № 2-й «Нашей работницы» 1914 г.;
4) № 3-й журнал «Работница» за 1914 г.;
5) № 84 газеты «Путь правды»;
6) №№ 1, 2 и 3-й газеты «Единство», 1914 г.;
7) три №№ 20—22 газеты «Трудовая правда»;
8) книга «Финансовый капитал» изд. М. И. Степанова;
9) журнал «Голос минувшего» № 6, 1914 г.;
10) № 5-й журнала «Литературы, науки и общественной жизни» 1914 г.;
11) № 1-й «Борьба» рабочий журнал от 22 февраля 1914 г.;
12) брошюра «Больничные кассы»;
13) брошюра «Мытарства страховых законов» А. И. Предкольн;
14) брошюра «Рабочий устав больничной кассы»;
15) книга «Экономическое содержание народничества и критика его», изд. Чупрова; [1]
16) книга «Положение рабочего класса в Англии»; [2]

---

[1] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критики его в книге г. Струве.

[2] Фр. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.

17) книга «Положение рабочего класса в России» К. А. Пажитнова;
18) «Лечение рабочих» изд. Б. Соловьев;
19) брошюра «Страховая кампания» изд. Б. Г. Данский;
20) брошюра «Бойкот больничных касс»;
21) брошюра: «Очередные задачи движения приказчиков»;
22) пять №№ 1, 2, 3, 4 и 5, журнала «Просвещение»;
23) книжка «Наоми». Еврейская сказка;
24) книжка «Лесная сказка» Д. Н. Мамина-Сибиряка;
25) книжка «Волшебник» того же автора;
26) сборник пролетарских писателей;
27) книжка в переплете «Спутник рабочего»;
28) книга «Собрание исторических работ» Маркса;
29) книжка «Безработица и локауты» Войтинского;
30) пять книг иностранной печати;
31) две записные (карманные) книжки с оборванными первыми листками;
32) три фотографические (4 снимка) карточки;
33) три открытых и шесть закрытых (вскрытых) писем;
34) шесть разных заметок на бумаге и
35) бессрочная паспортная книжка на имя Марии Александровой *Ульяновой* за № 93.

Никаких других предметов, запрещенных в обращении или могущих свидетельствовать о преступности или неблагонадежности, по обыску не обнаружено. Из отобранных газет, книг и брошюр, по объяснению Марии Ильиничны *Ульяновой* и Анны Ильиничны *Елизаровой*, все они принадлежат собственно им, а не матери Марии Александровой *Ульяновой*, которой принадлежит только одна бессрочная паспортная книжка; причем книги, значащиеся в настоящем протоколе обыска с 1 по 23-й Марии *Ульяновой*, а остальные все и две записные книжки — *Елизаровой*.

Постановили: Об оказавшемся по обыску записать в настоящий протокол, который утвердить подписью присутствовавшим при обыске лиц и, приобщив к нему всю отобранную переписку, газеты, журналы и книги, представить по принадлежности. Надписанному «все они» верить».

Пристав 2 стана Вологодского у. (подпись).

При обыске понятыми свидетелями были: крестьянин Ватлановской вол., дер. Раскопина Алефтина Ивановна Сорокина, Мария Алексеевна Перелилина и Иван Михайлов Перелилин, а за неграмотных по личной просьбе и за себя крестьянин д. Раскопина Павел Александров Кукушкин и Петр Андреевич Лупандин.

При обыске и изъятии книг, газет и писем находились вдова Д. С. С. Мария Александровна *Ульянова*, жена отставного коллежского секретаря Анна Ильинична *Елизарова*. Дочь действительного статного советника Мария Ильинична *Ульянова*.

27 июня 1914 г. бессрочную паспортную книжку матери моей № 93 получила *М. Ульянова*.

ГАВО, ф. 108, оп. 7, д. 6, л. 10.

№ 20

Копия

ПРОТОКОЛ № 6

1914 года, июля, 17 дня, отдельного корпуса жандармов ротмистр Миныч-Минарский, на основании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 г., расспрашивал нижепоименованную, которая показала: зовут меня Мария Ильинична *Ульянова*, от роду имею 36 лет; вероисповедания православного; происхождение и

народность — дочь действительного статского советника, русская, дворянка; звание — домашняя учительница, место рождения и место постоянного жительства — г. Симбирск. Занятие — частные уроки, которых в настоящее время не имею. Средства к жизни — личный заработок и пособие администр.-ссыльной. Семейное положение — мать Мария Александровна Ульянова, сестра Анна Ильинична Елизарова, братья Владимир и Дмитрий. Экономическое положение родителей — пенсия матери в размере 600 р. в год. Воспитание в учебных заведениях (низших, средних и высших) с подробным указанием: возраста, вступления в каждое из них, а также года выхода и возраста обвиняемого при выходе, — окончила Московскую Елизаветинскую женскую гимназию в 1896.

На чей счет воспитывался в каждом из учебных заведений и причина неокончания курса в каждом из них, — на счет родителей. Был ли за границей и когда именно — в 1897 году в Швейцарии (Спиц у Боденского озера), в 1909 г. — в Париже. Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены — в 1912 году в Саратове; ссылка в Вологодскую губ. на 3 года. На предложенные мне вопросы отвечаю: все отобранное по обыску в городской квартире принадлежит мне, а равно и взятое при обыске на даче, не перечисленное в протоколе за сестрой. Газеты и журналы я выписывала лично для себя и на свои средства. Журнал «Работница» № 6 и № 3 за 1914 г. оказался у меня 1-й в 4 экз., а 2-й в трех потому, что кроме выписанного экземпляра мне было выслано несколько экземпляров знакомыми. Журналы и газеты я выписывала непосредственно из редакции. Кто из знакомых мне высылал журнал «Работница», я не помню. Вставленные на 2-й странице настоящего протокола слова: «Спиц у Боденского озера» и «в протоколе за» читать. М. Ульянова.

Ротмистр *Миныч-Минарский.*

ГАВО, ф. 108, оп. 7, д. 6, л. 16, 17.

№ 21

Архивная копия

Секретно

МВД
Вологодский
уездный
исправник
2 августа 1914 г.
№ 318
г. Вологда

Г. начальнику Вологодского
Губернского Жандармского Управления

Вологод. Губерн.
Жандарм. Управлен.

Получено
3 авг. 1914 г.
Вх. № 4680

Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что временно проживавшая в с. Раскопине, Ватлановской вол., Вологодского уезда (на даче) административно-ссыльная гор. Вологды дочь действительного Статского Советника Мария Ильинична *Ульянова* 2-го сего августа выбыла из с. Раскопино на жительство в город Вологду.

И. об. уездного исправника (подпись неразборчива).

ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5492, л. 18.

№ 22

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1914 года августа «13» дня в гор. Вологде я, Отдельного Корпуса Жандармов Полковник Иванов, рассмотрев протоколы следственных действий, произведенных в городе Вологде в связи с обыском в гор. С-Пе-

тербурге в складе «Правда», нашел, что дочь Действительного Статского Советника Мария Ильина *Ульянова* хранила у себя произведения печати, на кои наложен арест судебными установлениями, при чем журнал «Работница» был в нескольких экземплярах, из коих один экземпляр был у нее на даче, что указывает на распространение *Ульяновой* запрещенной литературы, что предусмотрено 7 п. обязательного постановления от 31 Октября минувшего года, почему *постановил:* все производство по отношению означенной *Ульяновой* выделить и препроводить Вологодскому Губернатору с ходатайством о наложении на *Ульянову* взыскания, в административном порядке.

Отдельного Корпуса Жандармов
полковник *Иванов.*

Справка: Сообщено Губернатору 13 августа 1914 года, за № 4963.

Отдельного Корпуса Жандармов
Полковник *Иванов.*

ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 30, л. 21.

№ 23

Дело № 173/1914 г. *Копия*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Главноначальствующего Вологодского губернатора № 173

1914 года августа 21 дня, рассмотрев представление начальника Вологодского губернского жандармского управления от 13 августа 1914 года за № 4963, я нашел, что состоящая под гласным надзором полиции в г. Вологде дочь действительного статского советника Мария Ильина Ульянова изобличается в хранении у себя в нескольких экземплярах произведений печати, подвергнутых аресту установленным в законе порядком, из чего лично заключить, что означенные произведения предназначались Ульяновой для распространения, что составляет нарушение пункта 7-го обязательного постановления Вологодского губернатора от 31 октября 1913 г. за № 1, а потому *постановил:* подвергнуть дочь действительного статского советника Марию Ильину *Ульянову* аресту при полиции на один месяц с 21-го сего августа.

О настоящем постановлении объявить Ульяновой, и приведение в исполнение этого постановления поручить Вологодскому полицеймейстеру немедленно.

Главноначальствующий правления. Губернатор *Лопухин.*

Верно: и. д. канцелярии (подпись).

ГАВО, ф. 108, оп. 7, д. 6, л. 19.

№ 24

МВД
Вологодский
полицеймейстер
26 августа 1914 г.
№ 1585

Копия

Арестантское.

Вологодскому губернатору

РАПОРТ

Доношу Вашему превосходительству, что согласно постановления от 13 августа сего года за № 177, дочь действительного статского советника Мария Ильинична *Ульянова,* заключена под арест, при 3-м по-

лицейском участке города Вологды, на один месяц, считая срок с 23 сего августа.

Полицеймейстер (подпись)

Верно:

ГАВО, ф. 108, оп. 7, д. 6, л. 21.

№ 25

Копия

Его превосходительству, господину начальнику Вологодской губернии
Дворянки Анны Ильиной Елизаровой

ПРОШЕНИЕ

Сегодня утром по распоряжению Вашего превосходительства была взята под арест сестра моя, Мария Ильинична Ульянова. Ввиду того, что в настоящее время уже третью неделю серьезно больна моя престарелая мать, Мария Александровна *Ульянова* и что на нее, от которой я скрыла пока арест сестры, он может подействовать убийственно: врач нашел у ней нервный удар в первой степени, — я убедительно прошу Ваше превосходительство отменить арест сестры или, по крайней мере, отсрочить его до окончательного выздоровления моей матери.

Дворянка *Анна Ильина Елизарова*.

23 августа 1914 г.

Московская ул., д. Самарина, кв. № 3.

Верно:

ГАВО, ф. 108, оп. 7, д. 6, л. 20.

№ 26

Копия

Его превосходительству господину начальнику Вологодской губернии
Вдовы действительного статского советника Марии Александровны УЛЬЯНОВОЙ.

ПРОШЕНИЕ

Ваше превосходительство, 21 августа была подвергнута по Вашему распоряжению аресту при полиции дочь моя Мария Ульянова. В последние годы эта дочь моя одна находится при мне. С 4 августа я больна и почти не покидаю постели. Как врач Орлов, пользовавший меня до своего отъезда в действующую армию, так и посещающий меня в настоящее время доктор Покровский, свидетельство которого прилагаю, находят состояние мое серьезным и постоянное присутствие при мне близкого человека необходимо. Между тем старшая дочь моя, гостившая это время у меня, должна уехать на днях к мужу и мне придется тогда остаться одной. Ввиду невозможности этого для меня при настоящем состоянии моего здоровья, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить дочери моей Марии оставшийся ей срок наказания отбыть под домашним арестом, чтобы она имела возможность ухаживать за мной. 1914 года 1 сентября.

Вдова Д. С. С. *Мария Александровна УЛЬЯНОВА*.

Московская улица, д. Самарина, кв. 3.

Верно.

ГАВО, ф. 108, оп. 7, д. 6, л. 22.

№ 27

Копия

Вх. 1538. 24 сентября 1914 года.

Берн (через Стокгольм и Париж), Вл. Ульянову, Доннербухлевег, 11-А.

Вологда, 19 сентября 1914 г.

Дорогой Володя. Наконец-то мы получили весть от тебя (через Марка) и узнали твой адрес; очень уж тревожно было до тех пор. Надеюсь, ты напишешь мне теперь подробнее о себе, как жил ты это время, верен ли слух о твоем аресте, бывший в газетах. Как живешь теперь. Как здоровье твое и Нади. Каковы у Вас материальные обстоятельства. Не послать ли денег? У нас с начала августа тоже было неблагополучно: мама захворала на другой же день после переезда из деревни и пролежала три недели. Теперь хоть поправилась, но все еще слаба. Выходит понемногу на балкон в ясные дни; три раза ходила погулять в садик напротив. Поправка пошла бы, верно, успешнее, будь то лето или юг. Но все же, слава богу, поправилась. Было у ней что-то нервное — от переутомления, объяснял доктор: головные боли и большая слабость.

Очень она беспокоилась о тебе. Мы, конечно, не сказали ей о случае в газетах, она считала, что ты в Стокгольме, но все же тревожилась отсутствием вестей. Не пиши уж лучше ей, если пришлось в большой переделке побывать в Австрии, — будет потом все представляться возможность повторения. Очень она стала нервной. А мне и Марку в Петербург напиши подробнее. М. получил там место и я поеду туда, как вернется Маня. У нас еще была неприятность: Маня была административно посажена под арест на месяц за хранение конфиск. изданий. Послезавтра это, наконец, кончается. Она здорова и вынесла заключение хорошо кажется. Тяжелее было для мамы. Митя призван запасным врачом, но устроился хорошо пока: в Севастополе, в госпитале. Если не придут турки или не перешлют его куда-нибудь, то хорошо. Беспокоится тоже о тебе и спрашивает в каждом письме. Пиши пока сюда: Вологда, Московская, д. Самарина. Наши еще невполне решили, ехать сейчас в Петербург или обождать здесь по теперешнему времени. Я, вероятно, на будущей неделе выеду хоть к концу. Сейчас пока кончу: еще на меня напасть, глаз один разболелся, — потому мажу так. Окончу уж на этот раз. Целую крепко тебя и Надю. Радуемся за Вас. Мамочка тоже целует. Мы послали с нею открытку в Берн, до востребования, до получения твоего адреса.

Напиши как относишься к теперешним событиям, так как хотелось бы поговорить. Журнал, слышала, хотят возобновить.

Твоя А.

С подлинным верно:

ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 223, л. 418 и 418 об.

№ 28

Копия

М.В.Д.
Вологодский
полицеймейстер
30 октября 1914 г.
№ 1585
На № 9600

В канцелярию Вологодского губернатора

В дополнение к рапорту от 26 августа сего года за № 1585, уведомляю, что согласно постановления главноначальствующего г. Вологодского губернатора за № 177 дочь действительного статского советни-

ка Мария Ильина Ульянова окончила срок наказания при 3-м полицейском участке города Вологды в течение одного месяца.

Полицеймейстер (подпись)

ГАВО; ф. 108, оп. 7, д. 6, л. 24.

№ 29

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1914 года сентября 22 дня Вологодский полицеймейстер ввиду окончания срока надзора полиции административно-ссыльной Марии *Ульяновой* сего 22 сентября *постановил:* освободить ее от надзора полиции за окончанием срока, о чем донести Вологодскому губернскому правлению и сообщить начальнику Вологодского губернского жандармского управления.

Объявлено: *Мария Ильина Ульянова*

Буду проживать в г. Саратове.

Полицеймейстер — (подпись)

Паспорт за № 279 выданный приставом 1 уч. Литейной части. г. Петрограда 26/X-1896 г. получила 22/IX *М. УЛЬЯНОВА.*

ГАВО, ф. 129, оп. 1, д. 1156, л. 24.

№ 30

№ 292847 *Выписка*

28 октября 1914 г.

г. Москва. Совершенно секретно

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Записка № 284

Сведения Начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

Агентура *«ПЕЛАГЕЯ».*

Сведения поступили 27 октября 1914 года.

Сведения принял ротмистр *Кирпотенко.*

Сущность сведений	Что сделано
Недавно прибыла в Москву из Вологодской губернии, по отбытии административной ссылки, Мария Ильинична *Ульянова* — сестра известного *«Ленина».* При свидании с некоторыми из местных социал-демократов Ульянова знакомила их с последними тезисами «Ленина», выставленными им в связи с текущими событиями. Копия названных тезисов, или положений «Ленина», представляющих собой ближайшие задачи социал-демократии, весьма боевого характера, — прилагаются.	Установить за *Ульяновой* наблюдение.

Выписка из дела Департ. Полиции, 9 д-ва, № 5, ч. 46, л. Б, 1914 г. — Социал-демократы. Агентура. г. Москва.

С подлинным верно: архивариус *Иванова*

ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 37, л. 2.

Т. И. Кирсанова

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЕСТЬЯНСТВА СЕВЕРА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(По материалам Архангельской, Вологодской и Вятской губерний)

Одной из важнейших проблем, возникших перед Советским государством в первые годы его существования, стала проблема социально-экономического преобразования деревни. Для разработки и осуществления конкретных мероприятий в этой области в двадцатые годы было широко развернуто научное изучение крестьянства. Значительную помощь в этом деле оказали социологические исследования.

В Архангельской, Вологодской и Вятской губерниях существовали статистические бюро, которые выполняли на местах конкретные социологические и статистические исследования. К этой работе привлекался большой отряд из числа деревенских, волостных и губернских статистиков. Результаты исследований регулярно публиковались. Издавались статистические ежегодники, справочники, календари по сельскому хозяйству [1].

---

[1] Краткий справочник по Архангельской губернии и записная книжка на 1925 год. Архангельск, 1925.

Краткий справочник и записная книжка волстатистика и статистического корреспондента на 1929 г. Архангельск, 1929.

Дневник волстатистика и сел.-хоз. корреспондента на 1924 г. Вологда, 1924.

Календарь-дневник и справочная книжка сельского статистика Вятской губернии на 1925 г. Вятка, 1925.

Статистический справочник волостного работника. Вятка, 1927.

Справочная книжка-календарь волостного статистика и добровольного корреспондента Вятской губернии на 1927 г., изд. Вятского губстатотдела, 1927.

Сельское хозяйство в Архангельской губернии в 1921 г. Архангельск, 1921.

Конъюнктурный обзор народного хозяйства Вологодской губернии за 1924—1925 гг. Вологда, 1926.

Отчет губернского Исполнительного комитета X губернскому съезду Советов. Вологда, 1923.

Народное хозяйство Коми АССР. Стат. сборник. Сыктывкар, 1957.

Деловой справочник Вологодской губернии. Вологда, 1923.

Вологодский округ в цифрах. Изд. Вологодского губстатотдела, 1929.

Данные губстатбюро широко использовались в работе партийных органов как центральных [2], так и на местах [3].

Статистические бюро были организованы при губернских комитетах партии и работали под их руководством.

Статистические данные представляют собой тот необходимый материал, без которого не могли обойтись ни партийные, ни советские органы. Они необходимы и современному историку, занимающемуся крестьянской проблемой.

В статистических материалах хорошо представлена хозяйственная деятельность губерний. Статистические материалы охватывают широкий круг вопросов: население, территорию, народное образование, народное здравоохранение, землепользование, сельское хозяйство, лесоводство и лесное хозяйство, агрономическую помощь, промышленность, труд, цены на важнейшие товары, транспорт, снабжение и распределение, торговлю, кооперацию, питание населения, страхование, финансы.

Значительное место в работе бюро занимали вопросы, связанные с сельским хозяйством. В Вятском губстатбюро, например, две секции из восьми ведали статистикой сельского хозяйства. Это — секция текущей сельскохозяйствен-

---

За три года. Отчет о деятельности Вологодского губисполкома и его отделов.

К VII губ. съезду Советов 20 июня 1921 г. Вологда, 1921.

Краткий отчет о деятельности Вологодского губисполкома за 1923—1924 гг. Вологда.

Обзор народного хозяйства губернии (на 1-е апреля 1925 г.) Архангельск, 1925.

[2] Отчет Совету народных комиссаров и Совету труда и обороны с 1 апреля по 1 октября 1922 г. Архангельск. 1923.

Материалы к докладу Архангельского губернского исполнительного комитета на Президиуме ВЦИКа. Архангельск, 1927.

[3] Отчет Вятского губернского статистического бюро VIII губернскому съезду Советов. Вятка, 1921.

Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1923—1924 хозяйственный год. Вологда.

10 лет строительства Советской власти в Вологодской губернии. Вологда, 1927.

Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1925—1926 хозяйственный год. Вологда, 1927.

Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1924—1925 хозяйственный год. Вологда, 1926.

Народное хозяйство Архангельской области. Стат. сборник. Архангельск, 1957.

Наша работа, наши задачи. Отчет губисполкома за 1925—1926 год XII губ. съезду Советов. Архангельск, 1927.

Год работы. 1922—1923. Отчет IX губ. съезду Советов. Архангельск, 1923.

Итоги работы двух лет. Отчет Архангельского губисполкома XIII губ. съезду Советов (с 1/X-1926 по 1/X-1928 г.) Архангельск, 1929.

ной статистики и секция земельной статистики и сельскохозяйственных переписей. Секция текущей сельскохозяйственной статистики проводила весенние и осенние обследования по составу посевной и огородной площади, количеству выпущенного скота; орудиям обработки почвы, количеству птицы и т. д. Секция земельной статистики и сельскохозяйственных переписей проводила выборочные осенние и весенние обследования, разрабатывала материалы сельскохозяйственных переписей.

Представляет интерес выборочное обследование крестьянских хозяйств, произведенное во второй половине мая и начале июня 1921 г. в Архангельской губернии. Цель его определить изменения, которые произошли по сравнению с 1920 г. в посевных площадях, количестве скота и главнейшего сельскохозяйственного инвентаря. Обследование ставило перед собой цель вычислить общие размеры посевных площадей, количества скота и сельскохозяйственного инвентаря для 1921 г. Это было тем более важно, если учесть, что в Архангельской губернии почти не было земельных измерений [4].

В статистических материалах часто приводятся сравнительные данные не только по советскому периоду, но и дается сравнение с дореволюционными обследованиями земли, урожайности и т. д.

Территориально советский Север занимает громадную площадь, больше половины которой покрыта лесами. Общая площадь Вологодской губернии в два раза превышала площадь Эстонии и более чем в три раза — площадь Бельгии [5].

Пахотная часть земли в первые годы Советской власти обрабатывалась, по существу, дедовскими и прадедовскими орудиями производства. В крестьянских хозяйствах были широко распространены сохи, косули, бороны, плуги железные, плуги с железными зубьями, плуги деревянные. Однако уже с 1922 г., пусть еще в небольших количествах, но стали появляться сеялки, жнейки, тракторы, уборочные машины, зерноочистительные машины, сенокосилки.

Статистические данные позволяют проследить оснащенность крестьянских хозяйств (артелей) сельскохозяйственной техникой. Количество ее резко увеличивается в связи с начавшейся коллективизацией в 1928 г. и особенно в 1929 г.

На Севере до революции помещичье землевладение было развито очень слабо, а в Архангельской губернии его не было совсем. Значительные земельные фонды Севера принадлежали царской казне, т. е. были удельными. Землями

[4] Сельское хозяйство в Архангельской губернии в 1921 г. Архангельск, 1921.

[5] Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917—1924 гг. Вологда, 1926, стр. 3.

владели монастыри, церкви, притчи церквей. Это накладывало особый отпечаток на вопросы землевладения и землепользования.

Второй Архангельский губернский крестьянский съезд, состоявшийся в феврале 1918 г., принял специальную резолюцию по вопросу о земле. В ней указывалось: «Вся земля, весь лес, недра и воды обращаются во всенародное достояние».

Конфискованная земля поступала в распоряжение земельных комитетов. Все казенные, удельные, церковные, притчевые и частновладельческие земли и леса подлежали немедленному отчуждению без всякого выкупа. Применение наемного труда на конфискованной земле запрещалось [6]. Съезд учитывал местные условия Архангельской губернии. Там, как известно, сельское хозяйство не могло быть решающим средством для существования трудящихся. Поэтому съезд остро ставил вопрос о лесе. Все леса объявлялись общенародным достоянием. С первых дней Советской власти они находились в ведении земельных комитетов. А бывшие удельные лесопильные заводы передавались в ведение губернского земельного комитета.

Весной 1918 г. малоземельные крестьяне Вятской губернии получили 5,5 млн. десятин земли [7].

Статистические ежегодники иногда охватывают материалы за год, иногда дают сведения за несколько лет.

Особенно ценны «Статистический ежегодник Вятской губернии за 1922 год», «Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917—1924 гг.», «Статистический сборник по состоянию землепользований Вятской губернии», «Статистический справочник по Вятской губернии за 1925 г.», «Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 гг.», «Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год», «Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год», «Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год», «Сельскохозяйственные районы Вятской губернии», «Статистический ежегодник Вятской губернии за 1923—1924 хозяйственный год».

Существенную помощь исследователю могут оказать «Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927—1928 год», «Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928—1929 годы», «Товарность крестьянских хозяйств Архангельской гу-

---

[6] Протоколы второго Архангельского губернского крестьянского съезда. Архангельск, 1918, стр. 12.

[7] 1917—1967. Пятьдесят советских лет. Кировская обл., Волго-Вятское кн. изд-во, 1967, стр. 16.

бернии (опыт анкетного исследования товарных элементов крестьянских хозяйств Архангельской губернии)».

Статистические материалы отражают вопросы землепользования, землеустройства, распределение площадей земельных угодий. Они раскрывают хозяйственное положение крестьян по группам населения.

Материалы бюджетного обследования представляют огромный интерес. Ни одно статистическое обследование, кроме бюджетного, не дает такого полного освещения строения крестьянского хозяйства со всех сторон. Бюджетное обследование показывает внутреннюю жизнь крестьянского хозяйства. Из этого обследования видно, насколько оно рентабельно, какое количество продуктов идет на потребление в своем хозяйстве и сколько продуктов поступает в денежный оборот путем продажи на рынке.

Из затрат рабочего времени на полеводство и скотоводство можно выяснить организацию крестьянского хозяйства, а также выявить, какая из отраслей этого хозяйства преобладает по губерниям (а в пределах губерний — по уездам). Большой интерес представляют затраты рабочего времени на внеземледельческие заработки, составлявшие существенный вклад в крестьянский бюджет.

На основании статистических материалов можно проследить путь возникновения, становления и укрепления кооперации на местах в первые годы Советской власти.

Разбираемые источники дают возможность проследить формы аренды земли и наем рабочей силы. В Архангельской губернии, например, наем рабочей силы в крестьянских хозяйствах был распространен в нескольких видах: срокового, поденного и сдельного [8].

Интересно изучение емкости крестьянского рынка. Это помогает правильному раскрытию взаимоотношений Советского государства и крестьянства в переходный период.

Таким образом, статистические материалы дают возможность конкретно изучить положение крестьянства, степень товарности их хозяйств, помочь понять историческую и экономическую необходимость преобразований для крестьянства Севера, перевод их от мелкого единоличного крестьянского хозяйства на рельсы крупного хозяйства (колхозов и совхозов). К сожалению, эти ценнейшие источники выпадают из поля зрения исследователей. К ним иногда прибегают как к иллюстрациям. На наш взгляд, статистические материалы так важны, что они могут представлять ценность как самостоятельный исторический источник.

---

[8] Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск, 1929, стр. 46—47.

Г. Н. Лохтева

ПИСЬМА КРЕСТЬЯН КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА СССР С ТРУДЯЩИМИСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

К числу документальных материалов, отражающих процесс формирования у крестьянства новых черт социальной психологии в первые годы Советской власти, относятся письма крестьян, адресованные в центральные государственные учреждения и периодическую печать.

Как массовый исторический источник, письма наиболее полно и непосредственно выражают чувства, настроения и мнения различных социальных групп крестьянства и являются незаменимым материалом для изучения народной жизни и крестьянской психологии в ее типичных социальных и индивидуальных проявлениях.

Уникальным собранием писем крестьян первого советского десятилетия является фонд редакции «Крестьянской газеты», издававшейся с 1923 по 1928 год. «Крестьянскую газету», которая талантливо, тактично и умело вела огромную повседневную работу с крестьянами и всегда была повернута лицом к деревне, крестьяне считали своим подлинным другом и испытывали к ней особое доверие. По свидетельству заместителя редактора «Крестьянской газеты» С. Б. Урицкого, в редакцию ежемесячно поступало около 60.000 писем крестьян из различных уголков страны [1].

Фонд редакции «Крестьянской газеты», хранящейся в Центральном государственном архиве Народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР, ф. 396), состоит из нескольких десятков тысяч писем и корреспонденций крестьян за 1923—1928 годы. Несмотря на богатство материала, письма крестьян до сих пор не привлекли к себе внимания исследователей. Между тем, в письмах получили освещение все вопросы, волновавшие деревню 20-х годов: земельная и налоговая политика Советской власти, отношение крестьян к кооперации, деятельность местных органов власти, комсо-

[1] «Крестьянская газета» (Москва), 20 ноября 1927 г., № 47 (205), стр. 1.

мольских и партийных ячеек, культурно-просветительная работа, состояние медицинской помощи, верования и обычаи крестьян и многие другие. В письмах отражены раздумья крестьян о сущности нового строя, о путях развития деревни в условиях социалистического государства и судьбах крестьянства, дается оценка самых разнообразных мероприятий, осуществляемых Советской властью.

Наряду с новыми чертами, проявившимися в быту и психологии крестьянства, письма отразили разнообразные противоречия до колхозной деревни и многие темные стороны ее жизни.

При чтении писем обращает на себя внимание живой интерес крестьян к внешнеполитической деятельности Советского правительства и к событиям, происходящим в мире. Часть писем, присланных в редакцию «Крестьянской газеты», отражает интернациональные чувства и настроения советского крестьянства 20-х годов, его участие в движении интернациональной солидарности.

Период с 1923 по 1928 г. характеризовался дальнейшим наступлением мирового капитала на права трудящихся, усилением реакции и террора и ростом военной опасности. Тысячи революционеров в странах капитала были брошены в тюрьмы, ухудшились условия труда и быта рабочих и их семей, резко усилилась антисоветская деятельность империалистических правительств. В ответ на действия империализма возросло движение солидарности трудящихся всего мира, которые оказывали друг другу всевозможную помощь. Особенно сочувственно относились к положению народных масс в капиталистических странах и их борьбе трудящиеся Советского Союза, сами уже достигшие социального освобождения. Их помощь зарубежным рабочим и крестьянам была наиболее значительной. В середине 20-х годов, например, трудящиеся СССР составляли 86% всех членов МОПРа — международной организации помощи борцам революции, сыгравшей видную роль в поддержке международного революционного движения [2].

В другой международной организации помощи борцам революции — Межрабпоме — Советский Союз также принимал активное участие. Достаточно сказать, что 25% денежных поступлений в Межрабпом на помощь бастующим рабочим Германии были переведены из СССР [3]. В 1926 году, в период мощной и длительной забастовки английских горнорабочих, Советский Союз передал английским профсоюзам 11,5 млн. руб. из 18 млн. 849 тыс. руб., которые они по-

[2] «Крестьянская газета» (Москва), 7 декабря 1924 г., № 54, стр. 2.
[3] А. М. Гак, В. А. Кузько, И. С. Полянский. Братская материальная помощь советского народа трудящимся капиталистических стран. — «Вопросы истории», 1966, № 7, с. 52.

лучили отовсюду, что оказало существенную помощь английским горнякам и их голодающим семьям [4].

Наряду с рабочими в движении международной солидарности 20-х годов приняли участие и крестьяне Советского Союза. В этом выразились, в частности, результаты огромной работы по интернациональному воспитанию трудящихся, проводимой Коммунистической партией в первое десятилетие Советской власти. Особенно большую роль в этом сыграла периодическая печать, которая разъясняла рабочим и крестьянам сущность внешней политики Советской власти, пробуждала интерес к событиям, происходящим в мире, сочувствие к революционной борьбе за рубежом.

Несмотря на тяжелое экономическое положение деревни 20-х годов, когда еще не были до конца преодолены последствия мировой войны и иностранной военной интервенции, крестьяне включились в движение интернациональной солидарности и оказали значительную помощь международному революционному движению.

Однако вопрос об участии крестьян в движении интернациональной солидарности практически не изучен. В специальных работах по интернациональной солидарности и в соответствующих сборниках документальных материалов [5] основное внимание уделено рабочему классу; участие советского крестьянства в оказании помощи трудящимся зарубежных стран иллюстрируется лишь отдельными примерами.

Между тем, вопрос об интернационализме крестьян заслуживает внимания, во-первых, потому, что участие крестьян в развернувшемся в СССР движении в поддержку зарубежных трудящихся было довольно ощутимым; во-вторых, проявление интернациональных чувств свидетельствовало о начавшемся изменении стародедовских жизненных представлений крестьян об окружающем их мире и принципах взаимоотношений между людьми.

Письма и корреспонденции крестьян в редакцию «Крестьянской газеты», несмотря на относительную малочисленность, дают возможность составить конкретное представле-

---

[4] «Советская Абхазия», 8 декабря 1926 г., № 5 (1549), стр. 1.

[5] Английская стачка и рабочие СССР (резолюции, принятые на рабочих собраниях и предприятиях СССР), М., 1926; И. Комор. Помогают ли нам зарубежные рабочие. М.—Л., 1927; А. М. Мархасин. Деятельность КПСС по укреплению интернациональных связей трудящихся СССР с международным пролетариатом (1925—1927 гг.) Автореф. канд дис. М., 1964; А. Н. Бельский. Агрессивная антисоветская деятельность Англии в 1927 г. и провал попыток создать единый фронт империалистов против СССР. М., 1954 — Автореф. канд. дис.; Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927). Документы и материалы, сб. 3, М., 1959.

ние об участии крестьян в движении интернациональной солидарности, о формах помощи, оказываемой советской деревней трудящимся капиталистических стран, о проникновении в сознание крестьян идей классовой солидарности и коллективизма.

Тематически письма можно сгруппировать по трем основным вопросам:

1. Об участии крестьян в деятельности МОПРа;
2. О помощи бастующим горнякам Англии;
3. О выражении интернациональных чувств крестьян в связи с ростом военной опасности.

Участие крестьян страны, в том числе и северных губерний, в работе МОПРа, как показывают письма, вылилось в создание ячеек МОПРа, которые проводили среди сельского населения сбор средств, направляемых затем через «Крестьянскую газету» в соответствующие организации политзаключенным капиталистических стран и их семьям. Так как материальное положение крестьян 20-х годов было еще очень трудным, приходилось искать различные источники средств. В письмах указывается, что некоторые деревни отчисляли в пользу МОПРа удои молока или часть сена. Для сбора средств в пользу МОПРа ставились спектакли, устраивались лотереи и т. п. Часть средств вносилась деньгами.

В письмах и корреспонденциях в «Крестьянскую газету» крестьяне с гордостью сообщали о работе, проведенной по линии МОПРа. «Мне недавно приходилось ходить по сбору добровольных пожертвований в пользу МОПРа по деревне Гремячевке, Ждановской волости, Корсунского уезда, Ульяновской губернии,—пишет селькор М. Г. Шмалев (1928 г.)— Эта деревня находится в углу Пензенской губернии. Она в старое время находилась при крепостном праве. Они знают сами, как жить под гнетом капиталистов и помещиков. Сами крестьяне не застали крепостного права, но им пришлось много слышать от своих отцов и дедов о крепостном праве. Данная деревня имеет около 110 дворов, из них было жертвующих в пользу МОПРа около 50 дворов. В общем, вся деревня сознала, что нужно помогать борцам за свободу, чтобы облегчить положение крестьян и рабочих на Востоке. Всего собрали 2 рубля 59 копеек. Только один частный торговец говорил: «Нам самим никто не помогает, впору хоть по миру идти» — и от совести бросил две копейки. Можно сделать вывод такой, что частники ненавидят борцов за революцию пролетариата» [6].

В фонде «Крестьянской газеты» сохранились отдельные письма-обращения крестьян, интересные ярко выраженным классовым и интернациональным звучанием. «Товарищи

[6] ЦГАНХ СССР, ф. 396, оп. 9, д. 96, л. 4.

крестьяне! — говорится в одном из таких обращений (1928). — Не забывайте своих братьев — узников капитала, которые томятся в одиночку в тюрьмах под игом капитала, у которых семьи голодают и при этом же работают по 12—14 часов. Чтобы облегчить свою жизнь, они идут просить, чтобы их, наконец, освободили от тяжелой жизни, но получают за это пули, их сажают в тюрьмы, там они томятся месяцы и годы в одиночке.

У нас, в России, то же было до Советской власти при царском правительстве. Вы тоже, наверное, крестьяне, подвергались такой же участи, когда помещик вызывал казаков, которые рубили и резали трудовой народ. Помни, крестьянин, что буржуй никогда не станет помощником рабочему в его деле.

Итак, давайте поможем узникам капитала через общество, которое называется МОПР. Мы внесем пятаки и поможем этим пятаком выбраться из тюрьмы рабочим и крестьянам, которые борются за освобождение рабочего класса на заре революционного движения» [7].

Пока еще не определены размеры помощи, оказанной советскими крестьянами международному революционному движению через МОПР. Можно предположить, однако, что она была довольно существенной [8]. Те же добрые чувства, которые выражали крестьяне СССР борющимся народам капиталистических стран, моральная поддержка, оказываемая ими, вообще не поддаются никакой оценке.

Второй действенной формой участия крестьян в движении интернациональной солидарности 20-х годов была помощь бастующим английским горнякам летом 1926 г. В это время в редакцию «Крестьянской газеты» систематически поступали денежные взносы от отдельных крестьян и целых деревень, резолюции крестьянских собраний, обращения, письма и корреспонденции селькоров, связанные с забастовкой английских горнорабочих.

«Препровождаю деньги для передачи английским горнякам, — пишет беспартийный бедняк (так подписано письмо) Орловской губернии А. Е. Савенков, — собранные мною от граждан поселка «Пробуждение» — 5 руб. 89 копеек, в их числе и своих 60 копеек...» «Товарищи крестьяне! — продолжает А. Е. Савенков. — Будьте примерными гражданами, делайте пожертвования своим братьям по труду — английским горнякам: жены и дети их голодают восьмой месяц.

---

[7] ЦГАНХ СССР, ф. 396, оп. 9, д. 96, л. 116.

[8] В 1926 году поступления из СССР в МОПР составили 7 103 479 руб. («Мопровский день», Воронеж, 18 марта 1927 г., стр. 2). Так как крестьяне составляли 21,1% советской секции МОПРа (там же), надо полагать, что значительная часть этой суммы поступала от них.

Рабочие Англии идут напряженной грудью против своих капиталистов, переживая всякие трудности на своем пути к свободной жизни.

Чем скорее мы им поможем, тем скорее кончат свой путь трудящиеся Англии, прорвут стальную цепь капитала и подадут нам сьой братский союз. Крепко будем надеяться, что с нашей поддержкой трудящиеся Англии свергнут трон капитала, как и мы свергли трон Николая, освободились от ига помещика и капитализма. Товарищи крестьяне! Откликнемся на зов жен и на плач детей английских горняков. Каждая копейка, каждый фунт хлеба утешит семью рабочего и придаст мужества самому рабочему [9].

Призывы крестьян и прессы нашли живой отклик в деревне. «Я, крестьянин, подписчик «Крестьянской газеты» Д. И. Симоненко, — говорится в одном из писем, — читая «Крестьянскую газету» № 33, был слишком затронут статьей об английских горняках, так как мне самому приходилось переносить такие тяжести. А посему шлю в «Крестьянскую газету» рубль денег, каковые прошу направить в помощь английским горнякам и призываю всех подписчиков последовать моему примеру» [10]. Подобные материалы редакция «Крестьянской газеты» получала почти ежедневно.

Секретарь Британской федерации профсоюзов Кук, выступивший на VII съезде профсоюзов СССР в декабре 1926 года, выразил горячую благодарность английских рабочих советским трудящимся. «Когда нам, британским горнякам, нужна была помощь, — сказал Кук, — когда мы выпустили обращение о помощи, вы... ответили нам не сочувственными телеграммами и резолюциями, — вы послали нам то снаряжение, которым мы могли победить» [11]. Эти слова в полной мере относятся и к крестьянству.

Третья группа писем, присланных в «Крестьянскую газету» в связи с ростом милитаризма и усилением военной опасности, интересна четко осознанной крестьянами общностью классовых задач. В письмах выражена мысль о том, что если Англия объявит войну Советскому Союзу, рабочие и крестьяне всего мира должны объединиться и оказывать друг другу помощь в борьбе против общего врага — буржуазии.

«Мы, граждане деревни Тониной, — указывается в резолюции собрания граждан дер. Тониной, Галичского уезда, Костромской губернии, — заслушав доклад о международном положении..., постановили: ответить на угрозу войны Советскому Союзу со стороны Англии и других империали-

[9] ЦГАНХ СССР, ф. 396, оп. 4, д. 31, л. 111.
[10] Там же, л. 220.
[11] «Советская Абхазия», 8 декабря 1926 г., № 5 (1549), стр. 1.

стов — собрать деньги на постройку воздушной партии аэропланов. Для чего призываем всех крестьян нашего Советского Союза последовать нашему примеру. Затем, в свою очередь, обращаемся с просьбой к крестьянам и рабочим всего мира. На случай мобилизации вас против нас вашей буржуазией и вашими правительствами данное вам в руки то или иное оружие обратить против своих буржуев. И тогда вы сделаете большое дело — прогоните их, как мы прогнали своих помещиков и капиталистов. Через это самое прекратится всякая угроза войны» [12].

«Заграничные рабочие и крестьяне! — пишет крестьянин-бурят П. Г. Майоров. — Заставьте усмирить разъяренных капиталистов. Побратайтесь с нами, рабочими и крестьянами, за общее дело против мирового империализма!!!» [13].

Выражая дружеские чувства трудовому народу капиталистических стран и, в частности, Англии, крестьяне СССР стремились выразить свое презрение и неприязнь к буржуазным правительствам этих стран. В письмах крестьяне постоянно награждают Остина Чемберлена — министра иностранных дел Англии — эпитетами, вроде: «черт толстопузый», «косоглазый» и т. п., а английскую буржуазию неизменно называют «твердолобой». Для писем вообще характерна образность и непосредственность, меткая и выразительная народная речь.

Защиту СССР крестьяне рассматривали уже не только как свой гражданский, но и интернациональный долг. Процветание Советского государства, по их мнению, являлось надежной гарантией скорой победы мировой революции. В укреплении обороноспособности СССР в 20-е годы крестьяне принимали деятельное участие. На деньги, собранные крестьянами, была построена воздушная эскадрилья «Крестьянский ответ Чемберлену», состоящая из 15 самолетов [14]. Многие крестьяне стали членами различных добровольных обществ (ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ).

Интернационализм, проявленный крестьянами в 20-е годы, конечно, не следует преувеличивать. Судя по имеющимся материалам, он еще не стал характерной чертой социальной психологии советского крестьянства, что было уже присуще рабочему классу. Это не могло быть иначе, поскольку сохранялась экономическая основа старокрестьянского быта — хозяйственная система, базирующая на единоличном землепользовании.

Деревня 20-х годов представляла собой сложное явление не только в экономическом, но и в социальном отноше-

[12] ЦГАНХ СССР, ф. 396, оп. 5, д. 216, л. 323.
[13] Там же, л. 423.
[14] «Известия» (Москва), 5 марта 1928 г., стр. 4.

нии и наличие в ней различных социальных групп постоянно давало о себе знать. В редакцию «Крестьянской газеты» наряду с материалами, о которых говорилось выше, поступали письма от лиц, явно враждебных Советской власти и от крестьян, на психологии которых политические и социально-экономические перемены, произведенные Октябрьской революцией, еще не отразились. В частности, в фонде редакции «Крестьянской газеты» имеются письма, авторы которых жалуются на крестьян, отказывающихся принять участие в движении за оказание помощи зарубежным трудящимся [15].

Движение интернациональной солидарности крестьянства выразило лишь наиболее прогрессивные тенденции, наметившиеся в общественном сознании этого класса в первое десятилетие Советской власти. Эти тенденции получат свое полное развитие в дальнейшем.

---

[15] ЦГАНХ СССР, ф. 396, оп. 5, д. 216, л. 17, оп. 4, д. 31, л. 18.

А. А. Угрюмов

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КОКШЕНЬГЕ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917—1918 гг.

Топонимический термин Кокшеньга в течение многих веков, вплоть до 30-х годов XX века, обозначал территорию, почти в точности совпадающую с границами современного Тарногского района Вологодской области.

В 1917 г. в состав Кокшеньги входили волости: Верхкокшеньгская, Озерецкая, Шевденицкая, Долговицкая, Маркушевская, Шебеньгская, Заборская, Спасская, Минская и Заячерицкая.

В данных заметках используются материалы по всем кокшеньгским волостям, кроме Минской и Заячерицкой, которые с 30-х гг. находятся в составе Устьянского района Архангельской области.

Материалами, на основании которых они составлены, являются архивные документы, имеющиеся в Вологодском областном госархиве (ВОГА), просмотренные нами в 1966—1968 гг.: а) фонд 4252 — «Дело с материалами об организации временных волостных комитетов в Тотемском уезде», б) фонд 1330 — «Спасский ВИК — 1918—1921 гг.», в) фонд 1397 — «Верхкокшеньгский ВИК — 1917—1920 гг.», г) фонд 1398 — «Шевденицкий ВИК — 1917—1920 гг.».

Их дополняют местные газеты периода 1917—1918 гг.: а) «Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов» за 1917 г., б) «Тотемский народный социалист», орган тотемской группы народных социалистов (трудовиков), издававшийся в Тотьме с июля по декабрь 1917 г., в) «Тотемская жизнь», еженедельная газета, издававшаяся неким «Товариществом» в марте—августе 1917 г., г) «Тотьмич», газета с неуказанным издателем, выходившая в Тотьме с 13 января по 24 мая 1918 г. Эти газеты хранятся в Вологодской областной библиотеке им. И. В. Бабушкина. Выписки из последних трех газет любезно предоставлены в пользование автора данных заметок М. П. Зыковым, учителем истории и директором Тарногской средней школы. Безусловно, перечень источников, содержащих мате-

риалы по затронутой проблеме, далеко не исчерпывается этими названиями. Здесь дан лишь список цитируемых источников.

Цель исследования — восстановить истинную картину смены различных органов власти в волостях Кокшеньги в период двух русских революций 1917 г. в связи с тем, что эта картина сильно упрощается в ряде устных и печатных выступлений.

Примером упрощенного освещения событий пятидесятилетней давности может служить публикация Е. Рудакова в сборнике «Юность комсомольская моя» (Вологодское книжное изд-во, 1964 г.). Е. Рудаков, один из первых комсомольцев Спасской волости периода 1918 г., а затем коммунист, в своей статье «Это было в Кокшеньге» пишет:

«Во второй половине ноября 1917 г. под свист и улюлюканье толпы крестьяне нашей волости вывели из правления арестованного старшину. Над зданием взвился красный флаг. В волости была установлена Советская власть» (стр. 146).

В цитируемом отрывке по меньшей мере две ошибки: а) Волостное правление Спасской волости (как и в других волостях Кокшеньги) было упразднено не во второй половине ноября, а в марте 1917 года; б) Советская власть в форме волостного Совета крестьянских депутатов в Спасской вол. (как и в других волостях Кокшеньги) была установлена не в ноябре 1917 г., а в мае 1918 г. Вызвана эта ошибка, безусловно, тем, что автор цитируемой статьи опирался при описании данного эпизода только на свою память, а она, как известно, инструмент весьма несовершенный.

Документальные данные раскрывают следующую картину. Прослеживаются две тенденции в образовании органов власти в волостях Кокшеньги в 1917 г., до Великой Октябрьской социалистической революции: а) создание таких органов по указанию Временного буржуазного правительства; б) возникновение параллельно с ними организаций, претендующих на власть, по инициативе местных деятелей.

До Февральской буржуазно-демократической революции 27 февраля — 3 марта 1917 г. органами власти в волостях повсеместно были волостные правления, возглавлявшиеся волостными старшинами и волостными писарями. Через месяц после Февральского переворота в Кокшеньге прошли «всесословные волостные сходы», на которых были избраны временные волостные исполкомы. В Спасской, Шевденицкой и Верхкокшеньгской волостях такие сходы были проведены 26 марта (по старому стилю), в Шебеньгской вол. — 28 марта [1]. По Заборской и Маркушевской волостям соответствующие материалы еще не разысканы.

[1] ВОГА, ф. 4252, д. 1, л.л. 19, 25, 44, 45, 63, 316.

Смена волостных правлений временными волисполкомами проходила мирно. Более того, эти сходы были созваны волостными старшинами, власть которых до этого времени никем не оспаривалась и которые руководили сходами. Во всех четырех волостях, по которым нам удалось разыскать документы, волостные старшины были избраны в состав этих новых органов власти, а в трех из них: в Шевденицкой, Шебеньгской и Верхкокшеньгской — они получили должности председателей временных волисполкомов [2].

Все это в общем было похоже лишь на «смену вывесок», а не на революцию, хотя в настроениях крестьян чувствовалось появление гражданского самосознания. Оно, между прочим, ярко проявилось в одной из фраз, замеченной нами в протоколе Шебеньгского волостного схода от 23 марта 1917 г., собравшегося «на предмет избрания представителей, для образования волостного комитета, взамен упраздненного волостного правления». Фраза эта звучит так:

«1917 года марта 28 дня мы, нижеподписавшиеся бывшие удельные крестьяне, а ныне граждане Вологодской губ., Тотемского уезда, Шебеньгской волости» [3].

Чувствуется, что шебеньгским мужикам давно уже надоело быть удельными крестьянами и они охотно осваивают свое новое звание — граждане.

Временные волостные комитеты просуществовали от пяти до восьми месяцев и были сменены волостными земствами и их управами.

Инициатива создания волостных земств принадлежит также Временному буржуазному правительству. «Временное положение о волостном земском управлении» было подписано министром-председателем князем Львовым 21 мая 1917 г. (см. брошюру «Волостное земство и его значение для крестьянства», изданную в 1917 г. в Вологде кооперативным издательством «Знание и борьба» с приложением указанного выше «Приложения»).

Выборы волостных земств в Тотемском уезде состоялись в августе 1917 г., но формирование волостных земских управ и передача им дел от временных волисполкомов в Кокшеньге затянулась на целых четыре месяца и закончилась лишь в декабре 1917 г., т. е. уже после Великой Октябрьской социалистической революции. Первые собрания гласных волостных земств прошли: в Шевденицкой волости — 11 сентября 1917 г. [4], в Спасской волости — не ранее декабря 1917 г. [5].

---

[2] ВОГА, ф. 4252, д. 1, л.л. 44, 72, 129, 284.
[3] ВОГА, ф. 4252, д. 1, л. 63.
[4] ВОГА, ф. 1398, д. 1, л. 3—9.
[5] «Тотемский нар. социалист» № 11 от 15 декабря 1917 г.

Такая затяжка с внедрением новой формы местной власти, придуманной Временным буржуазным правительством, объясняется прежде всего непопулярностью уездного земства, которое существовало и при царизме. Зная его неповоротливость и небоевитость, крестьяне переносили свое недоверие к нему и на вновь создаваемые волостные земства.

Параллельно с процессом создания в волостях в период между Февральской и Октябрьской революциями органов власти по указаниям «сверху» шел процесс, как мы уже говорили, стихийного формирования органов, которые тоже претендовали на власть. Этот процесс захватил и Кокшеньгу. Уже в марте 1917 г., еще при старых волостных правлениях, до создания временных волисполкомов, в Спасской волости были созданы деревенские советы. 12 марта 1917 года на волостном сходе спасские крестьяне вынесли решение:

«О выборе в каждой деревне волости совета из 2—3 лиц, который бы наблюдал за своевременным исполнением общественных работ; совет этот должен обладать властью, облагать нерадивых штрафом и принимать все меры к тому, чтобы ни один клочок пахотной земли не остался незасеянным» [6].

В апреле 1917 г., уже при временных волисполкомах, такие деревенские советы были созданы в двух сельских обществах Верхкокшеньгской волости: 17 апреля—по 16 деревням Илезского общества, 30 апреля — по 20 деревням Верхкокшеньгского общества [7].

При этом илезский сход, подобно спасскому, определил их права и функции в довольно сходных выражениях. Эти советы должны были: следить за тем, чтобы вся надельная земля была засеяна, а пустующую передавать другим крестьянам, «могущим ее засеять», следить за исправностью изгородей, налагать штрафы «в пользу всей деревни равномерно», в случае отказа выполнять возложенные на крестьян «обязанности по общественным делам» нанимать других за счет отказавшихся.

Нетрудно заметить, что эти деревенские советы не были защитниками интересов беднейшего крестьянства, а, наоборот, мыслились их инициаторами как органы, от которых могли бы выиграть зажиточные мужики, те, которые, кроме своих наделов, сумели бы обработать еще и чужие, например, вдовьи, солдатские, при этом вовсе не из филантропических побуждений. Кулацкий характер этих советов подтверждает и тот факт, что инициаторами их создания в Спасской волости были эсеры, руководившие сходом

---

[6] ВОГА, ф. 4252, д. 1, л. 2.
[7] ВОГА, ф. 4252, д. 1, л. 146—148.

12 марта 1917 г. (Басов М. Н. и др.). Их влияние чувствуется и в формулировках илезского протокола.

В июне 1917 г. в кокшеньгских волостях возникли еще волостные земельные комитеты. Их появление связано с работой I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, проходившего в 20-х числах мая 1917 г. в Петрограде. Между прочим, делегатом этого съезда был один местный крестьянин, Юшманов М. М. из Заборской волости, в те дни солдат-отпускник, избранный «в Совет крестьянских депутатов в Петроград» «собранием уполномоченных волостей» Тотемского уезда 16 мая 1917 г.[8].

Известно, что в большинстве делегаты I Всероссийского крестьянского съезда были беспартийными и что к руководству съездом с самого начала пробрались эсеры. Однако известно и другое, а именно, что на этом съезде присутствовала фракция большевиков, возглавляемая М. В. Фрунзе, что на съезде выступал В. И. Ленин, изложивший крестьянским делегатам аграрную программу большевиков и что его выступление произвело огромное впечатление и завершилось дружной овацией большинства делегатов.

На этом съезде большевики внесли предложение не ждать созыва Учредительного собрания, а создавать на местах явочным порядком земельные комитеты и под их руководством делить помещичьи земли и вообще решать все острые земельные вопросы.

Нам кажется, что создание в Кокшеньге волостных земельных комитетов через три недели после крестьянского съезда в Петрограде было своеобразным откликом на это предложение, хотя в этих волостях не было помещичьих земель. Самодеятельный характер земельных комитетов Кокшеньги подтверждает еще и тот факт, что в то время аналогичных организаций не было ни в уезде, ни в губернии.

Волостной земельный комитет в Шевденицах был создан в середине июня 1917 г. Нам не ясен пока сам процесс его сформирования, но по сохранившимся протоколам его заседаний можно с уверенностью сказать, что он был весьма влиятельным органом, который оттеснил официальный временный волисполком и решал все важнейшие практические дела в волости, вел свое делопроизводство, собирал с крестьян деньги на свои административно-хозяйственные нужды, и при этом не чувствуется, что крестьяне скупились бы давать ему средства, как это потом случится с волостными земствами[9].

Есть документы, говорящие о том, что такие земельные комитеты существовали в Верхкокшеньгской волости[10]. На-

[8] «Тотемская жизнь», № 8 от 18 мая 1917 г.
[9] ВОГА, ф. 1398, д. 1, л.л. 1—23.
[10] ФОГА, ф. 1397, д. 1, л. 32.

званные нами два волостных земельных комитета по своему составу не были большевистскими, так как в то время в Кокшеньге большевиков еще не было совсем, но идея создания этих комитетов была подхвачена кокшеньгскими крестьянами из выступления большевиков на Петроградском съезде. А это само по себе кое-что уже значит для того времени.

У нас нет возможности характеризовать деятельность этих комитетов более подробно, но мы можем заметить, что они оказались весьма жизнеспособными и просуществовали до лета 1918 года, без больших изменений в личном составе, а позднее были преобразованы в земельные отделы волостных исполкомов (ВИКов) уже при Советской власти.

После I Всероссийского крестьянского съезда в Вологодской губернии началось формирование крестьянских Советов: 5 июня 1917 г. был создан губернский Совет крестьянских депутатов в Вологде («Известия Вол. Совета раб. и солд. деп». № 15 от 8 июня 1917 г.); 23 июня 1917 г. возникает аналогичный уездный Совет в Тотьме («Тотемская жизнь» № 15 от 6 июля 1917 г.). Как известно, руководство этими Советами с самого начала оказалось в руках эсеров и меньшевиков.

Волна создания крестьянских Советов докатилась и до Кокшеньги, где они были избраны, по всей видимости, в июле 1917 г. Документально нами пока что установлено наличие двух волостных советов того периода: Шевденицкого и Верхкокшеньгского. С самого начала эти проэсеровские крестьянские советы стали ревниво относиться к волостным земельным комитетам и старались перехватить у них инициативу в решении волнующих крестьянство вопросов. Это очень наглядно можно проследить на примере взаимоотношений двух этих органов в Шевденицкой волости.

Шевденицкий волостной совет крестьянских депутатов, возникший позднее, чем аналогичный земельный комитет, 30 июля 1917 года «по указанию из уезда» (по чьему, мы еще не знаем) отстранил от дел последний и принял от него все его дела и прерогативы. Смена одного «самодеятельного» органа другим прошла, по-видимому, весьма мирно. При этом было даже заключено своего рода «джельтменское» соглашение, по которому председатель и секретарь земельного комитета волости были кооптированы в состав волостного совета, став его членами, а один из них (председатель) — даже казначеем совета [11].

Волостной Совет крестьянских депутатов вершил дела в Шевденицах, параллельно с официальным временным волисполкомом, полтора месяца, до 14 сентября 1917 г., но за-

[11] ВОГА, ф. 1393, д. 1, л.л. 7—8, д. 2, л.л. 21—22.

воевать авторитет у крестьян не смог и был отстранен от дел в связи с выборами волостного земства. Деятели волостного земельного комитета, воспользовавшись этими выборами, возродили свой комитет на первом же собрании гласных волостного земства, вернули от совета дела и кассу. Но окончательной решительности и в их действиях тоже не было, они отплатили совету не злом, а добром: представитель волостного совета крестьянских депутатов получил право присутствовать на каждом заседании земельного комитета и подписывать его протоколы (ниже подписи председателя и секретаря комитета) [12].

Встать на ноги этот совет больше уже не смог. Он окончательно захирел после Октября 1917 г.: в декабре 1917 г. его представитель уже не присутствует на заседаниях земельного комитета, хотя его подпись под протоколом все еще заделывается услужливым секретарем земкома, а 1 февраля 1918 г. совет был распущен решением собрания гласных волостного земства в связи с признанием власти настоящих, большевистских Советов. Это решение представляет значительный интерес, и мы приводим два его параграфа целиком:

«ПРОТОКОЛ

общего собрания гласных Шевденицкого волостного земства Тотемского уезда 1 февраля 1918 г.

На собрание при Шевденицкой волостной земской управе в селе Тарногский городок прибыли следующие гласные... всего 39 человек из 52-х...

§ 1.

Обновленный состав гласных волостного земства в своем заседании приветствует уездный съезд Советов Кр., Раб. и солд. Депутатов, взявший власть в г. Тотьме и уезде, выражает полное доверие Вс(ероссийскому) Совету Кр., Раб. и солд. Депутатов и проводнику их воли Совету Народных Комиссаров Российской Федеративной Республики, как единственным выразителям (воли) трудящегося народа — рабочих и бедных крестьян.

. . . . . .

§ 19.

На предложение казначея Вол. Совета Кр. Деп. Павла Яковлевича Шарнина, как ему поступить с деньгами, собранными с населения волости на содержание членов Совета Кр. Депутатов, собрание постановило: деньги в сумме 87 р. 22 к., собранные с населения волости на содержание членов Совета, находящиеся в руках казначея совета Шарнина, сдать в сберегательную кассу при селе Тарногский городок и книжку вложить на хранение в волостной денежный ящик. Совет Кр. депутатов за неимением людей, которые бы могли проявить деятельность в Совете, упразднить» [13].

[12] ВОГА, ф. 1398, д. 1, лл. 8—16.
[13] ВОГА, ф. 1398, д. 2, л.л. 21—22.

Так бесславно закончилась история одного из крестьянских советов Кокшеньги, созданного в период господства Временного буржуазного правительства.

Чтобы внести ясность во взаимоотношения волостного земства с подлинно народными Советами после победы Великой Октябрьской социалистической революции, надо сказать следующее. Факт свержения Временного буржуазного правительства 25 октября 1917 г. в Петрограде и создание нового, рабоче-крестьянского правительства во главе с В. И. Лениным — Совета Народных Комиссаров — на первых порах никак не повлияли на структуру волостных органов власти в Кокшеньге. Там до декабря 1917 г. продолжалась начатая при Временном правительстве смена временных волисполкомов избранными в августе волостными земскими управами, и с этим фактом мирились большевистские Советы уезда и губернии. Так, «Вологодский Совет раб. и солд. депутатов в заседании 2 января (1918 г. — *А. У.*) постановил... в уездах власть передается уездным Советам раб., кр. и солд. депутатов, а в волостях — волостным земствам» [14].

Волостные земства тоже лойяльно относились к решениям уездного и губернского Советов и исполкомов. На заседаниях волостных земских управ в феврале — апреле 1918 г. присутствуют представители уездного исполкома, вносят предложения, и эти предложения принимаются к исполнению без возражений. Лишь после длительной и неторопливой подготовительной работы волостные земства и волостные земские управы были заменены подлинно народными волостными Советами крестьянских депутатов и их исполкомами. В Кокшеньге это произошло в мае 1918 года: в Шевденицкой волости — 1 мая ст. ст. (14 мая нов. ст.) 1918 г., в Верхкокшеньгской волости — 11 мая ст.ст. (24 мая нов. ст.), в Долговицкой волости 16 мая ст.ст. (29 мая нов. ст.) [15].

После этого начался процесс большевизации волостных Советов Кокшеньги, насущно необходимый потому, что во многих из них даже в мае 1918 г. оставались лица, вовсе не по-большевистски настроенные: бывшие волостные старшины и кулаки. Например, председателем Шебеньгского волисполкома до сентября 1918 г. оставался бывший волостной старшина этой волости М. М. Тимофеевский, который так и не выпускал власти из своих рук за весь период двух революций, будучи последовательно волостным старшиной при царском режиме, председателем временного волисполкома и волостной земской управы при буржуазном прави-

[14] «Тотьмич» № 1 от 13 января 1918 г.

[15] ВОГА, ф. 1398, д. 2, лл. 45, 82; ф. 1397, д. 1, л. 22; ф. 3, д. 82, лл. 42—47.

тельстве и председателем ВИКа — при советской власти[16]. Но исследование этого процесса выходит за рамки данных заметок.

Таким образом, приход Советской власти в кокшеньгские деревни был процессом весьма сложным и не похожим на ту картину, которая была нарисована в цитированном нами отрывке из статьи Е. Рудакова. В заключение следует сказать, что исследование наше будет продолжено, так как необходимо еще установить персональный состав всех упомянутых нами органов власти в кокшеньгских волостях периода 1917—1918 гг., партийную ориентацию этих людей, а на основании этого и дополнительных материалов, которые мы надеемся еще разыскать, проследить практическую политику этих органов. Все это в целом дало бы возможность восстановить истинную картину становления Советской власти в одном из уголков нашей необъятной Родины.

---

[16] ВОГА, ф. 1330, д. 4, л. 157.

В. М. Кабузан

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РАЙОНА (АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИЙ) В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

(По материалам ревизий)

Движение народонаселения Северного района в XVIII—первой половине XIX вв. все еще недостаточно исследовано как историками, так и географами. До сих пор не установлены точно общая численность, социальный и национальный состав населения этого района.

Наиболее обстоятельными исследованиями в этой области следует считать работы А. Г. Рашина и В. К. Яцунского[1]. Однако А. Г. Рашин затронул указанный вопрос только по материалам VI, VIII и IX ревизий. К тому же ревизские данные были взяты им из работ буржуазных исследователей и не были окончательными. По существу заново этот вопрос был решен В. К. Яцунским. Общие выводы его исследования, основанные на подлинных ревизских источниках, не подлежат сомнению. Однако автор не использовал здесь результатов всех ревизий (даны только I, V и IX ревизии), а также не ввел в свою работу данных о прописных (пропущенных) душах, обнаруженных после окончания ревизий. Все это свидетельствует о том, что изучение данной проблемы только начинается.

В распоряжении исследователя, изучающего вопросы движения народонаселения Северного района, имеются богатые статистические источники. Это, во-первых, материалы I—X ревизий (1719—1858 гг.), превосходно сохранившиеся в ЦГАДА, ЦГВИА и ЦГИА СССР. Это, во-вторых отчеты губернаторов, в которых с 1804 г. приводится много интересных данных о численности, национальном составе и движении населения. Это, наконец, в-третьих, результаты церковного учета, которые, по крайней мере, с 1804 г.

---

[1] А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956; В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. — «История СССР», 1957, № 1.

позволяют проследить ход естественного движения населения [2].

На основании всего комплекса имеющихся источников, проследим движение населения Северного района в целом в XVIII — первой половине XIX в.

Население Северного района в XVIII — первой половине XIX в. росло медленно (см. таблицу № 1). За 138 лет с I по X ревизию оно увеличилось с 280 587 до 556 992 душ мужского пола, или на 274 405 душ (на 98,51%). Среднегодовой прирост по району равнялся всего 0,50%.

Темпы прироста населения весьма невысокие в XVIII веке (I—V ревизии) несколько повышаются в XIX веке (с VII ревизии), а с VIII ревизии даже превышают среднегодовой прирост по всей России в рамках I ревизии. Нам кажется, что такая закономерность не является случайной. В XVIII веке, когда происходило исключительно интенсивное освоение плодородных земель юга, население этого окраинного малоплодородного района с холодным климатом увеличивалось медленно, исключительно путем естественного прироста. В 1782—1796 гг. в Вологодской губернии было проведено генеральное межевание, которое показало, что на каждую ревизскую душу (по данным IV ревизии) приходилось всего 2,66 десятины пахотной земли, приносящей весьма посредственные урожаи [3], всей же освоенной земли с усадебными участками и покосами — 3,74 де-

Таблица № 1

Прирост населения Северного района в XVIII—первой половине XIX вв. (1719—1858 гг.) по материалам ревизий [4].

Ревизии	Годы	% среднегодового прироста	
		по району	по России в границах 1727 г.
I — II	1719—1744	0,07	0,66
II — III	1744—1762	0,56	0,94
III — IV	1762—1782	0,72	1,03
IV — V	1782—1795	0,36	0,61
V — VI	1795—1811	0,56	0,91
VI — VII	1811—1815	0,88	0,42
VII — VIII	1815—1833	0,83	0,99
VIII—IX	1833—1850	0,81	0,64
IX — X	1850—1857	0,67	0,66
I — X	1719—1857	0,50	0,81

[2] См. работу В. М. Кабузана. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

[3] В Топографическом описании по этому поводу сказано, что в губернии «грунт земли почти везде серой, местами же с песком, глиною и мелкими камнями. Климат холодный, урожай хлеба посредственный» (ЦГВИА, ВУА, д. 18384, л. 3).

[4] Источники указаны в конце работы.

сятины. Это намного меньше, чем в любой губернии Центрально-промышленного района, не говоря уже о Новороссии, Нижнем Поволжье или Южном Приуралье. Из 34 981 702 десятин удобной к использованию земли 33 841 033 десятины было занято лесами[5]. Лес занимал 96,38% всей территории губернии. Примерно та же картина сохранилась в губернии и к середине XIX в. Из 36 023 173 десятин удобных земель 34 901 952 было занято под лесами и только 743 084 десятины под селениями и пашнями. Это дало основание составителю обозрения Вологодской губернии капитану Услару подчеркнуть, что «вся Вологодская губерния, если рассматривать ее в целом, есть одно огромное, более или менее топкое болото, покрытое сплошным лесом, расчищенное и осушенное вековыми усилиями весьма в немногих местах, изрытое глубокими речными долинами и, наконец, изредка пересеченное естественными сухими жилами[6]. В Архангельской губернии удельный вес освоенных земель был еще ниже, хотя мы не располагаем данными Генерального межевания, которое вообще не производилось на большей части этой губернии. Территория ее была огромна. По данным исчисления 1847 г. без островов Белого моря и Северного Ледовитого океана площадь губернии составляла 78 736 839 десятин[7].

Таким образом, несмотря на огромные земельные массивы, распаханная и освоенная территория Северного района была невелика. После присоединения Прибалтики роль Архангельска как торгового центра России снижается, что уменьшило приток населения в этот город. Наглядным подтверждением этого процесса является сокращение абсолютной численности городского податного населения Архангельска. По I ревизии в Архангельске было учтено 2875 душ мужского пола, по II — 2417, по III — 2301 по V — 2321 и по VIII — 1443 души мужского пола[8]. Кроме того, в XVIII в. происходил, хотя и в небольших размерах, отток населения в Сибирь и территории будущих Вятской и Пермской губерний[9]. Хотя у нас нет цифр всех данных о разме-

[5] ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д: 11, лл. 1 об — 2.

[6] Капитан Услар. Вологодская губерния. — «Военно-статистическое обозрение Российской империи...», т. II, ч. III. СПб., 1850, стр. 277. В обозрении приведены другие, видимо, более точные цифры площади губернии, так как внешние границы ее в 1782—1858 гг. не менялись.

[7] Капитан Циммерман. Архангельская губерния. — «Военно-статистическое обозрение Российской империи...», т. II, ч. 1. СПБ, 1855, стр. 4.

[8] ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1163, лл. 1007—1017; ГПБ, Отдел рукописей, ф. 885, д. 242, лл. 35 об. — 37; ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 8, л. 125 об., д. 40, лл. 19—24.

[9] В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. — «Советская этнография», № 3, 1966, стр. 23—27.

рах этого процесса в I половине XVIII в., но известно, что в 1719—1743 гг. с территории соседних Костромской и Ярославской провинций переселилось и бежало 17 049 душ мужского пола, что составляет 4,72% всего населения этих провинций по данным I ревизии [10].

В первой же половине XIX в. по официальным данным уход из этого района был ничтожен. Так, например, по VII ревизии с 1815 по 1830 год в Северный район переселилось всего 998, а выселилось 1342 души мужского пола [11]. Характерно, что подавляющая часть этих переселенцев была связана с Вологодской губернией (прибыло 916, убыло 1170 душ мужского пола). По данным VIII ревизии (за 1826—1842 гг.), в район прибыло 779 и убыло 2399 душ мужского пола (в том числе в Вологодскую прибыло 679 и убыло 2156 душ) [12].

Для сравнения укажем, что те же источники показывают, что по VII ревизии из Курской губернии убыло 38 697, Черниговской — 16 465 и Полтавской — 18 570 душ мужского пола. Приток же переселенцев в эти годы равнялся: в Херсонскую губернию—100 477, Оренбургскую—53 730 и Саратовскую — 38 653 душ мужского пола. Это говорит, что Северный район в I пол. XIX в. не принимал сколько-нибудь серьезного участия в переселенческом движении населения. При всей своей неполноте, приведенные нами цифры размеров зарегистрированных переселений должны отражать и в несколько ослабленном виде отражают общую тенденцию. Каков бы ни был размер «диких» переселений, беглецы, как правило, обнаруживались и возвращались на прежние места жительства или получали право жить на новых местах.

Это дает нам основание считать, что естественный прирост в этом районе в XIX в. был несколько выше, чем в соседних районах. Действительно, в то время как Центрально-промышленный, Озерный и другие соседние районы с высоким процентом крепостного населения переживают в первой половине XIX в. кризис роста численности населения именно из-за слабого естественного прироста (и даже численного уменьшения) крепостного населения, Северный район, с его невысоким удельным весом крепостного населения не испытал на себе в той же мере влияния этого процесса.

Падение удельного веса крепостного крестьянства по отношению ко всему населению и всему крестьянству наблюдается и здесь, но его влияние на изменение темпов прироста населения далеко не так велико, благодаря общему

[10] ЦГАДА, ф. 248, оп. 22, д. 10/1626, лл. 69—114.
[11] ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 18, лл. 199—203.
[12] Там же, д. 24, лл. 305—309.

невысокому проценту крепостного населения [13]. Кроме того, Северный район почти не подвергался в первой половине XIX века губительному влиянию неурожаев и эпидемий. В первой половине XIX в. неурожай в районе отмечался лишь в 1835—1837 гг. (морозы по Архангельской губернии, погубившие посевы) и в 1845 г. (по Вологодской губернии), в то время как южные и даже центральные районы России гораздо чаще и в более широких масштабах охватывали частые недороды, вызванные, главным образом, засухами. Эпидемия холеры 1830 г. вообще не затронула этот район. В 1848 г. число жертв по Вологодской и Архангельской губерниям составило всего 2627 человек (1049 — в Архангельской и 1578 — в Вологодской губерниях). Это число незначительно по сравнению с численностью жертв сильно пострадавших губерний (в Киевской губернии, например, умерло 36 804, Воронежской — 42 490, Полтавской — 33 740 человек и т. д.) [14].

Все отмеченные нами причины замедлили темпы прироста населения района в XVIII в. и привели к некоторому их увеличению в первой половине XIX в. При этом необходимо указать, что население более благоприятной для земледелия Вологодской губернии увеличивалось значительно быстрее (с 205 087 душ по 1 ревизии до 429 688 душ мужского пола по X ревизии), чем население более северной Архангельской губернии (с 75 500 душ по I ревизии до 127 294 душ мужского пола по X ревизии).

ИСТОЧНИКИ К ТАБЛИЦЕ № 1

I ревизия

ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, ед. хр. 1163, лл. 1007—10017.
ЦГАДА, ф. 259,оп. 22, ед. хр. 1533, лл. 186—190.
ЦГАДА, ф. 248, оп. 13, ед. хр. 13/695, лл. 375—392.
ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, ед. хр. 479, лл. 357—392.
ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, ед. хр. 993, лл. 1—3.
ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, ед. хр. 1083, лл. 590—601, ед. хр. 1110, лл. 1922—1938.

II ревизия

ЦГАДА, ф. 259, оп. 1, ед. хр. 59/3630, лл. 5—45.
ЦГАДА, ф. 259, оп. 19, ед. хр. 23, кн. II, лл. 26—40, 262—300, 396—466, 480—483, 496—529, 586—651, 864—878.

---

[13] По 1 ревизии помещичьи крестьяне составляли здесь 24,33% всего населения (ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1163, лл. 1007—1017), по IX ревизии — 19,26% и по X — 19,48% (ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 6, д. 1080, лл. 9—12). Общая же численность крепостного крестьянства составляла по 1 ревизии — 68 259, по IX — 102 309 и по X — 102 952 души мужского пола.

[14] См. «Обозрение хода и действий холерной эпидемии в России в течение 1848 года»,— «Журнал МВД», 1849, № 6, стр. 315—336.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 39, ед. хр. 655/3138, лл. 878—881.
ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, ед. хр. 599/3082, лл. 1015—1020 .
ЦГАДА, ф. 259, оп. 1, ед. хр. 3573, лл. 187—188.
ЦГАДА, Гос. архив, р. XXIV, ед. хр. 35, лл. 136, 139.
Архив Ленинградского отделения Академии наук, ф. 30, оп. 2, ед. хр. 87, лл. 1—10.
«Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода за 1740 год», СПб., 1908, стр. 891—902.

III ревизия

ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, ед. хр. 771/4342, лл. 794—1025.
ЦГАДА, ф. 259, оп. 2, ед. хр. 6450, лл .1298—1301.
ЦГАДА,ф. 248, оп. 58, ед. хр. 3629, л. 258.

IV ревизия

ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, ед. хр. 771/4342, лл. 794—1025.

V ревизия

ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, ед. хр. 8.

VI ревизия

ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, ед. хр. 14.

VII ревизия

ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, ед. хр. 32.

VIII ревизия

ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, ед. хр. 49.

IX—X ревизии

ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 6, ед. хр. 1080, лл. 9—12, 65—84.

В. П. Червяков

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVII — 1 ЧЕТВ. XVIII ВЕКА

(По материалам Соликамского уезда)

Целью настоящей работы является изучение миграций населения в Соликамском уезде в XVII — I четверти XVIII века. Данный уезд привлек наше внимание не случайно. Еще М. М. Богословский и П. Н. Милюков указывали на значительный прирост населения уезда в XVII веке, происходивший в основном за счет притока извне. М. М. Богословский показывает, что число населения Соликамского уезда с 20-х по 70-е годы XVII столетия возросло на 395% [1].

П. Н. Милюков, исследуя соотношение прироста и убыли населения в различных районах Поморья, обратил внимание на большое влияние иммиграции на прирост населения Восточного Поморья, в том числе и Соликамского уезда. Данную местность он называл «...переходным этапом колонизации, направлявшейся дальше в Сибирь [2]. Это мнение утвердилось и в советской историографии, которая рассматривает Соликамский уезд как перевалочный пункт», как «ворота» в Сибирь [3].

Изучая солеваренные промыслы Соли Камской, Н. В. Устюгов в своей фундаментальной монографии большое внимание уделил и движению населения в этом уезде. По материалам переписной книги 1678—1679 гг., автор дал широкую картину состава населения у Соли Камской на посаде и в уезде в 50—70-х годах XVII в. Поскольку его интересовали рабочая сила на соляных промыслах, то в поле зрения исследователя попали главным образом пришлые люди на посад и в уезд, сделан анализ иммигрировавших по местам и годам выхода. Приток населения в конце

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке, т. 1, М., 1909, стр. 130.

[2] П. Милюков. Государственное хозяйство России в I четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПБ., 1905, стр. 199.

[3] Л. Е. Иофа. Города Урала. Часть I. (Феод. период). М., 1951, стр. 67—68; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Зап. Урала в XVI — начале XVIII в. М., 1956, стр. 59—60.

XVII — начале XVIII вв. изучен по дозорной книге 1707—1708 гг. Миграция за пределы посада и Соликамского уезда Н. В. Устюговым не изучалась[4]. Поэтому изучение движения населения и за пределы этого уезда даст новые интересные факты и наблюдения.

С этой целью мы привлекли к изучению еще никем не введенную в научный оборот дозорную книгу по Соликамскому у. за 1710 г.[5]. После частного дозора 1707 г., на основании инструкций о валовом описании Русского государства, дьяк Алексей Николаев по предписанию из Сибирского приказа закончил новую перепись в 1710 г. Он не включил в книгу сведений о земельных угодьях и размерах лежащих на каждом тяглеце государственных и мирских повинностей, но, как и в дозоре 1707 г. дает перечень всего мужского и женского населения, возраст каждого человека, места выхода и время прибытия пришлых людей, объем пустоты и причины запустения дворов на посаде и в черносошных станах уезда.

Существенным дефектом учета является отсутствие в конце сведений о выбывших из жилых дворов. Нет сведений о местах и времени выхода тех прибывших на посад и в уезд, которые в период между 1679 и 1710 годами завели свои дворы. Но последних было немного. Используемая нами дозорная книга для изучения миграции населения имеет преимущество перед предыдущей, главным образом, своим более поздним учетом.

По вотчинам Строгановых и Пыскорского монастыря нет сведений в обеих дозорных книгах. По вотчинам Строгановых нами использованы материалы первой ревизии[6].

* * *

Анализ движения населения начинаем с изучения состава пришлых людей. Используя материалы Н. В. Устюгова за 1646—1678 гг.[7] и свои подсчеты, сделанные по тексту книги за 1679—1726 гг., мы все это свели в ряд таблиц. В первой из них дана география выхода пришлых лю-

---

[4] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957, стр. 16—19, 194—215.

[5] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, № 1538, лл. 1—404.

[6] ЦГАДА. Фонд Строгановых, № 3322, лл. 240—372. Из источника использован следующий документ: «Роспись явившимся людям разных губерний...». Роспись проводили капитан и рентмейстер Щетнев и поручик Кочинский. Она начинается так: «Роспись явившимся людям разных губерний, которые явились у Соли Камской у капитан и рентмейстера Щетнева и порутчика Кочинского, а сказали: живем в нижеписанных вотчинах господ баронов Строгановых, а кто которой губернии порознь значит ниже сего имянно...» (л. 240).

[7] Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 147, 160, 185.

дей на посад, в черносошные уезды и в вотчины Строгановых (табл. 1).

Прежде всего, полученные цифры свидетельствуют о непрерывном нарастании притока пришлых людей. По неполным данным за 1647—1678 гг., учтено 812 душ. м. п. По «Крестоприводной книге» 1682 г. только «гуляющих людей разных городов», пришедших на заработки на соляные промыслы, было зарегистрировано 993 чел.[8]. В 1710 и 1726 годах по вотчинам Строгановых учтено пришлых, не считая уже поселившихся своими дворами, 1363 души м. п.

Таблица убедительно иллюстрирует и некоторое изменение удельного веса районов страны, откуда были приходы. При абсолютном увеличении числа пришлого населения из Поморья отмечается относительное уменьшение его доли в общем количестве приходцев. В первые 30 лет пришло 746 д. м. п. или 92,4% от общего числа прибывших, территориальное происхождение которых указано. По данным последующих переписей из поморских уездов прибыло 1139 чел., что составило 90,4%.

Хотя относительная доля выходцев из Поморья уменьшилась незначительно, зато внутри отдельных его районов изменения более крупные. Прежде всего уменьшилась доля выходцев из Восточного Поморья. Удельный вес выходцев отсюда сократился с 46,5% (376 д.м.п.) до 33,1% (417 д.м.п.). Произошло уменьшение на 13,4% (на посаде — на 16,9%, в черносошных станах—на 18,4%, в вотчинах Строгановых— на 5,5%). Особенно большое относительное сокращение дал соседний Чердынский уезд, число выходцев из которого уменьшилось на 12,3%. Незначительно уменьшилась и доля Северного Поморья — было 5,9% (47 чел.), стало — 4,3 (55 чел.).

Число сходцев из двинских уездов сократилось на 2,0%, в то же время из Кеврольского уезда в 1678—1710 гг. пришло 18 чел., или 1,4%. (У Н. В. Устюгова не отмечено ни одного прихода).

Значительно возрос удельный вес выходцев из Центрального Поморья. Процент вышедших отсюда увеличился с 35,2% (285 чел.) до 47,1 (592 чел.). (На посаде их удельный вес увеличился на 14,5%, в черносошных станах на 19,2%, в строгановских вотчинах на 1,2%). Наибольшее увеличение выходцев отмечается из Устюжского и Важского уездов, доля которых увеличилась соответственно на 6,3% и 13,6%. (Особенно значительно их увеличение в черносошных станах, где оно составляет соответственно 10,5% и 14,7%).

Отмеченное нами уменьшение удельного веса сходцев из Восточного Поморья, а также из Сольвычегодского уезда

[8] Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 193—194.

Центрального Поморья находит подтверждение в литературе [9].

Все это позволяет считать уменьшение не случайным. Оно является следствием изменения направления отхода крестьян и посадских людей. Как известно, начало XVIII в. ознаменовалось развитием горнозаводской промышленности Урала. Первыми заводами, построенными на средства казны, были Невьянский (1699—1701 гг.), Каменский (1701 г.), Алапаевский (1704 г.) и Уктусский (1702—1704 гг.) заводы (позднее Невьянский завод был передан Демидовым) [10]. Сюда и устремляется поток мигрирующего населения из ближайших поморских уездов и посадов. Подтверждением этому является материал ландратской переписи 1717 года по Невьянскому заводу [11]. По нашему подсчету из Поморья на этот завод к 1717 г. прибыло 218 человек (42,2%), из них 139 чел. — из вышеназванных районов Поморья, что составляет 63,8% к числу выходцев из поморских уездов и посадов.

Население Поморья притягивала и Западная Сибирь с ее значительным фондом земель, пригодным для колонизационного освоения. В. И. Шунков по материалам переписных книг Камышенской и Арамильской слобод, Колчеданского и Катайского острогов 1695 г. и далматовских деревень 1669 года установил территориальное происхождение 872 д.м.п. [12]. Из них, по нашему подсчету, 540 чел. (61,9%) являются выходцами из Поморья. Из Восточного Поморья вышло 386 чел., что составляет 71,5% ко всем выходцам из поморских уездов и посадов.

Как уже указывалось выше, в рассматриваемый период времени возросла доля выходцев из Важского и Устюжского уездов. Это наблюдение подтверждается данными А. А. Преображенского по Кунгурскому уезду [13].

Наблюдающееся уменьшение доли сходцев из двинских уездов объясняется возросшим значением Петербурга и Олонецкой губернии, как центров отхода населения этих уездов. Помимо этого, еще имелся спрос на рабочую силу и в самом Архангельске.

Время прихода населения в Соликамский уезд показано в табл 2. Всего (без вотчин Строгановых) с 1647 — по 1710 г.

---

[9] А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 60, 87.

[10] С. Г. Струмилин. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР». М., 1967;

[11] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. 1. М.-Л., 1949, стр. 356.

[12] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.—Л., 1946, стр. 49.

[13] А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 87.

учтено 1747 д.м.п., из них 575 чел. (32,9%) пришли в 1647—1678 годы, а в последующие 30 лет — 1172 чел. (67,1%). Налицо значительное увеличение числа пришлого населения во второе тридцатилетие, особенно в последние 11 лет (676 чел., или 38,7%). Причем, накануне и в момент переписи пришлого люда учитывалось по 191 и 224 чел. Непрерывное увеличение приходцев отражает общие социально-экономические условия того времени. Фиксация столь больших скоплений пришлых в годы переписей объясняется тем, что переписчики учитывали и временно прибывших на варничный сезон, на время судоходства, на несколько варничных сезонов и т. д. Вообще в годы переписей отмечается более интенсивное движение населения, как иммиграция, так и эмиграция. Это уже отражает стремление народа укрыться от переписей по месту несения тягла.

В литературе уже не раз указывалось, что преобладающее большинство мигрировавшего населения в Приуралье и Сибирь составляло черносошное крестьянство и посадские люди Поморья.

Наш материал подтверждает эти наблюдения (см. табл. 3). Из 1172 пришлых в уезд в 1678—1710 гг. 846 чел. являются черносошными крестьянами и их детьми. Они составляют 72,2% всего пришлого населения. Наиболее значителен их удельный вес в черносошных станах, где он равен 82,5%. Выходцы с посадов составили 156 чел. (13,3%). При этом посадские люди предпочитали посад черносошным станам (их доля на посаде 23,3% (108 чел.), а в уезде — 6,7% (48 чел.). Удельный вес прочих категорий пришлого населения невелик — 5,7% (67 чел.).

Социальное положение пришлого в 1678—1710 гг. населения показано в табл. 4. Большая часть пришлых записана подворниками — 508 чел. (43,3%). Значительно также число работников — 240 чел. (20,5%). Большинство из них было связано с соляными промыслами. Отдельно писцами выделены варничные работники — 176 чел. (15,0%). В черносошных станах значительно число половников — 159 чел. (22,5%). Сюда не вошли пришлые, поставившие свои дворы и обложенные тяглом.

Как уже указывалось, в дозорной книге имеются данные о миграции населения самого Соликамского уезда. Следует учесть, что речь будет идти о миграции населения только из запустевших дворов. Всего с 1678 по 1710 год запустел 431 двор (см. табл. 5). Из них 72 (16,7%) двора запустели в первое десятилетие, 202 (47,1%) двора—во второе и 126 (29,0%) дворов — в третье десятилетие. Выделяются 199 (1690/91) и 204 (1695/96) годы, в которые запустело соответственно 120 и 40 дворов.

Объяснение такому большому числу запустевших дворов в эти два года мы находим у Н. В. Устюгова. 1688 и 1695 годы отмечены двумя большими пожарами на посаде. Так, во время пожара 14 апреля 1688 г. сгорело 554 двора из 807 дворов и изб. и 56,9% всех варниц. Значительным был и пожар 10 мая 1695 г. Тогда сгорели 219 посадских дворов и 243 избы, 16 работничьих изб, 22 соляных амбара, 40 варниц, более 150 тысяч сажен заготовленных варничных дров[14].

Поскольку почти все население черносошных станов было связано с соляными промыслами на посаде, то их упадок имел своим следствием запустение дворов в уезде. Конечно, не следует преувеличивать влияние таких факторов, как пожары, на общее сокращение соликамского солеварения. Это сокращение имело свои, более глубокие причины, которые хорошо обрисованы в цитированной уже нами монографии.

На усиление миграции сельского населения Соликамского уезда влияло и общее положение в земледелии. По писцовым книгам 1623—1624 гг. в уезде числилось 3223,5 десятин пашни в 3 полях, в начале XVIII века по дозорной книге 1707—1708 годов в уезде осталось 1395,5 дес. пашни в 3 полях. Число же дворов за это время увеличилось более чем в 2 раза. Таким образом, пашни на двор в начале XVIII века стало в 4 раза меньше, чем в 20 годах XVII века. Это не могло не повлиять на миграцию населения. Всего учтено населения из запустевших дворов 1210 д.м.п. (см. табл. 6). Из них 702 чел. (58,0%) умерли, 248 чел. (20,5%) — покинули уезд.

Большая часть оставшихся в уезде вынуждена была жить на подворьях, наниматься в качестве половников и работников, а также «кормиться черной работой». Вновь своими дворами поселились на посаде или в уезде только 108 чел. (около 9%). Как правило, на подворье переходили в том же населенном пункте, где запустел двор, или в другие деревни своего стана (45 чел.). Среди покинувших уезд на первом месте стоят сходцы в сибирские города — 102 чел., большая часть которых сошла в Сибирь в 80—90 годы XVII века (79 чел.). Особенно значителен выход населения в Сибирь в 189 (1680/81) году — 30 чел., в 194 (1685/86) — 17 чел. и в 199 (1690/91) году — 16 чел. Также значителен выход населения в Кунгурский уезд. Всего туда ушло 77 чел. Наибольшим уход был в 90 годы XVII столетия — 51 чел.

В литературе мы находим материалы, подтверждающие наши наблюдения. Так, в Кунгурском уезде по переписным книгам 1703—1704 годов значатся 33 пришлые семьи из Со-

[14] Н. В. Устюгов, Указ. соч., стр. 80—81, 84.

ликамского уезда, составляющие 6,4% всех пришлых семей в Кунгурском уезде[15]. В ряде слобод и острожков Верхотурского уезда В. И. Шунковым был отмечен 91 выходец из Соликамского уезда (с посадом) и 71 — из вотчин Строгановых, составляющие в общей сложности 18,5% всех пришлых[16]. На Невьянском заводе по ландратской переписи отмечено 20 выходцев из Соликамского уезда и 37 — из вотчин Строгановых, составляющих в общей сложности 11% всех пришлых[17].

Значительным было бегство крестьян из вотчин Строгановых. В 1700 году Строгановы провели большой сыск по слободам Верхотурского уезда. Всего было выведено на старые земельные угодья 139 семей (591 чел.). Выяснилось, что на 1700 год пало 40% всех бежавших, на 90-ые годы XVII века — около 16%. Остальные бежали в 60—80 годы XVII столетия[18]. Материал последующих лет также говорит о значительных масштабах бегства. По ландратской книге 1715 года в строгановских вотчинах числилось 5596 живущих и 4578 пустых дворов и изб. Всего по переписи в бегах числилось 12532 д.м.п., что составляет 80,5% всего убывшего с 1710 года населения[19].

Таким образом, приведенные данные подтверждают наблюдение А. А. Преображенского о возрастании передвижения населения в пределах уральско-западносибирского района в конце XVII — начале XVIII века[20].

В литературе отмечены факты ухода населения Соликамского уезда и за пределы уральско-западносибирского района. В 1722 году по I ревизии на судах Волжского речного пути было отмечено 392 работавших крестьянина из Соликамского уезда и 76 посадских людей Соли Камской, а всего из Соликамской провинции (Кунгурский, Соликамский, Чердынский, Чусовской уезды) — 410 крестьян и 154 чел. посадских людей[21]. Крестьяне и посадские люди нанимались в качестве кормщиков, водоливов и ярыжных на лодьи, доставлявшие вываренную соль в Нижний Новгород. Поскольку движение обратно, вверх по реке, обходилось дороже постройки нового судна, то эти лодьи продавались. Наем-

---

[15] А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 87.
[16] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 49.
[17] Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 356.
[18] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 52—53.
[19] ЦГАДА, фонд Ландратские книги и ревизские сказки, № 374, лл. 1—1538.
[20] А. А. Преображенский. К вопросу о миграциях населения на Урале и в Западной Сибири в XVII — начале XVIII вв. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири». Свердловск, 1966, стр. 178—181.
[21] Н. Б. Голикова. Наемный труд в городах Поволжья в I четв. XVIII века. М., 1965, стр. 27, 41.

ные же работники, чтобы вернуться обратно в свои семьи, вынуждены были подрабатывать на судах Волжского речного пути.

Таковы небольшие сопоставления полученных нами новых данных с уже опубликованными о движении населения Соликамского у. в XVII — первой четв. XVIII в.

Таблица 1

Места выхода пришлого мужского населения в Соликамский уезд с 1647 по 1726 гг.

Районы выхода пришлого населения[1]	Посад[2]				Черносошные станы[3]			
	1647—1678		1678—1710		1647—1678		1678—1710	
	всего	в % к итогу с указанием мест выхода	всего	в % к итогу	всего[4]	в % к итогу	всего	в % к итогу
Восточное Поморье[5]								
Яренск	—	—	7	2,1	3	1,4	9	2,1
Чердынь	100	28,9	52	16,0	105	46,2	130	29,1
Вятка	36	10,4	26	8,0	16	7,0	16	3,6
Слободский							5	1,2
Котельнич			2	0,6			2	0,4
Орлов							2	0,4
Кайгородок	24	7,0	5	1,5	5	2,1	6	1,4
Уржум								
Кунгур	1	0,3	4	1,2			1	0,2
Всего	161	46,5	96	29,6	129	56,7	171	38,3
Центральное Поморье[6]								
Устюг Великий	47	13,6	68	20,8	18	7,9	82	18,4
Соль Вычегодская	36	10,4	13	4,0	19	8,4	23	5,2
Вага	18	5,2	60	18,4	18	7,9	101	22,6
Устьянские волости	3	0,9	3	0,9	4	1,8	1	0,2
Тотьма	6	1,8	5	1,5	4	1,8	4	0,9
Вологда	7	2,0	9	2,8	2	0,9	3	0,6
Всего	117	33,8	158	48,3	65	28,7	214	47,9
Западное Поморье								
Каргополь	15	4,1	10	3,0	4	1,8	12	2,8
Чаронда	7	2,0	6	1,8	10	4,4	3	0,6
Белоозеро	1	0,3	1	0,3				
Олонец	—	—	1	0,3			2	0,4
Всего	23	6,6	18	5,4	14	6,2	17	3,8

Продолжение таблицы 1

Районы выхода пришлого населения[1]	Посад[2]				Черносошные станы[3]			
	1647—1678		1678—1710		1647—1678		1678—1710	
	всего	в % к итогу с указанием мест выхода	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Северное Поморье								
Холмогоры			3	0,9			3	0,6
Архангельск			2	0,6			1	0,2
Двина[7]	15	4,1			3	1,4		
Пинега	3	0,9	2	0,6	6	2,6	6	1,4
Кевроль			2	0,6			14	3,2
Мезень	1	0,3			4	1,8	1	0,2
Пустозерск								
Всего	19	5,5	9	2,7	13	5,8	25	5,6
Всего по Поморью	320	92,5	282	86,2	221	97,4	427	95,5
Поволжье и северные притоки Волги								
Бежецк							1	0,2
Пошехонье					1	0,4		
Ярославль	8	2,3	1	0,3				
Любим			1	0,3				
Галич			5	1,5	2	0,9	5	1,2
Унжа			1	0,3				
Кострома	5	1,4	1	0,3				
Ветлуга								
Солигалич								
Юрьевец — Поволжский					1	0,4	1	0,2
Балахна	1	0,3	2	0,6			3	0,6
Лысково	2	0,6						
Сарапуль			1	0,3				
Нижний Новгород	1	0,3	3	0,9			3	0,6
Козьмодемьянск			1	0,3				
Малмыж								
Казань	5	1,4	9	2,8	1	0,4	4	0,9
Чистополь								
Симбирск			1	0,3				
Черный Яр								
Всего	22	6,4	26	8,0	5	2,2	17	3,8
Центральные районы								
Москва	1	0,3	3	0,9				
Руза			1	0,3				
Лухов			1	0,3				

Продолжение таблицы 1

Районы выхода пришлого населения[1]	Посад[2]				Черносошные станы[3]			
	1647—1678		1678—1710		1648—1678		1678—1710	
	всего	в % к итогу с указанием мест выхода	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Переяславль			1	0,3				
Зарайск			1	0,3				
Суздаль			3	0,9			1	0,2
Ростов			1	0,3				
Юрьев								
Владимир								
Лукоянов								
Саранск			2	0,6				
Шацк			1	0,3				
Пенза			1	0,3				
Всего	1	0,3	15	4,5			1	0,2
Прочие районы								
Новгород	1	0,3	2	0,6				
Оса								
Уфа			2	0,6	1	0,4	2	0,4
Сибирь	2	0,6	1	0,3				
Всего	3	0,9	5	1,5	1	0,4	2	0,4
Всего в непоморских уездах и посадах	26	7,5	45	13,8	6	2,6	20	4,5
Всего с указанием места выхода	346	100%	327	100%	227	100%	447	100%
Место выхода не указано	1		41		1		62	
ИТОГО	347		368		228		509	

[1] Выходцы из уездов и посадов объединены.

[2] Включены 27 чел., живущих на подворье Вознесенского монастыря.

[3] Включены 44 работника и вкладчика Вознесенского монастыря, имевшего свои деревни в Верх-Усольском стане.

[4] Общий подсчет учета Н. В. Устюгова по всему уезду произведен нами.

[5] Передвижение населения внутри Соликамского уезда рассматривается отдельно.

[6] Нами в состав Поморья включена Вологда с уездом, которую Н. В. Устюгов не включал.

[7] У Н. В. Устюгова выходцы из Архангельского и Холмогорского уездов не разделялись. Они были объединены как выходцы из двинских уездов.

Продолжение таблицы 1

Районы выхода пришлого населения[1]	Вотчины Строгановых				Всего пришлого населения[4]			
	1647—1678		1678—1726		1647—1678		1678—1726	
	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Восточное Поморье[5]								
Яренск	16	6,8	9	1,9	19	2,4	25	2,0
Чердынь	24	10,2	35	7,2	229	28,7	217	16,4
Вятка	33	14,1	25	5,2	85	10,5	67	5,3
Слободский			2	0,4			7	0,55
Котельнич			12	2,4			16	1,3
Орлов			1	0,2			3	0,25
Кайгородок	9	3,8	53	10,9	38	4,8	64	5,0
Уржум	1	0,4			1	0,1		
Кунгур	3	1,3	14	2,9	4	0,5	18	1,5
Всего	86	36,6	151	31,1	376	46,5	417	33,1
Центральное Поморье[6]								
Устюг Великий	28	12,0	77	15,7	93	11,6	226	17,9
Соль Вычегодская	51	21,7	16	3,4	106	13,3	52	4,1
Вага	12	5,1	87	18,0	48	6,1	248	19,7
Устьянские волости	4	1,8	1	0,2	11	1,4	5	0,35
Тотьма	3	1,3	31	6,4	13	1,7	41	3,2
Вологда	5	2,1	8	1,7	14	1,8	20	1,6
Всего	103	43,8	219	45,0	285	35,2	592	47,1
Западное Поморье								
Каргополь	1	0,4	31	6,4	20	2,5	53	4,2
Чаронда					17	1,3	9	0,7
Белоозеро			3	0,6	1	0,1	4	0,3
Олонец			6	1,2			9	0,8
Всего	1	0,4	40	8,3	38	4,7	75	5,9
Северное Поморье								
Холмогоры			4	0,8			10	0,9
Архангельск			10	1,0			13	1,0
Двина[7]	13	5,7			31	3,9		
Пинега	2	0,8	2	0,4	11	1,4	10	0,9
Кевроль			2	0,4			18	1,4
Мезень			2	0,4	5	0,6	3	0,25
Пустозерск			1	0,2			1	0,1
Всего	15	6,5	21	4,3	47	5,9	55	4,3
Всего по Поморью	205	87,2	431	88,7	746	92,4	1139	90,4

Продолжение таблицы 1

Районы выхода пришлого населения[1]	Вотчины Строгановых				Всего пришлого населения			
	1647—1678		1678—1726		1647—1678		1678—1726	
	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Поволжье и северные притоки Волги								
Бежецк							1	0,1
Пошехонье					1	0,1		
Ярославль	2	0,8	2	0,4	10	1,3	3	0,25
Любим							1	0,1
Галич	2	0,8	2	0,4	4	0,5	12	1,0
Унжа	1	0,4			1	0,1	1	0,1
Кострома			1	0,2	5	0,6	2	0,2
Ветлуга	2	0,8			2	0,2		
Солигалич			1	0,2			1	0,1
Юрьевец — Поволжский	4	1,8	2	0,4	5	0,6	3	0,25
Балахна	1	0,4	1	0,2	2	0,2	6	0,5
Лысково					2	0,2		
Сарапуль	2	0,8	4	0,8	2	0,2	5	0,35
Нижний Новгород	4	1,8	3	0,6	5	0,6	9	0,8
Козьмодемьянск							1	0,1
Малмыж			5	1,0			5	0,35
Казань	2	0,8	13	2,7	8	1,0	26	2,1
Чистополь			2	0,4			2	0,2
Симбирск							1	0,1
Черный Яр			2	0,4			2	0,2
Всего	20	8,5	38	7,9	47	5,9	81	6,4
Центральные районы								
Москва	1	0,4	2	0,4	2	0,2	5	0,35
Руза							1	0,1
Лухов							1	0,1
Переяславль							1	0,1
Зарайск							1	0,1
Суздаль			4	0,8			8	0,7
Ростов	2	0,8	1	0,2	2	0,2	3	0,25

Окончание таблицы 1

Районы выхода пришлого населения[1]	Вотчины Строгановых				Всего пришлого населения			
	1647—1678		1678—1726		1647—1678		1678—1726	
	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Юрьев			3	0,6			3	0,25
Владимир			1	0,2			1	0,1
Лукоянов			1	0,2			1	0,1
Саранск			1	0,2			3	0,25
Шацк							1	0,1
Пенза							1	0,1
Всего	3	1,3	13	2,7	4	0,5	30	2,3
Прочие районы								
Новгород	2	0,8	1	0,2	3	0,4	3	0,25
Оса	1	0,4			1	0,1		
Уфа	1	0,4			2	0,2	4	0,3
Сибирь	3	1,3	2	0,4	5	0,6	3	0,25
Всего	7	3,0	3	0,7	11	1,3	10	0,9
Всего в непоморских уездах и посадах	30	12,8	55	11,3	62	7,6	121	9,6
Всего с указанием места выхода	235	100%	486	100%	808	100%	1260	100%
Место выхода не указано	2				4		103	
ИТОГО	237		486		812		1363	

Таблица 2

Годы прихода населения в Соликамский уезд (без вотчин Строгановых)[1]

Годы прихода (по учету Н. В. Устюгова)[2]	Соль Камская	Черносошные станы	Всего[3]	В % к общему кол-ву	Годы прихода (последующие 30 лет)	Соль Камская	Черносошные станы	Всего	В % к общему кол-ву
156(1647/48)	—	4	4		187(1678/79)	5	—	5	
157(1648/49)	2	—	2		189(1680/81)	15	2	17	
160(1651/52)	1	0	1		192(1683/84)	1	—	1	
161(1652/53)	2	—	2		194(1685/86)	2	3	5	
162(1653/54)	—	1	1		196(1687/88)	1	1	2	
163(1654/55)	—	1	1		197(1688/89)	1	—	1	
165(1656/57)	4	4	8						
166(1657/58)	8	17	25		Всего за десятилетие	25	6	31	1,8
Всего за десятилетие	16	28	44	2,5	199(1690/91)	20	12	32	
					201(1692/93)	1	1	2	
167(1658/59)	—	2	2		202(1693/94)	4	2	6	
169(1660/61)	5	10	15		203(1694/95)	5	9	14	
170(1661/62)	10	6	16		204(1695/96)	14	9	23	
171(1662/63)	7	3	10		206(1697/98)	3	4	7	
172(1663/64)	8	5	13		207(1698/99)	7	2	9	
173(1664/65)	5	4	9						
174(1665/66)	11	9	20		Всего за десятилетие	55	39	94	5,4

Продолжение таблицы 2

Годы прихода (по учету Н. В. Устюгова)[2]	Соль Камская	Черносошные станы	Всего[3]	В % к общему кол-ву	Годы прихода (последующие 30 лет)	Соль Камская	Черносошные станы	Всего	В % к общему кол-ву
175(1666/67)	25	—	25						
176(1667/68)	47	33	80		1700	1	—	1	
					1701	30	39	69	
Всего за десятилетие	118	72	190	10,9	1702	2	—	2	
					1703	13	23	36	
177(1668/69)	18	17	35		1704	7	9	16	
178(1669/70)	12	21	33		1705	7	23	30	
179(1670/71)	13	10	23		1706	14	25	39	
180(1671/72)	21	16	37		1707	13	27	40	
181(1672/73)	26	14	40		1708	13	15	28	
182(1673/74)	18	6	24		1709	50	141	191	
183(1674/75)	24	5	29		1710	46	178	224	
184(1675/76)	12	14	26						
185(1676/77)	21	8	29		Всего за 11 лет	196	480	676	38,7
186(1677/78)	17	13	30						
					Год прихода не указан	188	183	371	21,2
Всего за десятилетие	182	124	306	17,5					
					Всего за 31 год	464	708	1172	67,1
Год прихода не указан	31	4	35	2,0					
Итого за 30 лет	347	228	575	32,9	Итого за 60 лет	811	936	1747	100

[1] Сюда включены переходы внутри Соликамского уезда.
[2] Данные учета Н. В. Устюгова взяты из его указ. соч., стр. 150, 161.
[3] Подсчет в графах «всего» по учету Н. В. Устюгова и в % к общему числу произведен нами.

Таблица 3

Социальное происхождение прихлого населения в Соликамском уезде
(без вотчины Строгановых)

Социальное происхождение	Соль Камская		Черносошные станы		Всего в уезде	
	всего	в %	всего	в %	абсолютное кол-во	в %
Черносошные крестьяне и их дети	261	56,3	585	**82,5**	846	72,2
Посадские люди	108	23,3	48	6,7	156	13,3
Дворцовые крестьяне	7	1,5	2	0,3	9	0,8
Монастырские крестьяне	23	5,0	4	0,6	27	2,3
Помещичьи крестьяне	21	4,6	8	1,2	29	**2,5**
Дети помещичьих крестьян	1	0,2	—	—	1	0,1
Дворовые люди	1	0,2	—	—	1	0,1
Социальное происхождение не указано	42	8,9	61	8,7	103	8,7
Итого	464	100%	708	100%	1172	100%

Таблица 4

Социальное происхождение прихлого населения в Соликамском уезде

Социальное положение	Соль Камская		Черносошные станы		Всего в уезде	
	всего	в %	всего	в %	абсолютное кол-во	в %
Подворники	204	43,9	271	38,1	475	40,6
Подворники-бобыли	—	—	6	0,9	6	0,4
Подворники-нищие	21	4,5	6	0,9	27	2,3
Работники	45	9,7	195	27,5	240	20,5
Варничные работники	156	33,6	20	2,3	176	15,0
Монастырские работники	27	5,9	22	3,1	49	**4,2**
Монастырские вкладчики	—	—	23	3,3	23	2,0
Половники	—	—	159	22,5	159	13,6
Дворовые люди	3	0,7	—	—	3	0,2
Социальное положение не указано	8	1,7	6	0,9	14	1,2
Итого	464	100%	708	100%	1172	100%

Таблица 5

Годы запустения дворов

Годы запустения	Городищенский стан	Запотымской стан	Половодской стан	Верх-Усольской стан	Заболотской стан	Всего	В %
187(1678/79)	—	—	—	1	1	2	
189(1680/81)	12	3	4	14	4	37	
191(1682/83)	—	—	—	1	—	1	
192(1683/84)	—	—	—	1	—	1	
193(1684/85)	1	—	—	—	—	1	
194(1685/86)	5	1	5	7	8	26	
195(1686/87)	—	1	—	—	1	2	
196(1687/88)	—	—	—	—	1	1	
197(1688/89)	—	—	1	—	—	1	
Всего за десятилетие	18	5	10	24	15	72	16,7
198(1689/90)	—	—	—	1	—	1	
199(1690/91)	38	18	22	24	18	120	
201(1692/93)	3	1	1	—	—	5	
202(1693/94)	3	2	—	—	1	6	
203(1694/95)	2	2	2	—	2	8	
204(1695/96)	4	5	11	8	12	40	
205(1696/97)	5	1	—	4	4	14	
206(1697/98)	1	1	1	—	1	4	
207(1698/99)	—	—	2	—	2	4	
Всего за десятилетие	56	30	39	37	40	202	47,1
1700	2	—	—	—	—	2	
1701	7	13	13	18	18	69	
1703	3	—	—	1	—	4	
1704	2	1	—	1	2	6	
1705	4	2	—	2	1	9	
1706	4	3	1	5	3	16	
1707	1	—	—	1	1	3	
1708	2	—	2	2	1	7	
1709	1	2	3	1	2	9	
1710	—	1	—	—	—	1	
Всего за десятилетие	26	22	19	31	28	126	29,0
Не указано	16	—	—	8	7	31	7,2
Итого	116	57	68	100	90	431	100%

Причины запустения дворов в черносошных станах Соликамского уезда и судьбы их населения

Причины запустения и судьбы населения	Городищенской стан	Запотымской стан	Половодской стан	Верх-Усольский стан	Заболотской стан	Всего	В %
Всего жилых дворов и изб	126	110	138	152	132	658	
Всего пустых дворов и дворовых мест	116	57	68	100	90	431 [1]	
Процент запустения	47,9	34,1	33,0	65,8	40,5	39,5	
Всего учтено выбывшего населения	317	177	213	267	236	1210	100%
Из них:							
Естественные причины (смерть)	203	114	100	137	148	702	58,0%
Передвижение внутри уезда	75	46	39	58	42	260 [2]	21,5%
В том числе:							
Живут своими дворами в этом же стане	11	9	12	11	16	59	
Живут своими дворами в других станах	22	2	—	2	—	26	
Живут своими дворами на посаде у Соли Камской	6	6	4	4	3	23	
Перешли на подворье в этом же стане	8	7	7	17	6	45	
Перешли на подворье в др. станы	2	1	2	2	2	9	
Перешли на подворье на посад к Соли Камской	17	7	2	5	—	31	
Кормятся работой меж деревень	—	1	2	—	1	4	
Кормятся работой на посаде у Соли Камской	—	—	—	2	2	4	
Стали половниками	—	—	—	2	—	2	
Скитаются в мире	—	4	2	1	—	7	
Сошли и съехали в вотчины Строгановых [3]	9	9	8	7	12	45	
в вотчины Пыскорского и Вознесенского монастырей	—	—	—	5	—	5	

Продолжение таблицы 6

Причины запустения и судьбы населения	Городищенской стан	Запотымской стан	Половодской стан	Верх-Усольский стан	Заболотской стан	Всего	В %
Передвижение населения за пределами уезда	39	17	74	72	46	248	20,5%
В том числе:							
Сошли и съехали в сибирские города	10	5	32	45	10	102	
Сошли и съехали на Кунгур	17	10	10	23	17	77	
Сошли и съехали в Чердынский уезд	1	—	2	—	12	15	
Сошли к Москве	—	—	—	—	1	1	
Сошли и съехали безвестно	11	2	30	4	6	53	

[1] Подсчитано по тексту. Итоги по книге по 4 станам (без Заболотского).

[2] Сюда не включено 35 половников.

[3] Из них 23 чел. сошли в казенные Зырянские усолья и 8 чел. на Ленвенские соляные промыслы гостей Шустовых (эти промыслы в начале XVIII в. перешли во владение Строгановых).

И. В. Власова

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ XVIII — I ЧЕТВ. XX вв. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Переписи населения различных эпох являлись источниками для изучения многих проблем истории нашего государства. Наиболее ранние сведения такого характера содержатся в писцовых и переписных книгах конца XV—XVII вв. На основании их написано много работ дореволюционными и советскими авторами как в целом по России, так и по отдельным ее территориям[1]. Для последующего времени эти сведения содержатся в ревизиях XVIII—I пол. XIX вв. и в переписях населения, проводившихся с конца XIX в. В нашей статье не дается общая характеристика таких источников, поскольку этот вопрос хорошо разработан в исторической литературе, а показывается возможность использования их в малоразработанной в нашей науке области — исторической географии. Одним из аспектов ее является вопрос сельского расселения. Возможность получения материалов по этой проблеме в ревизиях XVIII и переписях населения XIX—XX вв. рассматривается на примере одного из районов Европейского Севера СССР — в верховьях Сев. Двины с притоками Сухоной, Югом, низовьями Вычегды и в междуречье Двины и Волги. В XVIII в. эта территория составляла Устюжскую провинцию Архангелогородской губернии, с 1775 г. они разделились на Устюжский и Никольский уезды Вологодской губернии, а в I четверти XX в. на 12 районов Северо-Двинской губернии[2]. Для краткости в дальнейшем эту территорию называем Верхнедвинский бассейн.

Сельское расселение в Верхнедвинском бассейне рассматривается с двух сторон: а) формирование населения, его размещение на территории; б) сложившиеся типы поселений, динамика сельского расселения. Материалы для эс-

[1] См. характеристику этих источников и использование их различными авторами у Г. Е. Кочина — Писцовые книги в буржуазной историографии — «Проблемы источниковедения», сб. 2, М.—Л., 1936, и др.

[2] Районы: Великоустюжский, Кичменгско-Городецкий, Никольский, Вохомский, Котласский, Нюксенский, Опаринский, Подосиновский, Рослятинский, Усть-Алексеевский, Енангский, Лальский.

вещения этих вопросов дают источники: для XVIII в. — первые три ревизии, для середины XIX в. — издания Центрального Статистического Комитета в виде списков населенных мест, для конца XIX в. — Всероссийская перепись 1897 г. и для I четв. XX в. — Всесоюзная перепись 1926 г.

Хронологические рамки работы определяются не только наличием источников этого периода по данной территории. С XVIII в. северная деревня вступает в новый этап своего развития, которое оказывает влияние на сельское расселение. Уже со II пол. XVII в. идет процесс первоначального накопления, сопровождающийся созреванием в недрах феодального строя новых капиталистических элементов. Социально-экономическое развитие до этого времени еще приводило к притоку населения извне на Север. К XVIII в. его колонизация была завершена. Последующее развитие по-иному влияет на дальнейшее освоение края и размещение там населения.

Содержание источников обнаруживает суть этих процессов и позволяет рассмотреть их влияние на развитие сельского расселения после XVII в.

Характеристику использованных источников начнем с материалов ревизий. По Верхне-Двинскому бассейну сохранились 1, 2 и 3 ревизии. Они находятся в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (ЦГАДА) в фонде «Ландратские книги и ревизские сказки». I ревизии 1719 г. представлена 9 книгами[3]. Семь из них — это первичные сведения — сказки черносошных крестьян и половников. Остальные две книги 1720 и 1721 гг. — дополнения к первым. Из них мы получаем следующие сведения, необходимые для изучения вопросов сельского расселения. Это — названия населенных пунктов. По ним удается воспроизвести список населенных мест исследуемой территории, насчитывающий 1932 поселения. К сожалению, этот список получается неполным, т. к. описанием охвачены Южская и Сухонская трети Устюжского уезда (бассейны рек Юга и Сухоны) и не сохранились сведения по Двинской трети (в верховьях р. С. Двины).

Показано местонахождение большей части поселений. Они оказываются расположенными в речных бассейнах — по Сев. Двине, ее притокам, притокам Волги и полностью отсутствующими на водоразделах.

Самыми значительными сведениями, какие дает ревизия, являются данные о дворах и населении в них. I ревизия дала возможность подсчитать количество дворов и численность мужского населения по Южской, Сухонской и ча-

[3] ЦГАДА, ф. 350/3, № 4606, 4606-а, 4608, 4609, 4611, 4613, 4614, 4615, 5236.

стично Двинской трети Устюжского уезда — 2997½ дворов с населением 13 752 человек муж. пола. В некоторых «сказках» есть итоговые данные о количестве дворов и населения, приводимые переписчиками, но пользоваться ими без тщательной проверки нельзя, т. к. они содержат ошибки и пропуски.

Кроме количественной стороны вопроса (числа дворов и людей), I ревизия раскрывает внутренние взаимоотношения жителей каждого двора. Эти данные, в свою очередь, могут быть объектом специального исследования, т. к. позволяют определить состав и структуру крестьянских семей. Так, по свидетельству ревизских сказок, здесь существуют семьи, состоящие из нескольких поколений, связанных кровным родством или свойством. Среди них — семьи, состоящие из родителей, детей и внуков; из женатых братьев с детьми; из дядей и племянников; из кузенов с их семьями и просто из «сродников». Много крестьянских дворов, в составе которых есть посторонние элементы. Это — складники, работники, подворники, половники. Средняя населенность крестьянского двора составила 8,2 чел. Надо учесть, что двор и семья в это время не одно и то же, т. к. во многих дворах, кроме семей, наличествует чужеродный элемент. Значит, число членов семей должно быть несколько ниже.

Не менее важны сведения ревизии о землевладении. По ним точно определяются границы и размеры государственного, монастырского и церковного землевладения в Верхнедвинском бассейне.

Преобладающим было государственное землевладение. Владения монастырей, пустынь и церквей сосредоточены главным образом в Двинской трети уезда на транспортных путях — в верховьях Двины и низовьях Сухоны и Юга. Они довольно компактны и редко выходят за пределы своей волости. Из общего числа поселений данной территории — 1932 им принадлежит 256 (13,2%).

Разнообразие форм землевладения привело к неоднородности состава сельского населения. Источники различают черносошных крестьян, беспашенных бобылей, нищих, работников, задворников и огромную массу крестьян-половников. Из них 5588 чел. (40,8%) принадлежит монастырям церквам, архиерейскому дому, купцам, мещанам и 1702 чел. (12,4%) некоторым черносошным крестьянам. Характеризуя хозяйственное положение этих категорий крестьянства, I ревизия вскрывает их имущественное расслоение.

В тесной связи с вопросом о формах землевладения находится вопрос о типах сельских поселений. Ревизские сказки 1719 г. точно определяют социально-экономическую разновидность каждого из них: деревни, села, погосты, сло-

боды, починки, выставки, пустыни, монастыри, мельницы, ямы, городки. Преобладающие деревни черносошных крестьян в нач. XVIII в. продолжали оставаться малодворными — в среднем по 2,1 двора на деревню с населением 17,4 чел. Менее многочисленные монастырские деревни притягивали к себе население и имели до 100 и больше жителей. Лишившись по тем или иным причинам земли, крестьяне нередко шли в половники или в работники к монастырям.

Ревизские сказки дают сведения не только об определенных типах поселений, но и свидетельствуют об изменениях и развитии их. Так, мы находим упоминания о древних исчезнувших печищах, дворищах, селищах, характерных для начальной стадии существования крестьянской общины на Севере и представлявших поселения большесемейных коллективов [4]. Их сохраняют названия селений, тогда как они сами превратились в деревни: «деревня Вахромеево печище при р. Кичуге», «деревня, что было Долматовское селище, а Большаково тож при р. Югу», «деревня Дворище, а Клементьевский двор тож при р. Городищенке» [5]. Другие типы поселений — починки, выставки — возникают вновь в связи с освоением новых земельных площадей.

Этот момент, в свою очередь, свидетельствует о миграциях сельского населения. По материалам I ревизии можно определить их характер в нач. XVIII в. Они связаны с особенностями землепользования края. Это — переселения в поисках новых подсек, где и возникают починки и выставки: «Из той же деревни выставка припашь на р. Юге их же общий двор» (Утмановская волость) [6], «деревня Относный Двор из д. Заберезник» (Комарицкий стан) [7], из той же деревни Алексеевской относные дворы (Шонгская волость)» [8]; «прибылые деревни после переписи 186 (1679 г.) — починок Осиново, починок выставка из д. Конево» [9] и т. д. О других видах миграций крестьян ревизские сказки 1719 г. по Верхнедвинскому бассейну никаких сведений не дают.

Очень важным вопросом в изучении истории населения является выяснение его этнических связей. Иногда такой материал встречается в ревизских сказках. «Сказки» по Верхнедвинскому бассейну 1719 г. не определяют население

---

[4] А. Я. Ефименко. Исследование народной жизни, в. 1, М., 1884; М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963. М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.

[5] ЦГАДА, ф. 350/3, № 4606, лл. 423, 430, 435; № 4606-а, л. 264 об.

[6] Там же, № 4606, л. 336.

[7] Там же, № 4611, л. 44.

[8] Там же, № 4606, л. 227 об.

[9] Там же, л. 456 об., 457 об.

с этой точки зрения. И все же кое-какие показания мы в них находим. Опять приходят на помощь названия поселений: «деревня Чюцкое старое печище Скочковское», «деревня, что была пустошь Чюцкое дворище, а Слудка тож при Югу» [10]. Это следы древней летописной чуди, населявшей Подвинье до славянской колонизации Севера. А в следующих названиях отголоски более позднего времни: «деревня Ноугородова, а Мокиево тож», «деревня Белозеровица при р. Сухоне», «починок Пермас на Югу», «починок Пермяцкий [11]. Здесь отражение прихода на Двину новгородцев и белозерского населения (ибо на этой территории нет другого Белоозера) и свидетельства о пермяцком населении в крае.

А такие названия, как «деревня Красная Гора, а Чухаревщина тож при р. Маялге», «деревня Новинка Защепинская и Вяткинская тож», «деревня, что было займище и Волжино раменье на Вохомском кряжу» [12] свидетельствуют о приходе сюда населения с другими этническими связями — это чухари, чухлома (население в Костромской губернии), вятчане и пришельцы с Волги. Есть еще интересные данные о проникновении в Верхнедвинский бассейн такой этнической группы, как «кокшары» — своеобразного населения с р. Кокшеньги, притока Ваги: «деревня, что был починок Кокшарка» (Ляменгские починки) [13].

Таким образом, из I ревизии удается получить довольно обширный круг сведений относительно верхнедвинского населения. К XVIII в. здесь были заселены все речные побережья. В Сухонском бассейне сосредоточиваются довольно редкие, но крупные поселения (до 100—200 чел.), что связано с выполнением ими транзитных функций, ибо здесь издавна шел путь, по которому проникало население на Сев. Двину. В бассейне р. Юг сложилось несколько иное расселение. Там к нач. XVIII в. население сосредоточилось в малодворных деревнях, но более густо и равномерно заселило побережья рек. Это был район черносошного земледелия, рано получивший товарный характер, благодаря исключительным условиям для ведения хозяйства [14]. На верхней Двине сосредоточилось значительное монастырское и церковное землевладение с более населенными деревнями, нежели деревни черносошных крестьян.

Переходим к описанию материалов II ревизии. Она проводилась в Устюжском уезде в 1747 г. По ней имеются две

[10] ЦГАДА, ф. 350/3, № 4606, лл. 478 об., 480.
[11] Там же, лл. 102, 179, 283 об., № 4606-а, л. 221, № 4611, л. 35 об.
[12] Там же, № 4606, лл. 316, 513; № 4611, л. 221.
[13] Там же, ф. 350/3, № 4606, л. 451 об.
[14] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого XVII в. М., 1960, стр. 185—189.

книги [15]. Первая содержит сказки черносошных крестьян только Южской трети, вторая составлена в виде ведомости — итоговых данных о беглых крестьянах и половниках по всему уезду. Из этой ведомости можно составить представление о территории Устюжского уезда к сер. XVIII в. Вопросы же заселения территории, размещения на ней населения можно разобрать по первой книге на примере Южской трети.

Из материалов II ревизии мы располагаем следующими сведениями о Верхнедвинском бассейне. Список населенных мест можно составить полностью только по Южской трети, в Сухонской и Двинской третям только тех деревень, где указаны беглые крестьяне. По отмеченному ревизией местонахождению поселений видно заселение верховьев Сев. Двины, верховьев Лузы, бассейна р. Юг с притоками и волжских рек — Вохмы, Вочи, Волманги. О заселении водоразделов ревизия не упоминает. Подсчет дворов и мужского населения можно провести также на данных Южской трети. Женское население этой ревизией не учтено. К 1747 г. там отмечено 25 256 чел. муж. пола. Подробно описывается семейный состав и отмечается проникновение неродственного элемента в крестьянский двор. Среднее число людей на 1 двор несколько меньше, чем в нач. XVIII в. — 7,2. По этой ревизии также четко прослеживается государственное, монастырское, церковное землевладение, владения посадских людей и черносошных крестьян. Последнее особенно важно, т. к. отражено неравенство в положении крестьянства. Отдельным слоям его принадлежит значительное число лишенных средств существования половников. В ревизских сказках сохраняется упоминание о древнем боярщинном землевладении.

Несколько подробнее сведения о миграциях населения по сравнению с данными I ревизии: бегство крестьян и половников из своих деревень, рекрутские наборы, переход на новые земли в связи с куплей или продажей наделов, проникновение в верховья Сев. Двины населения из соседних уездов: в Шабурские починки из Усольского и Тотемского, в Вохомскую волость из Вятского и Хлыновского [16].

Сведения об этнических группах Верхнедвинского бассейна в материалах II ревизии аналогичны сведениям I ревизии. Но в отличие от последних, они несколько расширяют состав переселенцев. II ревизия упоминает еще пришельцев с юга — из бывшей Ростово-Суздальской земли — «деревня, что был починок Подольской, а Суздальцово тож» [17]

---

[15] ЦГАДА, ф. 350/3, № 4605, 5234.
[16] Там же, ф. 350/3, № 4605, лл. 409, 419 об., 670 об., 728 об.
[17] Там же, л. 1018.

и с Волги — «деревня Иволжино раменье», «деревня Башкириха» [18].

В результате анализа данных этой ревизии, становится ясно, что по-прежнему население сосредоточено на речных побережьях, а водоразделы остаются неосвоенными. Несколько изменяются поселения, они увеличиваются. Теперь среднее число дворов в деревне достигает 4,5 с населением 33,6 чел. на 1 деревню. Это касается как черносошных деревень в бассейне р. Юг, так и монастырских в верховьях Двины и Лузы. В волжских притоках — Воче и Вохме преобладают мелкие деревни до 20 чел., явившиеся результатом сравнительно недавнего заселения.

Картину размещения населения во II пол. XVIII в. позволяют выяснить материалы III ревизии. Она проводилась в Устюжском уезде в 1762—1764 гг. По ней сохранилось 11 книг [19]. Они однотипны и представляют собой «сказки» — первичные сведения крестьян и половников по всем третям уезда. Впервые получаем сведения по Двинской трети (I и II ревизии описывали там только монастырские и церковные владения). Подробнее дана и Сухонская треть: показано заселение не только р. Сухоны, но и ее притоков — рр. Городишны и Бобровой.

Поселения локализуются этой ревизией в основном по берегам рек, но есть свидетельства о начавшемся заселении водораздела Волги и Двины в районе Вохомской волости.

Недостатком материалов III ревизии является отсутствие сведений о крестьянских дворах, поэтому нельзя представить ясной картины о составе и структуре крестьянских семей. Но III ревизия учитывает женщин, что позволяет определить более точно общую численность населения. Она достигла к 1764 г. 49 780 чел.

Об этническом составе населения Устюжского уезда материалы III ревизии ничего нового не дают.

Очень ценны данные этой ревизии о землевладении монастырей и церквей, т. к. в 1764 г. произошла секуляризация церковного и монастырского имущества. Ревизия показывает, в каких размерах существовало их землевладение накануне этого события. Из 1600 деревень с населением 49 780 чел. монастырям принадлежало 194 деревни (12,12%) с 5259 чел. (10,57%), церквам 129 деревень (8,06%) с 2697 чел. (5,41%). Это сравнительно небольшие цифры, что становится понятным, если учесть принятые еще в XVII в. правительственные меры по сокращению владений церквей и монастырей [20].

[18] ЦГАДА, ф. 350/3, № 4605, лл. 747 об., 820.

[19] Там же, ф. 350/3, № 4619—4625, 4627—4629, 5233.

[20] М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. т. I, М., 1906, стр. 59.

О миграциях населения в Верхнедвинском бассейне III ревизия сообщает новые сведения. Это начало заселения водоразделов, возникновение починков и выселков на давно освоенных территориях, переселения крестьян в связи с покупкой земли, передвижения за пределы уезда (особенно подробно—бегство в сибирские города и обратное возвращение оттуда, уход по паспортам). Анализируя эти материалы, становятся понятны такие передвижения крестьян во II пол. XVIII в. Развивающийся процесс первоначального накопления сопровождался усилением гнета со стороны феодального государства. Именно в это время происходит окончательное лишение крестьян права свободного распоряжения землей, являющейся государственной собственностью[21]. Крестьянство, в свою очередь, стремилось освободиться от этого нажима путем различного рода переселения. Показывая имущественное положение различных слоев сельского населения, принуждавшее в ряде случаев к таким переселениям, источники обнаруживают суть этих процессов.

Заселение территории уезда в то время по сравнению с нач. XVIII в. идет по линии укрупнения старых поселений, средняя населенность которых достигает 31,1 чел., или выселения в починки и выставки. Миграционное движение приводит к началу освоения новых земельных площадей на водоразделе двинских и волжских притоков.

Подобные материалы по остальным ревизиям Верхнедвинского бассейна не сохранились. Встречающиеся некоторые их итоговые данные могут служить лишь дополнительным источником для освещения динамики сельского расселения в кон. XVIII — I пол. XIX вв. и в какой-то мере восполнить отсутствие первичных сведений последующих ревизий.

Гораздо ближе к действительности были данные Центрального Статистического Комитета. Они появились после прекращения перед реформой 1861 г. ревизий и издавались в виде «Списков населенных мест». В последних нашли отражение сведения 10 ревизии 1857 г. с добавлением полицейских данных о податном населении. Такие «Списки населенных мест» по исследуемой территории были опубликованы в 1866 г. и сообщали сведения на 1859 г.[22]. Хотя данные ЦСК, как и ревизии, основывались на приписке, т. е. не учитывали временного местопребывания населения, а поэтому давали несколько искаженную картину (в губерниях, где было развито отходничество, действительного на-

---

[21] С. Щепетов. Законодательство и старинные формы землевладения на Севере. «Сов. Вестник», СПб, 1886, № 2, стр. 89.

[22] Списки населенных мест, издаваемые ЦСК МВД, т. 7, Вологодская губерния, СПб., 1866.

селения оказалось меньше, а в губерниях, куда оно было направлено, населения оказалось больше)[23], все же его данные были более точны и полны, т. к. они не содержали пропусков в территориальном отношении, какие характерны для ревизских сказок.

Этот источник, в отличие от ревизий, не был использован для изучения исторических проблем и не подвергся тем обработкам, какие испытали на себе материалы ревизий. Характеристика его не получила должного освещения в исторической литературе. Необходимость разработки его данных высказана в работе С. А. Ковалева[24], указавшего использование этого интересного источника в числе других материалов при географическом изучении сельского расселения.

Для рассмотрения вопросов заселения Верхнедвинского бассейна он дает материал, сопоставимый с данными ревизий: это — список населенных мест, точная локализация каждого из них, социально-экономическая разновидность поселений, количество дворов, число мужского и женского населения, сведения о характере владения, а итоговые данные добавляют материал о национальном составе населения. Недостатком этого источника по сравнению с предшествующими переписями является отсутствие волостного деления. Указаны только уезды и станы. Описание внутри их идет по рекам и трактам. Это несколько затрудняет сопоставимость материалов по отдельным волостям. Еще одно отличие «Списков населенных мест» от ревизий: в первых не перечисляются все жители, а даются обобщенные сведения на каждое поселение, поэтому нет возможности рассмотреть семейный состав дворов. По такому признаку «Списки населенных мест» приближаются к проводимым позже переписям населения.

Показания этого источника имеют важное значение, поскольку отражают состояние северной деревни накануне реформы 1861 г., к моменту, когда капитализм в ней начинает вступать в свои права.

Особенно важны сведения о категориях крестьянства. Они свидетельствуют о пополнении сословия государственных крестьян за счет так наз. «экономических», принадлежавших монастырям и церквам. Последние с момента сокращения церковного и монастырского землевладения все чаще стали переходить в государственных крестьян, а иногда и в свободных хлебопашцев, выкупивших свой на-

---

[23] П. П. Семенов. Характерные выводы из первой всеобщей переписи. СПб., 1897, стр. 9.

[24] С. А. Ковалев. Географическое изучение сельского расселения. М., 1960, стр. 209.

дел[25]. Все крестьянское население Верхнедвинского бассейна в I пол. XIX в., состоящего теперь из Устюжского и Никольского уездов, насчитывало 198 831 чел. Такая большая цифра по сравнению с предшествующей переписью получается, главным образом, за счет более полного охвата территории источником 1859 г. Вместо известных прежде 1600 селений он насчитывает 3398, различия среди них поселения с разными категориями крестьянства: 3046 селений государственных и экономических крестьян, 193 владельческих селений (возможно, помещичьих), 5 деревень принадлежит совместно казне и владельцам, 16 — удельным крестьянам и 137 — разным ведомствам. Хотя по-прежнему население занимало речные бассейны, стало заметнее его продвижение на водоразделы между волжскими реками Вочей, Пыщугом, Юзой, Кемой и двинским притоком Югом. Поселения заметно укрупнились и насчитывали теперь в среднем по 8,1 двора в деревне с населением до 58,8 чел. на 1 деревню. Самыми крупными оказываются деревни в старом земледельческом районе — Южском бассейне (до 100 чел. и больше), деревни же по Сухоне и Двине более мелки, что могло быть связано с меньшим развитием земледелия в хозяйстве крестьян и с сильным распространением отхожих промыслов.

После реформы 1861 г. наступает важный момент в истории северной деревни. Получение государственными крестьянами прав на выкуп наделов и приобретения земель у казны и частных лиц открыло путь для капиталистического развития в деревне. Оно способствовало концентрации земель у верхушки крестьянства и лишению ее в ряде случаев другой частью его.

Сведения о размещении населения в это время дала Всеобщая перепись 1897 г. По сравнению с предшествующими ей ревизиями и данными административно-полицейского учета, она отличалась правильной постановкой переписного дела, т. к. была проведена в один день и в единой форме по всей России. Впервые в практике учета населения, таким образом, были получены точные сведения о его численности, составе и действительном размещении.

Первичные материалы этой переписи[26] представляют собой бланки, заполненные приходскими священниками или волостными старшинами на каждое поселение. Для изучения вопросов сельского расселения они дают следующие сведения: количество мужского и женского населения, чис-

---

[25] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.—Л., 1946, стр. 38, 39.

[26] ЦГИА (Центральный Гос. Исторический Архив, Ленинград), ф. 1290/1, № 345, 346, 365.

ло дворов, характер землевладения, тип поселения, в большинстве случаев с подробным указанием на его расположение и наличие школ, кузниц, мельниц, лавок, церквей, фабрик, мастерских. Кроме того, они содержат большой материал о переселениях — освоении территории уездов, возникновении новых поселений (починков и выселков). Такие сведения вполне сопоставимы с данными учета населения в предшествующее время и дают следующую картину сельского расселения в верхнедвинских уездах в конце XIX в. Повсеместно укрупняются крестьянские поселения. Среднее число дворов в деревне достигает теперь 11,1, а населения 73,7 чел. Это могло быть объяснимо не только ростом населения, но и семейными разделами. Последнее ясно из подсчета населенности двора, в среднем 6,4 чел. на 1 двор, тогда как в дореформенное время оно было еще 7,1 чел. на двор.

Общее число деревень также увеличилось по сравнению с дореформенным временем. Их стало 4704 с населением 346 896 чел.

Это увеличение происходит в результате образования новых починков и выселков (более 1000) как в местах старого заселения, так и на вновь осваиваемых водоразделах. К последним добавляется еще водораздел ветлужского притока Моломы и двинских Юга и Пушмы. Сильный рост вновь возникающих поселений объясним новыми перемещениями крестьян, получивших в пореформенное время право свободного приобретения земель. Перепись 1897 г. как раз и вскрывает отличительные особенности миграций крестьян, обусловленных капиталистическим развитием деревни.

В начале XX в. происходят некоторые изменения в аграрном строе деревни. Они были вызваны проведением с 1906 г. Столыпинской реформы, принесшей конец существованию крестьянского общинного землевладения, поскольку она способствовала развитию буржуазной собственности на землю и тем самым углубляла расслоение крестьян. В это время получает распространение новый вид сельского расселения — хуторской, сопровождавшийся новыми перемещениями крестьян. На Европейском Севере он развивался вплоть до начала I мировой войны и революции. В ряде мест, к числу которых относится и Верхнедвинский бассейн, вошедший теперь в состав Северо-Двинской губернии, происходят приселения крестьян на оставшиеся еще не разработанными земли из других районов России.

Значительного притока населения на Север не было уже со времени окончания его колонизации еще до XVIII в. Насаждение хуторов привело к новым приселениям извне, увеличившем численность местного населения и в какой-то степени менявшем его национальный состав.

Много хуторских хозяйств эстонцев, латышей, литовцев и белорусов возникло тогда в Опаринском и Вохомском районах Северо-Двинской губ.[27]. Они оставались там и в послереволюционное время, когда советская власть начала проводить новое землеустройство и, видимо, существовали в конце 20-х годов, ибо проводимая в 1926 г. перепись фиксирует на этой территории в хуторах более 3000 чел. белорусов и прибалтов[28].

Материалы I Всесоюзной переписи 1926 г. являются ценным источником, поскольку отражают явления в жизни деревни, происходившие в I четверти XX в.

Первичные данные этой переписи представляют собой бланки, содержащие очень лаконичные сведения о населенных пунктах: их разновидность, количество дворов и населения, его национальный состав. Последнее очень существенно, ибо впервые перепись дает точный национальный состав жителей каждого населенного пункта.

В этих кратких сведениях переписи и кроется суть многих социальных моментов, характерных для северной деревни 20-х гг. Так, сообщая данные о дворах в районах Северо-Двинской губернии, она различает крестьянские и некрестьянские дворы. Скорее всего, по этим разумеется неоднородность состава сельского населения, что понятно при углублявшемся процессе его расслоения[29] и необходимости части крестьян заниматься не только земледелием, но и работой в кустарных мастерских и фабриках. Свидетельствуют данные этой переписи и о продолжении расселения на хуторах. Их насчитывалось к 1926 г. 1837 (из общего числа поселений — 6448). К старым, сохранившимся со столыпинского времени хуторам, могли к этому времени прибавиться новые в связи с предпринятой в 20-х гг. колонизацией незанятых земель на Севере[30]. Так перепись 1926 г. отражает миграционное движение крестьян.

Население верхнедвинских районов со времени переписи 1897 г. продолжало расти. Его не остановила 1 мировая война, революция и годы гражданской войны. К 1926 г. оно насчитывало 480 102 чел. Распределялось оно в поселениях следующим образом. Число последних выросло до 6964. Они очень густо располагались по берегам рек, но увеличилась

---

[27] Возможность таких переселений обсуждалась в Министерстве госимуществ еще в 1902 г., и, видимо, была осуществлена в столыпинское время. См. А. А. Кауфман. Материалы и соображения по вопросу о колонизации свободных земель северо-восточных губерний. СПб., 1902, стр. 328.

[28] Архив АН СССР, ф. 135/3, №№ 189—191, 196, 198—200.

[29] История земельных отношений и землеустройства. М., 1956, стр. 151.

[30] Н. Овчинников. Работа северных колонизационных экспедиций. Сб. «О земле», в. 3, 1922.

к этому времени и заселенность водоразделов волжских и двинских притоков. На деревню в среднем приходилось теперь 14,4 двора и 69,5 чел. населения. По сравнению с концом XIX в. деревни стали более многодворны, хотя средняя населенность их не прибавилась. Сами дворы стали менее населенными — в среднем по 4,8 чел. на двор (в 1897 г. — по 6,4 чел.), следовательно еще более участились семейные разделы.

Все эти сведения, полученные из материалов переписи 1926 г., также могут быть сопоставимы с предшествующими данными учета населения.

Таким образом, в переписях XVIII—I четв. XX вв. мы находим источники, которые позволяют проследить историю сельских поселений за длительное время — с начала зарождения капиталистического уклада, его становления и существования вплоть до момента уничтожения Октябрьской революцией, когда там стали созревать условия для нового, социалистического переустройства деревни. Особая ценность этих источников заключается в том, что они дают не выборочный, а сплошной материал по тем или иным территориям, сопоставимый на протяжении длительного времени. Динамика населения в его количественном и сословном отношении, изменения в его размещении прослеживаются в результате таких сопоставлений.

Применение этих источников для изучения сельского расселения несколько отличается от использования их в других исторических исследованиях. Последние, главным образом, основывались на статистической обработке материалов переписей. Для разрешения данных проблем они дают возможность сочетания статистического метода с картографическим: показания переписей после соответствующей обработки могут быть нанесены на карты. В исторической географии картографирование материалов не ново. Оно осуществлялось, хотя и по разной методике, в ряде исследований [31].

Материалы использованных источников были нанесены на 6 карт, соответствующих проводимым в течение XVIII—XX вв. переписям. Здесь нет возможности останавливаться на описании этих карт. Основные наблюдения, полученные при анализе их показаний, сводятся к следующему:

---

[31] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. М., 1914; М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере XVII в., тт. 1—2, М., 1906, 1912; А. И. Копанев. История землевладения Белорусского края. XV—XVI вв. М.—Л., 1951; М. В. Витов, ук, раб. и др.

1. Значительные приливы населения в Верхнедвинский бассейн закончились еще до XVIII в. Были освоены колонизационные пути — бассейны Сев. Двины и волжских притоков. В последующее время происходят изменения в размещении населения, т. к., кроме дальнейшего освоения речных бассейнов, заселяются водоразделы. В результате здесь сложились два типа заселения: преобладающий прибрежно-речной и редкий в условиях Севера водораздельный. Определенную роль в их сложении, наряду с разнообразием природных условий, сыграли миграции сельского населения, обусловленные социально-экономическим развитием края. Локальные особенности в размещении населения (степень освоенности и населенности территории) зависят от издавна сложившейся хозяйственной направленности отдельных районов.

2. Социально-экономические моменты определили распространение характерных для этой территории типов поселения. В их развитии можно отметить последовательность, связанную как с постепенным освоением территории края, так и со сменой форм землевладения и землепользования. Во все периоды преобладающим типом поселения является деревня, менее распространенными — села и починки. И те и другие изменяются в процессе своего развития (например, переход монастырских и других владельческих деревень, сел и починков в государственные). Отмирающими видами селений становятся городища, ямы, погосты, вновь появляющимися — хутора.

3. С XVIII в. колонизация данного района идет не за счет расширения территории, а направляется в глубь ее. В результате к концу исследуемого периода происходит увеличение освоенной населением площади в хозяйственных целях, несмотря на некоторое сужение территории при административных изменениях в течение XVIII — I четв. XX вв. К этому же времени наблюдается увеличение общей численности населения, т. к. его, хотя и невысокий, естественный прирост и некоторый приток извне покрывал случавшийся временами отлив населения.

У. М. Полякова

ГОРОДОВАЯ ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ КНИГА АРХАНГЕЛЬСКА 1786—1788 гг. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ СЕВЕРНОГО ГОРОДА

Городовые обывательские книги появились во второй половине 1780-х гг., после издания Городового положения Екатерины II, где в разделе «В» имелось специальное «Наставление для сочинения и продолжения городовых обывательских книг».

Правовое значение городовых обывательских книг, которые являлись как бы аналогией дворянским родословным книгам в наместничествах, появившимся в тот же период, изучалось А. А. Кизеветтером в его специальном исследовании о Жалованной грамоте городам[1]. Советский историк Х. Д. Сорина сделала попытку привлечь экономические сведения интересующего нас источника для сопоставления с данными других документов в связи с изучением социально-экономического развития города Твери на протяжении XVIII и начала XIX вв.[2].

Настоящая статья ставит своей целью рассмотрение одного из интересных образцов этого памятника — городовой обывательской книги Архангельска 1786—1788 гг. В составлении ее приняли участие горожане, бывшие знатоками местных условий, а именно В. В. Крестинин и А. И. Фомин[3]. В статье делается попытка на основании материалов этой книги дать картину общественной структуры города в момент возникновения самого источника.

---

[1] А. А. Кизеветтер. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909.

[2] Х. Д. Сорина. К вопросу о процессе социального расслоения города в связи с формированием капиталистических отношений в России в XVIII — нач. XIX в. (г. Тверь). Калининский гос. пед. институт. Ученые записки, т. 38, стр. 281—301. Калинин, 1964.

[3] Еще до участия в работе над городовой обывательской книгой 1786—1788 гг. Крестинин и Фомин явились составителями различного рода описаний и «донесений», содержащих, в частности, экономические и статистические материалы и др.

Городовые обывательские книги являлись своеобразными переписями торгово-промышленного населения городов. По предписанию законодателя в книгу вносилось «имя и прозвание всякого гражданина, имеющего в том городе дом, строение или землю, или записанного в гильдию или цех, или промышляющего мещанским промыслом»[4], т. е. переписывались преимущественно городские сословия купцов и мещан с незначительным расширением указанных рамок за счет лиц, временно влившихся в эти сословия.

Прежде чем перейти к расмотрению данных нашего источника о социальном составе городского населения, попытаемся представить себе общую численность горожан и место в их массе купеческого и мещанского сословий.

Среди имеющихся статистических сведений, относящихся к 1780-м годам, целесообразно выделить данные Крестинина, т. к. они наиболее полно расшифрованы. В «Топографическом описании города 1782 года» им давалась для общей численности жителей Архангельска цифра 12 100 человек, которая раскрывалась следующим образом:

Белое духовенство с семьями	— 267
Монахи	— 10
Штатские с семействами	— 333
Военные	— 1711
Их жены и дети	— 1986
Мастеровые	— 2523
Их жены и дети	— 1830
Отставные гарнизонные и адмиралтейские	— 168
Их жены и дети	— 259
Посадские купцы мужского пола	— 398
Посадские купцы женского пола	— 420
Мещане мужского пола	— 1111
Мещане женского пола	— 1104
Всего	—12100 чел.[5]

Учтенные здесь группы городского населения занимали не одинаковое место в жизни города. Духовенство, военные и штатские (т. е. служащие учреждений и чиновники) по отношению к экономике города выступали преимущественно как потребители. Они не сливались с торгово-промышленным посадом и по сословному признаку.

К указанным категориям в известном смысле примыкали и казенные мастеровые адмиралтейства, т. к. их труд

[4] Л. О. Плошинский. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии. СПб, 1852, стр. 55.

[5] См. Архив ЛОИИ, ф. 36, № 440, л. 19.

также не имел прямого отношения к местному хозяйственному развитию. В общем и эта масса выступала по отношению к городу преимущественно в качестве потребительской прослойки [6].

По данным Крестинина, купцы и мещане составляли около 3000 человек, т. е. не более 25% от общего количества городских жителей [7]. Это и есть основной контингент, учтенный нашим источником.

Купцы и мещане представляли собой основное хозяйственное ядро Архангельска. Тем не менее обусловленная характером источника необходимость абстрагироваться от отмеченных выше групп населения сужает социально-экономическую картину города в целом.

Необходимо также учитывать, что в жизни города большую роль играли иностранцы, иногородние и особенно крестьяне.

Экономика Архангельска в значительной мере зависела, в частности, от растущих связей с сельскими районами.

Массовый приток сельского населения в город в конце XVIII в. являлся главным условием роста самого посада. Тот же Крестинин говорил о «множестве народа, привлекаемого в город Архангельский прибытками торговли». Объясняя рост посада примерно за двадцать лет — от III к IV ревизии (1763—1782 гг.), он писал: «Сие умножение посада (на 541 душу мужского пола) последовало при открытии Вологодского наместничества вступлением в гражданство 280 семей крестьян, обселившихся в городе издавна» [8]. Процесс вовлечения крестьян в экономику города учитывается нашим источником лишь в тех случаях, когда имело место юридически оформленное участие крестьян в городской жизни.

Отмечая, таким образом, специфическую «узость» нашего источника, вернемся к рассмотрению содержащихся в нем сведений о купечестве и мещанстве.

При внесении в обывательскую книгу имен всех «граждан» различались: «в том городе старожилы, родившиеся или вновь поселившиеся, отличая особо: а) кто женат и на

---

[6] Постоянно соприкасаясь с горожанами, часть матросов, солдат и мастеровых вовлекалась в местную хозяйственную жизнь. Но значение их деятельности вряд ли было велико. В магистратском описании Архангельска 1779 года говорится о «подрыве» лавочного торга местных жителей со стороны «гарнизонных и прочих служителей», которые содержат постоялые дворы и «потаенные» лавки для приема товаров от иногородних и распродажи их в розницу. Но подобные свидетельства немногочисленны (Временник Имп. Моск. общ. истории и древностей российских, кн. 25, 1857, стр. 59).

[7] По признаку домовладения, судя по перечням настоящих городовых обывателей в книгах 80—90-х гг. XVIII в. она занимала иное место, составляя почти половину городских домовладельцев.

[8] Архив ЛОИИ, ф. 36, № 440, л. 22.

ком, б) много ли у него детей мужского и женского пола и их имена, в) холост или вдов, г) за кем дом, строение, место или земля, им ли построено или наследственно, или куплено, или в приданое получено, и в каком месте в городе, д) в городе ли живет или в отлучке, е) какого промысла, ж) в каких городских или иных службах был или есть» (ст. 58).

При этом, отвечая на вопросы, предложенные инструкцией, составители обывательских книг сообщали ряд подробностей, не предусмотренных вопросником, но имевших существенное значение. Таковы, например, сведения о прежнем месте жительства и времени записи в посад пришельцев из других мест.

Из числа сохранившихся в Архангельске городовых обывательских книг для настоящей работы была выбрана книга 1786—1788 гг. и попутно привлекались три других книги — 1789—1791 гг., 1796—1798 гг., 1808—1810 гг.[9].

Ранняя обывательская книга Архангельска 1786—1788 гг,. в составлении которой, как уже говорилось, приняли участие Крестинин и Фомин, отличается некоторым своеобразием, обусловившим наибольшую полноту ее сведений.

В соответствии с инструкцией эта книга, как и последующие, делится на шесть частей. Первая часть представляет собой список настоящих городовых обывателей, т. е. местных домовладельцев, вторая включает «вписавшихся в гильдии», третья — «вписавшихся в цехи», четвертая—иностранных и иногородних гостей, пятая — именитых граждан, шестая — посадских. Все перечни составлены в алфавитном порядке и снабжены сведениями, характеризующими каждую семью в отдельности. Список настоящих городовых обывателей составлен с учетом лишь одного признака, он включает в себя домовладельцев из всех групп горожан.

Своеобразие книги 1786—1788 гг. состоит в подаче материалов о посадских. В законодательстве того времени не было четкого определения терминов «посадский» и «мещанин». В наказе Уложенной комиссии Екатерина II называла мещанами всех, кто обязан «принимать участие в добром состоянии города, имев в нем дом и имение» [10], т. е. давала широкое толкование этого понятия.

В Жалованной грамоте городам термин «мещане» был употреблен в том же широком понимании. Но как бы па-

---

[9] Гос. архив Архангельской области (в дальнейшем — ГААО). Обывательские книги: 1786—1788 гг.; ф. 49, оп. 3, т. II, № 2930; 1789—1791 гг.; ф. 49, оп. 1, д. 1; 1796—1798 гг., ф. 49, оп. 3, № 4; 1808—1810 гг., ф. 49, оп. 3, № 2893.

[10] Плошинский. Указ. соч., стр. 211, 212.

раллельно с ним здесь применяется и термин «посадские», которому дается следующее определение: «Посадские, то есть те из старожилов или поселившихся, или родившихся в городе, которые не внесены в других частях городовой обывательской книги и кормятся в том городе промыслом, рукоделием или работают» [11].

Таким образом, законодательство не делало больших различий в пестрой среде граждан, оставшихся за пределами купеческих гильдий, если не считать четкого отграничения домовладельцев от тех, кто не имел недвижимости. В число мещан или посадских попадали мелкие торговцы и предприниматели, наемные работники, разорившиеся городские низы.

В книге конца 1780-х гг. все посадские разделены на две основные группы: капитальных (с указанием размера капитала) и бескапитальных. Капитальные в свою очередь делятся на три группы по тем же рубрикам, что и в упоминавшемся крестининском описании Архангельска 1782 г.: торговых, промышленных и рукодельных (т. е. ремесленников, не вошедших в цехи).

Посадский, обладающий капиталом, имеет в особой графе книги отметку «мещанин». Такой отметки, соответственно, не имеют посадские бескапитальные, выделенные в особый раздел, независимо от характера их хозяйственной деятельности.

Учет мещанских капиталов, весьма существенный для картины социального состава горожан, не был предусмотрен инструкцией о составлении обывательских книг. Это явилось плодом местного творчества [12]. Инициатива в этом случае несомненно принадлежала Крестинину, который выступил с критикой как манифеста 1775 г., так и Жалованной грамоты городам 1785 г. за непризнание прав мелких городских предпринимателей. Еще в мещанской челобитной в Сенат 1778 г. он отстаивал права этой прослойки, требуя учета реальных капиталов и характера деятельности каждого горожанина при внесении его в тот или иной разряд городского населения. Здесь же, в обывательской книге, Крестинин фактически уточняет определение закона, вводя термины «капитальных» и «бескапитальных» посадских и относя лишь к первым звание мещанина.

Тем самым в лице Крестинина архангельское мещанство давало как бы свою социальную трактовку понятия «мещанин», выражая ясное понимание существующей в обще-

[11] Там же, стр. 243.

[12] Сведения о капиталах мещан, позволившие выделить группу капитальных посадских, были всегда под рукой у мещанского старшины (в этот период им был Крестинин) и выборных старост, т. к. они служили основанием для раскладки подушного и других сборов.

стве связи между наличем «капитала» и общественным положением как отдельного лица, так и целой социальной группы.

Последующие обывательские книги создавались в изменившейся обстановке, когда, в частности, был отстранен от активной деятельности и Крестинин. Поэтому они, видимо, и утратили отмеченное своеобразие.

Деление городского населения на купцов, с одной стороны, и мещан, т. е. посадских и цеховых ремесленников, с другой, проводилось в Жалованной грамоте городам и, соответственно, в обывательских книгах на основе имущественных различий, следствием которых выступали различия правового характера.

Нижеследующая таблица включает цифровые показатели по основным имущественно-правовым разрядам населения, как они представлены в городовых обывательских книгах 1786—1788 и 1789—1791 гг.

Таблица 1

Имущественно-правовые разряды	По книге 1786—88 гг.[13]	По книге 1789—91 гг.[14]
Купцы I гильдии	**18**	**16**
Купцы II гильдии	**20**	**23**
Купцы III гильдии	**115**	**91**
Цеховые ремесленники	**178**	**118**
Иностранные гости	**—**	**5**
Иногородные гости	**58**	**81**
Посадские	**537**	**611**
Вдовы и девки[15]	**145**	**150**
Всего семейств	1071	1095

Таблица включает все основные имущественно-правовые группы горожан. Здесь опущен лишь один разряд — именитые граждане, т. к. они входили одновременно в состав купеческого или мещанского обществ и здесь для почета перечислялись вторично.

В нижеследующем разборе не будут специально рассматриваться также отмеченные таблицей иностранные и иногородние гости, т. к. состав этой группы постоянно менялся, а наиболее устойчивая часть иностранцев и иногородних гостей со временем включалась юридически в число архангельских купцов или посадских.

Каждая из показанных в источнике имущественно-правовых групп заключает в себе большое разнообразие общественно-производственных типов. В число купцов входят

[13] ГААО, ф. 49, оп. 3, т. II.

[14] Там же, ф. 49, оп. 1, д. 1.

[15] Вдовы и девки (посадские) выделены в особую группу, по-видимому для удобства раскладки платежей, считавшихся на мужскую душу.

торговцы, владельцы промышленных предприятий и промысловых судов, бывшие ремесленники, ставшие мелкими товаропроизводителями, хозяевами мастерских и др. В разряд посадских вместе с торговцами и различными мелкими предпринимателями и самостоятельными товаропроизводителями входят и наемные работники, и разорившийся городской люд.

Однако наш источник содержит материал, позволяющий дать более реальную картину городского общества, сгруппировав население с учетом дополнительных имущественных показателей и конкретной характеристики хозяйственной деятельности горожан.

Характерной особенностью экономики этого периода является отсутствие строгой специализации в хозяйственной деятельности горожан: сосредоточение в одних руках оптового и розничного торга при пестром ассортименте товаров, сочетание торговли с промысловым предпринимательством, с содержанием промышленного предприятия. Это относится, главным образом, к зажиточным прослойкам, к купцам первой и второй гильдий. У средних и низших групп четче обозначена хозяйственная специализация или ярко выражено преобладание определенного вида хозяйственной деятельности. Эти особенности должны учитываться при любой статистической обработке данных обывательских книг.

Попытаемся сопоставить сведения о хозяйственной деятельности горожан с данными об их имущественном положении, тем более, что в обывательской книге 1786—1788 гг. капиталы горожан отражены наиболее полно.

Для характеристики имущественного положения горожанина за основу может быть взят размер объявленного капитала. Этот признак достаточно достоверен.

Объявленные капиталы купцов нельзя принимать за абсолютный показатель их денежных средств прежде всего потому, что они обычно не превышали минимума, необходимого для вступления в ту или иную гильдию. В нашем источнике в соответствии с нормами 1780-х гг. они, как правило, равны: для I гильдии — 10 000 руб., для II гильдии — 5000 руб., для III гильдии — 1000 руб.

Наряду с наличным капиталом при вступлении в купеческие гильдии принималась в расчет и недвижимая собственность. Так, напр., архангельский купец А. И. Ерюхин объявил на 1794 г. капитал в размере 1025 руб. «Доказываю свое состояние, — значится в подлинном его объявлении, — выстроенным по новоизданному плану собственным домом и кожевенною избою, да против оного дворовым местом, оставшимся от отца моего в наследство», а также наличным капиталом [16].

[16] ГААО, № 49 (городская дума), № 24.

Более точно отмечены первой обывательской книгой мещанские капиталы. Капиталы посадских, в отличие от купеческих, очень пестры. Они колеблются в пределах от нескольких до семисот рублей.

Внимательное рассмотрение капиталов жителей Архангельска и попытки их классифицировать указывают на ряд характерных соответствий между размерами объявленного капитала и характером производственной деятельности обладателя этого капитала, будь то торг, промышленное предпринимательство или деятельность непосредственного производителя. Выделив эти соответствия, удается различить затем ряд однородных групп городского населения с присущими каждой признаками хозяйственного и имущественного характера.

Нижеследующий показ этих групп, занятых в торговле, в промысловом хозяйстве и в промышленности, раскрывает реальное содержание сведений обывательской книги Архангельска 1786—1788 гг.[17].

В соответствии с хозяйственной спецификой Архангельска его торговая прослойка составляла около 20% учтенного источником городского населения: 201 семейство из 1023[18].

Торговцы значатся в числе купцов всех гильдий и в числе посадских.

Таблица 2

ТОРГОВЦЫ АРХАНГЕЛЬСКА

(по характеру торга)

Имущественно-правовое положение	Торгующие на экспорт	Торгующие оптом в Архангельске[19]	Торгующие в розницу в Архангельске	Торгующие в других городах	Итого
Купцы I гильдии	4	8[19]	1+(1)[20]	(2)	13
Купцы II гильдии	—	1	9	—	10
Купцы III гильдии	—	4	52	—	56
Посадские капитальные торговые	—	—	86	—	86
Посадские вдовы и девки	—	—	36	—	36
Итого	4	13	184	(2)	201

[17] Специфика источника и характер его обработки не позволяют в каждом отдельном случае сослаться на лист обывательской книги. Это не исключает возможности легко проверить любой из приведенных фактов: каждый горожанин может быть найден в соответствующем разделе книги по алфавиту.

[18] Всего обывательская книга содержит сведения о 1071 семье (см. табл. 1), но не все они имеют полные сведения.

[19] Оптовый торг почти всегда сочетается с розничным, оптовые торги вели и купцы-экспортеры. Таблицей отмечено лишь наличие оптового торга как основного.

[20] Скобками выделены цифры, относящиеся к неосновному виду торга. Они не должны учитываться при подведении итогов — ни здесь, ни в следующих таблицах.

Таблица 2 показывает, что количество крупных торговцев—купцов I и II гильдий было невелико — менее 25 семейств. Из них отправляли товары за море на собственный счет и на своих кораблях только четыре купеческие фамилии, в том числе три русских: Свешниковы, Крыловы и Поповы.

Большая группа торговцев из купцов III гильдии и зажиточных мещан вела лавочные торги в самом Архангельске. Наиболее многочисленна была группа более мелких лавочных и безлавочных торговцев из числа посадских.

В таблице 3 сгруппированы торговцы Архангельска в зависимости от состава их товаров[21].

Таблица 3

ТОРГОВЦЫ АРХАНГЕЛЬСКА
(по видам товаров)

Имущественно-правовое положение	Торг привозными товарами, российскими и иностранными (преимущественно лавочный)	Торг местными с/х и промысловыми продуктами (скупочный и лавочный)	Торг местными ремесленными изделиями и харчевыми товарами (лавочный и мелочный)	Итого
Купцы I гильдии	2	10	—	12
Купцы II гильдии	5	5	—	10
Купцы III гильдии	15	10	16	41
Посадские с капиталами от 300 до 700 рублей	—	—	23	23
Посадские с капиталами от 100 до 300 рублей	—	—	42	42
Посадские с капиталами до 100 рублей	—	—	57	57
Итого:	22	25	138	185

Сведения о составе товаров говорят о том, что группа лавочных торговцев из числа купцов I, II, III гильдий распродавала в розницу привозные российские и иностранные промышленные изделия. Документ называет в числе товаров иностранные вина, немецкие и московские сукна, хрустальную и «каменную» посуду, шелковые и гарусные товары.

[21] Показатели этой таблицы учитывают лишь торгующих горожан с четко обозначенным профилем торга. Поэтому они дают несколько меньшее количество торговцев, чем первая таблица. Сюда не вошли некоторые торговцы с неразвернутыми характеристиками, напр., с указанием «торгует разными товарами».

Оптовый и розничный торг местными сельскохозяйственными и промысловыми продуктами (хлебом, смолой, салом морских животных, рыбой и др.) также характерен для купцов всех трех гильдий.

Группа средних и мелких торговцев из числа купцов III гильдии и торговых мещан была занята розничной распродажей преимущественно местных ремесленных изделий и продуктов питания. В их ассортимент входят кожи, сбруя, хомуты, холсты, пестрядь, набойки, железный подел, деревянная посуда и др.

О том, где производились эти товары, в деревне или в городе, и как они попадали в руки торговцев,—сведений мало. Есть отдельные указания на торг «перекупными» дублеными кожами, на торг серебряными изделиями «московских и здешних мастеров», на «продажу чужих полотен в розницу, из оплаты».

Значительная группа преимущественно мелких торговцев занималась продажей в лавках «на полочку», в разнос, «с рук» и т. д. различных съестных припасов: муки, хлебных изделий, рыбы, говядины и баранины, «сладких овощей» (сахара и меда) и др. товаров.

Суммируя эти данные, можно четко представить, в каких видах торга участвовали торговцы различных состояний. Купцы I и II гильдий занимались, главным образом, оптовой скупкой на экспорт сельскохозяйственных и промысловых продуктов по контрактам и лавочной распродажей привозных изделий. Купцы III гильдии участвовали во всех отмеченных видах торга. Посадские занимались продажей крестьянских и городских ремесленных изделий и съестных припасов.

Из других источников известно, что значительная часть розничных торговцев, начиная от купцов III гильдии и кончая безлавочными мелочными торговцами, выступала в качестве своеобразной агентуры от более крупных торговцев по розничной распродаже их товаров. Однако отличить такую распродажу от торга, непосредственно связанного с производством, т. е. скупочного торга, у средних и мелких торговцев наш источник не позволяет.

Чтобы представить, насколько полно вырисовываются типы архангельских торговцев по данным нашего источника, приведем несколько характеристик.

Глава первой крупной русской торговой фирмы в Архангельске, купец I гильдии Алексей Попов, например, происходил из крестьян подгородной Заостровской волости и перешел в число городских жителей еще в 1774 году. В основе его торговой деятельности лежали связи с сельским хозяйством и крестьянскими промыслами. Он вел торг в рос-

сийских городах хлебом, рогожей, говяжьим салом, смолой, пенькой, ворванным салом. Попов занимался и переработкой местного сырья на выстроенных им пивоваренном и солодовом заводах, пековарнях и салотопнях. Тот же купец вел заграничные торги. В 80—90-х гг. Попов владел одним кораблем под названием «Амор Патрие», двумя жилыми домами в Архангельске, 12 льняными амбарами, 22 амбарами для пеньки, производственными постройками для своих «заводов» с тремя медными котлами. На рубеже XIX века была образована фирма Ал. Попов и сын; по книге 1808—1810 гг. в ее владении находилось 6 кораблей, 5 бригов, 15 мореходных судов различной величины. А. Попов неоднократно избирался городским головой Архангельска. Его сын известен как автор печатных работ по коммерческим вопросам.

Пример мелкого розничного торга дают сведения о деятельности старожила, посадского Михаила Мякинина. Он владел домом в Архангельске и объявил в 1786—1788 гг. капитал в размере 100 руб. Мякинин имел 1 лавку и торговал свежей рыбой в рыбном ряду. По книге 1796—1798 гг. за ним уже не числится дома (видимо, сгорел в большом пожаре 1793 года, а торг его обозначен как «мелочный торг»). По книге 1808—1810 гг. его вдова Устинья имеет пропитание «от пряжи льна».

Большинство товаров, названных в обывательских книгах, обеспечивало личное потребление городского населения и крестьян прилегающих районов. Таковы различные ткани, посуда, «харчевые» и другие товары.

Среди экспортных товаров в книгах указываются лишь продукты местных промыслов, что подтверждает правильность характеристики ограниченной роли архангельских купцов в портовом торге, имеющейся в экономических описаниях последних десятилетий XVIII в.

Часто встречаются в ассортименте товаров архангельских купцов смола и различные кожи—предметы производственного потребления местной промышленности. Но здесь, как и в экспортном торге, на долю местных купцов приходится далеко не все снабжение. Например, в книгах нет упоминаний о торге пенькой, привозившейся для канатных фабрик иногородними купцами, что известно по другим источникам.

Таким образом, обывательские книги, как и более ранние источники, в т. ч. описания 1775 и 1782 годов, свидетельствуют о наибольшем развитии в Архангельске последней трети XVIII в. так называемого «торга с деревенскими

жителями», что указывает на растущую роль городской торговой прослойки в развитии товарного хозяйства края [22].

Другая предпринимательская прослойка Архангельска — группа судовладельцев — также ясно обозначается по материалам обывательских книг.

По сведениям обывательской книги 1786—1788 гг., 57 архангелогородцев являлись судохозяевами. Источник не дает точного определения типа судов и не всегда ясно говорит об их применении. При сопоставлении этих данных с «Ведомостями о строящихся и построенных купеческих судах на 1788 год», составленными в Архангелогородском наместническом правлении, удается уточнить картину.

Среди судовладельцев примерно 15 — купцы I и II гильдий — были владельцами двух- и трехмачтовых судов для перевозки своих товаров или «отдачи в вояж под частные грузы». От двадцати до тридцати судовладельцев—купцов III гильдии — являлись обладателями более мелких судов различных типов для рыбных и звериных промыслов и «догрузки» купеческих кораблей в устье Северной Двины [23]. Преимущественно промысловым предпринимательством занималось 24 судовладельца.

Деятельность так называемых промышленников имела ярко выраженный товарный характер. Из материалов обывательской книги видно, что ворвань, кожи морских животных и изделия из них сбывались экспортерам, рыба в больших количествах продавалась на архангельском рынке владельцами мелких судов или торговцами, которым сдавали свою добычу более крупные «промышленники».

Основная масса мелких и средних судохозяев «промышленников» приближалась по существу своей деятельности к

[22] Широкое распространение этого торга знаменовало собой прямое внедрение торгового капитала в развитие крестьянских промыслов.

В фонде Архангельской губернской канцелярии сохранился интересный документ, относящийся как раз к 1788 году, т. е. к году окончания первой обывательской книги. Этот документ — прошение архангельских купцов на имя губернатора Т. И. Тутолмина — ярко выражает характер отношений архангельских торговцев с местными крестьянами. Как говорится в прошении, архангельские купцы вместе с устюжскими, вели с крестьянами «зимнюю гуртовую торговлю на кредит и честность, т. е. с задатками капиталов». Речь идет о поставках крестьянами смолы, сала и хлеба. В связи с указом наместнического правления о регистрации сделок с крестьянами, заключенные не по правилам сделки были объявлены недействительными. Это грозило купечеству потерей до 100 000 руб. капитала. Под угрозой находились и контракты с иностранными купцами. Прошение подписано 22 архангельскими купцами во главе с девятью первогильдийцами (ГААО, ф. 1, оп. 2, № 230).

[23] ГААО, ф. 1, оп. 2, № 235. Интересно отметить по той же ведомости, что из 19 двух- и трехмачтовых судов, имевшихся у архангелогородских купцов на 1788 г., только 2 были построены в 1770-х гг., а 17 — в 1780-х гг.; из 50 лихтеров — 3 были построены в 1760-х гг., 25 — в 1770-х гг. и 22 — в 1780-х гг.

типу товаропроизводителей со специальным оборудованием, владельцев так называемых «заводов», о которых речь будет идти ниже. Как и «заводчиками», ими применялась наемная рабочая сила — труд кормщиков, мореходцев, судовых работников [24].

Таблица 4

«Фабрики» и «заводы» Архангельска

Вид производства	У купцов			У посадских с капиталами от 200 до 700 руб.	У цеховых ремесленников с капиталами от 200 до 700 рублей	Итого
	1 гильдии	2 гильдии	3 гильдии			
Верфи	3	—	—	—	—	3
Канатно-прядильные фабрики	1	2	9	—	—	12
Салотопни	2	1	2	—	—	5
Пековарни и смольные печи [25]	2	3	3	—	—	8
Соляные заводы	2	3	1	—	—	6
Винокуренные заводы	1	—	—	—	—	1
Рудники	1	—	—	—	—	1
Лесопильные заводы	2	—	—	—	—	2
Кузницы	—	—	1	—	—	1
Якорные кузницы	1	—	1	—	—	2
Свечные заводы	1	—	—	—	—	1
Сахарные фабрики	1	—	—	—	—	1
Коптильни	1	—	3	—	—	4
Пивоварни	3	—	5	—	—	8
Мыловарни	—	—	1	—	—	1
Солодовни	—	—	7	—	—	7
Кожевенные избы	—	—	6	4	—	10
Медные кузницы [26]	—	—	—	—	6	6
Сандаловое, кубовое и набоечное крашение	—	—	—	—	1	1
Итого:	21	9	39	4	7	80

[24] Никаких затруднений с наймом судохозяева в этот период не испытывали. К их услугам всегда имелись свободные руки крестьян-поморов и посадских. По-видимому, ни постоянных связей между хозяевами и работниками, ни предварительных договоров здесь в это время уже не существовало. Только кормщик подбирался персонально, прочие же мореходцы набирались из числа желающих на одну экспедицию. Об этом свидетельствуют, например, тридцать прошений архангельских купцов на отправку судов для «догрузки» и промыслов 1774 года, где после указания имени кормщика идет стереотипная формула «...и работными людьми по указным паспортам, а имяна работных людей ныне показать неможно, ибо оные имеются быть переменные» (ГААО, ф. 1, оп. 1, № 10905).

[25] Сюда не вошли пековарни и смольные печи, входившие в производственный комплекс канатно-прядильной фабрики.

[26] Преобладают капиталы в 400—600 руб.

Переходя к свидетельствам нашего источника, относящимся к населению, занятому в промышленности, необходимо сразу же отметить, что благодаря смешанному характеру предпринимательства, книга не дает материала для выделения промышленных предпринимателей в чистом виде. В этом случае приходится довольствоваться данными о промышленных заведениях у горожан, рассматривая их с точки зрения производственного профиля, размеров и типа производства и выводя, на основе всей суммы сведений, общее представление о деятельности промышленных предпринимателей и их значении.

Среди промышленных заведений Архангельска преобладали предприятия мелкотоварного типа и преимущественно типа простой кооперации в виде мастерских и небольших заводов с наемной рабочей силой. Имелись здесь небольшие мануфактуры на вольно-наемном труде. Сохраняло значение и ремесленное производство, которое находилось в неустойчивом состоянии.

Некоторые предприятия, включенные в таблицу, не имели прямого отношения к местной экономике ни по сбыту продукции, ни по использованию рабочей силы. Таковы винокуренный завод и железные рудники откупщика, купца I гильдии Лобанова, расположенные в Сибири, соляные варницы различных купцов, находившиеся обычно также вдалеке от Архангельска.

Компактную группу составили купеческие канатные фабрики. Они начали возникать в 1770-х гг. в связи с подъемом судостроения и развитием морских промыслов. В 1775 году у архангельских купцов II и III гильдий имелось 7 канатно-прядильных фабрик [27], в 1779 году их было 10 [28], а в нашей таблице значится 12 [29].

Развитие канатного производства вызвало к жизни значительное количество пековарен и смольных печей, а также мелких прядилен. Принадлежность канатных заведений

---

[27] ГААО, ф. 1, оп. 1, № 10604.

[28] Там же, № 13876.

[29] О размерах производства на канатно-прядильных фабриках можно судить по данным 1770-х гг., составленным в Архангельске для мануфактур-коллегии. Здесь имелись заведения с числом рабочих, в зависимости от сезона, 3—5 человек и 10—15 человек; в одном заведении купца А. Голубина в летнее время работало до 50 человек. Эти предприятия, различные по размерам производства, имели специальное оборудование в виде станов для прядения пеньки (поэтому их устройство требовало разрешения от мануфактур-коллегии). На одном предприятии обычно производился ряд операций: прядение пеньки и льна, изготовление из пряжи веревок и канатов, выварка смолы в специальных печах и смоление канатов. (ГААО, ф. 1, оп. 1, № 10604).

исключительно купечеству легко объясняется размерами затрат, требуемых для организации этого производства [30].

Канатно-прядильные заведения работали на вольно-наемном труде посадских и крестьян, пришедших по паспортам [31]. Производственный процесс делился на отдельные операции [32], но благодаря их несложности, видимо, не требовалось строгой специализации работных людей. В качестве специализированных кадров канатно-прядильных мануфактур обывательские книги выделяют лишь «мастеров», по большей части, иностранцев, «наемных прядильщиков» и, в отдельных случаях, «наемных пеньковязов».

Характер производства на так называемых «заводах» значительно меньше раскрыт обывательскими книгами и другими источниками.

«Заводы» занимались переработкой местных продуктов, обслуживая экспорт (салотопни), местное производственное потребление (пековарни, медные кузницы, кожевенные избы и др.), потребности населения (пищевые предприятия, мыловарни, свечные заводы).

На «заводах» также применялся наемный труд. Но поскольку он не требовал особой квалификации, этот момент не нашел полного и прямого отражения в нашем источнике. Лишь в трех случаях здесь отмечены наемные у кожевников, в одном — наемный пивовар. Большинство наемных работников «заводов» попало, по всей вероятности, в число тех, чья деятельность обозначена, как «наемные черные работы».

Продукция заводов Архангельска, как правило, продавалась их владельцам на городском рынке. Имена купцов,

---

[30] Прошение архангельского купца Я. Лыжина от 1779 г. о постройке канатной фабрики дает представление о необходимых для этого производственных помещениях. Для фабрики «о четырех станах» нужно было построить: амбар станковый дл. 10 саж., ширина 5 сажен;
3 амбара дл. 5 саж., шир. 5 саж.;
амбар для чески дл. 5 саж., шир. 3 саж.;
важню дл. 17 саж., шир. 5 саж.;
4 пековых сарая, каждый дл. 4 саж., шир. 4 саж.;
1 пековый сарай дл. 15 саж., шир. 5 саж.;
пековарню со смольными сараями и амбарами.
(ГААО, ф. 1, оп. 1, № 12290).

[31] По сведениям уже упоминавшихся ведомостей для Мануфактур-коллегии в середине 1770-х гг. на этих предприятиях применялись, как правило, краткосрочные договоры о найме, помесячная и понедельная оплата труда.

[32] Так, например, у купца А. Голубина платили за выделку канатной пеньковой пряжи по 10 коп. с пуда, за выделку пряжи из чесаной пакли — по 12 коп. с пуда, за изготовление линей — по 25 коп. с пуда. У купчихи М. Костогоровой платили за выделку пряжи по 12 коп. с пуда, «а из оной деланием в канаты» — по 6 коп. с пуда.
(ГАОО, ф. 1, оп. 1, № 10604, лл. 14, 4).

имевших более мелкие канатно-прядильные «фабрики», пековарни, кожевенные избы, пищевые предприятия, снабжены в обывательских книгах припиской: а «оным товаром» торгует в наемной или в собственной лавке или просто на рынке.

По характеру применяемого труда к владельцам «фабрик» и «заводов» примыкают владельцы мастерских с наемной рабочей силой, но без специального оборудования.

Таблица 5

Мастерские с наемной рабочей силой

Вид производства	У купцов II гильдии	У купцов III гильдии	У цеховых ремесленников с капиталом 150 и 200 руб.	У посадских с капиталом 300 руб.	Итого
Сапожные	1	1	1	—	3
Портные	—	—	1	—	1
Косторезные	—	1	—	1	2
По обработке серебра	—	1	—	—	1
Итого:	1	3	2	1	7

Отмеченные в таблице мастерские с наемной рабочей силой чаще всего, по-видимому, работали на заказ.

В таблице 6 приводятся данные о сорока с лишним производителях мелко-товарного типа, имеющих в источнике указание на продажу своей продукции на городском рынке.

Таблица 6

Мелкие товаропроизводители

Вид производства	Купцы III гильдии	Посадские	Цеховые ремесленники	Посадские вдовы и девки	Итого
Производство пищевых изделий и прядение при доме	—	3	—	7	10
Шитье шапок, рукавиц, кафтанов	3	1	8	1	13
Производство серебряных изделий	1	—	3	—	4
Резьба по кости	1	—	2	—	3
Изготовление оконниц	1	—	—	—	1
Скорнячная работа	—	1	—	—	1
Лужение посуды	—	1	—	—	1
Прядение льна на продажу	—	—	—	8	8
Итого:	6	6	13	16	41

Для мелкотоварного производства (также, как и для различных видов мелкого торга) характерен большой разнобой в отношении размеров производства и имущественного положения тех, кто его осуществлял. Пестрота и неустойчивость массы мелких товаропроизводителей является причиной того, что эта группа недостаточно четко выделяется в нашем источнике. Отсюда и данные таблицы вряд ли охватывают всех мелких товаропроизводителей Архангельска.

Если в заведениях мануфактурного типа или типа простой кооперации, как было показано выше, прослеживаются организаторская роль капитала и применение наемного труда, то в производствах мелкотоварного типа источником отмечены признаки семейной кооперации. В ряде случаев удается проследить участие в изготовлении товарной продукции целой семьи. Таковы, например, семьи, где шьют кафтаны, шапки и рукавицы. Однако это не исключает и применения наемной рабочей силы. Большинство вдов, которым мужья не оставили состояния, уходило в наемные работы или занималось прядением льна. Таких мелких «прядильщиц» в обывательской книге отмечено более 40, но лишь в 8 случаях имеются указания на продажу своего изделия. Как реализовали свою продукцию другие женщины — не указано. Возможно, через мелких скупщиц из своей же среды.

Всего обывательской книгой зафиксировано 126 самостоятельных производств различного типа у купцов, посадских и цеховых ремесленников, начиная от «фабрик» с применением станов и разделения труда и кончая мелкими ручными производствами товарной продукции [33]. Такой полной картины промышленного производства города с характерным для изучаемой эпохи разнообразием производственных типов и размеров «заведений» не дает ни один из известных нам источников. Материалы обывательских книг с очевидностью свидетельствуют о сосуществовании в городской экономике последней трети XVIII в. всех тех форм, которые характеризуются В. И. Лениным как первые стадии капитализма в промышленности, при четком выделении из массы мелких производств капиталистических мануфактур на вольнонаемном труде.

Материалы обывательских книг позволяют выделить из всей посадской массы группу непосредственных производителей материальных ценностей и выявить в этой среде основное ядро работников, распоряжавшихся лишь своим собственным трудом, в отличие от пестрой прослойки горожан,

[33] Здесь не учтено производство самостоятельных мелких ремесленников; об этом см. ниже.

примыкавших в той или иной мере к эксплуататорским слоям посада.

В книге 1786—1788 гг. значится большая группа занимающихся ремеслом (терминология источника). В таблице 7 учтены ремесленники, как записавшиеся в цехи, так и работавшие вне цехов.

Таблица 7

Ремесленники Архангельска по специальностям

Название специальности	Цеховые ремесленники	Посадские рукодельные	Посадские промышленные	Посадские бескапитальные	Вдовы и девки	Итого
Сапожники	58	—	4	—	—	62
Из них:						
сапожники	26	—	—	—	—	26
башмачники	15	—	—	—	—	15
котовщики	15	—	—	—	—	15
«чеботного ремесла»	2	—	—	—	—	2
Портные	32	—	—	—	—	32
Шапочники	16	—	—	2	2	20
Ровдужники [34]	11	—	—	1	1	13
Кожевники	2	—	—	—	3	5
Медники («медного отливного котельного ремесла»)	10	5	1	1	—	17
Медники («медного купарного ремесла»)	—	5	—	—	—	5
Горшечники (медное лужение)	—	5	—	—	—	5
Кузнецы	7	—	—	—	—	7
Серебреники	11	—	—	—	—	11
Плотники	13	—	—	—	—	13
Кирпичники	—	2	—	—	—	2
Косторезы	4	—	—	—	—	4
Мастера печатного и кубового крашения	4	—	—	7	—	11
Окольничники [35]	2	—	2	6	—	10
Шитье женского белья	—	5	—	—	—	5
«Женская пряжа и ткачество»	—	—	3	29	—	32
Всего:	228 [36]	22	10	46	6	312

[34] Ровдужники-кожевники, изготовлявшие кожу типа замши.

[35] Окольничники изготовляли оконницы, т. е. рамы для окон.

[36] Число цеховых ремесленников — глав семейств равно 178. Таблицей учтены и члены семей.

Как следует из приведенной таблицы, ведущее место в Архангельске принадлежало ремеслам, обслуживавшим потребительские нужды городского населения (изготовление одежды и обуви, изготовление посуды, строительство домов).

Масса горожан, которых наш источник называет ремесленниками, была неоднородна. Она включала, кроме ремесленников в собственном смысле, мелких товаропроизводителей и наемных работников, т. е. производственные группы, складывавшиеся в результате разложения ремесла в условиях растущих капиталистических отношений.

Как уже упоминалось при описании предпринимательской прослойки Архангельска, источник позволяет отметить не только изготовление изделий для свободной продажи на городском рынке, но, в ряде случаев, и заведение цеховыми ремесленниками мастерских с наемной рабочей силой. В наиболее развитом сапожном производстве из трех мастерских с наемной рабочей силой одна принадлежит цеховому ремесленнику с капиталом в 150 руб. Имелась здесь одна портняжная мастерская цехового ремесленника с капиталом в 200 руб.; шести цеховым ремесленникам с капиталом от 200 до 600 руб. принадлежали небольшие «заводы» — медные кузницы; один цеховой ремесленник с капиталом в 700 руб. развернул производство по окраске тканей.

Любопытные наблюдения удается сделать в связи с этим, рассматривая состав цеховых ремесленников с точки зрения их капиталов.

Таблица 8

Цеховые ремесленники Архангельска по капиталам

Капиталы	Мастера	Подмастерья	Ученики	Итого
От 10 до 50 руб.	88	29	6	123
в том числе:				
от 20 до 50 руб.	(83)	(25)	(6)	(114)
От 60 до 70 руб.	12	1	—	13
От 100 до 200 руб.	14	—	—	14
От 200 до 350 руб.	16	1	—	17
От 400 до 700 руб.	11	—	—	11
Итого:	141	31	6	178

Как показывает таблица, количество учеников и подмастерьев было весьма незначительно, всего 37 человек. Многие из них находились в отлучке, другие работали у

местных мастеров. Подмастерье с капиталом в 200 руб., сочетал ремесленную работу с торговлей. Четыре подмастерья с капиталом от 20 до 50 руб. в летнее время работали по найму не по своей ремесленной специальности (1 пеньковяз, 1 дрягиль, 1 досмотрщик в таможне, 1 черный вольный работник).

У мастеров (всего 141 человек) значительно преобладали те же капиталы, что и у подмастерьев. Из этой основной группы мастеров (88 человек) 9 сочетали ремесло с наемной работой не по специальности (2 пенькозяза, 2 досмотрщика, 3 — наемные черные работы и т. д.). Признаков участия в торговле своими изделиями или другими товарами здесь нет.

Из 12 более зажиточных мастеров с капиталами в 60—70 руб. трое являлись мелкими товаропроизводителями и двое сочетали ремесленную деятельность с торговлей вообще.

Связь с торгом значительно возрастает в группе с капиталом в 200—300 руб. Здесь из 16 мастеров только 4 были заняты одним лишь ремеслом. Остальные сочетали ремесло с торгом.

Наконец, в высшей группе мастеров с капиталами в 400—700 руб. нет ни одного занятого ремеслом как таковым. Среди них шесть упоминавшихся выше владельцев медных кузниц, т. е. по сути «мелких заводчиков», один занимался окраской чужих тканей, четверо имели отметку о реализации своей продукции на рынке, один — сапожник, занят, кроме ремесла, торгом и владел пахотными землями в деревне.

Эти сведения показывают, что главным источником накопления средств у цеховых ремесленников являлась связь с рынком по реализации собственных изделий, т. е. процесс превращения ремесленника в мелкого товаропроизводителя.

Сопоставляя сведения обывательской книги с другими источниками, удается зафиксировать процесс переливания группы ремесленников в число наемных работников, в частности, на примере прядильного производства. О нем свидетельствует постепенное «уточнение» обозначения этой группы, прослеживаемое на документах 1780-х гг. Если у Крестинина в его перечне 1782 г. 51 прядильщик входит в число «рукодельщиков», то в обывательской книге 1786—1788 гг. уже четко обозначены наемные прядильщики в количестве 53 человек.

Выделение из ремесла в собственном смысле мелкого товарного производства так же, как и переход ремесленников от самостоятельного производства к работе по найму,

не случайно выявляются в нашем источнике недостаточно полно. Причины этого коренятся в особенностях самого процесса развития ремесла. Изучая различные формы промышленности в России уже после реформы, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал постепенность перехода к производству на рынок, длительное существование переходных, смешанных форм.

Основная часть городского населения, которая обслуживала производственный и личный спрос зажиточных прослоек Архангельска в качестве наемной рабочей силы, сосредоточена в разделах книги 1786—1788 гг., имеющих заголовки: «Посадские капитальные промышленные» и «Посадские бескапитальные».

Обывательская книга трактует найм в том же широком смысле, что и более ранние документы. Крестинин в своем описании Архангельска 1782 г. выделял группу «промышленников» [37] — около 170 человек. Эта группа складывалась почти из тех же категорий, что и в обывательской книге группы «посадских капитальных промышленных», и включала основную массу наемных работников. Но по обывательской книге 1786—1788 гг. удается учесть значительно большее число посадских, занимавшихся наемными работами, и большее количество видов найма (см. таблицу 9).

Таблица 9

Наемные работники Архангельска

Наименование специальностей	Имущественно-правовое положение						
	посадские капитальные промышлен.	посадские капитальные торговые	посадские бескапитальные	посадские вдовы и девки	цеховые ремесленники	купцы II и III гильдий	итого
Наемные черные работы	68	1	23	1	1	3	97
прядильщики	53	—	4	—	—	—	57
неньковязы	2	—	—	—	3	—	5
мореходцы	15	—	5	—	—	—	20
кормщики	7	1	—	—	—	—	8
судовые работники	4	—	1	—	—	—	5
дрягили *	16	1	—	—	1	—	18
портовые досмотрщики при таможне	12	—	—	—	3	—	15
«в услужении» у городских жителей	26	—	12	12	1	—	51

[37] Не путать с «промышленниками», занятыми на звериных и рыбных промыслах.

* Дрягили — крючники, носильщики (работа в порту).

Наименование специальностей	Имущественно-правовое положение						
	посадские капитальные промышлен.	посадские капитальные торговые	посадские бескапитальные	посадские вдовы и девки	цеховые ремесленники	купцы II и III гильдий	итого
торговые приказчики	23	—	3	—	—	2	28
лавочные и рогаточные караульщики	5	—	—	—	—	—	5
наемные различных ремесленных специальностей **	5	—	3	4	—	—	12
биржевые артельщики ***	3	—	—	—	—	—	3
браковщики	4	1	—	—	—	3	8
ларечные целовальники	3	—	—	—	—	—	3
городские служащие	19	—	5	—	—	2	26
Итого	244	4	51	27	9	8	361 [38]

Таблица показывает, что преобладающая часть наемных попадает в разряд «посадских капитальных промышленных». Наиболее многочисленна группа наемных работников без указания специальности, идущих под рубрикой «наемные черные работы».

Значительная часть этих вольных черных работников вместе с теми, кто находился «в услужении» у городских жителей, обслуживала «заводы» и другие предприятия с несложным оборудованием, домашние и прочие наймы, не требовавшие специальных производственных навыков. Об этом свидетельствуют те немногие случаи, когда документ раскрывает вид их деятельности, а именно: купеческий приказчик, рогаточный караульщик, живет «от скотобойства у мясников», «печатает набойки», «кладет кирпичи», наемный пивовар.

Имелись здесь и специализированные наемные кадры, соответствовавшие главным направлениям хозяйственного развития: наемные прядильщики, наемные работники, обслуживавшие судоходство и промыслы, наемные работники в порту, наемные торговые приказчики и др.

У Крестинина количество «промышленников», нанимавшихся к частным лицам, исчислялось в 147 человек

[38] Таблицей учтен 361 наемный работник, среди которых 328 — главы семей, а остальные 33 — члены семей.

** Названы следующие виды производства: кожевенное, шапочное, рукавичное, сапожное, окольничное, медное отливное.

*** Биржевые артельщики — работники, связанные круговым ручательством.

(122 черных вольных работника и 25 мореходцев). По обывательской книге 1786—1788 гг. это количество увеличивается почти вдвое, до 289 человек.

1) Наемные черные работы	98
2) Наемные прядильщики и пенькозвязы	62
3) Наемные на судах	33
4) В услугах у городских жителей	51
5) Наемные ремесленных специальностей	12
6) Наемные, обслуживающие торговлю	33
Итого	289

Принадлежность горожанина, а нередко и всех трудоспособных членов семьи, к числу наемных работников является стабильной. Как правило, те посадские, которые числятся в наймах в 1780-х гг., остаются наемными и в 1800-х гг.

Наймы на мореходные суда не носили устойчивого характера. Прослеживая судьбы наемных работников этих категорий на протяжении тех же 1780-х и 1800-х гг., приходится наблюдать частые переходы в определении наймов от «черных работ» к «мореходству», от «мореходства» к «услужению у разных хозяев», от наемных работ к мелочному торгу и особенно часто наоборот — от торга к неспециализированным наймам.

Среди городских наемных прядильщиков, наоборот, примерно половина (26 семейств из 57) сохранила за те же годы свою специализацию и характер труда. В ряде случаев здесь отмечается передача специальности от отца к сыну, одновременная занятость в наемной прядильной работе группы родственников, групповой переход прядильщиков из крестьян одной волости в число городских жителей. Так, например, в книге 1786—1788 гг. числятся три наемных прядильщика по фамилии Рязановы: Андрей Васильевич и Андрей Яковлевич с сыном Петром 18 лет. Все они записались в число архангельских жителей в 1780 году из крестьян Куростровской волости.

По книге 1796—1798 гг. числятся прядильщики еще трое Рязановых в возрасте от 20 до 30 лет, из крестьян той же Куростровской волости (судя по отчествам, возможно, братья Андрея Васильевича).

Из крестьян Паниловской волости Холмогорской округи в Архангельск в 1771 г: перешли 2 брата Рябницыны Яков и Андрей Емельяновичи. Оба они так же, как и сын Андрея Михайло, занимались наемной прядильной работой.

Наличие производственной квалификации и обеспеченного спроса делали наемных прядильщиков наиболее

устойчивой группой среди общей массы наемных работников Архангельска.

В 1790-х—1800-х гг. количество наемных работников продолжало возрастать. Оно увеличилось не менее чем на 120 человек, главным образом, за счет крестьян, записавшихся в число городских жителей. Среди них 53 числятся в наемных черных работах, 33 — в услугах у разных хозяев, 15 — ходят на судах и т. д.

Капиталы основной массы наемных работников, не имевших других источников существования, по всей вероятности, соответствуют их годовым заработкам.

До 60% наемных работников имели заработок в размере от 20 до 50 руб., составляя основное ядро этой группы населения. К ним примыкают наемные с более низкими заработками и без денежного заработка вообще. Они составляют примерно 24% от общего числа наемных. Группа высокооплачиваемых наемных (с заработком свыше 100 руб.) ничтожна — не свыше 3%.

Интересно отметить, что для специализированных разрядов наемных (прядильщиков, пеньковязов, мореходцев и др.) наиболее характерен заработок в 30—50 руб. Для наемных черных работ характерен заработок в среднем в 25 руб. Значительно менее стабильна оплата труда наемных домашних работников и приказчиков. Это вполне естественно для тех видов найма, которые не связаны с производством. Для наемных черных работ и домашних наймов характерно также наличие значительного числа работников, не объявивших никакого капитала. Это по преимуществу обедневшие старожилы или пришлый народ, работавший за одно содержание в натуральной форме. В нескольких случаях обывательская книга называет бескапитальных домашних работников нахлебниками и нахлебницами.

Сравнение показателей имущественного положения мелких цеховых ремесленников и наемных работников, как уже говорилось, позволяет заметить сближение мелкого ремесла с работой по найму. Примерно половина мелких ремесленников способна выручить за свой труд те же средства (от 20 до 50 руб.), какими довольствуются 60% наемных работников.

Сохранились свидетельства, позволяющие сравнить эти данные с оплатой труда крестьян, уходивших на заработки. Автор «Камерального описания» Архангельской губернии середины 1780-х гг. давал расчет крестьянских доходов, получаемых «сверх домашних работ». Он писал: «Крестьянин, не имеющий никакого ремесла или рукоделия, простою работою по найму или промыслом может приобрести в год от 20 до 25 рублей, а рукодельный — плотник,

конопатчик, каменщик, кузнец и прочее — может приобрести от 40 до 50 рублей в год» [39].

Эти показатели, как видно из приведенных выше материалов, соответствуют заработкам квалифицированных и неквалифицированных городских наемных работников и доходам мелких ремесленников.

Отмеченное совпадение представляется знаменательным. Оно свидетельствует о формировании рынка вольнонаемного труда со средними расценками на определенные виды труда в условиях стабилизирующегося спроса на наемную рабочую силу [40].

Изучение материалов городовых обывательских книг позволяет учесть еще один показатель, весьма существенный для общей социально-экономической картины Архангельска последней четверти XVIII века, а именно — приток сельского населения.

Рассмотрение состава Архангельского посада под этим углом зрения дает следующую картину.

В целом здесь относительно преобладали старожилы: по материалам обывательской книги 1786—1788 гг. они составляли 40% (408 семейств); немногим уступали им недавние крестьяне — 37% (375 семейств). Переселенцы из других городов, выходцы из-за шведской границы и другие мелкие группы были немногочисленны.

По годам приток крестьянского населения (имеется в виду формальное зачисление в купечество или в число посадских) распределялся следующим образом:

Годы	Чел.	Годы	Чел.
1760-е	30	1780	283
Первая половина		1781	21
1770-х	7		
1776	5	1782	36
1777	1	1783	—
1778	8	1784	1
1779	4	1785	4

Как показывает таблица, основной приток крестьянства падал на 1780—1782 гг., когда в момент образования Вологодского наместничества, в связи с вводом в действие Положения о губерниях, произошло юридическое оформление

---

[39] Архив ЛОИИ, ф. 36, № 497, л. 38.

[40] Ту же оплату в размере 50 рублей получал за свой труд — «за набоечную работу» крестьянин села Иванова П. Муранов. См. статью А. М. Разгона «К истории разложения крестьянства во второй половине XVIII в.», ж. «Вопросы истории», 1955, № 9.

перехода в город части крестьян, чья хозяйственная деятельность и раньше была с ним тесно связана.

Больше половины крестьян пришло из ближних районов :из Архангельской и Холмогорской округ. Среди них преобладали крестьяне ведомства Коллегии экономии. Как показывает наш источник, в город стремились не только богатые, «расторговавшиеся» крестьяне. Пришлые крестьяне пополняли все основные категории торгово-промышленного населения Архангельска от первогильдийского купечества до мелких ремесленников и наемных работных людей.

По отношению к общему количеству семейств недавние крестьяне составляли:

среди торговцев около 25%; среди владельцев «фабрик и заводов» около 40%; среди цеховых ремесленников около 45%; среди наемных работников 32%.

Таким образом, торговые прослойки меньше других пополнялись за счет пришлого крестьянства. Эта группа складывалась в Архангельске на протяжении XVII и XVIII веков, в связи с его спецификой торгового города и порта. При этом среди торговцев, купцов I и II гильдий, в 1780-х гг. количество старожилов и выходцев из расторговавшегося крестьянства было примерно одинаково. Среди мелких и средних торговцев старожилы значительно преобладали.

Сельские ремесленники при переходе в город интенсивно пополняли растущие отрасли городского ремесла. Среди сапожников, напр., количество недавних крестьян почти в 4 раза превышало число сапожников-старожилов. В портняжном ремесле количество старожилов было равно количеству пришлых крестьян. Один из быстро растущих видов ремесла — производство медных котлов — почти полностью обслуживался недавними крестьянами.

Среди наемных работников наиболее значительно пополнились в 1780-х гг. те группы, которые были связаны с растущими отраслями производства (наемные прядильщики — до 60% из крестьян, наемные мореходцы — до 45% из крестьян).

Таковы основные общественно-производственные прослойки Архангельского посада, как их раскрывают нам материалы городовой обывательской книги 1786—1788 гг.

Попробуем теперь установить количественные соотношения этих групп. Для этого попытаемся совместить приведенные данные о месте отмеченных групп в общественно-производственном процессе с данными об имущественно-правовом делении городского общества. (См. табл. 10).

Таблица 10

Состав торгово-промышленного населения Архангельска

Имущественно-правовые группы	Характер деятельности							
	экспортные и крупные скупочные и лавочные торги	содержание фабрик, заводов, мастерских с наемной рабочей силой	промысловое предпринимательство	мелкая торговля	мелкотоварное производство	ремесло	работа по найму	итого
Купцы								
1-й гильдии	12	21	2	—	—	—	—	35
2-й гильдии	10	10	4	—	—	—	—	24
3-й гильдии	25	42	16	16	6	—	—	105
Посадские с капиталами:								
от 300 р. и выше	—	3	1	23	2	—	4	33
от 100 р. до 300 р.	—	2	1	42	4	—	17	66
до 100 р.	—	—	—	57	16	—	294	367
Цеховые ремесленники с капиталами								
от 400 р. и выше	—	6	—	—	5	—	—	11
от 100 до 400 р.	—	3	—	—	5	—	—	8
до 100 р.	—	—	—	—	3	160	—	163
Итого	47	87	24	138	41	160	315	812 [41]

Следующая таблица дает более общую группировку тех же показателей, доводя ее до числовых и процентных соотношений.

Таблица 11

Состав торгово-промышленного населения Архангельска

Имущественно-производственные группы	Кол-во	%
Наиболее значительные торговцы и предприниматели (купцы I и II гильдий)	59	7
Средние и мелкие торговцы и самостоятельные товаропроизводители (купцы III гильдии и посадские с капиталами от 100 до 400 р.).	179	22
Средние и мелкие предприниматели (купцы III гильдии и посадские с капиталами от 100 до 400 руб.)	99	12
Мелкие цеховые ремесленники и наемные работники	475	59
В том числе с капиталами от 20 до 50 руб.	(280)	(34)
Итого	812	100

[41] 812 семейств составляют 80% от 1023 семейств с полными данными и около 76% от 1071 семьи, внесенной в обывательскую книгу 1786—1788 гг. Не вошли в подсчеты семьи с суммарными или неясными характеристиками (типа «кормится от трудов своих») и обнищавшие посадские, находившиеся на иждивении родственников, в богадельне, в «пустыне» и т. д.

Итак, только 7% принятого в расчет торгово-промышленного населения Архангельска составляли прослойку наиболее крупных торговцев и предпринимателей в области промышленности и промыслового хозяйства. Вместе с более мелкими торговцами и предпринимателями из числа купцов III гильдии и зажиточных мещан они составляли около 20% принимаемого в расчет городского населения.

Питательной средой для формирования этой торгово-предпринимательской прослойки являлась масса средних и мелких торговцев и товаропроизводителей (низшие группы купечества и высшие группы мещанства). Эта прослойка составляла до $^1/_3$ учтенного городского населения.

На ее значение указывает известное сближение третьегильдийного купечества и мещанства в Архангельске, которое прослеживается в событиях общественной жизни, несмотря на обособленность купечества в целом от остального городского населения.

Этим слоям, выступавшим на рынке в качестве владельцев товарной продукции или торговых посредников, вполне отчетливо противостояли наемные работники и мелкие ремесленники. Эта группа — около 60% городского населения — была обособлена от торгово-предпринимательских прослоек, но не однородна по составу. Ее ядро включало примерно одну треть горожан, имевших однородные показатели материального обеспечения, получаемого в результате продажи своих рабочих рук или мелкого ремесленного производства.

Рассмотрение данных двух последних таблиц приводит к выводу, что по крайней мере 53% учтенного торгово-промышленного населения города было вовлечено в отношения купли-продажи рабочей силы (принимаются в расчет лишь четко выделенные источником наемные работные люди и высшая торгово-предпринимательская прослойка).

Большая степень распространенности отношений купли-продажи рабочей силы при ясном обозначении, с одной стороны, буржуазных элементов и, с другой, — прослойки наемных работников свидетельствует о том, что растущие капиталистические отношения являлись важным фактором в развитии экономики и социального строя Архангельска последней трети XVIII в.

Под сословной правовой оболочкой шел процесс формирования имущественно производственных групп, имевших прямое отношение к классовой структуре будущего буржуазного общества. Однако в этот переходный период большая роль принадлежала еще промежуточным прослойкам. Анализ социальной структуры торгово-промышленного населения Архангельска, проведенный на материалах нашего

источника, подтверждается расстановкой сил в общественной жизни города во второй половине XVIII в.

Изучение материалов городовой обывательской книги Архангельска 1786—1788 гг. позволяет сделать вывод о большом значении этого вида источников для истории русского города в эпоху созревания капиталистического уклада и начавшегося разложения феодально-крепостнического строя. Этот источник позволяет, правда лишь в рамках официальных городских сословий, углубиться в рассмотрение социальных явлений, которые еще слабо изучены и почти не освещены в научной литературе.

Богатство и систематичность сведений, характеризующих деятельность горожан, позволяют провести статистический анализ социального состава населения, раскрыть реальное экономическое содержание данных, скрывающихся за сословно-фискальным членением городского общества.

Объективная ценность сведений рассмотренного источника подтверждается при их сопоставлении с показаниями других источников, частично приведенным выше.

Что же касается непосредственно обывательской книги Архангельска 1786—1788 гг., то этот документ, помимо указанных моментов, интересен еще и как свидетельство реального столкновения законодательной мысли правящего класса с идеологией, характерной для определенных слоев городского общества. В этот период наиболее продуктивными в идейном отношении, как свидетельствует наш источник, являлись в Архангельске не купцы-воротилы и не мелкий городской люд, а средние и мелкие торгово-промышленные слои, обладавшие небольшими капиталами и предпринимательской инициативой и в силу растущей неустойчивости своего положения и неполноправия в городском обществе особенно остро ощущавшие необходимость разобраться в общественной ситуации.

Н. Ф. Демидова

ПАМЯТНИК МЕСТНОЙ СТАТИСТИКИ О КРЕСТЬЯНСКИХ ОТХОДАХ В XVIII ВЕКЕ

(Ведомость Яренской провинциальной канцелярии)

Бурное развитие производительных сил и крупные социальные сдвиги, ознаменовавшие XVIII век в истории Российской империи, нашли свое отражение в появлении новых отраслей знаний. Одной из таких отраслей была научная статистика, истоки которой следует искать именно в XVIII столетии. Особенности ее развития не раз привлекали внимание историков. При этом особенно детально рассматривались труды русских ученых и политических деятелей, а также общие правительственные мероприятия в этой области [1]. Вместе с тем до сих пор значительно менее изученной остается та база, на которой формировались основы научной статистики, а именно так называемая практическая коллежская статистика, дававшая в руки правительственных учреждений более или менее обобщенный цифровой материал, необходимый при решении важнейших вопросов внутреннего управления (реорганизации налоговой системы и др.).

Уже в первой половине XVIII в. в делопроизводстве центральных учреждений все большую роль начинали играть разного рода сводные таблицы (ведомости), суммировавшие сведения социально-экономического порядка. Составление подобных ведомостей в центре, как правило, требовало получения первичных данных с мест. И действительно, запросы об их представлении в изобилии рассылались из Сената и коллегий местным учреждениям. Однако на первых порах выполнение подобных запросов нередко растягивалось на годы, а иногда и вовсе оставалось без ответа в связи с тем, что местное чиновничество не имело еще достаточного опыта, а иногда и возможностей для оператив-

[1] М. Шпилевский. Политика народонаселения в царствование Екатерины II. — «Записки имп. Новороссийского университета». Одесса, 1871, т. VI; И. Я. Горлов. Обозрение экономической статистики России, СПб, 1894; М. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. I, М., 1955.

ного сбора и обработки необходимых материалов. Особенно трудно было осваивать новый вид работы канцеляриям небольших и удаленных от центра городов, не располагавших достаточно квалифицированными кадрами.

Но уже к середине XVIII века положение изменилось. В это время значительно возрос интерес к проблемам отечественной экономики как у отдельных ученых и политических деятелей, так и у научных и государственных учреждений. Достаточно упомянуть хотя бы ту огромную работу по сбору статистических материалов, которая была проведена Камер-коллегией и Экспедицией о государственных доходах. У личного состава коллегий и канцелярий, в свою очередь, выработался немалый навык в составлении сводных документов. Разнообразные ведомости с многочисленными графами и подграфами прочно вошли в делопроизводственную практику. Характерной чертой статистических материалов этого периода являлась их необычайная громоздкость, сочетавшаяся с известной сыростью окончательных результатов.

Как правило, формы статистической отчетности разрабатывались в центре. Однако в отдельных случаях имела место самостоятельная разработка в губернских, провинциальных и даже воеводских канцеляриях тех форм таблиц, которые наиболее соответствовали поставленным перед ними задачам.

В этом плане большой интерес представляет история создания в 1779 г. Яренской воеводской канцелярией сводной ведомости о крестьянах-отходниках[2]. Данные ведомости представляют большой исторический интерес, так как вопрос об отходничестве остается одной из ведущих проблем при исследовании истории хозяйственной жизни многих черносошных районов русского Севера. Неоднократно подчеркивалось и то большое значение, которое он имел и применительно к деревне Коми края, где отходничество в XVII—XVIII вв. было широко распространено и приводило к временному или постоянному отрыву крестьян-отходников от собственного хозяйства[3]. Наличие этого явления можно уловить на основании материалов различного харак-

---

[2] ЦГАДА, ф. 609 (Яренская воеводская канцелярия), оп. 1, д. № 1786, лл. 34—53.

[3] Н. В. Устюгов. Коми-край в период усиления феодально-крепостнического гнета и складывания всероссийского рынка в XVII в.— «Очерки по истории Коми АССР», т. 1, 1955, стр. 115—116; Н. Ф. Демидова. Развитие крепостничества и зарождение капиталистических отношений на территории Коми-края. — Там же, стр. 168—169; Д. Д. Балуева. Имущественное расслоение и отходничество в комидеревне. — «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.», М., 1958, стр. 236—242.

тера (отчетности воевод, копий паспортов и т. д.), но только сводные данные позволяют делать наиболее обоснованные выводы о количестве, длительности и направлении отходов. Поэтому понятно, что данные ведомости Яренской воеводской канцелярии не раз использовались в исследованиях по истории Коми края. Наиболее детально это сделано в статье Д. Д. Балуевой, где они представлены в виде небольшой обобщенной таблицы [4]. Несмотря на это, мы считаем необходимым вернуться к этому ценнейшему памятнику в связи с тем, что он до сих пор не подвергался источниковедческому анализу, т. е. не были выяснены принципы и источники его составления, а также полнота и точность содержащихся в нем сведений, без чего правомерность использования их представляется сомнительной.

Прежде всего остановимся на истории составления ведомости и сопровождающих ее документов. Как свидетельствуют материалы Яренской воеводской канцелярии, поводом для этого послужило полученное в Яренске 17 июня 1779 г. «предложение» сенатора А. П. Мельгунова, в котором запрашивалось, имеются ли среди зафиксированного по третьей ревизии населения уезда отходники, не вернувшиеся на места своего жительства [5]. При этом предписывалось представить список всех невернувшихся отходников, как ушедших по паспортам (т. е. легально), так и без паспортов (т. е. беглых).

Яренская воеводская канцелярия не располагала нужными для ответа сведениями, что объяснила в ответе сенатору следующим образом: «О просрочившихся из отпущенных по пашпортам в Яренской канцелярии знания не находится, для того что дающиеся пашпорты обратно не объявляются» [6]. Несмотря на это, Яренская воеводская канцелярия сумела выполнить запрос. Для этого яренский воевода В. Болдырев принял срочные меры. Несмотря на то, что «предложение» Мельгунова было получено в неприсутственные дни, 30 июня, т. е. в воскресенье, были спешно разосланы запросы учреждениям и должностным лицам, ведавшим выдачей паспортов и непосредственным надзором за движением населения, а именно, в Яренскую ратушу и в волости к сотским и старостам. От них требовалось составление соответствующих списков по подведомственным им группам населения [7]. Особенно детально были разработаны тексты указов в волости, где подробно перечислялись все нужные сведения [8]. К указам в волости, кроме того, был

[4] Д. Д. Балуева, Указ. соч., стр. 241.
[5] ЦГАДА, ф. 609, д. № 683, л. 326.
[6] Там же, д. № 1786, лл. 25—25 об.
[7] Там же, д. № 683, л. 324.
[8] Там же, д. № 1786, л. 26.

приложен образец, по которому должны были быть составлены ведомости [9].

Так как именно этот образец определил в дальнейшем содержание интересующей нас сводной ведомости, то остановимся на нем подробнее.

Разработанная Яренской воеводской канцелярией форма учета невернувшихся отходников состояла в следующем: вся ведомость была разделена на 2 параллельные половины, в каждой из которых имелось по 4 графы (т. е. всего 8 граф), первая половина ведомости была посвящена отходникам, ушедшим легально, и имела следующие графы: 1) «номер»; 2) «отпущенные по пашпортам после срока не явились»; 3) «когда им пашпорты даны; на сколько лет»; 4) «где ныне находятся». Для второй половины ведомости, в которой должны были содержаться сведения об ушедших самовольно, предложенные графы выглядели следующим образом: 1) «номер»; 2) «самовольно отлучились без пашпортов»; 3)«когда»; 4) «где ныне находятся». Для облегчения работы образец ведомости был заполнен данными о 4 крестьянах Подгородной волости. Далее же было предписано: «применяясь к сему и протчих писать таким же порядком» [10].

Ответы были получены в предельно короткий срок. Уже 5 июля была выслана промемория Яренской ратуши, к которой был приложен список отходников-горожан [11]. Ответы старост и сотских поступали в течение всего месяца. Всего было получено 59 частных ведомостей [12]. При этом, кроме сотских и старост, ведомости о сходцах половниках были присланы вдовой купца А. Осколкова и администрацией Серегова усолья [13]. Большинство ведомостей было составлено в строгом соответствии с разосланным образцом. Некоторым отступлением от него явилось отсутствие у многих из них второй половины (об ушедших без паспортов). В некоторых ведомостях она имеется, но осталась не заполненной (напр., в ведомости Иртовской вол.) [14]; в других же основной текст сопровождается припиской о том, что «самовольно отлучившихся из нашей волости никуда и никого не имеется» [15].

Таким образом, к началу августа яренская администрация располагала всеми нужными ей для ответа первичными материалами. Несмотря на это сводная ведомость была

---

[9] Там же, л. 27.
[10] Там же.
[11] Там же, лл. 54—55.
[12] Там же, лл. 57—148.
[13] Там же, л. 64.
[14] Там же, л. 59.
[15] Там же, л. 80.

выслана Мельгунову только через 5 месяцев 31 декабря 1779 г[16]. Время с начала августа по конец декабря было употреблено не только на механическое сведение представленных данных, но и на внесение ряда уточнений и дополнений. В результате этой дополнительной работы было составлено и выслано три документа:

1) Ведомость о крестьянах-отходниках, явившаяся сводкой частных ведомостей.

2) Ведомость о горожанах-отходниках, повторяющая ведомость Яренской ратуши.

3) Ведомость о крестьянах-отходниках, записавшихся в купечество, цеха и крестьянство в сибирских городах, которая была составлена по материалам Яренской воеводской канцелярии.

К сожалению, подлинных сводных ведомостей, посланных Мельгунову, до сих пор обнаружить не удалось. В нашем распоряжении имеются только отпуска их, сохранившиеся в фондах Яренской воеводской канцелярии. Можно с уверенностью сказать, что они полностью соответствуют подлинникам, а в известной степени даже интереснее их, так как имеют более поздние дополнения и исправления (о чем см. ниже).

Остановимся на них подробнее. Сводная ведомость о крестьянах-отходниках[17] включает в себя сведения о 671 крестьянине, из которых ушедших по паспортам 542 человека, без паспортов — 129 человек. Также как и в частных ведомостях, каждая из этих групп имеет свою особую нумерацию без общих итогов. При этом в нумерации фамилий крестьян, ушедших по паспортам, допущена ошибка на 2 нумера (в ведомости значится 544 человека, в то время как 2 фамилии в середине ведомости тщательно стерты). Фамилии расположены по волостям, внутри же волостей, как правило, в том же порядке, который был дан в частных водомостях. Только в отдельных случаях были допущены некоторые обобщения. Так, например, в сводной ведомости для крестьян Шежамской волости опущены названия деревень, которые имеются в частной ведомости[18]; сведения о половниках Осколковых, ушедших из Ленской волости, не даются отдельно, как в частной ведомости, а присоединены к общему списку крестьян Ленской волости[19]. Наряду с этим встречаются сокращения фактического порядка. Так, в частной ведомости по Иртовской волости приведено 16 фамилий отходников, в сводной ведомости их только 12[20].

[16] ЦГАДА, ф. 609, д. № 753, л. 119.
[17] Там же, д. № 1786, лл. 29—49 об.
[18] Там же, лл. 37 об., 87—88.
[19] Там же, лл. 32 об., 63, 64.
[20] Там же, лл. 34, 70.

Сравнение фамилий позволяет придти к выводу, что при составлении сводной ведомости были опущены фамилии крестьян, срок паспортов которых еще не истек или был незначительно просрочен (на 1—2 месяца).

Значительное сокращение было произведено при обработке первичной ведомости по Оквидской волости, в которой ушедшим значилось 19 человек, в сводной же ведомости их указывается только 14[21]. В последнем случае по каким-то соображениям были опущены также фамилии двух крестьян, ушедших без паспортов. При этом в числе не внесенных в сводную ведомость находим трех членов одной семьи Козловых, ушедших в разные годы[22]. Причина сокращения в данном случае менее ясна.

Некоторые различия между частными и сводной ведомостями находим и в вопросе о направлении отходов. Различия эти основаны на том, что в отдельных случаях Яренская воеводская канцелярия располагала дополнительными и более поздними сведениями, в то время как сотские и старосты основывались только на данных, полученных во время выдачи паспортов. Приведем несколько примеров. В 1770 г. крестьянин М. Арцын был отпущен из Ляльской волости в Тобольск (как об этом свидетельствует частная ведомость)[23], а в 1776 г. Яренская воеводская канцелярия получила сведения о том, что он записан в цех по Иркутску[24]. В результате в сводную ведомость попали именно эти последние сведения. В частной ведомости сотского Устьсысольской волости сообщалось, что крестьянин И. Е. Цывилев в 1760 г. был отпущен на 3 года в сибирские города[25], сводная ведомость на основании сведений 1777 г. уточняет его местонахождение, указывая на то, что он осел в Селенгинске[26].

Любопытно, что в дальнейшем Яренская воеводская канцелярия в своей практической работе использовала оставшийся в ее пользовании экземпляр сводной ведомости, о чем свидетельствуют имеющиеся на его полях поздние отметки. Все они были сделаны в 1780 г. в период с 17 февраля по 15 марта. Большая часть их является записями о повторной выдаче паспортов. Всего повторно паспорта были выданы 15 человекам[27]. Меньшее число отметок говорит о возвращении отходников[28].

---

[21] Там же, лл. 38 об. — 39, 89—90.
[22] Там же, л. 89.
[23] Там же, л. 94 об.
[24] Там же, л. 50 об.
[25] Там же, л. 117 об.
[26] Там же, л. 43 об.
[27] Там же, л. 32 и др.
[28] Там же, л. 41.

Наиболее простой по форме является вторая ведомость об отходниках-горожанах[29]. Как уже говорилось, она полностью повторяет первичную ведомость Яренской ратуши[30]. Она не имеет графления и представляет собой простой список, в котором последовательно выделены группы фамилий, объединенные по направлениям выхода: 1) «в сибирские города», 2) «в Санкт-Петербург»; 3) «неизвестно где». Внутри каждой группы отходники сгруппированы по социальным категориям («из купцов», «из мещан»). Всего в ведомость включены сведения о 17 человеках.

Наиболее любопытна третья ведомость о яренских крестьянах, вошедших в состав различных категорий сибирского населения[31]. Ее составление было вызвано не столько запросом Мельгунова, сколько практическими нуждами яренской администрации. Она, несомненно, не полна и включает сведения только о 54 человеках. Причем, что особенно важно, она не дополняет основную сводную ведомость, а повторяет включенные уже в нее фамилии. Выделение фамилий этих крестьян в особую ведомость объясняется тем, что Яренской воеводской канцелярии требовалась особая санкция центра для того, чтобы решить их дальнейшую судьбу. Дело в том, что обо всей этой группе населения имелись особые ходатайства администрации Тобольска, Иркутска и других сибирских городов, которая на протяжении 1777—1779 гг. ставила в известность яренского воеводу о записи яренских крестьян-отходников в посад или крестьянство по сибирским городам и просила об исключении их из податных списков по Яренску. Так, например, в 1779 г. тобольский губернатор Чичерин ходатайствовал о переводе в екатеринбургское купечество крестьянина Устьвымской волости Д. И. Тренина[32]. Подобная же просьба поступила от якутского воеводы о крестьянине Полевской волости М. И. Размыслове[33].

Получая подобные промемории, Яренская воеводская канцелярия не решалась брать на себя решение вопроса об исключении ушедших крестьян из податных списков, тем более, что отлив населения нарушал местные фискальные интересы казны. Сумма подушной подати, приходившаяся на ушедших крестьян, заметно увеличивала размеры сборов с оставшегося населения, что, в свою очередь, вело к нарастанию недоимок.

Ярким свидетельством этому может послужить протест против записи в Удинский посад крестьянина Шеномской

[29] ЦГАДА, ф. 609, л. 33.
[30] Там же, лл. 54, 54 об. — 55.
[31] Там же, лл. 50—53.
[32] Там же, л. 1.
[33] Там же, л. 19.

волости Яренского уезда М. Шакаева, поступивший в 1779 г. со стороны его отца и остальных членов крестьянской общины, жаловавшихся на возрастание налоговых платежей [34]. Подобным же образом обстояло дело и с упоминавшимся выше экономическим крестьянином Д. И. Тренины, вопрос о переводе которого в Екатеринбург Яренская воеводская канцелярия передала на решение Коллегии Экономии [35]. Запрошенный по этому поводу староста экономического ведомства Устьвымской волости также выразил свой протест, ссылаясь на старость и имущественную несостоятельность, как налогоплательщика, отца отходника [36].

Таким образом, ведомость являлась обобщающим документом, который повзолил бы принять общее решение о судьбе всех сходцев, положение которых в местах нового поселения было юридически оформлено. В связи с этой задачей ведомость построена по особой форме. Она как бы разбита на 4 самостоятельных ведомости:

1) О записавшихся в купечество и цехи (включает 33 человека) [37].

2) О записавшихся в крестьянство (включает 15 человек) [38].

3) О работающих на заводах (включает 5 человек) [39].

4) О записавшихся в священнослужители (включает 1 человека) [40].

Применительно к яренским отходникам, которые вошли в состав городского населения Сибири, в ведомости имеются следующие графы: 1) «Номер»; 2) «Кто именно»; 3) «По какому городу (подграфы: «В посад»; «В цехи»); 4) «О том указы и промемории когда» (подграфы: «От которой команды отправлены», «в Яренской канцелярии получены»); 5) «По оным объявлено, с которого времяни там з записавшихся подушной збор назначен». Для отходников, вошедших в остальные социальные категории сибирского населения, 3-я графа упрощена. Для крестьян в ней указывалось только: «по какому городу», для работных людей — «при каких заводах», для священнослужителей — «где».

Все ведомости в совокупности предоставляют в руки исследователей сложный и неоднородный материал о разных сторонах отходничества. Попробуем проанализировать имеющиеся в них данные.

---

[34] Там же, лл. 11, 15—15 об.
[35] Там же, лл. 2—3.
[36] Там же, лл. 7—7 об.
[37] Там же, лл. 50—51.
[38] Там же, лл. 51 об. — 52.
[39] Там же, л. 52 об.
[40] Там же, л. 53.

Прежде всего, бросается в глаза, что дальний отход — бегство не был характерен для населения Яренского уезда середины и третьей четверти XVIII в. Из общего числа 688 отходников как крестьян, так и горожан без паспортов, т. е. без разрешения волостной администрации и общины, ушло всего 130 человек, т. е. 19%.

Ведомости позволяют также судить, что среди отходников, покидавших пределы Яренского уезда, наиболее распространены были длительные отходы. Из отходников, получивших паспорта, 423 человека было отпущено на 3 года, 34 — на 2 года, 62 — на 1 год, 12 — на 6 месяцев, 6 — на 3 месяца.

В ведомости включены сведения о 688 человеках, подавляющая часть которых (671 человек) представлены крестьянами, меньшая же (17 человек) городским населением Яренска — купцами и мещанами. Рассмотрим подробнее, из чего слагаются эти общие цифры. Хронологически отраженные в ведомостях отходы охватывают период с 20-х по конец 70-х годов XVIII века. Если оставить в стороне отходников-горожан, то нам представляется следующая картина распределения отходов по десятилетиям:

Таблица 1

Количество отходников по годам

Годы	Количество отходников	%
20 годы	1 человек	0,1%
30 годы	3 человека	0,4%
40 годы	19 человек	2,8%
50 годы	63 человека	9,6%
60 годы	239 человек	35,6%
70 годы	346 человек	51,6%
Всего	671 человек	100%

На первый взгляд, приведенные цифры создают впечатление последовательного возрастания отлива населения из края. Кульминационным моментом этого процесса как бы являются 60—70 годы. Примерно к этому выводу приходит в своей статье и Д. Д. Балуева[41]. Однако такая резкая разница не может не насторожить. Удивляет также чрезвычайно низкий процент невернувшихся сходцев 20-х годов — времени резкого возрастания налогового гнета и массового бегства крестьянского населения. При внимательном подходе к приводимым ведомостью данным становится ясным,

[41] Д. Д. Балуева. Указ. соч., стр. 241.

что сведения 20—50-х годов в значительной мере случайны. Несомненно, что во время проведения второй и третьей ревизий подавляющее большинство ушедшего и не вернувшегося в срок населения было исключено из переписных и окладных книг. Вспомним в этой связи и запрос Мельгунова, требовавшего сведения только о лицах, учтенных по третьей ревизии. Возможно, что оставление в учетных документах старых сходцев имело какие-то конкретные причины — продление срока, точные сведения о месте нахождения, временное возвращение и т. д. В известной мере могут быть занижены и сведения 60-х годов, на начало которых приходится проведение третьей ревизии. Цифры же 70-х годов, напротив, могут быть несколько завышены в связи с тем, что близкие по времени к составлению ведомости уходы могли быть не окончательными, а только запозданиями с возвращением (последнее подтверждается сделанными позднее на ведомости отметками о возвращении и продлении срока).

Однако, со всеми сделанными оговорками, можно считать цифры уходов из края для 60—70-х годов наиболее соответствующими действительности. Цифры же предыдущих лет вряд ли можно принимать для характеристики количественного соотношения отходов.

Значит ли это, что ими вообще нельзя пользоваться? Думаем, что вполне правомочно их употребление не столько для цифровых, сколько для процентных характеристик. Так, например, общая цифра отходников, учтенных ведомостями, сопоставленная с общим числом населения, несомненно дает представление об отливе населения из края для середины и третьей четверти XVIII века. По отношению к общему населению края, которое по III ревизии составляло 24 993 человека мужского пола, процент отходников, не вернувшихся на старые места своего жительства, равнялся 2,7. Если сравнить его с 10 процентами сходцев XVII в., которые были зафиксированы переписной книгой 1646 г. за 20 лет (т. е. источником примерно такого же характера, как ведомость 1779 г.), то видим, что он значительно ниже, даже если допустить, что из числа сходцев XVII в. часть могла впоследствии вернуться [42]. Следовательно, можно считать, что в середине XVIII в. наблюдалось уменьшение (по сравнению с XVII в.) общего отлива населения из края. (см. табл. 2).

Учитывая относительность приводимых абсолютных цифр, следует сказать, что более показательно для выясне-

[42] Н. В. Устюгов. Коми-край в период усиления феодально-крепостнического гнета и складывания всероссийского рынка в XVII в. — «Очерки по истории Коми АССР», т. I, 1955, стр. 115.

Таблица 2*

Количество отходников по волостям.

Название волостей и погостов с деревнями	Колич. населения по III ревизии	Количество отходников						Процентн. соотношение колич. отход. к населен. волости
		20—30 гг.	40 гг.	50 гг.	60 гг.	70 гг.	всего	
1. Важгортский погост	475				4	10	14	2,9%
2. Венденский погост	776			2	6	11	19	2,4%
3. Визинская	642			1	6	3	10	1,5%
4. Вилгортская	329			1			1	0,3%
5. Вишерская	422			1	3	17	21	5%
6. Вожемская	147			4	7	11	22	15%
7. Вотчинская	378				2	5	7	1,9%
8. Гамская	154				2	7	9	5,8%
9. Глотова слобода	462				7	2	9	1,9%
10. Гривенская	177				1		1	0,6%
11. Деревянская	418				4	19	23	5,5%
12. Жежимская	875	1	3	1	4	13	22	2,5%
13. Жешартская	486			2	1	13	16	3,3%
14. Зеленецкая	462			1		1	2	0,4%
15. Ибская	414				2	1	3	0,7%
16. Иртовская	373	1	1		4	15	21	5,6%
17. Кайгородская	454					2	2	0,4%
18. Касланский погост	515				8	10	18	3,5%
19. Керчемская	421				6	2	8	1,9%
20. Киберская	527	1		3	1	5	10	1,9%
21. Княжпогостская	632				5	2	7	1,1%
22. Коквицкая	828			3	9	2	14	1,7%
23. Корткерская	950				5	6	11	1,2%
24. Ленская	309				3	4	7	2,3%
25. Ляльская треть	507				6	3	9	1,8%
26. Межадорская	212					4	4	1,9%
27. Мыелдинская	154			1	3	6	10	6,5%

* Таблица составлена на основании упоминавшихся выше сводных ведомостей Яренской воеводской канцелярии. Сведения о количестве населения края по III ревизии взяты из ведомости 1668 г., ЦГАДА, д. 609, д. 1777, лл. 19—88).

Название волостей и погостов с деревнями	Колич. населения по III ревизии	Количество отходников						Процентн. соотношение колич. отход. к населен. волости
		20—30 гг.	40 гг.	50 гг.	60 гг.	70 гг.	всего	
28. Наволоцкая	205	1	2	1	9		13	6,3%
29. Небдинская	400		1	2	3	4	10	2,5%
30. Низовская треть	665				4	7	11	1,6%
31. Оквидская	253			1	4	8	13	5,1%
32. Ошлапецкая	301					11	11	3,7%
33. Палаузская	162					1	1	0,06%
34. Печерская	381				6	1	7	1,8%
35. Подгородная	1036		5	11	13	12	41	3,9%
36. Подъельская	450				2	8	10	2,2%
37. Пожегодская	291		1	2	3	3	9	3,1%
38. Полевицкая	433			1	3	4	8	1,8%
39. Помоздинская	183				3	1	4	2,2%
40. Пустынская	828			5	14	19	38	4,6%
41. Пыелдинская	448			1	5	13	19	4,2%
42. Пыский погост	357				2	5	7	1,9%
43. Серегово усолье	257				2		2	0,8%
44. Сойгонская	122			5	1	3	9	7,4%
45. Туглимская	127			2	3	3	8	6,3%
46. Турецкая треть	616			1	6	6	13	2,1%
47. Урдомская	177		2		3	15	20	11,3%
48. Устьвымская	393		3		3	3	9	2,3%
49. Устькуломская	556			2	11	7	20	6%
50. Устьнемская	310				3	4	7	2,3%
51. Устьсысольская	1073				10	7	17	1,5%
52. Цылибская	219			1	5	3	9	3,1%
53. Чакульская	565			5	9	5	19	3,4%
54. Часовская	239			1	1	3	5	2,1%
55. Чукаибская	89				1		1	1,1%
56. Шеномская	771		1	2	8	13	24	3,1%
57. Шошкинская	206				3	3	6	2,9%
58. Яренск	312						17	5,5%
Всего	24924	4	19	63	230	346	688	2,7%

ния действительного отлива населения из разных районов Яренского уезда процентное соотношение этих цифр к количеству населения волостей. Оно следующее:

— для Вилгортской, Зеленицкой и Кайгородской волостей — от 0,4 до 0,5%;

— для Гривенской, Ибской волостей и Серегова усолья — от 0,6 до 0,8%;

— для Везенской, Княжпогостской, Корткерской, Усть-сысольской и Чукаибской — от 1,1 до 1,5%;

— для Вотчинской, Керчемской, Киберской, Коквицкой, Межадорской, Печерской и Полевицкой волостей, Лялькой и Низовской третей, Глотовой слободы и Пыского погоста — от 1,6 до 1,9%;

— для Ленской, Небдинской, Подъельской, Помзинской, Устьвымской, Часовской волостей, Турецкой трети и Венденского погоста — от 2,1 до 2,5%;

— для Жешамской и Шешкинской волостей и Важгортского погоста от 2,5 до 2,9%;

— для Жешартской, Пожегодской, Цылибской, Чакульской и Шеномской волостей и Касланского погоста от 3,1 до 3,5%;

— для Ошлапецкой и Подгородной волостей — от 3,7 до 3,9%;

— для Пустынской и Пыелдинской волостей от 4,5 до 4,6%;

— для Гамской, Вишерской, Деревянской и Оквидской волостей и г. Яренска — от 5 до 5,8%;

— для Мыелдинской, Наволоцкой, Туглимской и Усть-куломской волостей — от 6 до 6,5%;

— для Сойгинской волости — 7,4%;

— для Урдомской волости — 11,3%;

— для Вожемской волости — 15%.

Таким образом, наиболее устойчивым было население земледельческих волостей по Сысоле. Наибольший же отлив крестьянского населения приходился на западную часть уезда, расположенную по Вычегде на границе с Сольвычегодским уездом и в районе Яренска, в том числе, на экономические волости (Сойгинскую, Пустынскую и некоторые другие).

Более точные свидетельства можно почерпнуть из ведомостей Яренской воеводской канцелярии для выяснения основных направлений отлива населения. (См. таблицы 3 и 4).

Из них следует, что подавляющая часть отходников оседала в сибирских городах, старом районе отхода, наметившемся еще в XVII веке. Однако если сравнивать количество отходников в сибирские города в XVII и XVIII в., пользуясь для XVII века данными упоминавшейся уже пере-

Таблица 3

Направление отходов

Уезд	Колич. отходов по годам					Всего
	20—30	40	50	60	70	
1. Архангельский				1	5	6
2. Барнаульский			2	5	13	20
3. Верхотурский					5	5
4. Вятский			1	4	15	20
5. Екатеринбургский				8		8
6. Енисейский				4	1	5
7. Иркутский		1	9	21	41	72
8. Казанский				1		1
9. Камчатка	1		3	2	2	8
10. Кяхтинский				1		1
11. Ладожский					1	1
12. Московский					1	1
13. Нерчинский				3		3
14. Охотский					1	1
15. Петербург		1		24	40	65
16. Селенгинский				1	2	3
17. Сибирские уезды *	1	7	23	48	50	134
18. Соликамский				3	5	8
19. Сольвычегодский					2	2
20. Тобольский			2	3	8	13
21. Томский				1	3	4
22. Троицкий					12	12
23. Туруханский				1	2	3
24. Тюменский				1	1	2
25. Удинский			1	1	2	4
26. Устюжский				2	5	7
27. Чердынский				7		7
28. Неизвестно куда	2	10	17	97	129	255
	4	19	63	239	346	671

*В ведомости не всегда конкретно дается место отхода. Во многих случаях вместо этого указываются только «сибирские города».

Таблица 4

Направление отходов*

Куда	Количество отходников	%
В столичные города	67 (66)	9,7%
В города Европейского Севера	23	3,3%
В города Среднего Урала и Приуралья	36	5,2%
В города Южного Урала и Поволжья	13	1,9%
В города Сибири и Дальнего Востока	292	42,4%
Неизвестно куда	257	37,5%
Всего	688	

писной книги 1646 г., то замечаем несомненное уменьшение эмиграционного потока. Если в середине XVII в. при общем количестве населения в 6645 человек, количество ушедших в Сибирь составляло 762 человека, то в 1779 г. при общем количестве населения в 24 993 человека, в Сибирь ушло только 276 человек. Даже если считать цифру сходцев XVII века несколько завышенной, то разница все же разительная!

Новым по сравнению с XVII веком местом ухода является район Среднего Урала и Приуралья. Отход в ближние к Яренскому уезду районы русского севера сравнительно незначителен, еще меньше он для центральных районов страны.

Наибольший интерес представляют те данные источника, которые позволяют судить о том, как складывались на новых местах судьбы яренских сходцев.

В лучшем положении оказалась та их часть, которая влилась в состав городского населения. К сожалению, более или менее полными сведениями о ней мы располагаем только применительно к части крестьян, ушедших в сибирские города.

Яренской воеводской канцелярией было учтено 30 человек отходников подобного рода (см. табл. 5).

Некоторое представление об имущественном положении записывающейся в купечество группы яренских крестьян-отходников дает переписка тобольского губернатора и яренского воеводы относительно включения в екатеринбургское купечество уже упоминавшегося крестьянина Д. И. Тренина. Тренин, живший в Екатеринбурге с 1765 по 1779 г., об-

*) Таблица 4 дается в обобщенном выражении и с прибавлением цифр по городам.

Таблица 5*

Отходники-крестьяне, перешедшие в разряд городского населения Сибири

Город	Купечество	Цехи	Мещанство	Духовенство	Всего
1. Верхоленск	1				1
2. Екатеринбург	1				1
3. Иркутск	3	13	1		17
4. Кабанский острог	1				1
5. Кяхта		3			3
6. Селенгинск	5			1	6
7. Удинск		1			1
	11	17	1	1	30

завелся там домом и семьей, при записи в купечество предъявил капитал в размере 500 руб. [43].

Основным занятием крестьян, записавшихся в цехи, были различные промыслы, связанные с развитой среди населения Яренского уезда обработкой дерева. В качестве типичного примера подобных занятий можно привести запись в цех «по дощеночному и плотничному ремеслу» яренского крестьянина М. Шалаева, поселившегося в Удинске [44].

Таблица 6**

Количество отходников, работающих на металлургических заводах, рудниках и соляных промыслах [46]

Название завода	Кол-во отходн. по годам				Всего
	40	50	60	70	
1. Дедюхинский казенный соле-варенный завод Соликамского у.			1	2	3
2. Змеевские Барнаульские руд-ники Томской губ.		1	3	6	10
3. Косотурский (Златоустовский) железоделат. завод Лугининых Троицкого у.				13	13
4. Николаево-Павдинский завод Походяшина Верхотурского у.				2	2
5. Нерчинские рудники				3	3
6. Омутинский железоделательн. завод Осокиных Вятской губ.	1	1	4	15	21
7. Петропавловский вагранский завод Походяшина Верхотур-ского у.				3	3
8. Полевицкий медеплав. и желе-зоделат. завод. Турчанинова Екатеринбургского у.				6	6
Итого	1	2	8	51	62

* Таблица составлена на основании ведомости Яренской воеводской канцелярии (ЦГАДА, ф. 609, лл. 55—56).

[43] Там же, л. 1.

[44] Там же, л. 11.

** Таблица составлена на основании 1-й сводной ведомости и части 3-й ведомости об отходниках.

Новым, характерным для середины XVIII в., являлся отход на металлургические и солеваренные заводы Среднего Урала, Приуралья и Сибири (см. табл. 6).

Приведенный фактический материал свидетельствует о том, что крестьяне-коми являлись одной из составных частей кадров работных людей для растущих в этот период предприятий тяжелой металлургии. Можно считать, что составители ведомостей располагали по этому вопросу отнюдь не исчерпывающими данными.

Далеко не все крестьяне, работающие на заводах, вошли в состав сводных ведомостей. По-видимому, число их можно несколько увеличить за счет ушедших неизвестно куда, так как заводы не были заинтересованы в их возвращении и скрывали их как беглых. Характерно, что в 3-й ведомости, составленной на основании сведений местных учреждений тех уездов, где осели сходцы, отходников — работных людей значится только 5 человек [45].

Очень мало дают ведомости для того, чтобы установить, из каких именно слоев населения выходили невернувшиеся отходники и что заставляло их покидать край.

Некоторое представление об этом можно получить для городского населения. Среди 14 человек горожан, ушедших в сибирские города, мы находим 2 купцов и 12 мещан, причем среди них встречаем 4 представителей богатейших купеческих фамилий Осколковых и Сухановых [46]. Несомненно, что отход их в Сибирь был связан с их торговой и промысловой деятельностью. Так, например, известно, что некоторые яренские купцы держали в XVIII в. собственные перевозные суда на Байкале, для чего мог требоваться хозяйский надзор [47]. Могли они оставаться в Сибири и для надзора за действием промысловых партий охотников за ценной пушниной.

По-видимому, среди крестьян, уходивших в сибирские города, имелось также значительное число крепких хозяев, так как сам подъем в дальнюю дорогу и покупка охотничьего снаряжения требовали значительных средств. Именно из этой среды выходили крестьяне, которые в Сибири включались в состав городского населения. Часть крестьян и в новых местах сохраняла свое прежнее положение. В ведомости Яренской воеводской канцелярии значится 16 крестьян Яренского уезда, записавшихся в крестьянство по Иркутскому, Селенгинскому и Тюменскому уездам [48].

Вместе с тем, на основании материалов другого харак-

[45] ЦГАДА, ф. 609, д. 1786, л. 56—56 об.
[46] Там же, л. 33.
[47] Н. Ф. Демидова. Указ. соч., стр. 171.
[48] ЦГАДА, ф. 609, д. № 1786, лл. 56—56 об.

тера, чем интересующая нас ведомость, мы знаем, что среди яренских крестьян-отходцев несомненно существовала беднейшая, в известной мере разорившаяся часть, отход для которой был единственным средством выбиться из нужды и поддержать свое существование.

В книге Яренского полкового двора 1720—1731 гг. цель подобных отходов обозначалась словами: «для черной работы» или «для прокормления работой» [49]. Правда, большая часть подобных отходников-бедняков не уходила за пределы Яренского уезда и потому не была включена в ведомость 1779 года. Вместе с тем и среди них имелись случаи дальних отходов. Так, зимой 1725 г. 16 крестьян разных волостей были отпущены на три года в Якутск, Иркутск и Селенгинск» [50] для прокормления черной работой».

Подводя итоги, остановимся, прежде всего, на оценке ведомостей 1779 г. как исторических источников. Несмотря на некоторую ограниченность и неполноту сведений, они несомненно являются ценным источником для исследования истории отлива населения из Яренского уезда в 60—70-х годах. Цифровые же данные более раннего периода могут быть использованы только для выяснения процентных, а не количественных соотношений отдельных сторон отходничества. Из выводов исторического порядка хочется выделить следующие:

Ведомость 1779 г. свидетельствует о том, что в XVIII в. значительно сократился эмиграционный поток, направленный из Яренского уезда на восток, хотя Сибирь по-прежнему оставалась основным местом ухода населения. Наряду с этим в середине века намечается новое направление отходничества, неразрывно связанное с развитием уральской промышленности. Основной формой отхода был не побег, а санкционированный временный уход.

Процент отходников, не возвращавшихся на прежние места жительства, был не высок и не оказывал существенного влияния на общий рост количества населения края.

Уход из края и поселение сходцев на новых местах приводили к сохранению их прежнего социального положения — крестьян, купцов и мещан, или же к его изменению — записи крестьян в купечество или вступлению их в разряд работных людей.

---

[49] ЦГАДА, ф. 966 (Яренская канцелярия судных и розыскных дел, земский комиссар и полковой двор), д. № 23.

[50] Там же, лл. 22 об., 46 об., 47, 33 об., 36, 38, 40 об.

Е. Н. Бакланова

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА 1717 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В ВОЛОГОДСКОМ УЕЗДЕ

При исследовании хозяйства крупных землевладельцев, духовных или светских, в тесной взаимосвязи с ним обычно рассматривается и крестьянское хозяйство. Изучение же последнего требует и характеристики самой первоначальной хозяйственной ячейки — крестьянской семьи, труд которой является основой для развития производительных сил владения. А так как на состоянии семьи сказывается развитие социально-экономических отношений, то изучение ее кажется нам необходимым для более полного представления о совершавшихся в экономике России процессах.

Русская дореволюционная крестьянская семья, в частности, семья Европейской России, особенно в период развитого феодализма, изучена мало и весьма неравномерно.

Работы дореволюционного периода, посвященные народному обычному праву [1], рассматривают вопросы семейного быта, как правило, на материалах XIX в. Чаще всего они касаются экономических и юридических сторон семейных отношений: наследование земли, а в связи с этим и формы землепользования, права имущественного наследства, семейные разделы, крестьянские товарищества и артели, основанные на договорном начале, и др.

Характеризуя семейно-имущественные отношения, авторы останавливаются на положении женщины в семье, в особенности на положении и правах вдовы и ее детей. Кроме того, в ряде работ рассматриваются и вопросы, связанные с принятием зятя в дом: договоры зятя с семьей его принимающей, по которым определяются права зятя как при жизни, так и после смерти его или его жены, положение зятя в семье, права его детей и т. д. [2].

[1] Краткую библиографию работ по обычному праву см. С. А. Токарев. История русской этнографии, М., 1966, стр. 290.

[2] П. С. Ефименко. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии. Сборник народных юридических обычаев, т. 2, СПб., 1900; М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII вв. СПб., 1913, стр. 43—50 и др.

Некоторые из вышеназванных вопросов, а именно: внутрисемейные отношения и права членов семьи на владение земельным участком (о его наследовании), о семейных разделах, рассматривались в работах по истории крестьянства и сельской общины [3], в связи с характеристикой общественных крестьянских организаций, обязанностей, лежащих на крестьянах по отношению к государству и владельцу.

Существует также круг работ, в которых освещены некоторые стороны семейных отношений [4], чаще всего брачные обычаи и свадебные обряды, в которых обнаруживаются пережитки древних форм брака. Если в работах такого рода и рассматривалась история развития семьи, то лишь на раннем, переходном от родового строя этапе ее развития [5].

В советский период изучением семьи занимаются, главным образом, этнографы, которые на основе полевых материалов освещают различные стороны семейного быта, взаимоотношения и обязанности членов семьи, вопросы о ее главе, положении женщины, образовании, труде, досуге и т. п. Такой же существенно важный круг проблем, как структура и формы русской дореволюционной крестьянской семьи и непосредственно с этим связанные вопросы землевладения, наследования, почти не затрагиваются, а русская крестьянская семья (в частности, семья Европейской части России) периода феодализма пока совершенно не изучается. На слабую изученность «общего хода развития крестьянской семьи в период феодально-крепостнического строя специально указывается в главе «Семья и семейный быт» в обобщающем труде «Народы Европейской части СССР» [6].

Не ставят этих проблем и историки. В работах, посвященных экономике и истории развития сельского хозяйства

---

[3] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., тт. 1, 2, 1909—1912; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, тт. 1, 2, СПб., 1903—1918 гг.; А. Я. Ефименко. Крестьянское землевладение на крайнем Севере. «Исследования народной жизни». Вып. I — Обычное право. М., 1884; М. Островская. Указ., соч., П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

[4] Д. Я. Самоквасов. Семейная община в Курском уезде. — «Сборник народных юридических обычаев», т. I, СПб., 1878; П. А. Матьеев. Очерки народного юридического быта в Самарской губернии,— там же.

[5] А. Н. Максимов. Что сделано по истории семьи. М., 1901. Его же: К вопросу о методах изучения истории. Отдельный оттиск. «Этнографическое обозрение». М., 1899.

[6] Народы мира. Народы Европейской части СССР, ч. I, М., 1964, стр. 463.

России в XVIII в., совершенно не рассматриваются форма и структура крестьянской семьи в ее связи и зависимости с конкретными социально-экономическими условиями. Ближе всех к этим вопросам подошел К. В. Сивков [7], показавший своей публикацией возможность такого изучения. Поскольку в исторических работах исследовались, главным образом, проблемы экономической мощности крупных хозяйственных комплексов, то естественно, что структура семьи, ее численность остались вне сферы внимания исследователей.

Целью данного сообщения является рассмотрение некоторых черт семейной организации у вологодских крестьян в начале XVIII в. на материалах переписной книги 1717 г. как основного источника. Этот источник также, как и пришедшие ему на смену ревизские сказки, характеризует крестьянскую семью как бы изнутри, т. е. дает представление о ее формах и структуре.

Материалы ревизий и переписей обычно рассматриваются исследователями как источник по истории народонаселения [8], для составления исторических карт России XVII—XVIII вв. [9] и т. п. Е. П. Подъяпольская, давшая всестороннюю оценку ревизским сказкам, указала на широкий круг вопросов, который возможно исследовать на основе этих материалов, в том числе и семейный состав русских крестьян [10].

Для исследования русской крестьянской семьи, ее строя и характера данные переписей и ревизий, насколько нам известно, пока еще не привлекались.

В данном сообщении мы коснемся не только переписной книги 1717 г., но также и книги 1678 г. Обе они относятся к части Вологодского уезда — Кубенской трети (в административных границах того времени) и хранятся в ЦГАДА [11].

Кубенская треть расположена к северо-западу от Вологды и вдоль юго-западного берега Кубенского озера до границы с Белозерским уездом. В тот период она включала шесть волостей: Ракульскую, Кубенскую, Сямскую, Здви-

---

[7] К. В. Сивков. К истории землевладения в России в начале XVIII в., «Известия АН СССР». Отделение общественных наук. № 3, Л., 1935; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства 1 четверти XVIII в. Подготовил к печати К. В. Сивков. М., 1951.

[8] В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

[9] Работа группы исторической географии Ин-та истории СССР АН СССР.

[10] Е. П. Подъяпольская. Ревизские сказки как исторический источник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 321.

[11] ЦГАДА, ф. 350, ед. хр. 556; ф. 1209, ед. хр. 14733.

женскую (Воздвиженскую), Перебатинскую и Верх-Вологодскую. Почти через всю территорию трети (за исключением Верх-Вологодской и Воздвиженской волостей) проходит дорога, связывающая Вологду с Кирилловóм и Белозерском. В этой части Вологодского уезда сосредотачивались помещичьи и монастырские хозяйства. Население Кубенской трети составляли владельческие крестьяне, принадлежавшие монастырям, архиерейским кафедрам, помещикам и вотчинникам.

Здесь находились хозяйства таких крупнейших монастырей, как Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого (в Ракульской и Сямской волостях), а также Спасо-Каменного, Сямского, Песошного и Корнильева (в Кубенской, Сямской волостях). Здесь же располагались крупные архиерейские вотчины Досифея епископа Ростовского и Ярославского, Павла епископа Вологодского и Белозерского (в Ракульской, Кубенской, Сямской и Верх-Вологодской волостях).

Помещичьи владения в Кубенской трети также, как и во всем Вологодском уезде, отличались чрезвычайной раздробленностью и были, как правило, незначительны по площади и по числу крестьян [12].

Изучение переписной книги 1678 г. и ландратской 1717 г. показало, что в каждой деревне дворы переписывались (каждой переписью) в одном и том же порядке. Это обстоятельство чрезвычайно ценно, так как позволяет проследить нужные семьи на протяжении всего периода — с 1678 г. по 1717 г.

Подворный характер описания уже подразумевает, что в переписных книгах фиксировались жители каждого двора, чаще всего семья. Для обеих переписных книг характерен приблизительно одинаковый порядок записи жителей двора: вслед за главой указаны его дети, затем его братья, племянники или другие родственники со своими детьми.

Книга 1678 г. учитывает только мужское население каждого двора, не фиксируя женское. Исключение составляют вдовы — главы двора, несущие тягло. Все взрослое население, в том числе и главы дворов, записаны без указания возраста, указан только возраст детей (вплоть до 20 лет). Тем не менее и на ее основе возможна в принципе реконструкция семей.

Переписная книга 1717 г. выгодно отличается от переписи 1678 г. тем, что в ней учитывалось не только мужское, но и женское население, которое записывалось не пос-

[12] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, СПб., 1903, стр. 23.

ле мужского, а вперемежку с ним, взрослое — супружескими парами, а дети — сначала мальчики, а потом девочки.

При этом очень четко отделены друг от друга и сами дворы, что позволяет видеть жителей каждого из них; назван глава двора и перечислены все в нем живущие с указанием на родственное отношение к главе. Например: «Во дворе Иван Поликарпов..., у него жена..., у них дети... У него ж брат двоюродный, Афонасей Михайлов, вдов... У них племянник Яков Ильин...» (ф. 350, ед. хр. 556, л. 1263 об). Или: «Во дворе Дорофей Семенов семнадцати лет, Каптелина Осипова у него мать... У него Дорофея зять Федот Кондратьев... (там же, л. 520 об). Или: «Во дворе Еремей Дмитриев..., у него дети..., у него сноха вдова Зиновья Корнилова...» (там же, л. 506 об). Перепись 1717 г. особо подчеркивает положение взрослых детей: сын — «холост», дочь или сестра — «девка».

Если в переписной книге 1717 г. ясно видна конкретная семья не только с мужскими, но и с женскими родственными линиями, то в переписи 1678 г., не осложненная женским родством, четко выступает поколенная (деды — отцы — внуки) организация семьи — мужская нисходящая.

Особую ценность книги 1717 г. составляют приписки, т. е. примечания, сделанные переписчиками почти по каждому двору. В них сравниваются данные этой переписи с предыдущей переписью 1710 г. и указывается, кто из членов семьи умер, взят в солдаты или в плотники и в работники на строительство Петербурга, бежал или «скитается в мире от хлебной скудости». Кроме того, в приписках отмечено, кто из дочерей или сестер выдан замуж и куда, в другую ли деревню того же владения или в иное владение, кого из членов семьи или целую семью перевел помещик «на иные дачи» и в какую волость или уезд. В приписках есть также сведения, почему тот или иной член семьи не был написан в предыдущую перепись 1710 г. Например: «А в книгах 1710 году вышеписанный Степан Яковлев не написан, и он в то число и с женою, и з сыном был в бегах...» (л. 590 об.). Или: «А Иванов зять Елизар не написан для того, что в то время был в работниках в Санкт Петербурхе» (л. 578 об.). Или: «А в переписных книгах 1710 году ненаписан Иванов брат Мартын, потому что в то время был у помещика в Городецком уезду» (л. 332.)

Благодаря этим припискам возможно не только точнее уяснить состав семей, но и реконструировать его на 1710 год, а также проследить, какие изменения и под влиянием каких факторов в них происходили.

Таким образом, уже внешнее рассмотрение переписных

книг 1678 и 1717 г. убеждает в том, что этот вид источников для конца XVII — начала XVIII вв. является одним из основных при выяснении характера крестьянской семьи.

Нами обработаны сведения книги 1717 г. по 435 дворам (428 семей) монастырских и архиерейских крестьян всех шести волостей Кубенской трети и 643 дворам (636 семей) помещичьих крестьян, всего 1078 дворов (1064 семьи) или 54,8% от общего их числа, что составляет 54,7% всего населения (12 583 чел.) Кубенской трети.

Анализируя материалы переписи, мы пытались уяснить строй русской крестьянской семьи, который включает в себя не только структурную организацию, но и поколенный состав. Для этого все исследуемые семьи были поделены на две классификационные группы: группа А — ее составили семьи, основанные на прямом родстве, и группа Б — куда вошли семьи с боковыми родственными линиями (см. табл. 1).

При этом мы исходили из определения К. Марксом кровного родства как родства по прямой линии и по боковым линиям [13], а также из методики, принятой в исследованиях советских ученых. Далее в каждой из этих групп все семьи были рассмотрены и распределены по их характерным типам и подтипам. Так, в группе А, например, среди семей, состоящих из родителей, их женатых сыновей и внуков, были выделены семьи, где вместе с родителями живут один, два или более женатых сыновей, а в группе Б среди семей из нескольких женатых братьев выделены в отдельные группы семьи, состоящие из родных братьев и из двоюродных.

Приводить все типы и подтипы в данной работе нет возможности да, пожалуй, и необходимости. Здесь важно установить, дает ли исследуемый источник искомые сведения по структуре семьи.

Одновременно со структурной дифференциацией был рассмотрен поколенный состав, и семьи объединены в группы по числу поколений (см. табл. 2). Проанализировав состав семей по их родственным связям и по поколениям, мы выяснили, какой структурный тип семьи на данное время оказался преобладающим, а также сколько поколений родственников жили одной семьей.

Проделанная работа показала:

Во-первых, что у монастырских крестьян преобладали семьи группы А, т. е. объединенные по принципу прямого родства (57%), а у помещичьих крестьян семьи группы Б, т. е. на основе боковых родственных связей (61,8%).

---

[13] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, М., 1941, стр. 12.

Таблица 1

Состав семьи по родственным связям

Родство прямое								
		родители—дети—внуки						
супруги	Родители с малолетними детьми	с одним женатым сыном и внуками	с 2-мя женатыми сыновьями и внуками	с 3,4-мя женатыми сыновьями и внуками	с 1-м женатым сыном, внуками и младшими детьми	с 2-мя женатыми сыновьями и младшими детьми	с 3,4-мя женатыми сыновьями и младшими детьми	итого
Монастырские крестьяне								
24	144	25	14	7	21	8	1	76
5,6%	33,6%	5,9%	3,2%	1,6%	4,9%	1,9%	0,2%	17,8%
Помещичьи крестьяне								
14	112	40	19	3	33	19	2	116
2,2%	17,8%	6,2%	3%	0,7%	5,2%	3%	0,3%	18,2%

Продолжение таблицы 1.

Родство боковое							
женатые братья							
родные	двоюродные	итого	женатый брат и младшие братья, сестры	женатые братья+племянники	родители с детьми+племянники	семьи с зятем	всего семей
Монастырские крестьяне							
74	36	110	10	12	43	8	428
17,3%	8,4%	25,7%	2,1%	3%	10%	1,9%	100%
Помещичьи крестьяне							
152	69	221	27	33	98	11	636
23,9%	10,8%	34,7%	4,3%	5,2%	15,4%	1,7%	100%

Таблица 2

Состав семьи по поколениям

Поколения	Тип семей		Монастырские крестьяне		Помещичьи крестьяне	
			число семей	% %	число семей	% %
	Родство прямое	Супруги	24	5,6	14	2,2
Одно	Родство боковое	Женатые братья (без детей)	6	1,4	9	1,4
		Женатый брат с младшими братьями	7	1,6	7	1,1
		Братья и сестры	1	0,2	—	—
		Итого семей	38	8 9	30	4,7
Два	Родство прямое	Родители и дети	144	33,6	112	17,8
		Родители с женатыми сыновьями (без внуков)	26	6,1	28	4,4
	Родство боковое	Женатые братья с детьми	79	18,4	151	23,6
		Женатые братья, женатые дети (у одного)	12	3	14	2,2
		Женатый брат с младшими братьями	3	0,7	20	3,3
		Женатые братья с детьми+племянники	7	1,6	15	2,4
		Родители с детьми+племянники	10	2,3	23	3,6
		Родители с детьми+зять с детьми	—	—	2	0,3
		Итого семей	281	65,7	365	57,4
Три	Родство прямое	Родители, женатые сыновья, внуки	55	13	96	15,1
		Деды и внуки	1	0,2	1	0,2

Продолжение таблицы 2.

Поколения	Тип семей		Монастырские крестьяне		Помещичьи крестьяне	
			число семей	% %	число семей	% %
Три	Родство боковое	Женатые братья с женатыми сыновьями и внуками	14	3,3	48	7,5
		Женатые братья с женатыми сыновьями + женатые племянники с детьми	5	12	18	2,3
		Родители с женатыми сыновьями и внуками + женатые племянники с детьми	34	8	76	12
		Итого семей	109	25,5	239	37,6
Четыре	Родство прямое	Родители, женатые сыновья, внуки, правнуки	—	—	2	0,3
		Всего семей	428	100%	636	100%

Во-вторых, в обеих категориях крестьян были наиболее распространены семьи из двух и трех поколений. Отсюда следует, что мужская нисходящая в семьях прямого родства не спускается ниже внуков, а в семьях с боковыми связями ниже троюродного родства. Двухпоколенные семьи составляют большинство как у монастырских (65,7%), так и у помещичьих крестьян (57,4%), в то время как трехпоколенных семей больше (на 12,1%) среди крестьян помещичьих. Замечено, что среди трехпоколенных семей в обеих категориях крестьян преобладают семьи с боковым родством. Чаще всего это — женатые братья с женатыми детьми, а также родительские и братские семьи с женатыми племянниками.

В-третьих, при достаточном разнообразии структурных типов семей можно выделить четыре наиболее характерных. Это — семьи, состоящие: а) из родителей и их малолетних детей — двухпоколенные; б) из родителей с одним женатым сыном и внуками (независимо от того, есть ли у родителей еще младшие дети) — как двух-, так и трехпоколенные; в) из женатых братьев с их малолетними детьми — двухпоколенные; г) из родителей с женатыми сы-

новьями и внуками плюс женатые племянники и их дети — трехпоколенные. Степень распространения каждого из этих четырех типов семей, как показывают таблицы, в двух исследуемых категориях крестьян различна.

В-четвертых, у монастырских крестьян господствующими являются семьи из родителей и их малолетних детей (33,6%), а у помещичьих — из женатых братьев (34,7%), причем 25,8% из них приходится на братские семьи с малолетними детьми.

Анализ строя исследуемых семей показал, что семьи помещичьих крестьян по своему составу и внутренней организации несколько сложнее и разветвленнее семей монастырских крестьян, а потому можно было бы предполагать, что эти семьи окажутся и более многочисленными.

Однако численный состав семей не подтвердил этого предположения. Сделанные подсчеты показали, что в это время у вологодских крестьян численность семей, в общем, не превышала 10—12 человек. Встретились и семьи, насчитывавшие до 20 человек, но не более. Таких семей (от 13 до 20 членов) в обеих категориях крестьян сравнительно мало — около 3%. Для монастырских крестьян наиболее характерны семьи (таких 50%) из 4—6 человек, а максимум приходится на семьи в 4—5 человек, у помещичьих — из 3—9 человек (таких 81,1%), и семьи распределены в этих пределах довольно равномерно (см. табл. 3). Таким образом, мы видим, что в начале XVIII в. у крестьян Кубенской трети преобладала немногочисленная семья, состоящая из пяти, шести или семи человек.

Фактор, обуславливающий численный состав семьи, — это количество детей. Границей детского возраста мы считали пятнадцать лет. В обеих категориях крестьян детское население до 15 лет составляет по трети, а количество детей в семье редко превышает шесть человек. Преобладали семьи, где было от одного до трех детей. У монастырских крестьян таких семей 83,3%, а у помещичьих — 78,5%. Интересно, что семей, имевших по два ребенка, в обеих категориях крестьян одинаковое число, а семей с одним ребенком у монастырских крестьян больше, чем у помещичьих, почти на 8%. Это и не удивительно, если учесть, что среди монастырских крестьян семьи из родителей с малолетними детьми составляют треть от всех семей (144 из 428).

Кроме охарактеризованных вопросов, материалы переписной книги 1717 г., а также и 1678 г., содержат сведения для определения половозрастного состава как взрослого, так и детского населения, средней продолжительности жизни, уровня рождаемости и смертности, брачного возраста и соотношения возрастов родителей и детей.

Таблица 3

Количественный состав семьи

Человек в семье	Монастыр. крестьяне			Помещичьи крестьяне		
	число семей	% %		число семей	% %	
2	30	7		19	3	
3	44	10,3		59	9,3	
4	71	16,6		65	10,3	
5	86	20,1	50	78	12,4	
6	57	13,3		82	13	81,1
7	32	7,5		87	13,8	
8	37	8		75	12	
9	29	6,8		65	10,3	
10	14	3,2		28	4,4	
11	8	2		24	3,8	
12	8	2		25	4	
13	4			5		
14	3			4		
15	1			1		
16	1	2,8		2	3,5	
17	2			2		
18	—			2		
19	1			2		
21	—			1		
Всего семей	428	100		636	100	

Немаловажными для истории семьи является вопрос о ее главе, особенно в сложных по составу семьях, где вместе живут двоюродные братья, дядя с женатыми племянниками или тесть с зятем. Обе переписные книги дают ответ на этот вопрос, а книга 1717 г. позволяет судить и о возрасте глав семей. Не проводя детального исследования этого вопроса, заметим, что в обеих категориях крестьян главами семей являются мужчины примерно от 35 до 60 лет, а чаще в возрасте 45—60 лет. Среди семей, состоящих из женатых братьев, чаще всего главой был старший.

В семьях с женатыми племянниками в большинстве случаев главой был дядя, а в семьях с зятем (нужно сказать, что в это время их немного) — тесть. Отсюда видно, что главенство в семье, связанное с наследованием, переходило, как правило, к родственникам мужской линии по прямой нисходящей.

Рассмотрев и проанализировав переписную книгу 1717г., мы убедились, что она содержит определенный круг сведений по истории крестьянской семьи в начале XVIII в.

Это в основном количественные данные, которые характеризуют качественное состояние семьи в то время на территории Кубенской трети. Книга 1678 г. также содержит данные по всем рассмотренным и по ряду других вопросов.

В заключение необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что перепись фиксирует население статично, на определенный момент времени. Но так как семья — институт, развивающийся и изменяющийся медленно, то мы с полным основанием можем по материалам переписи 1717 г. судить о строе и форме семьи, существовавшей в I четв. XVIII в. Привлекая книгу 1678 г. и другие аналогичные материалы, можно проследить динамику развития русской крестьянской семьи, уловить идущие в ней процессы или тенденции. Само собой разумеется, что выяснить закономерности совершающихся в строе семьи изменений возможно только в тесной взаимосвязи с социально-экономическими условиями, а следовательно, переписные книги рассматривать в комплексе с другими источниками.

Анализ переписной книги 1717 г., таким образом, является начальным этапом этой работы.

П. А. Колесников

ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИИ ПОМОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVI—нач. XVIII в.

Необходимость всестороннего изучения миграции поморского населения в XVI — первой четверти XVIII в. обуславливается многими причинами. И прежде всего ролью населения Европейского Севера в заселении и освоении Урала и Сибири, в целом ролью этого края в социально-экономической истории Русского государства в указанный период времени.

Фронтальное изучение миграционных процессов и в столь широких хронологических рамках требует и соответствующей источниковедческой базы. По нашему мнению основой этой базы могут служить такие сравнительно однотипные источники, как писцовые и особенно переписные книги.

До сих пор эти документы еще недостаточно привлекались для изучения миграционных процессов на всей территории Европейского Севера и в сквозном плане за время с XVI в. и до начала ревизского учета населения в XVIII в.

Видимо, одной из причин такого положения является отсутствие в литературе источниковедческого анализа возможностей, которые дают эти источники для изучения данной проблемы. Эта цель и поставлена автором данной статьи.

* * *

Писцовые книги XVI в. для изучения миграции поморского населения фактически не использовались. К тому же, по северным уездам эти источники представлены небольшим числом документов. Нам известны материалы описаний второй половины XVI в. по Заонежским погостам, Двинскому, Важскому, Яренскому, Чердынскому, Соликамскому и некоторым другим уездам. Хотя среди них преобладают фрагментарные отрывки из писцовых книг, но и при этом эти материалы представляют исключительную ценность, дают возможность проследить миграцию населения

по отдельным уездам или волостям, начиная с середины XVI в., составить динамические ряды интенсивности миграции в отдельные периоды почти трех столетий.

Текстуальный анализ этих источников позволяет выявить причины запустения дворов и судьбу их владельцев.

Гораздо обширнее фонд сохранившихся дозорных, писцовых и переписных книг по северным уездам за XVII век. За различные годы этого столетия они имеются по всем 23 уездам бывшего Русского Поморья, включая и Вологодский уезд. Более широко использованы они и в целях изучения движения северного населения в указанное столетие.

Наиболее полно в этом плане использовал писцовые и переписные книги Соликамского уезда Н. В. Устюгов. Изучая рабочую силу на соляных промыслах, он по переписной книге 1678—1679 гг. и по дозорной 1707—1708 гг. выявил годы прихода и места выхода приходцев в этот уезд с 1747 — по 1707 г.[1]. Отлив населения автор этой интересной монографии не изучал.

Привлекли эти источники для изучения движения населения и ряд других советских исследователей социально-экономической истории отдельных северных уездов[2].

В итоговых данных дозорных и писцовых книгах первой четверти XVII в. указано только количество пустых поселений и дворов. Конкретные сведения о времени и причинах запустения каждого двора, о судьбах дворовладельцев можно получить путем детального анализа текста всего источника.

Судя по этим источникам, преобладали те причины ухода людей, которые были вызваны событиями «смутного» времени начала XVII в. Так, по дозорной книге Тотемского у. 1619 г. около половины пустоты образовалось от того, что владельцев дворов «убили литовские люди», не мало обнищало «от хлебного недороду» в 1602 и 1603 гг. Эти причины преобладают в писцовых книгах многих северных уездов 20-х годов этого столетия.

Судьбы дворовладельцев и направление миграции преимущественно показываются в самых общих выражениях: «сшел безвестно», «сшел в мир», но и в этих источниках встречаются указания об уходе в сибирские города, в различные уезды Поморья и Центра страны. Иногда писец за-

---

[1] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.

[2] А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого. М., 1960; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Зап. Урала в XVI — нач. XVIII вв. М., 1956; Его же. К вопросу о миграции населения на Урале и в Зап. Сибири в XVII— нач. XVIII вв. — «Вопросы аграрной истории Урала и Зап. Сибири», Свердловск, 1966; А. И. Комиссаренко (неопубликованная диссертация), В. П. Червяков и другие.

писывал и судьбу членов семьи: «двор пуст Ивашки Иванова, Ивашку убили литовские люди в 121 году, а жена ево и дети бродят меж двор» [3].

Более подробные сведения о движении населения дают первые переписные книги (40-е г. XVII в.). В них учтено все взрослое и малолетнее (от 4 до 13 лет) мужское население не только тяглых дворов, но и других категорий (дворники, соседи, работные и разные группы наемных людей). Значительно полнее отражены и миграционные процессы и причины, определявшие все возраставшую подвижность населения под влиянием изменявшихся социально-экономических условий. Хотя и в несколько общих выражениях, но отражается влияние правительственной деятельности, государственного феодализма на жизнь черносошных крестьян Европейского Севера (усиление воеводской власти на местах, рост податей и повинностей и т. д.). Отсюда преобладание такой причины как обнищание «от навального письма» предыдущего описания, потеря тяглоспособности всей семьи, дворовой складнической организации после смерти главы двора, разорение от прожиточных «горлопанов и ябедников». Обычно указывается год ухода или бегства и судьба всех членов семьи: «Разбрелись в мир безвестно в 138 г., жен и детей не осталось», ... «сшел с женою безвестно в 150 г.»..., «сшел с сыном Исачком и с женою на Ветлугу в 153 г.»..., «сшел в Сибирь в 140 г.» [4].

В большинстве случаев указывается дата запустения, что позволяет выявить период наиболее интенсивной миграции населения. Так, в 1647 г. в Тотемском у. было 396 пустых дворов. Из них 57 дворов потеряли своих владельцев в 1621—1631 гг., 114 — в 1632—1641 гг. и 121 двор — в 1642—1645 гг. Особенно много разбежалось тяглого населения в 1645 г. «от хлебного недороду и немерного правежу». Большинство «сошли безвестно» за пределы уезда.

Преобладают указания на выбытие всех жильцов двора. Особенно часты примеры, когда после смерти главы семьи жена и дети, бросив тягло и двор, скитаются «меж дворы».

Слабая сторона этих источников в том, что они не отмечают выбытие людей из живущих дворов. А что миграция из тяглых семей сыновей, братьев и других родственников была, это бесспорный факт, признанный в нашей литературе. Почти совсем не отражены прибывшие в уезд люди. В итоговых данных и в переписных книгах указано только количество пустых дворов, а все остальные сведения необходимо выбирать по тексту.

---

[3] ЦГАДА, ф. 1209, К-479, л. 85.
[4] ЦГАДА, ф. 1209, К-15049, лл. 44—45, 49 об., 56, 118.

Нередко в переписных книгах находим сообщение, откуда и на какой срок порядились наемные люди. Так, за гостем Бахтеяром Булгаковым в дер. Федоровской в 1646 г. жили его «деловые люди Федорко да Ефимко Евсиевы с Мезени, Ивашко Юрьев, вондокур»... Во дворе крестьянина М. И. Титова живет «наемный работной человек Пашка Васильев Незнахин из Вотченской волости, нанят до сроку до Дмитриева дни Селунского 155 году»... «Во дворе Иева Кубасова живут наймиты Иван Микитин пинежанин и Генка Кокшар, наняты до Покрова 155 году» [5].

Миграция поморского населения в период с 1646 по 1679 г. отражена в писцовых и переписных книгах 70-х гг. По большинству северных уездов одновременно с описанием, нашедшим свое отражение в писцовых книгах, шла и перепись населения. В наказах переписчикам давались в сравнении с 1646 г. более четкие инструкции об учете всего мужского населения, наказывалось выяснить, когда и куда исчезли жители пустых дворов, откуда и когда переселились люди в новые дворы и населенные пункты.

Несмотря на общие для всех писцов указания, исполнители на местах нередко отступали от инструкции и «примерялись» к местным условиям и традициям писцового дела. Например, в книгах Яренского у. указан возраст всего мужского населения, а во многих книгах по другим уездам — только до 14 лет. Описания и перепись во времени совпадали, часто то и другое проводили одни и те же лица, но сведения о движении населения в писцовых и переписных книгах нередко не идентичны. Более подробные и полные данные по интересующему нас вопросу находятся в переписных книгах. Например, по переписной книге Тотемского у. учтено населения почти на 1000 чел. больше, чем по писцовой.

По Устюгу Великому начали описание в 1676 г., затем прервав его, провели в 1677—1678 гг. перепись писцы А. И. Лодыжинский и А. Ерофеев [6]. Они поступили несколько иначе, чем их тотемские и другие коллеги. В переписную книгу включили только наличное население, ни словом не оговорив о выбывших людях, о пустующих дворах. Все эти сведения по этому уезду мы находим не в переписной, а в писцовой книге. Зато Лодыжинский и Ерофеев в итогах о наличном населении дали более подробную возрастную градацию малолетнего мужского состава. Если обычно после указания числа дворовладельцев приводятся суммарные сведения о детях, братьях и других свойственниках, то здесь дополнительно малолетние разбиты еще и на

[5] ЦГАДА, ф. 1209. Кн. № 15049, л. 28 об., 35 об., 80 об.

[6] ЦГАДА, ф. 1209, описание см. в писцовых книгах №№ 511—516, переписная книга под № 15047.

три возрастных группы. По самому Устюгу всего взрослых разных категорий учтено 2439 душ м. п. и 1124 малолетних, из них: до 5 лет — 412 чел., 6—10-летних — 479 и в возрасте 11—14 лет — 233 чел. Это ценные данные для сопоставления с более поздними источниками о возрастном составе.

Анализируемые источники 70-х г. дают еще более богатые возможности для изучения миграции населения из уездов и ее причин. В них определеннее отмечаются места выбытия. Здесь уже значительно меньше общих указаний на «безвестное» выбытие. Сильнее прослеживается влияние на миграцию социально-экономических причин и влияние государственного феодализма. Но и по этим источникам мало сведений о пришлом населении. Такие сведения наиболее полно отложились лишь в книгах по Соликамскому, Чердынскому, частично Двинскому, Важскому и некоторым другим уездам.

Сведения писцовых и переписных книг о пришлом населении дополняют так называемые «крестоприводные книги», то-есть книги, содержащие перечни людей, приводившихся к присяге после вступления на престол нового царя. Больше такого рода источников за 1682 г., когда население приводилось к присяге Петру I [7].

Особое место занимают переписные и так называемые ландратские книги первой четверти XVIII в. [8]. Известно, что

---

[7] ЦГАДА, ф. 137, Городовая книга по Устьянским волостям № 3, по Пустозерску № 1, по Чердыни № 4, по Яренску № 2, по Соли Камской № 5 и др.

[8] Ценность этих источников и в том, что они сохранились почти по всем северным уездам (переписные книги 1705—1710 гг. — по 16 уездам, ландратские — по 15 уездам). Нам известны следующие:

1) В Архиве ЛОИИ: ф. 10, оп. 3, дела 1, 26, 27 — переписные книги Архангельска и Двинского у. 1710 г.; дела 7, 26, 117—переписные книги Мезенского и Кеврольского уездов 1709—1710 гг.; д. 2, 113 — Переписные книги Ваги с уездом 1710 г.; д. 20 — Переписная кн. Кольского у. 1710 г.; д. 365 — Переписная книга Пустозерского у. 1711 г.; д. 744 — Ландратская кн. Подвинской чети Важского у. 1717 г.; Там же, ф. К—115, д. 305 — Переписная книга Каргополя 1710 г.

2) ЦГАДА, ф. 350: дела 1, 2, 3 — Ландратская кн. Важского у. 1716 г.; д. 802 — Ландратская кн. Двинского у. 1716—1718 гг.; дела 553—559 — Ландратские кн. Вологодского у. 1717 г.; д. 4249—Ландратская кн. Соликамского у. 1715 г. (владения Строгановых); д. 4513 — Ландратская кн. Устьянских волостей (по описи в ЦГАДА числится как Ландратская кн. Тотемского у.); д. 4661-А — Сведения из Ландратских книг Вятских уездов; д. 4743 — Ландратская кн. Чарондской округи 1719 г.; д. 5694 — Ландратская кн. нескольких станов Устюжского у.; д. 6073—Переписная кн. Яренского у. 1710 г. (д. 6074—Переписная книга Яренского у. без начала и конца); д. 6075 — Переписная кн. Яренского у. 1707 г. (по описи ошибочно датирована 1719 годом); дела 1346 и 1348 — Переписная кн. Карго-

эти источники у историков, изучающих народонаселение страны, вызвали определенное недоверие. Этому способствовало то, что в свое время П. Н. Милюков, М. В. Клочков и другие исследователи народонаселения России конца XVII—нач. XVIII в. не критически использовали данные переписей петровского времени для определения количества населения в стране. Отсюда те сопоставления и выводы, которые вызвали обоснованные сомнения.

Безусловно, скептическое отношение к этим источникам имеет серьезные основания, особенно в тех случаях, когда они используются для выяснения количества всего населения Русского государства, для сопоставления их сведений о численности населения в начале XVIII в. с данными переписей населения в 70-х годах предыдущего столетия. Для этой цели эти документы явно не пригодны из-за огромного в то время уклонения населения от переписей, из-за стихийной и сознательной утайки жилых дворов от учета.

Правда, П. Н. Милюков пытался по переписи 1710 г. выяснить и некоторые вопросы миграции. Но из этого ничего не получилось в силу неверных исходных положений автора. Он проследил судьбу 19 376 убылых дворов, из которых по его подсчетам 29% запустело по естественным причинам («умерли в своих домах»), 20,4% — под влиянием правительственной деятельности, 37,2% — от побегов и т. д.[9]. Эти сведения собраны из итоговых данных переписных книг уездов различных районов страны, сюда, видимо, попали и уезды Поморья. Собственно миграционные процессы здесь отражены довольно скудно.

Другой дореволюционный исследователь, анализируя перепись 1710 г., также главное внимание обратил на выявление количественных показателей убыли дворов[10]. При этом автор неправомерно объединил в одно понятие, в одни показатели общие данные об убыли дворов в сравнении с 1678 г. с данными о действительно запустевших дворах. В

польского у. 1712 г.; д. 1347 — Ландратская кн. этого же уезда; д. 1847 — Ландратская кн. Мезенского у.; дела 4235—4236 — Ландратская кн. Сольвычегодского у. Там же, ф. 1209; К-1634— Переписная кн. Орловского, Котельничского, Слободского и Шестаковского уездов 1710 г.; К-1060 — Переписная кн. Орловского у. 1705—1706 г.; К-1082—1083 — Переписная кн. Сольвычегодского у. 1710 г.; К-1084—1085 — Ландратская кн. этого же уезда 1717 г.; К-1096—1098—Переписные кн. Вятского у. 1706—1710 гг.; К-1099—1100—Ландратская кн. Хлыновского у. 1707 г. Там же ф. Сибирского приказа; д. 1511 — Дозорная кн. Соликамского у. 1707—1708 г.; д. 1521 — Переписная кн. Чердынского у. 1710 г.; д. 1538 — Дозорная кн. Соликамского у. 1710 г.

[9] П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 205.

[10] М. В. Клочков. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1, СПБ., 1911, гл. III—IV.

действительности же переписные книги 1710 г. довольно четко выделяют пустоту, не смешивая это с показателями о всей убыли дворов. Приведем пример по Подвинской чети Важского у. По переписи 1678 г. учтено 2340 крестьянских и бобыльских дворов, в 1710 г. — 1122 двора. Общая убыль выразилась в 1218 дворов, но пустых оказалось всего 371 двор. О судьбе остальных убылых 847 дворов в переписной книге ничего не сказано. Переписчики не смогли выяснить их судьбу и ограничились лишь фиксацией факта убыли [11]. Определяя причины убыли населения, М. Клочков, выделив «народные бедствия» как одну из причин, не обнаруживает обострения классовой борьбы в северной деревне и в целом изменявшихся социально-экономических условий жизни. Он проследил судьбу 10 000 запустевших дворов. Группировка причин запустения взята по Милюкову. Оказался примерно тот же процент бежавших, умерших и мобилизованных от общего числа пустых дворов. Но М. Клочков дает удельный вес каждой группы выбывших из запустевших дворов и по отношению к итогу переписи 1678 г. По его подсчетам получилось, что после 70-х годов мигрировало около 10% населения [12].

Детальный источниковедческий анализ позволяет получить значительно большие сведения о миграции. Пожалуй, наиболее богатый материал дают дозорные книги 1707—1710 гг. по Соликамскому и Чердынскому уездам. Это убедительно показал Н. В. Устюгов, использовавший дозорную книгу по Соли Камской, особенно при изучении иммиграции в этот уезд.

Перепись Архангельска и Двинского у. проведена в 1710 г., результаты которой в подлинных и копийных переписных книгах хранятся в архиве ЛОИИ [13]. Даны общие итоги Емецкой, Волокопенежской и Окологородной четвертей (д. 26, лл. 769—771); по Низовской трети и в целом по всему уезду итогов нет. В сводных данных количество живущих дворов сравнивается с наличием их в 1678 г. Учтено все наличное мужское и женское население.

Указав количество убылых дворов, переписчики не приводят сводных данных об убылом населении и причинах выбытия. Все это можно выявить только в результате текстуального просмотра и выборок. В тексте указан возраст каждого жителя двора и что еще более интересно — указана и площадь земли, числящейся за двором в вервях, саженях и

---

[11] ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 744.
[12] М. Клочков. Указ. соч., стр. 254.
[13] Ф. 10, оп. 3, дела 1, 26, 27.

более мелких местных измерениях. Это идет еще от традиции писцовых описаний [14].

По Кеврольскому у., как указывалось выше, есть переписная книга 1709 г., скрепленная подписью порутчика Якова Гаврилова Селиверстова [15]. В начале идет перепись наличных живущих дворов, а с листа 52 — пустых. Учтено только мужское население. Перепись проводилась по старой еще инструкции. В 1710 г. проводится перепись Кеврольского и Мезенского уездов на новых общих основаниях полковником И. И. Перекрестовым. Сличение двух переписей по Кеврольскому уезду позволило сделать два интересных наблюдения. Во-первых, число и причины действительно запустевших дворов за время с 1678 года совпадают в обеих документах. А вот сведения о количестве живущих дворов резко расходятся (по учету 1709 г. дворов 895, людей 2691 душ м. п., в 1710 г. дворов 1351, людей — 3224 мужчин да 2489 женщин).

Приводим сопоставление двух переписей по станам и волостям:

Станы и волости	1709		1710	
	дворов	душ м. п.	дворов	душ м. п.
Кеврольский стан	251	694	323	1209
Марегорская волость	16	71	28	91
Веркола	25	95	53	192
Лавела	34	138	63	236
Сура и Сулецкие деревни	80	287	129	432
Нюхча	28	118	38	103
Выя и Кереские деревни	106	354	151	475
М. Пинежка	87	233	78	256
Пиринема	66	230	151	423
Чакола	87	229	132	399
Перема	85	187	140	351
Пилья Гора	30	72	65	189
Итого	895	2691	1351	3224

[14] «...во дв. Павел Патракиев — 70 лет. у. него жена Евгенья — 65 лет, сын Алексей — 40 лет, у него жена Настасья — 34 лет, сын Михайло — 6 лет. Земли 63 сажени. В том же дворе живет подсоседник Иван Аврамьев сын Распутин — 30 лет, хром, жена Соломонида — 25 лет, дочь Ефимья — трех лет. Земли 41 саж. две чети. А его, Иваново, избенко обветшало и пусто» (д. 26, лл. 1117—1117 об.). «двор пуст Трофима да Пантелея Козминых детей Лохова. Они живут на половье у Артемья Кирилова и писаны выше сего. Земли у них 29 саж. 2 чети». (д. 26, л. 18).

[15] ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 25.

Только в Пинежской волости количество дворов в 1710 г. показано меньше. Во всех остальных — увеличение в 1½—2 раза. Получается, что в 1709 г. укрылось от учета 456 дворов, или более 33% (в сравнении же с 1678 г. уменьшение выразилось в 233 двора, или на 20,4%). Безусловно, что и в 1710 г. не все дворы были учтены, хотя в целом в сравнении с 1678 по этому уезду значится прибыль в 77 дворов (6,7%), кстати, и по Мезенскому у. оказалась прибыль в 90 дворов (10,2%). Как известно, только эти два уезда всего Европейского Севера в 1710 г. дали прирост дворов, и вряд ли в силу тех причин, которые высказал Милюков.

Более дотошная деятельность переписчика Перекрестова и, видимо, вылившиеся наружу противоречия внутри крестьянских миров позволили выявить укрытие дворов от учета в 1709 г. Это тем более вероятно, что вряд ли укрытие от обложения делалось без согласия всего мира деревни или волости. В подтверждение этого предположения можно привести следующие сведения из переписных книг 1709 и 1710 годов по деревням волости Пилья Гора:

Деревни	Живущих дворов		Укрылось от учета	
	1709 г.	1710 г.	дворов	% %
Булаево	3	5	2	40,0
Лушевская	3	6	3	50,0
Великодворская	3	5	2	40,0
Ефремовская	2	6	4	66,6
Крылова Гора	4	9	5	55,5
Чертково	1	4	3	75,0
Новинка	4	9	5	55,5
Олексеевская	2	6	4	66,6
Вижево	5	8	3	37,5
Реполская	3	7	4	57,1
Итого	30	65	35	53,7

Укрытие 40—75% дворов по деревням этой волости не могло не вызвать противоречий, борьбы при раскладке налогов. И новый учет, так быстро последовавший за первым, обнаружил утайку. Можно предположить, что жилые дворы не только укрывались от учета, но и объявлялись пустыми. Особенно вызывает сомнение пустота таких дворов, жители которых разбрелись в год переписей, переселились в другие дворы. Это было временной и заранее обдуманной мерой. Укрупнение дворов подтверждается данными тех же двух переписей Кеврольского у.

В 1709 г. в среднем на учтенный двор приходилось 3 души м. п., а в 1710 г., после более детальной проверки, — 2,5 душ. Если считать, что увеличение мужского состава двора в 1709 г. произошло за счет фиктивных пустых дворов, то и в этом случае реальное количество пустых дворов уменьшается всего на 16%. В действительности же — еще меньше, так как число пустых дворов и по переписи следующего года осталось таким же.

Из всех просмотренных нами документов по переписи 1710 г. наиболее интересной является переписная книга Важского уезда 1709—1710 гг., особенно Шенкурской чети. Ее составители (бурмистры А. Едемский, Ф. Шилов, А. Тетеревлев) не просто дали срез жилых и пустых дворов на год учета, а и попытались выявить все изменения состава дворов после 1678 г.

Считаем необходимым привести следующий отрывок, хорошо поясняющий методику работы писцов.

«Дер. Даниловская и Рыбинская тож. Дв. Григорья Рыбина. Он Григорей умре, а ныне тем двором и тягла треть и полмалой трети обжи владеет по наследию сын ево Федор. У него дети: Харитон семнадцати лет, Михайло девяти лет, он Федор сорока дву лет. Дв. Ильи Савина. Он Илья умре, а ныне тем двором и тягла полтрети и пол-полмалой трети обжи владеет по крепости Василей Ларионов. Он Василей дватцати лет. Место дворовое пусто, что был двор Ивана, Лариона, Артемья Федоровых детей. Запустело то дворовое место и тягла полтрети и пол-полмалой трети обжи в 205 г., они умре, детей никого не осталось. Двор Лариона да Михаила Даниловых детей, Ларион умре, а Михайло скитаетца в мире. А ныне тем двором и тягла четь и малая треть обжи владеет по крепостям Леонтей Иванов. Он Леонтей сорока четырех лет» [16].

Бурмистры за основу взяли владельцев дворов по переписи 1678 г., проследили, кому и на каком праве двор и тягло переходили в период до 1710 г., указали владельцев на время учета в 1710 г. и возраст каждого из них. По этой книге хорошо выясняется причина и время запустения, но и этот источник не дает сведения о выбывших из жилых дворов.

Бурмистры других четей Важского у., подводя итоги по волостям и уездам, выделяют «прежние» (то есть числившиеся в книгах 1678 г.) и вновь поставленные дворы, пустые дворы старой и новой пустоты. Отмечая год смерти в «своих домах» и на работах в Азове, Архангельске, Петербурге, год бегства в Сибирь и другие места, писцы и по этим

[16] ЛОИИ, ф. К-115, д. 306, л. 83.

четям не отмечают ухода населения из живущих дворов и приходцев из других уездов.

Таким образом, дозорные и переписные книги 1705—1710 гг. являются ценными источниками для выявления отхода поморского населения из дворов, числившихся на время переписи пустыми. Исключение составляют источники по Соликамскому и некоторым другим уездам, в которых мы находим сведения о выбытии людей из живущих дворов, а также и о притоке населения извне.

Несколько подробнее остановимся на источниках так называемой Ландратской переписи.

Считая главной причиной «пустоты» укрывательство от переписей, правительство Петра I предпринимает новую попытку произвести поверку проведенного учета путем новой переписи. Осенью 1715 г. делаются соответствующие об этом распоряжения только что назначенным начальникам долей губерний — ландратам. Перепись в основном велась в 1716 и 1717 гг., но в ряде уездов страны, в т. ч. и на Севере, она продолжалась даже в 1719 г., когда ее результаты потеряли практическое значение, поскольку к этому времени уже оформилось решение начать подушную перепись, перейти к ревизскому учету [17].

Для изучения миграции населения ландратские переписные книги являются наиболее ценным источником. В них в итоговых данных по станам и волостям, а также в целом по уезду сравниваются сведения Ландратского учета с переписными книгами 1678 г., с результатами переписей в начале XVIII в.

Формуляр этих сводных данных в основном встречается в двух вариантах. В Ландратских книгах по Вологодскому, Важскому, Соликамскому, Каргопольскому, Яренскому, Мезенскому, Двинскому, Хлыновскому, Орловскому, Котельничскому уездам и Чарондской округе итоговые сведения даются в текстуальном изложении, без таблиц. Причем, сведения о выбывшем и переместившемся внутри уезда населении по этим уездам по своей полноте не одинаковы. Так, в книгах по Вологодскому, Каргопольскому, Яренскому, Мезенскому и Двинскому уездам сведения о том, куда выбыли люди, можно получить только путем тщательного анализа текста книги, в итогах их нет [18].

---

[17] Например, по Чаронде перепись в 1717—1718 гг. охватила только живущие дворы. Поэтому ландрат И. И. Ляпунов в 1719 г. переписал «пустоту» (ЦГАДА, ф. 350, д. 4743).

[18] «Двор пуст Василия Никифорова Окулова, а он Василий выслан в Санктпетербург в Адмиралтейство в работники в 1715 г. в генварский наряд, и в дом свой не бывал и сведения о нем нет. А жена ево Ирина Козьмина дочь сошла безвестно в 1716 г.». (Ландратская кн. по Каргополю, ф. 350, оп. 3, д. 1347, лл. 23—23 об.); «Двор пуст Семена Наумова Волкова, а он с женою Анной Дмитриевой дочерью в 1709 г. ум-

Выборка по тексту источника таких сведений — дело чрезвычайно трудоемкое, но награждает исследователя интереснейшим материалом. Приведенная выпись достаточно убедительно характеризует судьбу людей того времени, когда тяглый двор, вся семья распадалась под влиянием правительственной мобилизации. Таких примеров огромное количество по всем северным уездам.

В Ландратской книге Соликамского у. (владения Строгановых) все выбывшие в итогах разделены только на 4 группы: умершие, бежавшие, скитающиеся в мире и взятые в рекруты. Причем и эти сведения только за время с 1711 по 1715 гг. В тексте не сказано, куда люди бежали, но указывается год бегства.

По Чарондской округе книга Ландратской переписи 1717 г. нами не найдена. Имеется результат вторичной ландратской переписи, проведенной в 1719 г. ландратом И. И. Ляпуновым. Это было вызвано тем, что в 1717 г. не были учтены пустые дворы и причины их запустения. Ляпунов детально выяснил пустоту почему-то только с 1710 г. Но в итогах дает лишь общие сведения, не группируя выбывшее население по направлению миграции. Эти материалы опять-таки можно найти только в тексте источника. Здесь целые деревни в 4—6 дворов писаны пустыми, так как взрослые мужчины взяты в Азов, Таганрог, в Петербург и там умерли или домой не вернулись, а жены их «оскудали и с детьми бродят по миру» [19].

Из этой группы уездов наиболее подробные сведения о выбывшем населении мы получим в итогах книги по Подвинской чети Важского у. [20]. Видимо, таковы эти источники и по другим четям уезда, но нами они не найдены. Здесь «расход» населения не только из запустевших, но и из жилых дворов по переписям 1678 г. и 1710 г. Например, после переписи 1678 г. из жилых дворов померло 3499 чел., взято в солдаты 132, под Азов, Киев, Чигирин и в разные полки — 105 чел., в плотники: в Таганрог — 29, к Архангельску — 7, в Петербург — 7, в Воронеж — 1 чел., взято в работники в Петербург 71 чел., сошло в Сибирские города 708 чел., к Соли Камской — 162, в Устюжский у. — 12 чел.

ре, а дети их: Андрей в Санктпетербурге на государевой работе в 1716 г. в майском наряде умре, Иван выслан в Санктпетербург в работу в 1717 г. в сентябрьский наряд и в дом свой не бывал, а жена его Иванова Марфа Степановна дочь с дочерью своей Парасковьей сошли безвестно в том же 1717 г. (там же, лл. 27 об. — 28); «Двор пуст Тарха Григория Клыкова, а он Тарх умре на государевой работе на Олонецкой верфи в 1704 г., а дети ево Карп да Федор съехали в Сибирские города в 1706 г. От роду никого не осталось» (там же, л. 595 об.).

[19] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 4743, лл. 38 об., 39 об., 50, 54, 64; 73; 88 об.

[20] ЛОИИ ф. 10, оп. 3, д. 744.

и т. д. Затем подробно перечисляется выбывшее население из запустевших дворов, что запустели в период с 1678 по 1710 гг., а с 1710 по 1717 гг., годы выбытия даны только в тексте книги.

Второй вариант формуляра сводных итоговых данных встречается в ландратских книгах Устьянских волостей, Сольвычегодского, Великоустюжского и др. уездов. Здесь итоги переписи даны в форме таблиц, в которых отражены и миграционные процессы. Итоговые таблицы не во всех источниках абсолютно одинаковы. Видимо, каждый переписчик разработал ее сам. Но везде более подробно, чем в текстуальном изложении, даны сведения о наличном населении и движении за время с 1678 г.

Выбывшее население отражено в двух разделах таблиц. Первоначально даются сведения о выбывших «из жилых дворов, которые в нынешних переписных книгах написаны жилыми». Эти сведения даются по категориям населения (черносошные, монастырские, частновладельческие и т. д.) и затем показано общее количество выбывших. Эта последняя графа таблицы в Ландратской книге Устьянских волостей выглядит так.

Куда выбыли	Мужч.	Женщин
1. Померли в разных годах	1690	307
2. Взяты в солдаты и рекруты	178	—
3. Сошли в сибирские города	343	94
4. Сошли безвестно	231	60
5. Скитаются в мире	164	179
6. Тех же волостей на другие жеребьи перешли во крестьянство	108	116
7. В С.-Петербурге на работе умерли	70	—
8. В С.-Петербург на работу высланы	15	—
9. У сидательного строения померли	2	—
10. Сошли в Верховские города	15	1
11. Той же губернии в разные города и уезды	80	36
12. В монахи и вкладчики	6	—
Итого:	2902	793

Затем показываются итоги по выбывшим из пустых дворов. Приводим и эту часть таблицы.

Пустота и куда люди выбыли	Пустых дворов	Выбыло	
		муж.	жен.
Запустело дворов до 1710 г.	421		
Запустело с 1710 до 1717 г.	472		
Померло в разных годах		1362	23
Взято в солдаты и рекруты		95	—
Сошли в сибирские города		543	234
Сошли безвестно		252	184
Скитаются в мире		383	502
В той же волости на другие жеребьи		150	128
В С.-Петербург на работах умерли		95	—
В С.-Петербург высланы на работу		10	—
В С.-Петербург на вечное житье		12	8
Сошли в Верховские города		21	3
Сошли в города и уезды той же губернии		139	106
У сидательного строения померли		1	—
В монахи и вкладчики		12	8
Итого:		3067	1286[21]

По тексту книги можно нарисовать более подробную картину движения населения, выявить годы смерти и выбытия людей.

Как видим, ландратские книги дают возможность получить сведения не только о дворовладельцах, но и о всех членах жилых и пустых дворов. В этих же источниках, правда не во всех, есть сведения и о прибывших в уезд людях. Так, по тем же устьянским волостям «той губернии и с разных городов и уездов и вышеобъявленных волостей с других жеребьев скитались» 635 муж. и 883 жен.

* * *

Думается, что после даже такого краткого источниковедческого анализа достаточно убедительно очерчивается большое значение писцовых и переписных книг для изучения причин и направления миграции северного населения в XVI — нач. XVIII вв. Эти положительные качества характерны и для такого рода источников других районов страны. При всей трудоемкости работы с ними, они заслуживают большего внимания при изучении миграционных

[21] ЦГАДА, д. 350, оп. 3, д. 4513, лл. 677—680 об.

процессов, особенно все возрастающей подвижности населения, начиная с XVII в. Опровергается пущенное в свое время дворянско-буржуазной историографией обвинение в адрес русского крестьянства в его якобы извечном стремлении к бродяжничеству. Отсюда и закрепощение крестьян вроде бы было объективной необходимостью...

Наши источники, как свидетели лет минувших, показывают, что именно закрепощение, усиление феодального гнета, развитие товарно-денежных отношений, зарождение элементов буржуазных отношений — именно все это привело к нарушению стабильности населения по месту жительства.

О. В. Овсянников

ХОЛМОГОРСКИЙ И АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПОСАДЫ ПО ПИСЦОВЫМ И ПЕРЕПИСНЫМ КНИГАМ XVII в.

Последние писцовые книги Двинской земли были составлены в 130—132 (1622—1624) гг. Мироном Андреевичем Вельяминовым и подъячими Баженом Степановым и Антоном Подольским [1]. Они включали описания не только городовых укреплений, улиц, дворов, лавок, но и количество тяглой земли, т. е. были основой системы поземельного обложения — сошного письма.

В 1646—1648 гг. поземельное обложение заменяется подворным, составляются книги, являющиеся по существу подворной переписью и получившие названия переписных книг. Такие переписи были произведены в 154—155 (1646—1647 гг.) Иваном Ивановичем Философовым и подъячим Кузьмой Патрикеевым [2] и в 186 (1678) г. Афанасием Денисовичем Фонвисиным и подъячим Федором Замятниным [3].

Переписные книги, как и писцовые, содержат описания дворов, имена и фамилии их владельцев, но о занятиях, о профессии владельца двора дают более скудные сведения. К сожалению, эти ценные памятники социально-экономической истории Двинской области XVII в. не являлись предметом специального рассмотрения. В настоящей работе затрагиваются только вопросы, связанные с посадами, история Архангельского и Холмогорского «городов», т. е. крепостей — это большая самостоятельная тема.

Перечисленные нами документы являются ценнейшим источником по изучению средневекового города на Севере (XIV—XVII вв.).

Динамика развития северного поселения, экономические предпосылки образования поселений городского типа,

[1] ЦГАДА, Поместный Приказ, ф. 1209, кн. 9.
[2] ЦГАДА, Боярские и городовые книги, ф. 137, кн. 1.
[3] ЦГАДА. Поместный Приказ, ф. 1209, кн. 15051.

черты бытового уклада посада-города — вот лишь некоторые стороны этой проблемы [4].

В свое время М. Богословский высказался о северных посадах вполне определенно: «На севере трудно провести границу между посадским и сельским населением, узнать, где кончилось одно и началось другое. Поморский город как бы растворился в окружающей его однородной среде...», и еще: «...на севере город и уезд однородные по составу населения представляли из себя единое целое в социальном, административном и хозяйственном отношениях» [5].

Признавая специфику северных посадов, их социальную близость к «уездному», т. е. сельскому населению, нельзя ставить знак равенства между экономикой села и посада. Подчеркивая ведущую экономическую роль северных посадов, Е. Э. Бломквист отмечала, что на севере посад означал по существу поселения городского типа, «торговый город без кремля» [6]. Однако следует сразу же внести ряд замечаний. Не всякий северный посад можно назвать поселением городского типа (например, Усть-Яренга, Уна, Луда, Ненокса, Турчасов и др.).

Северный посад, имеющий укрепления, не переставал быть посадом, т. к. термин «город» относился в средневековой Руси исключительно к укреплению, а не ко всему посаду в целом. Термин «город» в понимании того времени означал лишь крепость, причем численность населения не играла при этом никакой роли. На Севере посады не имели собственных оборонительных линий, роль крепостей играл острог или город, поставленный на территории посада или около него. Таким образом, речь о северном городе может идти только в том случае, если посад обладает определенным уровнем торговли и ремесленного производства. Характерной чертой русского Севера является то, что процесс формирования городской культуры и экономики растянулся на этой территории на несколько столетий.

Хозяйственная специфика русского Севера определяется отчетливо к XIV—XV вв. Основная особенность этого района, отмеченная исследователями, заключается в разви-

---

[4] В ряде работ автор касался этой темы. См. О. В. Овсянников. Некоторые проблемы изучения средневекового города в Русском Поморье. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции в г. Архангельске «Памятники культуры Русского Севера». М., 1966, стр. 65—67; его же. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере. «Культура и искусство древней Руси», сборник в честь проф. М. К. Каргера. Л., 1967, стр. 164—173.

[5] М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке, т. 1, 1909, стр. 126.

[6] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов. Восточнославянский этнографический сборник. Тр. ИЭ, н. с. т. XXXI, 1956, стр. 36.

тости межобластного обмена при слабом внутриобластном обмене, причем в межобластных рыночных связях Двинская земля выступает как сложившийся промысловый район [7].

Рассмотрение экономических связей в более позднее время, в XVI—XVII вв. показывает, что эта особенность не только сохраняется, но и углубляется. Дальнейшая специализация Двинской земли как промыслового района шла по пути развития промыслов. Анализ рыночных связей Холмогор в XVII в. с рынками Сольвычегодска, Тотьмы, Великого Устюга по таможенным книгам дает наглядное представление о характере товаров, вывозимых из Холмогор. В первую очередь, это продукты промыслов — рыба (семга, палтус, треска, сало тресковое), ворвань, соль, клыки моржовые и т. д., обратно на холмогорский рынок везут хлеб, муку, крупу, толокно, горох.

Экономическая специфика Двинской земли как промыслового района не могла не сказаться на развитии ремесла. Слабая плотность населения, в связи с этим узость внутреннего рынка, характер рыночных связей, — все это тормозило развитие ремесла, замедляло процесс его отделения от промыслов и сельского хозяйства. Очень важно установить период, когда крупнейшие северные посады перерастают в поселения городского типа, становятся торгово-ремесленными центрами. Некоторые исследователи считают, что уже в первой половине XVI в. поморские посады — Каргополь, Турчасов, Шенкурск, Холмогоры, Вельск, Пустозерск, а в конце XVI в. Пинегу и Мезень «можно назвать городом в научном смысле этого слова» [8]. Подобная точка зрения очень слабо аргументирована. Вряд ли даже в конце XVII в. такие посады, как Вельск, Мезень, Пинегу, можно назвать городом.

Различны исторические судьбы двух крупнейших центров Нижнего Подвинья — Холмогор и Архангельска. Еще С. Ф. Платонов пытался связать Иван-погост, упоминаемый в Уставе новгородского князя Святослава (1137 г.) с названием более позднего холмогорского посада—Ивановского [9]. в списке Двинских земель 1471 г. в низовье Двины упоминается Падрин погост [10]. В XVI в. царская грамота называет на Колмогорах Ивановский и Никольский приходы: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич пожаловал колмогорцев Ивановского и Никольского приходу...» [11].

---

[7] Л. А. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XVI вв. М., 1955, стр. 290.

[8] А. А. Зимин. Состав русских городов XVI в. Исторические записки. 195 № 52, стр. 337—345.

[9] С. Ф. Платонов, А. Н. Андреев. Новгородская колонизация Севера. Сб. «Очерки по истории колонизации Севера», 1922, стр. 26.

[10] ААЭ, т. 1, № 94, стр. 73—75.

[11] ААЭ, т. 1 № 250.

Любопытно отметить одну деталь: царь «жалует» колмогорцев Ивановского и Никольского «приходу», а не посадов; это, на наш взгляд, фиксирует определенную ступень развития холмогорских поселений. Царские грамоты XVI—XVII вв. адресуются: «...на Двину, воеводе нашему», или «...на Колмогоры, воеводе нашему»...[12], что придает понятию «Колмогоры» оттенок определенной географической местности. Это подтверждает еще один документ — жалованная грамота царя Алексея Михайловича Сийскому монастырю 1644 г.: «...Возити от Архангельского города на Холмогорье»[13]. Характерно, что в XVI в. и на протяжении всего XVII в., наряду с общим понятием «колмогорец», часто встречается и уточняющее определение: «колмогорец с Нижнего посаду», «колмогорец Глинского посаду» и т. п. Вместе с тем достаточно было сказать, что человек с «Курцова» или «з Глинок», чтобы определить его как «колмогорца».

Перепись 1622—1624 гг. Мирона Вельяминова фиксирует следующий состав холмогорских поселений: посад Курцов, Глинский посад, посад Верхняя половина, Посад Нижняя половина в Никольском конце, Западракурье (не названо посадом)[14]. В последующих переписях 1646 — 1647 гг. и 1678 г. перечисляются лишь следующие холмогорские посады: Курцов, Глинский, Верхняя Половина, Нижняя Половина. Несмотря на то, что термин «курополец» довольно часто встречается в документах XVI—XVII вв., переписные и писцовые книги не фиксируют куропольского посада.

Таким образом, образование группы холмогорских посадов произошло путем слияния нескольких поселений в процессе дальнейшего развития мелкотоварного ремесла и торгового оборота, в процессе превращения Холмогор в крупнейший обменный рынок Нижнего Подвинья.

Совсем иным путем возник и развивался Архангельский посад, образование которого было санкционировано царской грамотой. Образованный в 1587 г., посад получил 12 льготных лет и первые платежи с него поступили в государеву казну лишь в 1592 г. Значительная часть посадских семей (В. Крестинин называет цифру 96), составлявших в 1596 г. Архангельский посад, в 1606 г. разбегается перед переписью двинского воеводы[15].

---

[12] ААЭ, т. 1, №№ 318, стр. 380; 338 стр. 408; 364 стр. 448 и др.

[13] Макарий, епископ. Исторические данные о Сийском монастыре. ЧОИДР М., 1878, кн. III, стр. 51.

[14] ЦГАДА, писцовая книга 1622—1624 гг., л. 49, 63, 103 об., 124 об.

[15] В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Василием Крестининым. СПб., 1792, стр. 97.

Одним из важнейших критериев характеристики посада является численность населения, составлявшего его, социальный состав. Приведем некоторые данные о численности холмогорских и архангельских посадов в XVII в.

Посады	1622—1624		1646—1646		1678	
	посадских тяглых	всего насел.	посадских тяглых	всего насел.	посадских тяглых	всего насел.
Архангельск	170	447	127	218	361	465
Холмогоры	657	720	894	1203	1808	2182

Составленная нами таблица дает возможность исследовать представленное соотношение численности как посадского тяглого населения в двух центрах Подвинья, так и соотношение общего количества населения (считая церковных лиц, администрацию, иноземцев). Необходимо указать на то, что писцовые и переписные книги указывают лишь число мужского населения (за исключением вдовьих дворов). Значит, общее число жителей было гораздо больше.

Таким образом, первые три четверти XVII в. проходят в Подвинье при доминирующем превосходстве холмогорских посадов. В дополнение таблицы приведем еще несколько данных о численности Холмогор в XVII в. В 1675 г. «на Колмогорах» насчитывалось посадских дворов 645, людей в них 1931 человек [16]. В 1688 г. было 584 тяглых посадских двора, не считая церковных дворов, а также дворов служилых людей и приказных [17]. Хотя в Архангельске к началу третьей четверти XVII в. наблюдается рост посадского населения, но прирост на холмогорских посадах значительно выше. Нужды Архангельского посада, кстати, довольно малочисленного в 1622—1624 гг., обслуживало небольшое число ремесленников — бочары, сапожники и харчевники. Потребности посадского населения в бытовых вещах и судоходства во время навигации, вероятно, полностью удовлетворяли 19 кузниц, располагавшихся за посадскими дворами [18].

Любопытен состав архангельских кузнецов. Среди них 3 кузницы, принадлежащие стрельцам, 2 кузницы — пуш-

[16] ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 134, стр. 396.

[17] Н. Е. Носов. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.). Вспомогательные исторические дисциплины. В. 1, Л., 1968, стр. 243.

[18] Писцовая книга 1622—1624 гг., лл. 45 об., 46, 47.

карям, 3 кузницы — «жильцам Архангельского города», одна кузница ухтостровца и одна кузница «Архангелського города Спассково попа». Характерно, что ни одна из кузниц не принадлежит посадским тяглым людям. Писец фиксирует увеличение числа кузниц (на 4) по сравнению с прежним «письмом». Кроме того, стрельцам принадлежали две ветряные мельницы, стоящие «выше стрелецкие слободы на реке ... Двине» [19]. Особо следует отметить двух архангельских лоцманов — «корабельных вожов» — Ивана Семенова сына Ильина и Завьяла Кобрева [20].

На Архангельском посаде книга фиксирует 70 лавок, в том числе 8 лавок лутчих, 29 середних, 33 молодчих [21]. Кроме того, у гостиных дворов располагалось 100 лавочных полочных мест, 8 мест харчевых, 3 места бочарных, два места сапожних мастеров, да 19 мест полочных — харчевних, бочарных, сапожных «в корабельную пристань», т. е. действующих лишь во время навигации. Лавки принадлежат «жильцам» Архангельского города, служилым людям (стрельцам и пушкарям), а также холмогорцам. По одной лавке владеют устюжанин и крестьянин Андренова стану деревни Паниловской. Среди владельцев лавок «холмогорец бочарник».

Таким образом, в первые полстолетия своего существования экономика Архангельского посада оставалась недостаточно развитой. Люди, занимающиеся ремеслом, в основном, не посадские, а служилые — стрельцы, пушкари, а также жители ближайших деревень. В мелкой лавочной торговле значительную роль играют также холмогорцы, уездные люди, стрельцы. Архангельск не превратился в крупный торгово-ремесленный центр нижнего Подвинья, не стал центром внутренней двинской торговли. Центр этот находился южнее морского побережья, на Холмогорах.

На Глинском посаде, являвшимся основным местом торговли, на Гостином берегу, в Новом и Зимнем торговых рядах располагались 213 лавок (64 лутчих, 10 середних, 139 молотчих), 19 чуланов и 43 лавочных места [22]. Кроме того, на Глинском посаде стояло «больших и середних и меньших анбаров 46 да чюланишко да пристенок» и монастырские безоброчные — 6 анбаров Троице-Сергиева и 4 анбара Сийского монастыря [23]. На посаде Нижняя половина располагался второй торговый «район», но гораздо меньше Глинского — 102 лавки (8 лутчих, 37 середних, 57 молотчих) [24].

[19] Писцовая книга 1622—1624 гг., лл. 47, 47 об.
[20] Там же, л. 14 об.
[21] Там же, л. 44 об.
[22] Там же, лл. 91 об., 92, 92 об.
[23] Там же, лл. 98, 98 об.
[24] Кроме того, 1 лавка стояла пустой и 1 лавочное место незанято, л. 140.

В Нижней же половине находились «анбары, поставленные для осадного времени» — 26 анбаров [25].

Таким образом, торговые ряды в Холмогорах в первой четверти XVII в. насчитывали 316 лавок, 43 лавочных места, 72 амбара, 20 чуланов и один пристенок, что довольно наглядно иллюстрирует торговый оборот внутреннего холмогорского рынка.

Небезынтересен и такой вопрос, как состав владельцев лавок. Большинство лавок принадлежало холмогорцам—219 из 316. Кроме того, одна лавка принадлежала «жильцу Архангельского городу», 14 лавок крестьянам Загорского стана, 3 лавки матигорцам, 6 лавок вологжанам, 2 лавки московскому гостю Даниле Афанасьеву сыну Юдину и 2 лавки английским торговым людям. Из оставшихся 79 лавок несколько принадлежало церковнослужителям, но основное число являлось собственностью холмогорских церквей и монастырей. Но церкви и монастыри извлекали пользу и из тех лавок, амбаров и чуланов, которые им не принадлежали, но стояли на церковной земле.

Сдачу земли в аренду под лавки широко практиковали церкви и монастыри. В приходо-расходных книгах Спасского церковного приказчика на Холмогорах за 1624—1625 гг. помечены доходы за сдаваемые в аренду лавки и полавочные места [26].

В 1699 г. Пертоминский монастырь имел у «Архангельского города» монастырский двор, около которого «...есть... числом 28 лавченок и чюланишков небольших ... отдаюца торговым людем из самого малого оброку» [27]. Пертоминские «лавченки» не пользовались особым спросом, так как наверху лавок и чуланов располагались жилые помещения, которые также сдавались в наем, и торговые люди, оберегая свои товары, боялись пожаров.

Землю под лавки сдавали в аренду и посадские люди. Особо следует отметить Ивана Кобелева — на его земле стояло 25 лавок, 2 анбара, 1 анбарец и 1 чулан, принадлежавшие как посадским, так и торговым людям [28].

Переписная книга перечисляет довольно многочисленный отряд холмогорских ремесленников самых различных специальностей. На первом месте среди холмогорского ремесла стоит обработка металла. Это традиционное для Нижнего Подвинья ремесло уже с XVI века обслуживало потреб-

---

[25] Там же, лл. 141 об, 142, 142 об.

[26] РИБ, т. XX, ч. I, СПб., 1890, стр. 61—63.

[27] А. Приклонский. Пертоминский архив. Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого об-ва краеведения. Материалы, вып. XV, Соловки, 1927.

[28] Писцовая книга 1622—1624 гг., лл. 79 об., 80, 80 об., 81, 81 об., 85, 85 об., 86, 97, 97 об.

ности судоходства, северных промыслов и бытовые нужды посадского и уездного населения.

Довольно многочисленным был отряд холмогорских кузнецов: «в новом остроге» была одна кузница, 32 кузницы находились на Глинском посаде в разных местах [29], 15 кузниц располагались в Никольском конце [30], 12 кузниц на посаде Нижняя половина, 3 кузницы за Падракурьею [31]. Таким образом, в первой четверти XVII в. на Холмогорах было 63 кузницы, из которых холмогорцам принадлежало 53, пять матигорцам, 2 Соловецкому монастырю, 3 уездным людям.

Значительная группа специальных людей снабжала посад продуктами питания, обувью, одеждой. На Глинском посаде находились все 9 харчевен. Особый интерес заслуживают ремесленники, связанные с обработкой кости. Занятость большого контингента людей в так называемой «сфере обслуживания», узкая специализация ремесленников являются типичными чертами поселения городского типа в XVI—XVII вв.

Изучение состава ремесленников по книгам 1622—1624, 1646—1647 и 1678 г. (табл. I—II) позволяет считать, что концентрация ремесленников холмогорских посадов была несравненно выше, чем в Архангельске. Холмогоры выступают как крупнейший центр ремесленного производства в нижнем Подвинье. Холмогоры явились также и крупным торговым центром как в местной внутриобластной торговле, так и в рыночных связях с другими центрами Русского государства.

Архангельск значительно уступал холмогорским посадам в ремесленном производстве, был ориентирован, главным образом, на заграничную торговлю. Его значение в товарообороте внутри Двинской области было невелико. Это отчетливо прослеживается по данным таможенных книг XVII в. Основную массу торговых операций как на близлежащих рынках (Великий Устюг, Сольвычегодск, Вологда), так и на весьма отдаленных (Москва, Сибирь) ведут, как правило, холмогорцы. На холмогорский рынок поступает транспорт с хлебом, горохом, толокном, крупой из понизовских земель, Сольвычегодского и Вятского уездов [32].

В связи с изучением ремесленников на северных посадах представляет интерес еще один документ. Это «Список строельной книги Архангельска и Колмогорских посадов

---

[29] Писцовая книга 1622—1624 гг., лл. 93 об., 94.
[30] Там же, лл. 98 об., 99, 99 об., 100, 100 об, 101.
[31] Там же, лл. 101 об, 102, 102 об.
[32] И. С. Марков. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в. Исторические записки, № 1, 1937, стр. 204—205.

при окольничем и воеводе при князе Василье Григорьевиче Ромодановском да при дьяке Григорее Углеве», составленный в 1649—1650 гг.[33]. «Строельная книга» к строительству никакого отношения не имеет, это — «устроительная» книга, ее цель — регулировка посадских податей. Несмотря на фрагментарный характер сведений о занятиях посадского населения (т. к. упомянуты только те посадские люди, которые были вновь записаны в тягло), документ является существенным добавлением к переписной книге 1646—1647 гг. (Табл. III).

Особенно ценные сведения Строельная книга дает по Архангельскому посаду, тем более что, книги 1622—1624 гг. и 1646—1647 гг. дают весьма ограниченное число ремесленных специальностей. Всего книга фиксирует 9 различных занятий архангельских посадских людей. Прежде всего, это специфическое занятие для жителей морского порта — «корабельный вожа» — Ивашка Данилов[34]. Кроме того, серебряники, сапожники, харчевники, колачник, мясник, скорняк, шерстобой. Всего Книга упоминает 13 посадских человек. Любопытно, что 7 из них — стрельцы (причем 1 стрелец колмогорский). Характерно и то, что даже в середине XVII в. в Архангельске находились торговые ряды с лавками, чуланами и подчуланами, в которых сидят только «в корабельную пристань приезжие ремесленные люди»[35].

На холмогорских посадах перечислены в основном уже знакомые нам ремесленные специальности. Хочется отметить такую ремесленную специальность как переписчика книг — Ивашко Яковлев «ремесленой пишет книг»[36]. В Строельной книге упоминаются еще две категории занятий, которые почти не встречаются ни в писцовой книге 1622—1624 гг., ни в переписных книгах 1646—1647 гг. и 1678 г. — «промышленные люди»[37] и «работные»[38]. Промышленные люди *трактуются* весьма широко — один из них «промышляет морским промыслом», три промышляют торговлей, один «подводами», об остальных ничего не сказано. Наконец, категория «работных» людей. Их всего 10 человек и живут они на холмогорских посадах. Важно отметить то, что эти люди не относятся к тем «наймитам» или «работным»,

---

[33] Архив ЛОИИ АН СССР. Рукописи Археографической комиссии, ф. 11, ед. хр. 122.

[34] Архив ЛОИИ АН СССР. Рукописи Археологической комиссии, ф. 11, ед. хр. 122, л. 15.

[35] Строельная книга, л. 40 об.

[36] Там же, л. 80 об.

[37] Там же, лл. 15, 114 об., 122 об., 129, 132.

[38] Там же, лл. 114 об,. 121, 130, 131 об., 138, 147, 176 об., 177, 198. Только в переписной книге за 1678 год упоминаются три человека, которые живут в работниках, причем одному из них 6 лет, лл. 36 и 36 об.

которые ходят по посадам и промыслам и нанимаются на поденную работу.

Работные люди, записанные в Строельной книге, живут на посаде и несут посадское тягло и обслуживают нужды своего посада. Имущественная дифференциация двинского крестьянства, начавшаяся в XVI в.[39], имущественное расслоение посадского населения привело к появлению на Русском Севере значительного контингента свободной рабочей силы — «работных людей». Не случайно, во второй половине XVII в. во время строительства архангельских гостиных дворов число поденных работных людей на день, выполняющих «всякую работу», достигало 200—400 человек[40].

В связи с этим небезынтересно отметить и некоторые черты в экономике северного посада. В ремесленной специализации нижнедвинских посадов кузнечное ремесло, обработка черного металла являлась определяющим и важнейшим видом ремесленного производства, тесно связанным с потребностью судоходства и промыслов. На протяжении всего XVII в. значительная доля продукции холмогорских кузнецов идет на крупнейший рынок Поморья — в Устюг. В 1678 г. дети Москвина «явили» на Устюге 150 топоров железных[41]. В 1665—1666 гг. холмогорские железные сапожные скобы и гвозди идут в Соль Камскую, Вятку, в Сибирь. Гвозди различных сортов—четвертные, двоевершные, троевершные вывозятся в Устюг. В 1678 г. дети Москвина отвезли в Устюг 7 пудов гвоздья и скоб[42], в 1679 г. Иван Гусевых явил 100 гвоздья четвертного, 2000 гвоздья двоевершного, 6400 гвоздья троевершного, 150 сапожных скоб мужских[43]. Нередко холмогорцы сами везут товары в далекую Сибирь.

В организации кузнечного производства на Холмогорах уже в первой четверти XVII в. следует отметить такое явление, как концентрацию в руках одного владельца нескольких кузниц. Так, Антон и Иван Поликарповы владели тремя кузницами, Панфилка Поликарпов имел две кузницы. Вообще, матигорцы Поликарповы (Онтошка, Ивашка, Панфилка, Титок, вдова Ульяна) владели 7 кузницами в разных холмогорских посадах. Двумя кузницами владел крестьянин Загорского стана д. Стуколовской Андрей Самочернов.

Нередко у владельцев кузницы находились в разных местах — одна на Глинском посаде, другая в Нижней половине или в Западракурье: у Васьки Иванова Щербинина

---

[39] Н. Е. Носов, указ., соч., стр. 235—240 и др.
[40] ДАИ т. VI, Сиб., 1859, стр. 137—138.
[41] Таможенные книги. Московского государства XVII в., т. III, стр. 165, 270. М., 1951.
[42] Там же, стр. 165.
[43] Там же, стр. 165, 270.

(2 кузницы), Федьки Батманова (2 кузницы и еще одна совместно с братом Лучком), Климки Григорьева Востроносова (2 кузницы), Онцифора Иванова Шубина (3 кузницы). В данных случаях использование в кузнечном производстве дополнительной рабочей силы в виде работников можно считать не только возможным, но и обязательным.

Использование наемного труда в посадском ремесленном производстве отражает процесс дальнейшего развития мелкотоварного производства, усиление социального расслоения посадского населения на Севере. Наемный труд применялся, по всей видимости, и в кузнице, принадлежащей Соловецкому монастырю. Свою продукцию холмогорские кузнецы сбывали в принадлежащих им лавках (лавками владели Федор Алексеев, Михаил Кереленикова [44], Иван Колачников, Артемий Филимонов Карамзин [45] и др.) или отправляли свой товар на другие рынки со скупщиками и «попутчиками». К сожалению, в документах не всегда представляется возможным установить, когда кузница принадлежала кузнецам, т. е. мастер, если и имел работников, то в производстве участвовал сам, а когда кузницей владели торговые люди. Однако для первой четверти XVII в. есть данные предполагать, что кузницами владеют кузнецы (кроме, разумеется, церковных кузниц).

При подсчете кузнецов в Архангельске и Холмогорах в 1622—1624 гг. мы указали цифру, равную числу кузниц. При этом учитывалось, что число владельцев значительно меньше. Однако число людей, занятых в них, не могло быть меньше числа кузниц, поэтому цифры 19 и 63 были взяты нами как минимальные.

Годы строительства в Архангельске каменных гостиных дворов явились настоящей «страдой» для северных кузнецов. Для строительства изготовлялись ломы, клинья, кирки, лопаты, заступы, связи для стен, решетки, дверной «снаряд», детали подъемных и транспортных механизмов и т. д. — все это не десятками, а сотнями штук. Учет готовой продукции велся уже не путем подсчета изделий, а на вес — на пуды. Даже единичные примеры дают наглядное представление об объеме выполняемых кузнечных работ. Достаточно сказать, что в 1668 г. артель кузнеца Сеньки Поздеева сделала «снастей» на 325 пудов 12 фунтов, в 1669 г. кузнецы «Якушка Микулин да Алешка Верещагин» выковали на 256 пудов 16 фунтов с полфунтом, а в 1670 г. Ивашка Востроносов «с товарищи» на 399 пудов 8 фунтов [46].

---

[44] СГКЭ, т. 1, № 399, стр. 397.

[45] Там же, № 563, стр. 703; Писцовая книга 1622—1624 гг., лл. 140 об., 141.

[46] ДАИ, т. VI, стр. 121.

В 1694 г. в связи с постройкой в Архангельске корабля, который к «морскому ходу годен», снова собирают разных мастеровых людей, в том числе и кузнецов — «и для кузнечной работы кузнецов велено давать в подмочку двинян людей добрых сколько человек понадобица» [47].

Именно в кузнечном производстве следует отметить такие характерные черты, как использование квалифицированной наемной рабочей силы и концентрацию средств производства. Внутри такого укрупненного кузнечного производства, сосредоточенного в одних руках, а также внутри кузнечных артелей можно предполагать наличие целого ряда элементов мануфактурного производства. Зачастую под специальностью «кузнеца» в писцовых и переписных книгах скрываются более узкие специальности — ножевики, сабельники, замочники и т. д. В то же время не следует забывать, что кузнецы могли исполнять широкий круг поковочных и слесарных работ (например, висячие или внутренние замки, а также ружейные замки).

Рассмотренные нами документы относятся к XVII в. — наиболее яркому и насыщенному событиями периоду истории Русского Севера. Оформление местных рынков, расширение рыночных связей, превращение крупнейших северных посадов в торгово-ремесленные центры, являющиеся по-существу городскими центрами, составляет отличительную черту этого периода. Для экономики северных поселений городского типа характерно наличие широкого круга ремесленных специальностей, а в определенных случаях и узкая ремесленная специализация.

Рост имущественного неравенства среди посадского населения приводит к появлению как укрупненного ремесленного производства, так и целой категории наемной рабочей силы — «работные», причем нередко это наемные ремесленники. Однако следует отметить, что ремесленник, изготовляющий и сам продающий свои изделия в лавке или вывозящий их на другие рынки, остается центральной фигурой на посаде (еще слаба роль посредника между производителем и рынком).

Различны исторические судьбы двух крупнейших центров Двинской земли — Архангельска и Холмогор. Городовые книги XVII в., к тому же очень немногочисленные, дают ценный материал по северным городам, позволяющий обрисовать общую картину развития этих центров. Несомненно, более детальная разработка вопросов зарождения и развития северных городских центров требует использования совокупности всех категорий письменных источников.

---

[47] Материалы по истории Архангельска. ИАОИРС, 1911, № 16,

Таблица 1

Ремесленные люди холмогорских посадов по писцовой книге 1622—1624 гг.

Специальность	Молотчие	Середние	Лутчие	Всего
прасол	3			
рыбник	3			
мясник	11			
колачник	9			
хлебник	1			
пивовар	1			32
винокур	2			
зеленщик	1			
кисельник	1			
сапожник	18	1		
кожевник	5	1		
поршенник	1			
чупрунник	1			30
скорняк	1			
шерстобой	2			
портной мастер	8			
шапошник	5			
шелковник	1			16
красильник	2			
плотник	11			11
оконничник	5			
обручник	1			
серебряник	3			
кузнец	62			
оловяннишник	1			
сережник	1			74
гребенщик	2			
четник	7			
костяник	1			11
пуговичник	1			
иконник	1			1
свечник	6			
коновал	2			
веревочник	1			
медведник	1			13
извозчик	1			
дровосек	2			
Всего	184 (к моменту письма 2 ремесленника умерли).			

Таблица 2

Занятия посадских людей по переписной книге 1646—1647 гг.

Архангельск		Холмогоры	
Специальность	Кол-во	Специальность	Кол-во
оконничник	1	прасол	
серебряник	1	рыбный прасол	5
		мясник	5
		сапожник	1
		кожевник	5
		портной швей	3
		плотник	4
		мостовщик	1
		оконничник	2
		серебряник	2
		кузнец	12
		гребенщик	5
		четочник	3
		перевозчик	1

Занятия посадских людей по переписной книге 1678 года

оконничник	1	хлебник	1
кузнец	3	шапошник	2
кожевник	1	скорняк	1
		оконничник	2
		сапожник	1
		кузнец	2
		серебряник	4
		гребенщик	1
		иконник	1

Таблица 3

Занятия посадских людей по строельной книге 1649—1650 гг.

Специальность	Архангельский посад	Холмогорский посад
кузнец		5
серебряник	3	1
сапожник	2	2
свечник		1
плотник		1
кожевенник		1
скорняк	1	
шерстобой	1	

Специальность	Архангельский посад	Холмогорский посад
шапошник		1
портной		2
равдужник		1
медведник		1
колачник	1	
мясник	1	
хлебник		1
харчевник	2	
прасол		1
иконник		1
писец-книжник		1
корабельный вожа	1	
промышленные люди	1	8
работные люди		10
ВСЕГО	13	39

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты Археографической экспедиции Академии наук.
Архив ЛОИИ	— Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук.
ДАИ	— Дополнение к Актам историческим.
ИАОИРС	— Известия Архангельского Общества изучения русского Севера.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
СГКЭ	— Сборник грамот Коллегии экономии.
Тр. ИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских.
ЦГАДА	— Центральный Государственный Архив Древних актов СССР.

Н. П. Воскобойникова

ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ ЯРЕНСКОГО УЕЗДА XVI—XVII вв. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Автор настоящей статьи ставил перед собой задачу изучить писцовые и переписные книги Яренского уезда, одного из 22 уездов области Поморья.

Писцовые и переписные книги вообще изучались разными историками в дореволюционное и советское время. Многие историки (С. В. Веселовский, А. Ц. Мерзон и др.) изучали их в общем плане, ставили вопросы об описаниях земель Русского государства и давали оценку писцовых и переписных книг как исторического источника. Кроме изучения писцовых и переписных книг, как особого вида источника, необходимо их изучать и конкретно, регионально. Это особенно важно потому, что каждый район нашей страны имел специфику своего историко-экономического развития, которая отразилась как на содержании книг, так и во многом повлияла на характер их составления.

В данной статье дается анализ писцовых и переписных книг как источника. Статья охватывает период с к. XVI в. по XVII в. В качестве основных источников нами привлекались сотные грамоты 1585—1586 гг., писцовая дозорная книга 1608 г. и переписные книги Яренского уезда 1646 и 1678 гг.

Первые описания Перми Вычегодской были частью описания земель Великого Новгорода, в состав владений которого она входила до присоединения Новгорода к Москве в 1478 г.

Сведения о раннем описании Перми Вычегодской (так называлась территория, вошедшая позднее в состав Яренского уезда) относятся к 1481 г. Писцовая книга Ивана Гаврилова до нас не дошла, и о ней мы можем судить только по отдельным упоминаниям в источниках. Так, в Вычегодско-Вымской летописи под 1481 г. имеется следующая запись: « Того же лета прислал князь великий Ивашку Гав-

рилова Вычегодские знамени [1] и луки[2] писати. Писал тое писец луки вычегоцкие, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину» [3].

Достоверность этого описания подтверждается текстом жалованной грамоты Ивана III жителям Перми Вычегодской 1485 г.: «Обыскав наперед сего Гаврилово писмо, что Ивашко Гаврилов писал Пермские земли за волостные люди и за владыку пермскова, и за манастыри, и за игумены, и за попы, се яз, князь великий Иван, пожаловал есми свои волостные люди пермяки вычегжаны и вымичи, и удорены, и сысолены, и крещеные сиряне Ужговские землями и угодейными на Вычегде и падуны всея Пермские месты реками и озерами, и курьями и прочими угодии, которые были их дедины и отчины по всему по тому, по письму Гаврилову. А в письме Ивашки Гаврилова писано...» [4].

Пользуясь данным источником, можно составить некоторое представление о характере описания Ивана Гаврилова. В писцовой книге 1481 г. перечислялись все угодья (реки, речки, озера и курьи), приписанные той или иной волости, вотчине Пермского епископа и отдельным монастырям. Единицей обложения в Перми Вычегодской, как и в других районах, где основным занятием была охота и рыболовство, был лук, т. е. хозяйство охотника и рыболова. В итоге описания отдельных земель указывалось, сколько луков было в каждой волости и какую «дань» должно было население платить «за соболи и за белку, и за бобровые гоны» [5], и за кречатьи садбища [6], за рыбные и звериные ловли [7].

На протяжении первой пол. XVI в. производились новые описания Вычегодских земель. К 1530 г. относится писцовая книга Ивана Боброва с товарищами. Эта книга также до нас не дошла, но о ней сохранились упоминания. Так, составитель Вычегодско-Вымской летописи под 1530 г. записал: «Лета 7038 присла князь великий Василий Ивашку Боброва с товарищи вычегоцкие луки писати, и писали те писцы луки вычегоцкие, и вымскии, и удорские, и сысоль-

---

[1] Знамени — знак, тамга.

[2] Лук — старинная мера земли, на севере 2 обжи (6, 72 десятины). Луками обыкновенно описывали хозяйства звероловов и рыболовов. По-видимому, лук был единицей обложения неземледельческого населения.

[4] Вычегодско-Вымская летопись. Историко-филологический сборник, № 4, Сыктывкар, 1958, стр. 262—263.

[4] Там же, стр. 243.

[5] Бобровые гоны — места, где водились бобры.

[6] Кречатьи садбища — клетки для поимки кречетов.

[7] Жалованная грамота Ивана III жителям Перми Вычегодской 1485 г. Историко-филологический сборник, № 4, Сыктывкар, 1958, стр. 245.

ские, и владычни вотчины, и на Великие Перми» [8]. В описании документов, хранившихся в домовой вотчине епископа Вологодского и Белозерского Серапиона (1756 год), упоминается «Список с Устьвымские сотные с книг письма Ивана Боброва с товарищи» [9]. Об описании Великой Перми Иваном Бобровым говорится в уставной грамоте пермичам в 1553 г. [10].

С начала боярского правления (после смерти Елены Глинской в 1538 г.), по-видимому, начинается общая перепись русских земель. В разные уезды Московского государства «являются» московские писцы и пишут «большое письмо». Эта перепись заканчивается к 1547 г. В начале 50-х годов XVI в. в разных грамотах начинают встречаться упоминания о новых писцах и мерщиках.

В начале 50-х годов правительство провело реформу сошного письма, которая может быть поставлена в связь с проектом переписи, выработанным правительством А. А. Адашева после Земского собора 1549 г. и изложенным Иваном IV в вопросах митрополиту Макарию в феврале 1550 г.: «Писцов послати во всю свою землю писать и сметити и мои, царя, великого князя, и митрополочи, и владычни, и монастырские, и церковные земли, и княжеские, и боярские, и вотчиные, и поместные, и черные, и оброчные, и починки, и пустоши, и селища, и земецкие земли всякие, чье ни буди, а мерити пашенная земля, и не пашенная, и луги, и лес, и всякие угодья смечати и писати, — реки, и озера, и пруды, и оброчные ловли и колы, и сежи, и борти, и перевесы, и мыти, и мосты, и перевозы, и рядки и торговища, и погостьцкая земля и церковная, и дворы, и огороды, и в книгах то все поставити [11].

Исполнение этого проекта началось во вт. пол. 50-х годов. В связи с этим подверглась пересмотру техника писцового дела. Для писцов было составлено официальное руководство для измерения земель, так называемая книга сошного письма. Центральной частью книги было царево уложение, в котором регламентировались размеры сох различных сословных категорий и качество земли. Книга имела огромное значение для установления порядка и характера начавшихся с 1551 г. описаний земель Русского государства.

Таким образом после книг нового письма в 1555—1556 гг. появляется новая категория книг «письма и меры»,

[8] Вычегодско-Вымская летопись. Историко-филологический сборник, № 4, Сыктывкар, 1958, стр. 265.

[9] «Летопись занятий Археографической комиссии» вып. III, 1864, стр. 125.

[10] «Временник императорского Московского общества истории и древностей Российски», кн. 25, М., 1857, стр. 150.

[11] Памятники русского права, вып. IV, М., 1956, стр. 579—580.

в которых кроме сошного письма вводится и «сошная мера», т. е. измерение сохи определяется определенным количеством четвертной земли. Соха становится теперь однообразной единицей податного оклада. На дворцовых и черносошных землях она включала площадь пашни 500 четвертей «доброй» земли, 600 четвертей «середней» и 700 четвертей «худой» земли.

В 1564—1566 гг. была произведена перепись части русских земель, вероятно, в связи с предстоящим разделением земельных владений на земщину и опричнину. К этому же периоду относится и описание земель будущего Яренского уезда: «Лета 7072 (1564) присла князь великий Иван писцов Якимку Романова да Микитку Пятунина с товарищи земли Вычегоцкие писати, и тое писцы луки и знамени не писали, а пашни и перелоги мерели, да пашни и людии в сошки развели, государевы дани в сошки ж положили. Они же, писцы, волостку Пусто-озеро в оброки верстали и самоядьские луки писали» [12].

В этом известии подчеркивается, что писцы были присланы для описания Вычегодских земель уже согласно книги сошного письма 1551 г., а не луков и знамен, как это было при описании 1530 г. Таким образом с описания 1564 г. единицей обложения Вычегодских земель, как и всего Московского государства, становятся сохи. Луки же попрежнему оставались единицей обложения Пустоозерской волости, население которой занималось рыболовством и охотой.

В 80—90-х годах XVI в. правительство провело описание большей части уездов Московского государства. Одной из задач этого описания была запись в писцовые книги живших на землях крестьян. Таким образом писцовые книги этого времени можно отнести к закрепостительным документам.

Вычегодские и Вымские земли были описаны в 1585—1586 гг. дьяком Иваном Григорьевичем Огаревым и подьячим Филиппом Юрьевым. В XVI в. в Московском государстве складываются опытные кадры писцов, которые неоднократно участвовали в описаниях русских земель. К такой категории писцов относится и Иван Огарев. До описания Яренского уезда он уже дважды участвовал в описаниях: в 1569 г. Г. В. Звенигородский и Иван Огарев «с товарищи» описывали Владимир и Суздаль [13], в 1577—1578 гг. Семен Плещеев и Иван Огарев «с товарищи» описывали Заволжскую часть Ярославля [14]. В этих описаниях Иван Огарев

---

[12] Вычегодско-Вымская летопись. Историко-филологический сборник, № 4, Сыктывкар, 1958, стр. 266.

[13] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2, М., 1916, стр. 581.

[14] Там же, стр. 642.

был помощником более опытных писцов, так как его имя упоминается на втором месте. В 1585—1586 гг. ему, как уже опытному писцу, было поручено описание Выми Яренской, а в помощь дан подьячий Филипп Юрьев. После описания Яренского уезда ими был описан и Кайгородок.

Об описании Яренского уезда вт. пол. XVI в. упоминается в Вычегодско-Вымской летописи: «Лета 7093 повелел князь великий Феодор Иванович Ивашке Огареву да Филке Юреву с товарищи вымские и вычегоцкие пашни и перелоги писати и допытати, где какие реки текут, колико протоку в них, где какие повосты и колико верст меж ними и чертежи о том делати [15]». Если судить по летописным известиям, то писцам был дан наказ, согласно которому они должны были помимо обычного описания земель составить еще «чертежи», т. е. карты Вычегодских и Вымских земель с нанесением на них рек и впадающих в них речек, а также погостов и, вероятно, других населенных пунктов. Трудно сказать, был ли выполнен И. Огаревым и Ф. Юрьевым наказ полностью, по всей вероятности, нет, так как о чертежах не упоминается ни в сотных, ни в других источниках.

В результате описания земель Яренского уезда в 1585—1586 гг., вероятно, была составлена писцовая книга. После ее утверждения царем отдельные земли получили сотные грамоты для платежа налогов и раскладки их между налогоплательщиками.

В архивохранилищах Ленинграда хранятся сотные грамоты 1585—1586 гг. на Яренск с уездом, Сысольские волости, Глотову слободу и Ужгу, а в Москве — сотная на Спасский монастырь.

Сотные конца XVI в., по-видимому, являются выписями из писцовых книг и выдавались отдельным земельным общинам или монастырям обычно самим писцом, который проводил описания в этом районе. Так, сотные на Яренск с уездом и Спасский Сойгинский монастырь имеют подпись и печать Ивана Огарева. Реже выдавались сотные в Москве тем приказом, который проводил описание этих земель. Такова сотная на Сысольские волости, выданная по челобитью населения взамен сгоревшей.

По нашему мнению, все сотные на Яренский уезд 1585—1586 гг. являются не первичными документами описания, а вторичными, источником которых были писцовые книги. Это положение находит подтверждение в тексте самих сотных. Так, сотная на Ужгу начинается следующей фразой: « Сотная волости Ужги с книг письма и меры Ивана Григорьевича Огарева да...» [16]. В тексте сотной на Сы-

[15] Вычегодско-Вымская летопись. Историко-филологический сборник, № 4, Сыктывкар, 1958, стр. 267.

[16] ЛОИИ, кол. 153, оп. 1, д. 21, л. 1.

сольские волости, выданной из приказа Новгородской четверти взамен сгоревшей, сказано, что в ларце церкви были «сотные книги Сысольские земли и меры Ивана Огарева...» [17]. «...И ныне де у них сотные грамоты нет и государевых всяких податей платити им не по чему. И государь бы царь и великий князь Борис Федорович всея Русии их пожаловал, велел им дати с писцовых книг государеву сотную грамоту. И государь царь и великий князь Борис Федорович всея Русии Сысолские волости крестьян пожаловал велел им дати с писцовых книг государеву сотную грамоту». «А в четверти окольничего Михаила Михайловича Салтыкова да дьяков Ивана Вахромеева да Ивана Максимова в писцовых книгах письма и меры Ивана Огарева да подъячего Филиппа Юрьева 194 года написано...» [18].

Все дошедшие до нас сотные на земли Яренского уезда 1585—1586 гг. составлялись по единому плану. Начиналась каждая сотная с описания административного центра земли или волости (Яренска, Ужги, Вотчи и Глотовой слободы). Описания Яренского городка не сохранилось, но о нем, мы можем судить по описанию городка Ужги, где говорилось об укреплениях городка и его вооружении («наряде»). Далее в каждой сотной описываются погосты: количество церквей, в память какого святого они построены и их архитектура, количество дворов церковного притча, пашни, сенокосных и других угодий, приписанных церквам.

Затем писцы перечисляли все населенные пункты, тяготевшие к тому или иному погосту, с указанием имен владельцев дворов, обращалось внимание и на экономическое положение дворовладельцев. Все население «по прожиточности» делили на три категории: «лучших», «середних» и «молотчих».

Описывая пустые дворы, писцы интересовались причиной их запустения (умер ли владелец, ушел без вести, обнищал, ходит ли по дворам или живет в другом месте); здесь же указывалось имя и местожительство крестьянина, который пахал эту землю «наездом».

После этих сведений указывалось по каждому погосту или волости количество пашни и ее качество. Земля в Яренском уезде была малоплодородной и, как отмечали писцы, была только средней и худой; давалось также количество сенокосных угодий, слопцов [19] и перевесей [20].

Далее писцы давали общий итог количества населенных пунктов, монастырей, церквей, а также пустошей; дворов разных категорий населения и пустых дворов; пахотных

[17] ГПБ, IV, № 369, л. 1.
[18] Там же, л. 1 об.
[19] Слопцы — капканы.
[20] Перевесья — сети для ловли птиц.

земель, сенокосных угодий, количество слопцов и перевесей, принадлежащих земельным общинам, монастырям и церквам.

В конце сотных указывается общее количество сошного письма по волости (земле), количество земли и дворов, положенных в соху; сравнивается количество сох в уезде по последнему описанию и по старой платежнице (вероятно, 1564 г.) и «отписям», говорится, сколько по «новому письму» перед «старым письмом» прибыло или убыло доходов и оброку. В заключение каждой сотной подробно перечисляются все угодья, принадлежащие той или иной земельной общине.

Сотные являются наиболее ранним, дошедшим до нас описанием территории будущего Яренского уезда.

Теперь остановимся на характеристике отдельных сотных. Сотная на Яренск с уездом[21]. Подлинник без начала на 14 листах имеет восковую печать писца Ивана Огарева, на обороте по склейкам—скрепа: «Подьячей Филипп Юрьев руку приложил». В сотной дается описание Вычегодской земли. В утраченной части[22] должно было быть описание Яренского городка, Окологородной волости, волости Тохты (Червы) и начала погоста Ирта; сохранилось описание погостов Ирта (не полностью), Цылибская гора, Лена, Туглим, Ошляпье, Шоном, Жошерт, Гам, Шожем, Вездынь и волостей Тыдор и Вадья.

В дошедшем до нас тексте сотной грамоты нет ни одной даты. Однако сотная легко датируется по писцовой дозорной книге 1608 г., где в итоговой записи на Еренский городок говорится о приправочных книгах Ивана Огарева и Филиппа Юрьева 1585—1586 гг.[23], которые были даны дозорщиком для сведения.

«Сотная волости Ужги с книг писма и меры... 1585—1586 гг.»[24] датирована, подлинник, ветхая, имеет два состава по 29×69 см, печать черного воска, бумага с водяным знаком «кувшинчик», в конце второго состава имеется запись: «К сей сотной писец Иван Григорьевич Огарев печать свою приложил», а по склейкам на обороте имеется скрепа подьячего.

Сотная на Глотову слободу 1585—1586 гг.[25]. Подлин-

---

[21] ЛОИИ, Акты до 1613 г., № 458, лл. 1—14.

[22] П. Протопопов в статье, опубликованной в «Вологодских губернских ведомостях» за 1842 г. (№ 10, стр. 73—78) пишет, что это сотная уже без начала была им недавно найдена у какого-то мещанина г. Яренска.

[23] Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг., вып. 2, М., 1914, л. 77.

[24] ЛОИИ, ф. 153, оп. 1, д. 21.

[25] Там же, л. 2.

ник, хорошо сохранившийся, имеет 5 составов (29×40; 29×39; 29×36; 29×26,5; 29×19,5 см), печать черного воска, бумага с водяным знаком «кувшинчик». В начале сотной имеется дата ее составления. В сотной грамоте дается описание Глотовой слободки, погоста Косланского и относящихся к ним деревень и починков. В конце пятого состава приписка:

«К сей сотной грамоте писец Иван Григорьевич Огарев печать свою и руку приложил»[26], а на обороте по склейкам — скрепа: «К сей сотной Иван Григорьевич Огарев руку приложил». В начале текста дается только год описания, но в самом тексте имеется более точная дата: «Дали на льготу Глотовы слободки крестьянину Фильке Осипову на диком лесу на Вантынским озере на 9 лет, от лета 7094 июня 17 числа до лета 7103 по июня по 17 число»[27]. Следовательно, описание проводилось уже 17 июня 1585 г.

До нас дошли также два списка сотной на Сысольские волости 1585—1586 гг. Один список на 18 листах сохранился в ЛОИИ[28]. Он представляет собой две тетради в четверку (10×15,5 см). Тетради когда-то были подмочены и сохранились не полностью. Так, нет первой тетради, в которой, по всей вероятности, было 12 листов, где описывались погост Вотча и почти полностью погост Межайдор. После 13 листа нет листа с описанием четырех населенных пунктов (починка Гудникова, слободки Шульгиной и двух починков, носивших одинаковые названия Верхний Зеленец). Сотная написана на бумаге с водяным знаком «кувшинчик».

Второй список хранится в Рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина[29]. Сохранность его удовлетворительная. В тексте много поправок, зачеркиваний и исправлений. Эта сотная написана в тетради из 19 листов, бумага с водяным знаком «кувшинчик».

Сотная озаглавлена: «Список с сотные слово в слово»[30]. Перед основным текстом грамоты сказано, что список с сотной дан по челобитью крестьян Сысольской волости в 1600 году взамен сгоревшей во время пожара 1599 г.

Два списка сотной на Сысольские волости не идентичны между собой. В обоих сотных есть статья, в которой указывается сколько прибыло оброку и пошлин, в том числе за отданные на оброк речки; в сотной ГПБ далее дается название реки, кому она отдана на оброк и сумма оброка. По разному в сотных сформулирована статья об ямских

[26] ГПБ, ф. 532, д. 184, л. 1.
[27] Там же, л. 3.
[28] ЛОИИ, кол. 115, д. 1175.
[29] ГПБ, IV, № 369.
[30] Там же, № 369, л. 18.

расчетах населения разных волостей уезда. В сотной ЛОИИ читаем: «А в подводах и в прогонах и в кормех сысоличем с вычегжаны Еренского городка и с Плесовскою волостью, и со владычною сошкою, да с Вымскою землею сысоличем считатися по сохам по-старому»[31], а в сотной ГПБ: «А в службе и в подводах считатись с Вычегдою Еренского городка и с вымичи и с Плесовскою волостью. А до Удоры и до Глотовой слободы дела им нет»[32].

Кроме того, в сотной ГПБ имеются две статьи, отсутствующие в сотной ЛОИИ. Так, в сотной ГПБ приводится сумма оброка, которого население Сысольской волости вносило в казну. Новая же статья касается порядка пользования угодьями: «А ловити им реки и озера всею Сысольскою волостью всем крестьяном за один. А по купчим и по духовным крепостем до рек и до озер дела нет»[33].

Эти статьи дают нам основание считать, что содержание писцовой книги 1585—1586 гг. было значительно полнее и она имела целый ряд сведений, которых нет в известных нам сотных. К таким же сведениям относятся и данные об имущественном положении владельцев дворов, которые имелись в писцовых книгах нач. XVII в. В писцовой книге 1585—1586 гг. беспорно имелись сведения о качестве земель, относящихся к отдельным населенным пунктам, иначе трудно объяснить, откуда появились эти данные в итоговой записи сотных.

Кроме вышеперечисленных сотных нам известна «Сотная с книг писма и меры Ивана Григорьевича Огарева да подъячего Филипа Юрьева» на Спасский Сойгинский монастырь 1585—1586 гг.[34], подлинник, хорошей сохранности, на 3 листах (30×40,5, 30×37, 30×25), имеет печать Ивана Огарева, написана на бумаге с водяным знаком «кувшинчик». На обороте по склейкам скрепа подьячего: «К сей сотной подъячей Филип Юрьев», а окончание скрепы — «руку приложил» написано на лицевой стороне в конце третьего листа.

Вероятно, в конце XVII или XVIII вв. перед текстом сотной был еще подклеен лист, на оборотной стороне которого имеется ряд помет: 1. $\frac{7094}{1585}$ № 20 Сольвычегодского уезда 1585 г. 2. «Сотная 7094. По Соливычегоцку № 033». и наклеен ярлык с номерами сотной грамоты по описи Грамот коллегии экономии». Архивн. № 21. Хронолог. № 10882».

[31] ЛОИИ, кол. 115, д. 1175, л. 18.
[32] ГПБ, IV, № 369, л. 19.
[33] Там же, д. 19.
[34] ЦГАДА, ф. 281, д. 10882.

Эта сотная была опубликована С. А. Шумаковым[35]. В публикации по сравнению с подлинником встречаются неточные написания отдельных слов, не меняющие смыслового значения текста.

Вероятно, после окончания описания монастыря и утверждения его царем, была составлена сотная грамота и отослана в монастырь для руководства при платеже государственных налогов. Сотная является ценным источником для изучения монастырского хозяйства к. XVI в. В ней перечислены все хозяйственные постройки, а также пашня и различные угодья. Из описания мы узнаем, что большинство монастырских деревень в разное время были переданы в монастырь «по душе». Представляет интерес упоминание зависимого от монастыря населения, суммы оброка и пошлин, которые монастырь платил в казну. Интересно описание книг и икон, хранившихся в монастырских церквах.

Сотная является самым ранним, дошедшим до нас источником по истории Спасо-Сойгинского монастыря, расположенного в Плесовской волости в устье речки Сойги, недалеко от границы Сольвычегодского уезда.

Пока нам не известны сотные на ряд земель Яренского уезда: Вымь, Усть-Вымь, Плесовскую волость и волость Удору.

Следующее описание Яренского уезда относится уже к началу XVII в. В 1608 г. уезд описывали Василей Ларионов и Ондрей Горохов, о чем имеется лаконичное упоминание в Вычегодско-Вымской летописи под 1608 годом. «Того же лета дозорили уезду Еренскова сошки Василей Ларионов и подъячей Ондрей Горохов...»[36].

Дозорные книги по форме и содержанию очень близки к писцовым книгам, но между ними есть и некоторые различия. Главной целью дозора было выяснение степени запустения земель по сравнению с прежними описаниями. Описания преследовали более широкие задачи: кроме определения размера тягла, они проверяли права на владения землей и угодьями, занимались межеванием земель, судом по земельным делам и т. п. Поэтому дозоры требовали значительно меньше времени и были гораздо проще, чем описания земель.

Сохранилась писцовая книга Яренского уезда, письма и дозору Василия Ларионова и подьячего Андрея Горохова[37], размер ее 19,5 × 14,5 × 4 см. Книга заключена в кожаный переплет, на котором имеются наклейки: сверху —

[35] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3. М., 1905, стр. 17—20.

[36] Вычегодско-Вымская летопись. Историко-филологический сборник, № 4, Сыктывкар, 1958, стр. 269.

[37] ЦГАДА, ф. 1209, д. 142.

«Еренеск. [1]. Книга писцовая и дозорная письма и дозору Василия Ларионова 116-го году да подъячего Андрея Горохова 116 году, № 570/431, на корешке — две наклейки: «Подлинная книга дозорная» [37]. (Книга № 142/1608 г., общ. 435 (част. 431»)) «Царствование Василия Ивановича Шуйского Разб. комитета 1835».

Книга была первоначально пронумерована славянскими буквами (в том числе были пронумерованы и чистые листы — 2, 3, 4). Всего она содержала 247 листов. В настоящее время в книге 242 листа. Она имеет цифровую нумерацию. По старой нумерации отсутствуют листы 243 и 244, где давался итог описания 1608 г. (количество деревень, погостов, починков, дворов, людей, пашни, сенокосных и др. угодий). Этих листов не хватало и при публикации книги в 1908 году.

Книга написана большей частью на желтоватой грубой бумаге и только частично на тонкой белой бумаге с водяным знаком «кувшинчик», при переплете водяной знак попал на сшив. Вся книга написана почерком подьячего Андрея Горохова и по листам имеется его скрепа: «К сем книгам подьячей Ондрей Горохов руку приложил» [38].

В начале книги дана дата окончания описания 17 августа 1608 г. В этот день, уже после переписки книги набело и сверки, подьячий А. Горохов передал ее дьякам Новгородской четверти Григорию Елизарову и Андрею Иванову. А когда же был начат дозор уезда? Обычно писцы приезжали в уезд весной, после вскрытия рек, так как основное сообщение между волостями было по воде. Во всяком случае уже 1 июля 1608 г. они описывали Окологородную волость, примыкающую к Яренскому городку, о чем свидетельствует запись о том, что: Займище на черном лесу деревни Софроновской было «дано на льготу Федьке Базуле на 5 лет, от лета 7116 (1608) году июля с 1 числа до лета 7121-го (1613) году июля по 1-е же число» [39].

Проводя описание, писцы имели перед собой приправочные книги письма и меры Ивана Огарева и подьячего Филиппа Юрьева 1585—1586 гг. Характер описания 1608 г. не отличался от предыдущего. Также, как и в 1585—1586 гг., в каждом населенном пункте перечислялись все дворы с указанием имени и экономического положения их владельцев. Население делилось на крестьян, бобылей, вдов, половников и церковных причетчиков. Описывались пашенные земли и сенокосные угодья, слопцы и перевесья, приписанные каждой деревне. В конце описания каждой земли дается общее количество населенных пунктов и дво-

[38] ЦГАДА, ф. 1209, д. 142.
[39] Там же, л. 6.

ров, а также пустых деревень, дворов и пустошей. Все эти данные сравниваются с цифрами приправочных книг 1585—1586 гг. В конце же книги давался общий итог поселений, дворов, категорий населения, пашни, сенокосных и других угодий. В заключение книги дан сошный оклад всех земель Яренского уезда (количество сох, размеры платежей и повинностей, падавших на соху) и общая сумма податного обложения в сравнении с окладом 1585—1586 гг.

Дозорная книга 1608 г. была опубликована [40]. При публикации ее был введен в текст мягкий знак и не проставлены номера погостов, имеющиеся в подлиннике. Имеются ошибки в наименовании некоторых населенных пунктов. Напр., деревня Русь [41] правильно читается «Ручь» [42], д. Шалгина — «Шюльгина» [43] и т. д. Имеются ошибки в цифрах пашенных земель и сенокосных угодий.

Писцовая дозорная книга 1608 г. является ценнейшим источником по экономике Яренского уезда начала XVII века. В ней имеются сведения об имущественном положении черносошного крестьянства, о пашенных землях, сенокосных угодьях, слопцах и перевесьях, подробно описаны реки, ручьи и озера, приписанные каждой земельной общине.

Следующее описание Яренского уезда относится к 1628—1629 гг. Одной из главных причин описания 20-х гг. была необходимость выяснить платежные средства страны после польско-литовского разорения начала XVII в. Второй причиной был большой пожар в Москве в 1626 г., во время которого сгорела часть книг и столбцов Новгородской четверти, но дозорная книга Яренского уезда 1608 г. уцелела [44].

В 1628 г. из Новгородской четверти был подан царю доклад, в котором говорилось, что «с Выми, с Еренсково городка платят по дозорным книгам Василия Ларионова да подьячего Ондрея Горохова 117-го году, а тому ныне по 135 год 19 лет, а после разоренья на Выми дозор не бывал и писцовых книг в четверти нет» [45]. Население Яренского уезда само просило о посылке к ним писцов: «...И ныне государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии бьет челом Еренского городка земской целовалник Гришка Карпов и во всех крестьян место Спасково и Архангилского приходу, и подал в Новгородцкой четверти дияком челобитную за руками, чтобы их государь по-

[40] Акты времени правления В. Шуйского. Собр. и ред. А. М. Гневушев, М., 1914, стр. 267—354. (ниже АВШ.).

[41] Там же, стр. 337.

[42] ЦГАДА, ф. 1209, д. 43, л. 195.

[43] АВШ, стр. 343.

[44] «Чтения в Обществе истории и древностей Российских». М., 1905, кн. 3, Смесь, стр. 37.

[45] ЦГАДА, Приказные дела ст. лет, д. 79, л. 88.

жаловал, велел их Спаской приход и Иртовской погост, полпяты сошки дозрить и описать...»[46].

Царь выслушал доклад и указал послать писцов на Вятку, в Заонежские погосты и на Вымь. В мае 1628 г. писцам из Новгородской четверти были даны наказы, близкие по содержанию для описания Выми Яренской[47], Слободского и Шестакова[48] и Вятки[49].

По наказу мы можем проследить весь ход описания уезда, так как в нем очень подробно (на 46 листах) изложены задачи писцов на отдельных этапах описательных работ. Так, писцы по приезде на место, в Еренский городок, должны были взять у воевод списки с писцовой книги 1608 г., а у старост сотные грамоты, а также выбрать себе помощников из среды «лутчих» людей. Писцы должны были описать город, церкви и монастыри, причем у последних проверить документы на право владения землями и угодьями; переписать на посаде все дворы и живущих в них людей, а также пустые дворы и указать причины их запустения; переписать торговых людей и разные доходные статьи: варницы, лавки и т. п. Далее писцы переписывали все населенные пункты с перечислением количества дворов и их населения.

Писцам вменялось в обязанность решать на месте все земельные споры, следить, чтобы крестьяне земель и угодий в монастыри не продавали и по душе не закладывали, а проданные и заложенные ранее возвращать их владельцам. После описания каждой волости или погоста писцы должны были обязательно делать в книгах итоговую запись. В конце наказа имеется память писцам о переписи волостки Лены, отданной в поместье думному дьяку Ивану Грамотину. Писцы должны были ее измерить, размежевать с землями черносошных крестьян и отвести ее новому владельцу. После окончания описания писцовые книги уезда вместе с перечневой росписью привозились в приказ Новгородской четверти.

Писцовая книга Яренского уезда 1628—1629 гг. до нас не дошла, но не вызывает никакого сомнения, что она была. Нам известны две выписи с «Вымских книг писма и меры Осипа Хлопова да подьячего Михаила Максимова». Сотная на Спасский Сойгинский монастырь[50] была дана монастырю вскоре после окончания описания 28 сентября

[46] ЦГАДА, Приказные дела ст. лет. д. 79, л. 88.
[47] Там же, лл. 254—299. Частично опубликован в кн. «Акты писцового дела», т. II, вып. 1, М. 1917, стр. 77—78.
[48] Частично опубликован в кн. «Акты писцового дела», т. II, вып. 1, М., 1917, стр. 76—77.
[49] Там же, стр. 62—76.
[50] ЦГАДА, ф. 281, оп. 16, д. 10871.

1628 г. Известная же нам выпись на вотчины Вологодского и Великопермского архиепископа в Яренском уезде[51] датируется 30 апреля 1649 г. Она была выдана по челобитью архиепископа Маркелла уже через 20 лет после описания взамен прежней, которая не сохранилась в архиепископской казне.

Ссылки на описания уезда 1628—1629 гг. имеются в целом ряде других источников. О писцовых книгах Осипа Хлопова с товарищами говорится в грамоте царя Михаила Федоровича в Яренский городок от 15 марта 1634 г.[52]. В переписной книге Яренского уезда 1646 г. итоги описания посада Турья сравниваются с предыдущим описанием[53]. В 1659 г. писцовая книга 1628—1629 гг. хранилась в Новгородской четверти и из нее были сделаны выписки для Монастырского приказа[54] и т. д.

Анализируя известные нам сотные выписи и упоминания об описании этого года в разных источниках, мы можем сделать вывод, что писцовая книга Яренского уезда 1628—1629 гг. по своему характеру не отличалась от книг предыдущих описаний. В ней содержались те же сведения, которые имелись и в сотных конца XVI в. и в дозорной книге 1608 г.

В XVII в. сошное письмо уже не удовлетворяло интересы правительства, и оно искало новых форм получения налогов с населения. В сошном письме не указывалось количество работников в каждом дворе, не все группы населения облагались налогами. С целью увеличения числа налогоплательщиков правительство начинает переходить от обложения по сохам к обложению по дворам через так называемую переходную единицу «живущую четверть», которая состояла из нескольких крестьянских или бобыльских дворов.

В сер. XVII в. вместо писцовых описаний стали производиться подворные переписи населения Русского государства.

В 1646 г. правительство провело описание всего государства, в результате которого были составлены переписные книги. Целью описания 1646 г. было прикрепление к тяглу крестьян, причем в этом году переписывались также дворники, соседи и подсоседники, которые ранее не несли тягла.

Яренский уезд был переписан Петром Граевским и подьячим Феофаном Протопоповым. Писцам из Новгородской

[51] Там же, д. 10872.
[52] ЛОИИ, ф. 254, д. 7.
[53] ЦГАДА, ф. 1209, д. 143, л. 271.
[54] ЦГАДА, Приказные дела ст. лет, ф. 141, д. 161, ч. 3, 1659 г., лл. 15—19.

четверти был дан наказ очень лаконичный по сравнению с наказом 1628 г. Согласно наказа, переписчики при описании уезда должны были указать, сколько на посадах, в погостах, волостях, деревнях и починках дворов церковных причетчиков и крестьянских, а в них дворовладельцев, их детей, внучат и племянников, а также бездворных бобылей, дворников, соседей и подсоседников. Все взрослое тяглое население двора переписывалось поименно. При описании пустых дворов переписчики должны были выяснить причину их запустения (умерли ли их владельцы и когда, ушли ли в другие города и в какие годы, остались ли после них родственники).

Переписная книга Яренского уезда 1646 г. «писма и меры Петра Граевского и подьячего Феофана Протопопова»[55] (20×15×60 см) имеет 52 тетради по 8 листов каждая, всего в ней 422 листа. Сохранность книги хорошая. Современная нумерация книги соответствует старой буквенной. Книга написана на бумаге с водяным знаком «кувшинчик» черными и рыжими чернилами. До 330 листа в книге имеется одна скрепа — «К сем книгам Гаврило Петров сын Островской вместо Петра Граевского руку приложил», а с листа 331 одновременно две скрепы — слева внизу листа продолжается скрепа Г. Островского, справа внизу «К сим книгам подьячей Иван Волков руку приложил». Если судить по скрепам, то описание Яренского уезда начали Петр Граевской и Феофан Протопопов в 1646 г., затем же его продолжили и закончили Гаврила Петрович Островский вместе с подьячим Иваном Волковым, который и скрепил своей подписью последние 90 листов. Похоже, что вся книга написана четким почерком Г. Островского.

Что касается датировки книги, то текст подтверждает год ее составления: «помер в нынешнем в 154 году», т. е. 1646[56]. Перепись уезда была начата летом 1646 г., о чем свидетельствует дата наказа, и, вероятно, была закончена осенью следующего года, так как только 14 февраля 1647 г. П. А. Граевской подал уже переписанные набело книги в приказ Новгородской четверти, а подьячий Иван Волков «справил с наказом, все ли писано по наказу...»[57]. Текст наказа приводится в начале книги. В соответствии с наказом была проведена и перепись уезда, которая, как свидетельствуют сами переписчики, заключалась главным образом в проверке сказок населения: «по их скаскам села и погосты, и волости, и погостцы, и деревни, и починки, и в

[55] ЦГАДА, ф. 1209, д. 143.
[56] Там же, л. 33.
[57] Там же, л. 1-а.

них дворы, и во дворех люди дозрили и имяны их переписали...» [58].

Порядок описания Яренского уезда в переписной книге 1646 г. сохранился прежний. Погосты в книге пронумерованы валовой нумерацией. Номер стоит обычно на полях или в середине листа.

Писцы описывали поселения, относящиеся к погосту, а также все взрослое население погостов, деревень и починков. В отличие от писцовой книги 1608 г., при описании 1646 г. не указывался размер пашни и сенокосных угодий, так как задачи нового описания были совсем иные, зато в книге 1646 г. мы найдем более подробные сведения о населении и в частности о движении населения. В книге давались фамилия и имя крестьянина, куда он ушел и в какие годы, ушел ли он с семьей или один. В последнем случае указывалась дальнейшая судьба его жены и детей, иногда указывалась и причина ухода («из-за хлебной скудости» и др.).

В книге 1646 г., как и в предыдущих описаниях, упоминаются и отдельные ремесленники. В конце описания каждого погоста или волости даются итоговые данные о количестве населенных пунктов, дворов и населения в сравнении с цифрами более ранних описаний—с книгой 1608 г., а в посаде Турья с описанием 1628—1629 гг. Писцы, по всей вероятности, имели с собой для справок писцовую дозорную книгу 1608 г. и только для посада Турья список с книги 1628—1629 гг. В конце книги 1646 г. дается общий итог поселений, населения и дворов по Яренскому уезду.

В 1678—1679 гг. правительство предприняло составление новых переписных книг. Перепись 1678 г. была вызвана изменениями в перемещении населения и была закончена в 1679 г.

6 августа 1678 г. датируется наказ, данный переписчикам Ивану Ельчанинову и подьячему Семену Безсонову, о переписи Выми и Яренского городка.

Переписная книга Яренского уезда 1678 г. [59] была недавно реставрирована и заключена в ледериновый переплет. Размер ее 20,5×16,5×11 см. В книге пронумеровано 590 листов, некоторые из них были когда-то подмочены. В книге 73 тетради по 8 листов каждая, нумерация тетрадей дана славянскими буквами в правом нижнем углу листа, современная нумерация соответствует старой буквенной. Книга написана на бумаге с водяными знаками «герб Амстердама» и «голова шута» несколькими, сменяющими друг

[58] ЦГАДА, ф. 1209, д. 143, л. 3.
[59] Там же, д. 12057.

друга почерками. Каждая новая тетрадь, как правило, написана уже другим почерком. Книга имеет две скрепы, помещенные внизу листа: слева — «К сим книгам Иван Елчанинов руку приложил», справа — «К сим книгам подьячей Семен Безсонов руку приложил».

На первых листах, помеченных римскими цифрами, помещены следующие тексты. На листе 1 — «Еренск, Переписная 186 году, переписи Ивана Елчанинова, на 593 ли»; [60] на листе II — «О! смертный, помни смерть она за плечами у тебя» [61] и на листе III — «№ 90 по описи № 75. Книга Еренска городка, переписная 186 году, Сахарова» [62]. Далее следует текст наказа, данный переписчикам Ивану Васильевичу Ельчанинову и подьячему Семену Безсонову из Новгородской четверти в августе 1678 г. Судя по дате наказа, описание могло быть начато не ранее второй половины августа, а было закончено уже в следующем, 1679 году.

Порядок описания уезда мало чем отличается от предыдущих, только некоторые погосты и деревни перемещены местами. В качестве приправочной книги переписчикам служила переписная книга 1646 г. Население уезда делилось, как и раньше, на крестьян, бобылей, половников, бездворных бобылей и церковных причетчиков, кроме того появились и новые категории населения: соседи, подсоседники и захребетники.

Переписчики перечисляли все мужское население двора с указанием их родственных связей и возраста каждого, в отличие от книги 1646 г., где не упоминались дети от одного до трех лет.

При описании пустых деревень часто говорилось, что их «пашня поросла лесом» [63], т. е. была заброшена в давнее время; отмечалось, куда девалось население пустых дворов (напр., «сшел кормитца христовым именем» [64], «куда ушел, того неведомо» [65]. Иногда переписчики отмечали и причину ухода (напр., на Удоре крестьяне большей частью покидали свои дворы «от хлебной скудости» [66] или «от хлебного недороду» [67]. Отмечалось приблизительно и количество лет, в течение которых двор был пуст, и кому раньше принадлежал двор: крестьянину, бобылю или вдове.

---

[60] ЦГАДА, ф. 1209, д. 12057, л. 1.
[61] Там же, л. 2.
[62] Там же, л. 3.
[63] Там же, л. 281 и др.
[64] Там же, л. 11, об. и др
[65] Там же, л. 416 об. и др.
[66] Там же, л. 324 и др.
[67] Там же, л. 378 и др.

В книге описывались два посада Яренск и Турья. Как и в ранних описаниях, мы встречаем упоминания о ремесленниках, которые большей частью жили на посаде.

После описания каждого посада, волости или погоста указывались те изменения, которые произошли в них по сравнению с предыдущим описанием 1646 года (сколько прибыло или убыло дворов разных категорий населения, куда ушло население пустых деревень и дворов и откуда пришли новые жители).

В конце книги дается общий итог населения и населенных пунктов в сравнении с цифрами описания 1646 г.

После проведения генеральной переписи Русского государства 1678—1679 гг. все прямые налоги были переведены с сохи и «живущей четверти» на тягловый двор. Таким образом с этого времени податной единицей стал тяглый двор.

Чтобы проверить численность населения Русского государства, в начале XVIII в. правительство проводит новые переписи населения. Переписи 1707, 1710 и 1717 гг. показали уменьшение количества дворов при росте числа душ в одном дворе. В 1707 г. было переписано население Сысольских волостей. Переписная книга 1707 г. сохранилась[68].

Таким образом мы познакомились с источниками по описанию Яренского уезда к. XVI—XVII вв.

Каждый изучающий писцовые и переписные книги как источник ставит, прежде всего, перед собой вопрос, насколько полны и достоверны сведения, занесенные в эти книги.

Вопрос о достоверности данных писцовых и переписных книг вызвал большую полемику в дореволюционной историографии. Хотя обе группы историков, и те, которые считали данные книги вполне достоверными (Н. К. Рожков, Г. А. Максимович, Ю. Готье и др.), и другие, которые ставили под сомнение многие сведения писцовых и переписных книг (А. С. Лаппо-Данилевский, И. Н. Миклашевский и др.), признавали огромное значение этого вида источника для изучения истории нашей страны.

Ни один из советских исследователей социально-экономической истории Русского государства XV—XVII вв. не может пройти мимо этого вида источника.

Для того, чтобы установить, какие их данные являются наиболее достоверными, а какие вызывают сомнение или не точны, нами были подвергнуты анализу основные группы заключающихся в них сведений. С этой целью мы сравнивали данные разных писцовых и переписных книг между собой и с другими видами источников, а также итоги

---

[68] ЦГАДА, ф. 350, оп. 4, д. 6075.

писцов по землям и волостям с суммами частных итогов по отдельным погостам, деревням и починкам.

Первая группа сведений, которая нас интересовала, это известия о населенных пунктах уезда.

В Яренском уезде господствовал прибрежный тип поселений, т. е. населенные пункты были расположены только по берегам рек и озер. Так как писцы проводили описания преимущественно весной и летом, то они, вероятно, плыли по рекам и высаживались в каждой деревне и починке. Здесь, проводя описания, они расспрашивали население о ближайших населенных пунктах и эти данные заносили в книги. Подтверждением полноты их записей могут служить указания писцов на время возникновения или запустения отдельных поселений. Возможно, в писцовых и переписных книгах и встречались пропуски отдельных селений, хотя мы таких не нашли. Сами же переписчики 1678 г. обнаружили, что в книге 1646 г. одна деревня была записана два раза: «А та деревня Ниской Бор 4 двора написано по прежним переписным книгам к волости Вадьи, а та же деревня написана к погосту Туглиму, а иным именем Дмитриевская и Борисовская тож на Ленском озерке. А тое деревни крестьяне имена написаны в обеих деревнях дважды. А ныне та деревня приписана к погосту Туглиму» [69].

Не точны подсчеты в книгах количества населенных пунктов в уезде. Так, при проверке количества поселений по писцовым и переписным книгам XVI—XVII вв. нами было обнаружено, что число населенных пунктов в отдельных погостах не сходится с итоговыми записями писцов.

Писцы и переписчики Яренского уезда часто допускали неточности при записи наименований населенных пунктов. Ошибки эти чаще всего можно объяснить незнанием местного коми языка.

Некоторые названия поселений были настолько искажены, что теперь трудно определить их происхождение. Напр., следующие названия: Вбиюкони, Вездынь, Генчав, Еныб, Ерызда, Кирса, Коитла и др. Ряд названий под пером писцов и переписчиков получили существенные изменения. Так, в ряде слов буква «с» перешла в буквы «ш» или «ц». Напр., название Шошки по коми читается Соска, название погоста Кошки—искаженное название Кось, что означало «порог», слово Цылиба должно было быть записано как Селиба и т. д.

Несмотря на отмеченные нами ошибки, писцовые и переписные книги являются единственно полным и самым ценным источником по изучению административного деления и географии уезда.

---

[69] ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, д. 15057, л. 74 об.—75.

Следующая группа сведений писцовых и переписных книг, которая подверглась нами проверке, касалась количества дворов как в волостях (погостах), так и в целом по уезду.

Нельзя считать полностью достоверными данные книг о количестве дворов. Во-первых, потому, что само население всячески пыталось уменьшить количество жилых дворов, во-вторых, и потому, что писцы и переписчики при описаниях могли пропустить или прибавить те или иные дворы иногда сознательно, а иногда по небрежности и невнимательности. При суммировании количества дворов по отдельным населенным пунктам у нас получились расхождения с цифрами итоговых данных в писцовых и переписных книгах. В книгах 1646 и 1678 гг. иногда неправильно сделаны подсчеты дворов по погостам и в целом по уезду. Так, в 1646 г. переписчики сильно завысили цифру количества дворов (указали лишних 398 дворов, в том числе 210 крестьянских и 188 бобыльских); в итоге переписной книги 1678 г. не учли 9 дворов крестьян и 4 двора бобылей.

В такой же мере неточности касаются и количества пустых дворов. В итогах переписной книги 1646 г. записано лишних 135 пустых дворов, а в книге 1678 г. переписчиками не отмечено 29 пустых дворов.

Третья самая большая группа сведений относится к населению уезда (это данные о численности населения, его экономическом и социальном положении, миграции и т. д.).

Писцовые и переписные книги сообщают нам сведения главным образом о тяглых людях, плативших государственные налоги и отбывавших казенные повинности. Поэтому многие категории населения Московского государства не охватывались этим источником. Следовательно, на основании данных писцовых и переписных книг не может быть установлена численность населения Яренского уезда.

Нами была сделана попытка определить приблизительную цифру населения Яренского уезда по писцовой книге 1608 г. и переписным книгам 1646 и 1678 гг. При этом за основу мы брали последнюю переписную книгу XVII в., так как переписчики 80-х годов указывали все мужское население двора независимо от возраста. Данные о населении по книге 1678 г., по всей вероятности, довольно близки к истине (11 196 чел.). По книге 1678 г. мы вычислили среднее количество населения во дворах церковных причетчиков (2,37 человека на двор), во дворах крестьянских и бобыльских (2,78 чел.) и среднее количество людей, проживающих во дворах, включая бездворных бобылей, соседей, подсоседников и захребетников (2,9 чел. на двор).

Попробуем полученными данными воспользоваться для вычисления населения уезда в сер. XVII в. (по книге 1646 г.). Зная число дворов и среднее количество людей на двор, вычисляем число церковных причетчиков — 338 чел. Переписчики же зафиксировали 290 чел. взрослого населения. Население крестьянских и бобыльских дворов по нашим подсчетам составило 9124 человека, по подсчетам переписчиков 7543 чел. (не считая малолетних). Подсчитать все население Яренского уезда в 1646 г. можно двумя способами: 1) к числу крестьян и бобылей прибавляем церковных причетчиков и бездворных бобылей, получаем цифру 10 034 человека; 2) число дворов в Яренском уезде умножаем на 2,9 чел. на двор, получается итог 9973 чел. Разница между двумя вычислениями получается незначительная — всего 61 человек.

Таким же способом мы вычисляем предполагаемое мужское население Яренского уезда в начале XVII в. В писцовой дозорной книге 1608 года указывалось число дворов разных категорий населения и перечислялись владельцы дворов.

Пользуясь данными средней населенности двора по книге 1678 г. и зная число дворов разных категорий населения по книге 1608 г., мы вычислили население дворов церковных причетчиков (312 человек), крестьян и бобылей (6129 чел.). Все мужское население уезда в 1608 г. составляло приблизительно 6777 чел., в их число входило 336 бездворных бобылей, соседей, подсоседников и захребетников. В полученную нами цифру мужского населения уезда входили и вдовы, которые вносились в писцовые книги, как ответственные за несение тягла, но их количество было так мало, что не могло существенно изменить итогов. Для получения цифры всего населения Яренского уезда мы удваиваем число мужского населения, так как количество мужчин и женщин должно быть одинаковым.

Все полученные нами цифры населения Яренского уезда являются относительными. Во-первых, потому, что пользуясь данными писцовых и переписных книг, мы учитывали ту часть населения, которая во время проведения переписей находилась в бегах, утаивалась самим населением, пропускалась по небрежности самих писцов и т. п. Цифры количества населения, полученные по нашим подсчетам, относительны и в силу того, что мы закономерности вт. пол. XVII в. применяли к явлениям начала и середины века.

Учитывая, что при проведении 1 ревизии 1719 г. от подушной переписи уклонилось 25% населения, можно предполагать, что количество жителей уезда в XVII в. может быть увеличено на одну четверть.

В писцовых книгах содержатся сведения об экономическом положении населения Яренского уезда. Все население «по прожиточности», т. е. в соответствии с размерами своего имущества и доходами, было разделено на «лучших», «середних» и «молотчих». В наказах писцам не даны конкретные признаки, которые бы могли служить для писцов в качестве критерия при их разбивке на эти категории в зависимости от их экономического состояния. Вряд ли писцы могли за короткий срок описательных работ проверить имущественное положение всех жителей уезда и поэтому, вероятно, вынуждены были в основном пользоваться показаниями самих жителей «сказками», которые не всегда являлись объективным источником.

Сведения писцовых и переписных книг о социальном положении населения тоже не являются абсолютно точными. В составе населения черносошного севера упоминаются: крестьяне, бобыли, соседи, подсоседники, захребетники, половники, нищие и т. д. Могли ли писцы и переписчики во время описания уезда сами отнести того или иного жителя к той или иной категории населения? Вероятно, составители книг пользовались в данном случае только «сказками». Население, подававшее «сказки», часто было заинтересовано в подаче ложных сведений, чтоб уменьшить налоговые тяготы. Иногда крестьяне в книгах могли называться бобылями, так как бобыльский налог в XVII в. был вдвое меньше крестьянского, а половники, задворники, нищие и другие категории населения совсем не несли тягла.

Сведения о миграции населения, об уходе населения в Сибирь, на Урал и другие районы страны разбросаны по всем писцовым и переписным книгам. Многие крестьяне и бобыли уходили нищенствовать, т. е. питаться «христовым именем». Особенно много пустых дворов зарегистрировано переписчиками в северных районах уезда в переписной книге 1678 г. По данным писцовых и переписных книг можно установить, куда уходило население Яренского уезда. Как правило, в книгах указывалось, в какие годы и куда «сшел» тот или иной крестьянин, ушел ли он один, с сыновьями или со всей семьей. Эти сведения, вероятно, заносились в книги со слов родственников ушедших или крестьян-сторожильцев.

Четвертая группа сведений касается количества пашни и различных угодий, приписанных отдельным земельным общинам и отдельным ее членам.

Отдельные цифровые данные количества пашни по деревням и починкам, вероятно, более точны, чем итоговые данные по волости и уезду. Общие же итоги требуют про-

верки, так как писцы, плохо владевшие вычислительной техникой, не могли дать точные цифры пашенных земель в четвертях. Так, общие итоги по землям в ряде случаев не совпадали с суммами частных итогов по волостям и погостам.

Писцы часто допускали в подсчетах серьезные ошибки. Так, описывая Сысольские земли в 1585—1586 гг., они в итоге спутали средние и худые земли, т. е. 79 четей худой земли приплюсовали к средней, в результате чего у нас 79 четей средней земли оказалось в излишке, а 79 четей худой земли не хватило. Эта ошибка произошла из-за того, что писцы неправильно отнесли земли некоторых поселений к числу худых. Эти же самые земли в писцовой дозорной книге 1608 г. записаны середними. Однако качество земель за такой короткий срок не могло измениться. По нашим же подсчетам в Плесовской волости не хватает 14 четей худой земли. На Выми в этом же году не хватает середней земли 2 четей. В то же время обнаружены излишки перелога в 1 четь и земли, лесом поросшей, также в 1 четь. Вероятно, в данном случае при подведении итогов писцы перепутали цифры.

После описания пашенных земель помещались сведения о сенокосных угодьях. Сенокосы измерялись в к. XVI—XVII вв., копнами, с одной десятины в среднем собирали 10 копен сена. Просматривая сотные грамоты 1585—1586 гг. и писцовую книгу Яренского уезда 1608 г., мы обратили внимание на то, что в каждом населенном пункте количество копен сена указывается в цифрах кратных пяти (5, 10, 15, 20, 25 и т. д.). Это обстоятельство наводит на мысль, что писцы описывали сенокосные угодья приблизительно, на глаз. Это происходило, вероятно, потому, что сенокосы не входили ни в оклад, ни в сошное письмо.

При подсчетах общих итогов сенокосных угодий по землям Яренского уезда писцы допустили ряд ошибок. Так, иногда общие итоги писцов существенно отличаются от суммы итогов, полученных при суммировании частных данных по погостам и волостям. Таких ошибок нами обнаружено несколько.

В сотных 1585—1586 гг. и писцовой книге 1608 г. упоминаются слопцы и перевесья. Во всех известных нам сотных на земли Яренского уезда они всегда давались при описаниях отдельных населенных пунктов. В итоговых же записях писцы их пропустили в Вычегодских землях, вероятно, потому, что в хозяйстве населения, проживавшего по среднему течению р. Вычегды, охота не играла существенной роли. Наши итоги количества слопцов и перевесей по р. Сысоле дали цифру меньшую, чем зафиксировали пис-

цы в сотной, т. е. 861 слопец вместо 1065. Кроме того, мы не досчитались также и одного перевесья. В писцовой же книге 1608 г. упоминание о слопцах и перевесьях сохранилось только при описаниях отдельных погостов, деревень и починков, но они нигде не зафиксированы в итоговых записях, так как в представлении писцов не было необходимости вносить в книги данные, которые не влияли на размер сошного оклада.

К числу наиболее достоверных сведений писцовых и переписных книг относятся данные о налоговом обложении населения уезда. Сведения о налогах и сборах, имеющиеся в других источниках, подтверждают данные писцовых и переписных книг. В исправном поступлении налогов с населения было заинтересовано само государство. Сохранилось достаточное количество грамот и памятей населению уезда о сборе разных налогов и посылке их в Москву (с указанием суммы сборов), а также отписок дьяков Новгородской четверти о получении налогов с отдельных волостей и всего Яренского уезда.

Писцовые и переписные книги знакомят нас с эволюцией податной системы Русского государства. Рассматриваемые нами источники с привлечением актового материала позволяют изучать виды и размеры прямых налогов и повинностей, лежавших на населении Яренского уезда в XVII веке и составлявших государственное тягло.

В силу специфики писцовых и переписных книг как источника ряд интересующих нас вопросов не получил в них полного освещения. Так, в книгах имеются только единичные сведения об этническом составе населения: упоминается только несколько выходцев из Польши, Литвы и земель, населенных русскими. Данные топонимики, извлеченные из писцовых и переписных книг, могут нам помочь разрешить вопрос о распространении народа коми в Яренском уезде на протяжении конца XVI—XVII вв.

В писцовых и переписных книгах встречаются сведения о развитии торговли и о торговых людях уезда. Привлекая данные таможенных книг и отдельных актов, мы имеем возможность установить связь крестьянства с рынком. Этот же источник дополняет лаконичные сведения книг о торговых людях, их рыночных оборотах, поездках в другие города, связях с Сибирью и Уралом.

Сведения о ремесленниках в изучаемых нами источниках встречаются крайне редко. Может быть, их было действительно мало в крае, где почти отсутствовали города, и население в основном занималось хлебопашеством, скотоводством, рыболовством и охотой. Вероятно, удельный вес ремесленников был значительно больше по сравнению с

данными писцовых и переписных книг. Упоминание деревенских ремесленников, по-видимому, не носило систематического характера, так как ремесло сочеталось с другими занятиями. Писцы, наверное, упоминали только тех ремесленников, которые целиком работали на рынок. Таким образом сведения о ремесленниках, извлеченные из писцовых и переписных книг, не являются исчерпывающими и должны быть дополнены данными других источников.

Кроме того, сведения писцовых и переписных книг о населении Яренского уезда могут быть дополнены актами: духовными, купчими, закладными и т. п. В отличие от писцовых и переписных книг, актовый материал дает нам только единичные явления. Большим же достоинством писцовых и переписных книг является наличие в них сведений массового характера.

В результате изучения писцовых и переписных книг мы убедились, что в них имеется много неточностей, а порой и ошибок. В связи с этим этот вид источника рисует нам неполную картину того или иного явления и его данные не являются абсолютно точными. Вместе с тем отдельные ошибки не могут изменить общих выводов, основанных на исследовании их содержания. Мы признаем писцовые и переписные книги ценнейшим источником по изучению социально-экономической жизни Русского государства к XVI—XVII вв., так как в них нашли отражение различные стороны исторической действительности на протяжении более чем столетия.

Я. Е. Водарский

СВОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДЬЯХ ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Земельные угодья в первой половине XVII в. регистрировались, как известно, в писцовых книгах, дошедших до нас не по всем уездам и с большими дефектами, что делает очень затруднительным или прямо невозможным выяснение географического размещения, сословного распределения и общего количества записанных в них пахотных земель [1]. Поэтому большой интерес представляет сводный источник (точнее, комплекс сводных источников), содержащий подсчеты земельных угодий по 89 уездам, проделанные в начале XVIII в [2].

Однако использовать эти подсчеты без их предварительной проверки можно только для выяснения общего количества пахотной земли в крупных районах, когда общие итоги выражаются в сотнях или десятках тысяч десятин и, следовательно, ошибки в несколько тысяч десятин не могут существенно изменить картину и взаимное соотношение угодий между отдельными крупными районами.

Иное дело, когда мы обращаемся к итогам отдельных, пусть даже и больших, уездов. Здесь проверка этих подсчетов необходима и не только для уточнения сведений по данному уезду, но и для выяснения приемов подсчета, что позволит указать на возможные погрешности в подсчетах по другим уездам, по которым проверка невозможна или возможна только частично.

Одним из таких уездов является Вологодский. Мы располагаем двумя подсчетами по его писцовым книгам, один из которых был сделан в 1728 г., а второй — в 1736 г., неза-

[1] Проблема достоверности итогов писцовых книг рассматривается нами в специальной работе. (См.: «История СССР», 1969, № 2).

[2] См. нашу статью: «Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. по писцовым и переписным книгам» («Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.». Кишинев, 1966).

висимо от первого. Особенно ценно то обстоятельство, что, помимо окончательных результатов подсчетов, по Вологодскому уезду сохранились и первичные выписки из писцовых книг, по которым можно восстановить весь ход работы [3].

Процесс подсчета в 1736 г. рисуется в следующем виде. Канцелярист брал писцовую книгу и выписывал из нее количество земельных угодий частично за отдельными владельцами (по Городской половине — за духовенством и вотчинниками), частично по волостям и станам (по Заозерской половине и за помещиками по Городской половине). Затем подбивались итоги отдельных земельных угодий, принадлежавших помещикам, вотчинникам, архиереям, монастырям и церквям, отдельно же по каждой категории владельцев, по каждой волости и стану. После этого делались «выметки», т. е. выписывание и суммирование итогов по категориям владельцев в целом по уезду, а потом уже окончательные итоги записывались в «перечнезую выписку» и «табель». Из материалов подсчета 1728 г. сохранились только общие итоги по волостям, выметки, «перечневая выписка» и «табель» [4].

При сравнении Табелей 1728 и 1736 гг. оказывается, что Табель 1736 г. более подробно показывает общие итоги угодий за отдельными категориями духовенства. В нем даны итоги земель «за патриархом» (160) [5], «за патриаршими детьми боярскими» (52), «за митрополитом» (738), «за архиепископом» (6545), «за его приказными людьми и детьми боярскими» (1218), «за монастыри и за пустыни» (29 936), «за церквами» (2973), «за протопопом» (15) и «за попом с причетники» (пашни нет, только лес). Указано также отдельно количество «доброй», «середней» и «худой» земли, но общих итогов пашни каждого вида и всего пашни за духовенством нет. Затем указана пашня «за помещики и вотчинники» (173818), «в примерных» [землях — Я. В.] (611), «в порозжих землях» (1211), поуездные итоги «доброй», «середней» и «худой» пашни и ее общий итог (217281).

Как видим, в Табеле 1736 г. отсутствуют общие итоги земли за духовенством, за помещиками и вотчинниками, а также примерных и порозжих земель.

В Табеле же 1728 г., напротив, нет сведений о количестве земли различного качества и данных об угодьях отдельных категорий духовенства, а есть только общие ито-

---

[3] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5531.

[4] Табели с итогами подсчетов 1728 и 1736 гг. напечатаны в «Описании документов и бумаг московского архива министерства юстиции», кн. 6, М., 1889, отд. I, стр. 274—276. Там же см. подробное описание процесса подсчетов (стр. 257—261).

[5] В скобках мы указываем только подсчитанный нами итог пахотной земли в четвертях (округленно, без дробей) в одном поле.

ги: «пашни паханые добрые и середние и худые земли и лесом поросло порожжие и примерные» [6] — «за патриархом и за архиереи и за монастыри и за церквами 43187» [7], «за помещики и за вотчинники 173705», «в примерной [земле] 419», «в порожжих [землях] 704», «Итого 218014».

Таблица 1

Общие итоги Табелей 1728 и 1736 гг.

Владельцы	Табель 1728 г.	В тыс.	Табель 1736 г.	В тыс.
За светскими феодалами	173705	174	173818	174
Примерных земель	419	0,4	611	0,6
Порожжих земель	704	0,7	1211	1,2
Итого	174828	175	175640	176
За духовенством	43187	43	41637	42
Всего *	218015	218	217277	217

* Наш подсчет.

Как видим, расхождение оказалось существенным в небольших итогах примерных и порожжих земель, занимавших вместе менее 1% всей пашни в уезде, в итогах земли у духовенства (2450), где ошибка составила 1,1% к общему количеству пашни, и в общих итогах (менее 1%). Практически это означает тождество результатов подсчетов, ибо, имея дело со статистикой XVII—XVIII вв., нельзя рассчитывать на точность и следует всегда допускать возможность отклонений в ту или другую сторону процентов на 10, а то и больше.

Для оценки этих источников необходимо рассмотреть хотя бы вкратце вопрос о влиянии на итоги и подсчеты так называемого «одабривания» земель и вопрос об арифметических ошибках писцов при подведении итогов.

Напомним, в чем состояло «одабривание» земли. В целях установления единого критерия при определении податного обложения земли различного качества приравнивались к «доброй» земле путем увеличения их количества. Например, 125 четвертей «середней» и 150 четвертей «худой» земли облагались так же, как 100 четвертей «доброй» (в одном поле). В итогах отдельных владений писцы указы-

[6] Здесь излишне добавлено «порожжие и примерные», т. к. в Табеле есть для них отдельные графы. Отметим, что в Табеле 1736 г. пашня тоже не разделена по ее категориям («паханая», «лесом поросло» и т. п.).

[7] Итоги здесь и далее приведены из источника. Отметим, что по ряду уездов итоги порожжих земель входят в итог земель у феодалов.

вали качество земли и выражали ее количество в «неодобренной» и в «одобренной» земле, т. е. указывали, к какому количеству «доброй» земли они ее приравнивают и что остается в остатке («наддача»). Но в какой земле выражались поволостные и поуездные общие итоги и как подсчитывали их канцеляристы XVIII в.?

Для решения этого вопроса мы воспользуемся публикацией итогов пашни в поместьях и вотчинах по ряду волостей Заозерской половины Вологодского уезда, изданной В. Н. Сторожевым, и подсчетами канцеляристов по этим волостям (табл. 2)[8].

В писцовых книгах поволостные итоги двойные: дано количество земли каждого качества, подведен общий итог и выражен в «одобренной» земле.

Подсчеты же канцеляристов совпадают с итогами «одобренной» земли в писцовых книгах[9]. При подсчете помещичьей земли это наблюдается во всех случаях, но при подсчете вотчинной далеко не всегда. По Уфтюжской волости канцеляристы или писцы, видимо, ошиблись на 200 четвертей (около 8%). По Васьяновской и Корнской волостям при подсчете «одобренная» земля объединялась с «неодобренной». В Вальгской, Бережецкой и Кумзерской волостях подсчитана «одобренная» земля, по другим — «неодобренная». Это произошло потому, что как раз в эти годы правительство приняло решение вотчинную землю не «одабривать». Там, где писцы сами не измеряли землю, а брали итог из «приправочных» книг (т. е. из предыдущих писцовых книг, данных им для проверки), они вынуждены были брать его в том же виде. В писцовой книге есть оговорка о том, что из общего количества 8 тыс. четвертей 6 тыс. являются общим итогом «одобренной» и «неодобренной» земли.

Следовательно, первый вывод из сравнения итогов писцовых книг с подсчетами канцеляристов XVIII в. заключается в том, что подсчеты включают количество «одобренной» земли, и если итоги писцовых книг вообще дают заниженные цифры реальной пашни, то подсчеты еще более их уменьшают.

Однако к подсчетам может быть предложена поправка, которая поможет приблизить их к итогам писцовых книг, если последние почему-либо отсутствуют в писцовых книгах и не могут быть подсчитаны по ним.

---

[8] В. Н. Сторожев. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. I. СПб., 1906 и вып. 2. Пг., 1918. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5531, лл. 443 об. — 459.

[9] Точнее, с итогом «одобренной» земли и «наддачей» к нему (т. е. к «одобренной» земле прибавлена часть «неодобренной» — остаток после «одабривания»).

Таблица 2

Итоги писцов XVII в. и подсчеты канцеляристов XVIII в. (пашня в четвертях в одном поле)

№№ пп.	Волости	Поместья		Вотчины	
		итог без „одабривания"	подсчет XVIII в.	итог без „одабривания"	подсчет XVIII в.
1.	Бережецкая	344	243	166	121
2.	Березницкая	641	513	390	390
3.	Богословско-Заболотская	834	667	530	530
4.	Вальгская	680	543	184	140
5.	Васьяновская	1094	875	460	405
6.	Егорьевско-Заднесельская	1816	1524	190	190
7.	Иваново-Слободская	1764	1764	110	109
8.	Ильинская	1316	1075	130	131
9.	Катромская	1154	936	250	250
10.	Корнская	1043	853	484	476
11.	Кумзерская	4134	2461	323	297
12.	Лещевская	4225	3395	7	7
13.	Никольско-Заболотская	2196	1956	313	313
14.	Ново-Никольская	1425	1140	473	473
15.	Петряевская	1016	841	120	119
16.	Рождественская	1612	1338	—	—
17.	Старо-Никольская	610	570	662	662
18.	Томашская	2008	1561	1114	1114
19.	Уточенская	816	641	190	190
20.	Уфтюжская	7263	5902	2519	2712
21.	Фроловская	580	707	—	—
	Итого*	36571	29460	8615	8629

* Подсчет наш.

Как известно, при «одабривании» к 100 четв. «доброй» земли приравнивалось 125 четв. «середней» и 150 четв. «худой». Предположим, что мы имеем итог «одобренной» земли в 1000 четв. Теоретически реальный участок мог состоять целиком из «худой» или «середней» земли, или быть сочетанием земли всех трех качеств. В первом случае

реальный размер участка составит 1500 четв., во втором 1250 четв., в третьем же случае он будет где-то между 1000 и 1500 четв. Чем меньше в реальном участке будет «доброй» и «середней» земли, тем ближе его «одобренный» итог подойдет к максимальной цифре, и наоборот.

В уездах Юга страны преобладала «добрая» по качеству земля, а в остальных — «середняя». «Одобренные» итоги южных уездов мы можем оставить без изменения, так как ясно, что «одобренной» земли (т. е. «середней» и «худой») в них было очень мало. Итоги «одобренной» земли прочих уездов следует увеличивать на 25%. Разница между количеством земли, выраженном в «неодобренной» земле, и полученной нами цифре будет зависеть от количества «доброй» и «худой» земли в уезде. В среднем, она будет в пределах 20% в ту или иную сторону [10].

Проверим этот вывод на общем итоге табл. 2. В Вологодском уезде, конечно, преобладает «середняя» земля. Значит, подсчет поместной земли, выраженный в «одобренной» земле (29460 четв.), должен быть увеличен на 25%, т. е. равняться 36845 четв. Суммирование итогов писцовой книги дает нам 36571 четв. Разница между результатом нашей поправки к подсчету канцеляристов и итогами писцовой книги составляет только 274 четв., или 0,7%.

Следовательно, не имея писцовой книги, но располагая подсчетом канцеляристов, мы можем, применив предложенную поправку, приблизиться к итогу писцов (поправку надо применять к поместной земле).

Коснемся теперь вопроса об арифметических ошибках писцов. Наличие таких ошибок доказано бесспорно. Ряд исследователей сочли необходимым пересчитать количество дворов в изучавшихся ими писцовых книгах [11]. Вопрос о том, необходимо ли пересчитывать поуездные итоги количества земли в писцовых книгах, специально еще не изучался. Анализ итогов писцов и подсчетов канцеляристов по рассматриваемым волостям Вологодского уезда дает возможность сделать некоторые наблюдения.

---

[10] Иногда «середняя» и «худая» земли со многими угодьями приравнивалась к «доброй» (В. Н. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912, стр. 57—58). Но на поуездный итог это не могло значительно повлиять.

[11] См.: М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. 1, М., 1909, приложение 1. М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962 и др. Наше мнение о возможности использовать поуездные итоги количества дворов в переписных книгах мы попытались обосновать в специальной работе «К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в.» («История СССР», 1969, № 2). По тем же соображениям мы считаем возможным использовать без пересчета и поуездные итоги количества дворов в писцовых книгах.

В. Н. Сторожев опубликовал в указанном выше труде итоги писцовой книги по Ново-Никольской волости и результаты своей проверки, сведенные нами в табл. 3.

Таблица 3

Итоги писцов по Ново-Никольской волости и данные их проверки.

№№ пп.	Земельные угодья	Итоги писцов	Итоги В. Н. Сторожева
1.	Пашня паханая крестьянская	**328**	330
2.	Перелог	**537**	543
3.	Пашня, поросшая лесом	**909**	893
4.	Итого (включая и другие виды пашни)	1897	1889
5.	Пашенный лес	78	75

Как видим, поволостные ошибки незначительные. Рассмотрим более общие итоги (табл. 4).

Таблица 4

Итоги писцов XVII в. и подсчеты канцеляристов XVIII в. (пашня в четвертях в одном поле, в «одобренной» земле).

Категории владельцев	Итоги писцов	Подсчеты канцеляристов
Поместья	29806	30311
Вотчины	8489	8629
Итого у светских феодалов	38305 *	38940
Монастырские вотчины	2440	2445
Церковные земли	396	435
Итого у духовенства	2836	2880
Всего:	41141**	41820

* Следует: 38 295.
** Следует: 41 131.

Здесь ошибки писцов и расхождение их итогов с подсчетом итогов канцеляристов значительнее, но и они несущественны (общий итог не сходится на 790 четв., что составляет менее 2%). Расхождение между общими итогами подсчетов 1728 и 1736 гг. тоже невелико (менее 1%).

Рассмотренные данные говорят в пользу того, что при использовании поуездных (вообще — крупных) итогов количества земли в писцовых книгах первой половины XVII в. и подсчетов канцеляристов первой полозины XVIII в. по

этим писцовым книгам нет необходимости производить пересчет (что, кстати, не всегда и возможно). Конечно, этот вывод не может считаться окончательным и должен быть подкреплен дальнейшим изучением вопроса.

В приложении мы помещаем перечневую выписку, составленную в 1728 г. по писцовым книгам Вологодского уезда первой половины XVII в. (публикуется впервые). При использовании ее следует иметь в виду, что заслуживают доверия только итоги пашни (и то, по-видимому, это не вся пашня, а только облагавшаяся налогом), и что «добрая» земля в поместьях и вотчинах включает количество «одобренной» земли.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ведение с вологоцких писцовых книг писма и меры писцов Семена Коробьина, да Федора Воронцова-Вельяминова, да дьяка Савина Завесина, да подъячего Федора Стогова 136-го и 137-го и 138-го году.

В разных станах и волостях за помещики и за вотчинники, за патриархом, и за архиереи, и за монастыри, и за церквами и в примерных, и в порозжих землях написано. А имянно:

За патриархом и за архиереи, и за монастыри, и за церквами пашни паханые перелогу и лесом поросло добрые и середние и худые земли. Пашни добрые — 40 512 чети без полтора четверика; середние земли — 2624 чети; худые земли — 46 чети; порозжие — 5 чети; сена — 60 995 копен, лесу пашенного десятинного — 839, а четми иметца 1673 чети; лесу непашенного десятинного — 1586 с полу, а четми иметця 3172 чети; лесу поверсного и черного бору и болота в длину — 634 без чети версты; лесу поперешнику и черного бору и болота — 329 верст. Итого пашни за монастыри и за церквами — 43 187 чети без полутора четверика, сена — 60 995 копен, лесу — 3 388 с четью.

За помещики и вотчинники пашни добрые земли — 166 179 чети с получетью, середние земли — 7526 чети с получетью, сена — 81 190 копен без получети копны, лесу пашенного десятинного — 7964, а четми имеютца 15 928 чети, лесу непашенного десятинного — 9840 с полу, а четми иметца 19681 чети, лесу поверсного и черного бору и болота в длину — 1744 с полу и с третью верстою, лесу поперешнику и черного бору и болота — 971 с полуверстою, примерной пашни добрые земли — 419 чети без пол полчетверика, сена — 139 с третью копною, лесу пашенного десятинного — 17 с третью, а четми иметца 35 без третника, лесу непашенного десятинного — 36 с четью, а четми иметца 72 с осминою.

Порозжие: добрые земли — 683 чети без пол полтретника; худые земли — 21 чети; сена — 1269 копен; лесу пашенного десятинного — 253 без трети, а четми иметца 505 с третником; лесу непашенного десятинного — 4, а четми иметца 8 чети; лесу черного бору и болота в длину — 4 с полу; лесу поперешнику — 1 с четью.

Итого помещиковых и вотчинниковых пашни — 174828 чети с получетью, сена — 83198 копен, лесу — 14836 без чети.

Всего в Вологоцком уезде за патриархом и за архиереи, и за монастыри, и за церквами, за помещики, и за вотчинники в примерных, и в порозжих землях: пашни — 218015 чети без четверика, сена — 144193 копны, лесу — 18224».

ЦГАДА ф. 1209, кн. 5333, лл. 592—594. Подлинник (написан в форме таблицы, но названия граф отсутствуют).

В. Г. Миронова

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ДВИНСКИХ АКТОВ

Проблема датировки двинских актов представляется довольно сложной, несмотря на то, что «время их написания» определяется эпохой Новгородского (хотя и не исключительного) владычества на Двине» [1]. Это обстоятельство, конечно, в значительной степени сужает хронологические рамки составления двинских грамот, ограничивая позднюю дату концом XV в., т. е. временем покорения Новгорода московским великим князем, но не дает никаких конкретных указаний на время составления каждого отдельного акта внутри этих рамок. В большинстве случаев датировка актов производится на основе логических рассуждений и сопоставлений, упоминаемых в грамотах исторических лиц с известиями других письменных источников. Это позволяет определить время составления актов относительно друг друга. Далее, исходя из какого-либо точно датированного факта и связывая его с данными актов, в некоторых случаях устанавливается абсолютная дата документа, в других — более или менее уточняется.

В основу нижеследующей датировки двинских актов положено деление их на хронологические группы в сборнике грамот Великого Новгорода и Пскова [2], которое, в свою очередь, опирается на исследования А. А. Шахматова. В настоящей работе речь идет только о документах, датировка которых пересматривается, а также о тех, которые представляются наиболее значительными при решении вопроса об общих принципах частноправовой дипломатики.

Акты первой группы (№№ 123—127), датируемые концом XIV—началом XV вв., не поддаются более конкретному определению времени составления отдельных грамот, поэтому

---

[1] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903, стр. 1.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 182—277. Далее ГВНиП.

датировка их остается такой же общей. Однако в этой группе имеется одна грамота (№ 127), которая именем Ивана Даниловича, связана с грамотой № 130, датируемой в сборнике началом XV века [3]. В обоих случаях предметом сделок является один и тот же участок земли в Соломбале за Волоком, сначала приобретенный Иваном у чернецов святого Спаса (№ 127), а затем — проданный Василию Федорову и его братанам (№ 130). Сама последовательность совершаемых сделок указывает на более позднее составление рядной № 130. Но одно обстоятельство позволяет датировать этот акт более точно. В рядной № 130 Иван Данилович назван новгородским посадником, в то время, как в отписи № 127 его имя еще не сопровождается этим титулом. Известно, что Иван Данилович вступил в эту должность не позднее 1415 года [4], следовательно, этим временем нужно обозначить раннюю дату грамоты № 127. Крайней же поздней датой составления рядной № 130 можно считать 1416—1417 гг., когда упомянутый здесь послухом тысяцкий Александр Игнатьевич становится новгородским посадником [5]. Учитывая же, что под 1411 годом Иван Данилович упоминается в летописном сообщении еще без посадничьего титула [6], то возможное время составления рядной № 130 ограничивается 6—7-ю годами: 1411—1416/17 гг.

Вообще следует отметить, что появление первых двинских актов, датируемых концом XIV—началом XV вв., как кажется, неразрывно связано с внутриполитическими событиями, происходившими в Заволочье в конце XIV в. Речь идет об отложении Двинской Земли от Новгорода в 1397 г. и в связи с этим — столкновении Новгорода с Москвой [7]. Эти события привели, по-видимому, к существенным изменениям в административном управлении в Заволочье. Результатом этого явились, вероятно, и законы, устанавливающие новый порядок делопроизводства. Очевидно, именно с этого времени становится обязательным составление письменных актов и скрепление их печатью должностного лица. Такие меры позволяли Новгороду контролировать процесс перераспределения земельной собственности и не допускать в Новгородских владениях низовского влияния. Должностным лицом, получившим право скрепления именной буллой юридических документов в Заволочье стал двинской владычный наместник. Доказательством этого служат и сфрагистические материалы — на рубеже XIV—XV столетий из общей

---

[3] ГВНиП, стр. 186.
[4] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 238.
[5] Там же, стр. 248.
[6] НПЛ, стр. 402.
[7] Там же, стр. 389.

массы печатей архиепископских наместников резко выделяется новый тип булл двинских владычных наместников.

Из следующей группы актов (№№ 128—131), датируемых началом XV в.[8], с точки зрения уточнения датировки интересна одна грамота — № 128. Дело в том, что скрепляющая ее печать отличается от всех булл, сохранившихся при двинских актах. Она плохо сохранилась, но изображение на ней рассмотреть все-таки возможно: на одной стороне ее изображен простой крест, а на другой — богоматерь «Знамение» в рост[9]. Подобная печать скрепляет купчую № 252, датируемую XV в.[10]. Обе эти печати относятся к типу анонимных булл новгородских архиепископов; первая из них (при грамоте № 182) датируется последней четвертью XIV века и вторая (при грамоте № 252) — первой четвертью XV в. Соответственно должны быть датированы и акты, скрепленные этими буллами.

Значительную группу (№№ 132—141) представляют грамоты, отнесенные составителями сборника к первой четверти XV в.[11]. Особенно интересна среди них рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами (№ 132), которая хранится в библиотеке Красинских в Варшаве. Эта рядная представляет собой мирный договор в спорном деле — грабеже части наследства, принадлежащего Леонтию Зацепину по какому-то «Софронову рукописанью». На основании полученного убытка в 50 рублей Леонтий обратился в суд, по решению которого княжеостровцы обязались уплатить ему 2000 белок и «срядишася по старому ряду». Грамота интересна тем, что написана от имени властей: от посадника Василия Юрьевича, от посадника Аврама Степановича, от Васильева наместника Мины Андреевича и, наконец, от сотского Ивана, которые, по-видимому, и вершили этот суд. Некий Василий Юрьевич упомянут в летописи под 1417 годом как посадничий сын[12]; никаких более подробных сведений о его деятельности нет. Аврам Степанович известен как новгородский тысяцкий (до 1423 г.)[13] и посадник после 1423 г.[14]. О времени наместничества Мины Андреевича никаких данных нет, вследствие чего его имя не может быть привлечено

---

[8] ГВНиП, стр. 185—187.

[9] ЛСА, XIX, 2; П. А. Шорин. Анонимные печати новгородских архиепископов. СА, 1964, № 3, рис. 2, № 5.

[10] ГВНиП, стр. 263.

[11] Там же, стр. 188—194.

[12] НПЛ, стр. 407.

[13] В договорной грамоте Великого Новгорода с ганзейскими городами (ГВНиП, стр. 102, 103, № 62), датируемой февралем 1423 г., Аврам Степанович назван тысяцким.

[14] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 266.

для уточнения времени составления акта [15]. Несколько слов можно сказать об одном из участников этого ряда, а именно о посаднике Василии Юрьевиче. В. Л. Янин отождествляет его с «посадничьим сыном», а конкретнее — с сыном Юрия Дмитриевича, представителя Славенского конца, поскольку в начале XV в. среди посадников известны только два Юрия: уже названный Юрий Дмитриевич и Юрий Онцифорович. «С потомством Юрия Онцифоровича после обнаружения берестяных грамот, связанных с его семьей, мы хорошо знакомы, но в этих грамотах ни разу не упомянут Василий Юрьевич» [16]. Кроме того, отмечает В. Л. Янин, именем сотского Ивана рядная Леонтия Зацепина связана с новгородской правой грамотой Власа Тупицына, написанной от имени посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича. Яков Федорович, сын Федора Тимофеевича — достоверный славенский посадник, следовательно, сотский Иван, как представитель славенского конца, должен определять и принадлежность к нему Василия Юрьевича [17]. По поводу же классификации правой Власа Тупицына возникает ряд соображений, касающихся места ее составления. В сборнике грамот Великого Новгорода и Пскова этот документ отнесен к группе новгородских частных актов на том основании, что он является примером кончанского делопроизводства. Действительно, на первый взгляд подобное предположение кажется весьма правдоподобным: кончанские власти в лице своих посадников решают спорное дело одного из своих жителей — Власа Тупицына — по поводу спора его с княжеостровцами. Печати, скрепляющие этот акт, принадлежат также вышеназванным посадникам. Но одно немаловажное обстоятельство ни в коей мере не согласуется с вышеизложенным выводом. Речь идет об участниках ряда — княжеостровцах. Из содержания акта явно следует, что суд проходил на месте спора — на Княжьем острове: «... и Вячеслав (староста?) и вси княжеостровцы сташа на суд... и посадники вспросиша Уласка...» [18]. Трудно предположить, что для решения такого довольно обыденного спора новгородские посадники поехали в столь удаленный от города район. Предположение о том, что суд был в самом Новгороде также отпадает: «вси княжеостровцы» не поехали бы в город, чтобы «стать на суд», это было бы для них слишком дорогим путешествием. Такие же обстоятельства наблю-

---

[15] В этой связи следует только отметить, что Мина Андреевич мог быть наместником московских великих князей Василия Дмитриевича (1389—1425) или Василия Васильевича (1425—1462).

[16] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 260.

[17] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 260.

[18] ГВНиП, стр. 148.

даются и в рядной Леонтия Зацепина; только здесь круг судебных представителей расширен за счет княжеского наместника Мины Андреевича. Учитывая эти замечания, вполне возможно следующее предположение: в обеих случаях судебный процесс велся представителями местных органов власти, в компетенцию которых входило разбирательство спорных дел, жалоб и т. п., то есть решение всех вопросов, связанных с управлением Двинской Земли. Среди них — Мина Андреевич, наместник великого князя; Иван — княжеостровский сотский; и, наконец, посадники, вопрос об отношении которых к местному управлению остается пока нерешенным. Однако летописные данные и актовый материал, касающийся внутреннего управления Новгородской земли, дают сведения о существовании в Заволочье так называемого двинского посадника. Так, в грамоте Новгорода на Двину говорится: «...от великого князя,... от посадника,... от тысяцкого... и от всего Новгорода к двинскому посаднику на Колмогоры...» [19], а в жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю — «...ино двинским посадникам колмогорским... с возов не имати гостинного ничего» [20]. В таком случае вполне правомерным и не лишенным основания будет предположение о том, что названные в наших актах посадники являлись представителями не городской власти, а отправляли должность двинских посадников; причем исследуемые акты указывают, что одновременно эту должность занимали два человека. Однако цитируемая выше грамота Новгорода на Двину имеет в виду только одного посадника, причем в обращении к нему не называется даже его имя. Время составления этого акта — 1328—1341 гг. [21], наши же грамоты, составленные уже от имени двух посадников, написаны в начале XV столетия. Вполне вероятно, что за столь продолжительное время этот институт власти претерпел значительные изменения, приведшие к тому, что число двинских посадников удвоилось. Причину этого явления следует искать как в событиях собственно двинских, так и внутриновгородских. В конце XIV в. Двинская земля явилась ареной бурных событий, вплоть до вооруженного столкновения Новгорода с Москвой, а после победы Новгорода — окончательного упрочения там Новгородской системы административного управления.

В этой связи кажется не случайным и образование двойного представительства в институте двинского посадничества именно в то время, когда в самом Новгороде удваивается, а далее и утраивается число одновременно действую-

[19] ГВНиП, стр. 142, № 85.
[20] Там же, стр. 150, 151.
[21] Там же, стр. 142.

щих новгородских посадников, явившееся результатом реформы 1416—1417 гг.[22].

К вопросу о двинских посадниках мы еще вернемся в связи с другими актами, а пока попытаемся установить время составления двух из них: правой Власа Тупицына и рядной Леонтия Зацепина. Ранее датировка этих грамот производилась на основании посадничества упомянутых здесь лиц в Новгороде. Признавая же тот факт, что Яков Федорович, Иева Тимофеевич (№ 92), Василий Юрьевич и Аврам Степанович (№ 132) в данных актах выступают в роли двинских посадников, следует несколько уточнить предлагаемую датировку, принимая во внимание то обстоятельство, что двинское посадничество было более низшей ступенью, чем собственно новгородское. Таким образом, период занятия должности двинского посадника является, несомненно, более ранним, чем тот, когда бывший двинской посадник избирался на должность новгородского. Так, грамота № 92 должна быть датирована временем до 1416—1417 гг., т. е. до того момента, когда Яков Федорович становится новгородским посадником[23]. Рядная Леонтия Зацепина (№ 132) составлена до 1423 года, т. к. под этим годом Аврам Степанович назван тысяцким[24]. Данный пример наглядно иллюстрирует карьеру одного из видных политических деятелей Новгорода — Аврама Степановича: от двинского посадника к должности тысяцкого и далее до новгородского посадника.

Из следующей группы актов, относящихся ко времени не ранее 1-ой четверти XV в., интересна грамота № 143, фиксирующая куплю Михайловским Архангельским монастырем половины села в Тойнокурьи у Авдука и Фраля. (Сделка происходила при участии игумена Ивана и старосты Степана)[25]. Между тем покупка другой половины села (при игумене Акакии и старосте Федоре) зафиксирована купчей № 233 и датируется составителями сборника, вслед за А. А. Шахматовым, 2-ой половиной XV столетия[26]. В таком случае получается, что приобретение второй половины села произошло спустя значительный промежуток времени, в течение которого, по А. А. Шахматову, в Михайловском монастыре сменился еще один игумен — Андреян. К такому выводу А. А. Шахматов приходит на основании сопоставления двух других актов: №№ 210 и 214[27], в которых при игумене Андреяне упомянуты два старосты — Степан и Фе-

[22] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 250, 251.
[23] Там же, стр. 246.
[24] ГВНиП, стр. 102, 103, № 62.
[25] Там же, стр. 194, 195.
[26] Там же, стр. 252.
[27] Там же, стр. 237 и 239, 240.

дор. Следовательно, в его игуменство, наступившее вслед за Иваном, произошла смена старост: место Степана занял Федор. Далее рассуждения А. А. Шахматова таковы: поскольку в грамоте № 233 зафиксировано совместное упоминание игумена Акакия и старосты Федора, следовательно, Акакий занял эту должность после Андреяна. Такое довольно убедительное на первый взгляд построение при внимательном и основательном анализе не выдерживает критики. Во-первых, такой порядок игуменства предполагает отправление Степаном должности старосты при трех игуменах — Луке, Иване, Андреяне, что отчетливо видно из таблицы:

№№	игумен	староста
123	Лука	—
124	Лука	Василий
126	—	Василий
125	Лука	Степан
142	Иван	—
143	Иван	Степан
210	Андреян	Степан

Если учитывать, что должность игумена была почти всегда пожизненной, то приходится думать, что Степан занимал свое место по меньшей мере 40—45 лет. Такое обстоятельство кажется невероятным, поскольку в этом случае Степан занял должность старосты молодым человеком, что не было принято в духовной обители, видевшей в старосте человека уважаемого, умудренного жизненным опытом, а, следовательно, уже немолодого.

Во-вторых, как уже говорилось, в таком случае приобретение села у Авдука и Фраля растягивается на слишком длительный промежуток времени, в то время, как монастырская братия никогда не упускала возможности как можно быстрее приобрести дополнительные участки земли, тем более, что владение одной половиной села, вероятно, создавало неудобства в его эксплуатации в качестве земельного участка. Для окончательного решения этого вопроса следует обратиться к актам № 210 и № 214. Оба они связаны между собой судьбой одного участка. Грамота № 214 фиксирует куплю Михайловского Архангельского монастыря, а именно игумена Акакия и старосты Федора, у Василия Федорова села на Косткове горе, причем в акте подробно описаны причины и условия этой купли: в свое время

Софонтий Акинфов, дед Василия, заложил свою отчину Михайловскому монастырю «за девять рублей серебра да полтретяц сороков белки, да девять пудов жита»[28] с условием выкупа. Но ни Софонтий, ни его сын Григорий не выкупили села, так что Василий был вынужден «уступить» его монастырю за незначительную компенсацию. Грамота же № 210 представляет собой не что иное, как закладную Софонтия Михайловскому монастырю, выраженную в форме духовной старосты Степана; причем в конце акта подпись: «А на то послух, отец мой духовный игумен Андреян святого Михаила»[29], которая и ввела в заблуждение А. А. Шахматова, полагавшего, что Андреян — современник Степана. Однако трудно согласиться с тем, что Андреян игуменствовал в течение столь долгого времени — почти трех поколений — Софонтия Акинфова, его сына Григория и внука Василия. Как кажется, дело здесь в следующем: по истечении срока заклада дедом села, Василий вынужден был «продать» его монастырю, интересы которого представляли в это время игумен Андреян и староста Федор. Для более делового и документального оформления этой сделки была привлечена и духовная Степана, отражающая условия заклада этого села дедом Василия — Софонтием Акинфовым. Очевидно, в первоначальном своем виде духовная не имела приписки игумена Андреяна, поскольку обычно имена послухов перечисляются одно за другим без всяких выделений. В данном же случае слова «... а на то послух... Андреян...» стоят после такого же выражения «... а на то послухи Иван Леонтьевич, Давыд Ондреянович». По той причине, что акт сохранился в списке XVII в., неизвестно, была ли приписка об Андреяне нанесена на оригинал духовной Степана или был составлен новый список с нее, заверенный рукой Андреяна. Во всяком случае, совершенно определенно можно сказать: игумен Андреян не был современником Степана и их деятельность в области управления монастырским хозяйством разделялась большим промежутком времени. Отсюда следует, что Федор сменил Степана не при игумене Андреяне, а несколько раньше.

Возвратимся теперь к грамотам № №143 и 233, датировка которых была определена А. А. Шахматовым с большим хронологическим разрывом. Теперь же, учитывая, что староста Федор упомянут с двумя игуменами — Акакием (№ 233) и Андреяном (№№ 212—214), можно предположить, что Акакий был не преемником Андреяна, а его предшественником.

---

[28] ГВНиП, стр. 240.
[29] Там же, стр. 237.

№№	игумен	староста
123	Лука	—
124	Лука	Василий
126	—	Василий
125	Лука	Степан
143	Иван	Степан
142	Иван	—
233	Акакий	Федор
210	Андреян дополнил	—
212—214	Андреян	Федор
211	Андреян	—

Такое построение ликвидирует все противоречия. Степан оказывается современником двух игуменов — Луки и Ивана. Эта обычная продолжительность срока деятельности не вызывает никаких подозрений, как это было в схеме игуменства, предложенной А. А. Шахматовым. Купчая № 233 по времени составления приближается к купчей № 143, следовательно, должна быть датирована временем, близким к первой четверти XV столетия.

Из многочисленной группы актов, датируемых серединой XV в. (№№ 153—216)[30], и, в частности, из актов, отражающих деятельность Мелентия Чеваки, по своей значимости выделяются два: купчие №№ 182 и 183, почти дословно повторяющие друг друга. (Текст грамоты № 182 имеет незначительное дополнение: «...а в ту поскотину скота не пущали, поскотина у них своя и тягло у них свое с княжеостровцами»)[31]. А. А. Шахматов объясняет причину сосуществования этих двух аналогичных документов следующим образом: «Я признаю оба эти документа за современные копии, сделанные притом, как видно по их почерку, одним писцом»[32], и подтверждает свое мнение тем, что почерк этого кописта отличается от почерка грамоты № 177 (купчей Федора Макарова у Онцифора Андроникова сына), хотя все эти грамоты должны иметь одинаковый почерк, поскольку все они написаны Григорием, дьяком святого Спаса. О причине составления копий А. А. Шахматов не говорит.

Однако одно обстоятельство, связанное с оформлением этих актов, не позволяет относиться к ним как к простым копиям. Дело в том, что одна из этих грамот (№ 182) скреплена печатью Патракея Дмитриевича, другая же — (№ 183) печатью Фомы Есифовича. Если бы эти грамоты были обык-

[30] ГВНиП, стр. 201—241.
[31] Там же, стр. 220.
[32] А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 100.

новенными современными оригиналу копиями, составленными по какой-либо неизвестной нам причине, то, несомненно, они были бы утверждены одним лицом, т. е. имели бы одинаковые печати. В данном же случае печати принадлежат не только разным лицам, но и различны по своему оформлению: булла при грамоте № 183 — обычная, т. е. по своему типу аналогична печатям, скрепляющим большинство двинских актов: на одной стороне надпись: «печать Фомы Есифовича», на другой — изображение шестиконечного креста на подножии. Как установлено, такие печати принадлежали владычным наместникам, в данном случае — двинским. Совершенно иной тип буллы представляет собой та, которая скрепляет грамоту № 182. Здесь на одной стороне надпись: «печать Патракея Дмитриевича», на другой — изображение птицы, окруженной точечным орнаментом. По своему внешнему виду и изображению она должна быть отнесена светскому институту власти. (Подобного типа печати принадлежат новгородским посадникам, однако они всегда несут обозначение их титула) [33]. При решении вопроса о принадлежности данной буллы и причине составления дубликата грамоты приходится пользоваться, к сожалению, только умозрительными рассуждениями и логическими сопоставлениями, поскольку недостаточность материала не позволяет делать всесторонне доказанных выводов.

В этой связи следует упомянуть и грамоты №№ 146 и 147 [34], представляющие собой подобное повторение друг друга. А. А. Шахматов принимал грамоту № 147 за последующее дополнение грамоты № 146. Однако вызывает сомнение то обстоятельство, что в называемой им дополнительной купле перечисляются и ранее купленные земли и прикупленные позднее, а цена — только последних, в то время, как следовало бы ожидать указания общей стоимости всего участка. Как кажется, дело здесь в следующем: при сделке купли-продажи Якова Дмитриевича и Костковых детей были составлены два аналогичных акта, но так как эти акты дошли до нас в списках XVII в., то различие в их тексте следует объяснять невнимательностью или ошибкой переписчика. И действительно, написание цены в обеих случаях отличается только одним словом: «пять сороков бел» в грамоте № 146 и «сорок белки» — в № 147. К сожалению, неизвестно, какими печатями были скреплены эти акты, поэтому они не могут быть привлечены в качестве примера, аналогичного актам № 182—183.

---

[33] Среди новгородских посадников имени Патракея Дмитриевича нет.

[34] ГВНиП, стр. 197.

Грамота же № 208[35], сохранившаяся в подлиннике, скреплена печатью такого же типа, как и грамота № 182: на одной стороне надпись: «печать Василия Степановича», на другой — изображение всадника с копьем в правой руке. Деятельность Василия Степановича в качестве посадника Славенского конца 50-х — 60-х годов XV в. хорошо известна по летописным сообщениям и актовому материалу. Во всяком случае, к 50-м годам, а именно ко времени составления докончальной грамоты Славенского конца с Иваном Губаревым, Василий Степанович был уже новгородским посадником[36], следовательно, его деятельность в Заволочье должна быть отнесена к более раннему времени.

Подобен рассматриваемым актам и документ № 253 — данная посадника Терентия Богородской церкви на земли на Княжьем острове[37]. Скрепляющая его булла не сохранилась, но в Архангельском историко-литературном сборнике она описана следующим образом: на одной стороне надпись — «Терентия печать», на другой — изображение зверя[38].

Акт № 192 скрепляет аналогичная булла, которую также следует отнести к особой группе выделенных нами печатей. Она имеет только надпись «Есифова печать». Однако эта грамота написана одновременно с грамотой № 191, но последняя скреплена печатью владычного наместника Тимошки[39].

Все эти факты подтверждают возможность одновременного скрепления актов-дубликатов буллами разных должностных лиц. В качестве возможного решения вопроса о причине составления двух экземпляров актов, фиксирующих одну и ту же сделку, а также факте скрепления подобных документов печатями разных должностных лиц можно привести ряд соображений. Одно из них заключается в том, что в двинском делопроизводстве могла существовать система одновременного составления двух противней для обеих сторон — участников сделки, как это было характерно для составления государственно-правовых договорных актов. Но в таком случае эти противни должны были утверждаться одним лицом (или лицами), что противоречит нашим данным. К тому же никаких доказательств и примеров в пользу такого предположения среди двинских документов не имеется. По этой причине высказанное предположение следует считать несостоятельным.

---

[35] ГВНиП, стр. 236.

[36] Там же, стр. 172, № 112; датировку см. В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 320.

[37] ГВНиП, стр. 263.

[38] Среди новгородских посадников имени Терентия нет.

[39] ГВНиП, стр. 266. В обеих случаях речь идет об одном селе и условиях дарения его Богородицкому монастырю.

Другое объяснение исходит из несколько иного понимания этого процесса. Не отрицая одновременного составления двух равнозначных актов, вполне вероятно предположение о другом их назначении: один из них предназначался для покупателя в качестве документа, гарантирующего неприкосновенность его новой собственности; другой же — должен был находиться в архиве какого-либо должностного лица с целью более гарантированного сохранения, а в случае спора или подделки являться в качестве документального свидетельства. В таких обстоятельствах вполне допустимо привлечение к юридическому оформлению актов — скреплению их печатями — представителей двух разных институтов власти. Например, акт, идущий покупателю, скреплялся печатью владычного наместника, а акт, поступающий в архив, — печатью светского представителя местной власти, каким в Заволочье был двинской посадник. В таком случае можно думать, что скрепляемый двинским посадником противень хранился в его собственном архиве. Таким хранилищем документов мог быть архив при резиденции двинского посадника в Холмогорах. Исключительная немногочисленность документов, скрепленных печатями двинских посадников, объясняется довольно просто. Неоднократные пожары в Архангельске и Холмогорах, о которых сообщают письменные источники, прямо указывают на гибель множества документов, среди которых, как можно полагать, были и двинские акты из древлехранилища двинского посадника [40]. Документы же, идущие покупателям, хранились ими в основном в монастырских архивах, которые выполняли роль «несгораемых ящиков». Кроме того, монастыри, как крупные земельные собственники, получали акты от прежних землевладельцев при различных поземельных сделках. В таких случаях прежний владелец участка, хранивший у себя все грамоты, которыми успело обрасти владение в процессе передачи его от одного собственника к другому, передавал всю эту документацию новому владельцу — монастырю, который теперь уже хранил документальные доказательства на право владения новой собственностью. Как кажется, именно эти причины лежат в основе немногочисленности особого типа печатей, принадлежащих двинским посадникам, а именно булл, подобных скрепляющим акты №№ 92, 182, 192, 208, 253. К тому же трудно

---

[40] В 1723 г. был учрежден Архангельский магистрат, в который были переведены Холмогорские документы, а 26 ноября 1738 г. произошел «Большой архангельский пожар», в котором городская ратуша сгорела с «письменными древних лет холмогорскими делами». — В. В. Крестинин. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790, стр. III.

согласиться с мыслью о том, что отправление такой важной должности, какой являлось двинское посадничество, не повлекло за собой появления особого вида печатей, поскольку почти каждый сколько-нибудь значительный институт новгородского государственного аппарата имел собственный тип булл.

При выделении названных печатей в особый тип булл, принадлежащих двинским посадникам, можно опираться на их оформление: ни одна из печатей не имеет надписи, содержащей указания на титул «новгородского посадника», которые имели место на буллах городских посадников.

Как уже отмечалось, в формировании института двинского посадничества различаются два периода: исполнение этой должности одним человеком и совместное отправление ее двумя. Как представляется, с помощью известных фактов можно выяснить причины и время такой эволюции норм представительства в этом органе власти Заволочья.

Кроме уже упомянутого документа 1328—1341 гг., где говорится об одном двинском посаднике [41], следующие данные о нем приходится искать только в описании двинских событий 1397—1398 гг. Прямых указаний на участие в этих событиях двинского посадника нет, но одно имя, часто упоминаемое летописцем в связи с перечислением наиболее активных участников и даже предводителей новгородской оппозиции, заставляет более внимательно отнестись к этим сообщениям. Речь идет об Иване Микитине, имя которого впервые встречено в сообщении о том, кто «задался князю великому» — «... и двиняне, Иван Микитин, и бояре двинские и вси двиняне...» [42]. Дальнейшее развитие событий и превращение их в военное столкновение с Новгородом, выдвигают Ивана вместе с неким Кононом в двинские воеводы, которые после поражения были взяты в плен и сурово наказаны: Конон был, по-видимому, казнен сразу, а «переветника» Ивана Микитина «скинуша с мосту» по возвращении его в Новгород [43].

Вполне очевидна ведущая роль Ивана Микитина в подготовке и проведении этого антиновгородского выступления. Также бесспорно и его высокое положение среди всех двинских бояр и двинян вообще, позволившее ему стать во главе всей оппозиции. Такая власть могла сосредоточиться только в руках двинского посадника, поскольку он не мог остаться в стороне от этого выступления, примкнув к той или другой группировке. Коль скоро мы не находим никаких других сообщений об участии в этих событиях двинско-

---

[41] ГВНиП, стр. 142, № 85.
[42] НПЛ, стр. 389.
[43] Там же, стр. 393.

го посадника, вполне логично предположение, что в данный момент эту должность занимал Иван Микитин. В этой связи интересным представляется тот факт, что он назван летописцем среди двинских бояр и двинян, причем совершенно очевидна общность их интересов и действий. Это обстоятельство дает возможность предполагать, что Иван Микитин — представитель именно двинского боярства, выдвинутый им на должность посадника. Это предположение довольно убедительно подтверждается фактом абсолютной невозможности подобного его поведения при том условии, что двинской посадник был представителем новгородского боярства. Кажется невероятным, что ставленник Новгорода, представитель его интересов в Заволочье, был бы таким ревностным поборником союза с Москвой, который явился причиной новгородско-низовского столкновения.

Совершенно иную картину наблюдаем в 1401 г., когда в летописи помещено сообщение о заключительном этапе этой борьбы: велением князя великого Анфал Микитин (брат Ивана) да Герасим Растрига (также участник событий 1397—1398 гг.) с ратью «... взял всю двинскую землю на щит... и посадников двинских... Есифа Филипповича и Наума Игнатовича изымаша»[44]. В данном случае мы имеем дело уже с двумя двинскими посадниками — явными ставленниками Новгорода, а именно с новгородскими боярами, на что указывается в этом же сообщении: «...и отняша у них (у Анфала и Герасима) бояр новгородских... Есифа и Наума»[45]. Названные здесь двинские посадники — выходцы из видных боярских фамилий, принимающие активное участие в политической жизни Новгорода. Так, Есиф Филиппович упомянут в летописи под 1411 годом как новгородский воевода в борьбе со шведами[46], а Наум Иванович назван в числе новгородских послов при заключении в 1420 году Нарвского мирного договора с немцами[47]. Таким образом, новгородское происхождение этих двинских посадников не вызывает никаких сомнений.

Исходя из вышеизложенных фактов, нерешенным вероятности предположением будет мысль о непосредственной связи двинских событий 1397—1398 гг. с изменением в нормах представительства в должности двинских посадников. По-видимому, именно к этому периоду следует относить замену местного выборного, вероятно, с согласия Новгорода, посадника представителями боярской новгородской аристократии. Эта замена предполагала более сильное новгород-

---

[44] НПЛ, стр. 396.
[45] Там же.
[46] НПЛ, стр. 403.
[47] Там же, стр. 413.

ское влияние в Заволочье, более результативный и непосредственный контроль за действиями двинского боярства, имевшего тенденцию к сближению с низовскими князьями.

Наблюдение одновременного исполнения должности двинского посадника двумя лицами неизбежно приводит к постановке следующего вопроса: по какому принципу назначались эти лица и имела ли при этом значение территориальная принадлежность (имеется в виду кончанская) претендентов на эту должность. К сожалению, аргументированного и фактически обоснованного ответа на поставленный вопрос дать нельзя. Во всех случаях, когда нам известны имена лиц, одновременно исполнявших должность двинского посадника, территориальную их принадлежность выяснить не удается. Правда, в грамоте № 132 территориальная принадлежность посадников выяснена более определенно, чем в других: Аврама Степановича В. Л. Янин относит к славенскому боярству[48], а Василия Юрьевича, признавая его сыном Юрия Дмитриевича, следует отнести к представителям Прусской улицы[49]. Может быть, в назначении двинских посадников предусматривалось намеренное уравнение кончанских представительств, препятствующее усиление какого-либо из концов. Подобная тенденция вообще была характерна для новгородского посадничества начала XV века. Но, как уже говорилось, один подобный пример не может служить материалом для далеко идущих выводов, поэтому вышеизложенное предположение не может претендовать на право окончательного решения вопроса.

---

[48] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 377.

[49] Путем убедительных ссылок на кончанское строительство Аркажского монастыря и летописные данные удалось установить принадлежность Юрия Дмитриевича к боярству Прусской улицы. — А. С. Хорошев. Боярское строительство в Новгородском Аркаже монастыре. ВМУ, серия IX, история, 1966, № 2, стр. 77—82.

В. Л. Янин

К ДАТИРОВКЕ ДВИНСКИХ ГРАМОТ МУХАНОВСКОГО СОБРАНИЯ

Одной из важнейших основ датировки двинских грамот XV в., на которую обратил должное внимание еще А. А. Шахматов, является совместное изучение документов и привешенных к ним свинцовых булл. Такое изучение, однако, вызывает к жизни очень сложную проблему, возникшую в результате небрежного хранения целой группы двинских актов, прошедших через руки известного собирателя П. А. Муханова.

В его коллекции имелось 17 двинских грамот, вошедших затем в собрание Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В какой-то момент буллы грамот мухановского собрания были отвязаны, а затем привязаны снова, но в полном беспорядке. Эта перевязка была осуществлена еще до передачи собрания в Румянцевский музей, поскольку в публикации П. А. Муханова отражен уже новый, неверный порядок взаимоотношения печатей и актов[1]. Опору для восстановления истинной связи булл с мухановскими актами дают сделанные по поручению Н. П. Румянцева до того, как возникла путаница, копии с некоторых грамот, оказавшихся затем в собрании П. А. Муханова. На этих копиях воспроизведены и печати[2]. Однако, как сейчас убедимся, такое восстановление оказывается само по себе делом достаточно сложным, поскольку не все в румянцевских воспроизведениях точно, не все легенды там поняты правильно. Сложность усугубляется тем, что в мухановском собрании имелись и подверглись названной операции и такие документы, копий с которых у Н. П. Румянцева не было. Общее представление о существующей путанице дает следующая таблица, на которой нумерация грамот проведена по их последнему изданию[3].

[1] Сборник Муханова. Изд. 2-е, дополненное. СПб., 1866, стр. 544, 594—598, 607, 609.

[2] Отдел рукописей ЛБ, ф. 254, № 67.

[3] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

№№	ныне привешенная булла	булла в списке XIX в.
152	нет	Ионы
153	Остафьи Денисьевича (обл.)	«обломок без изображений»
157	Остафьи Денисьевича	Ермолы Алексеевича
159	нет	—
160	Ермолы Алексеевича [4]	Ермолы Алексеевича
168	нет	нет
172	нет	—
174	нет	нет
175	Якова Ивановича	Микулы Максимовича
176	Дементия Алексеевича [5]	Якова Ивановича
178	Остафьи Денисьевича	Якова Ивановича
195	Дементия Алексеевича	—
226	Ермолы Алексеевича	—
227	нет	—
228	нет	Дементия Алексеевича
231	нет	—
241	Микулы Максимовича	«Ивана Онисимовича»

В настоящее время при мухановских актах имеется в общей сложности девять печатей. Девять булл фиксируют и неполные румянцевские списки первой половины XIX в. (прочерками во втором столбце обозначены те документы, списков с которых в собрании Н. П. Румянцева нет). Отсюда, казалось бы, следует очевидный вывод, что и в том, и в другом случае мы имеем дело с одним и тем же набором печатей. Однако простейшее их сопоставление не дает убедительного результата. В самом деле:

оригиналы булл		их воспроизведения XIX в.	
Остафьи Денисьевича	— 3	—	
Ермолы Алексеевича	— 2	Ермолы Алексеевича	— 2
Якова Ивановича	— 1	Якова Ивановича	— 2
Дементия Алексеевича	— 2	Дементия Алексеевича	— 1
Микулы Максимовича	— 1	Микулы Максимовича	— 1
		Ионы	— 1
		«Ивана Онисимовича»	— 1

[4] Сейчас эта булла утеряна, но она сохранялась еще в начале XX в., когда ее смог воспроизвести Н. П. Лихачев. См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XVIII, 4.

[5] В настоящее время при грамоте сохраняется обломок этой печати, но она в полном виде воспроизведена Н. П. Лихачевым. См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XVIII, 8.

Совпадает лишь число печатей Ермолы Алексеевича и Микулы Максимовича. В остальных случаях наблюдаются явные расхождения. В списках фигурируют две буллы Якова Ивановича, в натуре одна. В списках — одна печать Дементия Алексеевича, в натуре две. В натуре имеются три печати Остафьи Денисьевича, в списках ни одной такой печати нет. В списках имеется булла Ионы, которой нет в натуре. Наконец, в списках фигурирует неизвестная вообще в натуре булла Ивана Онисимовича.

Тем не менее, имеется возможность понять некоторые из этих несовпадений. Небывалое на двинских буллах имя Ивана Онисимовича может быть прочтено только на плохой сохранности печати Якова Ивановича. Особенно показательны совпадения в рисунках креста на оборотной стороне в прориси Н. П. Румянцева и на подлинных буллах Якова и распределение фрагментов надписи на этой прориси и подлинных буллах. Подлинная и несохранившаяся к настоящему времени печать Якова Ивановича, таким образом, ошибочно была прочтена копиистом. По-видимому, нет оснований сомневаться в идентификации обломка с нечитаемой легендой при грамоте № 153 и сохранившейся в виде обломка печати Остафьи Денисьевича при той же грамоте. В остальных случаях надписи на буллах достаточно четки и ошибка в их чтении исключена. С этими дополнениями только что приведенная табличка будет выглядеть следующим образом:

оригиналы булл		их воспроизведения XIX в.	
Остафьи Денисьевича	— 3	Остафьи Денисьевича	— 1
Ермолы Алексеевича	— 2	Ермолы Алексеевича	— 2
Якова Ивановича	— 1	Якова Ивановича	— 3
Дементия Алексеевича	— 2	Дементия Алексеевича	— 1
Микулы Максимовича	— 1	Микулы Максимовича	— 1
—		Ионы	— 1

Сопоставление этих двух списков показывает, что к моменту передачи в Румянцевский музей были утрачены три буллы из мухановского собрания, а именно принадлежащие Ионе (одна) и Якову Ивановичу (две). Впрочем, местонахождение одной из печатей Якова Ивановича может быть указано с полной достоверностью. В отделе нумизматики Государственного исторического музея хранится беспаспортная печать Якова Ивановича (редчайший случай, когда двинская булла дошла до современного хранилища не при грамоте), которая поступила из Древлехранилища МИД, а туда

поступила из собрания М. П. Погодина, умершего в 1875 г.[6]. Детали ее сохранности абсолютно совпадают с теми деталями, которые запечатлены в румянцевской копии № 5, соответствующей грамоте № 178 по нумерации последнего издания (эта грамота происходит из мухановского собрания).

В попытках восстановить первоначальную связь печатей с мухановскими грамотами оказывается полезным обратиться к той систематизации актов этого собрания, которая была произведена самим П. А. Мухановым. Такая систематизация при некоторых различиях в ее деталях трижды была опубликована собирателем, причем, как увидим, сами различия настолько многозначительны, что могут служить к пониманию определенной очередности в пополнении П. А. Мухановым его коллекции.

Публикация в «Сборнике Муханова» (1866 г.) знакомит с двинскими грамотами, как бы разделенными на три отдела. Первую группу составляет единственный документ, опубликованный под № 259, — купчая Порфирия Васильева у игумена Николаевского Чухченемского монастыря Юрия (№ 227 по изданию ГВНиП), которую издатель датировал XIV или XV веком[7]. Вторую группу составляет серия документов, изданных под №№ 310—317. В нее входят: данная игумена Василия тому же монастырю (№ 310; по изданию ГВНиП — № 176), семь купчих, помеченных именем того же Василия (№ 311; по изданию ГВНиП — №№ 174, 157, 168, 153, 172, 160, 175), и шесть купчих, помеченных именами разных лиц (№№ 312—317; по изданию ГВНиП — №№ 195, 231, 241, 159, 178, 228). Все эти документы П. А. Мухановым отнесены к XIV в.[8]. Наконец, к последней группе принадлежат два документа — духовная Ивана Матвеевича, завещавшего землю Николаевскому Чухченемскому монастырю при игумене Юрии (№ 331; по изданию ГВНиП — № 226), и закладная Власия Степановича игумену того же монастыря Василию № 333; по изданию ГВНиП — № 152). Первая грамота отнесена издателем к XIV в., вторая — «с вероятием» к 1349 г.[9]. Особо отметим, что вплотную к этой группе примыкают и предшествуют ей два акта, не имеющие отношения к Двине: данная Микулы Борисовича Спасскому Ярославскому монастырю (№ 329) и рядная Федора Акинфовича с Матвеем Ивановичем (№ 330; по изданию ГВНиП — № 122).

Мы специально оговорили предложенные П. А. Мухановым даты во всех трех группах, чтобы показать, что это

---

[6] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XVIII, 11.
[7] Сборник Муханова, стр. 544; ср. стр. XI.
[8] Там же, стр. 594—596; ср. стр. XI.
[9] Там же, стр. 607—609; ср. стр. XI.

подразделение не основано на хронологических соображениях, а опирается на какие-то иные принципы.

В оглавлении к «Сборнику Муханова» очередность актов несколько иная. Сначала здесь подряд перечислены акты, имеющие в публикации №№ 311—317, т. е. основная часть грамот второй группы, однако № 310 поставлен здесь только после акта № 317, а вслед за ним назван в общей с остальными рубрике «XIV век» акт № 331. Далее, под рубрикой «XIV или XV век» перечислены двинская грамота № 259, не имеющие отношения к Двине акты №№ 329 и 330 и, наконец, двинская грамота № 333 [10].

Близкий к только что описанному вариант систематизации изложен в «Каталоге актов» мухановского собрания (1865 г.). Здесь первые 13 номеров соответствуют документам №№ 311—317 (по мухановской публикации), № 14 отдан документу № 310, № 15 — рядной Федора Акинфовича № 330), № 16 — документу № 331, № 17 — документу № 259, № 18 — данной Микулы Борисовича (№ 329) и № 19 — документу № 333 [11].

Все эти систематизационные разногласия могут быть кратко изложены в сводной таблице:

Каталог	Оглавление	Публикация
		259
		310
1 (311—1)	311—1	311—1
2 (311—2)	311—2	311—2
3 (311—3)	311—3	311—3
4 (311—4)	311—4	311—4
5 (311—5)	311—5	311—5
6 (311—6)	311—6	311—6
7 (311—7)	311—7	311—7
8 (312)	312	312
9 (313)	313	313
10 (314)	314	314
11 (315)	315	315
12 (316)	316	316
13 (317)	317	317
14 (310)	310	329
15 (330)	331	330
16 (331)	259	331
17 (259)	329	333
18 (329)	330	
19 (333)	333	

[10] Сборник Муханова, стр. XI.

[11] Каталог актов XIV, XV, XVI, XVII вв., принесенных в дар Московскому публичному музею П. А. Мухановым. СПб., 1865.

Легко заметить, что во всех трех списках очередность актов совпадает только для части материала, обозначенного в «Каталоге» номерами 1—13. Только эта часть также подчинена принципам — пусть самой примитивной — систематизации. Остальные грамоты перемещаются с места на место, переслаиваясь инородными актами. Отсюда, на наш взгляд, возможен только один вывод. Собрание двинских грамот было приобретено П. А. Мухановым не в один прием, а, по крайней мере, в два. Сначала в коллекцию легли 13 документов, соответствующих первым 13 номерам «Каталога», затем, спустя значительный срок, собрание пополнилось еще 4 двинскими документами, получившими в «Каталоге» номера 14, 16, 17 и 19.

Опираясь на эти наблюдения, становится возможным решить одну важную сфрагистическую задачу. Присмотримся к результатам сравнения подлинных актов с перевязанными буллами и румянцевских копий, сохранивших сведения об истинном местоположении некоторых из этих булл:

№№ по Муханову	№№ по ГВНиП	первоначально привешенная булла	ныне висящая булла
1	174	нет	нет
2	157	Ермолы Алексеевича	Остафьи Денисьевича
3	168	нет	нет
4	153	обл. «нечитаемой печати»	Остафьи Денисьевича
5	172	?	нет
6	160	Ермолы Алексеевича	Ермолы Алексеевича
7	175	Микулы Максимовича	Якова Ивановича
8	195	?	Дементия Алексеевича
9	231	?	нет
10	241	Якова Иванчовича	Микулы Максимовича
11	159	?	нет
12	178	Якова Ивановича	Остафьи Денисьевича
13	228	Дементия Алексеевича	нет
14	176	Якова Ивановича	Дементия Алексеевича
16	226	?	Ермолы Алексеевича
17	227	?	нет
19	152	Ионы	нет

Сравнивая оба столбца таблицы, мы видим среди висящих ныне булл три, первоначальное место которых не позволяет установить обращение к румянцевским копиям, поскольку копии с соответствующих документов не снима-

лись. Имеем в виду две печати Остафьи Денисьевича, висящие ныне при грамотах №№ 157 и 178, и одну печать Дементия Алексеевича, висящую ныне при грамоте № 195. Первоначальное местоположение булл Остафьи Денисьевича устанавливается сравнительно просто. Очевидно, что грамоты с этими печатями не входили в основное собрание П. А. Муханова, т. е. не находились в числе первых тринадцати номеров. Иначе не возникло бы никаких трудностей с толкованием обломка буллы при грамоте № 153, принадлежавшей тому же Остафье Денисьевичу и оттиснутой той же самой парой матриц. Отсюда единственная возможность восстановить первоначальную связь печатей Остафьи Денисьевича с грамотами заключается в идентификации их с актами №№ 226 и 227 (№№ 16 и 17, по нумерации П. А. Муханова). Отметим, что эта пара документов тесно объединена между собой упоминанием в них игумена Николаевского Чухченемского монастыря Юрия. Имя игумена Юрия вовсе не встречается в каких-либо других источниках.

Более сложным оказалось установление первоначального местоположения печати Дементия Алексеевича. У нас, по-видимому, нет данных окончательно решить этот вопрос. Булла могла быть привешена и к грамоте № 172, и к грамоте № 195, и к грамоте № 231, и к грамоте № 159, копий с которых у Н. П. Румянцева не было.

Окончательный результат восстановления исконной связи булл с мухановскими актами может быть представлен следующим образом:

№ 152	—	печать Ионы;
153	—	Остафьи Денисьевича
157	—	Ермолы Алексеевича
160	—	Ермолы Алексеевича
175	—	Микулы Максимовича
176	—	Якова Ивановича
178	—	Якова Ивановича
226	—	Остафьи Денисьевича
227	—	Остафьи Денисьевича
228	—	Дементия Алексеевича
241	—	Якова Ивановича
? (159, 172, 195, 231)	—	Дементия Алексеевича.

II

ПУБЛИКАЦИИ

Н. Н. Парфенов

ЛИСТОВКИ VI АРМИИ

В борьбе с интервентами и белогвардейцами в 1918—1920 гг. большую роль сыграла партийно-советская печать. Она была в руках Коммунистической партии острым и действенным средством мобилизации трудящихся масс на решительную и беспощадную борьбу против всех врагов Советской власти. Активная печатная пропаганда способствовала политическому разложению войск противника и тем самым содействовала боевым успехам Красной Армии. «Путем агитации и пропаганды, — говорил В. И. Ленин,— мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат» [1].

Среди печатных пропагандистских средств партии видное место занимают листовки. Трудно переоценить их значение, особенно в разоблачении замыслов интервентов и внутренней контрреволюции, как и в борьбе с антисоветской пропагандой противника. В листовках и воззваниях раскрывались причины интервенции, опровергались ложные и клеветнические измышления контрреволюционной печати о Советской власти и Красной Армии, давалась правдивая информация о жизни красноармейцев и боевых действиях на фронте, о революционном движении в других странах.

Ярким свидетельством мудрого и авторитетного руководства партии борьбой с интервентами и белогвардейцами на Севере являются листовки, выпускавшиеся в Вологде в типографии политотдела 6-й армии. В них отражены наиболе важные и злободневные вопросы жизни молодой Советской республики и содержится большой фактический материал, дающий возможность полнее, шире и глубже рас-

[1] В. И. Ленин. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 125.

крыть и уяснить военно-политическое и экономическое положение Советского Севера в годы гражданской войны. Стало быть, листовки 6-й армии являются важным источником в научно-исследовательской, пропагандистской и краеведческой работе.

Листовки и воззвания, выпускавшиеся для распространения в войсках противника, заслуживают особого внимания, тем более, что с момента их издания, они, как правило, не публиковались. Кстати, в предисловии к т. I каталога «Листовок первых лет Советской власти» (М., Издво, «Книга», 1967, стр. 7) справедливо указано на то, «что за исключением московских и петроградских местные листовки мало исследованы и совершенно недостаточно введены в научный оборот» [2].

Многие листовки 6-й армии адресованы прямо солдатам интервентов и белогвардейцев, а также мобилизуемым в белогвардейскую Северную армию генерала Миллера. Среди наиболее интересных листовок следует назвать «Ответ генералу Айронсайду», воззвание «К мобилизованным крестьянам и рабочим Северной области, находящимся во власти союзных разбойников», «К русским офицерам Северной армии», «К мобилизованным (белогвардейцам) от братьев красноармейцев», «Письмо к солдатам северных полков от Красной Армии», «20 розог», «В окопы белых», «Начало конца», «Ответ политотдела [6-й] армии чужеземным грабителям и русским предателям на их поганые прокламации» и др.

Сами заголовки листовок и воззваний наглядно свидетельствуют как о тематике и направленности их, так и о размахе агитационной работы на фронте. Каждая листовка посвящалась конкретному, злободневному вопросу. Высокая партийная принципиальность и идейность, революционная страстность и большой публицистический накал, злободневность и наступательный характер, правдивость фактов и четкость лозунгов, ясность и простота изложения — вот особенности и черты, определявшие большую популярность и высокую действенность листовок.

Выпуск листовок после создания красноармейской газеты «Наша война», которая начала выходить с 1 января 1919 г., стал исключительно оперативным и приобрел к се-

---

[2] Попутно отметим, что в последние годы большую работу по изучению листовок, выпущенных в 1917—1925 гг., проводят в Ленинграде ученые Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которой хранится богатейшая коллекция этих материалов. Московским издательством «Книга» в 1967 г. выпущен обстоятельно подготовленный ими под редакцией кандидата исторических наук А. Ф. Шевцовой и весьма полный т. I каталога «Листовок первых лет Советской власти».

редине 1919 г. значительный размах. Они печатались даже в прифронтовой полосе. Для этой цели были оборудованы две небольшие походные типографии: одна на Северной Двине — на пароходе, другая — на станции Плесецкой в вагоне [3].

В работе по подготовке текстов воззваний и листовок активно участвовали члены РВС (Реввоенсовета) 6-й армии Н. Н. Кузьмин, И. К. Наумов и А. М. Орехов, руководящие деятели Архангельской и Вологодской партийных организаций Я. А. Тимме, В. И. Суздальцева и М. К. Ветошкин. В отдельных случаях РВС 6-й армии, губкомы и губисполкомы выступали и как коллективные авторы воззваний. Самое горячее участие в подготовке выпуска листовок принимала редакция красноармейской газеты «Наша война» во главе с редактором Ф. Е. Глущенко (1886—1920 гг.). Стойкий, последовательный большевик, член партии с 1905 г., Глущенко был душой газеты и боевым публицистом, автором или соавтором многих листовок, печатавшихся, как и газета «Наша война», в Вологде — в типографии политотдела 6-й армии.

Но из всех авторов листовок особенно выделяется талантливый публицист Н. Ф. Пластинин. Никто другой в редакции газеты «Наша война» не умел лучше его обыграть злободневный факт, сделать броское, меткое сравнение. Суждения и выводы Пластинина, порою хлесткие и категоричные, предельно ясны, конкретны. Сталкивая различные факты, он иногда не делал выводов, заставляя читателя самого сделать это. Многие его газетные статьи перепечатывались как листовки и распространялись по обе стороны линии фронта многотысячными тиражами. Нередко он подписывался под текстом и как член ВЦИКа. Его листовки имеют простые, но выразительные заголовки: «На свой аршин меряют», «20 розог», «Начало конца», «Свинья во френче» и т. д. В листовке «Начало конца» (см. док. № 7) он зло высмеивает «рай», который обещали, но не могли дать, и, конечно, не дали трудящимся Севера «заморские гости» и русские белогвардейцы.

Н. Ф. Пластинин — автор известных листовок-писем «В архангельскую Англию». Он стремится вызвать читателя-солдата, мобилизованного в белогвардейскую Северную армию, на глубокие размышления, а затем и на осознанные действия в интересах Красной Армии. Он призывает читателей-солдат обсуждать листовки, честно понять происходящее и, пока не поздно, подняться против царских золотопогонников и русских продажных белогвардейских агитаторов, служивших раньше в кулацких земствах и

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 60, л. 139.

гревших руки около кооперативов. «Встаньте, земляки, спасая свою свободу, — заключает он свое 2-е письмо (см. док. № 11), — на англичан и сбросьте их в море! Да здравствует свобода трудового народа!» Для Пластинина характерна манера вести прямой разговор с читателем, ставить прямые вопросы в диалогах с ним. И всегда налицо четко выраженная линия, партийная принципиальность и страстность публициста.

Распространением листовок и воззваний на фронте руководили политработники 6-й армии. Формы и методы распространения листовочной литературы в районах расположения неприятельских войск определялись особой инструкцией политуправления РВС республики.

Конечно, в тыл противника листовки, как и газеты, попадали прежде всего через разведчиков, которые проявляли изумительную находчивость. Были случаи, когда пропагандистские материалы пересылались к белым в тюках, которые привязывались на рога коров, перегонявшихся через линию фронта. Неоценимую роль в распространении листовок на занятой врагом территории оказывали, рискуя жизнью, местные жители. Они работали связными, вели тайную агитацию против интервентов и белогвардейцев.

Распространение листовок и воззваний как среди войск противника, так и среди красноармейцев и населения в в 1919 г. информаторы-политкомы специально учитывали в своих памятных книжках[4].

* * *

При включении листовок в настоящий сборник автор публикации стремился отобрать наиболее яркие материалы, направленные своим острием против интервентов и белогвардейцев и относящихся, главным образом, к середине и второй половине 1919 г., когда поток листовок был особенно значительным и сильно воздействовал на распропагандирование солдат противника. За 1918 г. дан текст лишь одной листовки, которая отражает общую картину положения и вдохновенно зовет — по примеру красного Питера — на решительную и беспощадную борьбу с врагом. Включено также несколько листовок, выпущенных в начале 1920 г. политотделом 18-ой стрелковой дивизии.

Тематика и содержание небольшой подборки листовок наглядно характеризуют многогранную и целеустремленную работу партии по мобилизации трудящихся масс на

---

[4] ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, ед. хр. 31, лл. 5а—15.

помощь фронту, на борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией.

В этих листовках убедительно разоблачаются захватнические планы империалистических хищников, оккупационный режим и антинародные действия русских белогвардейцев (док. №№ 1—8, 11).

Сознавая непрочность положения оккупационных войск на Севере, их главнокомандующий британский генерал Айронсайд не раз пытался с помощью своих воззваний, наполненных то угрозами, то фальшивыми посулами, повлиять на население захваченных территорий и даже на красноармейцев, призывая первых поддерживать интервентов и белогвардейцев, а вторых — переходить из Красной Армии на их сторону. На эти воззвания незамедлительно следовали ответы с нашей стороны, в которых давалась достойная отповедь заведомой лжи и клеветническим домыслам чопорного британского вояки.

Наглядным примером такого ответа может служить помещенный в подборке документ № 4. Из него видно, что советские листовки служили не только пропагандистским целям, но и являлись действенным средством контрпропаганды (см. также док. № 3).

Содержание многих документов направлено на пробуждение классового самосознания иностранных и белогвардейских солдат. В листовках звучит мотив классовой солидарности с борющимся против своей буржуазии пролетариатом зарубежных стран, подчеркивается справедливый характер борьбы, которую вела Красная Армия (док. №№ 1—5), содержится анализ текущих событий, разоблачается провокаторская и предательская роль соглашательских партий (док. №№ 5—9 и др.).

Среди листовок, обращенных к мобилизованным в белогвардейскую Северную армию и содержащих призыв правильно оценить происходящие на фронте события и переходить на сторону Красной Армии (см. док. №№ 2, 5, 7—10, 12—14), обращает на себя особое внимание воззвание «К мобилизованным крестьянам и рабочим Северной области, находящимся во власти союзных разбойников» (док. № 5). С этим воззванием перекликается листовка, адресованная дезертирам и призывающая их не воевать с Красной Армией и сложить оружие (док. № 9).

И все это (что очень важно) — во избежание излишнего кровопролития! Тем более, что после целого ряда военных неудач и восстаний, начавшихся с весны 1919 г. в войсках противника, а также вынужденной эвакуации интервентов осенью 1919 г., полный крах северной контрреволюции стал очевидным.

С классовых позиций разъясняется значение и необходимость перехода в ряды Красной Армии рабочих и крестьян, мобилизованных белыми в их Северную армию. Наглядным примером такого воззвания является листовка «В окопы белых» (эта рубрика в 1919 г. была постоянной), выпущенная к годовщине захвата интервентами Архангельска и разъясняющая приказ Реввоенсовета республики № 1139 от 15 июля 1919 г. (см. док. № 8), который обязывал дружелюбно встречать перебежчиков и гуманно относиться к военнопленным, избегая самочинных расстрелов.

Листовки издавались не только политотделом 6-й армии, но и политотделениями дивизий. Например, в действовавшей на Архангельском направлении 18-й стрелковой дивизии ее политработники в 1919 г. выпускали, кроме оперативного боевого бюллетеня (размером 32×22 см) «Путь на Архангельск», злободневные листовки и воззвания. Они печатались в походной типографии (по месту нахождения штаба и политотделения дивизии): до 9 октября 1919 г. на ст. Плесецкая, а позже — вплоть до вступления в гор. Архангельск — в деревне Шалакуша (ныне Няндомского района).

Петроградский красноармеец и очень способный журналист Г. А. Закс, редактировавший дивизионную газету, готовил к печати боевые листовки, предназначенные для распространения в тылу противника. Он умело пользовался протоколами допросов пленных и перебежчиков, а также агентурными сведениями, которые получал от начальника разведки штаба дивизии А. М. Ларионова, его заместителя С. И. Заболотных и секретаря Н. Н. Ларионова. Заксу очень помогало при этом знание нескольких иностранных языков. Злободневные материалы он использовал также в заметках и статьях, которые публиковались в газетах «Наша война» и «Путь на Архангельск». С подготовленными текстами листовок до просмотра их начальником политотделения он, как правило, знакомил работников отдела разведки дивизии. Кстати, А. М. Ларионов и сам был автором ряда листовок. Живой интерес к подготовке листовок проявлял комиссар дивизии И. Ф. Куприянов.

Политотделение дивизии выпустило в 1919—1920 гг. 50 разных листовок (каждая тиражом 1000 экз.), обращенных к белогвардейским солдатам [5]. Из них до 8 февраля 1920 г., т. е. до начала наступления 18 стрелковой дивизии на Архангельск, было издано 45 листовок. Это подтверждается цифрами 14(45) в левом нижнем углу листовки «Дер-

[5] Партархив Архангельского Обкома КПСС, ф. I, оп. 2, ед. хр. 6, л. 80.

жи Миллера», которая, по свидетельству А. М. Ларионова[6], была выпущена 5 февраля 1920 г. Число 14 обозначает количество листовок, напечатанных после 1 января 1920 г., а число 45—порядковый номер от начала их выпуска. Значит, в 1919 г. была подготовлена и выпущена 31 листовка (45 минус 14).

Любопытно отметить, что листовка «Рабочим и крестьянам» «царства» Миллера» (см. док. № 13) также имеет в левом нижнем углу двойной номер: (6/37). Здесь та же арифметическая разница: 37—6=31. Стало быть подпись «Политотделение № стрелковой дивизии» следует расшифровать так: политотделение 18 стрелковой дивизии. И еще: эта листовка была выпущена значительно раньше предыдущей, как и листовка «Солдаты Миллера!» (см. док. № 14).

При подготовке текста последней ее автор Г. А. Закс использовал напечатанное 13 января 1920 г. в архангельских газетах «правительственное» сообщение о крестьянском восстании в Карелии, а также показания белых солдат-перебежчиков о созыве в Архангельске земского съезда, на который приглашались и представители от белой армии. В листовке белогвардейские солдаты сориентированы на созыв солдатского съезда. Листовка «Товарищи крестьяне» (док. № 15), напечатанная от имени солдат Северной армии, появилась 9 или 10 февраля 1920 г. — после допроса белых офицеров и солдат 3-го Северного полка из Денисловского гарнизона. Она была последней, изданной при участии Г. А. Закса и А. М. Ларионова, но не последней вообще.

В настоящую публикацию листовок и воззваний, выпускавшихся политическими органами 6-й армии, мы включили далеко не все даже из тех, которые удалось собрать. Но и то, что предлагается вниманию читателя, дает ясное и достаточно определенное представление о характере листовочной литературы и вызывает несомненный интерес к специальному изучению ее. Ведь листовки — это яркие политические документы периода гражданской войны. Они являются важным источником, дающим дополнительный материал для освещения жизни и деятельности политических органов 6-й армии и активных участников гражданской войны на Севере.

* * *

Предлагаемые вниманию читателя листовки располагаются в хронологическом порядке. Установленные номера воинских частей и случаи восстановления пропущенных букв, слов или словосочетаний отмечены в квадратных скобках. Все тексты публикуются по современной орфогра-

[6] Из письма А. М. Ларионова автору публикации 17 мая 1968 г.

фии и пунктуации. Явные опечатки в них устранены. Выделения показаны курсивом, прописным и полужирным шрифтом, а также разрядкой в текстах.

Подборка листовок снабжена подстрочными и текстовыми примечаниями, содержащими в ряде случаев установленные сведения об авторах текстов, о тиражах листовок и т. п. Если текст листовки был напечатан и в газете, это отражено в примечаниях с указанием на разночтения, а дата опубликования вынесена в квадратных скобках над текстом листовки как дата ее выпуска. При наличии дат на листовках они (даты) в скобки не заключаются. Места хранения листовок отражены в примечаниях.

№ 1

[22 сентября 1918 г.]

ВПЕРЕД НА БИТВУ!

Враги России, где власть рабочих, крестьян беднейших, сквозь ряд препятствий мир новый строит, пришли и с боем идут походом, надеясь силой вернуть нам снова царя и плети.

К англо-французам и к их наймитам, чехословакам, бегут навстречу и предлагают свои услуги врагам рабочих — попы, банкиры, белогвардейцы из офицеров.

И с подлой бандой наймитов биржи грозят рабочим, грозят всем бедным, социалисты из всех тех партий, кто с ними вместе против вампиров боролся рядом, но кто сегодня, когда рабочий прогнал банкиров и стал сам править страной великой, от нас отпрянул и стал слугою капиталистов.

Но гневом гордым сердца трепещут у угнетенных; им ненавистна власть генералов, власть царской своры.

Мир новый строит рабочий, русский бедняк-крестьянин, и он не хочет, чтоб вновь вернулся на землю снова паук-помещик.

Он не допустит, чтобы заводчик, банкир, торговец стал снова к власти и правил Русью.

На бой с врагами, со всеми теми, кто против власти крестьян беднейших, кто жаждет крови рабочих красных!

Опасность всюду грозит рабочим, их власти, жизни. И встрепенулся весь мир рабочий, он не допустит, чтобы враг жестокий посмел бы силой нам навязать власть капитала.

И Красный Питер, великий город, где мир впервые узрел восстание всех угнетенных против банкиров и их наймитов, — великий Питер всем братьям нашим, рабочим мира явил, как надо бороться, с теми, кто диктатуру банкиров злобных хотел упрочить.

Наш город первый в войне гражданской сломил и сбросил власть капитала.

В гражданских битвах, что разгорелись по всей России, окреп мир новый, но ополчился на нас походом весь мир насилия и угнетения.

И Красный Питер, где ярко рдеет пожар восстания всех угнетенных, где пролетарий привык бороться за укрепление социализма, шлет крепких, стойких борцов за правду.

Россия станет, Россия будет такой же крепкой, такой же стойкой в борьбе с насилием, как красный Питер.

Чтобы разрушить мир угнетения, необходимо, чтобы Россия умела биться, как бился Питер.

Так надо, братья! Заводы, шлите по всей России своих рабочих.

Пусть в каждом граде, пусть в каждой веси зовет к отпору врагам рабочих тот пролетарий, кто в Петербурге привык сражаться с врагами бедных.

Краса и гордость рабочих мира, наш пролетарий, спаяет вместе всех угнетенных. Он только сможет поднять Россию на бой великий.

Пусть всюду, всюду, по всем селениям набатным звоном разбудит сонных, спаяет стойких Великий Питер.

Непобедимой, несокрушимой стеною станет мир угнетенных и бурной битвой сметет и сломит врагов народа.

Буди Россию, зови на битву, рабочий красный!

В последней битве мы уничтожим врагов всех наших.

Иди и бейся, иди и властно зови на битву! Пусть вся Россия такою станет, как Красный Питер.

Победа наша весь мир подымет. В огне восстания погибнут злые капиталисты, цари, банкиры — вся свора жадных врагов рабочих.

Вперед на битву!

Издание Военревсовета 6-й армии.

Вологодский областной краеведческий музей, № 287/17.
Фотокопия.

№ 2

27 мая 1919 г.

В БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ОКОПЫ

Всем рабочим и крестьянам Архангельской губернии, мобилизованным в так называемую Народную армию.

ТОВАРИЩИ!

До нас дошли достоверные сведения, что ваше самозванное верховное правительство Северной области посредством своих верных слуг генералов, офицеров, чиновников и других черносотенных элементов из боязни вашего перехода на сторону красных, распускают среди вас самые нелепые слухи о дурном обращении с нашей стороны с пленными и перебежчиками от вас к нам, которых мы будто бы, прежде чем расстрелять, еще подвергаем разным пыткам и истязаниям. На какую только наглую ложь и клевету не способно ваше «правительство» со своей контрреволюционной сворой, чтобы удержать вас у себя и тем хоть на несколько дней отсрочить свою гибель! Он распускает слухи и утверждает, что большевики — разбойники, большевики грабят и убивают безвинных людей, ваше «правительство» отчаялось и доживает последние дни. Но борющийся пролетариат всего мира — за большевистскую идею; оно указывает [на большевиков] как на разбойников, грабителей и убийц, несмотря на то, что все лучшие люди стали большевиками и работают непокладая рук на благо *мировой социалистической революции.*

Товарищи! Разве будем мы расстреливать из вашей среды пленных и перебежчиков, когда мы знаем, что вы силой мобилизованы и что только под угрозой иностранных штыков вы стоите на фронте против красных войск и под страхом расстрела принуждены стрелять по нам? Таких людей, как вы, мы жалеем — врагами вы нам являетесь поневоле, но зато неразрывными друзьями по положению. Не верьте же вздорным слухам своих генералов — переходие к нам, всех добровольно перешедших встретим по-братски с хлебом и с солью, как дорогих гостей из родных мест. Среди нас немало есть ваших родных братьев, сыновей и верных товарищей. Не медлите, переходите скорей, мы вам гарантируем свободу и неприкосновенность, будете сыты, обуты, одеты.

Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия!

Да здравствует РСФСР!

Да здравствуют Советы рабоче-крестьянских и солдатских депутатов!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Долой международных хищников из Архангельской губернии!

Долой Чайковского, Марушевского и с ними всю подлую свору!

Да воссияет вновь солнце социалистической революции во всей Архангельской губернии!

Командующий красными войсками на Онежском направлении *Ляпин.*

Политический комиссар *Карпов.*

От имени Архангельского губернского исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов уполномоченный *Петр Попов (Подпорожский).*

27 мая 1919 г.

Типография политического отдела [6-й] армии.

Партархив Архангельского обкома КПСС, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 50, л. 10. Подлинник.

№ 3

[31 мая 1919 г.]

20 РОЗОГ

И сам не понимаю, как это случилось: хотел написать о том, что только что прочитал 20 белогвардейских прокламаций, а рука вывела на бумаге — «20 розог».

Почему же так случилось? Почему моя голова велела руке написать вместо слов «белогвардейских прокламаций» слов «розог»?.

Да должно быть вот почему: последняя прокламация была с Восточного фронта, откуда нынче благополучно, восвояси удирает известный своим кровопийством и лютой жестокостью англо-французский палач, адмирал Колчак. Эта прокламация царского пса начиналась словами: «Мы, Верховный правитель и Главнокомандующий, Александр Колчак, повелеваем»...

Слышите, добрые люди: «мы повелеваем»... Как будто чего-то в этих словах не хватает? Ах, да — Колчак пропустил слова: «Божьей милостью». Царь писал так: «Мы, Божьей милостью, Николай II», а Колчак до этих слов еще не дорос.

А, знаете, дорастет ведь! Это — дешево стоит. У него — отряды попов. Попы же и самого черта теперь «святым елеем» помажут и объявят его помазанником божьим, лишь бы этот самый черт декрет об отделении церкви от государства отменил и вернул бы им прежнее положение чиновников, получающих жалованье и собирающих с крестьян дань натурой.

Черта, положим, труднее объявить помазанником Божьим. Православные говорят (хотя ни разу не видели сами), что у черта хвост есть, так его трудно спрятать и неудобно поэтому черта на царский престол посадить, но Колчак, наверное, хвоста не имеет, а потому попам гораздо легче помазать Колчака, чем черта.

И если бы Колчак не бежал от Красной Армии, а наступал бы дальше, то, конечно, попы распяли бы еще раз Христа на кресте и помазали бы на царство Колчака-Ирода.

Будьте в этом уверены! Стал бы Колчак — Колчаком «Божьей милостью». А наша русская история свидетельствует и крестьянская и рабочая спина очень «явственно» сознает, что где есть «помазанник Божий», где «Божья милость», там и виселицы, там и каторга, и тюрьмы, и нагайки, и розги.

Теперь только я сообразил, почему вместо слов «белогвардейских прокламаций» написал слово «розог». Голова моя работала правильно: за белогвардейской прокламацией прячется всегда розга «Божьей милостью» на спину рабочего и крестьянина.

Так ведь, друзья? Не правда ли?

А как вам нравится все-таки нахальство Колчака? В цари метит! И сколько теперь таких кандидатов в цари... Колчак, Деникин, Марушевский, Семенов и прочие и прочие, как любил писать дурачок Романов.

Наполеон Бонапарт был простым артиллерийским офицером, стал императором. Вот и наши думают: «А чем черт не шутит? А вдруг я царем стану?» Только забывают они, что при Наполеоне *ни одного коммуниста-большевика* еще земля не родила, а теперь их тьма-тьмущая, и чуть Колчак какой выскочит, они ему — раз! Смажут так, что небо с овчинку покажется. Для этого они даже Красную Армию из трудового народа придумали.

Довольно о Колчаке. Перейдем к белогвардейским розгам, т. е. прокламациям. Все они построены по одному плану, а именно:

1) Прежде всего английские наемники пишут о том, что большевики проданы немцам.

Примечание: Эти жалкие люди, продавшие себя англичанам, никак не могут понять, что русский народ может никому не продаваться, а жить самостоятельно и бить всех иностранных грабителей: немец — так немец, англичанин — так англичанин, — для большевика безразлично. На свой аршин меряют.

2) Они рисуют нам российский голод.

Примечание: Совершенно напрасно стараются. Большевики каждый день обращают внимание трудового народа на то, что долгая грабительская война разрушила народное хозяйство, что его нужно восстановить и восстановить можно только собственным трудом, продолжительным и упорным. И награду за свой труд трудовой народ получит великую: освобожденный большевиками от помещиков и капиталистов он весь станет богатым, когда хозяйство наладится. Для этого нужно лишь одно: изгнать из России чужеземных грабителей и своих предателей, завоевать мир и спокойствие. Почему только англичане не упоминают в своих прокламациях о том, что у самих дома не ладно? Что миллионы рабочих без работы живут и с голоду пухнут?

3) Они обещают нам хлеба, табаку и сигарет, обещают сытость и довольство.

Примечание: Странная штука! Знаю я историю всех народов. С малых лет книги читал и нигде не видал и не слыхал, чтобы на земле был когда-нибудь такой народ, который нагружает корабли свои хлебом, едет по свету и кормит своим хлебом чужие народы. Всегда и всюду наоборот бывает. Если едет чужеземное войско, значит, — для грабежа, для того, чтобы власть свою установить, чужой народ в рабов обратить и пить после кровь из него. А тут, видишь ли, кормить приехали!..

Так же вот хитро крестьянин с лошадью своей обходится. Гуляет лошадка в поле, поймать ее нужно. Он — в левую руку кусок хлеба и манит лошадь, а правая-то с уздой за спиной спрятана. Подойдет глупая лошадь за кусочком, а крестьянин — хвать ее — взнуздал и сел верхом.

Этаким манером и с нами, господа англичане, поступить хотите? Только как бы вам наших копыт не испробовать!

4) В конце прокламаций предатели наши призывают нас, обыкновенно, быть верными сынами своей родины и посему... перейти в лагерь белых.

Примечание: Что ловко, то ловко! Перейдешь на сторону англичан, американцев, французов, русских генералов и офицеров, тогда будешь верным сыном Родины... Право слово, с ума спятили! У нас Советская Россия, сто миллионов трудового народа, мы строим новую жизнь, отбиваемся от иностранных грабителей, а кучка генералов и беглых предателей зовет нас перейти на их сторону, т. е. добровольно хомут надеть, на колени встать пред Колчаком или Марушевским «Божьей милостью» и «ура» кричать их величествам.

Может быть, уж добровольно и штаны снять прикажете и под розги лечь? Всеобщей, равной, прямой и совсем не тайной порке подвергнуться?

Нет уж, с той поры как Николу Романова расстреляли, всякую охоту к таким «демократическим» развлечениям потеряли! Другие у нас мысли и желания.

Да и тошно с вами разговаривать. Надоело — до смерти...

Смерть вам и вашим писакам-изменникам!

Издатель: Политотдел [6-й] армии.

ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, ед. хр. 38, л. 39.
Там же, ед. хр. 48, л. 3.
Подлинник.

№ 4

11 июня 1919 г.

ОТВЕТ ГЕНЕРАЛУ А[Й]РОНСАЙДУ

Прочитав ваше воззвание, генерал А[й]ронсайд, за № 64, озаглавленное «Мир или Война?», считаю своим долгом перед глазами трудящихся всей Северной области дать вам ответ. Пусть наряду с Вами ответ прочитает всякий честный труженик и даст вам, генерал, точное определение вашей персоне палача. Пусть всякий трудящийся знает, на что способны генералы, на какое насилие и клевету, выполняя в угоду мировой банде капиталистов роль палачей Революции.

Вы, генерал А[й]ронсайд, призываете сдаваться, пока не поздно. В случае дальнейшего продолжения войны вы, генерал, стращаете нас великанами-аэропланами, танками, бронированными машинами, носителями смерти, удушливыми газами, против которых не спасут никакие маски; вы приводите пример войны с Германией; вы восхваляете своих ученых, которые в уничтожении человеческих жизней превзошли немецких ученых; вы в страшных красках рисуете весь тот ужас уничтожения и опустошения, который способны сделать вы, имея в руках такие чудовищные орудия — аэропланы, дредноуты, газы и т. п.

Да, генерал, это знает каждый красноармеец. Мы знаем, что вы против Советской России примените еще бóльшие средства, еще бóльшие жестокости, чем против своих германских коллег. Мы знаем, головы ваших ученых превзойдут все, чтобы только задушить социальную революцию в лице Советской России. Мы знаем, что не только вы, генералы, превзойдете все, но и ваши продажные журналисты употребят все низшие, грязные приемы лжи и клеветы, чтобы забросать грязью Советскую власть, дабы натравить рабочих и крестьян Англии, Франции и Америки против своих русских братьев, чтобы сделать из них слепую послушную силу, руками которой вы, генералы, имели бы возможность выполнить свою гнусную подлую роль...

Это все нам давно известно. Но мы, генерал, все же и в таком страшном виде вас не боимся...

С вашей точки зрения, вояки-генерала, верного слуги английских капиталистов, получившего воспитание и образование только для уничтожения человечества, кроме человеческой крови ничего не видевшего, хорошо помня о своем личном благополучии, основанном на по-

те и крови рабочих и крестьян Англии, — может быть и так, в особенности, когда вы основываетесь на примере Германии, которая готовилась к войне 40 лет.

Но вы, генерал, забываете, что война с Германией была война империалистов, война захватническая, что в настоящее время после предложенного Версальского мира, вы отрицать не станете. Теперь же мы в войне классовой, где трудящиеся всего мира восстали против тех, кто 5 лет подряд во имя своих карманов проливал кровь рабочих и крестьян всей Европы, и эта кучка преступников, залившая кровью поля Франции, Бельгии, Балканского полуострова, Польши и Галиции, понесет должное наказание от гнева народного. И вы, генерал, какое бы вы оружие не имели и какие бы вы газы не изготовляли, не спасетесь. Вас постигнет участь ваших русских коллег, часть которых уже получила должное, а другую — вы, генерал А[й]ронсайд, а также и ваши коллеги по делу вроде Колчака, Краснова, Юденича, прикрываете. Но знайте, полтора года, как вы вторглись в пределы Советской России, полтора года, как вы везете оружие и военное снаряжение, передавая все в руки кучке царских лакеев, генералов, которые проливают кровь тружеников Советской России. Срок слишком большой, но не далек тот час, когда и вам, генерал А[й]ронсайд, придется жестоко расплатиться за все преступные ваши дела и победим вас не мы силой оружия, отнюдь нет, а вы погибнете под волнами социальной революции, вы падете под ударами наших союзников — рабочих Франции, Англии и Америки. Вы их называете богатырями — да, правильно, генерал, это — непобедимая сила, истинные богатыри, которых пять лет назад вы сумели обмануть. Пять лет они проливали кровь, расстреливая своих же братьев — рабочих Германии, но теперь, когда вождипалачи в лице Вильсона, Ллойд-Джорджа, Клемансо и Фоша сорвали свои маски, гнев этих признанных вами и мной богатырей сметет с лица земли эту компанию, а вместе с ней и ее прислужников, вроде Вас, генерал А[й]ронсайд.

Вы говорите, что это сказки про социальную революцию. Напрасно, генерал А[й]ронсайд, ваши коллеги в Англии уже открыто признали опасность социальной революции и все время говорят о борьбе с большевизмом. Вы, генерал, взгляните на свою страну, Англию. Там все тюрьмы переполнены рабочими, там для [у]душения социальной революции посланы такие же экспедиции, как и в Архангельске, во главе с такими же палачами, как и вы, генерал А[й]ронсайд, в Ирландию, в Индию и даже в Египет. Если бы вы этого не предвидели, зачем же все эти экспедиции? Зачем пришли вы к нам в Россию, зачем проливаете кровь Рабочих и Крестьян России?

Да, генерал, вы пришли наказать Комиссаров, которых называете германскими шпионами, которые [-де] в Бресте продали Россию немцам. Да, но удивительно, кто собирается в Версале продать Германию на разграбление союзнических бандитов. А, ведь, сравните: Версальский грабеж в сто раз тяжелее Бреста. Не говоря уже о том, что Вы отняли у Германии Военный Флот и оружие, вы забрали весь торговый Флот, а также и добрую половину железнодорожного транспорта или это грабите вы, вам можно, а германским бандитам нельзя. Но знайте, что всем бандитам фрнцузским, германским, английским, американским — одна цена, что если им представится случай, так они ограбят. Но дальше про германских шпионов. Вы это прозвище нам дали еще в царствование Вильгельма II, но его уже нет и если вы, генерал, посмотрите, как слуги Вильгельма кричали о разложении германской армии, о проникновении большевизма в армию, то увидите, что они также боялись большевизма и боролись с ним, как и вы.

Теперь Вильгельма нет, сейчас у власти в Германии стоят его бывшие холопы, с которыми вы и ведете разговоры, которые и отдают вам Германию, народ и страну в рабство на долгие годы; наряду с

этим германский пролетариат, видя свою неизбежную кабалу союзнического капитала восстает против этого. Но он был задавлен лакеями Вильгельма и все бывшие там наши товарищи... арестованы и сидят в тюрьмах, в подавлении мятежа зверски убиты лучшие наши товарищи — спартаковцы Карл Либкнехт и Роза Люксембург, которые стояли во главе рабочего движения в Германии, которые в 1914 году заявили открыто, что они против империалистической кровавой войны и за это до самого свержения Вильгельма сидели в тюрьмах и ни одна страна не отдала этим борцам должного, кроме Советской России...

А вот ваш представитель, генерал Фош, заявил, что если в Германии будет социальная революция, т. е. если в Германии у власти станут трудящиеся и будут свержены все холопы бывшего императора Вильгельма, то он, Фош, своими войсками займет всю Германию и восстановит в правах тех, кого вы пять лет считали своими врагами, якобы в борьбе за свержение которых вы положили миллионы жизней.

Вот тут и разберитесь, что тут кроется. Советская Россия продана Германии или бывшие союзники царя Николая защищают виновников войны в Германии от народного гнева, называемого на вашем языке большевизмом. Скорее правильно последнее и это знают все трудящиеся всего мира, и никакие ваши подлые провокации, обвинения в германском шпионаже передовых вождей мирового пролетариата. с ума не сведут. Пролетарий пойдет своей дорогой, своей верной дорогой, его не могут остановить никакие ваши смертоносные машины.

Он знает виновников своего бедствия, он знает своих вечных эксплуататоров, он знает вечных душителей свободы, а также узнал он верный путь освобождения. Этот путь — мировая социальная революция.

И с этого пути его не собьют ни танки, ни аэропланы-великаны, и он воздаст должное всем палачам и душителям по заслугам.

Заведующий Политическим Отделением Архангельского района *А. Алешин.*

11 июня 1919 года. Красная д[ействующая] армия.

Типография Политического Отдела [6] армии.

Архангельский областной краеведческий музей, инв. № 5633. Подлинник.

№ 5

[1 июня 1919 г.]

ВОЗЗВАНИЕ К МОБИЛИЗОВАННЫМ КРЕСТЬЯНАМ И РАБОЧИМ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ, НАХОДЯЩИМСЯ ВО ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РАЗБОЙНИКОВ

К вам, товарищи и крестьяне, и рабочие, к вам, захваченным и насильно мобилизованным войсками иностранных помещиков и капиталистов, которые действуют вместе с царскими генералами и офицерами, политический отдел [6-й] армии обращается с этим воззванием.

Может быть все, что случилось с вами, произошло так быстро и неожиданно, что вы до сих пор не успели опомниться и придти в себя, но всему должен быть конец; должен наступить конец и обману, и неправде, и вашей темноте.

Когда вас мобилизуют и гонят, как это было раньше при царе, стадом на убой под русские пушки и пулеметы, гонит — кто? — американские, английские и царские генералы и офицеры, — тогда, конечно, вам нет времени для того, чтобы подумать, рассудить о том, что вы

делаете, что с вами будет и как случился тот ужасный факт, что вы вместе с войсками чужестранных капиталистов и помещиков, под командой царских генералов и офицеров, бьетесь против Трудовой Россійской Республики.

Но после боя, во время отдыха, в тылу, выйдя из стада и уединившись, каждый из вас, не слушая чужой лжи, не читая белогвардейской газетки, пусть сам про себя, сам для себя, поставит пред своей совестью и своим умом эти вопросы, пусть подумает и ответит не другим, а себе, — вместе с кем он воюет, против кого он воюет и за что, для чего он воюет?

Кто ваши союзники и ваше начальство? Русские царские генералы и офицеры, иностранные офицеры да, верно, и всякий иностранный солдат считает вправе командовать вами и посылать вас на смерть, не спрашивая ни ваших мнений, ни ваших желаний.

Чего хотят царские генералы, офицеры, жандармы и провокаторы, вы сами можете понять и припомнить. Они хотят вернуть то старое время, когда Россия была похожей на кладбище, когда вы были не гражданами, а «мужиками», когда вы появлялись на свет для того, чтобы работать, а не для того, чтобы жить — и всю жизнь проработав, как лошадь, безмолвно, не зная, для чего вы жили, сойти в могилу. Вы тогда ничему не учились и ничего не знали. Единственное удовольствие ваше было напиться в царской «казенке». Всякий пристав, околоточный, городовой, урядник имели право «набить вам морду».

Вот в такое-то скотское состояние хотят вернуть вас ваши «новые друзья» — царские генералы и офицеры. Помогая им, вы готовите для себя и всего потомства вашего горькую участь «мужиков», — всегда бедных, темных, забитых, всеми барами презираемых, работающих полошадиному, чтобы как-нибудь прокормить семью и уплатить подати.

Так жило крестьянство на земле сотни лет и тысячи. Оно всегда было нище и несчастно.

Генералы хотят вернуть это, «золотое» для бар время. Но вы-то, товарищи-крестьяне, зачем им помогаете? Или у вас отшибло ум и память и вы все позабыли?

Чего хотят иностранные офицеры — те, которые приехали из Англии и Америки и отдают приказания вам на неизвестном вам языке, [и] которых вы не знаете и не понимаете? Для них вы, как топор в руке плотника, для них вы — не люди, вы — инструменты, которым они работают себе на пользу, а трудовой России на страх и на рабство. Не стыдно ли и не позорно ли вам быть слепым инструментом в руках чужеземных грабителей, уже увезших из Архангельска в свои страны на десятки миллионов рублей нашего народного добра? И вы — им помощники?

Но помните слово наше: много, много раз нападали на Россию иностранные грабители и каждый раз с позором и побитые уезжали обратно, увозя то, что могли захватить с собой. Крепка трудовая Россия, день ото дня крепнет Красная Армия, все яснее начинает понимать весь русский трудовой народ, что Советская власть — его власть; становится непобедимой Россия и скоро выгонит разбойников из своих пределов. Они уедут домой на своих кораблях, а вас оставят на берегу. Придем мы с Красной Армией и спросим вас: «Вы кто такие, где были и что делали?»

Товарищи крестьяне и рабочие, мобилизованные белыми, сражающиеся против нас, против трудовой России, что вы нам тогда ответите?

Лучше будет вам провалиться от стыда и страха сквозь землю до прихода нашего!

И за что и для чего вы бьетесь?

Русские генералы и офицеры хотят вернуть старые порядки, обратить вас в скотов бессловесных, иностранные грабители хотят ободрать Россию, увезти все добро из нее, а вы чего хотите? Вы не хотели

мобилизоваться по распоряжению Советского Правительства для отражения иностранных грабителей, теперь вы насильно мобилизованы этими самыми грабителями и деретесь с Россией — русские крестьяне против Российской трудовой Республики. Вы совершили тогда ошибку: темнота ваша была виной тому, но что же будет дальше-то? Что же дальше-то будете вы делать? Для чего вы сражаетесь? Для чего вы помогаете царским слугам и чужеземным грабителям?

Мы вам ответим:

— Для того, чтобы обратить русского крестьянина в крепостного, в раба, для того, чтобы задавить и ограбить Россию в пользу Англии и Франции!

Не страшно ли вам, не стыдно ли вам?

Подумайте над этим немножко, и холодный пот прошибет вас, и волосы на головах ваших встанут дыбом!

Что же делать вам? Как исправить зло?

Очень просто: со всем оружием, с винтовками и пулеметами, которыми вооружают вас враги наши, переходите на сторону Красной Армии; умело и организованно в момент нашего наступления устройте в тылу врага восстание; придушите тех людей, которые называли себя социалистами и уговорили вас помогать англичанам: утопите в море русских генералов и офицеров, и иностранных командиров-грабителей. Всех, кто поможет нам, — русских крестьян и рабочих, английских, американских пролетариев, одетых в солдатские мундиры, — мы встретим, как братьев, и примем в нашу трудовую семью!

Но не ждите, пока грабители сядут на свои корабли, чтоб уехать к себе на родину и оставят вас на берегу.

Час расплаты пробил. Пора действовать. Мы ждем вас, друзья, с раскрытыми объятиями.

Смерть грабителям и Иудам, обманувшим вас!

Если же, паче чаяния, вы будете продолжать сражаться против нас — против своих русских братьев, то знайте, на вашей совести будет лежать братская кровь. Поймите же, наконец, мы не хотим с вами воевать, мы не хотим губить свои молодые жизни, здесь на Севере, мы жаждем заняться мирным трудом, но нам мешают заморские грабители. Мы будем недостойными сынами своей Социалистической Родины, если чужестранных захватчиков не выгоним из ее пределов.

Поэтому, пока есть хоть один иностранный солдат на нашем Севере, мы будем воевать до последней капли крови и не в месяц, так в два, в три, но прогоним разбойников. Опомнитесь и идите к нам, наши желания одинаковы.

Идите к нам, от вас зависит прекратить войну. Если вы перейдете, то с одними иностранцами справиться недолго.

Политический отдел [6-й] армии.

Архангельский областной краеведческий музей, инв. № 5641. Подлинник.

№ 6

[19 июля 1919 г.]

ПИСЬМО В АРХАНГЕЛЬСКУЮ АНГЛИЮ

Урал наш! Колчак бежит в Сибирь. Бежит быстро, мелькают адмиральские пятки.

А там, в Сибири, его ждут красные. Большие отряды — десятки тысяч. Железные дороги разрушены ими. Не добежать Колчаку до японцев. Разверзнется под ним русская земля и поглотит его.

Начинают трещать белогвардейские головы под ударами Красной Армии на юге и на западе. Только звон идет, звон — куда красивее по-

повского, колокольного. Пришло время потеть Деникину. Не успеет он и белья сменить перед смертью.

Собирают пожитки англичане на Севере. Тихонько от русских белогвардейцев на пароходы грузятся. Удирать собираются. Русские войска на Пинеге, ведь всего около ста верст до Архангельска. Уедут англичане и оставят своих друзей.

Тогда мы каждого белогвардейца за ушко да и на солнышко.

— А ну-ка, друг сердечный, рассказывай, много ли ты английской белой мучки съел, да много ли ты русских крестьян и рабочих убил?

Соберем в каждой деревне сход и спросим:

— Товарищи-крестьяне, приведите-ка к нам тех, что с англичанами целовались и помогали им со всей охотою, своею доброю волею!

И притащат — смотришь: кулачков, купчиков, отцов кооперации, учителей, офицеров-белогвардейцев — много всякой эсеровской и монархической пакости. Мы, конечно, с ними побеседуем особым образом, — по военному; трудовых же крестьян — темных людей, — насильно мобилизованных, мы пальцем не тронем.

Очистим Север от диких зверей и будем жизнь налаживать.

Осенью мы будем в Архангельске. Осенью вся Россия опять русской станет. Урожай в этом году, как сообщают отовсюду, наилучший. Станем жить да поживать да добра наживать.

Много мы за эти два года чудес, про какие не слыхали на сей земле, понаделали. От голодной смерти, грозившей нам по милости Николая и Керенского, весь трудовой народ спасли тем, что излишки хлеба отбирали и на всех неимущих распределяли; старый хлев, в котором гнил русский народ, сломали и новый дворец для житья на месте хлева начали строить; без всякой армии победили чудовище — империалистическую Германию; а когда все звери на нас напали, топнули мы ногой в землю и сказали: «Армия, появись!» И вдруг выросла из земли Красная Армия...

Близок конец разбойникам.

Она уже видна — великая, свободная от всякого гнета Россия.

А пока — бей белых!

Бей на всех фронтах!

И в хвост и в гриву!

До скорого свидания!

Завед[ующий] агит[ационным] отделом п[олит]о[тдела] [6-й] армии *Н. Пластинин.*

ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, ед. хр. 37, л. 78.

№ 7

[25 июля 1919 г.]

НАЧАЛО КОНЦА

Скоро исполнится год с тех пор, как на Архангельск налетела хищная стая чужеземных грабителей, наемников союзного капитала.

Их позвали к нам купцы и вожди старой, скоплявшей капиталы, кулацкой кооперации.

Мы это знаем. Мы это видели своими глазами.

Эти денежные мешки, бездушные жадные люди, твердо решили уничтожить рабоче-крестьянскую власть силой чужеземной буржуазии.

Они использовали с этой целью эсеровскую партию. Эта партия — «горе-луковое» — трезвонила по всем деревням о прелестях учредилки, хотя должна была знать, что все учредилки, какие появлялись в истории в разных странах, — все, без исключения, продавали свои демократические прелести капиталу.

Из истории мы знаем, что учредилка — баба гулящая, продажная; трудовому народу от нее не ждать добра!

Кооператоры же и купцы распространяли повсюду слухи о том, что англичане приедут кормить русских белой мукой да консервами.

Приехали «галетники» и ограбили наш Север, увезли наше добро в Англию, скрутили население по рукам и ногам, насильно мобилизовали его.

— Пикнуть не смей, барабанная шкура, русская рвань! — вот что думает каждый английский наемник-палач.

— Перепороть бы всех от мала до велика! — мечтает русский золотопогонник.

Велики были страдания обманутых крестьян, не желавших мобилизоваться год тому назад для отражения злых врагов.

Они были темны и попали на эсеровскую удочку.

Страдания учат. Под игом англичан они прозрели. Души их потянулись к Советской республике. Вставая и ложась спать, они бросали последний взгляд на юг, к нам, с мольбой и надеждой, что мы придем.

Чудо свершилось.

Темные души стали светлыми, революционными. Глаза вперяются в даль. Кулаки сжимаются.

Братья, мы идем!

Как в Онеге, как на железной дороге, вставайте ротами, вставайте батальонами, организуйтесь, назначайте день выступления, давайте нам знать через перебежчиков.

Мы придем к вам на помощь!

Мы разобьем белогвардейцев-грабителей, мы освободим вас.

Вставайте все и всюду: англичане собираются убежать. Захватите их. Пусть они заплатят нам за разорение нашего края.

Не упускайте их!

Товарищи крестьяне, обманутые предателями, захваченные англичанами, слушайте: красные знамена, знамена освобождения, знамена вечного рабоче-крестьянского царства, царства равенства и счастья, шумят победно!

Слушайте: мы умираем за наше общее будущее!

Встаньте все нам на помощь и сотрем с лица земли английских наемников-грабителей.

Долой их! В Ледовитый океан!

Член Всероссийского Центрального Исполнительного комитета от Архангельской губернии
Н. Пластинин.

ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, ед. хр. 37, л. 79.
Подлинник.

№ 8

[2 августа 1919 г.]

В ОКОПЫ БЕЛЫХ

Целый год терпят труженики Арх[ангельской], губ[ернии] насилия белых и заморских бандитов. Сотни лучших товарищей расстреляны, многие сотни их томятся в ужасных условиях в белогвардейских тюрьмах, все почти больны и обречены на медленную и мучительную смерть.

Теперь, в годовщину захвата Архангельска англичанами (1918—2 авг. — 1919 г.), трудовому населению стало ясно, что вместо хлеба и галет, обещанных белогвардейцами, попами и эсеро-меньшевиками, вместо лучшей свободной жизни труженики получили царско-капиталистические порядки под охраной «глубоко-просвещенной» на словах, и на деле — разбойничьей «цивилизации» мировых бандитов — Англии, Франции и Америки.

Заморские бандиты-просветители убедительно доказали труженикам Севера смысл своей «культуры и просвещения» — умение дурачить простаков и жить на счет труда многих миллионов рабочих и крестьян...

Товарищи, вас пугали немцами, что будто они хотят завоевать нашу Россию, вам говорили, что большевики-коммунисты — немецкие шпионы; вас обманывали, когда насильно мобилизовали и посылали в бой против Красной Армии, в которой будто бы имеются немецкие войска вместе с большевиками, не щадящими тех, кто вздумает перейти к ним.

Вы не хотели слушать речи большевиков на митинге в казармах (Кузнечиха) 30 июля 1918 г., когда Советская власть призвала вас к мобилизации. Вы говорили, что вообще не хотите воевать, а если дадут вам оружие, то вы, прежде всего, разгоните Советы, которые будто бы идут с немцами заодно, но, рассуждая так, вы жестоко ошиблись.

Большевики-коммунисты звали вас на войну не за интересы немецких или русских капиталистов, а за интересы трудящихся всей Советской России, за сохранение добытых завоеваний рабоче-крестьянской Октябрьской революции 1917 г. — за землю, дома, фабрики и заводы, перешедшие в руки тружеников Советской трудовой республики.

«Вам, — говорили большевики-коммунисты, — придется воевать против озверелой шайки белых генералов, офицеров, помещиков-капиталистов и мировых бандитов — «заморских гостей», идущих войной против свободных тружеников Советской Республики».

Вас звали участвовать в своей войне-обороне, за свое добро, ибо наша война — классовая, война русских тружеников-бедняков против русских и заморских мироедов, богачей-капиталистов. Наша война-оборона — является войной не только русских рабочих и крестьян с мировой буржуазией, но всего международного пролетариата — против мировых разбойников-капиталистов. Война за уничтожение власти капиталистов, война за власть рабочих и крестьян; война за новое коммунистическое, равное и справедливое для всех тружеников земли — устройство жизни, война — за мировую трудовую Советскую Республику.

Вот, товарищи рабочие и крестьяне Архангельской губ[ернии], за что мы воюем и вас звали к себе на помощь.

Тогда вы этого не понимали, но теперь пришла пора и вам понять это...

Вам известно, что благодаря большевикам-коммунистам Украина освобождена от немцев-разбойников, а рабочие и крестьяне Украины ведут войну за свои земли, заводы и фабрики: за свою рабоче-крестьянскую Советскую власть с белыми бандами царских холопов. Красная Армия освободила Урал и освобождает широкую Сибирь с миллионными хлебными запасами.

Мировые разбойники хотели затушить очаг международной пролетарской революции — Советскую Россию — голодом и захватом хлебородных и промышленных окраин России, но рабоче-крестьянская Красная Армия наносит удары всем белогвардейским бандам, она защищает свое добро, — достояние всех тружеников трудовой России...

Целый год белогвардейской «науки» научил вас, где вы должны стоять, с кем сражаться, что защищать.

Белогвардейщина вам доказала, на чьей стороне находится правда. Вас, насильно мобилизованных, подгоняемых офицерами царской армии, ведут в бой со своими братьями-тружениками — красноармейцами. Вы боялись переходить в наши красные ряды — вас пугали расстрелом.

Но вот читайте приказ Революционного Военного Совета Республики и знайте, что слова эти не бросаются на ветер, а говорятся искренне, ибо рабоче-крестьянская власть говорит только п р а в д у.

ПРИКАЗ № 1139

15 июля 1919 г.

Приказами Председателя Реввоенсовета Республики от 15-го ноября 1918 г. за № 60 по Красной Армии и Красному флоту и от 1-го мая с. г. за № 92 по войскам Восточного фронта предписывалось всем Реввоенсоветам армии следить за тем, чтобы перебежчики и сдавшиеся добровольно или захваченные в плен противники Советских войск, как рядовые солдаты, так и офицеры, ни в коем случае не подвергались расстрелам или каким-либо другим карам.

Перебежчиков следует встречать дружелюбно, как освободившихся товарищей или раскаявшихся противников, а по отношению к военнопленным необходимо твердо помнить, что часть из них, сражаясь против нас, была обманута, другая часть делала это из-под палки, и лишь ничтожная часть состояла из сознательных противников рабоче-крестьянской власти. Самовольные расстрелы не только перебежчиков, но и пленных врагов будут беспощадно караться по законам военного времени.

Подтверждая изложенное к строгому и точному исполнению Революционный Военный Совет Республики предлагает этот приказ предать самой широкой огласке, распространив его во всех частях фронтов с тем, чтобы никто не мог отговариваться незнанием такового.

Заместитель Председателя Революционного Военного Совета Республики *Э. Склянский.*

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики *С. Каменев.*

Нет места труженикам в рядах белых банд — переходите смело в ряды красных бойцов-коммунаров. Пусть остаются там кулаки, попы, помещики, купцы и генералы.

Вы теперь поняли белогвардейскую ложь, ваше место — в рядах Красной Армии...

Все «белые» труженики — в наши красные ряды!

А переходя к нам, не забывайте делать следующее: захватите с собой винтовки, пулеметы, замечайте, где расставлена белогвардейская артиллерия, придя в Красный штаб — дайте об этом сведения; перерезайте провода у белых, показывайте дорогу братьям-красноармейцам. Вы, ведь, знаете там каждую тропинку...

Вам незачем связывать свою судьбу с судьбой помещиков, генералов и черносотенных офицеров, с которыми труженики ведут войну не на жизнь, а на смерть.

Одураченные труженики Урала и Сибири перешли к нам; все они живы и здоровы, все они сражаются в наших красных рядах и уничтожают белые банды царского холопа Колчака, наемного палача трудовой России, подкупленного мировой буржуазией.

Урал свободен. Освобождается Сибирь. Своим переходом к нам вы вместе с боевыми орлами трудовой России освободите Север.

Помогайте же своей родной раб[оче]-кр[естьянской] Советской власти. Переходите к нам, и мы ликвидируем наш Северный фронт. Время не ждет. Надо к зиме покончить со всеми врагами трудовой России!

На помощь Красной Армии! Да здравствует Советская власть на далеком Севере!

За вами, товарищи, слово и дело!

ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, ед. хр. 37, л. 74.
Подлинник.

№ 9

[Лето 1919 г.]

ДЕЗЕРТИРЫ!
ВОССТАВШИЕ В ТЫЛУ СЕВЕРНОЙ АРМИИ[7]

Вы не хотели мобилизоваться, чтобы идти на фронт бить англичан, французов и других чужеземных грабителей и вы сами себя мобилизовали, чтобы драться с Советской Россией.

Вы все-таки воюете!

Поэтому совершенно ясно, что Вы поступили до последней степени безрассудно глупо и предательски для наших братьев на фронте.

Вы все-таки воюете и воюете против русского трудового народа. Вы ослабляете его силы, вы задерживаете в пути провиант для наших красных героев на Севере.

Значит, вы стали на сторону наших врагов, — англичан и французов.

Понимаете ли вы всю тяжесть совершенного вами преступления? Понимаете ли вы, что с этой минуты вы для нас — не русские крестьяне, а предатели [их]?

Много было с октября 1917 года восстаний на Руси и все были раздавлены. Раздавим мы и вас, сотрем в порошок. Но что останется после битвы от ваших волостей, сел и деревень?

Мы будем беспощадны и безжалостны. Этого требуют находящиеся на фронте, которым вы не пропускаете хлеб. Ваше восстание — последняя ставка наших врагов.

Нет ли среди ваших руководителей каких-нибудь князей, помещиков или людей неизвестных вам — английских шпионов? Оглянитесь кругом. С кем вы идете? Кто ваши руководители?

Июль и август — самые трудные месяцы; война разорила все хозяйство, жить тяжело... Мы знаем это лучше вас. Мы воевать тоже не желаем, но принуждены воевать, потому что чужестранные грабители и бывшие русские генералы хотят распять Россию на кресте.

Товарищи крестьяне, вы поддерживаете дезертиров? Вы тоже встали против всей России? Т. е. против себя. Ведь это не верно. С дезертирами же тяжела будет расплата!

Дезертирам мы делаем последнее предостережение:

В 24 часа сложить оружие — вы будете помилованы, кроме прямых шпионов англичан.

Иначе — всем смерть!

Долой негодяев дезертиров-предателей нашей Родины!

Да здравствует славная Красная Армия!

Ее мы не предадим.

Политический Отдел [6-й] Армии Северного фронта.

ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, ед. хр. 38, л. 42.
Подлинник.

---

[7] Т. е. в тылу северных красных частей — войск 6-й армии. Листовка была выпущена в связи с восстанием зеленых банд в Вологодской, Ярославской и Костромской губерниях.

№ 10

[Лето 1919 г.]

ТОВАРИЩИ МОБИЛИЗОВАННЫЕ!

Вот уже год как пала Советская власть в Архангельской губернии, власть, благодаря которой мы вышли из войны, начатой царями, капиталистами и всей остальной буржуазной сворой.

Вспомните первую мобилизацию в июле, когда вы отнеслись к ней совершенно безразлично, эту грубую ошибку вашу мы объяснили усталостью 4-летней капиталистической войной. Вы думали тогда, что без вас справятся, многие из вас тогда думали, что [если] вы не пойдете, так и воевать не придется, [но] все ваши мечты оказались напрасными, и вы снова призваны воевать и нести все тяжести и лишения войны.

Вас вновь заставили убивать своих братьев-рабочих и крестьян и убивать тех, кто решил борьбу продолжать до конца против капиталистов, чтобы один раз навсегда избавиться от гнета капитала.

Товарищи! Мы, сыны рабоче-крестьянской Красной Армии, ваши братья по труду, сидевшие с вами вместе прошлую войну в окопах, — вместе с вами тогда решали бороться против капиталистов, потому что виновниками всех прошлых войн являлись только капиталисты и цари.

Товарищи! Вами руководят офицеры, в канцеляриях сидят сыны купцов, а вы как раньше, так и сейчас являетесь серой скотинкой, не смея им отвечать на все их несправедливые отношения без рассуждения, вы снова обязаны исполнять их приказания.

Товарищи! Позор! Будь проклят три раза тот, кто убивает своих братьев, тех, кто до конца остался верным в борьбе за освобождение угнетенных всего мира.

Товарищи! Наступил уже момент, [когда] мировая борьба рабочего класса против своих угнетателей началась. В Венгрии рабочий класс уже освободился и пришел нам на помощь, [его] примеру следуют рабочие и крестьяне других стран.

Товарищи, в ваших рядах сила, в вас самих, время повернуть штыки на ваших царских командиров, которые борются за свои золотые погоны и за то, чтобы вернуть себе разгульную жизнь старого времени.

Товарищи, довольно гибнуть невинным жертвам, требуйте собраний, требуйте обсудить вопрос, за что вы призваны воевать.

Начинайте восстания в своих рядах и этим вы поможете уничтожить тех, кто веками был самым заклятым врагом рабочего класса.

Да здравствует братство трудового народа во всех странах!

Долой ложь ваших царских командиров!

Да здравствует война против капиталистов за освобождение рабочих и крестьян!

Штаб Красной Армии Пинежского фронта.

Архангельский областной краеведческий музей, инв. № 5637.
Подлинник.

№ 11

[22 августа 1919 г.]

2-е ПИСЬМО В АРХАНГЕЛЬСКУЮ АНГЛИЮ.

Англичане архангельские, англичане холмогорские, англичане с Мехреньги, англичане с Двинского Березника!

Подданные Его Величества короля английского Георга!

Добровольно продавшие Советскую Россию за галету и насильно англичанами мобилизованные!

По поручению политотдела [6-й] армии я пишу Вам мое второе письмо.

Читайте и размышляйте.

Размышляйте и обсуждайте промеж себя.

Ищите правду все вместе, не стыдясь друг друга. И если найдете правду, сейчас же проводите ее в жизнь всеми мерами и всеми средствами.

Будьте смелыми, будьте честными, не обманывайте ни себя, ни других; прежде чем наступать на Россию стадом баранов, которое гонят вперед русские золотопогонники и английские мясники, подумайте о том, что вас заставляют делать.

Да проснется в Вас русский трудовой человек!

Да перестанет он бить русских крестьян и рабочих!

Извещаю Вас, почтенные земляки, ставшие англичанами, о том, что я узнал от перебежчиков.

В июле месяце в Архангельске, в Гагаринском саду, произошло побоище. Подрались русские с англичанами. На усмирение прискакал сам генерал Марушевский.

И что же вы думаете? Он стал судить по справедливости? Дело разбирать? Ничуть не бывало. Он просто выстроил всех русских в одну шеренгу и попросил англичан указать тех, кто дрался.

Зачем, как Вы полагаете?...

Но тут в дело вступилась маленькая кучка американцев и французов. Они доказали скорому на руку золотопогоннику, что драку начали англичане и что русские невиновны.

Генералу было досадно, конечно, что с русской швалью нельзя расправиться, но уж ничего не поделаешь. Велел разойтись.

После этой истории все же человек 15 было арестовано и куда-то исчезло. Нужно полагать, что расстреляли.

Каков, землячки, смысл этой истории?

— Тот, что англичане *имеют право* чистить Вам зубы, а Вы должны при этом брать на караул и кричать: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!».

Да, они *имеют право.*

Почему?

А я Вас спрошу: а почему они увозят в Англию лес, смолу, лен, пеньку, рыбу и другие богатства наши?

— Потому что они завоевали край. Так вот и зубы чистить Вам *они имеют право,* потому что они завоевали Вас.

Так думает генерал Марушевский.

Это — *правда Вашей жизни.*

Англичане *взяли себе право* пить Вашу кровь и соки и уже пьют, размышляя лишь о том, с какого конца начинать удобнее, так, чтобы Вы не лягались.

Вы уже вступили в полосу жизни, которая закончится или крепостным состоянием или рабством. Чем сильнее будут англичане, тем Вам будет хуже. И если теперь Вам еще перепадают время от времени галеты да банки с консервами, то зато у Вас увозят на миллиарды рублей богатств в Англию, — *Ваше добро увозят,* а когда англичане совсем усилятся, заведут многочисленную полицию и жандармерию, тогда землячки вместо галет Вам будут перепадать одни зуботычины.

Как вы полагаете, уважают Вас англичане или нет?

Неужели в этом можно сомневаться?

— Конечно, не уважают! Конечно, и за людей не считают! Вы для них — просто материал, который обогатит английских толстосумов. Ваше место в рабочих батальонах, на фабриках и заводах, принадлежащих английским капиталистам.

У нас фабрики и заводы принадлежат всему народу, земли — тоже, весь народ и будет богат, когда производство разовьется, в Анг-

лии же богаты только буржуи, рабочие с голоду дохнут, а крестьян англичане давно уже совсем вывели.

Англичане Вас за людей не считают. Наступая на Россию, Вы предаете русский трудовой народ, Вы бьете самих себя и своих трудовых братьев.

Какое же к Вам может быть у них уважение?

Ваша участь в руках у англичан — нищета и рабство.

Англичане — всесветные грабители, много земель и народов покоряли, и все эти страны вымирают от голоду.

Англичане за людей Вас не считают. Недаром один американец при взятии нами Труфановой горы сказал историческую фразу:

«Бела Русь не... не стоит; Белу Русь за грош купишь. Красну Русь не купишь. Красна Русь — молодцы. Бела Русь не ходи на Красну Русь».

Вот мнение их, очень ясное о Вас. Белые — продажные шкуры. За галету Россию продали. Красных и не хотят, да уважают.

Землячки, как это нехорошо, как это позорно и как нам за Вас больно и стыдно....

Неужели Вы до сих пор верите, что англичане пришли устроить жизнь в России так, что будет польза трудовому народу?

Да посмотрите кругом себя! Они увозят все в Англию. Про Север Вы сами знаете, с юга из Баку они увозят нефть, хлеб и сырье всякое в Англию, а Сибирь грабят японцы.

Тысячу лет тому назад русские головотяпы призвали на Русь варягов устраивать порядки и устройство это кончилось крепостным правом да проклятой царской властью, теперь изменники пригласили англичан и дело кончится тоже петлей, если мы сейчас же не выгоним их вон.

Пока не поздно, сбросьте с себя темноту и рабство, которое уже родилось и растет.

Пока не поздно, встаньте против чужеземных богачей-грабителей!

Пока не поздно, встаньте против царских золотопогонников и русских продажных агитаторов, служивших раньше в кулацких земствах и гревших руки около кооперативов! Не слушайте продажных шкур!

Встаньте, земляки, спасая свою свободу, на англичан и сбросьте их в море!

Да здравствует Свобода *Трудового Народа!*

Смерть золотопогонникам и английским мясникам!

Н. Пластинин.

ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, ед. хр. 37, л. 75.
Подлинник.

№ 12

14 октября 1919 г.

В ОКОПЫ БЕЛЫХ

Офицеры и солдаты Северной Армии!

К Вам, граждане, обращается Революционный Военный Совет стоящей против Вас армии Советской России. Единственный мотив обращения — избежание излишнего кровопролития.

Под давлением рабочих Англии были вынуждены уйти с Севера России англичане. Увезли они с собой или уничтожили часть технических средств, которые были у них; они, «союзники», не обеспечили Вас даже в достаточной мере продовольствием. Но и если бы даже всего этого и не было, то борьба с нами, с рабоче-крестьянской Россией, безнадежна. Временные успехи могут давать надежду победить нас,

но два года гражданской войны показали всему миру, что одновременно с ослаблением наших многочисленных врагов идет наше усиление. Нет угрозы Петрограду со стороны Юденича, разбит окончательно Колчак, ведутся мирные переговоры с Эстляндией, Литвой и Латвией. Еще одно напряжение и уничтожен будет Деникин, наш последний враг.

Безнадежность борьбы понимает и Ваше Главное командование, смотрите объявление генерала Миллера от 20 сентября. Борьба бесцельна, бесполезна.

До зимы война на Севере должна окончиться! Северный край должен, наконец, зажить мирной, трудовой жизнью. Ведь ни Вы, ни Колчак, ни Деникин победить нас не можете. Поймите, что мир придет только в результате нашей победы.

У Вас нет продовольствия, нет людей, нет тыла. Ваша армия разлагается. Вас удерживает только страх «перед кровавыми немцо-большевиками». *Революционный Военный Совет Армии торжественно заявляет Вам, что жизни Вашей не грозит никакая опасность, какие бы Вы посты ни занимали в враждебной нам армии.* Больше того: те из Вас, кто поймет величие борьбы, ведущейся нами, кто убедится в клевете, окружавшей Вас, тот сможет служить в Республике трудящихся так, как служат ей десятки миллионов крестьян, рабочих и представителей трудовой интеллигенции, как служат ей десятки тысяч бывших офицеров.

Мы торжественно заявляем Вам: мы пленных, будь то солдаты или офицеры, *не расстреливаем.* Мы говорим, единственный исход для Вас понять, что дальнейшая защита безнадежна.

Никакого мира или перемирия у революции с контрреволюцией быть не может!

Идет трудовая Россия! Идет как победительница! Борьба с Вашей стороны безнадежна, жизни Вашей опасность не грозит. Кладите оружие. Переходите на сторону трудящихся масс.

Пусть мирной жизнью заживет трудовой Север. Да здравствует советский Архангельск!

Да здравствует советское Белое Море!

Революционный Военный Совет [*6-й*] *армии.*

Газета «Наша война», 14 октября 1919 г.

№ 13

[Январь 1920 г.]

РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ ЦАРСТВА МИЛЛЕРА

Товарищи!

Неужели вы не можете еще собраться с силами и стряхнуть царька Миллера с его золотопогонной шайкой? Неужели до вас не доходят слова правды о положении Советской России? Неужели вы не слышите победных маршей Красной Армии?

Красная Армия разбила в пух и прах Колчака, загнала его далеко в Сибирь и взяла Красноярск — вторую колыбель русской революции; одних только пленных сдалось под Красноярском 60 000 чел.

Она загнала Юденича в Эстонию; остатки его банд обезоруживаются последней.

Деникину, который был последней надеждой мировой контрреволюции, она нанесла такой удар, от которого он и сейчас не может опомниться, отдавая город за городом. Вместо его желания занять Москву, отдал он нам свою столицу Новочеркасск и города: Царицын, Гурьев, Мариуполь, Таганрог, Бердянск, Мелитополь, Ростов, Нахиче-

вань; в последних двух городах взято 11 000 пленных, 7 танков, 33 орудия, 170 пулеметов. Красная Армия вышла к двум морям — Азовскому и Каспийскому, захватила весь Донецкий угольный район и находится на пути к Кавказу.

Час гибели контрреволюции настал! Поднимаются рабочие и крестьяне всех стран.

В Болгарии происходят уличные столкновения рабочих с полицией. Манифестанты призывают народ для установления Советской власти. В Корее революционное движение. Арестован сын короля.

Во Франции, Англии, Италии и других странах происходят движения для установления советского строя.

Революционная молодежь Запада примыкает к III-му Коммунистическому Интернационалу.

Во всем мире появляются звезды революции.

Неужели же тряпичник Миллер думает удержаться в Архангельске?

— *Архангельск будет советским!*

И не будет большого труда, чтобы сбросить всю контрреволюционную сволочь в море.

Этот час наступает.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны помочь Красной Армии в деле раскрепощения самих себя же.

Организуйте партизанские отряды, устраивайте восстания — захватывайте власть в свои руки, гоните из учреждений золотопогонное чиновничество.

Мы идем к вам на помощь!

Не медлите, это вы должны сделать во имя меньшего кровопролития рабочих и крестьян, одетых в солдатскую шинель.

Долой диктатора Миллера!

Да здравствует рабоче-крестьянская Советская власть!

Да здравствует единение рабоче-крестьянских сил!

Да здравствует Красный Архангельск!

Политотделение [18-й] стрелковой дивизии.

№ 6 (37)

Вологодский областной краеведческий музей, № 3577
Фотокопия.

№ 14

[Вторая половина января 1920 г.]

СОЛДАТЫ МИЛЛЕРА!

6 волостей Кемского уезда Архангельской губернии *объявили себя* независимой Карелией, село Ухту столицей, население волостей *свободным от самодержавия вашего генерал-губернатора.*

Миллер в правительственном сообщении, помещенном в архангельских газетах за 13 января, объясняет восстание крестьян происками Финляндии.

Ничего подобного! *Крестьяне восстали потому, что деревня больше не в силах сносить гнет белогвардейщины.* Работники все взяты в армию, остальных тяготит подводная повинность, продовольствия нет. Если что и выдают, нет денег заплатить за паек: ведь за военные работы выдают ни к чему не обязывающие квитанции. Надувательство, издевательство — да и только.

Ждет Архангельский крестьянин Красную Армию.
А пока что делает сам, что может.

НУ А ВЫ? *Каждый день бегут к нам Ваши товарищи. Они говорят, что в Архангельске собирается солдатский съезд,* запрещенный Миллером. Съезд намерен сказать белым генералам, что *нечего больше воевать с Советской Россией.*

Верно это, или не верно, *но такой солдатский съезд* представителей от действующих полков *нужен.* Пусть это будет первый съезд Солдатских Депутатов в Архангельске. *Пусть он объявит вооруженное восстание против Миллера.*

А мы придем и поможем Вам. Соберется тогда в Архангельске Съезд Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов и объявит Советскую Власть на Севере!

Ждет Архангельский крестьянин Красную Армию.

Да здравствует вооруженное восстание против Миллера!

№ 15

[9 или 10 февраля 1920 г.]

ТОВАРИЩИ КРЕСТЬЯНЕ!

Царские золотопогонники, командующие нами, хотят удрать. Они заготовили в Архангельске себе ледоколы и на них думают удрать, оставив нас расплачиваться за их дела. Сейчас Красная Армия идет нас освобождать, этого освобождения с нетерпением ждем мы, ваши дети, солдаты армии Миллера, ждут рабочие Архангельска, да и вы сами не менее нас желаете освободиться от офицеров-наемников капиталистов.

Ловите разбегающихся офицеров, отказывайтесь от подводной повинности. Насилия со стороны офицеров не бойтесь, мы вас не выдадим, да скоро придут красноармейцы и окончательно освободят вас — и фронта в нашем уезде не будет.

Солдаты Северной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДОКУМЕНТАМ

№ 1 Листовка «Вперед на битву!» была издана в первый период борьбы на Севере, когда 6-я армия еще не имела своей типографии. Автором листовки является Н. Кузьмин: за его подписью этот же текст с одинаковым заголовком напечатан в газете «Северная беднота» 22 сентября 1918 г. Построенная на использовании инверсии, речь автора приобретает большую выразительность и усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

№ 2 Эта листовка была выпущена тиражом 5 тыс. экз.

№ 3 На другой стороне подлинника напечатан текст второй листовки «Ответ политотдела [6-й] армии чужеземным грабителям и русским предателям на их поганые прокламации» с подзаголовком «На свой аршин меряют» Листовка с двумя текстами была выпущена тиражом 14 тыс. экз. Ее автор — Н. Ф. Пластинин, за подписью которого в газете «Наша война» 28 и 31 мая 1919 г. напечатаны статьи под заголовками «На свой аршин меряют» и «20 розог». Подлинники листовки имеются не только в ЦГАСА, но и в фондах партархива Архангельского обкома КПСС и Архангельского областного краеведческого музея.

№ 5 Это воззвание напечатано также в газете «Наша война» 1 июня 1919 г. Листовкой оно выпускалось дважды: до 1 июня 1919 г. тиражом 15 тыс. экз. и второй раз — в июне 1919 г. тиражом 6 тыс. экз.

№ 6 Автор листовки, текст которой без изменений опубликован 19 июля 1919 г. в газете «Наша война», — Н. Ф. Пластинин. Подлинники этой листовки хранятся также в ЦПА ИМЛ (ф. 17, оп. 4, общий отдел, ед. хр. 60, л. 215) и в фондах партархива Архангельского обкома КПСС и Архангельского областного краеведческого музея. Листовка была выпущена тиражом 6 тыс. экз.

№ 7 Подлинник имеется также в ЦПА ИМЛ. 25 июля 1919 г. текст листовки опубликован как передовая статья в газете «Наша война». Тираж листовки — 10 тыс. экз.

№ 8 Текст листовки 2 августа 1919 г. — в годовщину захвата Архангельска интервентами и белогвардейцами — был напечатан в газете «Наша война» за подписью ее редактора Ф. Е. Глущенко. Листовка выпущена тиражом 4 тыс. экз.

№ 9 Подлинник имеется также в ЦПА ИМЛ.

№ 10 Листовка была выпущена в гор. Сольвычегодске.

№ 11 «2-е письмо» 22 августа 1919 г. опубликовано в газете «Наша война». Подлинники листовки хранятся и в фондах ЦПА ИМЛ, партархива Архангельского обкома КПСС и Архангельского областного краеведческого музея.

№ 14—15 Эти листовки в феврале 1920 г. распространял в тылу белогвардейцев агентурный разведчик 18 стрелковой дивизии А. П. Волгин. Тексты обеих листовок печатаются по фотокопиям, которые в 1964 г. А. П. Волгин прислал автору публикации.

Л. С. Скепнер

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О Ф. С. ЧУМБАРОВЕ-ЛУЧИНСКОМ

Имя Федора Степановича Чумбарова-Лучинского (1899—1921), героя гражданской войны, видного деятеля Архангельской партийной организации, широко известно на Севере.

Ф. С. Чумбаров (партийный псевдоним: Лучинский) родился в деревне Васильевской Каргопольского уезда бывшей Олонецкой губернии (ныне Архангельской области), в семье крестьянина-бедняка. Тринадцати лет уехал на заработки в Петербург. Член РСДРП с 1914 года. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В июле 1918 г. тяжело ранен при подавлении левоэсеровского мятежа в Ярославле. С февраля 1919 г. Чумбаров-Лучинский на Северном фронте, политработник в VI армии. После освобождения Мурманска от интервентов в марте 1920 г. избран секретарем Мурманского комитета РКП(б). С середины апреля 1920 г. Чумбаров-Лучинский работает в Архангельске — заведующим отделом пролетарской культуры при губоно, заведующим агитпропотделом губкома партии, секретарем горрайкома, членом президиума губкома РКП(б). Редактирует губернскую газету «Известия».

Чумбаров-Лучинский — талантливый оратор и публицист. Его статьи печатались в газетах «Красный Север» (Вологда), «В зырянском краю» (Устьсысольск), «Наша война» (орган политотдела VI армии), архангельских и мурманских «Известиях», «Петроградской правде» и др. В периодической печати Севера часто публиковались и стихи Чумбарова-Лучинского. В марте 1920 г. в Мурманске вышел сборник его стихотворений и статей «На Севере».

Делегат X съезда партии, Ф. С. Чумбаров-Лучинский участвовал в героическом штурме Кронштадта. Он погиб на подступах к Кронштадту 17 марта 1921 г.

Чумбарову-Лучинскому посвящен ряд работ*, вышед-

* А. Копылов. Товарищ Лучинский. Вологда, 1961; М. Тулин. «Революция живет. Да здравствует революция!» Мурманск, 1968; М. Сбойчаков. Чумбаров-Лучинский. В кн. «Вечная слава», Госполитиздат, М., 1967; А. Ракитин. Жизнь, как песня. В кн.: «Незабываемые имена». Сев.-Зап. кн. изд-во, Архангельск, 1967, и др.

ших в последние годы. Но авторы их мало опирались на архивные документы, в связи с чем в этих работах встречаются фактические ошибки и неточности, а ряд моментов жизни и деятельности Ф. С. Чумбарова-Лучинского не освещен.

В данной публикации представлены новые документы и материалы, освещающие различные периоды жизни Ф. С. Чумбарова-Лучинского и характеризующие его разностороннюю деятельность как агитатора, политработника Красной Армии, организатора культурного строительства на Севере и публициста.

Письма Ф. С. Чумбарова-Лучинского в Архангельский губком РКП(б), написанные в дни подготовки к штурму Кронштадта (док. 9, 10), свидетельствуют о глубоком понимании им смысла кронштадских событий. Эти письма проникнуты заботой об укреплении единства партии, они ярко раскрывают облик бойца-коммуниста, беззаветно преданного делу революции.

№ 1

РАПОРТ ПОМОЩНИКА ЗАВЕДУЮЩЕГО 54 ГОРОДСКИМ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ ПЕТРОГРАДА Л. МИХАЙЛОВОЙ ПОМОЩНИКУ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТЕЛЕГРАФА [1]

6 августа 1916 года.

Доношу, что откомандированный на главную контору бывший сторож вверенного мне отделения Федор Чумбаров явился 5 сего августа вечером в служебное помещение и заявил мне, что если я не дам отдельной комнаты рассыльным, где бы они могли отдыхать и делать все, что вздумается им, он напишет об этом в газете, так как состоит сотрудником Маленькой газеты [2] (Все это говорилось в повышенном тоне, при рассыльных и чинах).

На мое заявление, что он не имеет никакого права входить в служебное помещение и возмущать рассыльных в мое отсутствие против меня и вообще начальства, что было мною замечено за Чумбаровым в бытность его сторожем. Сотрудничать в газетах он не имеет права, а тем более запугивать газетными заметками, поэтому все происходящее будет мною доведено до высшего начальства. На это Чумбаров мне заявил, что никто не докажет, что он сотрудничает в газете *, что особо местом не дорожит, потому помимо много зарабатывает.

За последнее время службы в отделении он предъявлял различные требования и возмущал рассыльных. Давно служащие и вполне надежные двое рассыльных не обращали на речи Чумбарова никакого внимания, но рассыльные Феодор Бануль знак № 275 и Семен Аксельрод знак № 761 стали тоже высказывать разные неудовольствия и требования, а главное, своими разговорами влиять на молодых рассыльных мальчиков. Кроме того, они оба подговаривают женщину сторожа Авдотью Васильеву, чтобы она просила для себя комнату рядом с аппаратной, которая, по мнению почти всех сторожей, а также рассыльных, является свободной и не дает им покоя.

* Слова «сотрудничает в газете» подчеркнуты красным карандашом.

[...] Считаю необходимым в интересах службы перевести на главную контору немедленно же рассыльных Федора Бануля и Аксельрода, покорнейше прошу назначить вместо поименованных рассыльных женщин или мальчиков, потому что они более подходящие при дневном действии отделения, как прибывшие вновь не будут нарушать должного порядка.

Помощник заведывающего *Л. Михайлова.*
Зав. 541-м город[ским] почтово-телеграфным отделением (Подпись) *

На полях резолюция:

«Бануля и Аксельрода перевести в главную контору, а о Чумбарове доложить, где в настоящее время занимается» (Подпись) **

Ниже на полях помета: «Бануля и Аксельрод переведены в главную контору, а Чумбаров — сторожем у г. экзекутор[а]. «Подпись) ***

ГИА ЛО, ф. 1341, оп. 1, д. 5876, лл. 14—15. Подлинник.

№ 2

Рекомендация на фронт, выданная Ф. С. Чумбарову-Лучинскому председателем Спасского районного Совета рабочих и красноармейских депутатов Петрограда Б. А. Семеновым.

4 февраля 1919 года.

Лично зная предъявителя сего тов. Чумбарова-Лучинского, рекомендую его как хорошего организатора-агитатора на фронт.

Председатель Спасского районного Совета; член комитета партии коммунистов Спасского района *Б. Семенов* ****

Круглая печать: «Р.С.Ф.С.Р.
Исполнительный комитет Совета рабочих и красноармейских депутатов Спасского района».

Вверху помета: («Петроградск[ая] губ.[ерния]

ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, д. 102, л. 25. Подлинник.

№ 3

Корешок удостоверения, выданного Ф. С. Чумбарову-Лучинскому Северным областным комитетом РКП(б) 4 февраля 1919 года.

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(большевиков)
СЕВЕРНЫЙ ОБЛАСТНОЙ
КОМИТЕТ
№ 0026

---

* Подпись неразборчива.
** Подпись неразборчива.
*** Подпись неразборчива.
**** Подпись неразборчива. Председателем Спасского районного Совета рабочих и красноармейских депутатов Петрограда в это время был Б. А. Семенов (ЛГА ОРСС, ф. 54, оп. 1, д. 1—25; ф. 7384, оп. 7, д. 46).

Имя	Федор
Отчество	Степанович
Фамилия	Чумбаров-Лучинский

4 февраля 1919 г.

Член С[еверного] О[бластного] К[омитета] *Елена Стасова.*

Помета сбоку: «На Северный фронт».

ЦПА, ИМЛ. ф. 67, оп. 1, д. 15, л. 223. Подлинник.

№ 4

ИЗ УЧЕТНОЙ КАРТОЧКИ Ф. С. ЧУМБАРОВА-ЛУЧИНСКОГО

Не ранее 10 июля — не позднее октября 1919 года *

БИЛЕТ № 2687

Фамилия	Чумбаров-Лучинский (В. Печерин) [3]
Имя, отчество	Федор Степанович
Адрес	Политотдел 6 армии (Вологда)
Основная профессия	Литератор (журналист)
Сколько времени состоите в Петроградской организации РКП и в данном районе; до прибытия в Петроград в какой организации были.	В Петрограде был в ячейке Инженерного замка [4]. В Костромской губернской организации.
Имели ли репрессии, когда и какие.	Сидел в тюрьме за агитацию в Петрогр.[аде] в 1916 году [5].
Какую губернию или область России, включая окраины, знаете и где и по сколько времени жили.	Хорошо знаю губернии Вологодскую, Вятскую, Северо-Двинскую, Костромскую, Ярославскую. Ездил по всем для революционной агитации... Был в Зырянском краю.
Кроме родного языка, знаете ли какие-нибудь другие языки и наречия и насколько хорошо.	Знаю поверхностно французский. Наречие знаю также поверхностно зырянское и самоедов.
Военное обучение — проходили ли курс его или умеете владеть оружием и изучили строй на военной службе.	Умею владеть винтовкой, револьвером и строить укрепления.
Были ли на революционном фронте и на каком.	Был восемь месяцев на гражданском северном фронте [6] Северо-Двинского и Пинего-Печорского района.
За время революции какие должности занимали и где работали а) в партии	Организатором коммунистических ячеек в Костромской губернии.

* Датируется по дате выдачи Ф. С. Чумбарову-Лучинскому партийного билета № 2687 и упоминанию о пребывании на Северном фронте в течение восьми месяцев.

б) в проф. движении [...]	В Северо-Двинск.[ой] губ.[ернии] артель рыбаков.
д) Советах	Был во многих Советах членом исполкома, в Костр.[омской] губ[ернии].
е) в комиссариатах	Был заведующим агитац.[ионным] отделом Ярославского окружн.[ого] комисс.[ариата].
ж) предприятиях и учреждениях	В Петрограде на главном телеграфе (служащ.[им]).
з) кр.[асно]-арм.[ейских] частях и флоте	В политуправлении войск 6-й армии и политотделении флотилии (Двинской).
Какие должности занимаете ныне?	1) Ответственный лектор политотдела 6-й армии. 2) Сотрудник газеты «Наша война» и «Известия» нескольких совдепов в провинции.
Какая должность является в настоящее время основной, дающей основной заработок	Должность партийного агитатора и лектора — но ввиду того, что от получения гонорара в изданиях отказался.
Величина месячного заработка	1300 р.
Есть ли дополнительные виды заработка	От получения гонорара в газетах отказался: считаю, что получать двойной заработок не следует.
Состоите ли членом производственного союза, когда вступали, какого?	Членом професс.[ионального] почт.[ово]-тел.[еграфного] союза низших служащих (в 1917 году).

ЛПА. Личное дело Ф. С. Чумбарова-Лучинского. Подлинник.

№ 5

Удостоверение, выданное Ф. С. Чумбарову-Лучинскому Центральным комитетом Всероссийского Коммунистического Союза журналистов [7].

Не ранее февраля 1919 года — не позднее апреля 1920 года *.

Всероссийский Центральный Коммунистический Союз журналистов удостоверяет, что тов. Чумбаров-Лучинский уполномочен Центральным комитетом на организацию Вологодского отделения Всероссийского Коммунистического Союза журналистов.

Секретарь Цекомжура. (Подпись) **.

Круглая печать Центрального Комитета Всероссийского коммунистического Союза журналистов.

ПААО, ф. 4950, оп. 4, д. 106, л. 3. Подлинник.

---

* Датируется по времени возможного пребывания Ф. С. Чумбарова-Лучинского в Вологде.

** Подпись неразборчива.

№ 6

Удостоверение, выданное Ф. С. Чумбарову-Лучинскому Всероссийским Советом Пролеткульта 13 апреля 1920 года.

Настоящим удостоверяется, что тов. Федор Степанович Чумбаров-Лучинский Президиумом Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта командируется в Архангельск для организации там Пролеткульта [8].

Цека просит все советские организации оказывать тов. Чумбарову-Лучинскому всяческое содействие.

Председатель ЦК В[сероссийского] С[овета] Пролеткульта *Лебедев-Полянский.*

Завед.[ующая] подотд.[елом] общей канц.[елярии] *Н. Федорова.*

ПААО, ф. 4950, оп. 4, д. 106, л. 15. Подлинник. На бланке Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

№ 7

Из неопубликованной статьи Ф. С. Чумбарова-Лучинского «Усталость от привилегий» [9].

21 февраля 1921 года.

На конференции металлистов в Москве было определенно заявлено — мы не устали от холода и голода, мы устали от привилегий.

Совет Нар.[одных] Комиссаров постановил (учитывая тяжелое продовольственное положение страны) — отменить все виды особых пайков, установить паек для ответственных работников не выше пайка рабочего снабжения. А это постановление кладет предел всей продовольственной неурядице последнего времени.

Нужно улучшать положение ответственных работников, улучшая положение всех трудящихся. То же самое нужно сказать в отношении квартир. За последнее время стали замечаться барские наклонности у некоторых работников.

[...]Также и в отношении перевозочных средств. Нужно в корне пресечь желание некоторых товарищей обязательно иметь в своем распоряжении лошадь. Лошадей нехватает на перевозку тяжестей и грузов — активным работникам можно дать привилегию: садиться в трамвай с передней площадки. Эту меру нужно тоже провести осторожно, чтобы желающие сесть без очереди не составили очередь. Можно при президиуме губисполкома иметь (на случай особенно срочных передвижений) два-три пассажирских автомобиля с тем, чтобы отделы в случае надобности звонили об этом по телефону. Иметь автомобили в отдельных отделах (как, например, в губпродкоме), совершенно не вызывается необходимостью. Также и в отношении денежной оплаты. Нужно прекратить эту скачку вверх по категориям и штатам с далеко не равной оценкой труда. Нужно добиваться через профсоюзы и съезды уравнительной системы денежного вознаграждения. Здесь мы вовсе не хотим сказать, что не следует платить крупных ставок специалистам. Мы только говорим, что активные работники члены Коммунистической партии не должны приравнивать себя к спецам, а должны беззаветно отдавать свой труд и знания для общей пользы.

Нужно также совсем уничтожить взгляд о «незаменимых» работниках. Плох тот работник, который в течение полугода или года на практической работе не приготовил себе заместителя. Нам нужно добиваться того, чтобы рабочие от станка, крестьяне от сохи приходили к аппарату власти — и от власти уходили к станку и к сохе. Нам нужно,

чтобы не было наследственной или постоянной власти, чтобы не было разделения на власть и народ и чтобы народ и власть были одним целым, работающим коллективом.

Нам нужно ударить по привилегиям. Пусть бюрократы поднимают шум и оказывают сопротивление. Нам нужно, чтобы примазавшиеся посыпались вон из организации. Чтобы каждый член нашей партии не только знал, но и понимал и исполнял установленное нашей коммунистической совестью и программой.

Лучинский.

В правом верхнем углу помета Ф. С. Чумбарова-Лучинского: «дискуссионная».

На обороте первой страницы автографа помета Ф. С. Чумбарова-Лучинского: «Тов. Шипову для просмотра».

ПААО, ф. 4950, оп. 4, д. 106, лл. 24—25. Автограф.

№ 8

ПИСЬМА Ф. С. ЧУМБАРОВА-ЛУЧИНСКОГО ИЗ ОРАНИЕНБАУМА В АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГУБКОМ РКП(б).

Не ранее 13 марта — не позднее 16 марта 1921 года *.

Здравствуйте, дорогие товарищи.

В настоящее время нахожусь в гор. Ораниенбауме в 7 верстах от Кронштадта. Назначен политруком в роту. Скоро пойдем в наступление. Передайте всей Архангельской организации и будьте уверены в том, что заветы пролетариата и партии выполню дословно.

Передайте также сердитым людям и организациям, что сейчас не время заниматься пустопорожними спорами. Надвинулась грозная опасность. Здесь на месте это всего более видно. Тесная спайка и сплоченность, самоотверженность и организованность — вот ответы на волнующие нас вопросы.

Привет архангельским пролеткультцам.

Чумбаров-Лучинский.

Мой адрес: Южная группа войск Финского залива 27 дивизия 79 бригада 235 полк, политруку роты [10].

ПААО, ф. I, оп. I, д. 374, л. 262. Автограф, написан карандашом.

№ 9

16 марта 1921 года **

Здравствуйте, дорогие товарищи.

Выступаем. Или — или. Вполне сознаем значение операции. Вчера здесь была «волынка». 2 полка [12] отказались наступать и были обезоружены, но потом часть заявила, что хочет идти и были обратно вооружены. Мы получили под Кронштадтом массу уроков. Их нужно учесть.

1) Разверстка на крестьян гибельно отражается на Красной Армии и ее разлагает. 2) Халатность в отношении внимания к красноармейцу в тылу и особое внимание на фронте производит обратное действие [13].

---

* Датируется по дате прибытия делегатов X съезда РКП(б) в Ораниенбаум и дате следующего письма.

** Письмо датировано Ф. С. Чумбаровым-Лучинским.

3) Преступления должностных лиц в разных местностях Совроссии и особенно в Гомеле, где стояла последнее время дивизия, разлагает части и вызывает реакционные выступления.

4) Новые и новые походы вызывают мысль о якобы бесконечной войне, и у некоторых товарищей, пробывших на фронте около трех лет, вызывает апатию и даже отчаяние.

И много др. и т. п.

Это необходимо учесть и по возможности встряхнуть советские учреждения в области сокращения штата служащих, слияния параллельно действующих органов и т. д.

Надеюсь скоро вернуться, но если убьют, то передайте мой привет Архангельской губернской конференции (летней) и пожелайте, чтобы надолго вперед в условиях нашей действительности были уничтожены споры, дрязги и т. д.

Лучинский.

ПААО, ф. I, оп. I, д. 374, лл. 262, 263. Автограф, написан карандашом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этот рапорт — пока единственный выявленный документ того времени, свидетельствующий о революционной деятельности Ф. С. Чумбарова-Лучинского в дооктябрьский период.

[2] «Маленькая газета» издавалась в Петрограде с сентября 1914 г. по июль 1917 г. Материалов Ф. Чумбарова-Лучинского в «Маленькой газете» обнаружить не удалось.

[3] В. Печерин — псевдоним Ф. С. Чумбарова-Лучинского. Под этим псевдонимом он публиковал многие статьи и стихотворения, начиная с весны 1919 г., то есть со времени назначения его сотрудником политического отделения Пинего-Печорского края. (Позднее — Ф. Печерин, Федор Печерин).

[4] С апреля до июня 1918 г. Ф. С. Чумбаров-Лучинский был слушателем I-х Петроградских Советских инженерных курсов подготовки командного состава РККА, помещавшихся в Инженером замке (ЦГАСА, ф, 24898, оп. I, д. 41, лл. 3, 16).

[5] В «Основной карте коммуниста», отвечая на вопрос: «подвергался ли репрессиям за рев.[олюционную] деятельность, когда и каким именно», Ф. С. Чумбаров-Лучинский пишет: «в 1916 году за просветительн.[ую] работу среди низших служ.[ащих] Главн.[ого] телегр.[афа] (ЦГАСА, ф. ПУР, д. 13016).

[6] Ф. С. Чумбаров-Лучинский находился на Северном фронте с февраля 1919 г. (см. док. 3. См. также ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, д. 9, л. 104— «Сведения об агитаторах, прибывших и выбывших»).

[7] Публикуемый документ (№ 5) позволяет установить роль Чумбарова-Лучинского в создании организаций Всероссийского Коммунистического Союза журналистов на Севере.

[8] По инициативе Чумбарова-Лучинского 25 апреля 1920 г. в Архангельске была созвана городская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций (с участием представителей партийных и профсоюзных организаций), положившая начало деятельности Архангельского пролеткульта. Конференция избрала городской совет пролеткульта (ПААО, ф. I, оп. I, д. 73, л. 15. См. также «Грядущее», Петроград, 1920, № 7—8, стр. 24).

[9] Борьба против бюрократизма, за чистоту рядов партии, облик партийного и советского работника, единство руководителей и масс — важные темы публицистики Чумбарова-Лучинского. Им посвящена и статья «Усталось от привилегий». Она была связана с развернувшейся перед X съездом РКП(б) дискуссией о профсоюзах, в ходе которой поднимались и некоторые вопросы партийного строительства.

В резолюции Девятой Всероссийской конференции РКП(б) (сен-

тябрь 1920 г.) «Об очередных задачах партийного строительства» был намечен ряд практических мер по развертыванию внутрипартийной демократии, укреплению единства партии и ее дисциплины. В резолюции обращалось внимание, в частности, на наметившийся отрыв части руководящих работников в центре и на местах от масс и были определены конкретные меры к его устранению. О проведении в жизнь этих мер говорилось в «Отчете о работе ЦК за период от IX до X партийного съезда», где речь шла, в частности, о начатой борьбе против злоупотреблений ответственных работников в области продовольствия, снабжения и транспорта. («Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет». Госполитиздат, М., 1963, стр. 801—803).

Чумбаров-Лучинский, в то время редактор «Известий Архангельского губисполкома и губкома РКП(б)», передал эту статью для ознакомления члену президиума Архангельского губкома партии Я. Я. Спрингису-Шипову. Вскоре Ф. С. Чумбаров-Лучинский и Я. Я. Спрингис-Шипов, делегаты X съезда РКП(б), выехали в Москву, на съезд. Статья осталась не опубликованной.

[10] Этот адрес впервые позволяет установить, в какой красноармейской части Ф. С. Чумбаров-Лучинский шел на штурм Кронштадта.

[11] Данное письмо является последним письмом Ф. С. Чумбарова-Лучинского. Последний абзац его был процитирован в сообщении Президиума Архангельского губкома РКП(б) о гибели Ф. С. Чумбарова-Лучинского («Известия Архгубисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Губкома РКП(б). 1921, 2 апреля, № 327—70). Полностью письмо публикуется впервые.

[12] Речь идет об отказе 235-го Невельского и 237-го Минского полков 27-й Омской дивизии идти в наступление на Кронштадт. К. Е. Ворошилов, бывший в это время военкомом Южной группы войск Финского залива, указывает причины этого: изменение к концу гражданской войны состава дивизии: в ней находилось к моменту прибытия в Ораниенбаум немало бывших дезертиров и неустойчивых элементов; контрреволюционная пропаганда, которую вели меньшевики и эсеры в частях дивизии по пути ее следования в Петроград; проникновение в части дивизии агентов мятежников. «Неудовлетворительное материальное снабжение, плохое обмундирование и недостаточно внимательное отношение к своим обязанностям командно-политического состава — все это накалило обстановку до такой степени, что два полка этой дивизии... отказались идти в наступление». (К. Е. Ворошилов. Из истории подавления Кронштадтского мятежа. Военно-исторический журнал, 1961, № 3, стр. 28).

[13] Чумбаров-Лучинский имеет в виду, что увеличение пайка красноармейцам 27-й дивизии, переведенной под Кронштадт, послужило поводом демагогических выступлений провокаторов.

Список сокращений

ГИА ЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области.
ЛГА ОРСС	— Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области.
ЦПА ИМЛ	— Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
ЛПА	— Ленинградский партийный архив Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС.
ПААО	— Партийный архив Архангельского Обкома КПСС.
ЦГАСА	— Центральный государственный архив Советской Армии.

Б. Г. Михайлов

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ О ПРЕБЫВАНИИ В ВОЛОГОДСКОЙ ССЫЛКЕ П. Л. ЛАВРОВА

П. Л. Лавров находился в вологодской ссылке ровно три года: с 15 февраля 1867 г. по 15 февраля 1870 г. Ссылку он отбывал Тотьме, Вологде и Кадникове.

О пребывании Лаврова в ссылке и бегстве оттуда опубликовано немало воспоминаний [1]. Однако авторы их не всегда точно и полно описывают факты. Архивные документы являются хорошим коррективом мемуарных источников. Но, к сожалению, они долгое время не были известны. Только в 1931 г. в журнале «Каторга и ссылка» исследователь Д. Г. Венедиктов-Безюк опубликовал в своей статье некоторые документы из дела о П. Л. Лаврове, хранящегося в фонде министерства внутренних дел [2]. Но для полного и более ясного представления о вологодской ссылке Лаврова необходима публикация остальных интересных документов указанного дела [3].

Кроме того, в Вологодском областном архиве (ВОГА) есть несколько дел со сведениями о П. Л. Лаврове и А. П. Чаплицкой (будущей его жене, с которой он познакомился в ссылке). Эти дела позволяют уточнить сроки пребывания Лаврова и Чаплицкой в вологодской ссылке [4].

Документ, рассказывающий о проводах Лаврова из Тотьмы 29 августа 1868 г., свидетельствует об исключи-

[1] П. В. Засодимский. Из воспоминаний. М., 1908; Из рассказов Г. А. Лопатина. «Голос минувшего», 1915, № 9; Г. А. Лопатин. К рассказам о П. Л. Лаврове. «Голос минувшего», 1916, № 4; Н. А. Иваницкий. Записки. «Север», 1923, №№ 2, 3—4; М. П. Сажин. Воспоминания. М. 1925 и др.

[2] Д. Г. Венедиктов-Безюк. Побег П. Л. Лаврова из ссылки. «Каторга и ссылка», 1931, № 5 (78).

[3] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272.

[4] В свое время Д. Г. Венедиктов-Безюк писал: «По нашим материалам дату прибытия Лаврова в Тотьму установить нельзя» («Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 185), а в документе, хранящемся в ВОГА, сказано, что П. Л. Лавров находился в Тотьме с 28 февраля 1867 г. (ф. 135, оп. 1, д. 1, л. 30).

тельной популярности этого революционера и ученого, как среди ссыльных, так и среди местной интеллигенции[5]. За проводы пострадал прежде всего сам Лавров, который по этой причине распоряжением министра внутренних дел был переведен из губернского центра в захолустный город Кадников[6]. Таким образом, в Вологде Лавров пробыл всего один месяц (с 30 августа по 2 октября 1868 г.).

Определенный интерес представляют донесения вологодского губернатора о бегстве Лаврова с помощью Лопатина из Кадникова 15 февраля 1870 г.[7]. Они подтверждают мемуарные сведения о том, что в результате хитрости Лаврова и самоотверженности его старушки-матери местные власти узнали о побеге только спустя неделю — 22 февраля.

Публикуемые документы подтверждают сообщение М. П. Сажина о близости чиновника канцелярии губернатора, бывшего воспитанника Вологодской семинарии и организатора кружка «чернышевцев» Н. В. Кедровского к политическим ссыльным и особенно к Лаврову, которому он оказал важные услуги[8].

Власти разыскивали П. Л. Лаврова по всей стране вплоть до начала августа 1870 г.[9], когда министр внутренних дел получил от него письмо из Парижа с указанием причин побега. Так как это письмо представляет большой интерес, мы его тоже включили в нашу публикацию, хотя оно и было напечатано Д. Г. Венедиктовым-Безюком в 1931 г.[10].

№ 1

8 января 1867 г. — **Письмо военного министра Министру внутренних дел.**

Министру внутренних дел.

Генерал-аудиториат, рассмотрев военно-судное дело о бывшем члене конференции и преподавателе математических наук в Михайловской артиллерийской академии, состоящем ныне по полевой пешей артиллерии, полковнике Лаврове, нашел, что при производстве следствия высочайшей учрежденною в С.-Петербурге под председательством генерала от инфантерии графа Муравьева следственною комиссиею, подсудимый Лавров обратил на себя внимание своею неблагонадежностью в политическом отношении, при произведенном же у него вследствие сего обыске в бумагах его оказались преступного

---

[5] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, лл. 19—20.

[6] Там же, лл. 32 и 38.

[7] Там же, лл. 41, 50—51.

[8] См., например, документ № 9 (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, л. 47).

[9] Об этом свидетельствует перечень губерний России, в которые были посланы циркуляры о розыске П. Л. Лаврова с указанием его примет. (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, лл. 65—68, 71—75).

[10] См. «Каторга и ссылка», 1931, № 5 (78), стр. 196.

содержания четыре стихотворения, сочиненные самим Лавровым под названием: «Пророчество», «Русскому царю», «Русскому народу», «Новому царю», из коих первыми тремя, написанными в 1852 и 1854 годах, последнем, написанном 26 августа 1856 г., в дерзких выражениях осуждаря императора Николая 1-го и к управлению его государством, а в последнем, написанном 26 августа 1856 г., в дерзких выражениях осуждается торжество коронации и возбуждается неуважение к священной особе его императорского величества.

По объяснению подсудимого Лаврова, означенные стихотворения написаны им под влиянием того общего неудовольствия и раздражения, которое будто бы господствовало в конце прошлого царствования, и выражали только настроение его духа, причем он не имел намерения оглашать эти стихотворения и иметь влияние на общество распространением своих убеждений.

Кроме того в бумагах Лаврова найдено несколько других статей и мелких стихотворений противоправительственного направления, как например: «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», «Строй идей, среди которых развивался Иисус», «Сказка о воцарении первых князей России», предисловие к № «Колокола», стихотворения: «Декабристам», «На смерть императора Николая 1-го» и т. д.

По показанию подсудимого Лаврова все мелкие статьи и стихотворения приобретены им от разных лиц, которых за давностью не припомнит. Стихотворений этих он не распространял, хотя случалось некоторые из них читать жене и близким родственникам.

Между тем из нескольких других бумаг и писем, найденных у Лаврова, обнаруживается сочувствие и близость его отношений к людям, известным правительству своим преступным направлением, каковы: бывший профессор Павлов, Чернышевский, Николай Утин, Михайлов, Альбертини и др. В пользу первого из них, т. е. Павлова, Лавров занимался сбором денег и сверх того у него найден проект заявления членов комитета общества для пособия литераторам, в котором выражено сочувствие Павлову, а обвинение, которому он подвергся, названо клеветою.

Независимо от сего из дела оказывается, что полковник Лавров был сотрудником и редактором разных повременных изданий, старался проводить в печати вредные идеи, доказательством чему служит собственноручная его записка к петербургскому книгопродавцу Тиблену, в которой Лавров, говоря об издании энциклопедического словаря, выходящего под его редакцией, между прочим написал: «Можно сначала приняться за выпуск невинных вещей, а затем, затянув издателей и приучив наблюдателей, пустить в издание вещи посерьезнее».

Объяснение Лаврова, что слова эти указывали только на способ привлечения новых издателей энциклопедического словаря, прекращенного по несостоятельности прежних издателей, не заслуживает уважения, как несоответствующее смыслу записки. Наконец Лавров оказывается еще виновным в участии в обществе под названием «издательская артель», где под его председательством допущены были сборы и расходование денег, приготовление изданий к печати и т. п. прежде утверждения устава этого общества правительством.

По соображении сих обстоятельств с законами Генерал-аудиториат нашел, что за сочинение вышеупомянутых первых четырех стихотворений преступного содержания полковник Лавров, как неизобличенный в злоумышленном распространении их, подлежал бы согласно 83 ст. 1-й кн. военно-угол. уст. и 245 ст. улож. о наказ. угол. и испр. (изд. 1866 г.) заключению в крепости на время от одного года и 4-х месяцев до двух лет и 8 месяцев, но как на основании 127 ст. 1-й кн. воен. угол. уст. и по 158 ст. улож. о наказ. угол. и испр. исправительные наказания отменяются за давностью, если со времени совершения преступления оные не были обнаружены в течение пяти лет;

последнее же из стихотворений, сочиненных Лавровым, написано в 1856 г., более нежели за 10 лет до времени обнаружения оного, то Лаврова согласно приведенным статьям за сочинение стихотворений преступного содержания от ответственности освободить. Независимо от сего Лавров оказывается виновным в хранении у себя разных стихотворений и статей противоправительственного содержания и в участии в действиях общества «Издательская артель», хотя учрежденного и не с противозаконною целью, но не получившего утверждения правительства.

За эти проступки на основании 195 ст. и 1-й кн. воен. угол. уст. и 251 и 324 ст. улож. о наказ. угол. и испр. Лавров подлежал бы содержанию под арестом от 7 дней до 3-х месяцев и денежному взысканию до 100 руб. сер., но как он во время производства следствия и суда содержался под арестом 8 месяцев, то по вменении ему сего в наказание, освободить его и от сих взысканий, а имеющиеся при деле в особых пакетах под литерами А, Б, В и Г отобранные от полковника Лаврова бумаги, относящиеся до хозяйственных и домашних его дел, ему возвратить [1].

Но при сем Генерал-аудиториат не мог не обратить внимание на то, что полковник Лавров как сочинением и хранением статей преступного содержания, так и близкими отношениями с лицами, изобличенными в государственных преступлениях и выказываемым явным к ним сочувствием, а в особенности письмом своим к книгопродавцу Тиблену, выражающим преступное намерение распространять в обществе противоправительственные идеи, ясно обнаружил вредный образ мыслей, который не только в занимаемой им должности преподавателя в Михайловской артиллерийской академии, но и вообще на государственной службе терпим быть не может. По сему Генерал-аудиториат полагал: полковника Лаврова, уволив от службы, без преимущества оною приобретенных, отослать на житье в одну из внутренних губерний по усмотрению Вашего высокопревосходительства, подчинив на месте жительства строгому надзору полиции и воспретив выезд в столицы [2].

На всеподданнейшем докладе Генерал-аудиториата по сему делу последовала в 5-й день сего января собственноручная его императорского величества конфирмация: «Быть по сему».

О такой высочайшей конфирмации, объявленной к исполнению товарищу генерал-фельдцейхмейстера, имею честь сообщить вашему превосходительству для зависящего распоряжения относительно назначения подсудимому Лаврову места жительства.

Военный министр, генерал-адъютант (подпись).

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, лл. 1—7.

№ 2

29 января 1867 г. — **Письмо министра внутренних дел военному министру.**

Г. военному министру.

Назначив для жительства полковника Лаврова вместо Вятской Вологодскую губернию, имею честь уведомить о сем Ваше высокопревосходительство в дополнение к отношению моему от 11-го сего января за № 141.

Министр внутренних дел (подпись).

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, л. 11.

[1] Этот абзац документа почти целиком цитируется в статье Д. Г. Венедиктова-Безюка («Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 184).

[2] Этот абзац выборочно цитируется в той же статье. (Там же, стр. 184).

№ 3

Ведомость лицам, состоящим под надзором полиции в г. Тотьме.

№	Когда дело началось		Место-пребывание людей, состоящих под надзором	Когда и какое сделано исполнение и когда дело кончено
113	1867 года, февраля 28-го	Петр Лаврович Лавров, полковник, бывший член конференции и преподаватель математических наук в Михайловской артиллерийской академии, по высочайшей конфирмации выслан в г. Тотьму на житье под строгий полицейский надзор, который как сочинением и хранением статей преступного содержания, так и близкими сношениями с лицами, изобличенными в государственных преступлениях, явным к ним сочувствием и преступным намерением распространять в обществе противоправительственные идеи, явно обнаружил вредний образ мыслей и в государственной службе терпим быть не может.	город Тотьма	Вследствие предложения г. начальника губернии, последовавшего г. уездному исправнику от 14 августа 1868 г. за № 1809, отправлен 28 августа сего же года под надзор полиции в г. Вологду.

ВОГА, ф. 135, оп. 1, д. 1, л. 30.

№ 4

Ведомость о высланных из других губерний лицах, состоящих под надзором полиции в г. Тотьме.

№	Чин, звание, имя, фамилия и какой губернии уроженец	Лета от роду	По какому распоряжению и за что именно подвергнут надзору	С которого времени состоит под надзором	На какой срок подвергнут надзору и какому	Где утвержден надзор и чем занимается	Получает ли от казны содержание	Имеет ли семейство и где оно находится	
88	Лишенная прав и преимуществ чиновница Анна Чаплицкая, уроженка Полоцкой губернии.	28	По конфирмации наместника царства Польского, изъясненной в предписании начальника Волоградской губернии от 23 марта 1866 года за № 809.	С 26 марта 1866 г.	Бессрочно, гласному, строгому.	В г. Тотьме, выслана из г. Варшавы, занятий не имеет.	Не получает.	Имеет мужа на службе в Варшаве.	Поведения хорошего и подает надежду на исправление.

ВОГА, ф. 135, оп. 1, д. 5, л. 182.

№ 5

9 августа 1868 г. — **Письмо вологодского вице-губернатора министру внутренних дел.**

Господину министру внутренних дел.

От 26-го минувшего июля за № 1672 я имел честь представить на усмотрение Вашего высокопревосходительства ходатайство состоящего под надзором полиции в г. Тотьме отставного полковника Лаврова о переводе его на жительство в г. Вологду по причине расстроенного здоровья просителя и в особенности его матери.

Ныне тотемский уездный исправник представил ко мне медицинское свидетельство о болезни Лаврова, выданное ему вологодским уездным врачом Римашевским, ходатайствуя по крайней мере о временном перемещении просителя в Вологду[1]. Из свидетельства этого Ваше превосходительство изволите усмотреть, что болезнь Лаврова по заверению врача требует безотлагательного лечения, угрожая в противном случае опасностью для его жизни, между тем в г. Тотьме в настоящее время нет ни одного медика.

Представляя при сем медицинское свидетельство о болезни г. Лаврова, имею честь донести Вашему высокопревосходительству, что в виду одобрительного поведения Лаврова во все время нахождения его под надзором полиции и во внимание к болезненному его состоянию, требующему медицинского пособия, я с своей стороны полагал бы разрешить г. Лаврову прибыть на некоторое время в г. Вологду, если перемещение его сюда на постоянное жительство Ваше высокопревосходительство изволите признать невозможным.

Исправляющий обязанности губернатора, вице-губернатор

(подпись).

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, л. 16.

№ 6

15 сентября 1868 г. **Письмо вологодского губернатора министру внутренних дел**

Господину министру внутренних дел.

Тотемским уездным исправником и начальником здешнего губернского жандармского управления доведено до моего сведения, что состоявшего в г. Тотьме под надзором полиции и согласно разрешению Вашего высокопревосходительства от 5 минувшего августа за № 1995, отправленного оттуда 29-го того же августа в г. Вологду отставного полковника Лаврова, провожали без дозволения полиции на 3-х вольнонаемных тройках до первой станции, отстоящих от г. Тотьмы в 25-ти верстах, находящиеся в этом городе под надзором полиции по политическим делам: Линев, Гернет, Ласкин[2] и Чаплицкая..., а также местный лесничий Проневский, кондуктор Модзелевский, учитель Кубеницкий и дворянский заседатель уездного суда Леонтьев; лица эти пробыли на станции около 4 часов, кутили, пили шампанское, произ-

[1] К этому письму вице-губернатора приложено врачебное свидетельство о состоянии здоровья П. Л. Лаврова за подписью врача Римашевского (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, л. 17).

[2] А. Л. Линев был сослан в Тотьму за участие в студенческих волнениях, Н. А. Гернет — за связь с ишутинцами, а Л. Ласкин — за предосудительное выражение «об особе государя императора» (ВОГА, ф. 135, оп. 1, д. 1, лл. 26—29).

неся тост за здоровье Лаврова с криком «ура», а при выходе его к экипажу подхватили на руки и качали также с криком «ура».

Хотя из этих донесений не видно, чтобы провожавшие полковника Лаврова из Тотьмы лица придавали этому политический смысл, но так как во всяком случае поступок их, будучи весьма неблаговидным со стороны тех из них, которые состоят в государственной службе, явно противозаконен со стороны самовольно отлучившихся из города лиц, состоящих под надзором полиции, я признал за нужное привести в положительную ясность характер и цель проводов полковника Лаврова, не возлагая этого на тотемскую полицию, так как она допущением выезда из города одновременно нескольких ссыльных оказывается виновною в недостаточном за ними надзоре.

В этих видах я командировал в Тотьму исправника Кадниковского уезда (соседнего с Тотемским) и предложил начальнику Вологодского губернского жандармского управления отправиться туда же для строгого дознания обо всех обстоятельствах события.

Имею честь уведомить об этом Ваше высокопревосходительство, докладывая, что о результате дознания непременно донести Вам в свое время.

Свиты его величества:

Генерал-майор *Хоминский.*

Правитель канцелярии *Тишин.*

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, лл. 19—20.

№ 7

11 октября 1868 г. **Донесение вологодского губернатора министру внутренних дел**

Господину министру внутренних дел.

Вследствие предложения товарища Вашего высокопревосходительства от 19 сентября за № 2343, состоявший в г. Вологде под строгим надзором полиции отставной полковник Лавров 3 сего октября выслан под таковой же надзор в г. Кадников, о чем имею честь донести Вашему высокопревосходительству.

Свиты его величества

генерал-майор *Хоминский.*

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, л. 32.

№ 8

10 ноября 1869 г. **— Распоряжение вологодского губернатора городским и уездным полицейским управлениям по Вологодской губернии.**

Секретно.

Циркулярно.

Вологодскому городскому и уездному полицейским управлениям по Вологодской губернии

Находившаяся в Вологодской губернии политическая ссыльная, варшавская уроженка Анна Чаплицкая, получив разрешение переселиться на жительство под надзор полиции в Пензенскую губернию, и

выехав в оную в феврале 1869 года, по настоящее время не прибыла по назначению [1].

Вследствие предложения о сем министерства внутренних дел от 9 октября за № 280, предписываю полицейским управлениям сделать распоряжение о розыскании: не окажется ли Чаплицкая в здешней губернии, и в случае, если окажется, — о высылке ее в Пензенскую губернию, о чем, в то же время, мне донести.

Подписал свиты его величества генерал-майор *Хоминский.*

Скрепил правитель канцелярии *П. Тишин.*

Верно: помощник правителя *Кедровский.*

ВОГА, ф. 130, оп. 1, д. 79, л. 81.

№ 9

11 марта 1870 г. — **Письмо начальника 3-го отделения министру внутренних дел**

Господину министру внутренних дел.

Неоднократно замечаемо было, что высланные в Вологодскую губернию под надзор полиции проживают там не совершенно согласно с полицейскими правилами, так, например, некоторые из них занимаются обучением детей грамоте и разным наукам без дозволения начальства... [2].

Наконец 15-го истекшего февраля скрылся из Кадникова проживавший там под надзором отставной полковник Петр Лавров, в настоящее время находящийся уже за границей. Ныне обнаружено, что способ побега своего Лавров обдумал заранее. Он говорил своим знакомым, что на масленице намерен усиленно заниматься, не станет выходить и принимать посетителей. Проживающая с ним мать и единственная прислуга кухарка знали о побеге и скрывали от приходивших к ним доктора, цирульника и молочницы отсутствие Лаврова до тех пор, пока по расчету он был уже вне опасности; но и за сим они не указывали на лиц, способствующих побегу. Госпожа Лаврова в разговоре с подполковником фон-Мерклиным объяснила, что сын ее еще летом прошлого года ездил ночью в г. Вологду, где, как по собранным сведениям оказалось, вел знакомство с чиновником канцелярии губернатора Кедровским, через нескромность которого Лавров, как нужно полагать, неоднократно получал относящиеся до него секретные сведения [3].

Побег Лаврова по всей вероятности не состоялся бы, если бы исправник Ставровский точно исполнил полученное им от губернатора еще 21-го января сего года предписание насчет более строгого наблюдения за состоящими под надзором полиции, и поверки нахождения их по ночам в своих квартирах. Но предписание это не было исполнено Ставровским, который к тому же неоднократно отлучался из Кадникова, не передав своей должности, как бы следовало, своему по-

---

[1] Таким образом этим документом опровергается утверждение М. П. Сажина, что Анна Чаплицкая добилась разрешения о переводе в царство Польское и туда уехала («Из рассказов М. П. Сажина. «Голос минувшего», 1915, № 10, стр. 120).

[2] Первый абзац этого документа частично цитировал Д. Г. Венедиктов-Безюк в указанной статье («Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 193).

[3] Большая часть этого абзаца также цитировалась в статье Д. Г. Венедиктова-Безюка. («Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 191).

мощнику. Такое нерадение к службе исправника Ставровского имело ныне последствием побег Лаврова.

По высочайшему государя императора повелению имею честь сообщить о вышеизложенном на благоусмотрение Вашего превосходительства.

Генерал-адъютант, граф *Шувалов.*

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, лл. 46—47.

№ 10

6 августа 1870 г. **— Письмо П. Л. Лаврова из Парижа министру внутренних дел.**

Ваше высокопревосходительство!

Я узнал случайно из газет, которые очень поздно попались мне на глаза, что вологодское начальство вызывало меня, как безвестно отсутствующего, и что мое дело находилось на рассмотрении Санкт-Петербургского уездного суда. Спешу известить Ваше высокопревосходительство, что я оставил Россию, потому что в ссылке, где я находился, я не имел никакой возможности продолжать мои научные работы, и вторичная высылка в уездный город из губернского убедила меня, что на скорое возвращение в Петербург я не могу иметь никакой надежды. Как ни несправедливо поступило со мною правительство, но я не питаю никакого личного раздражения против него, остаюсь русским в душе, постараюсь не принимать никакого иностранного подданства, очень сожалею, что поставлен был в необходимость оставить отечество, но не могу в него вернуться, пока не буду иметь возможности жить в Петербурге и спокойно продолжать там мои занятия.

Примите уверение, Ваше высокопревосходительство, в совершенном уважении Петра Лаврова.

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, л. 78 а.

Г. Г. Фруменков

АРХАНГЕЛЬСКИЙ «КОЛОКОЛЬЧИК»

В январе 1862 года под воздействием революционной проповеди А. И. Герцена и набатных призывов «Колокола» демократически настроенная разночинная интеллигенция Архангельска создала антиправительственный кружок. Он объединял полтора десятка молодых людей — гимназистов, мелких канцелярских служащих, вышедших из народа и связанных с ним разночинцев. Это были представители тех слоев общества, которые повсеместно в 50—60 годы возглавляли борьбу с царизмом за землю и волю.

Основное содержание деятельности кружка сводилось к выпуску и распространению нелегальной рукописной газеты «Колокольчик». Хотя издание имело подзаголовок «Газета не литературная и не политическая», но как убедится читатель, все статьи бесцензурного органа принадлежали к обличительным. «Колокольчик» был политическим органом, соратником «Колокола». Местные сторонники лондонских изгнанников не только позаимствовали название зарубежного органа революционной русской демократии, но и вторили «Колоколу», перезванивались с ним по многим вопросам, пропагандировали его идеи, боролись с произволом местных властей, воспитывали поморов в духе ненависти к царской администрации.

Всего вышло в свет четыре номера газеты. К сожалению, мы не знаем, каким, если можно так выразиться, тиражом выходил «Колокольчик». Есть основания полагать, что до десятка экземпляров переписанного от руки «Колокольчика» расходилось по городу «частично тайно, а частично через подбрасывание». Обличительный материал присылали в редакцию жители Архангельска и уездных городов, а стилистическую обработку и правку производили постоянные сотрудники.

Полный комплект «Колокольчика» в единственном экземпляре хранится в копиях в Центральном государствен-

ном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 109, 1 эксп., 1862, д. 181.

Весной 1862 года на издателей рукописной газеты обрушился град репрессий. Тайное общество архангельских вольнодумцев, не успев оформиться, было разрушено. С марта умолк звон «Колокольчика».

Антиправительственная деятельность передовой молодежи, группировавшейся вокруг рукописной газеты «возмутительного содержания», представляла собой частное проявление общего подъема революционно-демократического движения в стране, эпизод первой общероссийской революционной ситуации.

Предлагаемый вниманию читателя № 2 «Колокольчика» вышел в середине января на 10 листах журнального формата, исписанных убористым почерком.

Все статьи в нем без подписей, из них 7 имеют заголовки, а большинство заметок мелких хроникального порядка разделены между собой горизонтальными линиями или звездочками.

Незначительные купюры, сделанные мною, помечены в тексте многоточием, заключенным в скобки.

КОЛОКОЛЬЧИК

№ 2

газета не политическая и не литературная

В номере 1-м «Колокольчика» мы заметили, что в благородном собрании давно уже драк не было. И это было высказано с некоторым сожалением, даже с грустью. И в самом деле, что это за благородное собрание, если в нем ничего этакого не бывает... широкого, размашистого, одним словом дворянского...

Не успели мы сказать, как это русское, дворянское и случилось... Размахнулась широкая натура, и Яков Яковлевич был побит! Который раз? Раз каким-то мещанином, второй раз полицейским чуть не зарезан, третий раз ныне. Господа, это многозначительно.

Первое тысячелетие в России началось призванием *начальства* в лице князей *для порядка*, а другое — избиением этого начальства в образе полицеймейстера *уже за порядок*.

Некий господин, когда ему доложили об этом казусе, изволил заметить: «каково? Еще губернский секретарь, а смел ударить коллежского советника и еще кавалера» (...)

Впрочем, утешим г. Н. и расскажем как бьют не какие-нибудь секретари, а советники секретарей.

Его превосходительство, приготовляясь встретить достойнейшим образом его величество, в 1858 г. в одну из прекрасных минут дня или ночи — не знаем дал *аплеуху* исправнику Русецкому. Русецкий хотел было вломиться в амбицию, но его превосходительство тотчас предложил ему Станислава. Станислава Русецкому дали и дело не пошло судебным порядком. Что, если бы его величество знал, за какие иногда заслуги и доблести даются кресты, то верно бы не раз покраснел, подписывая грамоту: «за нашего кавалера признавать и почитать».

Ставропигиального
первоклассного
Соловецкого монастыря
30 июля 1859 г.

№ 444.

ТОРГОВЛЯ МОЛИТВАМИ, ЗАВЕДЕННАЯ 1-ой ГИЛЬДИИ АРХИМАНДРИТОМ НА СОЛОВЕЦКОМ РЫНКЕ.

В Онежский коммерческий суд.

По духовному завещанию купцов Николая и Ксении Кушнеревых (определено по продаже дома Кушнеревых) из вырученных денег часть на Соловецкий монастырь на вечное поминовение душ их. Но денег этих монастырю не выслано, посему и имея обязанность пещись об охранении монастырского интереса, яко казенного, который по духовному завещанию благотворительницы госпожи Кушнеревой должен поступить непременно вполне, смиренно-покорнейше прошу, если дом уже продан, то истребовать от душеприказчицы принадлежащую часть Соловецкому монастырю и переслать сюда. По получении коих (а не прежде) начнется спасительное поминовение о душе рабов божьих Ксении и супруга ея Николая, которое и будет продолжаться навсегда. О последующем не оставте монастырь почтить уведомлением, но если не принадлежит суду такое выполнение просьбы моей, то покорнейше прошу принять труд, для пользы святой обители, отнестись от себя в то присутственное место, от которого это зависит, за что угодники божие, Зосима и Савватий, не оставят без награды.

Архимандрит *Мельхиседек.*

ИЗ ПРОЖИТОГО

В здешней (Архангельской, — Г. Ф.) губернии в 1856 году был значительный неурожай хлеба при весьма скудном хлебопашестве. Зиму казенные крестьяне провели голодно и бедственно потому, что цена на хлеб стояла высокая, для них недоступная. Общественные магазины у этих крестьян на бумаге полны, а на деле пусты. Здешние крестьяне сеют преимущественно зерновой хлеб, ячмень, и этим питаются. Предвидя, что в 1857 году им предстоит еще горчее бедствие голода, так как по неимению своих семян лето пройдет без посева, они просили министра Муравьева, чтобы им дал из казны ячменя на семена за деньги. Министр велел дать семянной ячмень из общественных магазинов Вологодской губернии. Потребовали туда из Архангельской губернии подводы для перевозки ячменя. Отпустили ячмень со всеми неизбежными проволочками, прижимками. Тяжко пришелся этот хлеб крестьянам! Иной ехал за ним за 400 верст, иной за 1000. Сначала по глубоким снегам, после дотянули отпуском до весенней распутицы, бедняк тащился по воде и проваливался в сугробах. После многих трудов, а иной и после слег, посеяли хлеб, ожидают всходов, ячмень не взошел, а где и взошел, то весьма дурно. Новая беда народу! Прибегают к начальству с жалобой, что семена отпустили дурные. Губернатор пробует оставшийся ячмень на пробном посеве. Оказывается, что семена худы, негодные для посева. Наряжают следствие, отчего такие семена? Такие ли отпущены из магазинов, или при принятии переменены приемщиками, либо перевозчиками? Чиновник от губернатора ведет следствие честно. Открывает, что семена отпущены из магазинов негодные и что их никто не переменял, что у тех крестьян, которые посеяли свои семена, ими купленные у торговцев, ячмень родился хорошо. Доводится о сем до сведения министра. Тогда он посылает от себя следователя Антонова, служившего некогда при Клейнмихеле, потом при Киселеве. Этот господин так повернул следствие, что вышли семена годными, а оказались беспорядки при перевозке и злоупотребления при раздаче.

После 4-месячной суматохи и сгонов на допросы бедных крестьян, да разъездов Антонова со свитой на крестьянских лошадях без прогонов, да занятых квартир *с живым угощением* для постели его В-дия, отвез он громадное следствие в Петербург. Оттуда Муравьев предписал отрешить 52 человека чиновников и урядников от должностей и предать уголовному суду. Некоторые из них, не зная за что отрешены, прибегали к покровительству гражданского губернатора. Губернатор, справясь в уголовной палате о их невинности, так как оные не участвовали ни в перевозке, ни в раздаче и один волостной голова Щипохин даже не был в то время на должности, исходатайствовал у Муравьева этим помилование, другие же судятся с 1858 года, а управляющий Вологодской палатой государственных имуществ Леонтьев, отпустивший на посев негодные семена, награжден, по представлению Муравьева, 3000 рублей сер., орденом на шею, и доблестно уволился в отставку, сытый и довольный, хотя крестьяне от его семян целый год голодали. За гнилые же семена с крестьян взыскиваются деньги втридорога, а Антонов за следственный подвиг определен управляющим Пермской палатой государственных имуществ.

Когда же крестьяне Архангельской губернии в 1857 году после попечительного посева стали голодать, то по прозьбе их, губернатор просил министра, чтобы при продаже зернового хлеба, ржи и ячменя от запашки удельного имения в той же губернии, покупку сего хлеба предоставить бедствующим от голода казенным крестьянам, то Муравьев в этом отказал, и хлеб продан купцам, у которых бедные казенные крестьяне покупали для себя, платя им барыши. Вот пример благонамеренности министра и его попечения о крестьянах. Благоговение же его к Леонтьеву возбуждено родственными связями Леонтьева.

1

ЛЕОНАРД ОСИПОВИЧ, КАК ПОКРОВИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Здесь, где-то за рекой, по высочайшей воле существует училище крестьянских девушек. Леонард Осипович, как бдительное око этой воли, постоянно и неусыпно следит за успехами в этом рассаднике отечественного просвещения. Нередко осчастливливая училище своим личным посещением, он испытывает учениц совершенно по новой методе, плод которой обнаруживается очень быстро, по истечении 9 месяцев. Один из его поклонников, узнавши об этой удивительной методе, возьми да и разболтай приятелям. А приятели, ну известно разболтали своим приятелям. И таким образом с разными комментариями, критикой и антикритикой, вообще со всеми принадлежностями ученого разбирательства всякой вновь изобретенной методы, метода Леонарда Осиповича дошла до ушей самого автора.

Задетый некоторыми дельными критическими замечаниями, автор вскипел и нарядил секретную комиссию (из кого?). Оная принялась сначала за учителя школы Соколова. Тот как невинный ни душой, ни телом, насилу мог доказать свою невинность и уверить членов этой комиссии, что он не только не критикует избранной Леонардом Осиповичем методы испытывать его учениц, напротив, всеми своими способностями он одобряет, развивает и поддерживает эту прекрасную методу, плоды которой для Отечества так быстро обнаруживаются.

— Кажется тем дело и кончилось?

По кресту, непременно по кресту обоим: одному через плечо, другому в петлицу. Как можно оставлять без награды подобные подвиги в пользу приращения верноподданных его величества.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ СОВЕТНИКА ПИТЕЙНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА СОХРАНИЧЕВА

«Новый советник приехал», — заговорили в 1859 году чиновники казенной палаты. — Ну что же, хороший человек? ... Прогрессист, братец. Все старое к чорту! Одного столоначальника вон, одного помощника вон, винных приставов, кто постарше, вон, пошла потеха. Сам новый человек. Доклады, писавшиеся прежде смутно понятным языком, начали изменяться, чиновники, ходившие прежде во мраке тьмы и «очищенного» и ни о чем не думавшие, начали протирать глаза и уши. С 11 до 2 часов раздаются в отделении неслыханные доселе слова: «рутина, отсталость, прогресс, новые идеи, движение» и т. п.

Ну, думали некоторые, это должно быть честный человек, это — просвещенный человек, желающий блага обществу и т. д., а оказалось, что это — плут человек, да еще и какой? Нарядный плут!

До него, знаете, был советник Степанов, не человек, а мощи, так уж был стар. Сослуживцы его были в этом же роде. Воровали они все попросту без затей, не скрывая даже своих добродушных поползновений на карманы откупщиков, подрядчиков и других.

Явись знающий хорошо формалистику ревизор, бездну бы нашел злоупотреблений. Но ревизор не являлся. Это собрание добродушных старичков так и кисло в четырех стенах душной камеры отделения, не имея понятия ни о чем, кроме «очищенного».

Как снег на голову, является личность новая, с новыми словами, порядками. Как это их должно поразить? Не выдержали некоторые, поразбрелись. Засело новое поколение, народ молодой, хотя по наслышке знакомый с прогрессом. Начали раскусывать нового советника, трудились недолго, что гнилое, то скоро попадается на зуб — оказалось, что это тот же взяточник, нынешний, современный. Он хорошо понял, что воровать по старине, добродушно, не прикрываясь, время прошло и потому опасно. Воровать же и концы хоронить — умно. И вот он поднимает форму; а Вы знаете, какое могущественное орудие форма в руках всякого взяточника? Он больше всякого отъявленного вора украдет и к нему не подкопаешься; все прикрыто формой. Например, торги на что-нибудь. Чего бы, кажется, справедливее, и двери то отперты — смотри кто хочешь, и губернатор то, и другие высокие сановники заседают, и зерцало то правосудия, прокурор тут, и в мундирах то все.

А тот же Сохраничев про себя говорит: «комедия» (...) Он у себя дома произвел торги истинные, что же делать, если казна заплатит несколько копеек лишних у пуда соли, или у ведра спирта, вздор! — «она велика и обширна», а у Сохраничева несколько сот недостает до которой-нибудь тысячи.

Или вот, например, был в прошедшем году (1860) казенный надзор, предписание за предписанием — не давать откупщикам воли, руководствоваться новым положением, и в то же время позволял отпускать казенный спирт из магазина без денег, в то же время получал по 1000 руб. сер. в месяц.

Так вот вам форма! Он ею совершенно огражден, кто скажет, что он поступал не в пользу казны, то тому он покажет на число вышедших №№ предписаний.

— Да помилуйте, разве я не старался пресечь это дело? И замолчишь * (продолжение впереди).

---

*) из подлинных записок бывшего комиссара.

ВЕСТИ ИЗ ГИМНАЗИИ

Г. Смольян[2], явясь нынче в 5 класс, объявил следующее: гг., у вас чрезвычайно скоро ломаются чернильницы... если теперь явится хоть одна ломаная чернильница, то я непременно предложу это педагогическому совету при первом его собрании.

Каково? Педагогический совет, этот собор ученых, совет учителей и старших и младших будет рассуждать о сломанных чернильницах! Да, стыдно, а нужно признаться, что этот идиот директор способен предложить подобную глупость на обсуждение, а гг. ученые примут ее, но чтобы заглушить в себе голос рассудка придадут ей более или менее важное значение, облекут в какое-нибудь, пожалуй, политическое преступление и начнут ломать свои умные головы, и для чего все это? Для того только, чтобы поддержать в глазах учеников власть директора, а вместе с тем и свою. Какое, право, жалкое желание господствовать даже над детьми... в то время, когда все истинно образованные люди в Европе стремятся к освобождению от господствования. Да, Смольян начинает соблюдать экономию, а между тем деньги, назначенные на ремонт, выводятся в расход письмоводителем Тряпицыным (посмотрите книги за прошедший год (...)

К тому же Смольян послан в Архангельск не для пользы службы, а для кормления, для *пенсии* и это случилось вот как: бывший попечитель С. Петербургского округа Делянов был страшный взяточник, а Смольян, как сверхштатный учитель, в Петербурге жил нищим. Делянов, как добрый начальник, грабивший сам, вошедши в положение Смольяна, захотел дать ему случай поживиться и обеспечить себя на старость, а вместе с тем рассчитывал на благодарность, поживиться самому. Но Делянов жестоко ошибся, его самого прогнали от хлебного места. Смольян же вполне исполняет желание начальника — наживается отличным образом, пользуясь от гимназии всякой копейкой. Например, в прошлом году были высланы календари, несколько сот экземпляров, для продажи частным лицам. Он возьми да и спусти их гуртом в магазине с надбавкой нескольких процентов. Ведь хорошо!

В прошедшем году он сделал набег, подобно Тамерлану, на смотрителей уездных училищ, то есть ездил ревизовать. Ох уж эти ревизии!.. Они везде одинаковы. Он ревизовал не способности учителей в педагогии, не успехи учеников, а карманы штатных смотрителей. Он, кажется, в две недели объехал чуть не всю губернию, собрал сотни три-четыре и доволен, и по отчету покажет самые отличные аттестации, хотя учителя в уездах знают лучше карты и водку, нежели свои обязанности.

Жалуется что маловато, потому что предшественник умел пользоваться лучше, да ничего, говорит, на первый раз довольно, 300—400 — не нуль, да сверх того пара лошадей отличная (знатоков просим оценить и сообщить в редакцию).

Вот истинные-то результаты ревизии и это по министерству народного просвещения.

Пожалуйста, просим обратить внимание на пару новых лошадей и, оценивши, приложить цифру стоимости к *наличным*.

А смотрители, смотрители-то беспокоились как! Они говорили: «Вот беда-то будет. Ведь директор всю жизнь прожил в Петербурге, прогрессист и гуманист, неподкупный!» А после скакали чуть не в потолок, говоря: «Отлично, теперь живи как хочешь. Он славный человек, сговорливый, он *наш*». Vivat Вам, служители просвещения, распространители карт, водки и умопомрачения! Продолжайте в этом роде, вы уже заслужили проклятие потомства!

Через год Смольян опять обревизует ваши карманы и так будет тянуться долго, долго... до тех пор пока не проснется ***народ и не обревизует ваши головы.***

* * *

Случалось ли Вам, мой читатель, задумываться во время совершенной тишины? Если случалось, то вы наверно вскомните, какое тягостное и невыносимое чувство закрадывается в то время в вашу душу. Вам бы хотелось крика, шума, бури наконец, но природа безмолвствовала, как заколдованная царевна в известной басне...

Теперь, читатель, из области отвлеченного перейдем в мир действительный, полный всевозможных впечатлений.

Взглянем вскользь на нашу землю, на народы, пестрящие ее поверхность, и если в Вас есть хоть сколько-нибудь человеческого, общечеловеческого, хотел я сказать, если вы знакомы с политическим бытом ваших братий, живущих в Австрии, Пруссии, Турции и других странах, вас непременно поразит их нынешняя поверхностная недвижимость. Разделяя вместе с ними много общих интересов, вы может быть с презрением отвернетесь от этих скромных ратоборцов свободы и независимости, вы откажете в правах — названия граждан — и беспощадно заклеймите, быть может, презренным именем труса, наполняющего воздух своими стонами и мольбами о помощи в то время, когда ему стоит только подняться вдруг — и язва излечена.

Так толкуют ныне многие мудрецы, не понимая или не желая понять, что великие события совершаются в тиши и чем продолжительнее было приготовление, тем быстрее закипит самое дело.

Не простое любопытство заставляет нас с нетерпением ожидать чего-нибудь нового со стороны балканских и карпатских гор — нет, это глубокое сочувствие, это невыразимая любовь к делу, не чуждому русского ума и сердца.

Вся Европа с напряженным вниманием следит за Черногорией и соседними с ней областями Турции, откуда рано или поздно, в начале этого лета произойдет взрыв, который может разрушить деспотический трон султана и его задушевного приятеля Франца Иосифа, разгуливающего теперь по укреплениям Вероны и Мантуи. Уж не желает ли его апостольское величество, хоть ради редкости разыграть роль Франциска II, этого новомодного рыцаря, погубившего столько народа в стенах и под стенами (два слова не разобрал, — Г. Ф.).

Терпят бедные славяне ненавистное им чужеземное владычество, терпят как истые мученики в продолжении целых веков, терпят без надежды на лучшие времена, и не одна благородная бескорыстная рука не протянется к ним на помощь, ни одно хоть сколько-нибудь влиятельное слово не загремит в их защиту. Прусский фельдфебель теснит беспощадно поляков, он отнял у них их вековые права, запретил говорить на родном языке. Он навязал им немецкий космополитизм, немецкие права, немецкие законы, так резко противоположные общественной жизни славян..., а мы, братья поляков, дети одного семейства, равнодушно смотрим на эти беззакония, мы, спустя рукава, по милости своей апатии дозволяем распоряжаться бездушному дряхлому фельдфебелю судьбою нескольких сотен тысяч (800 тыс.) братьев, забывая о суде потомства, которое с омерзением плюнет на наши могилы.

Таким образом огерманилась Силезия, отурчилась Болгария, погибла Померания и погибли бы все славяне, если бы слишком полагались на наши родственные чувства. К счастию, они во время одумались, раскусили наше самолюбивое могущество и со вздохом обманутого ожидания, отвернувшись от нас, смотрят на Францию, Англию и возрождающуюся Италию.

Если болгары, сербы, кроаты и другие славянские племена достигнут своей независимости, оне верно не будут обязаны нам, а чуждым им народностям, среди которых они найдут друзей, не расчитывающих на их порабощение. Дурно ли они сделали — мы сильно сомневаемся

в этом. Напротив, нам кажется, что им следовало поступить таким образом гораздо ранее [3].

Нам больно давать подобные советы, но и для нас есть утешение последнее — мы сами... догадливый читатель: неужели нужно дополнять целой строкой нашу задушевную мысль (...).

Весь славянский язык с восторгом произносит — «весна!» Венгры тоже, Италия тоже, значит есть что-то необъяснимое, неизвестное нам, которое так волнует миллионы страдальцев, приготовляющихся или победить или умереть.

Одна Галиция, подвластная австрийскому императору, возбуждает в нас самолюбие, смешанное с отвращением. Ввиду приготовляющихся событий, дух партий разрывает на части эту благодатную страну; крестьяне ссорятся с помещиками, духовенство со светскими людьми, руссины с поляками, одним словом такая чепуха, при виде которой трепещет от радости заботливое сердце австрийского министра Шмерлинга [4]. Благодетельное правило «Разделяй и властвуй!» так ослепило австрийских политиков, что они, очертя голову, бросаются на самые преступные покушения против свободы подвластных народов.

Теперь, милый читатель, вернемся к самому началу, увидев перед глазами «цветущее» состояние славян под игом Австрии, Турции и Пруссии и, читая во всех газетах, что в славянских землях царствует такое удивительное спокойствие, неужели не взбредет вам на ум избитое изречение, что после тишины обыкновенно бывает буря... На этих словах мы прощаемся с вами, заявляя при случае свое искреннее желание успеха нашим братьям славянам, венграм и итальянцам, которые, как нужно полагать, с наступлением желанной весны возьмутся за оружие, не имея других средств достичь осуществления своей задушевной мечты... Да будет проклят тот, кто поднимает меч не в защиту, а на уничтожение свободы! Да будет благословенно имя того, кто простирает руку помощи всем угнетенным личностям и народам. Вот наша молитва, которую бы мы желали слышать из ваших уст, наш добрый читатель.

* * *

ПОДВИГИ, НЕВИДИМЫЕ ПРОСТЫМ ГЛАЗОМ

Гг. Кулаковский и Васильев [5] начинают вести жизнь в древнеславянско-татарском вкусе. Так, раз в минувшие святки они выходят от кого-то из гостей и в этаком приличном виде останавливают проезжающий мимо их экипаж замаскированными. Там были дамы, они испугались, вообразив в этих двух господах ночных рыцарей, и стали разбегаться. Ночные рыцари, прохохотав, отправились дальше. По дороге хотели выдернуть фонарный столб, но не могли, так стали у следующих вырывать железные полосы, которые вколочены в эти столбы. Не правда ли, преизящные поступки?

Просим градскую думу при составлении сметы расходов по городу прибавить на ремонт столбов, фонарей, заборов и других удоболомаемых предметов. Обывателям советуем ходить с палками и градской полиции усилить тайный надзор, чтобы на проезжающих не нападали. (...).

* * *

При разъезде из театра чиновник Таратин, проходя мимо madame Горновской, нечаянно задел ее и извинился. Ее муж, служащий по тайной полиции [6], обратился к Таратину со следующими энергическими словами: «Дурак и невежда!» Это сказано было вслух.

Господа, решите, кто из них двоих невежда!

* * *

Купец Кордаков пожертвовал из своих магазинов в дом призрения бедных семьсот пудов муки.

Пожертвование это шло чрез руки Леваковского — общего попечителя увечной половины архангельского поселения. А известно, когда что проходит чрез руки разных богоугодных попечителей, как раз чего-нибудь недосчитаемся, и действительно безногие и безрукие старухи недосчитались 200 пудов в пожертвовании....

* * *

Что не говорите, а в Архангельске есть прекрасные обычаи: как кто из высших сановников именинник, так и бал или семейный вечер в благородном собрании с угощением на счет головы.

Например: 16 числа было Петром, и Петр Федорович Иванов, он же и старшина клуба, принимал поздравления со днем ангела «на семейном вечере».

Ну, как водится, Егор Андреевич поплатился.

Не правда ли, очень хороший обычай?

Впрочем, Егор Андреевич себе на уме: он при будущей расплате с прошедшим именинником зачтет издержанные денежки.

Пощадите, Егор Андреевич, ведь у Петра Федоровича и дочка есть, ей нужно приданое.

* * *

Кстати об этом сообщить, что какое-то мелкое чиновничество пропьянствовало до 7 часов утра на семейном вечере. Вот тебе и прогресс! (...)

* * *

Казакевич, что был в Мезени исправником, нынче объезжает лошадей у Горновского (правителя канцелярии начальника губернии). Давно бы ему за это приняться!

* * *

Примеры, доказывающие, что у нас необходимо составить компании на акциях для застрахования зубов, физиономий и других удобобиваемых частиц.

В первое представление пьесы «Испанский дворянин» в заключение была назначена «полька ералаш». Протанцевали. По уходе почти всех зрителей из партера и ложи является в дверях залы чиновник особых поручений Васильев с лесничими и начинает кричать «музыканты, бис польку ералаш!» Между тем, музыканты собрались и пошли домой чрез залу, в дверях которой стоял г. Васильев. Видя неисполнение желания, даже со стороны музыкантов, он бросился с азартом на дирижера Описова, говоря: «как ты смел выйти из оркестра, я тебе рожу разобью». Осипов закричал жандармам, чтобы они шли в залу, потому что тут бить хотят. Васильев, вероятно, не думал, что Осипов примет такие энергичные меры против его, удалился в буфет, но Осипов все-таки кричал жандармам, чтобы взять (куда?) высокого господина с черными усами, а сам между тем хотел жаловаться военному губернатору. Жаловался ли Осипов губернатору — нам неизвестно.

Ныне, 13 января, после окончания спектакля, в прихожей в толпе с народом шли г. Васильев и лакей, отбирающий билеты. Впереди их шла девушка. Лакей толкнул ее в спину. Васильев вступился за девушку (сомнительно, чтобы не из каких-нибудь видов), хотя лакей факт представил в оправдание, что девушка — родственница ему и что он пошутил, но Васильев сказал ему, что он без народа рожу ему поколотит, а потом постарается, чтобы его не было при театре. (...)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Заглавие заманчиво, чорт возьми.

Неужели у нас есть литературные вечера? — спросите Вы. Да, есть, почтеннейший. Сейчас вас познакомим.

У писателя наших тряпичных губернских ведомостей[7] Сибирякова (если знаете) собираются редактор этих ведомостей Паромов, юный учитель уездного училища Чехаевский и оплеванный Горновским Таратин. До тех пор, пока не явится на столе «очищенное», речь их о литературе вяжется все лучше. С появлением же этого собеседника наши литераторы забывают всевозможные литературы в мире, но начинают пить и пьют до тех пор, пока Паромов запоет:

«Радуйся, невеста неневестная».

Собрание закрывается.

* * *

На днях ограбили в «Москве» чиновника какого-то ведомства Ручьевского, и вот как это случилось. Он часу в 8-м вечера зашел в трактир выпить рюмку водки, там никого не было, кроме буфетчика и половых человек трех. Выпив, он вынимает кошелек, чтобы расплатиться. Буфетчик и половые, заметив, что у него в руках 10 рублей, бросаются на него, завязывают ему рот платком, отнимают деньги и потом выбрасывают вон на улицу. Оправившись, он бежит к частному Ситкину. Ситкин с будочниками и с ним отправляется в «Москву», а там и двери на запоре. Сколько пристав не призывал именем закона — ответа не было. Наконец, он сказал Ручьевскому: «Подайте завтра объявление в полицию». Тот на другой день подал. Поручено произвести следствие Юнонину. Юнонин сначала произвел домашнее карманное, правила для сего писаны в XV т. между строками, а потом форменное. Что по первому оказалось — покрыто мраком неизвестности, а по второму виновных не открыто.

Между тем, деньги Ручьевский, по ходатайству Юнонина, получил обратно от буфетчика и половых, и в знак особого благоволения был еще Юнониным приглашен в гости. Что же это значит! Если бы буфетчик с половыми был не виноват, как по формальному оказалось, то за что же им деньги Ручьевскому платить?

Если же виноват, то отчего же этого Юнонин не обличил и их не предал суду? А по суду они должны идти в арестантские роты. Вот вам охранительница общественной безопасности, наша подлая и гнусная полиция потворствует воровство, грабеж, мошенничество, чтобы самой воровать, грабить и мошенничать. Нет, видно, любезный читатель, нам нечего ждать и надеяться на наше начальство, нужно самому что-нибудь начать создавать.

А чтобы начать, нужно старое сломать.

* * *

Высочайшая награда... Михайлова, виновного в злоумышленном распространении сочинений, в составлении которых он принял участие, и которое имело возбудить бунт против верховной власти для потрясения верховных учреждений государства, но осталось без вредных последствий, по причинам от Михайлова независившим, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на 6 лет.

С. Петерб. вед. № 279 1861 года.

ПИСЬМО СТУДЕНТОВ С. ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К МИХАЙЛОВУ [8]

Из стен тюрьмы, из стен неволи
Мы братский шлем тебе поклон *)
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт!
Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять.

* * *

Но день придет и на свободе
Мы про тебя расскажем все...
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал из-за него.

* * *

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам,
Верь, плод взойдет, и наше племя
Отмстит сторицею врагам.

* * *

И разорвет позорны цепи
Сорвет с чела ярмо раба,
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя.

Кронштадт,
ноябрь 1861 г.

ОТВЕТ [9]

Крепко дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды, и проклятья
С вами б, братья, разделил.

* * *

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.
Но и там, на зло гоненью,
Веру лучшую мою
Молодому поколенью
Свято в сердце сохраню.
В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И душой одно желанье,
Как молитву, повторять:
Будь борьба успешна ваша
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас!

---

* «Привет» нужно. — *Г. Ф.*

Спасибо вам за те слезы, которые вызвал у меня ваш братский привет, приходится мне отрывать от сердца, что дорого, чем светла жизнь. Дай бог лучшего времени, хотя может мне не суждено встретиться.

ЕЩЕ НАСИЛОВАТЕЛЬ

Алексей Иванович Попов, мезенский уездный казначей, заманив к себе на квартиру бедную девушку лет 13, завязал ей руки, рот и изнасиловал (...)

Когда эта двушка сказала родителям, тогда они обратились к судье Спирихину за советом. Спирихин, почерпнув от Попова достаточное количество ума и соображения для решения этого дела, предложил родителям девушки кончить все полюбовно, то есть взять с Попова 100 рублей и затем прекратить иск. Слышите, как будто тут дело шло о каком-нибудь «гусаке» из ссоры двух друзей Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Славный судья, его бы за это председателем в государственный совет, а Попова директором здешней женской гимназии (...)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Директор народных училищ Архангельской губернии.

[2] Немец Смольян был директором местной гимназии.

[3] Издатели «Колокольчика» глубоко заблуждались, полагая, что западно-европейские страны способны оказать бескорыстную помощь славянским народам в их освободительной борьбе, хотя в целом позиция архангельских демократов по национальному вопросу близка к позиции лондонских изгнанников. Подобно «Колоколу», его младший брат горячо приветствовал освободительное движение балканских славян, поляков, итальянцев, венгров и проклинал прусских, австрийских, турецких и царских башибузуков-ассимиляторов.

[4] Шмерлинг был в то время австрийским министром внутренних дел.

[5] Кулаковский и Васильев — местные чиновники.

[6] Горновский был жандармским штаб-офицером в Архангельске.

[7] «Архангельские губернские ведомости» — газета, выходившая с 1838 г. по 1906 г.

[8] Это известный стихотворный привет «Узнику», принадлежащий перу Н. И. Уткина. Между авторским текстом и текстом, опубликованным в «Колокольчике», есть незначительные разночтения, не считая пропуска двух важных строк:

Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять
И дань любви и дань участья
Тебе, учитель наш, воздать!

Пропущенные строки выделены курсивом.

См. Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., Изд. второе, М.—П, 1923, стр. 113.

[9] Опубликованный «Колокольчиком» ответ М. И. Михайлова своим союзникам имеет несущественные расхождения с авторским текстом в трех местах:

В «Колокольчике» читаем: «Молодому поколенью». Нужно «в молодое поколенье».

Соответственно: «И душой одно желанье». Нужно «и в душе одно желанье».

«Будь борьба успешна ваша». Нужно «Будь борьба успешней ваша».

Ф. И. Резников

К ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ, ВОЛОГОДСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИЙ ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

(По материалам агрономов Астафьева и Целинского, обследовавших сельское хозяйство Севера летом 1840 года)

Агрономы Астафьев и Целинский, служившие в Министерстве государственных имуществ, произвели экспедиционное обследование состояния сельского хозяйства, преимущественно земледелия, на обширном пространстве трех названных выше губерний. Поездка их состоялась в июне-сентябре 1840 года [1] по маршруту: Петербург—Вытегра—Каргополь—Вельск—Холмогоры — Архангельск — Великий Устюг—Тотьма—Вологда—Петербург.

Цель их поездки заключалась в отыскании подходящего земельного участка, находящегося в собственности государства («оброчные статьи») для организации учебной фермы.

Поставленная цель побуждала их внимательно изучить на месте господствующую систему земледелия, характер использования земли, плодородие почв, возделываемые культуры и т. д.

В этом плане отчет Астафьева и Целинского, обнаруженный нами в Государственном историческом архиве г. Ленинграда, в фондах Министерств государственных имуществ, представляет оригинальный источник информации к истории земледелия Севера второй трети XIX века.

Следует отметить, что авторы отчета получили специальное образование в Германии, в сельском хозяйстве которой в 30—50 годы XIX в. господствовал капиталистический способ производства, а агрономическая наука развивалась под влиянием работы А. Тэера [2]. Естественно, что Астафьев и Целинский в отчете о состоянии сельского хозяйства севера России известную дань отдают опыту ведения земледелия Германии того времени.

[1] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 5, д. 826, л. 215; хозяйственное обозрение Северного края России «Журн. Мин. Гос. Имущ.», ч. II, СПб., 1841, стр. 360.

[2] A. Thäer. Grundsätze der rationalen Landwirtschaft, 1809—1812; русский перевод — «Основы рационального сельского хозяйства», под ред. С. Маслова, 1830.

Отчет их, содержащий около 40 страниц рукописи (33 стр. машинописи), публикуется в настоящем сборнике с незначительными купюрами, относящимися к скотоводству и луговодству бассейна р. Северной Двины. Эти сведения нами опущены (лл. 217 оп. по 223), так как они были в существенной своей части использованы и опубликованы в монографии в 1957 г. [3].

Изъятия коснулись также некоторых сведений по сельскому хозяйству Германии, не имеющих значения для познания земледелия севера России в рассматриваемую эпоху. Места пропусков отмечены пунктиром. Отчет в оригинале подписан, судя по всему, Астафьевым — кандидатом философии.

Научная ценность исторических источников подобного рода [4], как известно, определяется тем, насколько они помогают познать прошлое при конкретно историческом исследовании, в данном случае, земледелия Севера. Чтобы дать анализ по существу информации, содержащейся в отчете агрономов Астафьева и Целинского, следует привести в общих чертах некоторые характеристики исторической обстановки России и ее Северного района.

Вторая треть XIX века вошла в историю России как период кризиса и разложения феодально-крепостнической системы хозяйства и возникновения элементов нового капиталистического способа производства. Господствующие крепостнические производственые отношения выступают тормозом развития производительных сил страны и являются основной причиной ее экономической отсталости, особенно сельского хозяйства, как главной тогда отрасли народного хозяйства.

В рассматриваемое время крестьяне подразделялись на три важнейших группы: помещичьи, государственные и удельные. На севере России (Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях) подавляющее большинство населения (70—76%) составляли государственные крестьяне. Количество помещичьих крестьян было в Олонецкой губернии 6%, Вологодской — 8%, а в Архангельской их совершенно не было, тогда как в основных губерниях центральной России их насчитывалось 57—69% [5].

В Вологодской губернии помещичьи крестьяне размещались преимущественно в южных уездах, тогда как в северных и восточных их не было.

---

[3] Ф. И. Резников. История холмогорского скотоводства. Архангельск, 1957, стр. 41—43.

[4] С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. См. Сборник «Источниковедение», изд. «Наука», 1969, стр. 26—27.

[5] И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3, М., 1925, стр. 70—76.

В правовом отношении государственные крестьяне пользовались большей свободой хозяйствования, чем удельные и, тем более, помещичьи. В этом заключалась особенность социально-экономического развития крестьянского хозяйства Севера, на которое обратил внимание Г. В. Плеханов [6].

В разных группах крестьянства формы феодально-крепостнической эксплуатации были разные, а со временем обременительность их возрастала. Экономическим итогом этого было падение производительности труда закрепощенного крестьянства.

Объективный процесс социально-экономического развития России вызывал необходимость существенных преобразований в сельскохозяйственном производстве, где было занято подавляющее (95%) большинство населения [7].

Наиболее прогрессивные круги России сознавали необходимость реформ. Центром прогрессивных течений было Вольное Экономическое общество в Петербурге, Московское общество сельского хозяйства, классовая принадлежность большинства членов которых, их лояльность режиму царского двора известны. Меньшинство же, предоставленное главным образом разночинной интеллигенцией, было обеспокоено положением в тогдашней деревне.

Известно также, что 20—30 годы XIX века были эпохой значительного возрождения интереса к сельскому хозяйству, к отысканию наилучших систем и организационных форм его.

Официальные круги, побуждаемые сокращением государственных доходов и растущими волнениями крестьян, решились на проведение (1839 г.) реформы государственных крестьян [8].

По закону 26 декабря 1837 г. было создано особое Министерство государственных имуществ «для управления государственными имуществами, для попечения над свободными сельскими обывателями и для заведывания сельским хозяйством» [9].

С целью реорганизации управления государственными крестьянами на принципах феодальной зависимости их от государства, в каждой губернии были созданы палаты государственных имуществ со штатом чиновников, призванных обеспечить «попечение» над крестьянами.

---

[6] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли после Петровской реформы. Соч., т. 21, М.-Л., 1925, стр. 141.

[7] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1952, стр. 481.

[8] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М., 1946.

[9] П. А. Зайочковский. Отмена крепостного права в России. М. 1954, стр. 31—32.

Вскоре после учреждения Министерства государственных имуществ в его аппарате возникла идея об организации по всей России учебных ферм, был разработан проект положения о них [10].

Астафьев и Целинский, направляясь для отыскания подходящего места для нее по северным губерниям, имели «перед глазами только проект о заведении учебных ферм»... (л. 247). Поэтому в отчете у них упоминаются требования к заведению учебной фермы для трех губерний. Кстати заметим, что Северная учебная ферма была организована в 1842 году [11], [12] в 50 верстах от г. Вологды, а не в районе Великого Устюга, как рекомендовали авторы отчета в 1840 г. (л. 247). Таковы были побудительные мотивы работы, выполненной Астафьевым и Целинским.

При характеристике земледелия существенное значение имеет вопрос о господствующей системе земледелия, имея в виду, что последняя отражает в большой степени уровень развития производительных сил страны и ее отдельных районов.

Утверждение Астафьева и Целинского о том, что в южной части Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний «исключительно господствует трехпольное хозяйство» (л. 225 об.), имеет принципиальное значение для характеристики земледелия первой половины XIX в., да и позже.

Дело в том, что среди некоторой части историков [13] и специалистов сельского хозяйства [14] существует представление о том, что на Европейском Севере, в частности, в Вологодской губернии, в дореформенную эпоху и позже, до 1917 г., была широко распространена подсечная система земледелия.

Исследованиями последних лет установлено, что не только в южной части трех северных губерний, но и в ее северной части, по бассейну р. Северной Двины, не только в XIX, но в XVIII—XVI вв. и раньше господствующей была

---

[10] Северная учебная ферма. «Вологодские губернские ведомости», № 24, 1848, стр. 265.

[11] Обзор действий Северной учебной фермы Вологодской губернии с основания до 1854 г. Составлен управляющим Ф. С. Кеном, СПб, 1856 г.

[12] П. А. Колесников. Северная учебная ферма. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VII, изд. «Наука», 1969, стр. 241.

[13] М. К. Рожкова. Сельское хозяйство и положение крестьянства. Очерки экономической истории России первой половины XIX в. Сборник статей, М., 1959, стр. 17.

[14] П. В. Мордвинцев. Развитие сельского хозяйства в Вологодской области за годы Советской власти. Вопросы аграрной истории. Сборник, Вологда, 1968, стр. 12.

трехпольная зерновая система земледелия, а подсечная сосуществовала с первой в ограниченных размерах [15], [16].

Астафьев и Целинский обращают внимание на важный предмет «отношение внешних запашек (подсек, перелогов), к постоянным полям» (л. 233). Термин «внешние запашки», применяемый ими к подсекам, следует признать удачным с точки зрения сосуществования основной 3-польной системы с подсекой на новых землях, ограниченных по размерам площадей.

По мнению авторов «выгоднейшим употреблением внешних земель должно считать делание подсек для сена» (л. 234 об) и соединение «3-польного хозяйства с выгонным, с травосеянием» (л. 236 об, л. 237), что и должно быть одной из целей учебного хозяйства.

Отчет Астафьева и Целинского содержит важные сведения о крестьянском травосеянии в Вологодской губернии.

С чувством досады они пишут: «В Архангельской губернии почти вовсе неизвестно, что в Вологодской целые уезды занимаются травосеянием» (л. 244), преимущественно посевом тимофеевки на подсеках, особенно распространенном в Велико-Устюгском уезде. «В южной части Вологодской губернии, — отмечают они, — многие помещики ввели было в хозяйство свое сеяние кормовых трав, именно клевера, но большей частью оставили потом, найдя это для себя невыгодным» (л. 230). Это проливает новый свет на историю клеверосеяния Севера России.

А. В. Советов в 1859 году [17] установил, что тимофеевку в России впервые стали разводить крестьяне Вологодской губернии, откуда она и распространилась в другие губернии. С полным основанием он писал: «Нет никакого повода думать, что мысль обратить тимофеевку — луговую траву — в полевое растение перешла к вологодским крестьянам из Англии» [18].

Разведением тимофеевки (сеянки, палочника) некоторые уезды Вологодской губернии занимались в конце XVIII—начале XIX вв. [19]. Что касается травосеяния в России, то в науке общепринято считать, что родина его — село Конищево

---

[15] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 214—229.

[16] Ф. И. Резников. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, Сборник IV, М., 1960, стр. 75—81.

[17] А. В. Советов. О разведении кормовых трав на полях. СПб, 1859.

[18] А. В. Советов. Разведение кормовых трав на полях. Спб, 1879, IV изд., стр. 168.

[19] Н. И. Ильинский. Вологодская тимофеевка в ее прошлом и в настоящем. Вологда, 1915, стр. 3—5

Ярославской губернии, крестьяне которого высевали клевер в начале XIX в. (1804—1819 гг.)[20].

Сведения, приводимые Астафьевым и Целинским о посевах клевера, дают основание утверждать, что в начале XIX в. клеверосеяние было известно и в южной части Вологодской губернии.

Новые данные также содержат отчет авторов и о культуре картофеля на Севере. Исследованиями установлено[21], что на Северо-Западе во второй половине XVIII в. формировались два очага первичного разведения картофеля: Петербургский и Архангельский, в южной ее части — Шенкурск и Вага (ныне Верховажье).

Астафьев и Целинский называют еще один очаг, где преобладали легкие супесчаные почвы и где в 30-х годах XIX в. было развито крестьянское картофелеводство на полях. Это — по берегам р. Мегры, при ее впадении в Онежское озеро, район г. Вытегры, на рынок которого в то время картофель поступал в продажу.

Отчет содержит также сведения по технике земледелия, по урожайности некоторых культур, в частности, трав, и др.

Таким образом, публикуемый документ является важным источником информации по прошлому земледелия Севера Европейской части России.

ИЗ ОТЧЕТА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ АГРОНОМОВ АСТАФЬЕВА И ЦЕЛИНСКОГО ОБ ОБСЛЕДОВАНИИ ИМИ СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АРХАНГЕЛЬСКОЙ, ВОЛОГОДСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИЯХ

л. 223 Домоводство. Северные жители любят просторные, светлые, хорошие, чистые избы, строющиеся почти исключительно из сосны, и своею красивую отделкою производящие весьма приятное впечатление. Есть даже в деревнях несколько строений каменных. Строение печей весьма хорошо и почти везде они с трубами. Употребляемый хлеб хорошо выпечен и вкусен. Разумеется, есть исключение, но, к счастью, очень редко. Одежда здешних жителей чиста и опрятна; ходят исключительно в сапогах. В целой Архангельской губернии мы не

---

[20] П. А. Сергеев, С. С. Шаин, А. М. Константинова, А. И. Герасимова, О. М. Миняева, Б. В. Федосеев. Клевер. Изд. 2-е, М., 1963, стр. 10; Н. Г. Хорошайлов. К истории культуры клевера в СССР. Материалы по истории земледелия в СССР. Сб. II, изд. АН СССР, М.-Л., 1965, стр. 31—32.

[21] В. С. Лехнович. К истории культуры картофеля в СССР. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. II, изд. АН СССР, М.-Л., 1956, стр. 279—295 и др.; Ф. И. Резников. Заметки по истории картофеля в СССР. Журн. «Картофель», 1956, стр. 60—62.

встретили ни одного крестьянина в лаптях и ни одного просящего милостыни. Только приближаясь к Вологодской губернии, жилища и платье становятся уже бледнее.

. . . . . .

л. 224 Выгоднейшее правило для Севера есть пользование местностию; а это — в общем виде вряд ли может быть показано в каком-нибудь образцовом хозяйстве, потому что невозможно отыскать места, которое соединяло бы в себе все местные случайности, или хотя большую часть их. Но и кроме того нельзя ожидать от образцового хозяйства действий, потому что население разбросано на слишком большом пространстве, и сообщение затруднительно. Так, например, в Архангельской губернии почти вовсе неизвестно, что в Вологодской целые уезды занимаются травосеянием. Показать, например, на Двине, лучшее употребление молока, т. е. учредить заведение, где бы да-
л. 224 об. вали образец лучшего приготовления// масла, сыров и проч. было бы для этих селений весьма полезно, но оно бы имело только совершенно местное значение.

Учреждение учебной фермы казалось нам также здесь не весьма важным. Именно, благодетельное действие их имело бы здесь слишком ограниченное влияние, и потому же от крестьянина потребовала бы слишком большой жертвы — посвятить несколько лет на изучение того, как управлять небольшим своим клочком земли.

Учеждение опытных ферм требует больших издержек. Гораздо выгоднее, если бы в этом случае местные управления руководствовались следующим примером Экономического общества в Бадене. Оно договаривается с некоторыми искусными
//л. 225 поселянами разводить то или другое растение, или// делать какие-либо опыты — с условием платить за понесенные издержки. Если опыты не удались — вред не велик; в случае же удачи, не нужно уже стараться о распространении этой новизны, потому что в поселянине самом она найдет ревностнейшего и убидительнейшего распространителя. В Саксонском Эрцгебирге образовалось также общество сельских хозяев, которого цель— улучшение крестьянских хозяйств. Оно помогает тем из крестьян, которые ведут хозяйство свое по данным каждому правилам, написанным сообразно местности каждого хозяйства. Это молго бы с большой пользой быть употреблено у нас на Севере.

Рассмотренные нами обстоятельства побудули нас избрать
//л. 225 южную часть 3-х губерний для учреждения фермы, часть — //
об. где народонаселение, сельская промышленность составляет главное основание народной жизни, где более земли, или легче достать ее, где искусство имеет большее поле для своих действий. Здесь почти исключительно господствует трехпольное хозяйство, только с некоторыми изменениями.

Мы воспользуемся этим случаем, чтобы изложить здесь наше мнение вообще о трехпольном хозяйстве на Севере, исходя из того, что только изучив совершенно на деле существо 3-польного хозяйства, можно быть в состоянии в точности определить, сколько именно оно соответствует местным потребностям, и какое другое хозяйство могло бы легче привести к цели, и что только тогда можно считать себя вправе настаи-
//л. 226 вать на изменении хозяйственной системы. // Пока главной целью хозяйства будет произведение зерен, пока нужная прибавка удобрения может быть приобретена посредством корма от лугов, выгонов, перелогов, подсек, 3-польное хозяйство было и остается до сих пор самым удобнейшим и даже выгод-

нейшим. Но естественные луга и их распространение слишком много зависят от местности; подсеки и перелоги — так как употребление их временно и возвращается только в длинные периоды — требуют большого количества земли, и эти два вспомогательных средства не всегда находятся в такой мере, чтобы при умножающемся населении доставить увеличивающемуся возделыванию хлебов нужную поддержку, а этот не-
//л. 226 об. достаток и есть один из самых больших в нашем // северном хозяйстве. Надлежит отыскать естественнейшие средства отвратить эти обстоятельства и здесь мы должны прибегнуть к опытам других стран.

. . . . . .

Здесь следует объяснить эти обстоятельства: и в Герма-
//л. 227 нии // господствовало почти целое тысячелетие трехпольное хозяйство, причем лучшие ближайшие к жилищам земли были постоянными полями; прочие же отдаленные участки были периодически обрабатываемы, и после снятия одной или нескольких жатв опять оставались под выгон, почти так как это делается еще и у нас, хотя в несколько ином виде.

. . . . . .

Главные средства для отвращения этого невыгодного положения заключались в следующем:

Во-первых, прибегли к искусственному посеву кормовых трав чрез, что сделалось возможным умножить скотоводство; а с этим увеличилось произведение навоза, а следовательно и хлеба.

Во-вторых, были введены растения, которые на известном пространстве и при известном удобрении давали несравненно большее количество питательных веществ, и это преимущественно картофель, который на известном пространстве дает питательного вещества вчетверо более против хлеба, или от известного количества навоза — втрое против хлеба.

Конечно, разведение картофеля требовало и более работы, однако это не представило больших затруднений, потому что умножившееся население могло предложить свои руки.

. . . . . .

л. 228 об. Известно, что и у нас главнейшая подпора 3-польного хозяйства — луга, перелоги или подсеки. Малое количество лугов заменяется большим количеством годной на перелоги или подсеки земли.

л. 229 В этом отношении чрезвычайно занимательно и важно, то, что и в Вологодской губернии, в Устюженском и Тотемском уездах, и именно по крутым берегам Сухоны, которая, прорывая в мягком известняке глубокое русло свое, не могла образовать богатых лугами долин, в этих местах где уже с давних
//л. 229 об. времен был ощущен недостаток в сенокосах, // нужда сама побудила крестьян прибегнуть к искусственному средству, именно к травосеянию на подсеках. Это явление тем важнее, что оно указывает самым естественным образом, оправданным долговременными опытами, как с нашим 3-польным хозяйством, по крайней мере в весьма многих случаях можно соединить травосеяние, не изменяя притом несколько вид его.

В упомянутых уездах производится это дело следующим образом: в лесу, на местах песчано-глинистых или глинисто-песчаных, вообще на местах низких и сырых, где растет в

смешении ель, осина и береза, делаются подсеки и засеиваются рожью с примесью тимофеевой травы. Трава эта родится прекрасно, дает в первые годы по снятию ржи от 100 до 150
//л. 30 пуд. сена с десятины и даже более, и сенокос // продолжается на хороших, т. е. несколько сырых и тучных местах лет до десяти, хотя изобилие его и уменьшается впоследствии. При настоящем положении нашего северного хозяйства от искусственного травосеяния едва ли и можно ожидать дальнейших успехов, потому что перевод его на постоянные пашни сопряжен, по нашему мнению, с большими затруднениями. В южной части Вологодской губернии многие помещики ввели было в хозяйство свое сеяние кормовых трав, именно клевера, но большею частью оставили потом, найдя это для себя невыгодным. Причина этого заключается в том, что искусственное разведение кормовых трав, особенно клевера, требует почвы хорошо обрабатываемой, глубокой и с так называемой старой си-
л. 230 об. лой. Только эти условия ручаются за успех травосеяния. Кроме того, что подобные почвы встречаются у нас довольно редко, уступив такую почву под травосеяние, необходимо уменьшить посев хлеба, потому что сеянию кормовой травы на одном паровом поле большей частью препятствует краткость нашего лета.

Скотоводство же наше в настоящем положении не только не приносит никакого чистого дохода, но и сверх того весьма бедно вознаграждает употребленный корм, и еще может быть продлится довольно долго, пока можно будет ожидать от скотоводства щедрого вознаграждения издержек, потому что это зависит не только от лучшего ухода за скотом и лучших пород, но и от ценности добываемых продуктов, которые опять
//л. 231 зависят от запросов // потребителей, а этот класс как в селениях, так и в городах у него еще очень незначителен.

Тех, которые отказываются от травосеяния, не всегда можно обвинять в невежестве, потому что встречаются обстоятельства, где оно есть слишком дорогое средство. Делаемые на это возражения, именно, что улучшенное скотоводство и впоследствии богатые жатвы вознаградят первый убыток, не всегда основательны, точно так как и многие другие обстоятельства, приводимые в пользу искусственного разведения корма. Ныне даже в Германии совершенно дознано, что Тэер и его последователи весьма ошибались и приносили слишком большие жертвы, полагая одним искусственным травосеянием увеличить плодородие истощенной почвы своей. Надобно заметить
//л. 231 об. еще, что за границей // животные продукты в отношении к растительным дороже, нежели у нас.

Сообразив все относящиеся к тому обстоятельства, мы уверимся, что введение травосеяния в крестьянских полях встречает весьма большие препятствия. Оно предполагает во всяком случае зажиточность, хорошо обработанную землю и не составляет прямого средства к поправлению бедного, истощенного хозяйства.

Тем большего внимания и одобрения заслуживает наше травосеяние на лесной почве, и мы считаем не только полезным, но даже и необходимым сделать это всюду известным. Мы уверены, что есть много места, где оно могло принести весьма большие выгоды.

Посев тимофеевой травы, как уже сказано, предполагает сырую, неистощенную лесную почву; иначе сенокосы бывают
//л. 232 бедны и продолжаются не более 2-х или 3-х лет, // как мы это видели в Вельском уезде, где тимофеева трава была посеяна на сухой, песчаной почве.

Здесь будет кстати упомянуть о других растениях, которые могли бы быть возделываемы на лесной почве. На сухой, песчаной можно с успехом сеять Торицу (Spergula arvensis), конечно, она не дает богатых укосов, но зато составляет лучший корм, особенно для молочного скота. За границей мы имели случай видеть траву эту посеянной на сухой, лесной почве, где она хорошо урожалась. Тощие пески Брабакта обязаны большей частью первоначальному разведению этого растения нынешним своим плодородием.

л. 232 об. На подсеках, особенно если земля глинистая, всегда появляется белый клевер (Trif. repens) во множестве, потому нет ничего естественнее, как умножить его еще искусственным посевом. Впрочем, это растение собственно принадлежит пастбам.

Кроме того, можно бы было предложить еще разведение растения (Trif. hybridum), возбудившего в новейшее время общее внимание, как по приносимым выгодам, так и потому, что оно менее боится летнего жара и зимнего холода. Кроме этого растения, еще травы Poa trifialis, особенно урожающиеся в смеси с другими: Brominalis, Holcus, Sanatus, Dactylis glomerae и некоторыми др. Вообще теперь дознано, что почти всегда выгоднее сеять смесь нескольких кормовых растений, нежели одно какое-либо. Этим опытом обязано хозяйство англичанам, которые в деле искусственных лугов и пастбищ доселе служат высокими образцами.

Само разведение тимоф. травы может быть у нас еще значительно улучшено. Во-первых, берется у нас, по нашему //л. 233 мнению, слишком мало семян (одно решето на $^1/_2$ десятину); // во-вторых, самый образ посева не совершенно правилен, потому что смешивают семена с рожью и высеивают вместе с нею, причем ровный высев совершенно невозможен. В-третьих, самая уборка производится часто слишком поздно, через что трава (в особенности тимофеева трава) весьма много теряет питательности и вкуса. Также недостаточно сохранение сена в заколинах, о чем уже говорено выше.

Второй, столь же важный предмет, призывающий на себя общее внимание, есть отношение внешних запашек (подсек, перелогов) к постоянным полям. Употребление этих внешних запашек весьма различно; обыкновеннейшее состоит в том, что их, если произрастает на них лес от времени до времени употребляют на подсеки и засевают льном, рожью, ячменем //л. 233 яровой пшеницей или овсом. // Под лен выжигают обыкновен-об. но мелкий, 10—15-летний лес, так называемый березняк, где находится довольно сильная влажная почва. Лен сеется на выжженное место и только забоpанивается сучковатой бороной. На более мокрых местах, или там, где стоял прежде крупный хвойный лес, равно и на сухих песчаных местах — сеют рожь; на удобнейших же суглинистых и тучных местах — ячмень и яровую пшеницу.

. . . . . .

л. 234 об. Сверх того, употребляются еще на Севере перелоги, т. е. безлесные пространства, которые поднимаются сохой, парятся год, даже два, причем земля перепахивается раз до шести и потом засевают рожью, даже яровой пшеницей, после которых сеется обыкновенный овес. После этого опять земля парится, засевается рожью и так продолжается до тех пор, пока жатва еще вознаграждает посев и труды. Наконец, когда земля уже совершенно истощена, она оставляется и поправляется возможно только по истечении многих лет. Выгоднейшим упот-

реблением внешних земель должно считать деление подсек для сена.

//л. 235 Что касается до пользы подсек // вообще, то должно сказать следующее: они не требуют навоза; урожаи зерновых хлебов бывают около сам = 10, приводят даже урожаи в сам=30 и более, да и нам самим известны подобные в Лифляндии. Они требуют менее семян: хлеб произрастает на них безопаснее; не столько страдает от ранних морозов, потому что он на них скорее созревает, менее подвержен вредному влиянию сорных трав и червей, которые, как напр. в прошедшем году в Вологодской губернии, причинили большие опустошения на озимых полях. Но важнее всего то, что получаемая от них солома поддерживает наше полевое хлебопашество. Это есть выгодная сторона употребления внешних земель; с другой стороны, она имеет тот недостаток, что в настоящем виде требует // чрезвычайно большого количества земли, потому что с известного пространства дает только в течение 10 лет одну жатву.

//л. 235 об.

. . . . . .

л. 236 К тому же уменьшение лесов у нас, в таких губерниях, как напр. Вологодская, имеющая леса более 30 миллионов десятин, совсем не так опасно, хотя и может произойти точно //, через подсеки, тот недостаток, что ближайший к селениям лес истребится и привоз леса на домашние потребности сделается затруднительным. Потому, если бы что могло побудить к преобразованию северного хозяйства, или лучше сказать к предупреждению невыгодных последствий, могущих быть от настоящего, то это было бы желание привести внешние земли в такую систему, чтобы в известное время можно было получить от них более жатв. К этому вернейшим средством представляется нам сообщение 3-польного хозяйства с выгонным, т. е. через постепенное принятие внешних участков в одну общую систему. Конечно, введение этого у крестьян может показаться довольно трудным и есть, конечно, много препятствий, которые только со временем можно будет устранить, тем не менее— выгонное // хозяйство, для тех частей Севера, где теперь ведется 3-польное хозяйство, есть наиболее соответствующее настоящим требованиям. Лучшие хозяева Германии единогласно признают пользу выгона; целые страны, как напр. Голштиния, Мекленбург, Марк-Бранденбург, и что еще важнее: именно гористые страны, как напр. Шварцвальд, Эрцгебирг, Витервальд, находящиеся в климатах более суровых, подтверждают долговременными опытами выгоды этой системы. В Остзейских губерниях также сделано много опытов, показавших ее с выгодной стороны.

//л. 236 об.

//л. 237

Остается только разрешить, как ввести и в кратчайшее время и без особенных пожертвований, и показание этого должно именно служить целью образцового хозяйства. Мы только здесь заметим, что переход из 3-польного // хозяйства в выгонное там всего легче, где можно производить из-под лесу неистощенную плодородную почву и где хозяйственные отношения позволяют разведение картофеля в большем виде (напр. где большие винокуренные заводы). Эти два обстоятельства сделали то, что во многих местах, напр. в Лифляндии, переход из 3-польного хозяйства в эту систему сопровождаем был даже большими современными выгодами. Через разведение картофеля, особенно в большом виде, и употребление мергеля, введение этой системы в Марк-Бранденбурге уже в самом начале сделало удивительные успехи; между тем как в Мекле-

//л. 237 об.

бурге, где гораздо ранее, именно в начале прошедшего столетия, из 3-польного хозяйства перешли к этой системе, достигли настоящей степени своего хозяйства только мало-помалу.

л. 238 Цель фермы должна состоять, кроме того, в распространении картофеля, в показании способов возделывания его и употребления; в показании лучшей обработки, лучших орудий, лучшего скотоводства, словом, лучшего хозяйства полей, лугов и дома. Еще следует упомянуть о двух предметах, заслуживающих особого внимания, именно об огородничестве, которое здесь слабо и недостаточно, и еще об одном растении, которое с большой пользой могло бы быть разводимо на севере; это — яровая рожь. Особенно разведение картофеля делало часть разведение яровой ржи желательным и выгодным; она доставляет в сравнении с другими яровыми хлебами более соломы и урожается довольно хорошо на почвах песчаных, легких, какими вообще изобилует северный край.

Отыскание места для устройства фермы. При отыскании удобного места для фермы мы имели в //л. 238 об. виду найти такое, которое бы как возможно // более допускало успешное применение тех правил, которые могли бы быть почитаемы общими для всего края, которого бы всех того местные обстоятельства представили случай для показания разного рода услужений, как то орошение лугов, возделывание болотистых мест и пр. Сверх того это место должно было бы находиться в таком крае, где заведение позволило бы ожидать от себя верные и гласные выгоды, чтобы с самого основания этого заведения обратить на него доверчивое внимание... и чтобы сколько возможно избегнуть легко возникающих предубеждений.

Отыскать подобное место было тем труднее, что выбор наш был ограничен одними оброчными статьями. Оброчные статьи редко содержат в себе все принадлежности хозяйства, т. е. пашни, луга, выгоны и пр., но состоят почти всегда из //л. 239 одного какого-либо // рода земли. Большей частью они неудобны, что, впрочем, и совершенно объясняется родом происхождения их. Многие произошли от непозволенных расчисток и потому находятся более в местах отдаленных, скрытых, никогда не получали удобрения, другие были отрезаны после генерального межевания и также не заключают в себе земли, ближайшей к селениям, наиболее удобренной.

. . . . . .

л. 239 об. На всякий случай, необходимо, по нашему мнению, для фермы иметь хотя сначала часть обработанной и удобренной земли, чтобы иметь в ней надежную подпору для нового хо- //л. 240 зяйства. Палатами государственных имуществ были нам // указаны разные места к учреждению образцовой фермы.

Олонецкая палата указала на берега реки Мегры, о которых палата говорит, что они «особенно около устья при впадении в Онежское озеро заслуживают особенного внимания по удобству, какое представляется к расчистке больших сенокосов. Если бы правительство признало полезным и согласным с его видами учредить в Олонецкой губернии небольшую луговую ферму с целью разведения племенного скота для крестьян, что место это едва ли не одно из лучших и удобнейших к выполнению этого предприятия. Быв довольно далеко и находясь по большой дороге из Архангельска в С. Петербург, оно //л. 240 об. имеет еще и ту выгоду, что можно удобно и недорого получить для первоначального // обзаведения холмогорский скот, изве-

стный своими отличными качествами и впоследствии при избытке от местной продажи отпускать оный в столицу».

Это место действительно имеет многие выгоды; не маловажнейшая суть: Архангельская дорога и большая населенность его. Земледелием занимаются здесь довольно успешно и разводят картофель, даже и на полях, и в таком количестве, что отпускают его для продажи в г. Вытегру. Что касается до лугов, то их здесь довольно, как мы уже сказали прежде; но оброчные статьи, если бы их даже и совершенно осушить, едва ли, по качеству ожидаемого от них сена, позволили бы надеяться на успех в разведении холмогорского скота. В этом случае можно бы было через обмен, или другими какими-ли-
//л. 241 бо средствами, приобресть // некоторую часть лугов от деревни Мечорской, которые, хотя и не могут сравниться с холмогорскими, но все еще довольно хорошего качества. Мы не могли согласиться на избрание этого места для фермы потому, что предписание Департамента назначало ферму для 3-х северных губерний, а в этом случае место это было слишком в стороне; во-вторых же, потому, что главная, по нашему мнению, цель фермы, именно указать успешное устранение недостатков нашего хозяйства в главных чертах его было бы здесь гораздо менее видно, потому что лугов тут изобильно.

Для лучшего соображения мы бросим взгляд на страны, виденные нами — в отношении их к месту, удобному для
//л. 241 об. фермы. Далее к Пудожу // пашенной земли вообще очень довольно; сельское хозяйство, именно через разведение сена, здесь очень выгодно; так что сами городские жители большей частью земледельцы. Но и здесь изменение хозяйственной системы в главных ее началах казалось нам тем менее необходимым, что и лугов и мелкого леса находится здесь довольно. Самый же Пудожский уезд лежит вне общих сообщений.

Гораздо важнее показался нам Каргопольский уезд, потому что он не так богат лугами; возделывание хлебов и обработка внешних земель перелогами здесь чрезвычайно обширна, почва большей частью таких свойств, для которых 3-польное хозяйство не так соответственно, как выгонное, которое могло бы принести здесь очень большие выгоды. Кроме того, по общему характеру земли можно предполагать, что найдется
//л. 242 годный мергель, который впоследствии // может сделаться чрезвычайно важным для нашего земледелия *.

Если мы однако же вовсе не полагали этот край годным для фермы, то это по следующим обстоятельствам: страна в отношении ко всему северному краю казалась на лежащею слишком в стороне, и, при настоящих обстоятельствах, мы здесь не нашли годной для фермы оброчной статьи. В восточном направлении от Каргополя земля становится значительно лучше, в долине протекаемой Мошею она очень плодородна и обрабатывается довольно тщательно, хлебопашество составляет
//л. 242 об. здесь // выгоднейшее занятие, и хлебопашцы живут здесь если не в богатстве, то в полном довольстве. В предположении, что характер Мошинской почвы простирается далее на восток, мы предполагали в Вельском уезде удобнейшее место для фермы и именно на большой дороге в Вологду. Но характер земли здесь совершенно изменяется, она по большей части здесь так дурна, столько неудобных болот встречается здесь, что эта

* Мы даже нашли в некоторых местах мергель, хотя весьма песчаного содержания, который менее годен для удобрения почвы; но как верхний слой земли чисто лежит уже на извести, то можно предположить, что в углублениях, вероятно, есть глинистый мергель.

страна, по нашему мнению, неудобнейшая для устройства фермы.

Вологодская палата предложила для фермы оброчную статью называемую Васильевскою, содержащую 110 десятин, и лучше которой, как объясняет нам палата, она другой в виду ныне не имеет. Эта оброчная статья, лежащая верстах в 6 от Вологды, уже несколько лет отдается под выгон за 30 тыс.
л. 243 руб. в год. Земля статьи этой вовсе не худых качеств, большей частью глинисто-песчаная, даже песчано-глинистая, поросшая ныне кустарником, но бывшая некогда пашнею. Сколь бы ни желательно палате иметь ферму вблизи, сколь бы ни было полезно для самой фермы быть вблизи самого города, мы должны были оставить эту статью по тем же причинам, как и Олонецкую, т. е. по причине невыгодного положения относительно трех губерний. К тому же при статье нет вовсе лугов, и хорошо бы при начале хозяйства можно было помочь этому приобретением навоза из города, но это средство кажется нам не одобрительным.

По всем соображениям нашим казалась нам страна около Великого Устюга такою, где учреждение фермы могло бы наиболее соответствовать ее цели. Эта страна лежит более в цент-
//л. 243 об. ре // северного края. Самая страна уже может представить много поучительного : своим травосеянием на подсеках, значительным разведением льна, которого продается отсюда по официальным известиям до 30.000 пудов; особенно этим последним занимаются здесь с большим умением и успехом. Семя покупают каждые 3 или 4 года — рижское или псковское, потому что оно в 3 или 4 года здесь вырождается. Это делают и в Пудоже; следовательно, у нас достоинства рижского или псковского семени точно так же известны, как и за границей. Наконец, около Устюга лен хорошо вымачивается на поле, чему способствует то, что он только в следующем году поступает в продажу.

По совещании с устюжским окружным начальником, мы получили от него указание трех следующих оброчных
//л. 244 статей: *Первая* была в «Трегубовской волости в Крыловском обществе, по дороге от Устюга к городу Лальску на 8-й версте по обеим сторонам ручья Поволжья, в лесных дачах казенной и примежеванной крестьянам, где растет лес неважный. Положение этой статьи весьма хорошо; дорога в Лальск и близость Устюга весьма полезны для фермы, но земля еще вовсе не обработана, посредственных и даже дурных качеств, что в особенности относится к низким местам, где под мелким 2—3 вершка, превышающим слоем, едва окрашенной лесным черноземом земли находится грубый песок (гремучий песок). На этих местах растут уродливые ели, а на высших, лежащих между двумя ручейками, — сосны. Луга могут быть расчищены по берегам этих ручьев, впрочем, с большим трудом, и год-
//л. 244 об. ные потому места весьма ограничены. Общее свойство // земли не позволяет нам предложить это место, а приведение ее в хорошее, плодородное состояние потребовало бы во всяком случае много времени.

Вторая статья: «Нестиферовской волости, Ровдинского общества за деревней Верхней Кичугой при большой дороге от Устюга в город Тотьму, на 55 версте, казенная оброчная статья хозяйственного ведомства, под названием «Дар о две поженки»; тут всей земли удобной и неудобной более 198 десятин; есть пашня, а сенокос можно увеличить расчисткою или присоединением других оброчных статей, менее важных; сверх всего этого в деревнях Верхней и Нижней Кичуге счита-

ется излишней земли сверх 15 десятинной пропорции около 700 десятин по смежности со статьею Даром. Ежели эта земля окажется удобною на распашке, то в соединении, вероятно,
//л. 245 будет достаточна // для фермы, самому поселению быть кажется всегда удобнее на большой дороге при ручье Вепре».

Но действительно это место соответствует цели, хотя земля и здесь только посредственных качеств, и лучшие находятся при ручье Вепре, где может быть около 2-х десятин употребляется под пашню и даже удобрена, что случается на оброчных статьях весьма редко. Прочая часть земли только посредственной доброты. Должно полагать, что тут находился сперва большой лес, но он пропал без следов и тут осталась только береза и разный мелкий лес, употребляемый под лесные подсеки. Для снятия же палочника (Phleum) годных мест здесь мало, потому что чернозем уже истощен. Что же касается до прочих 700 десятин, то они состоят из земли почти неудобной. Но хотя эта статья и несовершенно соответствует весьма тре-
//л. 245 бованиям для учреждения // образцовой фермы, мы полагаем,
об. что из оброчных статей вряд ли может быть выбрана лучшая, потому что оброчные статьи в этих губерниях, сколько мы имели случай узнать их, очень худы. Только луга иногда делают исключение из этого — и на Двине есть прекрасные луга; но при них нет никаких пашней, в звании—оброчных статей. Посредственное достоинство оброчных статей можно еще доказать тем, что половники, которые платят как показывает самое имя их — чрезвычайно дорого за владеемую ими землю, часто предпочитают оставаться в их положении, нежели переселяться на оброчные статьи.

Третья оброчная статья, предложенная Устюжским окружным начальником: «В Карповской волости, Пожарищенском обществе две оброчные статьи казенного ведомства под названием Дмитриева наволока, и пустоши Осиновской, коли-
//л. 246 чеством более 700 десятин. Эти // статьи лежат на берегу реки Сухоны, в 143 верстах от Устюга, и изобилуют сеном, а при расчистке заросших мест сенокос умножится значительно; пашни же хотя и нет, но она и даже селение здесь прежде были, что можно видеть на месте».

Эта последняя статья, пустошь Осиновская была точно сперва населена, но жители оставили ее и переселились обратно в Козловскую, откуда вышли. Перед первою статьею она имеет то преимущество, что имеет более сенокоса (до 100 копен по местных известиям); но земля более покрыта лесом. Но как эта статья лежит 25 верст в сторону от большой дороги, мы бы предпочли первую. Если и обе статьи же совершенно удовлетворяют требованиям нашим, то, во всяком случае,
//л. 246 именно эта страна, кажется // нам тою, где должно быть устро-
об. ено образцовое хозяйство.

Между этими двумя статьями, но гораздо ближе к статье Дар, находится Верхняя Тозьма, селение с окрестностями своими известно в Устюжском уезде по отличному разведению льна и травосеянию на подсеках. Но здесь мы не могли отыскать оброчной статьи.

Впрочем, по нашему мнению, было бы гораздо выгоднее для фермы, т. е. для ее учреждения и достижения ее цели— купить уже обрабатываемую, так сказать, готовую землю из-под половников. Здесь можно бы было прямо показать успешное огородничество — большую потребность этой страны, разведение картофеля в полях, выгонное хозяйство (приобщением внешних полей к прежним).

На приготовление оброчных статей под землевладение пройдут многие годы, а известный опыт — что во многих случ-
л. 247 чаях гораздо выгоднее купить по высокой цене плодородную землю, нежели приготовить для себя дурную.

Есть еще одно средство: приготовить участок из-под леса, который бы имел хоть то преимущество, что чернозем в почве был бы не истощен (такую почву можно бы скорее всего найти в Никольском уезде).

Что в отношении образцовых заведений — нам невозможно сделать специальных предположений, тому причиною позднее время, в которое мы осматривали Вологодскую губернию, выехав в нее уже в сентябре месяце.

Здесь мы должны еще упомянуть, что, как мы имели пред глазами только проект о заведении учебных ферм и образцовых хуторов, в котором сказано, что образцовые хуторы
//л. 247 должны состоять из // нескольких домов, дабы и останавливаоб. ясь на учреждении одного или двух хуторов умножить число их по мере возможности и тем доставлять более средств к подражанию. Наш выбор места был расчислен на заведение обширное, так как его предполагает новое положение об устройстве хуторов.

В заключение мы повторим, что выгоднейшею страной для учреждения центрального хутора для губерний Архангельской, Вологодской, и Олонецкой — мы считаем страну около Устюга.

Кандидат философии (подпись).

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 398, оп. 5, д. 826, лл. 217—247.

С. М. Троицкий

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ЛЕДЕНГСКОГО УСОЛЬЯ КНЯЗЯ А. Д. МЕНШИКОВА

История солеваренной промышленности в XVIII в. относится к числу недостаточно изученных тем в исторической литературе. Если для XVI—XVII вв. мы имеем ценные исследования Н. В. Устюгова, В. Г. Геймана, А. А. Введенского и других авторов по истории солеваренных промыслов в Поморье, позволяющие полнее раскрыть специфику хозяйственной истории этого края, то для XVIII в. такие работы отсутствуют [1].

Публикуемая переписная книга Леденгского усолья содержит интересные сведения по истории труда работных людей на солеваренных промыслах в начале XVIII в. Как известно, Леденгское усолье было крупнейшим соляным промыслом в Тотемском уезде в XVII в., находившимся во владении гостя Василия Усова-Грудцына.

Грудцыны вели крупную торговлю хлебом и другими товарами, имели различные промыслы, а также большие земельные участки, на которых эксплуатировали труд половников. Часть своих капиталов они вкладывали в солеварение [2].

24 марта 1711 г. член гостиной сотни Иван Грудцын продал князю А. Д. Меншикову за 40 тыс. руб. находивши-

[1] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., М., 1957; В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. — «Летопись занятий Археографической комиссии», в. 35, М., 1935; его же. Материалы по истории русской соляной промышленности. (Тотемский соляной промысел Спасо-Прилуцкого монастыря 1622/1623 гг.) — «Труды гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина», т. V (8), Л., 1958, стр. 71—104; А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962, и др.

[2] См. П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в. Вологда. 1956, стр. 15—17; его же. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. — «История СССР», 1958, № 2, стр. 134—135; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.), М., 1960, стр. 590—592.

ся в Тотемском уезде Леденгский и Пускинский солеваренные промыслы, а также винокуренные заводы и лесопильные мельницы. В 1711 г. в Леденгском усолье было 435 душ мужского пола. Леденгский промысел и другие предприятия в Тотемском уезде оборотистый князь отдал на откуп в компанию вологодскому купцу Якову Хлебникову и его сыновьям Денису и Илье, а также комиссару Семену Акишеву сроком на 15 лет. Компанейщики обязались платить Меншикову первые 5 лет по 400 руб. ежегодно, а затем каждый год по 1000 руб. откупных денег [3].

Публикуемая книга была составлена вскоре после перехода Леденгского усолья к князю А. Д. Меншикову, но не ранее 1713 г. (это наиболее поздняя дата, встречающаяся в источнике) [4]. Содержащиеся в ней сведения позволяют подробно представить производственную специализацию работников на промысле и условия оплаты труда различных категорий наемных рабочих, а также половников, как и в XVII в., снабжавших промыслы хлебом. Эти данные представляют значительный интерес для выяснения особенностей процесса формирования постоянной рабочей силы в промышленности.

На казенном скотье дворе скота

Мерин шерстью карей, грива налево с отметом. Мерин шерстью рыжей, грива направо с отметом. Мерин коурой, грива направо. Мерин голубой, грива налево. Мерин гнедой, грива налево с отметом. Жеребенок рыжой, грива налево. Кобыла рыжая, грива налево с отметом. Мерин бурой, грива направо. Мерин серой, грива направо. Кобыла чалая, грива налево. Мерин коурой, грива налево с отметом. Два голубые жеребенка, у одного грива направо, а у другово налево.

Пять коров разными шерстьми. Бык пороз шерстью красной, теленок, 14 овец зимовых, два борана, восьмеро ягнят. Семь козлюх, четыре козла, семь козленков малых.

Приказчики

Алексей Иванов сын Холодилов, 25 лет, женат, жена у него Парасковья Дмитриева дочь, детей у него: сын Иван двух лет, да мать у него Алексея Ирина 60 лет. Да с ним живут два брата родные, Петр да Семен, Петр 20 лет, Семен 12 лет, холосты.

Андрей Костянтинов, 60 лет, женат, жена у него Катерина 50 лет, сын Петр 20 лет, женат, жена у него Матрена Зотиева дочь 20 лет. У него ж Костянтина дочь девица.

Тихон Яковлев 60 лет, детей у него: сын Алексей 14 лет, холост.

Караульщик Михайло Иванов 35 лет.

Конюх Тимофей Максимов 45 лет, женат, жена у него Ирина 40 лет, детей: Иван 14 лет, Степан 8 лет, дочь девица Домна 13 лет.

Цыренной мастер Федор Петров Округа, 60 лет. Жалованья ему 10 рублев на год.

---

[3] См. ЦГАДА, ф. Госархива, XI разр., д. 70, л. 21; ф. А. Д. Меншикова, д. 218, лл. 60—60 об; ф. Портфели Миллера, № 243, ч. I, д. 5, л. 11 об.

[4] См. стр. 346 настоящего издания.

Во дворе спаской священник Максим Яковлев 50 лет, служит у той церкви з бытности владенья оной вотчины гостя Василья Грудцына, назад тому з 20 с 4 года. Попадья у него Ефросинья 45 лет, детей у него четыре дочери девицы, Ирина 17 лет, Парасковья 12 лет, Устинья 8 лет, Федора 5 лет. У него ж в доме живет отец ево Иаков 80 лет да брать ево священников Михайло 30 лет. А подворников у него священника никого нет. Жалованья ему священнику оной Грудцын и после его и доныне со владенья светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова от прикащиков ево выдаетца денежного по 15 рублев, хлеба: ржы по 5 четвертей, овса по 5 ж четвертей, соли по 15 пуд на год.

Во дворе той же церкви дьячек Федор Герасимов сын Кузнецов 42 лет, жена у него Анна 42 лет, детей у него два сына да две дочери: сын Петр 11 лет, Алексей 6 лет, дочери Овдотья 15 лет, Акилина 4 лет. А работает он Федор у оной церкви з бытности владенья оной вотчины вышеписанного ж Грудцына, и ныне при владенье светлейшего, а жалованья ему даетца також от приказщиков денежного по 8 рублев, хлебного ржы по 3 четверти, овса по 3 ж четверти, соли по 8 пуд на год. Да с ним же живет брат ево Тихон 30 лет, жена у него Марья 31 лета, сын у него Андрей 4 лет, другой Семен 1 лета. А подворников никого нет.

Той же церкви пономарь Иван Изотов 23 лет, жена у него Анна 22 лет, детей у него один сын Яков 1 лета, да мать у него вдова Евдокия 55 лет. Жалованья ему даетца в год денежного по 5 рублев, ржы по 2 четверти, овса по тому ж, соли по 5 пуд на год.

Во дворе просвирница Улита 60 лет, дочь у нея девица Евдокея 15 лет. Жалованья ей просвирнице даетца в год денег по рублю, ржы по четверте, овса по тому ж, соли по пуду.

Во дворе кузнец Денис Скребехов 35 лет, жена у него Лукерья 25 лет, детей у него три сына: Матфей 17 лет, Михайло полутора года, Михайло ж 20 недель, дочь девица Евдокия 8 лет. Работает он во оном усолье со владенья оного ж Грудцына и доныне живет, а жалованья берет денежного по 15 рублев, соли по 5 пуд на год.

Во дворе кузнец Василий Родионов, которой наперед сего быв Вотченской волости крестьянин, 27 лет, жена у него Пестеленья 25 лет, детей у него нет. А работает он Василий во оной вотчине как начала быть за светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым, с 712-го году, а жалованья берет, когда работает, у приказщиков по 40 алтын на месяц. Да с ним живет в том же дворе отец ево Родион 60 лет, мать ево Васильева Анна 59 лет, брат ево Васильев Семен 19 лет, холост, да две сестры девицы, Агафья 17 лет, Лукерья 10 лет. А подворников никого нет.

А на казенном дворе караульщик Михайло Иванов 35 лет, жена у него Акилина Семенова дочь 23 лет, детей два сына, Василей 10 лет, Андрей 8 лет, дочь Устинья 3 лет. А жалованья берет на два рубли на год.

Во дворе бобыль Прокофей Никонов 30 лет, которой наперед сего был Вотченской волости крестьянин, жена у него Соломанида Иполитова дочь 25 лет, детей у него: сын Кирило 9 лет, дочь Агафья 5 лет. А живет он Прокопей во оной вотчине с 713-го году, работает на мельнице в мельниках, а жалованья берет по 7 рублев да по 3 пуда соли на год.

Во дворе бобыль Павед Юдин 50 лет, жена у него Парасковья Никитина дочь 30 лет, а детей у него: дочь девица Евдакея шти недель. А начал он быть во оной вотчине с 713-го году, а работает во оной вотчине у бобылей же поденно, а из княжей казны никакого жалованья ему не идет.

Во дворе бобыль Иван Евдокимов 19 лет, холост, да мать ево вдова Наталья 40 лет, да брат же ево Иванов Агипит 7 лет. А работает он Иван у варнишной работы с 712-го году в водолеях, а за работу бе-

рет ис княжей казны по семи алтын по две денги с полвари. А подворников у них никого нет.

Во дворе живет Иван Прокофьев 40 лет, которой наперед сего был Демьяновской волости крестьянин, жена у него Наталья Исакова дочь 40 лет, детей у него трое: сын Трофим 10 лет, да дочери Ирина 17 лет, Агрепена 2 лет. А работает он Иван у варнишной работы в водолеях с 713-го году, а жалованья берет ис княжей казны по 7 алтын по 2 денги с полвари. А подворников у него никого нет.

Во дворе Егор Никитин 40 лет, жена у него Марфа Андреянова дочь 40 лет, детей у него: сын Стефан 9 лет. А работает он Егор во иной вотчине з бытности Грудцына и доныне в кузнецах в молотниках, а жалованье ныне берет ис княжей казны на работные дни по шти денег на день. А на подворье у них живет записной же бобыль, которой наперед сего был Кептурской волости, Максим Тимофеев 35 лет, жена у него Крестина Елфимова дочь 30 лет, а детей у него никого нет. А работает во оной вотчине в водолеях с 712-го году, а ис княжей казны за работу берет по 7 алтын по 2 денги с полвари, когда у работы бывают.

Во дворе Петр Яковлев 40 лет, жена у него Анна Кондратьева дочь 40 лет, да два пасынка, Иван 16 лет, Фрол 12 лет, да падчерица девица Анна 9 лет. А работает он Петр з бытности Грудцына у варнишной работы в водолеях и доныне, а жалованье берет по 7 алтын по 2 денги на полварь. А пасынки: Иван работает у той же работы в водолеях и жалованья берет по тому ж, как и он Петр, а Фрол дрова к варницам из лысад возит, а жалованья берет по 2 алтына по 4 денги на полварь.

Во дворе Ларион Иванов 35 лет, жена у него Анна Фирсова дочь 30 лет, детей: две дочери девицы, Олисава 3 лет, Анисья 2 лет. А работает во оной вотчине со владенья оного ж Грудцына у кузнишной работы в молотниках, жалованья берет на работные дни по шти денег на день. Да у него ж живет на подворье бобыль Максим Мартынов 40 лет, жена у него Анна 30 лет, детей у него: сын Федор 4 лет. А работает он Максим у варнишной работы в водолеях со оного ж владенья Грудцына и доныне, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Михайло Леонтьев 40 лет, жена у него Ульяна Кондратьева дочь 30 лет, детей у него два сына, Иван 13 лет, Никифор 4 лет, дочь Овдотья 1 лета. А работает он Михайло со владенья оного ж Грудцына и доныне у варнишной работы в водолеях, а жалованья берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Захар Григорьев, которой наперед сего был Вотченской волости крестьянин, 45 лет, жена у него Дарья 40 лет, детей три дочери: Акилина 10 лет, Татьяна 3 лет, Акилина ж 3 лет. А начал он Захар работать во оной княжей вотчине у варнишной работы в водолеях на тчане, жалованья берет по 6 алтын по 4 денги на полварь.

Во дворе Сава Гаврилов 40 лет, жена у него Дарья Михайлова дочь, детей: сын Андрей 10 лет, дочь Маремьяна 7 лет. Живет во оной вотчине со владенья оного ж Грудцына и работает у варнишной работы в подварках, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги на полварь. У него ж живет на подворье бобыль Иван Епифанов 30 лет, жена у него Степанида Иванова дочь, детей: дочь девица Офимья. А работает у варнишной работы в водолеях со владенья Грудцына ж, а жалованья и поныне берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Иван Федоров 30 лет, женат, жена у него Настасья Федорова 25 лет, бездетен. Брат у него Семен 31 лета, холост. Работают они у варнишной работы на трубе в водолеях з бытности ж Грудцына, а жалованья и доныне берут по 7 алтын по 2 денги на человека на полварь.

Во дворе Исак Степанов 54 лет, жена у него Овдотья Афонасьева дочь, детей два сына, Федор 32 лет, женат, жена у него Лукерья

Егуплова дочь 25 лет; другой сын Петр 21 лета, холост, дочь девица Варвара 20 лет. А работают они у цыренной работы з бытности Грудцына ж и в водолеях и доныне от цырена по рублю, а водолей по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Трифан Яковлев 50 лет, жена у него Марина Кондратьева дочь 35 лет, детей у него: сын Тимофей 5 лет, три дочери, Наталья 7 лет, Алена 5 лет, Алена ж 1 лета. А работает у соляной работы в поварах соль варит з Грудцына ж владенья за работу и доныне жалованья берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Терентей Афонасьев 35 лет, жена у него Агрепена Григорьева дочь 20 лет, детей: сын Иван 2 лет. Да у него ж племянник Семен Логинов 20 лет, женат, жена у него Марья Гаврилова дочь 19 лет, а детей у него нет. А работают они со владенья Грудцына и доныне. Терентей у кузнишной работы в молотниках по шти денег на день, а Семен у цыренной работы в подвящиках, жалованья берет от нового цырена по рублю.

Во дворе Иван Семенов 50 лет, жена у него Устинья Емельянова дочь 20 лет, детей три сына, сын Иван 25 лет, женат, жена у него Ирина Васильева дочь 20 лет, Илья 22 лет, женат, жена у него Матрена Ермолина дочь 23 лет, Семен 17 лет, холост. А работают они: оной Иван з бытности владенья Грудцына у соляной работы в поварах, жалованья и доныне берет по 7 алтын по 2 денги с полвари, а дети ево: Илья и Иван в подварках, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари на человека.

Во дворе Федор Прокошев 35 лет, женат, жена у него Парасковья Климова дочь 25 лет, детей сын Петр 8 лет. Работает з бытности ж Грудцына и доныне у варниц в соляных поварах, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Иван Лукин 30 лет, женат, жена у него Дарья Васильева дочь 29 лет, детей трое, сын Иван 30 недель, дочери девицы Федора 10 лет, Ефросинья 3 лет. А работает з бытности ж Грудцына владенья у варнишной работы в водолеях, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Герасим Павлов 35 лет, жена у него Акилина Леонтьева дочь, детей у него: сын Максим 10 лет, дочь Федора 8 лет. А работает он Гарасим у соляного промыслу в водолеях з бытности ж Грудцына и доныне, по 7 алтын по 2 денги на полвари.

Во дворе Иван Иванов сын Черницын, работает во оной светлейшаго князя вотчине с 712-го году у дровяной покупки на Пускинские заводы, а никаким жалованьем и доныне не определен.

Во дворе Василей Никонов, 30 лет, женат, жена у него Аксенья 25 лет; детей: сын Петр 3 лет, Иван 1 лета. А работает он у варнишной работы в водолеях з бытности ж владенья Грудцына, а жалованья и доныне берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Матвей Власов 48 лет, жена у него Лукерья Иванова дочь 40 лет, детей у него четыре сына да дочь девица Марфа. Яков 19 лет, Данило 16 лет, Яков 5 лет, Яков 2 недель, Марфа 3 лет. А работает он Матвей со владенья бытности оного ж Грудцына в водолеях, по 7 алтын по 2 денги на полварь, Яков в дрововозах к варнице из ысад дров, по 3 алтына по 2 денги на полварь. Данило у воски оных же дров, Данило по 3 алтына по 2 денги на полварь.

Во дворе Евсивей Никитин сын Хоробров 40 лет, жена у него Матрена 35 лет, сын Пантелей 7 лет, дочь Анна 10 лет. Работает з бытности оного ж Грудцына и доныне у варнишной работы в водолеях по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Семен да Григорей Лукины дети. Семен 40 лет, женат, жена у него Ефимья Васильева дочь 40 лет; детей: сын Иван 5 лет, Григорей 25 лет, женат, жена у него Ирина Симанова дочь, детей у них: сын Максим годовой, дочь девица Настасья 3 лет, да мать их Семенова и Григорьева, вдова Лукерья 70 лет. А работают они Семен и

Григорей у варнишной работы в водолеях и доныне жалованье берут по 7 алтын по 2 деньги с полвари на человека.

Во вдоре Антон Федоров 42 лет, жена у него Федосья Афонасьева дочь 30 лет, детей: сын Леонтей 9 лет, три дочери, Устинья 17 лет, Катерина 16 лет, Маремьяна 3 лет. А работает он Антон во оной вотчине з бытности владенья оного ж Грудцына, а жалованья берет и доныне по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Василий Иванов сын Холодилов 30 лет, жена у него Дарья Прокопьева дочь 25 лет. А работает он своей работой, покупает варнишные дрова и продает оной светлейшейской вотчины к соляному варенью, и записан в бобыли в 711-м году. А других работ не работает и жалованья не берет.

Во дворе Семен Васильев 40 лет, женат, жена у него Татьяна Тарасова дочь 25 лет, детей: сын Яков 3 лет, дочь девица Фекла шти лет. А работает он при бытии владенья оного ж Грудцына и доныне работает же у варнишной работы в водолеях, а берет жалованья по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Федор Борисов 50 лет, которой женат двоебрачно, а ныне жена у него Агрепена Леонтьева дочь 23 лет, а детей у него: от первобрачной Григорей 24 лет, женат, жена у него Марья Баженова дочь 20 лет; Лука 18 лет, холост; дочь девица Анна 15 лет. От второбрачные два сына, Михайло шти лет, другой Алексей трех лет. А работают они з бытности ж владенья оного ж Грудцына, оной Федор у соляного варенья в соловарах по 7 алтын по 2 денги, а Григорей, сын ево, в водолеях работает на тчане, по шти алтын по 4 денги с полвари, а Лука в пескарех, а жалованья берет по 2 алтына по 4 денги с полварь. У него ж живет на подворье Никифор Сажын 30 лет, жена у него Феврония Борисова дочь 30 лет, бездетен. А работы за ним никакой нет и денежного жалованья ему не идет.

Во дворе ж Андрей Холодилов 23 лет, которой был определен из жалованья оной вотчины в 711-м году в приказчики, а ныне по отказу приказчика ж Алексея Холодилова быть ему на приказе не велено, живет во оной вотчине ж в слободе. А жена у него Евдокея Семенова дочь 19 лет, детей: сын у него Григорей 8 недель.

Во дворе Меркурей Федоров 45 лет, женат, жена у него Марина Мартемьянова дочь 40 лет, детей: сын Иван 11 лет, дочь девица Акилина 16 лет. У него ж в доме живет отец ево Федор 67 лет, жена у него Ненила Иванова дочь 63 лет. А оной Меркурей работает во оной светлейшаго князя вотчине во оном усолье для дровяных роздач и посылок, а ис казны светлейшаго князя никакого ему денежного и хлебного жалованья не идет. А отец ево Федор никакой работы не работает и денежного ему жалованья не идет.

Во дворе Василей Костянтинов 45 лет, жена у него Акилина Михайлова дочь 40 лет, детей у него два сына, Иван 10 лет, Антон 4 лет. А работает он Василей во оной вотчине з бытности ж владенья оного ж Грудцына и доныне у соляной работы в водолеях, а берет жалованья по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Викул Карпов 60 лет, жена у него Катерина Семенова дочь 57 лет, бездетен. А работает з бытности ж оного Грудцына и доныне у соляного варенья в водолеях, а жалованья и доныне берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Андрей да Карп Васильевы дети Норицыных, Андрей 50 лет, жена у него Василиса Леонтьева дочь 50 лет, бездетен. Карп 30 лет, женат, жена у него Марфа Семенова дочь 28 лет, бездетен. А работают они оной вотчины во владенье оного ж Грудцына и доныне в водолеях, а жалованья берет и доныне по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Андрей Корюкин 40 лет, женат, жена у него Оксенья Изотова дочь 39 лет, детей: сын Никифор полугода. А работает во оной вотчине во владенье Грудцына и доныне у варнишной работы в водо-

леях, а денежного жалованья и доныне берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Прокопей Иванов 30 лет, жена его Дарья Трифанова дочь 40 лет, бездетен. А работает у соляного промыслу в водолеях во владенье оного ж Грудцына и доныне, а жалованья берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Федор Иванов 55 лет, жена у него 47 лет, детей два сына да дочь девица, Семен 20, Игнатей 11 лет, дочь Парасковья 10 лет. А он Федор работает варнишную работу в водолеях, по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Михайло Базыкин 40 лет, жена у него Антонида Михайлова дочь 45 лет, детей: сын Иван 3 лет, две дочери, Анна 9 лет, Овдотья 10 недель. А работает он Михайло у варницы з Грудцына ж в водолеях по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Ларион Епифанов, Федор Симанов. Ларион 35 лет, женат, жена у него Домна Осипова дочь, детей: сын Игнатей 5 недель, дочь Катерина 2 лет. А жалованья он берет от водолейства по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Сидор Денисов 48 лет, женат, жена у него Ульяна Данилова дочь 45 лет. Детей: сын Иван 25 лет, холост, сын Василей 23 лет, женат, жена у него Марфа Васильева дочь 20 лет, сын Петр 17 лет, Петр же 13 лет, Иван 1 году, дочь девица Маремьяна 3 лет. А берут жалованья от кузнишной работы по шти денег на работные дни.

Во дворе Харитон Терентьев 55 лет, жена у него Катерина Леонтьева дочь 65 лет. Два у него пасынка, Ларион да Иван 33 лет, женат, жена у него Ефросинья 30 лет, детей у него две дочери, Ульяна 7 лет, Пелагея 3 лет. Иван 28 лет, жена у него Анна 26 лет, детей у него дочь девица 3 лет. А работают они: Харитон во владенье в бытность [Грудцына] и доныне у соляного промыслу соль варит поваром, жалованья по 7 алтын по 2 денги. А Ларион да Иван работают, соль варят, и жалованья берут по тому ж. И дровами промышляют на себя.

Во дворе живет Дементей Осипов 40 лет, женат, жена у него Устинья Семенова дочь 30 лет, бездетны. Работает он во оном усолье во владенье и доныне, соль варит поваром. А жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари. У ево ж живет на подворье Иев Семенов 40 лет, жена у него Феврония Антонова дочь 38 лет, детей у него две дочери девицы, Василиса 4 лет, Ирина 1 лета. А работает он Иев кузнечную работу в молотниках, жалованья берет на работные дни по шти денег на день.

Во дворе Григорей Матфеев 40 лет, женат, жена у него Марфа Васильева дочь 40 ж лет, детей у него три дочери, Марья 8 лет, Марья ж 7 лет, Акилина 5 лет. А работает он з Грудцына ж и доныне льет на трубе, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Данило Карпов 40 лет, женат, жена у него Парасковья 30 лет, детей у него: сын Федор 3 лет, дочь Федора 1 лета. А работает он у соляного ж варенья по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Иван Осипов 32 лет, женат, жена у него Марья Алексеева дочь 30 лет, бездетен. А работает он во владенье Грудцына ж и доныне льет на трубе, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари. У него ж живет на подворье Фаддей Иванов 50 лет, холост. Варит соль поваром. А жалованья берет как от Грудцына, так и ныне, по 7 алтын по 2 денги с полвари. У него ж Ивана живет на подворье Яков Федоров 30 лет, женат, жена у него Акилина Васильева дочь 18 лет, бездетны. А работает от Грудцына ж и доныне на трубе водолеем, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари. У него ж на подворье пескарь Семен Васильев. Жалованья берет по 2 алтына по 4 денги на полварь.

Во дворе Герасим Осипов 38 лет, женат, жена у него Стефанида Терентьева дочь 30 лет. Детей у него три сына, Семен 1 лет, Прокопий 3 лет, Яков дву недель. А работает он Герасим з бытности ж Грудцына

и доныне варит соль поваром, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Пимин Ефремов 70 лет, вдов, детей у него: сын Григорей 40 лет, женат, жена у него Акилина Петрова дочь 35 лет, детей у него дочь девица Мелания 12 лет. А работают они: Пимин льет на дчане з бытности ж во владенье Грудцына и доныне, а жалованья берет по 6 алтын по 4 денги на полварь, а Григорей работает на трубе в водолеях, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Леонтей Васильев 65 лет, женат, жена у него Ульяна Данилова дочь 60 лет, детей у него два сына: Степан 20 лет, женат, жена у него Марфа Васильева дочь 19 лет; другой Иван 10 лет, холост; пасынок Ермола Михайлов сын 40 лет, женат, жена у него Устинья Иванова дочь, детей у него сын Андрей 6 лет. А работают: сын ево Степан работает на трубе льет, жалованья брал по 7 алтын по 2 денги с полвари, а пасынок Ермола варит соль подварком, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари. А он Леонтей живет без работы.

Во дворе Еремей Старицын 40 лет, женат, жена у него Парасковья Иванова дочь, детей у него: сын Тимофей 6 лет, три дочери девицы: Евфимья 10 лет, Федора 7 лет, Марфа 1 году. А работает он Еремей со владенья Грудцына и доныне льет на трубе водолеем, по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Семен Ильин 40 лет, женат, жена у него Ирина Иванова дочь 45 лет. А живет он ныне за скорбью без работы. У него ж живет на подворье зять ево Мартын Мартынов сын 40 лет, жена у него Агрепена Семенова дочь, детей у него два сына, Павел 5 лет, Марко 4 лет. А работает он Мартын со владенья оного ж Грудцына и доныне льет на трубе водолеем. Жалованья берет по 7 алтын по 2 денги на полварь.

Во дворе Василей Терентьев 80 лет, женат, жена у него Акилина Иванова дочь; детей у него: сын Афонасей 35 лет, женат, жена у него Фекла Фирсова дочь, детей у него сын Василей 10 дней. А он Василей Терентьев без работы, а Афонасей работает з Грудцына ж владенья и доныне работает на трубе в водолеях, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари.

Во дворе Андрей Васильев 45 лет, женат, жена у него Варвара Тихонова дочь 40 лет, детей: сын Андрей ... лет, дочь девица Анна 10 лет. А работает он Андрей от бытности ж владенья Грудцына и доныне у соляного варенья в соловарах, жалованья берет по 7 алтын по 2 денги с полвари. У него ж живет на подворье Ярофей Кирилов 40 лет, жена у него Акилина Миниева дочь 40 ж лет, детей: сын Артемей 7 лет, дочь девица Матрена 9 лет. Работает со владенья Грудцына ж и доныне у соляного варенья на трубе в водолеях, жалованья берет по 7 алтын по 2 деньги на полварь.

Половники

Во дворе Мирон да Карп Леонтьевы дети. Мирон 35 лет, женат, жена у него Парасковья Петрова дочь, детей: дочь девица. Карп 30 лет, женат, жена у него Овдотья Назарова дочь, детей у него: сын Андрей полутора года, дочь девица Анна полугода. А пашут оне казенную усольскую землю исполу, севу бывает: ржы по полторы четверти, овса по пяти четвертей в год. Ис приполонного хлеба отдает он приказчикам в казенной анбар половину. А начали они работать в половниках з бытности владенья Грудцына ж на срочные на пять лет, с 709-го по 714-й год.

Во дворе половник Семен Захаров, 30 лет, женат, жена у него Матрена Макарова дочь 25 лет, детей у него: сын Григорей 2 лет. Пашет казенную ж землю, севу в год бывает как и у вышеписанного ж Миро-

на хлеба ржы и овса, и отдает к приказщиком половинного хлеба и срочное число против того ж.

Во дворе половник Степан Юдин 55 лет, женат, жена у него Мавра Вахрамеева дочь 50 лет, детей у него два сына, Михайло 30 лет, женат, жена у него Настасья Петрова дочь 20 лет, детей у него: сын Иван 2 лет; брат у него Тимофей 8 лет. А пашни севу и срочное житье и отдача приполонному хлебу как и у Мирона Леонтьева с товарыщи.

Во дворе половники Меркурей Иванов 35 лет, женат, жена у него Александра Федорова дочь, детей у него дочь девица Евдокея 9 лет. Антон Лукин 40 лет, вдов, детей у него две дочери девицы, Ульяна 10 лет, Екатерина 5 лет. Пашни за ними и срочное число и отдача хлеба тож число, как и у Мирона Леонтьева с товарыщи.

Во дворе половник Иван Исаков 30 лет, женат, жена у него Федосья Вавилова дочь, детей два сына, Алексей 6 лет, Кирило полугода. Пашни и севу за ним и срочное число то ж, как и у вышеписанных.

Во дворе половник Иван Максимов 40 лет, женат, жена у него Агрепена Васильева дочь. У него ж племянник Федор 25 лет, женат, жена у него Василиса Созонова дочь. Да у него ж Ивана пасынок Илья 15 лет, холост. А пашни за ним Иваном и отдачи хлеба и срочное число, как и у других.

Во дворе половник же Матфей Логинов 50 лет, женат, жена у него Оксенья 40 лет, сын у него Игнатей 25 лет, женат, жена у него Капотелина Иванова дочь. Казенной пашни за ним Матфеем и срочное число и хлеба и сев и отдача приполон как и у вышеписанных Мирона с товарыщи.

Во дворе половник Василей Гаврилов 55 лет, жена у него Наталья Самойлова дочь 50 лет, детей у него четыре сына, Федор 30 лет, женат, жена у него Дарья Прокофьева дочь, детей два сына, Гаврило 4 лет, Григорей 2 лет. У него ж Вавилы сын Илья 25 лет, женат, жена у него Акилина Иванова дочь 20 лет, бездетен. Андрей 15 лет, холост, Иван 7 лет. Пашни за ним Васильем ржы на две четверти с четверти с четвериком, овса по семи четвертей в год, а приполон отдает и срочное число как и в вышеписанных.

Во дворе половник Костянтин Васильев 50 лет, женат, жена у него Софья Нестерова дочь 40 лет, детей у него три сына: Никита 30 лет, женат, жена у него Ирина Афонасьева дочь 20 лет, детей у него три сына, Иван 9 лет, Карп 4 лет, Максим полугода. У него ж Костянтина сын Федор 20 лет, женат, жена у него Евдокея Тарасова дочь 20 лет, детей у него: сын Василей шти недель, дочь Анна годовая. Василей Костянтинов 15 лет, женат, жена у него Василиса Сидорова дочь 18 лет. А пашенной казенной за ними земли на рожь на три четверти, овса на 7 четвертей с четвериком на год, а приполонной хлеб и срок оное ж число, как и протчим выше сего.

Во дворе половник Антон Васильев 60 лет, женат, жена у него Анна Корнилова дочь 50 лет. Детей у него: сын Родион 30 лет, женат, жена у него Агафья Яковлева дочь, детей у него: сын Яков 2 лет, три дочери девицы, Овдотья 10 лет, Марья 6 лет, Акилина 4 лет. А пашенной казенной земли и севу и отдачи приполону и срочное число тож против Мирона Логинова.

Во дворе половник Семен Федосиев 60 лет, женат, жена у него Марья Степановна дочь 50 лет. Детей сын Федосей 35 лет, женат, жена у него Овдотья Андреева дочь 40 лет, детей у него сын Иван 14 лет, холост. Пашенной казенной земли за ним Семеном против того ж Мирона и отдача приполонного хлеба к прикадчиком и срочное житье ево в половниках тож число.

По листам: Прикащик Алексей Холодилов руку приложил.

ЛОИИ, ф. 84, Меншиковых, оп. 1, № 20, лл. 1—18.

П. А. Колесников

МИГРАЦИЯ СЕВЕРНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XVI — начале XVIII в. [1]

О роли черносошного крестьянства Европейского Севера в заселении и освоении Зауралья и Сибири мы находим обширный материал в сибиреведческой литературе. Имеются интересные работы и по вопросам миграции населения в отдельных уездах Поморья. Это исследование Н. В. Устюгова о солеваренной промышленности Приуралья, в котором дана широкая картина притока населения в Соликамский уезд в XVII — нач. XVIII в., работы А. А. Преображенского, А. И. Комиссаренко и др. по миграции населения главным образом в уездах Восточного Поморья [2].

Но специальных обобщающих работ по миграции северного крестьянства в XVI—XVIII вв. до сих пор нет. Остается ряд сторон миграционных процессов пока еще слабо затронутых в научной литературе.

В данной статье поставлена задача изучить миграционные процессы на территории всех поморских уездов, причем, рассмотреть их на фоне развития аграрных отношений в стране и в крае черносошного крестьянства с примыкавшим к нему Вологодским уездом.

Фронтальное изучение миграционных процессов в столь широких хронологических рамках потребовало и соответст-

[1] Доклад на эту тему сделан автором на XI сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Одессе в ноябре 1969 г. Дается в сокращении.

[2] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957; Его же. Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. V, М., 1962; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Зап. Урала в XVII — нач. XVIII в., М., 1956; Его же. К вопросу о миграциях населения на Урале и в Зап. Сибири в XVII — нач. XVIII в. — «Вопросы аграрной истории Урала и Зап. Сибири», Свердловск, 1966, стр. 72—86; А. И. Комиссаренко. Вятское крестьянство в 20—60-е гг. XVIII в. Автореферат, М., 1966; А. С. Черевань, Формирование сословия гос. крестьян на Урале и Европейском Севере России. Петрозаводск, 1960 и др.

вующей источниковедческой базы. Основой ее, кроме различного актового материала, послужили писцовые и переписные книги конца XVI — нач. XVIII в. [3].

Необходимо отметить сложность работы с этими источниками. Она заключается в том, что только некоторые переписные книги, составленные во время ландратской переписи 1710—1717 гг., дают сводные итоговые материалы о времени и причинах пустоты, о судьбах людей, выбывших из пустых и живущих дворов. Поэтому пришлось провести чрезвычайно трудоемкую работу — выбирать необходимые сведения из писцовых и переписных книг.

* * *

Одним из показателей миграционных процессов является дворовая пустота. Наш конкретный анализ мы и начнем с изучения ее эволюции.

Сохранившиеся сотные с писцовых книг северных волостей и уездов с конца XV в. до 70-х годов XVI столетия показывают, что пустота здесь была еще незначительной. Так, в Шунгском погосте в 1496 г. в 149 деревнях со 168 дворами не было ни одного пустого двора, в этом погосте не было ни одной пустоши, зато в числе живущих деревень было 10 починков. В 1563 г. здесь уже 14 пустых дворов и мест дворовых (9,0% к числу всех дворов) [4]. По Устьянским волостям в 1554 г. удельный вес пустых дворов к числу жилых составил всего 5,0%. В Кодимской волости Подвинской чети Важского у. (позже Кодимская и Селецкая волости) в 1565 г. на 123 живущих всего три пустых двора, или 2,3%. Здесь 53 деревни, 7 починков, 3 селища и только одна пустошь [5]. Такая устойчивая оседлость северного населения в XV — первой половине XVI в. подтверждается и сведениями о земельных угодьях. В этот период пустующих заброшенных пахотных и сенокосных угодий еще чрезвычайно мало.

Конечно, само по себе отсутствие «пустоты» еще не всегда безусловный показатель и отсутствия миграции населения. Известно, что и до середины XVI в. Восточное Поморье заселялось выходцами из более западных уездов самого же Поморья. Тогда как же объяснить малую «пустоту», устойчивую оседлость? Допустимо предположить, что до середины XVI в. уезды раннего освоения Севера были такими же

[3] Общий источниковедческий анализ северных писцовых книг дан в статье П. А. Колесникова. — «Ученые записки» Вологодского государственного педагогического института, т. 32, вып. 2, Вологда, 1967, стр. 134—150 и статья автора в данном сборнике, стр. 182—196.

[4] Подсчеты сделаны по книге М. В. Витова «Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв.» М., 1962.

[5] ЛОИИ, Колл. 11, оп. I, № 153. Статья публикуется впервые Ю. В. Васильевым в этом же сборнике, стр. 381—397.

перевалочными районами для мигрировавшего сюда населения из Центра и Новгородской земли, какими позже сами восточные уезды стали для населения, направляющегося в Сибирь. Новые пришельцы в Заонежье, Подвинье, В. Устюг уже в XV в. находили все меньше свободных наиболее удобных для сельского хозяйства земель и уходили дальше. «Старожильцы» же западных уездов еще прочно удерживали свои позиции в северной деревне с ее долевым землевладением. Они отнюдь не намерены были бросать свои дворы и угодья из любви к бродяжничеству, которая так настойчиво приписывалась русскому крестьянству представителями дворянско-буржуазной историографии. В нашем распоряжении нет писцовых книг XVI в. по восточным уездам, району более позднего заселения и освоения. Но и без этого можно априорно утверждать, что без серьезных оснований крестьянин и здесь не забрасывал двор и земельные угодья, освоенных с таким неимоверным трудом.

Известно, что после присоединения Русского Поморья к Московскому княжеству и ликвидации землевладения новгородских бояр в этом районе стала складываться та система феодальных отношений, зародившаяся еще в новгородский период, которая известна под именем «государственного феодализма» [6]. Северный черносошный крестьянин в XV—XVI вв. продолжал, нужно сказать, не без успеха, вести борьбу против закрепощения, за прерогативы быть владельцем и распорядителем земельных угодий [7]. Да и природно-географические условия, как ни суровы они на Севере, предоставляли в распоряжение землевладельца еще удобные площади для заселения и занятия земледелием и животноводством (богатые по естественному плодородию заливные луга, наличие еще не освоенных безлесных или малолесных полянок по берегам рек и озер, требующих меньших усилий для росчистей и др.). И потому до XVI в., особенно в ранних районах колонизации, шло довольно интенсивное заселение и освоение русского Севера. Это подтверждается и тем, что абсолютное большинство сельских поселений возникало здесь в XIV—XVI вв.

Примерно с конца XVI в. начинается следующий период освоения и заселения Европейского Севера Русского государства. С этого времени стали отчетливо создаваться те условия, которые ускоряли образование пустоты в северных посадах и уездах, приводили к вынужденной необходимос-

---

[6] В. И. Ленин брал это понятие в кавычки, подразумевая под этой системой феодальных отношений не основной тип закрепощения; основным является помещичий феодализм.

[7] Н. Н. Покровский. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами. — «Освоение Сибири в эпоху феодализма». Новосибирск, 1968, стр. 13—19.

ти забрасывать земельные угодья, промыслы, свои дворы и уходить в новые края.

Большое влияние на ускорение этих процессов оказали ряд факторов, в том числе открытие во второй половине XVI в. оживленного движения от Вологды по Сухоне и Северной Двине к Белому морю, к этому единственному тогда «окну в Европу», присоединение Западной Сибири, куда шли пути, начинавшиеся также от Вологды. Это способствовало расширению промыслово-торговой деятельности, развитию товарно-денежных отношений, усилению имущественного неравенства как на посадах, так и в деревне.

Этот второй период, продолжавшийся до последней трети XVII столетия, характерен также тем, что поступательное движение в развитии паровой системы земледелия в форме трехполья, а также агротехники того времени, дальнейшее совершенствование орудий обработки и уборки хлебов приостановилось или чрезвычайно замедлилось. После этого в течение трех столетий мало что изменилось. Археологи, историки, этнографы накопили обильный материал, подтверждающий выше сказанное. К XVII веку укрепила позиции паровая система земледелия в форме трехполья, а подсека в большинстве уездов осталась лишь средством расширения площадей под сельское хозяйство. Соха с полицей, появившаяся еще в XIV в., оказала решающее влияние не только на переход к паровой системе земледелия, но и на дальнейшее развитие земледелия по восходящей линии. В XVII в. соха получает новое радикальное усовершенствование. Появилась соха-косуля, сыгравшая положительную роль в земледельческом хозяйстве. Но на сохе-косуле по существу и завершается коренное усовершенствование пахотных орудий в лесной полосе страны. Серпы зазубренной формы, косы-горбуши и вошедшие в практику еще в XVI в. косы-литовки — вот на чем остановилось дальнейшее развитие орудий уборки хлебов и сена. Такая же картина и с другой сельскохозяйственной техникой. Кичига и цеп — орудия молотьбы, завершили свою эволюцию уже в эпоху Киевской Руси, веяние лопатой и решетом оставалось у северного крестьянства до социалистических преобразований, ветряные мельницы известны в XV в., а водяные—с XVII в. Основные приемы агротехники, применявшиеся при паровой системе земледелия в форме трехполья, также определились в XV—XVI вв. и затем довольно медленно совершенствовались [8].

Опричнина и хозяйственное разорение 70—80-х годов XVI в. оказали меньшее здесь свое разрушительное дейст-

[8] В. П. Левашева. Сельское хозяйство. — «Труды ГИМ, т. 32, М., 1956, стр. 20—75; «Русский Историко-этнографический атлас (середина XIX—нач. XX в.)» М., 1967.

вие, но все же полностью и Север не избежал этого влияния. Это подтверждается ростом удельного веса пустых дворов, увеличением количества пустошей. Так, по нашим подсчетам, в 1586 г. по Яренскому у. пустые дворы по отношению к жилым составили уже около 14% [9].

Дворовая пустота и ее удельный вес по отношению ко всем дворам в 20-х годах XVII в. показана в табл. 1.

Таблица 1

Дворовая пустота в I четверти XVII в. [10]

Уезды	Общее кол-во дворов	Из них				% пустых к числу всех дворов	Примечание
		жилых	пустых				
			дворов	дворов. мест	итого		
1. Кеврольский	1657	1649	3	5	8	0,5	
2. Мезенский	1023	1004	19	—	19	1,8	
3. Устьянские волости	1944	1887	42	15	57	2,8	
4. Устюжский	7336	7084	228	24	252	3,4	
5. Тотемский	2643	2530	73	40	113	4,3	
6. Важский (Шенкурская четь)	1128	1076	4	48	52	4,6	
7. Шунгский погост	441	416	14	11	25	5,6	
8. Заозерская половина Вологодского уезда	3800	3477	248	75	323	8,5	
9. Сольвычегодский	4436	4031	355	50	405	9,1	
10. Орловский	732	644	88		88	12,0	
11. Хлыновский	3231	2833	344	54	398	12,2	с посадом
12. Двинский	3753	3261	235	257	492	13,1	
13. Яренский	2868	2469			439	15,6	
14. Шестаковский	728	522	147	59	206	28,3	
15. Слободской	2030	1298	429	303	732	31,8	
	37750	34141	2229	941	3609	9,5	

Как видим, количество забрасываемых дворов и угодий особенно велико в восточных уездах, в Вятской земле (от 12 до 31,8%). К сожалению, нет вполне достоверных данных по Соликамскому и Чердынскому уездам, но судя по пустоте в соседствующем Яренском у., там была также высокая

[9] Сотные и писцовые книги по этому уезду публикуются А. А. Зиминым и А. И. Копневым в этом сборнике.

[10] Сведения из писцовых книг только по черносошным волостям.

текучесть населения. Казалось бы, что это вступает в противоречие с общим довольно бурным и нарастающим процессом заселения и освоения восточного Поморья в конце XVI — начале XVII в. В это время в вятских уездах и двух приуральских было учтено 1502 починка и займища, или 47,1% новых поселений к общему числу всех населенных пунктов. Видимо, хлынувшие массы мигрировавших крестьян из центрального и западного Поморья в эти перевалочные уезды на пути в Зауралье и Сибирь содействовали возникновению новых поселений. Но этот же поток, продолжая двигаться дальше, подхватывал не только непрочно осевшие контингенты пришлого люда, но и старожилов. В группу уездов с высоким процентом пустых дворов попал и Двинский, в котором ранее других стали складываться те социально-экономические отношения, которые начали выталкивать экономически мало устойчивые хозяйства.

С последней четверти XVII в. начинается новый период, который характерен более быстрым увеличением дворовой и земельной пустоты. По материалам переписи 1678 г. количество пустых дворов и мест дворовых увеличилось примерно в два раза. Но прямо катастрофически начала расти пустота в начале XVIII в. Речь идет не об уменьшении количества жилых дворов, чему так неоправданно поверили П. Н. Милюков и др. [11]. Уменьшение было фиктивным, результатом массовой утайки от учета. Мы говорим о реальном увеличении дворовой пустоты.

В этот период черносошные крестьяне продолжали еще бороться против закрепощения, за право распоряжаться землей, за самоуправление. Но феодальное государство уже в XVII в. фактически одержало победу, которая была юридически закреплена петровскими указами 1719—1725 гг., межевыми инструкциями 1754 и 1766 гг., передачей в 1775 г. черносошных крестьян в ведение казенных палат, реформой П. Д. Киселева в первой половине XIX в.

Известно, что первая четверть XVII в. является и начальным этапом разложения долевой деревни, что убедительно доказала А. А. Ефименко [12]. Развитие товарно-денежных отношений в целом в стране и особенно в промыслово-ремесленном и торговом Поморье оказывало влияние не только на разложение долевой деревни, но и на разложение одиначеско-артельной организации земледельческой и

---

[11] П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 184—218; В. М. Клочков. Население России при Петре Великом по переписи того времени, т. I, СПб., 1911, ч. 3 и 4.

[12] А. Я. Ефименко. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. — Исследование народной жизни. Вып. I, М., 1884, стр. 185—380.

промысловой деятельности. В районах старого заселения и освоения (Двинский, Важский, Устюжский и другие уезды) удобные участки земель давно уже были распаханы. Встала дилемма вторжения в лесные массивы. Но это повышало трудоемкость освоения новых площадей в несколько раз. Требовалось дальнейшее усовершенствование системы земледелия, сельскохозяйственных орудий и агротехники.

В этих условиях многие крестьяне разорялись, забрасывали с таким трудом разработанные угодья, бежали добровольно «безвестно» и в сибирские города, выталкивались волостными мирами «по просьбе» и без таковой, искали приложение своих сил в местных промыслах. Многие из уходивших по правительственной мобилизации на работу там умирали или навсегда оставались работными людьми.

И дворовая пустота продолжала увеличиваться. Нарушалась существовавшая в первые века освоения Севера устойчивая оседлость. Новые поселения, особенно в восточной части Поморья, росли как грибы, но с такой же краткосрочностью грибной жизни прекращали свое существование.

По переписям 1707—1717 гг. удельный вес пустых дворов выглядит так (табл. 2).

Таблица 2

Дворовая пустота в 1707—1717 гг.

Уезды и год переписи	Всего дворов	Из них:		% пустых дворов	Примечание
		жилых	пустых		
Яренский в 1710 г.	1921	1497	424	22,0	не весь уезд.
Мезенский в 1717 г.	1546	967	579	31,4	
Устьянские волости в 1717 г.	2015	1122	893	44,3	
Вотчина Строгановых в 1715 г.	10446	5589	4857	46,5	
Чердынский в 1707 г.	3658	1658	2000	54,8	
Подвинская четь Важского у. в 1717 г.	2709	1224	1485	54,8	
Кубенская треть Вологодского у. в 1710 г.	4846	1966	2880	59,4	
Каргопольский	8633	3361	5272	61,1	
	35774	17384	18390	51,3	

В сравнении с первой четвертью XVII в. удельный вес пустых дворов поднялся более чем в три раза. Позже, к середине XVIII в., особенно к началу следующего столетия феодальному государству удастся стабилизировать положение, закрепить и северного крестьянина за общиной с круговой порукой за каждого человека. Крестьянин не «бежал безвестно», а уходил по «билету» и паспорту в отхожие промыслы, и двор при этом не считался пустым. Да и бежать стало некуда. В Сибири волна народной колонизации докатилась до берегов восточных морей. И легенда о «лучшей жизни» за Уральским каменным поясом давно развеялась. Но это было все позже. А пока, в начале XVIII в., северный крестьянин все еще надеется найти «обетованную землю», и бежит, «сходит», скитается, а многие мобилизованные умирают на набережной Невы и в далеком Таганроге...

Перейдем к анализу причин запустения и миграции.

* * *

П. Н. Милюков и М. В. Клочков запустения дворов и угодий в Поморье в конце XVII — начале XVIII вв. объясняли влиянием правительственной политики (мобилизации в солдаты и на работу), естественными причинами (смерть), результатом «разбойничества», побегов. Социально-экономические причины в этих рубриках отсутствовали, что, безусловно, не верно. Эти причины как раз и были решающими. Возьмем запустевшие дворы по «естественным» причинам (а у Милюкова это 29%)[13]. Это не выморочные дворы в результате смерти всех жителей двора, как он предполагал. Таких дворов сравнительно немного. В большинстве случаев было так, что смерть главы семьи в силу слабой экономической состоятельности хозяйства приводила вскоре к полному разорению и запустению двора. «Разбойничество» и побеги были не причиной образования пустоты, а следствием разорения, обнищания крестьянства.

В таблице 3 дана группировка причин запустения дворов и выбытия людей. Учтено выбытие более 90 тысяч душ м. п., примерно из 30 тыс. пустых дворов и нескольких тысяч жилых. Из 23 северных уездов источники позволили сделать выборки по 16 уездам, которые сгруппированы по трем районам Поморья. Северо-западную группу уездов (Олонецкий, Крагопольский уезды и Чарондская округа) роднят историческое прошлое, природные условия, а также и то, что все они в начале XVIII в. были приписаны для корабельных работ к Адмиралтейству. Сюда нужно было бы отнести и Кольский уезд, но сведений по этому уезду у нас нет.

[13] П. Н. Милюков. Указан. соч., стр. 205.

Таблица 3

Причины крестьянской дворовой пустоты и выбытия населения в конце XVII — нач. XVIII вв. (душ. м.п.)

Причины \ Уезды	Северо-западные уезды				Центральные уезды (вдоль Сухоно-Двинского речного пути)						
	Олонецкий	Каргопольский	Чаронда	итого	Вологодский	Устюжский	Сольвычегодский	Устьянские волости	Важский	Двинский	Итого
1. Смерть главы семьи и разорение двора	1787	1368	554	3709	1797	2236	9148	3052	9536	1103	26872
2. Обнищание	10020	1787	527	12334	1528	1083	4999	2429	4781	2751	17571
3. Переход на посад, в другие сословия		38	—	38	292	512	345	10	140	302	1601
4. Разорение в результате правительственной мобилизации:											
а) на работы	17	1326	642	1985	692	75	149	205	938	157	2216
б) в армию	15	127	77	219	675	133	358	273	952	118	2509
Итого	11839	4646	1800	18285	4984	4039	14999	5969	16347	4431	50767

Продолжение

Причины \ Уезды	Северо-восточные и восточные уезды								Всего	% к общему числу
	Кевроль-ский	Мезенский	Слобод-ской	Орлов-ский	Шеста-ковский	Яренский	Соликам-ский	итого		
1. Смерть главы семьи и разорение двора	210	770	420	468	31	108	1343	3350	33931	35,8
2. Обнищание	328	1059	2505	775	334	213	14870	20084	49989	52,8
3. Переход на посад, в другие сословия	31	115	9	33	—	3	293	484	2124	2,2
4. Разорение в результате правительственной мобилизации:										
а) на работы	60	141	33	93	9	216	43	595	4796	5,1
б) в армию	1	112	42	24	21	93	821	1114	3842	4,1
Итого	630	2197	3009	1393	395	633	17370	25627	94679	100

Шесть уездов Центрального Поморья, расположенных вдоль Сухоно-Двинского речного пути (Вологодский, Устюжский, Сольвычегодский, Устьянские волости, Важский, Двинский), наиболее полно представляют этот район Поморья, нет сведений только по Тотемскому уезду.

Из-за отсутствия сведений по многим приуральским, вятским и северо-восточным уездам пришлось все остальные семь (из 16) объединить в одну группу [14].

Не все источники представленных в таблице уездов позволили получить полные сведения за время с 1678 по 1717 годы. По Важскому уезду нет Кокшеньгской чети, по В. Устюгу и Каргопольскому уездам получены материалы лишь по нескольким станам и волостям, по Соликамскому уезду в основном сведения по вотчинам Строгановых да и то за 4 года, с 1711 по 1715 годы. По Кеврольскому, Орловскому, Слободскому, Шестаковскому, Каргопольскому уездам получены сведения о судьбах только дворовладельцев. И для приведения их к одним показателям в душах мужского населения сведения переписных книг утроены, считая на запустевший двор по 3 д. м. п.

В первую группу мы внесли все случаи запустения дворов, когда причиной пустоты источники определяли смерть дворовладельца. Это, кончено, не первопричина, а лишь один из факторов, который ускорял разорение хозяйства. Сколь же велика была неустойчивость значительной части крестьянских хозяйств в условиях феодализма того времени, когда достаточно было смерти главы семьи, чтобы двор закладывался, продавался, а то и просто забрасывался, а люди разбредались! Не всегда переписные книги дают сведения о судьбах жителей такого двора. В большинстве случаев, когда источники содержат данные, эти люди бродят по миру, уходят в соседние уезды и в Сибирь.

Необходимо выделить еще такую особенность. В XVI — начале XVII в. обнищание в результате смерти главы семьи редко отмечалось в источниках. А в период с 1678 по 1710 годы не менее одной трети всех запустевших дворов было вызвано смертью главы семьи.

В нашей таблице дано все учтенное источниками мужское население, выбывшее в основном из пустых дворов. Только 2,2% мужского населения из запустевших дворов перешли на посад, в другие сословия, в дворы других деревень своего уезда. Около 10% мужчин было мобилизовано, умерло или по разным причинам домой не вернулось, в то вре-

[14] По вопросу о районировании Русского Поморья применительно к условиям XVI — начала XVIII вв. в литературе единого мнения нет. Мы считаем возможным выделить 5 природно-географических и социально-экономических районов: Северо-западный, Центральный, Северо-восточный, Вятский и Приуральский.

мя как семья обнищала и забросила свой двор и свои угодья. В графу «обнищавших» включены все разорившиеся по различным причинам (52,8%). Сюда же отнесены все разорившиеся и забросившие свои дворы после мобилизации взрослого мужского населения на работы и в армию.

Дворовая пустота начала особенно быстро увеличиваться в последней трети XVII в., еще задолго до Петровских войн и преобразований, главным образом под влиянием социально-экономических факторов. Мобилизация населения для армии и строительства городов, заводов, верфей при Петре I ускоряла процесс имущественного и социального неравенства, создавала благоприятные условия для обнищания одних и обогащения других.

* * *

Попытаемся теперь проследить направления миграции. Безусловно, что основной поток уходившего крестьянства двигался в восточном направлении.

Например, писцовая книга Яренского у. 1608 г., показывающая убыль населения за период с 1586 г., особенно это ярко отразила. Из 116 случаев, учтенных источником, в Сибирь ушло 47 или 40,5%, в Пермь, на Вятку, в «Верхкамье» — 41, или 35,3%, а всего 75,8%. Отмечено еще 20 человек сошедших «безвестно», а они в основном также уходили в восточном направлении. В Замосковные города выход из этого уезда не отмечен, только один человек ушел в северо-западное Поморье, на Двину.

Не снижается интенсивность миграции в восточном направлении до 80-х годов XVII в. Это достаточно убедительно отражено в переписных, «крестоприводных книгах» (т. е. книгах, содержащих перечни людей, приводившихся к присяге после вступления на престол нового царя), и в различном актовом материале. Так, по не полностью сохранившейся крестоприводной книге Чердыни 1682 г. учтено 162 пришлых «гулящих» людей, в том числе 130 указали места выхода, из них: 27 важан, 18 устюжан, 11 пинежан, 5 вологжан, 7 — из Усольского у., 7 — из Двинского, Мезенского и Каргопольского уездов, а всего из северных и центральных поморских уездов 109 человек, или 83,8% [15].

В соседнем Соликамском у. за 1647—1678 гг. учтено 808 прибывших людей, в том числе из Поморских уездов 746 (92,4%). Из числа поморских людей 370 пришли из уездов центрального и северного Поморья (50%), и остальные — из вятских городов, Яренска и Чердыни [16]. По подсчетам В. П. Червякова за время с 1678 по 1726 годы по

[15] ЦГАДА, ф. 137, Город. кн. Чердыни, № 4, 1682 г.

[16] Подсчеты сделаны по кн. Н. В. Устюгова, соч., стр. 188.

этому же уезду учтено с указанным местом выхода 1260 человек, из них поморян 1139 человек (90,4%), в числе же самых поморян из центральных и северных уездов — 722 чел. (63,4%) [17]. Таким образом, не только интенсивность прилива населения в этот уезд из Поморья не снижается, но и районы выхода пришельцев остаются прежними.

В таблице № 4 сведены собранные материалы о миграции сельского населения 16 уездов. Сюда вошли выбывшие по некоторым уездам и из жилых дворов [18]. Умершие главы семей запустевших дворов в эту таблицу не включены. Всего выбывших за пределы уезда и скитающихся по миру учтено 60 748 душ м. п.

В таблице выделены две основные группы, покинувших дворы и угодья. В первую группу включены все, кто выбыл за пределы уезда, записался в половники, ушел скитаться по миру под воздействием социально-экономических условий, складывавшихся непосредственно внутри крестьянских волостных миров. Их учтено 51 668 чел., или 85,1%. Причем, в этой группе выделены те, кто еще не покинул уезда. Это скитающиеся по миру, работающие после разорения по найму, записавшиеся в половники и т. д. Их 29,4% к общему числу всех выбывших. Основная же масса выбыла за пределы уезда, в том числе ушло в соседние поморские уезды 2,4%, сошло в Сибирь 8,5%, а 44,1% всех убывших сошли и бежали «безвестно». Абсолютное большинство таких «безвестных» из северо-западных и центральных уездов бежали в восточные, а из восточных уездов в Сибирь. Всего выбыло за пределы уездов 55,7%. Чем восточнее уезд, тем большее число людей направляется в Приуралье и Сибирь. Например, из северо-западных уездов удельный вес крестьян, направившихся в Сибирь, составил всего 0,4%, из центральных уездов — более 7%. Из Соликамского уезда абсолютное большинство безвестно бежавших направлялось в Сибирь. Если объединить в нашей таблице § 3 и 5, то уход в Сибирь из северо-восточных, вятских и приуральских уездов составит 16 252 чел., или 26,7% к общему числу выбывших душ м. п.

Незначительное число крестьян уходило в Замосковные города. Черносошного крестьянина, считавшего себя свободным, не манили районы государства с тяжелой формой крепостничества.

Во вторую группу сведены выбывшие навсегда в результате правительственной мобилизации. Это 14,9% всех выбывших. Большой интерес представляет та группа, которая мобилизована на работу и домой не возвратилась. С переселен-

[17] Статья В. П. Червякова печатается в данном сборнике.

[18] Интенсивность выбытия из жилых дворов все время нарастала, к сожалению, источники многих уездов не отражают этот процесс.

Таблица 4

Миграция сельского населения в конце XVII — нач. XVIII вв.

Направление миграции	Северо-Западные уезды				Центральные уезды (вдоль Сухоно-Двинского речного пути)						
	Олонецкий	Каргопольский	Чаронда	итого	Вологодский	Устюжский	Сольвычегодский	Устьянские вол.	Важский	Двинский	итого
I.											
1. Передвижение внутри волости — уезда											
а) скитаются в мире	4020	147	213	4380	435	233	716	547	963	1490	4384
б) записались в половники	—	—	—	—	—	478	145	—	230	270	1123
в) перешли на другие жеребья и другие передвижения внутри волости — уезда	—	742	26	768	292	407	1667	268	806	279	3719
2. Ушли в соседние поморские уезды	—	32	15	47	—	143	287	219	357	142	1148
3. Сошли в «Сибирские города»	—	153	81	234	—	139	1738	886	1288	27	4078
4. Сошли в Замосковные и другие уезды	—	3	—	3	—	—	79	36	37	226	378
5. «Сошли» и «бежали» безвестно	6000	748	192	6940	801	261	712	483	1541	698	4496
Итого	10020	1825	527	12372	1528	1661	5344	2439	5222	3132	19326
II. Выбыли навсегда в результате правительственной мобилизации											
1) умерли на работах в разных местах	—	1099	539	1638	—	52	100	168	665	64	1049
2) переселены на «вечное житье в С.-Петербург»	—	—	7	7	18	13	3	12	30	61	137
3) Мобилизованы на работу и домой не вернулись	17	227	96	340	674	10	46	25	245	60	1060
4) Взяты в армию	15	227	77	319	675	733	558	373	949	113	3406
Итого	32	1553	719	2304	1367	808	707	578	1889	303	5652
Всего	10052	3378	1246	14576	2895	2469	6051	3017	7111	3435	24978

Продолжение.

Направление миграции	Северо-восточные и восточные уезды								Всего	% к общему числу
	Кевроль-ский	Мезенский	Яренский	Слободской	Шестаков-ский	Орловский	Соликам-ский	итого		
I.										
1. Передвижение внутри волости — уезда										
а) скитаются в мире	36	69	12	330	26	24	1895	2392	11156	18,4
б) записались в половники		93	9	33	—	24	26	185	1308	2,2
в) перешли на другие жеребья и другие передвижения внутри волости — уезда	58	156	24	212	62	114	195	821	5308	8,8
2. Ушли в соседние поморские уезды	6	36	21	117	13	21	92	306	1501	2,4
3. Сошли в «Сибирские города»	211	338	45	120	63	—	102	879	5191	8,5
4. Сошли в Замосковные и другие уезды	—	7	—	—	—	8	1	14	395	0,7
5. «Сошли» и «бежали» безвестно	51	553	51	1680	180	273	12585	15373	26809	44,1
Итого	359	1252	162	2492	344	462	14896	19970	51668	85,1
II. Выбыли навсегда в результате правительственной мобилизации										
1) умерли на работах в разных местах	—	121	18	17	5	12	43	216	2903	4,8
2) переселены на «вечное житье в С.-Петербург»	—	6	—	—	—	—	—	6	150	0,2
3) Мобилизованы на работу и домой не вернулись	60	14	39	26	15	81	—	235	1635	2,7
4) Взяты в армию	10	112	36	52	18	24	415	667	4392	7,2
Итого	70	253	93	95	38	117	458	1124	9080	14,9
Всего	432	1505	255	2587	382	579	15354	21094	60748	100

цами на «вечное» житье в столицу таких учтено 1 785 чел. Большинство из них остались на новых местах, порвав навсегда с северной деревней, пополняя кадры наемных работников, затем участвуя в формировании кадров предпролетариата России. И это в основном только из запустевших дворов (семьи этих людей обнищали и разорились).

Значительно больше невозвращенцев было из семей в жилых дворах. Видимо, не будет преувеличением определить в целом для всего Европейского Севера России количество по разным причинам не возвратившихся мобилизованных в 5—7 тыс. душ м.п., а с учетом умерших на работах и переселенных на «вечное» житье в новую столицу и другие места — не менее 12—15 тыс. человек. И этот отлив падает в основном на конец XVII в. и на первые 15—17 лет следующего столетия, так как до этого времени, хотя мобилизация ремесленников из северных уездов и осуществлялась, но она была не столь значительной. В нашей таблице мобилизованные в армию показаны в основном только из тех дворов, которые после этого обнищали. Фактически взято значительно больше.

Проверка новой пустоты в 1671 г. по уезду Устюга Великого выявила, что за 50 лет было взято в солдатскую службу 2474 чел. [19]. В конце XVII — начале XVIII в. в армию было мобилизовано еще больше. По подсчетам П. Н. Милюкова в 1700—1709 гг. было взято в армию со всего государства не менее 200 тыс. человек [20]. А это почти 4—5% от всего мужского населения страны. Если взять такое отношение и к поморским уездам, то получается, что не менее 20 тыс. было взято в рекруты из Поморья только за эти 9 лет. Общее количество мужского населения, по разным причинам порвавшего связи с дворами и тяглыми угодьями, с конца XVIII в. и до первой ревизии можно примерно исчислить в 200 тыс. человек, или около 30% мужского населения Поморья [21].

* * *

Сведения о миграционных процессах на протяжении двух столетий дают основания сделать ряд обобщений и выводов.

Прежде всего, довольно ясно определяются периоды внутренней колонизации и миграций за пределы своих уез-

[19] ЦГАДА, ф. 137, Город, кн. по Устюгу Великому, д. 191, 1671 г.

[20] П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 131—133.

[21] Первой ревизией было учтено (без городов) на изучаемой территории примерно 450 тыс. душ. м.п. (В. М. Кобузан. (Народонаселение России в XVIII — первой половины XIX в., М., 1963). Общее количество мужского населения в 70-х годах XVII в. было около 400 тыс., до первой ревизии выбыло около 200 тыс. и учтено ревизией 450 тысяч.

дов и всего Русского Севера. Время до середины XVI в. можно считать периодом заселения и земледельческо-промыслового освоения в районах более ранней народной колонизации (Подвинье).

По нашим подсчетам из общей площади всех пахотных угодий, числившихся здесь в 1678 г., от 70 до 90% были пущены в хозяйственный оборот уже к началу XVI в. В XVI в. выход населения из ранее обжитых северных уездов значительно возрастает. На новые, необжитые земли Восточного Поморья, в вятские и приуральские уезды пошли не только «новоприходцы» западных уездов, но и «старожилы». С конца этого столетия отмечается уход и бегство непосредственно в Сибирь.

Конечно, внутренняя колонизация продолжается и в XVII в. Но уже давно минуло время «свободно-явочного» освоения наиболее благоприятных под пашню земельных площадей и богатых пушным зверем лесных участков. В это время характер и причины миграции населения, судьбы крестьян, бросавших свои дворы и угодья, начинают изменяться. К. Маркс в статье «Вынужденная эмиграция» указал на принципиальное отличие докапиталистической миграции от переселений эпохи капитализма. Мы не склонны приписывать миграционным процессам XVII в. капиталистические черты. Но конкретный материал массовых источников дает основание говорить о наличии сложного переплетения докапиталистических и новых черт. Новое заключается в том, что основной причиной миграции становилось не относительное перенаселение в связи с использованием фонда удобных для сельского хозяйства земель, а экономическая неустойчивость и разорение значительной массы крестьянства.

Правда, на миграцию сильно влияло медленное развитие производительных сил. (Здесь восходящая линия развития земледелия в основном обрывается уже в XVII в., о чем мы говорили выше). С другой стороны появился ряд весьма важных обстоятельств, вынуждавших крестьян бросать родные места. Прежде всего, это рост феодальной ренты, правительственная мобилизация, вообще усиление крепостного гнета со стороны феодального государства. И в результате разложение северной долевой деревни, долевого крестьянского землеведения, основательный подрыв уже в XVII в. так называемого «земского самоуправления», развитие в наиболее населенной и экономически развитой Двинской земле, а с конца XVII в. и в большей части Поморья новых тенденций в экономической жизни, которые «трудно охарактеризовать иначе, как постепенное зарождение в недрах старого феодального хозяйства Севера, особенно среди черносошного крестьянства, новых социальных

отношений, отношений в известной мере уже предбуржуазных» [22]. Подрывалась «мирская» организация, роль общины, усиливалось влияние на хозяйственную жизнь деревни и волости со стороны зажиточной части населения.

А. А. Преображенский, комментируя обнаруженные им отпускные письма, выдававшиеся в XVII в. на руки крестьянам, показавшим деревню, сделал интересное наблюдение о том, что среди массы «беглых» были не только самовольно ушедшие из общины, но и легально отпущенные люди [23]. В пользу такой точки зрения необходимо добавить, что по мере развития товарно-денежных отношений и растущего втягивания зажиточной части крестьян в производство продуктов сельского хозяйства на рынок, увеличивалось их стремление избавиться от экономически неполноценного тяглеца. К тому же владельцам торгово-земледельческих хозяйств было выгоднее захватить уже пущенные в пахотный и сенокосный оборот угодья и даже взять на себя часть платежей, чем расширять хозяйство за счет разделки лесных массивов.

Правительственная мобилизация взрослого мужского населения создавала зажиточной части крестьянства благоприятные условия для «чистки» северной деревни от количественно все возраставшего экономически неустойчивого населения. Волостные миры старались в рекруты и на работу посылать именно такой элемент. В 1671 г. по заданию правительства в Устюжском у. «досматривалась новая пустота». В результате вырисовывается яркая социальная сторона «выбраковки» из миров малоимущих слоев населения. Например, в Шемогодской волости вновь было взято в солдатскую службу 10 чел., все они были «нищие бедные оскудалые». В Ивановской волости все семьи солдат разорились, скитались в мире, или сошли безвестно, одна семья ушла в Сибирь. Жены и дети, братья и родители, не имея возможностей обработать землю, закладывали или продавали свои доли.

В просмотренной нами «Описи взятых солдат и пустоты в деревнях Устюжского уезда» приводится пример, который характерен для большинства хозяйств мобилизованных людей. После отправки в солдаты Михаила Семенова остались два брата — Павел и Иван. Вскоре Павел «четвертый жеребей с деревнишка своей спродал» своему односельчанину М. Щуклину и половнику А. Чюпрякову, а сам с женой и детьми «съехал в сибирские города». Другой брат ко времени проведения досмотра сильно «оскудал». В це-

[22] Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России», Л., 1969, стр. 241.

[23] А. А. Преображенский. К вопросу миграции населения... стр. 73—76.

лом по Устюжскому уезду было взято в солдатскую службу 2474 чел., да из пустых дворов было «сошлых и умерших» 2351 чел. Запустело 398 вытей. Родственники лиц, взятых в солдаты, обнищали и «жеребьишка свои позакладывали», а некоторые пустые земли «люди наездом пашут» [24].

В писцовых книгах хорошо отражено увеличение количества дворов и угодий, находящихся во владении по купчим. Так, в Пачеозерском стане Сольвычегодского уезда в 1645 г. по крестьянским купчим было записано владение 85 дворами, что составило 36,5% к общему числу предъявленных документов на право владения. Примерно через 30—35 лет писцам в этом стане было предъявлено 115 купчих из общего числа 330 дворов, то есть уже 50%.

В этой писцовой книге есть сведения и о судьбах тех, кто продал свои дворы и угодья. Основная масса продавцов — это разорившиеся семьи после смерти главы двора (84 случая из 115). Затем перечисляются те, которые «обнищали» и после продажи дворов ушли в Сибирь (6 случаев), восемь человек продали дворы и перешли в половники, остальные после продажи скитались в уезде или сошли безвестно. И только один человек перешел жить на посад и там приобрел двор [25]. В Важском, Двинском, Тотемском уездах наблюдается такая же картина. И даже в пределах одного и того же уезда, в волостях расположенных вблизи от города и промыслово-торговых центров, сильнее разрушение долевой деревни, больше дворов и угодий переходит к новым владельцам по купчим и закладным крепостям.

Необходимо остановиться еще на одной особенности миграции сельского населения Поморья, заметно проявившейся во второй половине XVII в. В это время замечается усиление перемещения населения внутри самого уезда или отдельных районов Поморья. На это обратил внимание А. А. Преображенский, рассматривая миграцию на Урале и в Западной Сибири [26]. По данным табл. 4 количество крестьян, мигрирующих в пределах своих уездов, в целом по 16 уездам составляют 29,4%. По группе северо-восточных уездов их было 23%, по группе северо-западных — 41%, по Двинскому уезду — более 60%. Из Подвинья разоряющиеся крестьяне уходили на заработки в Архангельск. По переписным книгам Двинского и Важского уездов 1710 г. «кормятся» работою в Архангельске и в своих волостях более 12% всех убывших из деревень крестьян.

[24] ЦГАДА, ф. 137, Город. кн. по Устюгу Великому, д. 191, 1671 г., лл. 37—37 об., 84. По переписной книге 1678 г. в сельской местности в Устюженском у. проживало около 22 тыс. душ. м.п., а по досмотру выбыло 4825 чел., или более 20%.

[25] ЦГАДА, ф. 1209, К—451, лл. 100, 176 об., К—501, лл. 431—570.

[26] П. А. Преображенский. К вопросу о миграции населения,.. стр. 78—79.

Таким образом, миграция XVII — начала XVIII в. являлась не только следствием изменяющихся социально-экономических явлений, но и в свою очередь влияла на них. Особенно быстро разрушались архаические формы артельно-складнических и одиначских отношений в сельском хозяйстве и промыслах. В основе землевладения была уже не долевая, а своеобразная парцеллярная форма крестьянского хозяйства. Главным способом введения в хозяйственный оборот новых земель стала не артельная разработка лесных участков под пашню, а захват пахотных земель от своих сограждан.

Миграция поморского населения оказала определенное влияние на освоение Зауралья и Сибири и на формирование в Сибири не частного, а государственного феодализма[27]. В какой-то степени северное промыслово-ремесленное население внесло свой вклад в осуществление экономических преобразований в начале XVIII в. Все это требует дальнейшего изучения и особого очерка.

---

[27] П. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. Автореферат докторской диссертации, М., 1969.

З. А. Огризко

ДАННЫЕ О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В 70—80-х ГОДАХ XVII в.

Публикуемые три документа из Вологодского областного архива интересны тем, что содержат сведения об антифеодальных выступлениях северных крестьян в период Крестьянской войны. Хотя каждый из этих документов рассказывает о выступлении, происходившем на очень ограниченной территории (в двух случаях — в пределах одной монастырской вотчины, а в третьем — в одном селе), но одновременность этих событий, а также отношение авторов документов к описываемым фактам как к обычным явлениям позволяют предполагать, что северное крестьянство было втянуто в антифеодальное движение второй половины XVII в.

Все три документа находятся в составе архива Вологодского архиерейского (Вологодского Софийского) дома. Часть материалов этого архива описана и образует фонд 948, содержащий 129 единиц хранения с 1703 по 1893 гг.

Кроме этого систематизированного материала, в Областном архиве имеется 32 картотечных ящика с документами XVI—начала XVIII в. Некоторые из ящиков разобраны. В один вложен лист с надписью «Акты скопированы А. А. Колычевым и помещены в составленном им с И. Н. Суворовым сборнике «Акты Северного края, т. I, 23/XII-1924 г.» [1]. Но в большинстве ящиков материал не разобран. При беглом просмотре можно заметить, что подавляющее большинство всех материалов, хранящихся в ящиках, — это челобитные на имя вологодских архиепископов. Челобитные содержат в себе различного рода просьбы крестьян и духовенства (о земле, о денежном и ином жалованье, о ссудах и назначениях), жалобы (на кражи, убийство, оскорбления и пр.). Возникавшие в связи с этими челобитными судебные дела — розыски — также нашли свое отражение в хранящихся в ящиках документах: расспросные речи, сказки, судеб-

[1] Этот сборник был подготовлен к печати; рукопись в машинописном экземпляре хранится в ГБЛ, в отделе микрофильмов: А. А. Колычев. Сборник актов Северного края XVI—XVII вв. Вологда, 1925, ф. 1/8701.

ные приговоры; предъявляемые судьям купчие, закладные, порядные, духовные, раздельные и иные грамоты. В этих же ящиках находится ведомственная переписка Софийского дома (указные памяти архиепископов, черновики их челобитий патриархам и царям; всевозможные отписки архиепископских детей боярских и поселковых старцев); документы, характеризующие хозяйство архиепископской вотчины (выписи из писцовых и переписных книг, посевные, ужинные и умолотные памяти и т. п.).

Среди многочисленных челобитных особый интерес представляют две, относящиеся к 1672 г. Первая — челобитная старцев Успенской подольной пустыни [2] — содержит конкретное описание выступлений крестьян против монастыря-феодала.

Факты, изложенные в этой челобитной, говорят о длительном сопротивлении крестьян: они отказались платить оброк осенью 1670 г. и продолжают отказываться в январе 1672 г. Интересно своей конкретностью описание формы крестьянской борьбы: крестьяне собираются на монастырские поля и, несмотря на хорошую погоду, не работают. В результате такого своеобразного саботажа монастырский хлеб и сено остаются неубранными. Очевидно, подобный прием борьбы был обычным явлением; недаром в порядных монастырских половников (например, порядные Троице-Гледенского монастыря) постоянно записывается условие: «стравленное», «нескошенное» и «невспаханное» — половника, а «нестравленное», «скошенное», «вспаханное» — монастырское. Интересно также указание на активность бобылей. Вместе с тем, публикуемый документ содержит указания на слабые стороны крестьянского движения XVII в.: выступления крестьян «на соборе» говорят о том, что крестьяне видели цель своей борьбы не в уничтожении феодального монастырского землевладения вообще, а в замене «плохих» монастырских властей «хорошими»; «чинясь непослушны» своим монастырским властям, крестьяне в то же время проявляют лойяльность по отношению к высшей, власти — подают челобитные архиепископу.

Вторая челобитная написана крестьянами Ферапонтова монастыря, которые, оправдываясь перед архиепископом, отрицали возводимые на них монастырскими властями обвинения в противоправительственных выступлениях. Вместе с тем челобитчики признавали факт выступлений против монастыря.

---

[2] В епархии Вологодского архиепископа было две мужских Успенских пустыни: одна в Кадниковском уезде, другая вблизи села Череповесь (Череповец); см. А. Ратшин. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852, стр. 68, 405.

Одновременная подача двух челобитных свидетельствует о широком распространении крестьянских выступлений в это время. Интересна вторая челобитная не только тем, что очень ярко рисует царистские настроения крестьян. «Оправдываясь» и отрицая свои «вины», челобитчики очень конкретно описывают действия выступавших против монастырских властей крестьян. Вместе с тем, в челобитной содержатся указания на разнообразные формы проявления классовых противоречий в феодальной вотчине: произвольная раскладка государственных платежей монастырскими властями, раздача занятых крестьянами земель в кортому.

В третьем публикуемом документе говорится об отказе крестьян деревни Бродино в Лежском Волоке [3] переселяться на новоросчисти. Освоение новых земель путем раздачи крестьянам участков под росчисти было распространенным явлением на севере в XVII в. Когда на эти новоросчисти сажали крестьян, не имевших самостоятельного тягла, или новоросчисти добавлялись малоземельным хозяйствам, подобное мероприятие соответствовало интересам крестьян. В тех же случаях, когда на новоросчисти переселяли крестьян с обжитых участков, это отрицательно сказывалось на их хозяйстве.

Данный документ представляет собой самостоятельный датированный отрывок какого-то дела. Скорее всего, это запись сказок приказчиков, хотя в тексте и отсутствует обычное в таких случаях слово «сказали», которое следовало поставить после слова «с товарищи».

Но возможно, что это сказка приказчиков и крестьян вместе, хотя в таком случае отсутствует слово «да» (и) после слов «с товарищи».

Как бы ни определять роль приказчиков в данном случае — сообщали ли они о выступлении крестьян, или вместе с крестьянами заявляли об отказе переселяться на новоросчисти, — публикуемый документ содержит дословную передачу отказа крестьян выполнить требование вотчинных властей.

Если первые два документа свидетельствуют о широком распространении антифеодальных выступлений в период Крестьянской войны 1670—1671 гг., то третий документ указывает на повседневность этих выступлений и после поражения восстания.

Приводим документы из неописанной части фонда Вологодского архиепископского дома.

---

[3] Лежский Волок — волость Вологодского уезда, расположенная по р. Леже — притоку Сухоны.

I. Челобитная монастырской братии Успенской подольной пустыни, 1672 г.

Государю преосвещенному Симону... [вырвано] пу вологодскому и белозерскому бьют челом царские нищие богомольцы и твои святительские подольные пустыни келарь старец Симон и казначей старец Корнилий, старец Иев, старец Феодот, ст. Власей, Пахомий ст... [вырвано] ст... [вырвано] ст... [вырвано] ст... [вырвано] ерапонт, старец Тимон, старец Саватий и больничные старцы Касьян, старец Ларион, старец Авдрей и бельцы вкладчики—Данилко Федотов, Алекса Анциферов, Баженко Акетимов и все вкладчики тоя подольные пустыни Успения Пречистыя Богородицы. Жалоба нам сиротам на тоя пустыни на вотчинных крестьян, Андронка Перфильева, да на крестьян Дмитрия Павлова да на Василия Дмитриева да на Микулу Михайлова, да на Парфенка Сергиева, да на Симона Осипова, на Гаврила Кириллова, да на бобыля Василия Минина и на всех крестьян тое подольные пустыни. В нынешнем, государь, в 180 году сентября в 16 день в селе на Семкине на Замолоте оне крестьяне келаря старца Кипреяна били. И преже того времени он же старец Кипреян был в келарях и иво оне крестьяне били ж, и при прежних игуменах келаря старца Васьяна били ж и, иных келарев, они, крестьяне, били. И всякого монастырского зделья во время работать не стали. А сего лета хлеб на пустоше Карпиле и сено они крестьяне згноили в непослушании. А хлебом их кормили монастырским, а хлеб было им есть свой на всякой монастырской работе, потому, что оне крестьяне в прошлом во 179-м году оброка в монастырь не платили. А их крестьян по три дни на пустошь вестили. И они сходились и работы не работали. А дни были ведряные, а оне хлеб и сено погноили, и на большой пожне сено погноили, а все в их непослушании. Игумена и келаря и братьи слушать ни в чем не стали, чинятца сильны и впредь во всем отказывают. И келарей мы для ради их крестьян переменяем почасту. И на нынешний 180-ый год они крестьяне в монастырь оброку хлебного не везут и не платят. И ныне у нас в государеве богомолие и в твоей святительской в подольной пустоне игумен Маркел посох положил для ради их крестьянского непослушания. И генваря в 23 день келарь старец Симон з братиею их крестьян на собор призывали игумену Маркелу добивать челом, чтобы он пожаловал—потружалси попрежнему. И оне крестьяне: «нам де игумен Маркел отнюдь не надобен». А ис крестьян тех говорили Гаврило Кириллов да Василий Дмитриев: «не токмо де ему быть игуменом, но и следу бы ево на монастыре не было». А нам, братии и вкладчиком, игумен Маркел годен и люб во всем: и добр, и к церкви божией подвижен, а хмельного не пьет, а нас братии пищей никакой не обидит: ест на трапезе з братьею вместе, а в келью хлеба и никакие пищи себе не емлет и монастырским ничем не завладел, ни хлебом, ни деньгами, ни животом. А ссора и бунт в мире учинилися от бобылька Василия Минина, а ис крестьян от Дмитрия Павлова, от Гаврила Кириллова, от Семена Осипова. А ложные челобитные пишет нашей же подольчой пустони бобылек Аристко Тихонов, а живет он Аристко у Заболоцкого попа Федора Тимофеева, и к нам он Аристко чинитца непослушен и в монастырь не ходит. И нашей пустони от того их ложного челобитья чинятца убытки многие. Умилостивися государь преосвещенный Симон, архиепископ вологодский и белозерский, пожалуй нас царских нищих богомольцев и своих святительских, чтоб ему игумену Маркелу в государеве богомолие и в твоей святительской в подольной пустыни быть попрежнему игуменом. А от которых людей учинились ссора и бунт, и келарей что они били, и монастырского оброку не везут и не слушают ни в чем, и впредь отказывают и в том их непослушании и озорстве, что ты, государь великий, укажешь, государь великий, святитель, смилуйся!

[На обороте подписи:]
Вклатчик Никольской поп Василей руку приложил
Вкладчик Спасской поп Исак руку приложил
Вкладчик Никольской поп Федор руку приложил
Вкладчик Троецкой поп Макарий [вырвано]
Вкладчик Трифоновской поп Ияков руку приложил
Руку приложили
К сей челобитной старец Исаия руку приложил
К сей челобитной старец Саватия руку приложил
Чернец Тимон руку приложил и вместо братии, по их велению.

II. Челобитная крестьян Ферапонтова монастыря 1672 г.

Государю преосвященному Симону архиепископу вологодскому и белозерскому бьют челом Белозерского уезда Ферапонтова монастыря вотчинные крестьяне, подмонастырской мирской староста, мирские старосты Цыпинской волости [имя], Бородавской [имя], Соравской [имя], Раменской [имя], Лисевской [имя], Кленовской [имя], Ситской [имя], да и все вотчинные крестьянишка. Жалоба, государь, на сиротам Ферапонтова монастыря на игумена Афанасия, на старца Корнилия Аникина, и на житного старца Феодосия... [ряд имен].

В нынешнем во 180 году били они челом тебе великому светителю на нас сирот, а в челобитной, государь, они на нас сирот писали, будто мы сироты великого государя указу чинимся сильны и денег полуполтинных и полтинных не збираем и им де властям непослушны, а к нему игумену Афанасию к келье бунтом и мятежом и гилем приходили, смертным де мы сироты ему игумену Афанасию и старцу Кирилию Аникину убийством грозили, и монастырской никакой работы не работаем и монастыря де не строим. И то государь он игумен Афанасий и старец Кирилий Аникин... [ряд имен] бьют челом тебе все напрасно и всяким небывалым оглашают, вымыслом с миромятежником с крестьянином с Кирюшкою Тимофеевым. А у нас, государь, сирот против того их игуменского ложного и составною челобитья ничего не бывало: деньги великого государя полуполтинные собрали в феврале месяце. А он Кирюшка у тех денег был у сбору целовальником. И те деньги у них властей в монастырской казне и по се число. А о полтинных деньгах указ великого государя из Белоозера от воеводы пришел к нам сиротам мая в первый день. И мы сироты и те полтинные деньги сбираем, а великого государя указу страшны. И бунтом и мятежом и гилем к нему игумену к келье не прихаживали и смертным убийством никому не граживали, и не за какими небылыми делами не хаживали, и монастырская никакая работа за нами не стаивала, покамест нас сирот они не разорили. И монастырь весь мы строим. А то они писали пьянски... и впредь они игумен Афанасий ... грозят нам сиротам и хвалятся большим разорением: хоша де вы бьете челом, и вам де будет всем кнут и рассылка из домишек, де вам не спорно [?] будет. Да с нас же игумен Афанасий взял 20 рублев денег. А как мы сироты к выбору в келари старца Кирилла Аникина рук не дали и они нас сирот за то стали изгонять. А они игумен Афанасий... без нашего приговору ево Кирюшку Тимофеева в старосты садили и во всякой монастырской работе ево Кирюшку обелили. Да он же игумен Афанасий в 177 году села... [неразборчиво] у крестьянина Сеньки Перфильева отнял четверть выти из тягла, а двор разорил. А тот повыток отдал из кортомы. Да и Цыпинской волости разорил деревню Никифоровскую: из жила отнял у крестьянина Афоньки Петрова и отдал ему ж из кортомы.

... и ссудново овса взайму дают мало и насевать нечем. А тот ссудный овес ссужают заволостным крестьянам, кто им вина принесет. И оттого многие повытки крестьяна покидали и стали пусты и они игу-

мен Афанасий... отдают их из кортомы, а великого государя платежи с нас сирот емлю. Вели государь Симон архиепископ вологодской и белозерской наши 20 рублев денег нам сиротам отдать и тех пустых повытков картомных деньги, кто ныне теми пустыми повытками владеет, вели государь, платить в подать великого государя в подати в полтинные и поворотные деньги и во всякие государевы подати... [конца нет].

III. Сказка крестьян архиерейской вотчины деревни Бридино Лежской волости 1686 г.

194 году мая в день Лежского волоку прикащик Василий Голованов с товарищи, деревне Бродина крестьяня Степка Иванов, Васька Ермолаев, Васька Аникиев, Лучка Дорофеев, Оска Аксенов, Мишка Григорьев, Овдокимко Иванов, Ефремко Михайлов, Пронька Васильев, Васька Евстафьев сказали, что де мы на Бродинских росчистях селиться не хотим и вновь строица, и в убытки нам не помогать.

Ю. С. Васильев

КОДИМСКАЯ ВОЛОСТЬ ВАЖСКОГО УЕЗДА В XVI В.

Вага сохранила для истории обширный актовый материал XIV—XVII вв. [1]. Но изучение экономики этого края значительно затрудняло отсутствие писцовых книг, данные которых лишь в последнее время стали вводиться в научный оборот [2].

Наиболее древним источником этого рода, имеющимся в распоряжении историков, является сотная из писцовых книг Б. П. Засекина 1565 г. на Кодимскую волость. Она дошла до нас в копии XVII в. (?) [3]. Сохранилась полностью, всего 12 составов. Первый состав значительно порван, что, однако, не мешает прочтению основного текста.

Хотя в сотной описана всего лишь одна волость обширного Важского уезда, она представляет несомненный интерес, т. к. может дать целостную картину состояния хотя бы и небольшой части уезда в середине XVI в.

Кодимская волость XVI в. располагалась по реке Кодиме, левому притоку Сев. Двины, и по левому берегу Сев. Двины близ впадения в нее реки Кодимы, входила в Подвинскую четверть Важского уезда. Она состояла из двух волосток Кодимской и Селецкой. С севера она граничила с

---

[1] ГВНП, М.-Л., 1949, №№ 110, 111, 278—281; РИБ, т. XIV, Пгр. 1915, №№ 160, 205, 322 и др.; РИБ, т. XXXV, ПГр, 1917, №№ 5, 16, 31 и др.; Сборник грамот коллегии экономии, Л., 1929, №№ 201—221 и др.; ряд других сборников документов. Многочисленные акты остаются еще не опубликованными (ЛОИИ, кол. 27 — коллекция важских актов; Государственный архив Архангельской области, отдел дореволюционных фондов, ф. 829 — фонд Богословского монастыря, и др.).

[2] Более подробно о важских писцовых книгах — см. А. И. Андреев «Заметки к истории русского Севера, Писцовые и переписные книги по Ваге и Чаронде»; Летопись занятий археографической комиссии за 1927—1928 гг.; Л., 1929, стр. 169—176; Н. И. Баландин. «Верховажье в конце XVII — начале XVIII в., Вопросы аграрной истории, Вологда, 1968, стр. 468 и прим. 9. Ряд сотных с важских писцовых книг опубликовано в «Сборнике грамот коллегии экономии», Л., 1929, № 222, 223 и др.

[3] ЛОИИ, кол. 153, № 11.

Заостровской волостью, а с юга с волостью Нижней Тоймой этого же уезда.

До падения самостоятельности В. Новогорода земли по р. Кодиме, как и вся Вага, находились в руках новгородского боярства. Списки двинских земель говорят о том, что эти земли были конфискованы сразу же после присоединения Новгорода [4].

Описание волости в сотной дается по населенным пунктам. Указывается вид населенного пункта (деревня, починок, селище, пустошь), его название и географическое положение (река или озеро). Дается перечень дворов и их владельцев. Делается ссылка на характер землепользования, когда пашня пашется наездом. Далее указывается наличие основных тягловых угодий при населенном пункте: пашни в четях и обжах, сена в копнах, леса пашенного в четях. Определяется качество земли: «добра» или «середняя». Отмечается количество оброчного (что осталось «за мерою») сена и размер оброка с него. В заключении указывается размер оброка «за наместнич. доход», налагаемого на владельцев угодий данного населенного пункта. Называются также оброчные угодья, относящиеся к данному населенному пункту.

Таким образом, дается описание Кодимской волостки, затем Селецкой. В конце сотной подводится общий итог по всей волости: количество населенных пунктов, дворов, людей, пашни в четях и обжах, сена обежного и оброчного в копнах, леса пашенного в четях, размер повинностей с волости. Заканчивается сотная перечислением общих оброчных угодий.

В волости 53 деревни, 7 починков, 3 селища, 1 пустошь [5]. Из них пустых: 1 деревня, 2 селища и пустошь, где пашут наездом. В волости насчитывается 123 двора, из них лишь три пустых [6]. Таким образом, на населенный пункт приходится в среднем 2,01 двора. Деревни же по количеству дворов (без 7 однодворных починков и селища) распределяются следующим образом:

1 двор	2 двора	3 двора	4 двора	5 дворов	Итого
19 дер.	17 дер.	9 дер.	5 дер.	3 дер.	53 деревни 115 дворов.

[4] АСЭИ, т. III, № 14, стр. 30 и № 16, стр. 32. Кодима, Пучюга и Иксоозеро — конфискованы у Якова Федорова и Василия Селезеня.

[5] В итог, вероятно, не вошли пропущенные к деревням 1 починок и 1 пустошь.

[6] В итоге дано по волости 118 жилых и 3 пустых двора.

В 120 жилых дворах проживает 127 человек [7]. В среднем на двор приходится 1,06 человека. Безусловно, писцы учитывали не все мужское население волости, а лишь глав семейств. Так, из сыновей указан всего один: у Петрока Степанова сын Онашка в дер. Степановской. Только в 6 дворах живут по 2 человека, в одном—3 человека и еще в одном—«Третячко Бобров с братею». Большинство живущих в дворах совместно являются близкими родственниками. Лишь в дер. Ильинской и в дер. Олферовской Ковалевой родство жителей не прослеживается: 1) Третячко Бобров и Игнашко Прокофев; 2) Гридя Петров и Михалко Олферов.

Основным занятием населения волости являлось земледелие, из 127 человек без пашни только двое. Крестьяне 118 пашенных дворов обрабатывают около 594 четей доброй и средней земли в одном поле, около 54 обеж. В среднем на двор приходится около 5 четей в одном поле, 0,45 обжи. Но крестьянские наделы по размерам далеко не равны. В ниже приведенной таблице даны владения крупных крестьянских хозяйств [8] (см. табл. 1).

Таким образом, у 10% наиболее крупных крестьянских хозяйств (дворов) сосредоточено 23% пашенной земли (в четях), причем большей частью в их руках земля добрая, 26,5% обежного сена [9], 20% пашенного леса и 28,6% оброчного сена.

В руках этих крестьян находится не только большое количество основных угодий, но и почти все рыбные угодья. Владельцы последних — Петрок Прокофев, братья Аксентиевы и Ермолины. На этих же крестьян работают и половники: на Ермолиных — Васка Сидоров, на Иванка Федосева — Оксенко Онисимов и Мишка Онуфриев.

Для сопоставления приведу данные по владениям такого же количества мелких крестьянских хозяйств [10] (см. табл. 2).

Из таблицы видно, что эти крестьянские хозяйства имеют незначительные наделы, 1—2 чети. Половина из них имеет обежного сена от 2 до 5 копен и совсем не имеет оброчного сена.

Разница между хозяйством, например, Федки Алексеева и Иванка Илина довольно значительна: у первого в 15 раз больше земли и в 50 раз больше обежного сена.

[7] По нашим подсчетам, в волости проживает 129 человек.

[8] При составлении таблицы исходили из того, что наделы — доли крестьян в деревне равны, так как неравенство наделов в дер. Зубатинской, например, оговаривается.

[9] В итоге по волости указано 1631 копна обежного сена, по подсчету у крестьян волости оказывается 4310 копен обежного сена. При вычислении процентного отношения исходил из последней цифры, 4310 копен.

[10] Графы о характере землевладения и качестве земли не вношу в таблицу, так как у этих крестьян нет наезжей пашни и вся земля средняя.

Таблица 1

Крестьянин	Его владение	Характер владения	Качество земли	Пашня в четях	Сено в копнах	Лес пашенный в четях	Количество обеж	Сено оброчное в копнах
1. Иванко Федосев	дер. Иевлевская на озерке Иксе	двор	добрая	5	50	1 1/2	1/2	35
	дер. Зубатинская	половник	средняя	4	33 1/3	6	1/3	23 1/3
	поч. Терешков	половник	»	6	15	9	1/2	—
				15	98 1/3	16 1/2	1 1/3	58 1/3
2. Федко Алексеев	дер. Кондратовская	двор	средняя	15	100	9	1 1/4	62 1/2
3. Петрок Прокофиев	дер. Другое Давыдовское	двор	добрая	5	75	4 1/2	1/2	60
	дер. Тупицынская	наезд	»	2 1/2	—	3	1/4	—
	дер. Олферовская Ковалева	»	»	1 7/8	30	2 1/4	3/16	24 3/8
	дер. Ивана Болтина	двор	»	7 1/2	100	4 1/2	3/4	77 1/2
	дер. Овдокимовская	наезд	»	2 1/2	15	2 1/4	1/4	7 1/2
				19 3/8	220	16 1/2	1 15/16	169 3/8
4. Сенка и Ондреико Аксентиевы	дер. Щапинская	2 двора	добрая	10	70	9	1	40
	дер. Тупицынская	наезд	»	2 1/2	100	3	1/4	70 1/2
	дер. Олферовская Ковалева	»	»	1 7/8	30	2 1/4	3/16	24 3/8
	дер. Ивана Болтина	половник	без пашни					
				14 3/8	200	14 1/4	7 7/16	137 7/8

5. Обакумко Иванов	дер. Обакумовская	двор	добрая	2 1/2	30	—	1/4	8 1/2
	дер. Киверниковская	наезд	средняя	6	20	4 1/2	1/2	5
	сел. Белявинское	»	добрая	6 5/8	30	—	2/3	10
				15 1/8	80	4 1/2	1 5/12	23 1/2
6. Иванко и Гришка Василевы	дер. Трубинская	двор	средняя	10	90	4 1/2	5/6	65
	дер. Олександровская	наезд	»	3 3/4	17 1/2	2 1/4	5/16	8 1/8
				13 3/4	107 1/2	6 3/4	1 7/48	73 1/8
7. Куземка и Гришка Семеновы	дер. Давыдовская	двор	добрая	12 1/2	60	9	1 1/4	22 1/2
	пуст. за Невским ручьем	наезд	средняя	1	50	9	1/12	47 1/2
				13 1/2	110	21	1 1/3	70
8. Истомка и Васка Ермолины	дер. Другое Давыдовское	двор	добрая	5	75	4 1/2	1/2	60
	дер. Тупицынская	наезд	»	2 1/2	—	3	1/4	—
	дер. Олферовская Ковалева	»	»	1 7/8	30	2 1/4	3/16	24 3/8
	дер. Овдокимовская	»	»	2 1/2	15	2 1/4	1/4	7 1/2
	дер. Микитинская	»	»	—	—	—	—	20
	дер. Тенетиловская (Н. Тойма)	»	»	—	—	—	—	15
				11 7/8	120	12	1 3/16	126 7/8
9. Третячко Бобров с братею	дер. Филиновская	двор	добрая	10	60	—	1	30
10. Пашко Омосов	дер. Микитинская	двор	добрая	3	20	—	3/10	11
	сел. Белавинское	наезд	»	6 5/8	30	—	2/3	10
				9 5/8	50	—	29/36	21
				157 5/8	1145 5/6	100 1/2	12 1/120	769 7/12

Таблица 2

Крестьянин	Его владения	Пашня в четах	Сено в копнах	Лес пашенный в четях	Количество обеж.	Сено оброчное в копнах
1. Климко Олферев	поч. Великопольский пуст.	1	15	9	1/12	12 1/2
2. Оксенко Кириллов	Поч. Оксенов Пентюхинской	1	2	18	1/12	—
3. Иванко Илин	Поч. Вермилинские дер.	1	2	9	1/12	—
4. Федко Олексеев	дер. Чюхаревская	1	8	4 1/2	1/12	5 1/2
5. Мартынко Селиванов	поч. Пантюхинской	3 осмины	4	9	1/8	—
6. Иванко Иванов	поч. Ивановской Щапова	3 осмины	15	9	1/8	11
7. Васка Кузмин	дер. Матлишевская	2	5	3	1/6	—
8. Карманко Федоров	дер. Матлишевская	2	5	3	1/6	—
9. Васка Трубин	дер. Матлишевская	2	5	3	1/6	—
10. Лучка Онтипин	дер. Зубатинская	2	17 2/3	3	1/6	11 1/3
11. Микитка Семенов	дер. Вакоринская	2	20	4 1/2	1/6	15
12. Васка Яковлев	дер. Вакоринская	2	20	4 1/2	1/6	15
		19	118 2/3	79 1/2	1 7/12	70 1/3

Таким образом, сотная показывает довольно значительное расслоение крестьян в волости в середине XVI в. Правда, здесь нет такой резкой разницы между крестьянскими хозяйствами, как в Куростровской волости Двинского уезда в середине 16 в., где 7 богатеев (3,7% населения) сильнее хозяйств 86 крестьян — бедняков, составляющих 46,6% волостных крестьян [11].

Меньшее расслоение в Кодимской волости, вероятно, объясняется тем, что «торгов... по волостям нет нигде, а городов у них блиско нет же» [12].

Сотная не указывает на наличие у крестьян оброчной пашни, на оброке лишь сено и рыбные угодья. Наезжей пашни в волости немногим более 10%.

Кроме земледелия в волости, вероятно, немаловажную роль играло животноводство и скотоводство, так как косится 6997 (обежного сена считаю 4310 копен) копен сена на 118 пашенных дворов, т. е. в среднем по 59 копен на двор. Значительным подспорьем в хозяйстве являлось, вероятно, и рыболовство.

Такой характеризуется Кодимская волость в середине XVI века по сотной писца Б. П. Засекина, которая публикуется здесь.

XVI в. — СОТНАЯ ИЗ ПИСЦОВЫХ КНИГ КНЯЗЯ БОРИСА ПЕТРОВИЧА ЗАСЕКИНА НА КОДИМСКУЮ ВОЛОСТЬ ВАЖСКОГО УЕЗДА

Сст. 1 ...[К]ниги важских писцов князя Бориса Петровича Засекина да Козмы... на с товарищи. Лета 7070 втораго.

Волостка Кодимская ... [п]очинки и селища и пустоши царя и великого князя.

На Иксо озе [ре дер. Ма]лафеевская: во дворе [1] Пашко Павлов, в. Васко Григорьев, в. Васко Дмитриев... в поле 8 чети, а в дву по тому ж. Сена 100 копен. Лесу пашенного 6 ... три поля. Земля середняя, пашни обжа без трети. А осталось у них за мерою сена 80 копен, и то сено косити Пашку Павлову с товарищи к Малафеевской деревне. А оброку им за то сено давати 4 гривны. А за наместнич. доход давати им оброку 22 алтына и полторы денги.

Дер. Другое Онцыфоровское на реке на Пучюге: в. Сенка Труфанов, в. Истомка Семенов. Пашни в поле 10 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 100 копен. Лесу пашенного 6 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа без полтрети. А осталось у них за мерою сена 75 копен, и то сено косити Сенке Труфанову с товарищи к деревне к Другому Онцыфоровскому. А оброку им за то сено давати 12 алтын и 3 денги. А за наместнич доход давати им оброку 27 алтын и полпяти денги.

---

[11] А. И. Копанев. «Куростровская волость во второй половине XVI в.», «Академику Б. Д. Гренову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 152.

[12] Сотная, сст. 12.

[1] Далее—в.

Дер. Павловская на Иксозерке: в. Васко Остафев, в. Юшко Яковлев, в. Якуш Олферев. Пашни в поле 12 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 100 копен. Лесу пашенного 6 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа. А осталось у них за мерою сена 70 копен, и то сено косити Васку ж Остафеву с товарищи к Павловской деревне. А оброку им за то сено давати 12 алтын без двух денег. А за наместнич доход давати им оброку рубль.

Дер. Бурашовская на речке на Пучуге: в. Пашко Прокофев, в. Костя да Гаврилко Прокофевы, в. Тимошка Степанов, двор пуст. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 100 копен. Лесу пашенного 6 чети во всех трех полях. Земля середняя, пашни пол обжи. А осталось у них за мерою сена 85 копен, и то сено косити Пашку Прокофеву с товарищи к Бурашовской деревне. А оброку им за то сено давати 14 алтын з денгою. А за наместнич доход давати им оброку полтина.

Дер. Другая Бурашовская на речке на Пучуге: в. Ларко Онтоманов, в. Филка Федотев, двор пуст. А. пашет того двора наездом из Мартыновские деревни Онтропко Панкратов. Пашни в поле 17 четвертеи без полуосмины, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 130 копен. Лесу пашенного 6 чети во всех трех полях. Земля добра, пашни 2 обжи без трети. А осталось у них за мерою сена 80 копен, и то сено косити Ларке Онтоманову с товарищи к деревне к Другому Бурашовскому. А оброку им за то сено давати 4 гривны. А за наместнич доход давати им оброку
Сст. 2 рубль и 2//2 алтын и полторы денги.

Дер. Старое Онцыфровское на Иксеозере: в. Игнашко Онцыфоров, в. Мосеико Костянтинов. Пашни в поле 10 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 100 копен. Лесу пашенного 3 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа без полутрети. А осталось у них за мерою сена 75 копен, и то сено косити Игнашке Онцыфорову с товарыщы к деревне к Старои Онцыфоровскои. А оброку им за то сено давати 12 алтын и 3 денги. А за наместнич доход давати им оброку 27 алтын и полпяты денги.

Дер. Иевлевская на озерке на Иксе: в. Иванко Федотев, в. Васко Остафев, в. Васко Онисимов, в. Петрок Федотев. Пашни в поле 20 чети, а в дву по тому ж, и с отхожею пашнею. Сена 200 копен. Лесу пашенного 6 чети во все три поля. Земля добра, пашни 2 обжи. А осталось у них за мерою сена 140 копен, и то сено косити Иванку Федотеву с товарищы к Иевлевской деревне. А оброку им за то сено давати 23 алтын и 2 денги. А за наместнич доход давати им оброку 2 рубля.

Дер. Мартыновская на Иксе озерке: в. Филка Федотов. Пашни в поле 5 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Лесу пашенного 6 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол обжи без пол-полтрети. А осталось у них за мерою сена 37 копен с полукопною.

А оброку им за то сено давати 6 алтын и полторы денги. А за наметнич доход давати им оброку 14 алтын без денги.

Дер. Лухановская на Иксе озерке: в. Микитка Григорьев, в. Тараско Аникеев. Да в тои же деревне пашет наездом с Каменного Носу Обакумовского починка Нижные Тоимы Степанко Семенов. Пашни в поле 7 чети с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 150 копен. Лесу пашенного 6 чети во все три поля. Земля добра,

пашни обжа без чети. А осталось у них за мерою сена 127 копен с полукопною, и то сено косити Микитке Григореву с товарищи к Лухановскои деревне. А оброку им за то сено давати 21 алтын и полторы денги. А за наместнич доход давати им оброку 25 алтын.

Поч. Вермилинские деревни на Иксе озере, стал после писма: в. Иванко Илин. Пашни в поле четверть, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 2 копны. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол-полтрети обжи. А за наместнич доход давати ему оброку 3 алтын без денги.

Поч. Великополской пустоши: в. Климко Олферев. Пашни в поле одна четверть, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 15 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол-полтрети обжи. А осталось у него за мерою сена 12 копен с полукопною, и то сено косити Климку ж Олферову к Великополскому починку. А оброку ему за то сено давати 2 алтын з полуденгою. А за наместнич доход давати ему оброку 3 алтын без денги.

Дер. Задоринская Бурашевские деревни на речке на Пучюге: в. Иванко Онтонев. Пашни в поле 5 чети, а в дву
Сст. 3 по тому ж с отхожею пашнею. Сена 30//копен. Лесу пашенного 6 чети во все три поля. Земля добра, пашни пол обжи. А осталось у него за мерою сена 15 копен, и то сено косити Иванку Онтоневу к Задоринской деревне. А оброку ему за то сено давати полтретя алтына. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Поч. Пентюхинскои на речке на Пучеге: в. Мартынко Селиванов. Пашни в поле 3 осмины, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 4 копны. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни полчети обжи. А за наместнич. доход давати ему оброку 4 алтын з денгою.

Дер. Вакоринская на реке Пучюге: в. Микитка Семенов, в. Васко Яковлев. Пашни в поле 4 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 40 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни трет обжи. А осталось у них за мерою сена 30 копен, и то сено косити Микитке ж Семенову да Васке Яковлееву. А оброку им за то сено давати 5 алтын. А за наместнич доход давати им оброку 11 алтын з денгою.

Поч. Оксенов Пентюхинскои на речке на Пучюге: в. Оксенко Кирилов. Пашни в поле четверть, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею пашнею (!). Сена 2 копны. Лесу пашенного 18 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол-полтрети обжи. А за наместнич доход давати ему оброку 3 алтын без денги.

Дер. Иевлевская да к тои же деревне припущена пустошь Иевлевские деревни на реке на Пучюге: в. Иванко Онисимов. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж. Сена 15 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол обжи. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Поч. Иевлевские деревни Терешков на речке на Пучюге Иванка Федотева: в. половник его Оксенко Онисимов. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхоженю пашнею. Сена 15 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол обжи. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Дер. Сергеевская на речке на Пучюге: в. Оксенко Дмитриев, в Якуш Григорев. Пашни в поле 12 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 60 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа. А осталось у них за мерою сена 30 копен, и то сенс косити Оксенку ж Дмитрееву да Якунке Григорьеву к Сергеевскои деревне. А оброку им за то сено давати 5 алтын, А за наместнич доход давати им оброку рубль.

Дер. Другое Сергеевская на речке на Пучюге: в. Перхурко Степанов. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 15 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол о//бжи. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Сст. 4

Дер. Галахтионовская на речке на Пучюге: в. Лучка Галахтионов. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж. Сена 15 копен. Земля середняя, пашни пол обжи. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Дер. Третее Сергеевская: в. Якимко Дмитриев. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 30 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни пол обжи. А осталось у них за мерою сена 15 копен, и то сено косити Якимку Дмитрееву к Сергеевскои деревне. А оброку ему за то сено давати полтретя алтын. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Дер. Другое Галахтионовское: в. Иванко, в. Ануфриико Григорьевы. Пашни в поле 15 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 46 копен. Лесу пашенного 6 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа с четю. А осталось у них за мерою сена полдевяты копны, и то сено косити Иванку ж да Онофриику Григоревым. А оброку за то сено давати пол девяты денги. А за наместнич доход давати ему оброку рубль с четю.

Дер. Олександровская: в. Иванко Степанов, в. Калинка Елизаров, в. Осипко Степанов. Да в тои же деревне пашет наездом Иванко Василев. Пашни в поле 15 четвертеи, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 70 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа с четю. А осталось у них за мерою сена 32 копны с полкопною, и то сено косити Иванку ж Степанову с товарыщы к Олександровской деревне. А оброку им за то сено давати 5 алтын и полтрети денги. А за наместнич доход давати им оброку рубль с четю.

Дер. Трубинская: в. Иванко да Гришка Василевы дети, в. Пашко Перфирев. Пашни в поле 20 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 180 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни 2 обжи без трети. А осталось у них за мерою сена 130 копен, и то сено косити Пашку Перфиреву с товарыщи к Трубинскои деревне. А оброку им за то сено давати 21 алтын и 4 денги. А за наместнич доход давати им оброку рубль и 22 алтын и полторы денги.

Дер. Кондратовская: в. Федко Алексеев. Пашни в поле 15 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 100 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа с четю. А осталось у него за мерою сена 62 копны с полукопною, и то сено косити Федке же Алексееву к Контдратовскои деревне. А оброку ему за то сено давати 10 алтын и пол трети денги. А за наместнич доход давати ему оброку рубль с четю.

Дер. Яковлевская: в. Обакумко, в. Агафонко Дмитреевы. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол обжи. А осталось у них за мерою сена 35 копен, и то сено косити Обакумку же Дмитриеву з братом к Яковлевскои деревне. А оброку им за
Сст. 5 то сено давати 6 алтын без денги. А за наместнич// доход давати им оброку полтина.

Дер. Даниловская стоит начетверо: в. Ермолка Алексеев, в. Онцыфорко Олексеев, в. Нечаико Степанов, в. Митка Григорьев. Пашни в поле 18 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 150 копен. Да у Нечаика на прикупных дву поженках на Калнике да на Дристке сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни полторы обжи. А осталось у них за мерою сена 150 копен, оприч Нечаикова сена, и то сено косити Ермолке Олексееву с товарыщи к Даниловскои деревне. А оброку им за то сено давати 17 алтын и 3 денги. А с прикупного сена Нечяику Степанову, с 50 копен, оброку давати пол-полтины. А за наместнич доход давати им оброку полтора рубли.

Дер. Нестеровская: в. Иванко, в. Потапко, в. Васка Кириловы. Пашни в поле 11 чети с полуосминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа и полчети. А осталось у них за мерою сена 16 копен, и то сено косити Иванку Кирилову з братею к Нестеровскои деревне. А оброку им за то сено давати 3 алтын без 2 денег. А за наместнич доход давати им оброку 37 алтын и 3 денги.

Дер. Ракшинская: в. Нечаико Александров. Пашни в поле 5 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 80 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни пол обжи. А осталось у него за мерою сена 65 копен, и то сено косити Нечяику Олександрову к Ракшинской деревне. А оброку им за то сено давати 11 алтын без денги. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Дер. Степановская: в. Петрок Степанов да сын его Онашка. Пашни в поле 12 чети, а в дву по тому ж. Сена 30 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя пашни обжа. А за наместнич доход давати им оброку рубль.

А другую деревню Степановскую все три поля и пожни река Двина смыла.

Дер. Котово: в. Онцыга да Иванко да Давыдко Ивановы дети Котова. Пашни в поле 9 чети, а в дву по тому ж с отхожею пашнею, Сена 60 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни обжа без чети. А осталось у них за мерою сена 37 копен с полкопною, и то сено косити Онцыге ж з братею к Котове деревне. А оброку им за то сено давати 6 алтын и полторы денги. А за наместнич доход давати им оброку 25 алтын.

Поч. Котовские деревни: в. Марко Семенов. Пашни в поле 3 осмины, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 20 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни полчети обжи. А осталось у него за
Сст. 6 мерою сена 16 копен, и то се//но косити Марку ж Семеному (!) к Котовскому починку. А оброку ему за то сено дава-

ти 3 алтын без 2 денег. А за наместнич доход давати ему оборку 4 алтын з денгою.

Дер. Щапинская: в. Сенка, в. Ондреико Аксентиевы. Пашни в поле 10 чети, а в дву по тому же и с отхожею пашнею. Сена 70 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа. А осталось у них за мерою сена 40 копен, и то сено косити Сенке з братом к Щапинскои деревне. А оброку им за то сено давати 2 гривны. А за наместнич доход давати им оброку рубль. Да у тое ж деревни угодие источек из Черного озерка в Щаповское озерко, да другои исток Щаповскои из речки из Раковицы в реку в Кодиму.

Дер. Давыдовская: в. Куземка да Гришка Семеновы. Пашни в поле 12 чети. с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 60 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа с четю. А осталось у них за мерою сена 22 копны с полукопною, и то сено косити Куземке Семенову з братом к Давыдовскои деревне. А оброку им за то сено давати 3 алтын полпяты денги. А за наместнич доход давати им оброку рубль с четю.

Дер. Другое Давыдовское стоит надвое: в. Петрок Прокофев, в. Истомка да Васка Ермолины. Пашни в поле 10 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 150 копен. Да у Васки да у Истомки в Чавегpах у Тенетиловские деревни в волосте Нижние Тоимы 15 копен да поженка на Иксе озерке Микитинские деревни 20 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа. А осталось у них за мерою сена 120 копен, оприч Васкина да Истомкина сена, и то сено косити Петроку Прокофеву с товарыщи к деревне к Другому Давыдовскому. А оборку ему за то сено давати 20 алтын. А Васке да Истомке за 35 копен давати им оброку 6 алтын без денги. А за наместнич доход давати им оброку рубль. Да у тое ж деревни исток, что Шкоруш Давыдовские деревни с устья и до вершины.

Дер. Тупицынская на озерке на Щапинском: а в ней двор пуст. Пашет ее наездом Петрок Прокофев, да Истомка да Савка Ермолины из Давыдовские деревни, да Ондрюшка да Сенка Оксентьевы из Щаповские деревни. Пашни в поле 7 чети с осминою, а в дву по тому ж. Сена у Сенки да у Ондрюшки 100 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа без чети. А осталось у них за мерою сена 70 копен с полукопною, и то сено косити Сенке ж да Ондрюшке Оксентиевым. А оброку им за то сено давати 13 алтын без полуденги. А за наместнич доход давати им оброку 25 алтын. Да у них ж исток Чернои из реки из Кодимы в озерко в Черное, а того им истоку не запруживати. Да у Сенки з братом на острову два перевеся.

Дер. Олферовская Ковалева: в. Михалка Олферов да Гридя Петров. Да в тои же деревне пашут наездом Петрок // Прокофев, да Истомка да Васка Ермолины из Давыдовские деревни, да Сенка да Ондрюшка Оксентиевы из Щаповские деревни. Пашни в поле 7 чети с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 120 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа без чети. А осталось за мерою сена 97 копен с полкопною, и то сено косити Михалку ж Олферову с товарыщи к Олферовскои деревне. А оброку им за то сено давати

Сст. 7

16 алтын и полторы денги. А за наместнич доход давати им оброку 25 алтын.

Дер. Ивана Болтина на реке на Двине стоит надвое: в. Петрок Прокофев, да в тои же деревне Сенкин да Ондрюшкин Оксентьевых половник в. Васко Сидоров, а без пашни, в. Иванко Иванов. Пашни в поле 15 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 200 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни полторы обжи. А осталось у них за мерою сена 155 копен, и то косити сено Петроку ж Прокофеву з братею к Ыванове деревне Болтина. А оброку ему за то сено давати 26 алтын без денги. А за наместнич доход давати ему оброку полтора рубли. Да у них же исток из реки из Кодимы в Щаповское озеро.

Дер. Чюхаревская на реке на Двине, усть реки Кодимы, стала после писма: в. Федко Алексеев. Да в тои же деревне пашет наездом из Щаповские деревни Останко Иванов. Пашни в поле 2 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 16 копен. Лесу пашенного на пустошке 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни полтрети обжи. А осталось у них за мерою сена 11 копен, и то сено косити Федку ж Олексееву да Останке Иванову ч Чюхаревскои деревне. А оброку им за то сено давати 2 алтына без денги. А за наместнич доход давати им оброку полшеста алтын с полуденгою.

Дер. Овдокимовская на реке на Двине: в. Останка Иванов, в. Сидорко Марьтьянов. Да в тои же деревне пашут наездом Петрок Прокофев из Давыдовские деревни да Истомка Ермолин. Пашни в поле 10 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 60 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа. А осталось у них за мерою сена 30 копен, и то сено косити Останке Иванову с товарищи к Овдокимовскои деревне. А оброку им за то сено давати 5 алтын. А за наместнич доход давати им оброку рубль.

Дер. Другое Щаповское на рике на Двине: в. Тимошка Еремеев. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 70 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни пол обжи. А осталось у них за мерою сена 55 копен, и то сено косити Тимошке Еремееву к деревне к Другому Щаповскому. А оброку ему за то сено давати 9 алтын з денгою. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Сст. 8 Поч. Ивановскои Щапова // стал после писма на рике на Двине: в. Иванко Иванов. Пашни в поле 3 осмины, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 15 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни полчети обжи. А осталось у него за мерою сена 11 копен, и то сено косити Иванку Иванову к Щаповскому починку. А оброку ему за то сено давати 2 алтына без денги. А за наместнич доход давати ему оброку 4 алтына з денгою.

Пуст. за Невским ручем на реке на Двине: пашет ее наездом Куземка да Гришка да Марко Семеновы Деревцова из Давыдовские деревни. Пашни в поле четверть, а в дву по тому ж. Сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни пол-полтрети обжи. А осталось у них за мерою сена 47 копен с полукопною, и то сено косити Куземке Деревцову с товарыщи. А оброку им за то сено давати 8 алтын без полуденги. А за наместнич доход давати им оброку 3 алтын без денги.

Дер. Царево: в. Олешка Микитин, в. Калинка Денисов сын Царев. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж. Сена 80 копен. Лесу пашенного 15 чети во все три поля. Земля середнея, пашни пол обжи. А осталось у них за мерою сена 65 копен, и то сено косити Олешке Микитину с товарыщи к деревне Цареву. А оброку им за то сено давати 11 алтын без денги. А за наместнич доход давати им оброку полтина.

В Селце на рике на Двине.

Дер. Илинская: в. Власко Оксентьев, в. Третячко Бобров да Игнашка Прокофев. Пашни в поле 12 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни обжа. А осталось у них за мерою сена 20 копен, и то сено косити Власку Оксентьеву с товарыщи к деревне Илинскои. А оброку им за то сено давати гривна. А за наместнич доход дава[ти] им оброку рубль.

Дер. Ущевская: в. Занка Иванов, в. Офонка Олексеев. Пашни в поле 7 чети с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 40 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа без чети. А осталось у них за мерою сена 17 копен с полукопною, и то сено косити Занке Иванову с товарищи к Ущевскои деревне. А оброку им за то сено давати 3 алтына без полденги. А за наместнич доход давати им оброку 25 алтын.

Дер. Тимошки Лапина: в. Васюк Оксентьев, в. Осипко Василев Трубин. Пашни в поле 15 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 70 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни полторы обжи. А осталось у них за мерою сена 25 копен, и то сено косити Васюку Оксентиеву да Осипку Трубину. А оброку им за то сено давати 4 алтын з денгою. А за наместнич доход давати им оброку полтора рубли. //

Сст. 9

Дер. Пукаловская стоит надвое, да к тои же деревне припущено в пашню починок Поповои Понтелеевскои: в. Климко Степанов, в. Омелянко Онцыфоров. Пашни в поле 7 чети с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 30 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа без чети. А осталось у них за мерою сена 7 копен с полукопною, и то сено косити Климку Степанову да Омелянку Онцыфорову. А оброку им за то сено давати пол осмы денги. А за наместнич доход давати им оброку 25 алтын.

Дер. Верещагиновскои починок на реке на Шеике: в. Исачко Михаилов. Пашни в поле 5 четвертеи, а з дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 15 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни пол обжи. А за наместнич доход давати ему оброку полтина.

Дер. Киверниковская на речке на Шеике: в. Матфиико Степанов. Да в тои же деревне пашет наездом Обакумко Иванов из Мартушевские деревни. Пашни в поле 12 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 40 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни обжа. А осталось у них за мерою сена 10 копен, и то сено косити Матфеику Степанову да Обакумку к Киверниковскои деревне. А оброку им за то сено давати 10 денег. А за наместнич доход давати им оброку рубль.

Дер. Матлишевская стоит надвое: в. Васко Кузмин, в. Васко Трубин, в. Корманко Федоров. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 15 ко-

пен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни пол обжи. А за наместнич доход давати им оброку полтина.

Дер. Ануфреевская на ричке на Шеике: в. Тимошка Петров, в. Васка Кузмин, в. Иванко Климентиев, в. Левка Михаилов. Пашни в поле 15 чети, а в дву по тому ж. Сена 60 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни полторы обжи. А осталось у них сена 15 копен, и то сено косити Тимошке Петрову с товарыщы к Онуфреевскои деревне. А оброку им за то сено давати полтретя алтын. А за наместнич доход давати им оброку полтора рубля.

Дер. Обакумовская на ричке на Шеике: в. Обакумко Иванов, в. Ондреико Савелев, в. Кондратко Орефин, в. Левка Михаилов, в. Петрок Клементьев. Пашни в поле 12 чети с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 150 копен. Да у Обакумка, да у Ондрюшки на прикупнои пожне на Багренге сена 10 копен. Земля добра, пашни обжа с четю. А осталось у них за мерою сена 17 копен с полкопною, оприч Обакумкова да Ондрюшкина прикупново сена, и то сено косити Обакумку Иванову с товарищи к Обакумовской деревне. А оброку им за то сено давати 3 алтына без полуденги. Да Обакумку ж, да Ондрюшке давати оброку с прикупного сена з 10 копен 10 // денег. А за наместнич доход давати им оброку рубль с четю.

Сст. 10

Селище Митиневские деревни на речке на Шеике: пашут его наездом Матфеико Степанов з братею из Митинские деревни. Пашни в поле 7чети с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Земля добра, пашни обжа без чети. А осталось у них за мерою сена 27 копен с полукопною, и то сено косити Матфеику з братею к Митиневскому селищу. А оброку им за то сено давати 4 алтына и полтрети денги. А за наместнич доход давати им оброку 25 алтын.

Дер. Филиповская на ричке на Шеике: в. Третячко Бобров з братею. Пашни в поле 10 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 60 копен. Земля добра, пашни обжа, А осталось у них за мерою сена 30 копен, и то сено косити Третяку Боброву з братею. А оброку им за то сено давати 5 алтын. А за наместнич доход давати им оброку рубль

Дер. Микитинская на рике на Двине: в. Степанко Микитин, в. Пашко Омосов, в. Андреянко Андреев, в. Трофимко Ондреев, в. Данилко Семенов. Пашни в поле 15 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 100 копен. Земля добра, пашни полторы обжи. А осталось у них за мерою сена 55 копен, и то сено косити Степанку Микитину с товарыщи к Микитинскои деревне, а оброку им за то сено давати 9 алтын з денгою. А за наместнич доход давати им оброку полтора рубля.

Селище Белавинские деревни у часовни: пашут его наездом из Микитинские деревни Пашко Омосов да Обакумко Иванов. Пашни в поле 13 чети с полуосминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 60 копен. Земля добра, пашни обжа с третю. А осталось у них за мерою сена 20 копен, и то сено косити Пашку Омосову с товарищы к селищу Белавинскому. А оброку им за то сено давати гривна. А за наместнич доход давати им оброку рубль и 11 алтын з денгою. Да у того же селища за полем у часовни в. диячек Микифорец Борисов без пашни.

Дер. Олферовская на рике на Двине, стоит надвое: в. Гаврил Фатянов, в. Олешка Григорев, в. Степанко Григорьев, в. Гришка Григорьев. Пашни в поле 20 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 150 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни 2 обжи. А осталось у них за мерою сена 90 копен, и то сено косити Гришке (!) Фатянову с товарыщи к Олферовскои деревне. А оброку им за то сено давати 15 алтын. А за наместнич доход давати им оброку 2 рубля.

Дер. Горлищевская на рике на Двине: в. Степанко Михайлов, в. Иванко Окулов, в. Ортемко Алексеев, в. Васка Малафеев, в. Окулко Лукоянов. Пашни в поле 15 чети, а в дву по тому ж. Сена 100 копен. Да у Иванка ж у Окулова за страдище (!) сена 8 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни полторы обжи. А осталось у них за мерою сена 63 копны, и то сено косити Степанку Михаилову с товарищи к Горлищевскои деревне. А оброку им за то сено давати 10 алтын и 3 денги. А за наместнич доход давати им оброку полтора рубли.

Дер. Марковская: в. Гридка Исаев, в. Иванко Иванов,
Сст. 11 в. Васко Семенов. Пашни в поле 12 чети с осминою, // а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля добра, пашни обжа с четю. А осталось у них за мерою сена 12 копен с полукопною, и то сено косити Гридке Исаеву с товарищи к Марковскои деревне. А оброку им за то сено давати 2 алтын с полуденгою. А за наместнич доход давати им оброку рубль с четю. Да у тое ж деревни у Марковские за полем селище Ивановское: пашут его наездом Иванко Окулов да Степанко Михаилов из Горлищевские деревни да Гридя Исаев, да Ивашко Иванов, да Васко Семенов из Марковские деревни. Пашни в поле 4 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 10 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середняя, пашни трет обжи. А за наместнич доход давати им оброку 11 алтын з денгою.

Дер. Зубатинская: в. Лучка Онтипин. Да в тои ж деревне две трети Иванку Федотеву, в. половник его Мишка Онуфриив. Пашни в поле 6 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни пол обжи. А осталось за мерою сена 35 копен, и то сено косити Лучке Онтипину с товарищи. А оброку им за то сено давати 6 алтын без денги. А за наместнич доход давати им оброку полтина.

Дер. Цырцовская: в. Савка, в. Кирилко Афонасевы, в. Куземка Григорьев. Пашни в поле 20 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 60 копен. Лесу пашенного 9 чети. Во все три поля земля середнея, пашни 2 обжи без трети. А осталось у них за мерою сена 10 копен, и то сено косити Савке з братом и с товарищи к Цырцовскои деревне. А оброку им за то сено давати 10 денег. А за наместнич доход давати им оброку рубль и 22 алтына и полторы денги.

Дер. Лукинская на озере на Двинском: в. Гришка Игнатев. Да в тои же деревне пашет наездом Демка Ануфриев из Зубатинские деревни. Пашни в поле 10 четверти с осминою, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен. Лесу пашенного 9 чети во все три поля. Земля середнея, пашни обжа без получети. А осталось у них за мерою сена 24 копны, и то сено косити Гришке Игнатеву

с товарищи к Лукинскои деревне. А оброку им за то сено давати 4 алтына. А за наместнич доход давати им оброку 29 алтын з денгою.

И всего в волости в Кодиме и в Селце на рике Двине и на Иксоозере, а в неи 53 деревни да 7 починков, да 3 селища, да пустошь.

А дворов в них 118 дворов, а людеи в них 127 человек, да 3 дворы пусты. Пашни в поле добрые земли 294 четверти без полуосмины, а в дву потому ж, а обеж 29 обеж с третю и пол-пол-пол-трети обжи. А середнее земли в поле 300 чети, а обеж 25 обеж. И все пашни добрые и середнее земли в поле 594 чети без полуосмины, а в дву по тому ж, сена 1631 копна, лесу пашенного 495 чети во всех трех полях, а обеж 54 обжи с третю и пол-пол-полтрети обжи. А по государеву наказу положено на обжу доб-
Сст. 12 рые земли по 10 чети, а середние земли по 12 чети, // а сена им дано по 30 копен на обжу. А за наместнич доход и их пошлинных людеи давати им оброку на год 54 рубли и 14 алтын без полуденги да пошлин 3 рубли 9 алтын без денги, с рубля по 2 алтына. А осталось у них за мерою обеж сена 2687 копен, и с того сена давати им оброку на год 13 рублев и полпятанатцата алтына, с копны по денге да пошлин 27 алтын без полуденги, с рубля по 2 алтына. И обоего за наместнич доход и их пошлинных людеи, за сено оброку и с пошлинами давати им на год 71 рубль и 32 алтына без денги.

А угодя у Кодимьских и у Селецких хрестиян покосы и лес и отхоженя (!) пашни, и речки малые, и истоки, и всякие угодя от Серебряного ручя вниз Двиною рекою одным берегом по левой стороне по Елов (!) нос до Березово озеро, по смете на 16 верст, а поперег река Двина на версту, а инде болше. А которые пашни и покосы за Серебряным ручем на Кодимьскои стороне в межах через полосу со крестьяны Нижные Тоимы и те пашни пахати и пожни косити по старине. А рыба в реке в Двине: семга, лох, щука, сиг, лещ, яз, окунь, плотицы. В реке в Двине Кодимьские и Селецкие крестияне ловили рыбу с своего берега безоброчно. А вперед на них с реки з Двины за рыбную ловлю оброк не положен, потому Кодимские и Селецкие волости крестьяне всею волостью били челом писцом, а сказали, что им в реке в Двине рыбная ловля на оброк взяти немочно: в волости у них все люди охудали от межевины, еже лет у них хлеб морозом побивает, а ловят рыбу про себя, не на продажу, а продавати им рыбы негде, торгов у них по волостям нет нигде, а городов у них блиско нет же, а иных волостеи крестьяне реки Двины на оброк не взял нихто. Да у них же в угоде Иксо озеро и до реки Двины, в длину его по смете 3 версты, а поперег 50 сажен, а рыба все белая, а оброк на кристиян не положен за худостью.

К сеи сотнои грамоте царь и великии князь Иван Василевич всеа Русии велел печать свою приложити лета 7074 ноября в 6 день. А подписал царев и великого князя дияк Федор Рылов.

Принятые в статье сокращения:

ГВНП — грамоты Великого Новгорода и Пскова.

РИБ — Русская историческая библиотека.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси.

А. И. Копанев

КУРОСТРОВСКИЕ СТОЛБЦЫ XVI В.

В 1902 г. от академика А. А. Шахматова в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук поступили в качестве дара Куростровские столбцы — документы из архива Куростровской волости, расположенной на одноименном острове вблизи Холмогор. Всего в этом собрании 43 документа, из которых 25 — середины и 2-ой половины XVI в. и 18 — конца XVII — нач. XVIII в. [1]. В отличие от поздних документов чрезвычайно разнообразных, документы XVI в. представляют собой некоторую цельность: они относятся, в большинстве своем, к деятельности волостных учреждений — волостных сходов, выборных должностных лиц, волостных посыльных по разным делам и т. д. Поэтому мы считаем целесообразным опубликовать здесь из Куростровских столбцов именно документы XVI в.

Середина и 2-ая половина XVI в. — важный период в истории северной волости. Земская реформа Ивана Грозного формально закрепила волостное самоуправление и освободила волость от тягостного для нее кормленьщика.

Публикуемые документы освещают внутреннюю жизнь волости в этот период: взаимоотношения волости с наместничьим управлением, формирование органов земского самоуправления после отмены кормлений и действия этих органов.

Отнеся в комментарии характеристику содержания публикуемых документов, скажем здесь несколько слов об отдельных группах их.

Основную группу составляют розрубы — приговоры волостных сходов о раскладке между волощанами государ-

[1] Куростровские столбцы описаны В. И. Срезневским в кн.: «Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение имп. Академии наук в 1902 г. Спб., 1903, стр. 58—63. В настоящее время Куростровские столбцы хранятся в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР, ф. 177. АН СССР.

ственных налогов, расходов, понесеных волостью при выполнении государственных повинностей, и всевозможных поборов на волостные нужды. Куростровские столбцы сообщают данные о 18 розрубах, из которых 8[2] относятся к 40-м годам (№№ 2, 3) и 10 — к последней четверти XVI в. (№№ 6, 8, — 10, 12, 14, 18, 21, 22, 24). К этой же группе мы относим три памяти — платежые списки, поскольку они отражают также розрубы (№№ 13, 17, 19).

Розрубы не только выявляют технику мирской раскладки, окладные единицы, тяжесть налогов и всевозможных поборов, ложившихся на черносошного крестьянина, но и дают возможность взглянуть на социальное развитие волостного крестьянства, выявить поземельную и имущественную дифференциацию в его среде, почувствовать внутреннюю борьбу между отдельными слоями крестьянства. Розрубы характеризуют отношение правительственных учреждений к волости, использовавших волостную организацию прежде всего в фискальных целях.

Выборные списки или выборы следующая группа документов в составе Куростровских столбцов. Хотя их всего три (№№ 5, 16, 20), но они дают яркую картину волостных выборов, разных должностных лиц: земского судьи, сотского, пятидесятских и десятских. В выборных списках определяются обязанности должностных лиц, их ответственность перед волощанами. Особый интерес представляет выбор 50-х годов (№ 5), производившийся по царской грамоте (видимо, по Земской грамоте 1556 г.), в котором поименно названы сотский, пятидесятские и десятские, а также состав каждого десятка.

Как «розрубы», так и «выборы» показывают действие высшего органа волостного самоуправления — волостного схода. Перечни участников этих сходов, приведенные в документах, недвусмысленно свидетельствуют о ведущей роли в них волостной верхушки — богатых крестьян.

Три царские грамоты, посланные на Двину и сохранившиеся в архиве Куростровской волости (№№ 4, 7, 11), характерны однообразностью содержания — все они требуют незамедлительной присылки налогов. Как доставлялись налоги в Москву, можно судить по расписке одного крестьянина, взявшегося за это дело. Она печатается под № 1.

Разрозненные грамоты: порядная 1587 г., явка о покраже денег 1599 г. и обыскной список о ремесленниках (№№ 15, 23, 25) содержат некоторый материал об экономической жизни и быте куростровцев в XVI в.

Документы печатаются по подлинникам. Большинство столбцов составлялось непосредственно на волостном сходе (розрубы, выборы), некоторые писались в волостной канце-

[2] Семь розрубов публикуются под № 2.

лярии или в приходской церкви. Почти все имеют подтвердительные подписи писцов, в некоторых случаях и послухов. Розрубы «к старосте Игнатию» (№ 2) написаны на одном столбце и представляют собой несомненно современную копию всех 7 розрубов, по которым староста Игнатий должен был собирать деньги с волости. Две царские грамоты (№№ 7, 11) сохранились в подлинниках, одна (№ 4) в списке. 22 документа имеют точные даты. Приблизительно датированы №№ 5 и 24, первый—50 годами XVI в., второй—концом XVI в. по совпадению имен. Свыше 20 крестьян, названных в № 5, упомянуты в розрубе 10 января 1549 г. (№ 3), ряд имен № 24 совпадает с именами, названными в документах конца XVI в. Память сборщиков Исака Онтоманова и Юрия Бутакова (№ 19) отнесена к сентябрю 1589 г. потому, что именно этим сборщикам было поручено собирать деньги по розрубу 17 сентября 1589 г. (№ 18). Мы попытались уточнить даты 5 розрубов старосте Игнатию (№ 2). Исходя из того, что деньги по розрубу 12 мая 1547 г. (I) брались «с великодонским кормом», можно датировать следующий розруб 7055 г. (II) также 1547 годом июнем — июлем, так как в нем предписывалось собрать деньги, расходованные старостой Игнатием при сборе «великоденских кормов». Следующий розруб 7056 г. (III) можно датировать ноябрем 1547 г., так как в нем определялось брать «корм рождественский». Так как старостины расходы, понесенные при сборе рождественского корма, были предметом раскладки следующего розруба (IV), то мы можем его датировать январем-февралем 1548 г. Розрубы VI и VII могут быть датированы: первый — апрелем-маем 1548 г. (в нем розрубался пасхальный великоденский корм) и второй июнем 1548 г. (в нем раскладывался петровский корм).

Порядок расположения документов хронологический, каждый под особым номером. Наши номера соотносятся с номерами архивного хранения следующим образом: 1 соответствует 1, 2—2, 3—3, 4—4, 5—24, 6—5, 7—6, 8—7, 9—8, 10—10, 9—11, 12—11, 13—12, 14—13, 15—14, 16—15, 17—16, 18—17, 19—22, 20—18, 21—19, 22—20, 23—21, 24—23, 25—31.

Документы печатаются по общепринятым правилам издания актов XVI в.

В заключение укажем, что ранее из Куростровских стобцов были напечатаны П. А. Садиковым 4 (№№ 1, 4, 7, 11)[3], а А. А. Морозовым девять (№№ 3, 6, 11, 12, 14, 17, 18, 19, 25) документов[4].

[3] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950, стр. 418—419, 428—431, 485—486, 492—493.

[4] А. А. Морозов. Юность Ломоносова. Изд. 2-е, Архангельск, 1958, стр. 527—531.

№ 1

1538—1539 гг. — «Запись» Гаврилы Михайлова сына Плешкова старосте Алимпию и Куростровской волости Двинского уезда в приеме для отвоза в Москву разных податей и поминков[1]

Се яз Гаврило Михайлов сын Плешков взял есми у старосты у Алумпея и у волости у Куростровской с полупятыдесять сох с сохою дань великаго князя вести к Москве по книгам сполна: белошную дань и горностали, и обежную дань, и ямские деньги, и поральские, и за морской оброк, и вытные деньги и великаго князя и бояром и диаком поминок по три деньги. А пищальных денег есми у волости не взял; а бити ми челом о тех деньгах великаму князю по грамоте по пищальной; а что в том мне учинится убытка, и волости Куростровской свою доль сьимати им с меня, а мне сказать им по хрестному целованию. А та мне дань великаго князя сполна отдать на Москве великаго князя казначеем по книгам. А взял есми у них найму по четыре деньги на сошку. А пошнут даньщики земьское дело делать, и мне Гаврилу з земьскими дело всякое делать содного; а не учнут дела делать и что волости Куростровской в том доспеется, и мне Гаврилу то сьимать с волости те убытки. А на то послуси: Сидор Иванов сын Малас да Степан Левонтеев сын Бутаков. А запись писал диак святого Дмитреа Давыдец Михайлов сын лета 7047.

На обороте:

По сей записи яз Гаврило взял у старосты у Алуппея пищальных денег полпятидесят алтын денег да две деньги.

По сей записи яз староста Алумпей заплатил за волость за Куростровскую досталь пищальных денег и с ростом и з докладною Гаврилу Плешкову.

№ 2

1547—1548 г. — Разрубные списки[2] куростровских волощан для старосты Игната за 7055—7056 гг.[3].

I 1547 г. мая 12.

Лета 7055-го мая в 12 день. Разрубили куростровскиа волощане брать старосте [Игна]тью соцкого размету, что соцкой разрубил месяца февраля в 7 с Ненокоской... торью дворною за два года прошлыя и с разбойничною ненокоскою проторью,... веди белыа и олени и иныя соцкого протори, и положено в той соцкой ро...си брати с сохи по 3 алтыны без денги да по четыре денги с человека. Да что соцкого... разрубу з Григорьева Морозова иску пошлины и прогоны московскиа, и что ...делщиком и подьячему от правежю поминков того по алтыну с человека. И те сошныя три алтыны без деньги положили волощане старосте брати с сох с великоденским кормом. А те поголовныа обех соцкого разрубов поголовных, опричь сош..., разрубили брати старосте по семи денег с человека, а имать старосте денги за пешков на государях, у кого хто живет во дворе или на земли.

II 1547 г. июнь—июль[4]

Лета 7055-го. Разрубили куростровскиа волощане старосте Игнатью брати дань великого князя по книге писма Тимофеа Михайлова сына Офонасьева с товарищи с полной по семи бел за горнастали, по 7 бел обежных, поралских по 2 денги, ямских денег по 6 алтын без денги, пищалных денег по 7 бел, а с оброчных деревень великого князя по 14 алтын с сошки за белку вытнаа и смотренаа по денги и на-

мет на поральскиа денги в той же денги. На поминки на московскиа по 4 денги, подьячему Мелентею на корм и поминок по 8 денег. Да что данщику ж корму шло до уряду и приход старостин к данщику по 2. Да что Макарья посылали к Москве да Федора Шишкина 5 рублев, да Федора Адашева подводы и суды того по полушесты денги с сохи. Кому дань вести да кому ехати к Москве мир явити с намесники того по полупята алтына с сохи. Старостина росходу Игнатьева за великоденьскими кормами и за мировыми по алтыну с сохи. Да что у Ивана занели 3 рубли в службу и тех денег брати пол 3 рубля по 11 денег, а полтина за Игнатьем, да рост на Ивановы денги и на Неверовы и что кого давали на поруку в мировых и неделщиковы люди. А всех тех денег брати с чернокуньской сохи по полтретьятцати алтын, а с княжищинной по рублю з гривною.

III 1547 г. ноябрь.

Лета 7056-го. Разрубили куростровскиа волощане брати старосте Игнатью корм рожественской на оба двора наместничи по 2 алт. с полуденгою с сохи, на поминки по 2 алтына. Да соцкого розмету Шеляпина по его росписи по 3 алтыны без деньги с сохи да по денги. На Савку попа трехсвятительского по деньги с сохи, понамарь и подворской по денги, дрова по 2 алтына з десяти сох. Дьяка земского по 2 денги с сохи да з десяти сох по денге. Да Василья Бачюрина розмету подводы и протори по его росписи с Рожества Христова по Спасов день по 3 алтыны, а по 4 денги что в Ненокоскую 15 рублев того в бор не положили. Да Васильева ж розмету брати емецких подвод Офонас счету по 4 алтыны без 2 денег с сохи. Да старостина росходу Игнатьева задняго по Рожество Христово по 3 алт. с сохи. Да Оксену полтина да Захару 2 гривны, да Матвею 2 гривны... по 4 денги с сохи. Дьяку руга по 2 денги, старостина найму по денги. И всего того брати с сохи по 20 алт. без полуосмых денег. Да по 3 алтыны, а куну въезджяго, да четыре алтын ездов и поминков по Иванове кабале, да пол 3 алтына намет на дровеныа денги да дьяка земского.

IV 1548 г. январь — февраль.

Лета 7056-го. Разрубили куростровскиа волощане брати старосте Игнатью дань великого князя по книгом писма Тимофеа Михайлова сына Офонасьева с товарищи сполно по 7 бел за горнастали, по 7 бел обежных, поралских по 2 денги, ямских денег по 6 алтын без денги, пищалных по 7 бел, а с оброчных деревень по 14 алтын за белку, вытнаа и смотреная до денги и намет на поралские денги в той ж денги. На поминки великому князю и бояром и дьяком по 4 денги. Подьячему Василью на корм и поминок по 8 денег. На отвоз дани по 3 денги. Нечаев объезд и вздьждьа по полуполтине. Шеляпина розмету по денге с человека то на сохи ж положено. Да старостина росходу за рожественскими кормами и что данщику ушло на приезде, и что доводчиком и тиуном как колмогорци искали, и что на старосте и на Васильи и на Даниле пропою взяли на оба двора, и старостин рубль за сена того всего по полуполтине с сошки. Да с княжщинной веревки по денге за пустую веревку за уткинскую. Оксену за все его боры и Игнатью по сесь счет. Да Тимофеа послали к Москве, того по 2 алтына с сошки ему 2 рубля, а на поминки рубль. А всего того брати с чернокунской сохи по рублю и по осми денег, а княжщинной по полтора рубля без 7 денег.

У 1547 г. октября 10.

Лета 7056-го октября 10 день. Разрубили куростровскиа волощане брати старосте Игнатью соцкого розмету дворную проторь княж Дмитреева двора, и Морозова, и княж Петровой протори дворной и что князю Дмитрею дати, чтоб двора не ставити, да Ивана Глухова с това-

рищи стояньа и поминки, и наем дворовой, и наем тем людем, которыа с теми обыщики ездили на Волок и в Орелское, и что Морозов стоял на Куростров, и что на старосте взял Федор Адашев два рубля и десять ал. за жаворонка и те все денги розачли брать старосте по полупятыя денги с человека. Да с сох брать подьячего Пятого по полторы денги с сохи. Да соцкого найму по полтретьи денги с сохи. Да на опрос ходили волощане и пропою по три денги с сохи да по полуденги с сохи Василью Бачюрину в данщиковы сторожи. Да старому старосте Оксену достоль его боров по 2 алтына с сохи. И всего того брати Игнатью по гривне без полуденги с сохи.

VI 1548 г. апрель — май

Лета 7056-го. Разрубили куростровскиа волощане брати старосте Игнатью корм великоденьской на оба двора по пол 7 денги, на поминки и на бораны по алтыну. Старостина росходу от данного счету по Велик день по алтыну, найму старостина по денги с сошки, соцкого найму по пол 3 денги. Да Офоня Манаков давал на поруку Коренника да Останю да Пантелеа того по полуденги с сошки. И всего брати с сохи по четыре алтыны без полуторы денги. Да соцкого размету Шеляпина дати князю Петру, чтобы двора не переставливал пол 25 рублев, да на бревна на княж Петрове ж дворе изба да клеть ставити, да на дворную проторь на заднюю с Рожества Христова и вперед по 3 денги с человека, да быстрокурскаа по 2 денги. Итого разочли брати старосте в своей волости по полчетверты денги с человека, а за пешки имати денги на государях хто у кого живет.

VII 1548 г. июнь.

Лета 7056-го. Разрубили куростровские волощане брати старосте Игнатью корм петровской по 7 денег на оба двора, на поминки и на бораны по 8 денег, соцкого размету Шеляпина протори что у него шло подьячему данщику Василью Вражскому по пол 11 денги, пищалных денег по 8 бел, и в сей волости браны пищалныа з данью по 7 бел, а ныне брати по 2 денги, да за белку; что Федор Сукин взял на данщиках, того по 8 денег, да старостина Игнатьева расходу, что у него шло за великоденьскими кормами и приход к наместником и к пошлинником и к данщику и росты на денги все сочтено от Великодни по Петров день, итого стало по 4 алт. без денги на сошку, да старостина найму по денги. И всего того брати по 10 алтын с сошки.

№ 3

1549 г. января 10. — Разрубный список куростровских волощан на волостные расходы [5]

Лета 7057-го генваря в 10 день седели Куростровские волощане на розр[уб]е, а розрубали четырнатцать рублев без чети лисостровского иску да Шеляпины проторей четыре рубли без дву гривен, да старостина росходу пять рублев. И розрубили те деньги по царя и великого князя гра[мо]те по животам. И положил Василей Бачюрин рубль з гривною, Данила Бурого 20 алтын, Иван и Яков 8 гривен, Василей Остафьев 4 гривны, Евстуфей 20 алтын, Металник 20 алтын, Павел Борадин полтину, Логин Исаков полтину, Ворона 5 алтын, Захар Дорошин 2 гривны, Яков Алексеев 2 гривны, Семен Нестеров 6 алтын, Петух гривну, Юрьа Удовкин 10 алтын, Фалелей Сивцов 10 денег, Степан Бутоков 4 гривны, Феш 4 гривны, Борис Гундырев 4 гривны, Бушко 2 гривны, Пантелей Голубин 10 алтын, Родивон з детьми 10 алтын, Онфилоф Нестеров и с племенником 10 алтын, Останя Тотаринов, 4 гривны, Василей Тутуров 2 гривны, Сук 2 гривны, Гридя Басов 4 ал.

тына, Григорей з братьею Никитин 10 алтын, Иван Бородай 2 гривны, Гаврила Скрыпицын 2 гривны. Овдокимовы братеники 10 алтын, Ерыш 2 гривны, Иван Михайлов 2 гривны, Нечай Резанов з братом 2 гривны, Лушь Сидоров гривну, Тарутин 10 алтын, Агей Кукин 2 гривны, Кичига гривна, Всей Сидоров гривну, Осей 2 гривны, Ивановы дети Тутурова 5 алтын, Иван Давыдов 2 гривны, Анфал 2 гривны, Доршин гривну, Калина 2 гривны, Тимоня Тряблов 2 гривны, Иван Гвоздев 5 алтын, Алферовы 2 гривны, Тимоня Панков 5 алтын, Коренник 10 алтын, Офоня 2 гривны, Олеша Фешов 2 алтына, Кощуга алтын, Васко Фешов 5 алтын, Иван Лопаткин 3 алтына, Лобцовы 8 алтын, Болоболка гривна, Микша 2 алтына, Павел Захаров 2 гривны, Игнатей з братом 2 гривны, Фомин сын 7 бел, Оксен 4 алтына, Яков Александров 2 алтына, Федор Яша да Раздроба 2 алтына, Степанка 5 алтын, Сидор Минин 2 гривны, Пашко з детьеми 5 алтын, Миша Селюков 4 алтына, Гусь 7 бел, Макар 10 денег, Крыло з братом 3 алтына, Панко Лопаткин 2 алтына, Орлов сын 7 бел, Ермак Барыгин 4 алтына, Шумко з братом 4 алтына, Иванка Барыгин алтын, Сухой Тетерин гривну, Горох 3 алтына, Тарас алтын, Ефим Дедов з братом 2 алтына, Мишко Кривой алтын, Лунтушков гривну, Митя Ульянкин алтын, Родя алтын, Гаврила алтын, Осей алтын, Тит алтын, Утроба алтын, Окул Барыгин 7 бел, Евсей 2 алтына, Култа 2 алтына, Богатырь 10 денег, Истома 4 деньги, Ушак Короваев 2 алтына, Захар Исаков алтын, Потаня Усачев алтын, Ушак Климов гривну, Шамахеин алтын, Костя Митрошин 5 алтын, Клиш Проскунин алтын, Обрюта 8 бел, Оска алтын, Трясцины 8 бел, Поздяк Степанов 2 алтына, Мохнач алтын, Поднебесный алтын, Барма алтын, Никифор алтын, Высокой гривну, Васко Чернавин 10 денег, Корень 10 денег, Трошко Самарнин 2 гривны, Устин 10 денег, Бабустя 4 деньги, Якуня Ондронов 2 алтына, Барабан 4 денги, Катицин алтын, Филя Бабин 2 алтына, Зенов 2 алтына, Феш Степанов 2 алтына, Задора 3 алтына, Нерон 2 гривны, Илья Проскурнин 2, Филя з детми гривну, Чирухин 8 денег, Кушака 10 денег, Фешко Марин 3 деньги, Глядко алтын, Петр Вашко 3 алтына, Некрас скомарох 10 денег, Симака алтын, Проня 4 деньги, Конин да Раипин 4 деньги, Конуша 10 денег, Тимоня Щелконог 2 алтына, Осиф Тряблов 2 деньги, Васко Попов 8 денег, Шиндрик с сыном алтын, Зык с сыном алтын, Арсен 5 алтын, Ларюк Плешков 2 алтына, Истома Бабин 3 алтына, Истомко Мартинов 3 деньги, Оброс 3 деньги, Фирюл 10 денег, Фишин 2 деньги, Иванко Давыдов 2 деньги, Таврул алтын, Истома скомарох с сыном алтын, Нечай Клементьев 3 деньги, Панко Дубасов алтын, Гридя Дубасов 3 деньги, Сектун алтын, Глухой 4 деньги, Поздяк Малахин алтын, Якуня Кукин 4 алтына, Дрозд 8 алтын, Лыжин 4 гривны, Влас гривну, Невер гривну, Федко Воронцов 4, Лобанко алтын, Суета 4, Бакуня 3 деньги, Костя Воронцов 4 деньги, Васко Митрошин алтын, Тимофей Романов алтын, Булан 2 гривны, Останя Калинин 2 гривны, Ивоня з зятем 2 гривны, Копыс 3 алтына, Паршуня Тряблов 2 алтына, Осыка алтын, Офутя 4 деньги, Лука 4, Акат 3 деньги, Сеске алтын, Васка Карпигин 2 алтына, Савка Рагатинин 2 деньги, Коншак Суткуна 2 алтына.

№ 4

1557 г. до 6 декабря. — Грамота земским властям Двинской земли о сборе и присылке в срок разных податей казначеям Ф. И. Сукину и Х. Ю. Тютину и дьякам Василию Мелентьеву и Дружине Лазареву [6]

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии на Двину, на Верхнюю половину, Василью Степанову сыну Настасьина да Василью Губанину и старостам и целовальником и сотцким и десятским и всем луччим людем и середним и молодым; да и на Нижнюю поло-

вину, на Колмогоры, Олександру Омосову сыну Соломбалского да Филипу Родивонову и старостам и целовальникам и всем лутчим людем и середним и молодым, посадцким и становым и волосным; да в Двиньской уезд на Пенегу на Большую; да на Пенегу на Малую старостам и целовальникам и всем людем тех волостей. Послали есмяк к вам с сею грамотою недельщика Гаврила Железникова, а велели есмя ему Верхней половины и Нижней посадских лутчих людей и середних и молодых и становых и волостных, старост и сотцких и десятцких и всех волосных лутчих людей в своей дани подавати на поруки з записьми, что вам наша дань по книгам и по сей нашей грамоте собрати на Николин день на осенней всю сполна без недобору. И как к вам недельщик Гаврило Железников с сею нашею грамотою приедет, и вы б з Двины, с посадов, с обеих половин, и станов и с волостей с черных и с церковных и с манастырских и з своеземцевых, и с Пенег с обеих, собрали нашу дань по книгам, по новому письму Ивана Петровича Заболотцкого с товарищи, и по сотным грамотам на нынешнее лета 7060 шестаго , с семидесят да з дву сох больших да с четырех сошек малых с полуобжею, опричь тех, которыя изо льготы вышли лета 7060 шестаго и лета 7060 пятого за белку и за горностали и обежную дань и ямские денги и за поральскую белку и за морской оброк с рек с Терские стороны и с варниц оброк и с тонь морских и с пустошей и с пожен и всякие оброки, шестьсот рублев да восмдесят рублев да два рубля и семь алтын без деньги, да и пищальные деньги да и загубьской орбок со всее Двинские земли сполна без недобору. Да и по книгам же Ивана Петровича Заболотского с товарищи собрали бы есте з Двины, с обеих половин, с посадов и станов и с волостей и с Пенег на нынешнее лета 7060 шестой год за нашь посыпной хлеб, за сто за шестьнатцать, четвертей ржи, да за двесте за тритцать да за две четверти ячмени, за рожь и за ячмень деньгами по той цене, как у вас нынешнего году хлеб купят. Да со всее ж Двинские земли, с обеих половин, с посадов и станов и с волостей и с Пенег, со всех сох с черных и с церковных и с манастырских и своземцевых, собрали бы есте за посошные люди и за городовое и за засечное дело з большой сохи по полутора рубля да за [е]мчюгу по полтине с сохи да приметных денег по полуполтине с сохи на нынешней лета 7060 шестой год. А собрав нашу дань по книгам и по сотным грамотам, за белку и за горностали и ямские и пищальные деньги и за хлеб деньгами и с варниц оброк и с тонь и с рыбных ловль и мелких оброков и за посошные люди и за городовое и за засечное дело и приметные денги и за емчюгу, и казначееву и дьячу и подьячих пошлину по сей нашей грамоте сполна без недобору, привезли бы есте к нам на Москву и отдали казначеем нашим Федору Ивановичу Сукину да Хазяину Юрьевичу Тютину да дьяком Василью Мелентьеву да Дружине Лазареву на Николин день на осенней однолично без всякого переводу, вместе, а не порознь. А которые будут люди посадские и волостные в нашей дани и в ямчюжных и в посошных и в приметных деньгах и в посыпном нашем хлебе учнут ослушатись, и мы на тех ослушников дали вам приставством того ж Гаврила Железникова, а велели есмя, на тех ослушникех те недоплатные деньги доправливая, вам отдавати сполна. А над Гаврилом бы есте берегли того накрепко: на которых ослушниках учнет те недоплатные деньги правити, и у тех бы людей однолично посулов не имал, чтоб наше казна вся сполна без недобору на срок на Николин день на осенней к Москве поспела. А не будет та наша казна вся сполна на срок на Николин день на Москве и мне велети взяти на вас та своя казна, недоплатные деньги, вдвое без отдачи. А учнет Гаврило у тех ослушных людей от правежу у кого ни буди чего посулы и поминки имати, и Гаврилу от меня царя и великого князя быти кажнену. Да в книгах же в писцовых написано, в Верхней половине и вь Емецком стану и в Нижней половине и в Пенегах даваны деревни пустые и починки и пустоши на льготу на пять лет до лета 7060 шестаго, а тем деревням и

починком и пустошам послали есмя к вам книги, перечень с книг писма Ивана Петровича Заболоцкого с товарищи, и вы б с тех деревень и с починков и с пустошей со льготных собрали нашу дань за белку и за горностали и ямские и пищальные деньги и за посыпной хлеб деньгами сполно без недобору на нынешнее лета 7060 шестой год по книгам и по сотным и по лготным по их грамотам; и за посошные люди и за городовое и за засечное дело по полутора рубля с сохи, а за ямчугу — по полтине с сохи, а приметных денег—по полуполтине с сохи.

Запись на обороте: Дани всякие с сохи по рублю и по 2 денги, опрично хлеба.

№ 5

XVI в. (50 годы) Выборный список крестьян Куростровской волости о избрании сотского, пятидесятских и десятских[7]

По государеве и великого князя грамоте Куростровские волощане выбрали в своей волости соцкого Данила Федорова сына Бурого, пятидесятцким Данила Булана Федорова сына да Третьяка Андреева сына Стрюкова. Десяцкие: в Залывьи Григорей Никитин, в его десятке людей: Данила Федоров сын Бурого да Парфен Сметана, Иван Лыжин, Пантелей Голубин, Александр Гундырев, Остафей Тотаринов, Павел Петров.

Десятцкой Оброс Бутаков, в его десятке: Юрья Удовкин, Василей Тутуров да Нечай Иванов сын Тутурова, Тимоня Кучига, Агей Кукин, Иван Игумнов, Трофим Самарнин, Никан Привалов, Степан Бутаков.

Десятцкой Игнатей Павлов, в его десятке людей: Иван Давыдов, Федор Степанов, Истома Бачюрин, Булан Федоров, поп Иван, дьяк Гриша, Онфутя Федоров, Никита пономарь, Анцифор Овдокимов.

Десятцкой Павел Клементьев, в его десятке люди: Костя Митрофанов, Яким Овдокимов, Яков Авлокумов, Вла... Бажук Лобцов, Евстафей Остафьев, Иван Федоров, Поздей Ли..., Михаила Федоров серебеник.

Десятцкой Логин Исаков, в его десятке люди: Федосей Негушин, Никита Кореник, Третьяк Стрюков, Денис Стрюков, Никула Павлов, Никифор Метальник, Захар Дорофеев, Некрас Удовкин, Проня Ерышев.

Десятцкой Митя Сук, в его десятке: Тимоня Панфилов, Копос Владыкин (?), Истома Бизяев, Офоня Тетерин, Яков Федоров, Ефим Будырь, Семен Мокрецов, Петрок Анфилов, Останя...

Десятцкой Василей Родионов, в его десятке: Анфилофей Несте..., Тюня Тряблов, Гриша Роздробин, Тимоня Тряблов, Яков Иле..., Федор Лушов, Лев Оксенов, Павел Захаров, Некрас Сухой.

Десятцкой Нечай Резанов, в его десятке: Гридя Басов, Нифонт Родионов, Труфан Торутин, Иван Скрыпицын, Осей Лупозов, Ларюк Вляшков, Якуня Кукин.

№ 6

1575 г. марта 16. — Разрубный список крестьян Куростровской волости на разные земские сборы за 7082—7083 гг.[8]

Лета 7083-го марта в 16 день сотник куростровской Семен Васильев сын Бушков да пятидесятцкой Кирило Кузмин сын, да Субота Васильев сын Бачюрина, да Василей да Юрье Федоровы дети Бачюрина, да Федор Стефанов сын Бубнов, да Нечяй Никитин сын Пикишев, да Стефан Данилов сын Бурого, да Ондрон Павлов сын, да Аггей Аникеев сын, да Трофим Павлов сын, да Ждан Обросимов сын Бутакова, да Иван Пахомов сын, да Вешняк Павлов сын, да Назарья Вахромеев сын, да Нифонт Родионов сын, да Григорей Нечяев сын Резанов, да

Вахромей Иванов сын Резанова, да Нечяй Фролов сын, да Зеновей Тимофеев сын, да Дорофей Матвеев сын Демушин, да Никифор Яковлев сын, да Василей Бушко Родионов сын, да Наум Яковлев сын, да Иван Крыло Кипреянов сын, да Филипп Данилов сын Буланов, да Костянтин Митрофанов сын, да Панфил Федотьев сын Лопаткин, да Худяк Семенов сын Лобцов, да Симон Агафонов сын, да Василей да Потапей Павловы дети, да Поликарп Захарьин сын, да Никифор Карпов сын, да Карп Агафонов сын, да Оксентей Захарьин сын, да Семен Григрьев сын и все крестьяна Куростровские волости розрубили есмя в своей волости земского счету подводы всей земли собольников и кречятников, и лебедчиков, и Рюмы Иванова Козлова, и всяких государьских посланников, и дворовые наймы, и кормы, и поминки, и всякие земские протори за два года за лето 7082-го да за лето 7083-го. И тех есми проторей розрубили по алтыну с веревки со шестисот веревок без пяти веревок и с выхожими веревками[9]. И тот розруб велели есмя собрать нашему сотнику Семену чяса сего безсрочно. Розрубной список писал куростровской дьячек Ивашко Михайлов сын.

№ 7

1577 г. октября 8. — Грамота из Дворовой Четверти дьяка Андрея Щерефединова на Двину с требованием немедленно собрать все подати и выслать их в Четверть[10].

...дело и за поральскую белку и за морской оброк с Терньские стороны и з церковных земель за обежную дань и за посопной хлеб и всякие оброки и с пожен и с пустошей и с непашенных дворов и с новых припашей и за рыбные ловли с рек и озер и с гонь морских и загубской оброк и казначеевы и диячие и подьячих и анбарные и пищальные и кормовые денги и за мытные и судовые и людцкие и семожные и пудовые и пятинные и померные и подъемные и рукознобные и свальные и привязные и з гостина двора, поворотные и банные и таможные и явочные пошлины и за десятую рыбу оброчные денги по окладам и верного бранья на нынешней восмьдесят шестой год против прошлого восмьдесят пятого году все сполна, без недобору часа того. А собрав бы естя те наши всякие четвертные доходы все сполна, привезли к нам на Москву в Четверть к дьяку нашему к Ондрею Щерефединову в той ж день по Дмитрееве дни Селунского нынешнего восмьдесят шестаго году однолично безпереводно, не дожидая по себя пристава. А будет которые четвертные доходы по вашему сыску прибудут из пуста в жило, и вы б и те прибылые доходы збирали на нас в правду по нашему кресному целованью да те прибылые доходы и которые неокладные пошлины привезли к нам на Москву на тот же срок. А не зберете тех наших наместничих и волостелинных оброчных и дани и ямских денег и всяких доходов против прошлого восмьдесят пятого году по окладу всех сполна и к нам на Москву на тот срок в той ж день по Дмитрееве дни Селунского не привезете, и нам по вас послати ис прогонов и велети на вас те наши всякие доходы доправити и прогоны взяти вдвое, а самим вам от нас быти в казни. А грамоту б есте меж себя по станом и по волостям посылали не издержав ни часу. Да послали есмя в Двинской уезд в волость в Варзугу к данным целовальником и к старостам и к сотцким и к пятидесятцким и к десятцким и ко всем крестьяном нашу грамоту о таможных и о рыбных и о волостелиных откупных оброчных денгах на нынешней восмьдесят шестой год, велели им, собрав денги, привести к нам на Москву на Филипова заговейно, — и вы б ту нашу грамоту в Варзугу к данным целовальником и к старостам и ко всем крестьяном отослали часа того с кем будет пригоже, не издержав ни часу; а с кем именем отошлете, и вы б

о том к нам отписали. А не отошлете тое наше грамоты в Варзугу часа того и у себя ее задержите и варзужские крестьяне с нашими оброчными денгами для того к нам на Москву на срок, который у них в грамоте писан, не приедут, и нам те оброчные денги и с прогоны велети взяти на вас. Писан на Москве лета 7086 октября в 8 день.

Печать черного воска.

Внизу грамоты написано: Привез сее грамоту государев посланник Семейка Домнин октября в 27 день.

На обороте по склейкам: Ондрей Арцыбашев.

№ 8

1578 г. ноября 12 — Разрубный список крестьян Куростровской волости о разверстке царева оброка «за наместнич доход», таможенного недобора и других платежей [1].

Лета 7087 ноября в 12 день сотник Куростровской волости Вешняк Павлов сын да пятидесятцкой Петр Еремеев сын, да и десятцкие Шестак Семенов сын Лобцов, Василий Кондратов сын, Худяк Александров сын Гундырев, Вахрамей Конанов сын да и люди добрые волостные: Стефан Данилов сын Бурого, Василей да Иван Федоровы дети Бачюрина, Василей Бушко Родионов сын, Вахромей Иванов сын Резанов, Григорей Нечаев сын Резанова, Нечай Двор, Яша Егоров сын, Илья Иванов сын Бурого, Матвей Копос Михайлов сын, Никифор Яковлев сын, Юрей Федоров сын Бачюрина, Агей Аникеев сын, Ондрон да Харитон, да Аверкей Павлова дети, Кондрат да Онфим, да Худяк Ивановы дети Лыжина, Иван Семенов сын Лыжина, Флор Карпов сын, Онцифор Июдин сын, Артемей Александров сын Гундоров, Агафон Поздеев сын, Григорей Остафьев сын Дубасов, Нечяй Никитин сын Пикишев, Леонтей да Орех, да Порока Григорьевы дети Пикишева, да Пахом да Василей Захарьины дети, Стефан Захарьин сын Привалов, Иван Никонов сын Привалов, Тимофей Самоилов сын Ушаков, Рыкало Данилов сын Буланов, Яков Михайлов сын, Тарасей Костянтинов сын, Безсон Селивестров сын, Заворсха Львов сын Третьяков, Поспел да Василей, да Якунька Васильевы дети, Ияков Овдокимов сын, Сидор Иванов сын Мохнаткин, Истома Федоров сын Шустилов, Наум да Трофим Яковлевы дети, Федор Алферьев сын, Иван Крыло Кипреянов сын, Иев Юрьев сын, Тихон Афонасьев сын Кубенин, Ермола Гаврилов сын, Роман Иванов сын, Андрей Максимов сын Бобров, Федяй Фомин сын Тряблов, Миня Онтипин сын, Зиновей Тимофеев сын Тряблова, Кузьма Яковлев сын пизовар, Кондрат да Ермола Федотовы дети, Федор Фомин сын Верещага Панфилов сын, Ондрей Истомин сын, Лаврентей Анцифоров сын Чирцов, Иван Кузьмин сын Бизяева, Филимон Матзеев сын, Иван Стефанов сын, Оксентей Захарьин сын, Фома Григорьев сын, Кирило Рех Кузьмин сын, Осиф Якимов сын, Созон да Сидор, да Стефан Костянтиновы дети, Леонтей Логинов сын, Анкидин Тарасьев сын, Семен Васильев сын Бушков, Иван Ермолин сын Грязной, Семен Григорьев сын перевозник Меньшик Филипов сын, Кирило Калинин сын, Калина Еремеев сын, Собина Афанасьев сын, Нечай Гаврилов сын, Потапей Никитин сын, Трофим Павлов сын, Нечяй да Тимофей Ивановы дети Тутурова, Стефан Денисьев сын, Ефим да Озка Яковлевы дети, Харлампей Никитин сын Суков, Борис Леонтьев сын, Петр да Терентей Анфаловы дети, Андрей Ефимов сын, Потапей Павлов сын, Субота Васильев сын Бачюрина Куростровские волости крестьяна разрубили есмя в своей волости царев великого князя оброк за наместнич доход и их пошлинных людей, да таможной недобор по своим животам по оценке и по окладу наших оценщиков Ильи Иванова сына Бурого да Зиновья Тимофеева сына

Тряблова, да Пахома Захарьина сына с товарищи по алтыну с рубля поживотного в шездесят рублев и в семь рублев и в двенадцать алтын в оброк и в отвоз и в таможной недобор большие тамги и свальные. Да на выхожие веревки нашего стану положили есмя того разруба оброку и недобору по четыре алтына с веревки. И тот розруб собрати у нас и на выхожих нашему сотнику Федору Вешняку Павлову сыну. И собрав ему с нас те деньги и заплатити нашему выборному судьи Ивану Афанасьеву сыну Галушина да и платежница ему у него на те деньги взяти. А таможной недобор заплатити ему нашим таможникам Куростровские волости Нечаю Пикишеву да Карпу Огафонову, да Нечаю Тутурову их выти, да и записи ему на них взяти в тех деньгах. Розрубной список писал Куростровской дьячок Ивашко Михайлов сын.

№ 9

1580 г. ноября 1. — Разрубный список крестьян Куростровской волости о разверстке царева оброка, «за наместнич доход».

Лета 7089 ноября в 1 день сотник Куростровские волости Семен Парфеньев сын Сметанин да пятидесятцкой Иван Семенов сын Лыжин, и десяцкие Михайло Поздеев сын, Пимин Нечяев сын, Василей Ефимов сын, Иван Грязной Ермолин сын, Трофим Яковлев сын, да и люди добрые волостные: Зеновей Тимофеев сын Тряблов, Обросим Левонтьев сын Бутаков, Ермола Павлов сын, Нечай Никитин сын Пикишев, Григорий Нечяев сын Резанова, Нифонт Родивонов сын, Субота Васильев сын Бачюрин, Агафан Онтоманов сын, Никифор Яковлев сын, Семен да Кузьма Васильевы дети, Пахом да Василий Захарьины дети, Василей да Потапей, да Трофим Павловы дети, Созон да Сидор, да Стефан Костянтиновы дети, Шестак Григорьев сын Стрюков, Юрей да Василей, да Иван Федоровы дети, Вахромей Иванов сын Резанов, Левонтей да Орех Григорьевы дети, Мина да Пентелей Онтипины дети, Агей Аникеев сын, Вешняк Павлов сын, Назарья Вахромеев сын, Андрей Осипов сын, Лаврентей Анцифров сын Чирков, Иван Кузьмин сын, Худяк Семенов сын Лобцов, Матфей Михайлов сын Копос, Нечяй Двор, Яша Фролов сын, Карп Трифанов сын, Симан да Карп Агафановы дети, Кондратей Иванов сын Лыжин, Анцифор Июдин сын, Худяк Александров сын, Иев Юрьев сын, Тихон Афанасьев сын, Кондрат Федотьев сын, Наум Яковлев сын, Федор Алферьев сын, Ермола Федотьев сын, Харлампей Никитин сын, Ермола Гаврилов сын Плешков, Борис Левонтьев сын, Левонтей Логинов сын, Анкидин Кушака Тарасьев сын, Иван Матвеев сын Демушина, Федор Худяк Евсеев сын, Петр Никифоров сын Метальников, Терентей Анфалов сын, Ермола Агеев сын, Роман Иванов сын швец, Петр Иванов сын, Безсон Селивестров сын, Петр Еремеев сын, Федяй Фомин сын Тряблов, Созон Сампсонов сын Сивцов, Ширяй да Кирило Калинины дети, Епифан Остафьев сын, Кирило Кузьмин сын, Фрол Карпов сын, Кипреян Федотьев сын Гостев, Родивон Федоров сын Бубнов, Хабар да Климентей Ивановы дети, Ушаковы дети, Иван Никонов сын Привалов, Григорий Остафьев сын Дубасов, Оксентей Захарьин сын, Никифор Селиванов сын Сорока, Тимофей Самойлов сын Ушаков и все крестьяне Куростровские волости разрубили есмя царев и великого князя оброк за наместнич доход и их пошлинных людей по своим животам и по промыслам и по пашням полюбовно по три алтына с полуденьгою с веревки с наших веревок со всех и с церковных со всех и с выхожих потомуже. И собрати у нас тот государской оброк нашему сотнику Семену Парфеньеву сыну Сметанину. И собрав ему тот оброк нашему сотнику Семену и заплатити нашему выборному судьи Дорофею Матфееву сыну Демушина да и платежница ему у него взяти на те деньги, да с нами со всеми волощаны сочестися. Разрубной список писал Куростровской волоти диячек Ивашка Михайлов сын.

№ 10

1581 г. июня 29. — Разрубный список крестьян Куростровской волости о найме судов и подвод под «государскую казну», привезенную из Испании гостем Иваном Девелом [12].

Лета 7089-го июня в 29 день сотник Куростровские волости Семен Парфеньев сын Сметанин да пятидесятцкой Иван Семенов сын Лыжина да и люди добрые волостные Онтоман Агафонов сын, Зеновей Тимофеев сын Тряблова, Обросим Леонтьев сын Бутаков, Субота Васильев сын Бачюрина, Нечяй Никитин сын Пикишев, Стефан Данилов сын Бурого, Ермола да Василей да Трофим Павловы дети, Иван Федоров сын Бачюрина, Полиект Федотьев сын Гостев, Родион Федоров сын Бубнова, Нифонт Родионов сын, Григорей Нечяев сын Резаноза, Иван Крыло Киреянов сын, Иван Пахомов сын, Яков Васильев сын, Симан да Карп Агафоновы дети, Никифор Яковлев сын, Семен да Кузма Васильевы дети Бушковы, Дорофей Матфеев сын Демушин, Левонтей Логинов сын, Агей Аникеев сын, Созон Костянтинов сын, Андрей Осифов сын, Иван Кузмин сын, Матфей Копос Михайлов сын Копос. Безсов Селивестров сын и все крестьяна Куростровские волости разрубили есмя в своей волости в судовой наем и в казачей наем в подводы под государьскую казну под медь и под свинец, и под серу горячюю, что привез ко государю Шпанские земли гость Иван Девел. И тое протори разрубили есмя по деньги с веревки з земли своих пашен и с выхожих земель нашего стану и с церковных опричь поповы и дияковы и проскурнины земли и пономаревы церковных земель. И собрати у нас те деньги велели есмя нашему сотнику Семену Парфеньеву, и собрав ему те деньги и суды и казаки наймовати и до рубежа отпущати государьская казна с оными сотники с волостными по розчету. А собрати ему те деньги безсрочно. А которой нас крестьян не учнет того разруба денег платить сотнику или учнет теми деньгами волочити со дни на день и нашему выборному судьи по сему розрубному списку на том деньги без суда правити Онуфрею Яковлеву сыну безпенно для государьские казны, кое б государьская казна не застоялась ни чясу. Розрубной список писал Куростровские волости дмитреевской церковной диячек Ивашко Михайлов сын.

№ 11

1581 г. августа 24. — Грамота из Дворовой Четверти дьяков Андрея Арцыбашева и Тимофея Федорова (сына Волка) на Двину с требованием немедленно собрать все подати и выслать их в Четверть.

... и верного бранья на нынешней девятьдесятой год против прошлого восьмдесят девятого году все сполна без недобору часа того. А собрав бы естя те наши всякие доходы все сполна, привезли к нам на Москву в Четверть к дияком нашим к Ондрею Арцыбашеву да к Тимофею Федорову на Дмитриев день Селунского нынешнего девятьдесятого году однолично безо всяково переводу, не дожидая по себя пристава. А будет которые четвертные доходы по вашему сыску прибудут ис пуста в жило, или изо льготы выдут, и вы б те прибылые доходы збирали на нас в правду по нашему крстному целованью да те прибылые доходы и которые неокладные пошлины привезли к нам на Москву на тот же срок. А не зберете тех наших наместничих и волостелиных оброчных и дани и ямских денег и всяких доходов против прошлого восьмдесят девятого году всех сполна и к нам на Москву на тот срок на Дмитреев день Селунского не привезете, и нам по вас послати ис прогонов и велети на вас те наши всякие доходы доправити и прогоны взяти вдвое, а самим вам от нас быти в казни. А грамоту б есте меж собя по станом и по волостям посылали сами, не издержав ни часу. Да послали есмя

в Двинской уезд в волость Варзугу к данным целовальником и к старостам и к сотцким и к пятидесятцким и к десятцким и ко всем крестьяном грамоту о таможных и об рыбных и о волостелиных откупных оброчных денгах на нынешней ж девятьдесятой год, велели им, собрав денги, привести к нам на Москву на Дмитреев день Селунского, — и вы б ту нашу грамоту в Варзугу к данным целовальником и к старостам и ко всем крестьяном отослали с кем будет пригоже, не издержав ни часу; а с кем имянем отошлете, и вы б о том к нам отписали. А не отошлете тое нашие грамоты в Варзугу часа того и у себя ее задержите и варзуские крестьяне с нашими оброчными денгами для того к нам на Москву на срок, которой у них в грамоте писан, не приедут, и нам те оброчные денги и прогоны велети взяти на вас. Писан в Старице лета 7089 августа в 24 день.

На обороте по составам: «...Федоров».

Внизу: Правил подъячий Офонька Варламов.

Печать черная восковая.

№ 12

1582 г. января 7. — Разрубный список на доправку с крестьян Куростровской волости «государевых денег» [13].

Лета 7090-го генваря в 7 день Куростровские волости люди добрые, большие и середние, и молодчие Антоман Агафанов сын, Семен Парфеньев сын Сметанин, Зеновей Тимофеев сын Тряблов, Обросим Левонтеев сын Бутаков, Стефан Данилов сын Бурого, Нифонт Родивонов сын, Вахрамей Иванов сын Резанов, Григорий Нечаев сын Резанов, Нечяй Никитин сын Пикишев, Миня да Пентелей Антипины дети, Анфим да Кондрат, да Худяк Ивановы дети Лыжина, Григорий Остафьев сын Дубасов, Михайло Поздеев сын, Худяк Александров сын, Харитон Павлов, Прокопей Андронов сын, Агей Аникеев сын, Ермола да Василей да Потапей Павловы дети, Иван Пахомов сын, Яков Васильев сын, Трофим Павлов сын, Пимин Нечяев сын, Вешняк Павлов сын, Савастьян Андреев сын, Некрас Васильев сын Бачюрин, Хабар да Климентей Ивановы дети Ушаковы, Полиект да Кипреян Федотьевы дети Гостевы, Матвей Копос Михайлов сын, Безсон Селиверстов сын, Нечяй Гаврилов сын, Поспел Васильев сын, Рыкало Данилов сын Буланов, Созон да Сидор да Стефан Костянтиновы дети, Петр Иванов сын Харитонова, Дмитрей Алексеев сын, Ермола Агеев сын, Роман Иванов сын, Иван Кузмин сын, Андрей Кузмин сын, Лаврентей Анцифоров сын Чирцов, Андрей Осифов сын, Худяк Семенов сын Лобцов, Калина Еремеев сын, Симан Агафонов сын, Василей Ефимов сын, Петр да Терентей Анфаловы дети, Карп Агафонов сын, Дорофей Матвеев сын Демушин, Шестак Григорьев сын Стрюков, Левонтей Логинов сын, Ларивон Анкидинов сын, Петр Никифоров сын Метальников, Никифор Селиванов сын Сорока, Кузьма Васильев сын Бушков, Меншик Васильев сын овчинник, Харлампей Никитин сын Суков, Ермола Гаврилов сын Плешков, Никифор да Ефим Яковлевы дети, Оксентей Захарьин сын, Семен Васильев сын Бушков, Наум Яковлев сын, Трофим Фомин сын, Ширяй Калинин сын, Иев Юрьев сын, Иван Крыло Кипреянов сын и все крестьяна Куростровские волости розрубили есьмы в своей волости государьских денег в две тысячи рублев, что государь велел доправити на всей Двинской земли за всякими доходы. И мы те деньги розвели по разводу по данным книгам свою доль Куростровские волости по своим животам и по промыслам по оценной книги наших выборных оценщиков Ивана Федороза сына Бачюрина с товарищи по девяти денег с рубля с тысячи и с семисот и с пятидесяти девяти рублев. А на выхожие веревки розвели есмя тех денег по сошному разводу по пяти алтын и по три деньги с веревки. И те

деньги собрати у нас и на выхожих веревках нашему сотнику Ореху Григорьеву сыну Пикишеву и собрав ему те деньги и отдати земским посланником, которых пошлют к Москве с тема деньгами всею землею да и запись ему на тех посланников взяти в тех деньгах. Розрубной список писал куростровский дьячек Ивашко Михайлов сын.

На обороте: Да государьского посланника Семена Иванова сына Фролова корм и поминок и всех протори его в том же разрубе.

№ 13

1584 г. марта 10. Память сотнику Куростровской волости о сборе денег по 10 денег с веревки [14].

Лета 7092-го марта в 10 день, Память сотнику Куростровские волости Мокею, что брал бор по десяти денег с веревки и Семен Васильев дал четыре гривны, Василей Семенов сын Лобцев платил три алтына и полчетверти деньги, Никифор Иринин платил 14 алтын 5 денег, Василей Бурссов колмогорец с выхожих платил 8 денег, Ондрей Васильев сын... платил с выхожие з дву веревок гривну, Нечай Пекишев платил 14 алтын пол 4 деньги, Семен Сметанин платил 32 алтына и пол 6 деньги, Онтоман Агафонов платил семь гривен пол 4 деньги, Дорофей Домушин платил 26 алтын пол 2 деньги, Обросим платил 16 алтын с полуденьгою, Безсон Селиверстов платил гривну, Меньшик овчинник платил алтын, Борис Левонтьев платил пол 4 деньги, Стефан Горночаров платил 9 алтын, без 2-ух денег, Василий Бубнов платил пол 6 алтын Игнатий Тимофиев Дреблов платил пол 9 гривны без полуденги, Нифонт платил пол 10 алтын, Фрол Карпов платил 4 алтына без полуденьги, Яков Чернельников платил с выхожие 3 алтына 4 деньги, Иван Ермолин Павлов платил 20 алтын без полуденьги, Семен Григорьев перевозник платил пол 6 алтын, Порох Григорьев платил 9 алтын без полуденьги, Орех брат его платил 5 алтын, Клементей Иванов сын Ушаков платил 10 денег, Левонтей Суботин платил 18 алтын, Яким Дряблов платил 5 алтын и без дву денег, Петр Анфалов платил 5 денег, Роман Лопаткин платил 8 денег дал Агий Аникеев сын Кукин 2 гривны, дал Калина Еремеев 11 денег, Обросим платил 5 алтын без деньги, Василий Бачюрин 10 алтын 5 денег, проскурнин Тетьяк дал 2 алтына, Иван Бушков дал 2 алтына з деньгою, Иван Петров да богоявленской староста 11 алтын, Никифор Яковлев дал 7 алтын алтын пол 2 деньги, Нечяй Пекишев дал 4 алтына пол 3 деньги, Сидор Горнчаров платил 10 алтын 5 денег, Кондратей Лыжин дал 5 алтын.

№ 14

1585 г. ноября 21. — Разметный список о разверстке между крестьянами Куростровской волости государевой дани и денег за ямчугу и на наем веревщиков.

Лета 7094-го ноября в 21 день пятидесятцкой Куростровской волости Ортемей Васильев сын Худяков да и волостные люди Никифор Яковлев сын, Семен Васильев сын Бушков, Игнатей Тимофеев сын Тряблов, Григорий Парфеньев сын Сметанин, Субота Васильев сын Бачюрин, Огафон Онтоманов сын, Степан Федоров сын Бачюрин, Родивон Федоров сын Бубнов, Климентей Иванов сын Ушаков, Матфей Копос Михайлов сын, Безсон Селиверстров сын, Мокей Нечяев сын, Орех Григорьев сын Пикишев, Пентелей Онтипин сын, Ермола да Василий Павловы дети, Созон да Степан Костянтиновы дети, Костянтин Онтоманов сын, Вахромей Иванов сын Резанов, Нифонт Родивонов сын, Григорий Нечяев сын Резанов, Федот Фомин сын Тряблов, Симан да Карп Огафоно-

вы дети, Шестой Григорьев сын Стрюков, Ларивон Онцифоров сын Чирцов, Василий Федоров сын Бачюрин, Осип Федоров сын Вешняков, Назарья Вахромеев сын, Юрье Обросимов сын Бутаков, Иван Пахомов сын, Агей Оникеев сын и все крестьяна Куростровские волости розскинули есмя в своей волости государеву цареву дань и за ямчюгу деньги емецкого анбара и веревщикам наем Григорью Резанову с товарищи по полушта алтына с веревки с своих деревень и с выхожих и собрати у нас те деньги нашему сотнику Семену Васильеву сыну Бородину и собрав ему те деньги заплатить данному старосте Степану Матфееву сыну с товарищи да и платежни ему у них взяти да к нам принетчи отдати да с нами и сочестися тем розметом. Разметной список писал Куростровские волости церковной Дмитреевской дьячек Ивашко Михайлов сын.

№ 15

1587 г. октября 18. Порядная запись церковного старосты церкви Димитрия Селунского Куростровской волости с Парфеном Сергеевым и с его детьми об отдаче последним на 6 лет деревень Семеновской и Даниловской [15].

Се аз церковной староста святого Дмитрия Селунскаго и святыя мученицы Екатерины Куростровские волости Матфей Копос Михайлов сын и во всех крестьян место Куростровские волости порядил есми Парфенья Сергеева и его детей Василья да Наума в дмитриеевскую деревню на Куростров в Семеновскую и в Даниловскую на шесть лет от лета 7096 до лета 7102. И в тое им деревни жити, деревня пахати, орати и сеяти и огороды городити, и сено ставити. А пахати им та деревня пять долей и сеяти им на собя всякого хлеба ржи и жита, и овса. А Дмитрею святому шестую долю всякого хлеба ржи и жита, и овса. А сено ставити им все на собя А семяна класти на тое на шестую долю мне старосте Матфею казенные дмитриевские. А орати им на своих лошадех, а жати и молотити им Парфенью з детьми. А от житья и от молоченья им из дмитреевского хлеба не имати ни сторочным людем не давати. А во дворе им живучи хоромы дертьем в тое шесть лет покрыти все, двора неопустошить, починивати. А потуги с тое со всей деревни потянути им Парфенью з детьми с Ильина дни святаго пророка лета 7096 дань и оброки всякие земские росходы. А старые потуги всякие с тое деревни платити дмитровскому старосте мне Матфею. А убытка мне им в старых потугах не учинити. А в доводы в земские Парфенья з детьми нам куростровским крестьяном не выбирати и животов их нам к розрубам не ценити. Розрубы им платити с тое деревни по веревной книги по волостной з двунатцати вервей с четвертью до новой книги веревной. А в собину им на собя сеяти четверик конопля да четверик лняного семяни, да капусты им посадити, где прилучитца.

А из деревни им Парфенью з детьми до срочных лет не выехати. А поедут они из деревни до срочных лет и им Парфенью з детьми дати по сей записи заставы три рубли денег церковному старосте Матфею или хто будет по мне иной староста у Дмитрея святого. А не учнем мы, староста Матфей и волостные люди, Парфенья з детьми в тое деревне доржати до срочных лет или вырядим, ино Парфенью з детьми на нас на старосте на Матфеи по сей записи заставы три рубли денег. И записи есмя писали по противням слово в слово и розняли по себе.

А пойдучи из деревни Парфенью з детьми после срочных лет пары парити. А будет останетца на тое деревни рожь сеяна и та рожь Парфенью снять свою пять долей да и разрубы старые платить вперед до Ильина дни.

На то послуси: Семенка Тимофеев сын ровдогорской церковной дьяк да Григорей Третьяк Григорьев сын Шубного, да Демид Рыжко Анкифьев сын Ровдогорские волости. Запись писал Куростровские во-

лости церковкой дмитровской дьячок Ивашко Михайлов сын лета 7096 и октября в 18 день.

На обороте: В послусех церковной петровской дьячек Семенка Тимофеев руку приложил,

По сей записи староста и все хрестьяне Куростровской волости Наума в дмитреевской деревни в Даниловской и в Семеновской додержали до срочных лет и хлеб в казну святому Димитрею за все годы дошел весь. И дела по сей записи Науму до старосты и до хрестьян нет.

№ 16

1589 г. февраля 11. Выборная запись крестьян Куростровской волости о избрании в волостные их судьи Мокея Нечаева сына Пикишева [16].

Лета 7097. По государеве царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии, по уставной грамоте сотник Куростровской волости Шестой Григорьев сын Стрюков да пятидесяцкой Алексей Онцыфоров сын Чирцов, да десяцкии Богдан Степанов сын Бурого, Анфим Пахомов сын Тутуров, Григорей Созонов сын, Будак Кондратьев сын Рышков, Семен Пентелеев сын Верещагин, да волостные люди Илья Иванов сын Бурого, Семен Парфеньев сын Сметанин, Игнатей Тимофеев сын Треблов, Вахрамей Иванов сын Резанов, Фома Павлов сын кузнец, Григорей Нечаев сын Резанов, Кора Огафонов сын, Огафан Онтоманов сын, Степан Федоров сын Бачюрин, Матфей Копос Михайлов сын, Семен Васильев сын Павлова, Юрье Обросимов сын Бутаков, Осип Трофимов сын, Осип Федоров сын Вешняков, Иван Пахомов сын, Яков Васильев сын Шелкины, Назарья Вахрамеев сын Тутуров, Иван Ермолин сын, Дорофей Матфеев сын Демушин, Ортемей Васильев сын Попцов, Ондрей Истомин сын Бизяев, Никифор Яковлев сын Ириньин, Родион Федоров сын Бубнов, Созон да Степан Костянтиновы дети, Худяк Иванов сын Лыжин, Козьма Яковлев сын пивовар, Леонтей Нифонтов сын, Пантелей Онтипин сын Гундырев, Иев Юрьев сын Удовкин, Агей Аникиев сын Кукин, Ондрей Осипов сын, Петр Федотьев сын Гостев, Агафан Поздеев сын, Безсон Селивестров сын и все хрестьяне Куростровской волости выбрали есмя и излюбили в Куростровской волости судью Мокея Нечаева сына Пикишера. И ему Мокею нас крестьян судити во всяких делах по государеве по уставной грамоте. Выборную писал куростровской церковной дьячек Безсонко Марков лета 7097 февраля 11 дня.

На обороте: К сей выборной димитриевской куростровской поп Моисей, и детей своих духовных место, руку приложил.

№ 17

1589 г. июня 1. — Память сотскому Куростровской волости Шесто-Стрюкову о взятых с крестьян той же волости деньгах по разрубному списку [17].

Лета 7097-го июня в 1 день память сотцкому Шестому Стрюкову. Брал деньги по розрубному с верги по алтыну. Взял у Мокея Пикишева 11 алтын. Взял у Костянтина Онтоманова да у зятя его у Михаила 7 алтын 5 денег. Взял у Огафона Онтоманова пол-5 алтына. Взял у Юрья Бутакова 6 алтын 6 денег. Взял у Ивана Пахомова... Взял у Степана Горончарова 5 алтын без деньги. Взял у Созона 5 алтын 4 деньги. Взял у Олексея Наумова пол-4 алтына. Взял у Оргемья Лобцова 4 ал-

тына 2 деньги. Взял у Леонтья Нифантова 5 алтын 2 деньги. Взял у Вахрамея Конанова 3 деньги. Взял у Карпа Огафанова 7 алтын без пол. Взял у Сидора Горшкова 4 алтына з деньгою. Взял у Истомы Ермолина пол-4 алтына. Взял у Никиты у Никифорова пол-4 алтына. Взял у Ондрея Яковлева 4 алтына. Взял у Исака Онтоманова пол-5 алтына. Взял у Тимони Молева 2 алтына пол-5 деньги. Взял у Тимофея Тряблова пол-16 алтына. Взял у Тимофея Сороки три алтына. Взял у Пахомова Ивана пол-10 алтына. У Ивана Грязного 8 денег. Взял у Савости пол-2 деньги. Взял у Григорья Дубасова 4 алтына 5 денег. Взял у Ермола Лопаткина 2 алтына. Взял у Василия Парфеньева 12 алтын. Взял у Ондрея у Бизяева пол-3 алтына. Взял у Хабара 3 алтына. Взял у Игнатья у овчинника 10 денег. Взял у Петра Гостева пол-4 алтына. Взял и Прокофья Ондронова 2 алтына з деньгою. Взял у Невейницы 4 алтына. Взял у Будая Васильева пол-3 алтына. Взял у Вахрамея Резанова 8 алтын без деньги. Взял у Меншика Онтоманова пол-5 алтын. Взял у Ивони пол-3 алтына. Взял у Ондрея Ефимова пол-9 деньги. Взял у Шестака у Симонова 4 алтына. Взял у Фомы кузнеца 5 алтын без двух денег. Взял у Ивана Тарутина 9 денег. У Ереши взял 2 деньги. Взял у Огафна у Поздеева 3 алтына з деньгою. Взял у Фрола 4 алтына пол-5 деньги. Взял у Верещаги гривну. Взял у Федяя 3 алтына з деньгою. Взял у Пентелея Онтипина 3 алтына. Взял у Осипа Трофимова 7 алтын без деньги. Взял у Пашка Пономарева 9 денег. Взял у Лунки Тутурова 2 алтына 5 денег. У Ивони Рычкова взял алтын. У Степана Федорова взял 8 алтын 2 деньги. У Пашка у Кубенина пол-3 алтына. У Петрока Анфалова 11 денег. У Ивана у Бабкина взял 2 алтына пол-2 деньги. У Исака Ириньина 3 алтына. Взял у Кондратья у Лыжина пол-3 алтына. Взял у Кондратья Крылова 2 алтына 4 деньги у Кирила у (О)реха 4 алтына без деньги. Взял у Ивана Привалова 3 алтына пол-4 деньги. Взял у Оксена Захарова 7 денег. Взял у Оверкия 9 денег. Взял у Якова Шейкина 5 алтын пол-4 деньги. Взял у Пороши 8 алтын с пол... Взял у Якима Федяева пол-3 алтына. Взял у Климентья Толстого 2 алтына с пол... Взял у Назара пол-5 алтына. Взял у Никифора Ириньина 4 алтына. Взял у Безсона пол-11 деньги. Взял у Олеши Чирцова 2 алтына без пол. Взял у Петра Иванова 11 денег. Взял у Семена Бородина 7 алтын без деньги. Взял у Ивана Ермолина пол-4 алтына. Взял у Григорья Резанова 10 алтын пол-2 деньги, у Леонтья Суботина 13 алтын без деньги, у Семена у Бушкова пол-11 алтын, у Оски Вешнякова 2 алтына, у Худяка у Лыжина 3 алтына 5 денег, у Игнатья у Зыка 4 алтына. Взял у Копоса 3 алтына. Взял у Юрья Бачурина 4 алтына 2 деньги, у Яфима Ириньина 3 алтына.

№ 18

1589 г. сентября 17. — Разрубной список о разверстке денег за наем ратных казаков и их снаряжение [18].

Лета 7098-го сентября в 17 день сотцкой Куростровской волости Шестой Григорьев сын Стрюков и десяцкий Богдан Степанов сын Бурого, Анфим Пахомов сын Тутуров, Григорей Сезонов сын, Будай Кондратьев сын Рычков, Семен Пентелеев сын Верещагин и волостные люди Семен Парфеньев сын Сметанин, Игнатей Тимофеев сын Тряблого, Семен Васильев сын Бушков, Никифор Яковлев сын Ириньин, Матфей Копос Михайлов сын, Степан Федоров сын Бачурин, Родион Федоров сын Бубнов, Юрье Обросимов сын Бутаков, Дорофей Матфеев сын Демушин, Семен Васильев сын Бородин, Фома Павлов сын кузнец, Сидор да Степан Костянтиновы дети, Иван Пахомов сын, Назарья Вахрамеев сын Тутуров, Яким Аксентьев сын Хабаров, Кондратей Иванов сын Лыжин, Орех Григорьев сын Пикишев, Андрей Осипов сын, Козма Яковлев сын пивовар, Анфим Иванов сын Невейница, Климентей Ива-

нов сын Ушаков, Огафон Онтоманов сын, Алексей Наумов сын, Аггей Аникеев сын Кукин, Иван Ермолин сын Павлова, Осип Трофимов сын, Иосиф Федоров сын Вешняков и все хрестьяне Куростровские волости розрубили есмя в своей волости ратным казаком в наем, что им итти на каянские немцы, за лук и за стрелы и за пищали и за все ратное оружье и в судовой наем. И того розрубили и уложили на свои верви земли на всякую веревь по десяти алтын, и на выхожие верви уложили по тому ж. А собрать у нас те деньги и на выхожих Исаку Онтоманову сыну да Юрью Обросимову сыну Бутакову. И собрав те деньги отдати сотцкому Шестому Григорьеву сыну Стрюкову и у сотцкого в том взяти отпись. А на нас крестьянех тех розрубных денег судии Мокею Нечаеву сыну правити безпенно. Да теми ж деньгами заплатить и за посопной хлеб. Розрубной список писал куростровской диячек Безсонко Марков.

№ 19

(1589, сентябрь). Память сборщикам Куростровской волости Исаку Онтоманову и Юрию Обросимову Бутакову о деньгах, взятых с крестьян той же волости на наем ратных казаков и за посопный хлеб.

Память зборщиком Исаку Онтоманову сыну да Юрью Обросимову сыну Бутакову, что брали деньги в наем ратным казаком и за посопной хлеб с верви по десяти алтын. Взяли у Ереши Поздеева гривну. Взяли у Кирила Калинина 5 алтын. Взяли у Меншика Онтоманова взяли пол 50 алтын. Взяли у Шестака Симонова 40 алтын. Исак своих денег положил 40 алтын. Взял у Осипа Вешнякова 20 алтын. У Вахрамея Конанова взял 5 алтын. Взял у Максима Харлова 5 алтын 4 деньги. Взяли у Никифора у Ириньина да у сына его у Прокофья 40 алтын. Взял у Леонтья Дристунова 4 алтына з деньгою. Да у Никиты Ириньина взяли рубль пол 3 алтына. Взял у Ермолы Лопаткина 20 алтын 2 деньги. Взял у Романа у Иванова 2 гривны. Взяли у Исака Никифорова 30 алтын. Взял у Меншика овчинника 2 гривны. Взял у Кипреяна Гостева 10 алтын. Взял у Фрола 47 алтын. Взяли у Игнатья Зубка 42 алтына з деньгою. Взяли у Оксена Захарова 10 алтын 11 денег. Взяли у Пентелея Онтипина 30 алтын без полушки. Взяли у Ивана Бабкина 20 алтын пол-3 алтына. Взяли у Пашка да у Олеши Чирцовых 30 алтын пол-8 алтына. Взяли у Ондрея Осипова 40 алтын. У Демида у Рахка взял 10 алтын. Взяли у Леонтья Нифонтова пол-2 рубля з гривною. Взяли у Петра Гостева 34 алтына 4 деньги. Взяли у Ивони Юрьева 25 алтын. Взяли у Онфица у Невейницы 40 алтын. Взяли есмя у Никифора у Боярина 2 алтына з деньгою. Взял у Оверкия у Зделева 16 алтын 2 деньги. Взял у Клименьтья Бубнова 9 алтын 5 денег. Взяли у Олеши Наумова рубль 9 денег. Взяли у Петра Еремеева 6 алтын. Взяли у Истомы Ермолина 10 алтын пол-7 алтына. Взяли у Ивана у Пахомова 2 рубля 28 алтын 4 деньги. Взяли у Семена Бородина 2 рубля 2 алтына 4 деньги. Взяли у Ореха 41 алтын. Взяли у Тимофея Сороки 30 алтын 5 денег. Взяли у Семена у Сметанина 6 рублев 29 алтын, у Леонтья Субботина 3 рубля 29 алтын. Взяли у Олеши Онфимова 21 алтын 2 деньги. Взяли у Потапья Павлова 61 алтын 4 деньги. Взяли у Хабара 30 алтын без 2-х саж (!). Взяли у Клименьтья Толстого 20 алтын пол-3 деньги. Взяли у Фомы кузнеца 46 алтын 2 деньги. Взяли у Сидора Мохнаткина 16 алтын 2 деньги. Взяли у Хари Бздюлева 16 алтын 2 деньги. Взяли у Кондратья Крылова 26 алтын 2 деньги. Взяли у Якова Шейкина пол-2 рубли 5 алтын 3 деньги. Взяли у Безсона Селиверстрова 17 алтын 3 деньги. Взяли у Сидора Горончарова 47 алтын. Взяли у Верещаги рубль 4 алтына 2 деньги. Взяли у Ортюги Лобцова 7 гривен. Взяли у Степана Горшкова 48 алтын з деньгою. Взяли у Ондрея Бабкина 25 без полуденьги. Взяты у Василья у зятя 24 алтына. Взяли у Гриши у Дасова 48 алтын 5 денег. Взяли у Мартемьяна

Ермолина 8 гривен. Взяли у Ивана у Большого у Ермолина 36 алтын 3 деньги. Взяли у Ивана у Меньшого у Ермолина 31 алтын. Взяли у Павла Пономарева 14 алтын 4 деньги. Взяли у Петра Анфалова 18 алтын 4 деньги. Взяли у Турхана 7 гривен. Взял у Федора Некрасова 3 алтына. Взяли у Огея 38 алтын 2 деньги. Взяли у Федяева Оверки у меншого 30 алтын 9 денег. Взяли у Третьяка Проскурнина 8 алтын 4 деньги. Взяли у Тихона у Кубенина 22 алтына 3 деньги. Взяли у Игнатья Тряблого 4 рубля 21 алтын 4 деньги. Взяли у Ивана Тарутина 15 алтын 5 денег. Взяли у Огафона Поздеева 31 алтын 3 деньги. Взяли у Родивана Бубнова 40 алтын. У Костянтина у Онтоманова взяли 2 рубля 4 гривны. Взяли у Макея 3 рубля 9 алтын 3 деньги. Взяли у Кулева 44 алтына з деньгою. Взяли у Огафана Онтоманова 40 алтын 8 денег. Взяли у Федора Истомина 2 рубля з гривною. Взяли у Степана Федорова пол-3 рубля. Взяли у Семена Бушкова 3 рубля 5 алтын. Взяли у Григорья Резанова 2 рубля 7 алтын. Взяли у Ивана Бушкова 8 алтын пол-5 деньги. Взяли у Дорофея Домушкина 2 рубля 31 алтын. Взяли у Назара 44 алтына 5 денег. Взяли у Матфея у Копоса 32 алтына пол-4 деньги. Взяли у Оски Трофимова 2 рубля 10 денег. Взяли у Вороны 15 алтын 4 деньги. Взяли у Ондрея Яфимова пол-15 алтына. Взяли у Ивана Грязного 13 алтын 5 денег. У Кондратья Лыжина взяли 25 алтын пол-3 деньги. Иван Лыжин платил 40 алтын без двух денег. Взял у Шестого Стрюкова пол-3 рубля 5 денег. У Юрья Федорова взяли 43 алтына 2 деньги. Юрье своих денег положил 60 алтын. Взяли у пономаря 14 алтын пол-3 деньги. У Созона взяли рубль 14 алтын 4 деньги. Взяли у Прокофья у Ондронова 21 алтын 2 деньги. Взяли у Семейки Ильина 3 рубля 8 алтын 4 деньги. Взяли у Газрила да у Тараша 18 алтын 4 деньги. Взяли у Федорушкова 47 алтын 3 деньги. Взяли у попа Макея пол-50 алтын. Взяли у Игнатья овчинника 17 алтын. Взяли у Неумеина 20 алтын 8 денег. Взяли у Семена Гурьева 17 алтын 5 денег. Взяли у Якима да у Оверкия большого пол-2 рубля 11 денег. Взяли у Семка Филиппова гривну. Взяли у Миши Тутурова пол-18 алтына.

№ 20

1591 г. октября 3. Выборный список крестьян Куростровской волости о избрании сотского, пятидесятских и десятских.

Лета 7100 октября в 3 день Куростровские волости крестьяне Семен Парфеньев сын, Семен Васильев сын Бутков, Т... Шестой Григорьев сын Стрюков, Дорофей Матфеев сын, Созон Костянтинов, Матфей Копос Михайлов сын, Стефан Федоров сын Бачюрин, Безсон Селивестров сын, Огафан Онтоманов сын, Родион Федоров сын, Карп Огафанов сын, Леонтей Федотьев сын, Мокей Нечаев сын Некишев, Козма Яковлев сын, Савастьян Тимофеев сын Тряблой, Петр Анфалов сын, Семой Ильин сын Бурого Огафан Поздеев сын, Никита Властьев сын, Иван Ермолин сын Грязной, Сидор Костянтинов сын Горшков, Ондрей Осипов сын и все крестьяне Куростровские волости выбрали есмя в своей Куростровской волости сотником Василья Вахрамеева сына Резанова да пятидесятким Иваню Юрьева сына Удовкина, да и десятцкие выбрали Стефана Васильева сына Свердла, Тимофея Офонасьева сына Молева, Еремея Поздеева сына, Якова Васильева сына Шейкина, Леонтия Иванова сына.

И тому нашему сотцкому Василью наши всякие дела делати земские волостные и розрубы волостные збирати по нашим волостным розрубным спискам. И на каково дело земское приведетца денег занять до розруба, и сотнику деньги займовать в кабалы, а нам его ис кабал выкупати. И убытка ему в том не учинити. А с нам ему считатись во всяких проторех и в розходех. А пятидесятцкому и десятцким нашего сотника во всяких земских делах слушати, куде которого пошлет. А

пятидесятцкому на земские дела десятцких свещати. Десятцким нас крестьян свещати, а которому ж ведати свой десяток.

Выборной список писал Куростровские волости церковной диячек Ондрюша Кирилов.

№ 21

1592 г. октября 7. Разрубный список крестьян Куростровской волости о сборе денег на расходы по судебному делу с ровдогорцами [19]

Лета 7 стоперваго сентября в 7 день сотцкой Куростровские волости Шестсй Григорьев сын Стрюков да люди добрые крестьяне Куростровские волости: Леонтей Суботин сын, Семен Васильев сын Бушков, Никифор Яковлев сын, Назар Вахромеев сын, Григорей Ульянов сын, Семен Ильин сын Бурого, Семен Парфеньев сын Сметанин, Мокей Нечаев сын, Аггей Аникеев сын, Степан Костянтинов, Родион Федоров, Леонтий Нифонтов, Иван Пахомов, Дорофей Матфеев, Игнатей Тимофеев, Василий Павлов, Порох Григорьев, Юрье Обросимов, Осип Трофимов сын, Онфил Иванов, Василей Вахромеев, Петр Анфалов, Потапей Павлов, Истома да Иван, да Мартемьян Ермолины дети, Яким Оксентиев, Яков Васильев, Павел Яковлев сын, Худяк Иванов сын Лыжин, Тимофей Самойлов, Богдан Степанов, Савастьян Ондреев сын Панов, Никита Васильев сын, Иван Фомин сын Елисеева, Федяй Фомин сын Тряблов, Иев Юрьев сын Удовкин и все крестьяне Куростровские волости розрубили есмя в своей Куростровской волости на веревку по два алтына з деньгою в Васильеву посылку Федороза сына Бачюрина, что послали за судным списком такати против ровдогорцов. А собрати те деньги сотцкому нашему Шестому Стрюкову на нас на волощанах. И на выхожие уложили по тому ж.

Розрубную писал Куростровской диячек Ондрюша Кирилов сын Скребцов.

№ 22

1593 г. декабря 22. Разрубный список кресьтян Куростровской волости о сборе денег на поездку заказчика Иева Федорова и на другие земские росходы [20].

Лета 7102 декабря в 22 день Куростровской волости хрестьяне Шестой Григорий сын Стрюков, Семен Васильев сыч Бородин, Огафан Онтоманов сын, Леонтей Суботин сын, Семен Васильев сын Бушков . . . . . сын Пекишев, Порох Григорьев сын, Огафан Поздеев сын, Тимофей Самойлов сын, Григорей Нечаев сын Резанов, Леонтей Нифантов сын, Василей Вахрамеев сын, Иев Юрьев сын Удовкин, Козма Яковлев сын, Ортемей Игнатьев сын, Иван Фомин сын, Семен Васильев сын Бушков, Никифор Яковлев сын, Пимин Нечаев сын, Назар Вахрамеев сын, Иван Пахомов сын, Яков Васильев сын, Юрей Обросимов сын, Осип Трофимов сын, Тимофей Афанасьев сын Молов, Иван Ермолин сын, Девятой Прокопьев сын, Родион Федоров сын Бубнов Стефан Федоров сын Бачюрин, Созон да Сидор, да Стефан Костянтиновы, Ондрей Онфимов Григорей Созонов сын, Кондратей Федотьев сын Крылов и все хрестьяне Куростровской волости розрубили есмя в своей Куростровской волости заказщику Иеву Федорову сыну Аникиева в земской росход в кормы и в подводы и в кречатиной откуп, что у покрученик, и которые люди на своих ужиках ходили, кречат окупати. И в кречатиной корм и в олени, что восемь оленей купити и в оленей корм и в кречатиные сани, и в прогоны, что от Вологды до Москвы прогонов дати в посылщиков наем, что к Москве посылщиков за кречаты послати. И в ыные земские разходы на кабалу, что заняли у церковного старосты у Григорья Резанова на земской расход по десяти денег

на всякую веревку, да и на выхожие уложили тож. Да на безпашенных людей на пежков уложили три рубля денег.

А собрать те деньги сотцкому нашему Будаю Васильеву сыну на нас на волощанех и на пежках и на выхожих.

Розрубную писал Куростромской диячек Ондрюша Кирилов сын Скребцов.

№ 23

1599 г. июля 8. Явка сотника Куростровской волости Ивана Никонова с. Привалова о потере им волостных денег и о избиении его [21].

Лета 7107 Куростровские волости дмитриеевскому церковному приказчику Леонтею Нифонтову сыну Родионова и пятидесятцким и десятцким и всем крестьяном Куростровские волости бьет челом и являет Куростровские ж волости сотничишко Иванко Никонов сын Привалов Куростровские ж волости на Будая Васильева сына Телепнева в том: в нынешном, господине, 107 году после Петрова дни и Павлова святых апостол в первой четверг после часов пошел есми, господине, на Колмогоры на посад к заказчику з деньгами. А денег понесл к нему волосных зборных с два рубли. И как, господине, буду против погоста на берегу и тот, господине, Будай Васильев пришед тут и учал меня Иванка бити и безвечити на смерть не ведомо про што. И яз, господине, Иванко те деньги два рубли неведомо на том бою обранил, не ведомо тот Будай выхватил. А яз, господине, Иванко с того Будаева битья стал есми без памяти и без ума, и оглушон, и обезвечен. И мне, господине, от того Будая в безбитии, что деньги мирские он у меня выхватил, неведомо. С того бою яз тут безпамятно обронил. И безвечен ныне и вперед чинятца убытки великие. Вам бы, господине, ся моя явка была в ведоме. Вемете, господине, челобитишко наше и явку написати, челом бью.

На обороте: Дана явка июля в 8 день

№ 24

XVI в. (посл. четв.). Обрывок разрубного списка [22]

...денег, Иванку Тутурова завели.... Кирилу Ореху завели 38 алтын 2 деньги, Петруше Бокову завели 4 гривны, Омельянку завели 29 алтын з деньгою, Власку завели 46 алтын 2 деньги, Будаю зачли 25 алтын, Чюпку Пиминову зачли 4 гривны, Богдану зачли 2 рубля 2 алтына 4 деньги, Вашуку зачли 18 алтын 2 деньги, Иакову Вахрамееву зачли за Григорья занова 28 алтын 5 денег, Петру Леонтьеву зачли 2 рубля 13 алтын 2 деньги, Науму зачли 3 рубля 20 алтын, Рыковым зачли пол 50 алтын, Искуниж Вахрамееву зачли 2 рубля пол 13 алтын, Тимони Молеву зачли 20 алтын пол 8 алтына, Козьмину сыну зачли 32 алтына 5 денег.

№ 25

1600 г. марта 18. — Обыскной список о находящихся в Куростровской волости ремесленниках [22].

Лета 7108-го марта в 18 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Русии указу и по грамоте и по приказу Осипа Савельевича Супонева да подьячего Рохманина Воронова приезжал на Куростров в Димитриевской приход пушкарь Кипреян Логинов и взял тое Куростровской волости соцкого и пятидесятского и всех крестьян да с теми людми в тое волости каменщиков и кир-

пичников и гончаров, и печников, и горшечников, и кувшинников, и точильников, и жерновников, и которые люди цкы каменные делают, и их детей, и братью, и племянников, и суседей, и подсуседников, и учеников и казаков, которые умеют каменное и кирпичное, и гончарное, и кувшинное, и точильное, и жерновное, и цквы каменные, и всякое дело глинное делати, старых и новых прихожих сыскивали в правду по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Русии крестному целованью. И соцкой Пороша Григорьев сын Пекишева, и пятидесяцкой Артемко Александров сын Лехова и волостные люди Сенька Парфеньев сын Сметанина, Шестачко Григорьев сын Стрюкова, Лучка Семенов сын Игнатьева, Исачко Онтоманов сын Огафонова, Кондратко Иванов сын Лыжина, Сенька Васильев сын Бородина, Демка Федоров сын Лушева, Демка Григорьев сын Перевозников, Огафанко Онтоманов сын Огафонова, Левка Федотьев сын Бачюрина, Поликарпко Григорьев сын Пекишева, Гришка Семенов сын Бушкова, Богданко Поздеев сын Елисеева, Кипреянко Потапьев сын Павлова, Пентелейко Онтипин сын Гундырева, Никитка Пиминов сын Скрыпов, Иванко Афонасьев сын Молева, Худячко Александров, Афонька Фомин сын четочник, Максимко Яфимов сын Ириноина, Андрюша Игнатьев сын Тряблова, Сенька Зиновьев сын Тряблова, Иевко Никифоров, Левка Иванов сын Яковлева, Кека Марфин, Меркуш Иванов сын Детятева, Третьячко Федоров сын Проскурнин, Петруша Анфалов, Степанко Захарьин, Рыкалко Данилов сын Буланова, Аверкейко Федотьев сын Тряблова, Тимошка Яковлев сын Осиева, Перьвушка Козмин сын Павлова, Федька Григорьев сын Неумоина, Петрушка Леонтьев сын Пекишева, Кирилко Иванов сын Данилова, Никифорко Иванов, Безсонко Селиверстов, Огафанко Поздеев сын Елисеева, Федотко Фомин сын Тряблова, Гришка Ульянов сын Резанов, Иванко Пахомов сын Шейкина, Худячко Иванов сын Лыжина, Артемко Васильев сын Лобцова, Климко Иванов сын Ушаков, Зеновко Нечаев сын Пекишева, Михалко Павлов сын Воронин, Иевко Юрьев сын Удовкина, Андрюшка Осипов, Якимко Федотьев сын Тряблова, Васька Никифоров, Юшко Обросимов сын Бутакова, Васка Леонтьев сын Кубенинов, Емельянко Степанов сын Бурого, Кипреянко Пиминов, Исачко Никифоров сын Иринына, Третьячко Иванов сын Шеинова, Поспелко Васильев сын Остафьева, Наумко Парфеньев, Ромаха Артемьев, Левка Нифантов сын Родионова, Никитка Аксентьев сын Хабаров, Карпик Петров сын Гостева, Еремейко Поздеев, Семейка Ильин сын Бурого, Осипко Трофимов сын Павлова, Савастьянко Тимофеев сын Тряблова, Иванко Никонов сын Привалова, Еремейко Савельев сын Лобанова, Иванько Калинин, Иванько Федоров сын Бачюрина, Иванко Иванов сын Харитонова, Родька Федоров сын Бубнова и все крестьяне Куростровской волости сказали по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Русии крестному целованью: у нас, государь, в нашей волости каменщиков и кирпичников, и гончаров, и кукшинников, и точильников, и жерновников, и которые люди цкы каменные делают нет, и никоторых городов, госуадарь, в нашей волости каменщиков и кирпичников, и гончаров, и горшечников, и кукшинников, и печников, и точильников, и жерновников, и которые люди цкы каменные делают нет же. А есть, государь, в нашей волости горшечники Андрей Онфимов сын Бизяева болен руками, Парфеней да Ларион Созоновы дети Костянтинова, Федор Сидоров сын Костянтинова болен, да и сам Федор сказал: яз деи горшков не делаю, а делает брат мой Третьяк, только его дома нет, сшел на веснованье, Агапит Степанов сын Костянтинова, Мина Ермолин сын Лопаткина. То, государь, наши и речи, Обыскной список писал Куростровской волости церковной диячек Игнашко Никитин.

На обороте по склейкам: Обыск писан вчерне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Куростровская волость, как самостоятельная платежно-налоговая единица в 46 сошек, должна была сама доставлять налог в Москву, нанимая специального посыльного и неся, следовательно, дополнительный расход: «наем» — по 4 деньги на сошку, и какие-то деньги на «поминки» московским приказным. 46 сошек числилось в Куростровской волости по книгам Т. М. Афанасьева (см. № 2, II. IV). В дальнейшем количество сошек возросло. Через 50 лет после описи Афанасьева писец И. П. Заболоцкий в 1552 г. насчитал 57 сошек (из них 16 — дано Заболоцким на льготу). К 1559 г., по описи Василия Гагина, более половины сошек (29 сошек 1 $^2/_3$ обжи) запустели (см. Ц ГАДА, ф. 137, № 2. Платежная книга Двинского уезда 1560 г., лл. 139—141, 149—150). 184 деньги, собранные волостью, вряд ли покрывали расходы на поездку от Холмогор до Москвы и обратно, поэтому можно предположить, что Плешков брал деньги и от других волостей, доставляя налоги в Москву.

Плешков в Москве выступает как ходатай по волостным делам: он должен был хлопотать об освобождении волости от платежа пищальных денег, что ему не удалось. Как показывает припись, он вынужден был уплатить их, заняв деньги под проценты. В Москве собралось несколько двинских даньщиков, в хлопотах «по земским делам» они выступают все вместе. Все расходы, понесенные при этом, оплачиваются волостью, но ущерб, причиненный волости по нерадивости или оплошности даньщика, он обязан возместить.

[2] Куростровские разрубы — важный источник для изучения способов раскладки внутри волости государственных налогов и других сборов. Подати и повинности, налагаемые на волостные миры по писцовым податным единицам, раскладывались миром по хозяйствам в соответствии с их экономическим состоянием. Для XVII в. принципы волостной раскладки изучены А. С. Лаппо-Данилевским [1] и специально для северных волостей—М. М. Богословским [2]. Куростровские столбцы отодвигают границу на 100 лет — в XVI в. Куростровские волощане руководствовались следующими принципами обложения: 1) раскладка «по сохам» или «по веревкам», 2) раскладка «по животам» и 3) раскладка «по головам». Основой для раскладки во всех трех случаях была экономическая состоятельность хозяйства, обеспеченность землей — в первом, количество имущества — во втором и количество рабочей силы — в третьем.

Волость располагала соответствующими документами. Для раскладки по земле она руководствовалась так называемыми веревыми книгами, в которых фиксировались земельные владения каждого двора. В 1575 г. в Куростровской волости насчитывалось 595 веревок (№ 6), о специальных веревщиках, которых волость нанимала, свидетельствует разруб 1585 г. (№ 14), волостные веревные книги упоминаются в порядной 1587 г. (№ 15). В ранних разрубах — 1547 г. и 1548 г. (№ 2) поземельная раскладка производится «по сохам» (брать с сохи столько то). Но соха крупная единица и поэтому сумма, положенная на соху, разводилась по дворам с помощью более мелких единиц — веревок (См. прим. 8, 9, 17).

При раскладке «по животам» руководством служили оценные книги, составленные особыми выборными комиссиями из крестьян. Оценка производилась через определенные сроки иногда даже через 2, 4 года. Так разруб 12 ноября 1578 г. производился в Куростровской

---

[1] А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве. Спб., 1890, стр. 285 и след.

[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. II. М., 1912.

волости «с рубля по животам», «по оценке и по окладу волостных оценщиков Ильи Иванова с. Бурого, Зиновия Тимофеева с. Тряблого, да Пахома Захарьина с товарищи», общая оценочная сумма достигала тогда примерно 2200 р. (№ 8), 7 января 1582 г. раскладка по животам производится уже по новой оценной книге выборных оценщиков Ивана Федорова с. Бачурина (№ 12), оценочная сумма равнялась тогда 1759 рублей. Примером такой оценной волостной книги является Оценная книга Кемской волости 30-х годов XVII в.[3]. В оценной книге имущество каждого домохозяина выражалось в рублях; оценке подлежали постройки, скот, промыслы и другое имущество — «животы». На сумму оценки не влияло количество земли, которою владел крестьянин. Это видно из порядной грамоты 1587 г. (№ 15), где специально оговаривается, что животы порядчиков оценке не подлежат, а разрубы с них берутся только «по веревной книге по волостной» (См. прим. 15).

Разруб по головам довольно частое явление в Куростровской волости. Так как при разрубе по головам сумма раскладывалась на всех работоспособных мужчин, то выходило, что окладу подлежали те же жители волости, которые не имели ни земли, ни животов. Это — пришлые люди в волость, обедневшие крестьяне и т. д. В Куростровских разрубах они названы пежками или пешками. Так в разрубе 12 мая 1547 г. семь денег поголовных предписывалось брать и «за пешков на государях, у кого хто живет во дворе или на земле» (№ 2, 1), точно такая же формула о поголовном разрубе употреблена в документе следующего 1548 года (№ 2, IV). Еще точнее выразился разруб 22 декабря 1593 г., по которому «на безпашенных людей и на пежков», налагалась особая сумма, которая собиралась поголовно. Здесь пежки, живущие у государей, т. е. наймиты уравнены с беспашенными крестьянами (№ 22).

Крестьяне прибегали к тому или иному способу раскладки в зависимости от платежа: дань, поборы в пользу наместника всегда разводятся на сохи или веревки, мирские сборы — «поголовно» или «поживотно». Часто в одном и том же разрубе применяется раскладка по земле и «по головам» (см. № 2, I, V, VI).

[3] Разрубы 1547—1548 гг. содержат материал о взаимоотношениях волости и кормленщиков накануне уничтожения этого института. Данные разрубов конкретизируют постановления Двинской уставной наместничьей грамоты, выданной Иваном Грозным после 1547 г., но до 1550 г.[4]. Так в уставной грамоте предписывалось давать корм наместникам три раза в год натурой или в переводе на деньги, в разрубах же никаких натуральных кормов не указывается, все три корма: Рождественский, Великоденский и Петровский раскладываются на деньги — около 7 денег каждый (№ 2, III, VI, VII). Вместе с кормом собираются и «поминки». Как «кормы» так и поминки берутся на «оба двора» (Известно, что на Двине было два наместника).

Уставная двинская грамота обязывала двинян ставить для наместников, тиунов и доводчиков дворы (в Холмогорах, Неноксе, Уне) и содержать их (ремонт, обеспечение дровами, хозяйственной утварью). Волостные расходы на дворы кормленщиков постоянная статья разруба: то раскладывается «дворная проторь» (I, V, VI), то расходы на дрова (III), то на постановку избы для наместника (VI), то, наоборот, собираются деньги, чтобы откупиться от постройки двора

[3] Оценная книга Кемской волости опубликована нами в кн. «Материалы и сообщения по фондам «Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР», М.-Л., 1966, стр. 147—150, 186—198.

[4] А. И. Яковлев. Наместничьи губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909.

(V, VI). Волость покрывала, путем разверстки, расходы, связанные с приездом кормленщиков. Так 10 октября куростровцы собирали деньги в счет расхода «что Морозов стоял на Куростров (V), а чуть позднее по полуполтине на «Нечаев объезд» и въезжее и по полуполтине на тиунови доводчиков, приезжавших в волость по судебному делу, причем среди статей расхода указаны пропой «на оба двора» и сено (IV, V). Из разрубов видно, что любое соприкосновение волости с кормленщиками не обходилось без расходов. Так, видимо, даже доставка корма сопровождалась дополнительными расходами, потому, что староста почти всегда ставил на разруб ту или иную сумму «расходу» за «великоденским» или «рождественским» или «петровским» кормами (II, IV), Еще больше возникали расходы, когда наместник переносил дело в Москву. Тогда от волости, за ее счет посылался ходок, который почти всегда вез деньги «на поминки», т. е. «на посулы» (взятки) для приказных чинов. (Например, по делу об иске со стороны наместника Григорья Морозова собирались деньги на взятку для облегчения правежа — «от правежа поминков» (I). Осенью 1547 г. в Москву был направлен с данью волостной посыльщик, которому поручалось так же «мир явити с наместником». Ему было собрано с сошки по 4 $^1/_2$ алтына. Размирие куростровцев с наместником выражало борьбу крестьянства против отживающего феодального института — кормлений.

Куростровские столбцы называют наместников на Двине в 40-х годах XVI в.: Григория Морозова, князя Димитрия и князя Петра.

[4] Разрубы государственных налогов 40-х годов производились в Куростровской волости по 3-х обежным сошкам. Таких разрубов сохранилось два: 1547 г. и 1548 г., по формуляру они идентичны (II, IV). Основой для них являлись писцовые книги Тимофея Афанасьева, составленные еще в конце XV в. нач. XVI в.[5]. Указание разрубов на наличие в Куростровской волости сох «чернокунских» и «княжщинных» важно для истории землевладения на Двине, так как свидетельствует о существовании здесь в 1-ой пол. XVI в. земель черносошных и земель оброчных[6]. Налоговой оклад с них был различен. С чернокунских сох бралось 79 денег, с оброчных (с «княжщинных») — 104 деньги[7]. Увеличение происходило за счет добавочного платежа с оброчной сохи «по 14 алтын за белку». В отношении остальных поборов оброчная соха ничем не отличалась от чернокунской: на нее накладывались в равной доле и кормы наместникам и сборы на мирские потребности и все другие расходы. Это доказывается тем, что в конце обоих разрубов подводится итог всем платежам отдельно по черноукосной и по княжщинной сохам, в который входят как государственные налоги, так и все прочие сборы.

В дальнейшем разница между сохами чернокунскими и княжщинными исчезает. И. П. Заболоцкий в своем описании 1552 г. не знает совсем этой терминологии. Все сошки (тоже трехобежные) им обложены одинаково: в среднем по 150—160 денег (московских), лишь церковные и монастырские сошки облагались меньшей суммой — по

---

[5] Об описаниях Двины см. А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. в сб. «Вопросы аграрной истории», Вологда, 1968, стр. 442, пр. 1.

[6] На существование оброчных земель на Двине указывал А. И. Андреев в своей работе об отступных грамотах. (А. И. Андреев. Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в., Прг., 1916).

[7] При расчетах мы принимали алтын за 6 денег, белку — за 2 деньги (см. VII).

80—90 денег. Сравним здесь налоги, их названия и размеры по разрубам и по писцовым книгам Заболоцкого[8].

По разрубам (с сошки)	По писцовым книгам Заболоцкого (с сошки)
«по 7 бел за горностали, по 7 бел обежных, поральских по 2 деньги, ямских денег по 6 алтын без деньги, пищальных по 7 бел, а с оброчных деревень по 14 алтын за белку, вытная и смотреная по денги и намет на поральские денги в той же денги».	«а оброку им давати з году на год за 20 бел деньгами по 3 деньги за белку..., да 2 горносталей деньгами по 7 денег за горносталь..., ямских денег 6 алтын, вытных 2 деньги, пищальных денег 7 1/2 денег, да за поральскую белку и за морской оброк с рек с Терские стороны 1/ алтын, да хлеба 1 осьмина ржи да 1 четверть ячменя».

Мы видим, что основные налоги (деньги за горностали, ямские, поральские, пищальные) в обоих документах совпадают. Обежные деньги, фигурирующие в разрубе, по описанию Заболоцкого брались лишь с церковных и монастырских земель, черносошные земли их не платили. Зато они были обложены Заболоцким самым большим налогом «оброком за белки» (соха облагалась платой за 20 белок) «Оброк за белки» книг Заболоцкого почти равен по величине платежу, «по 14 алтын за белку» Куростровских разрубов. Поэтому можно предположить, что Заболоцкий распространил оброк, собиравшийся ранее только с оброчных земель, на черносошные земли, и тем уничтожил последнее различие между этими разрядами земель на Двине. В результате оброчные земли в книге Заболоцкого уже не упоминаются. Они, возникнув на Двине, как и в других Новгородских землях, после присоединения ее к Москве, в условиях господства черносошного — крестьянского землевладения сливаются с ним[9].

Кроме материала о наместниках и государственных налогах, разрубы 1547—1548 гг. содержат много данных о жизни волости. Волость несла различные повинности: поставляла подводы правительственным агентам (например, для Федора Адашева — II), представляла постой для них (V, VII), поставляла птиц в Москву (V). На волость ложились расходы по найму старосты, попа, церковного причта, волостного дьяка (III, IV). Волость выплачивала проценты по кабалам, которые заключались ее представителями на волостные нужды. Многообразные финансовые дела волости свидетельствуют об активной деятельности выборных старост, сотских, пятидесятских и десятских. Просматривая разрубы чувствуешь приниженность крестьянского волостного мира. В любом деле, где волость сталкивается с правительственными агентами, будь то в Москве или на Двине, она начинала с «подарков», «поминков», т. е. взяток. Даже отвоз дани в Москву сопровождался раздачей поминков, хотя они в дан-

[8] Так как писцовых книг И. П. Заболоцкого не сохранилось, мы берем здесь данные о налогах из сотной на Емецкий стан с книг Заболоцкого. Сотная напечатана в сб. «Вопросы аграрной истории», стр. 453—462 в качестве приложения к ук. статье А. И. Копанева.

[9] Оброчные земли претерпели ту же эволюцию, что и своеземческие, которые так же на Двине перешли в разряд черносошных земель. (см. А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв., стр. 446—449).

ном случае специально запрещались правительством [10]. Один разруб засвидетельствовал, что на двинских данщиках сумел поживиться даже высокопоставленный чин казначей Федор Сукин (VII).

[5] Разруб 10 января 1549 г., произведенный по животам, очень важный источник для характеристики имущественной дифференциации в волости. В Разрубный список внесено 179 плательщиков с указанием для каждого суммы платежа. В списке несомненно перечислены все домохозяева Куростровской волости; это очевидно из того, что сумма, которая подлежала разрубу (22 р. 55 ден.) и сумма, собираемая фактически по разрубному списку (24 р. 7 ден.), почти совпали. Небольшое превышение второй суммы над первой может быть объяснено округлением дробных сумм при раскладе в сторону увеличения.

Так как разруб был по «животам», то сумма платежа, падавшая на каждый двор, соответствовала его состоятельности (см. прим. № 2). Следовательно, благодаря разрубному списку мы можем представить себе относительную состоятельность всех дворов волости в 1549 г. Налицо разительные различия. Одни волощане платили около и свыше рубля, другие две, три, четыре деньги. Например, Василий Бачюрин уплатил 110 денег, Иван и Яков — 80 ден., Данила Бурого, Евстафий, Метельник — по 60 денег, Павел Бородин и Лотин Исаков — по 50 денег. В то же время 86 крестьян не платили и 10 денег. (9 ден. платили 7 хозяев, 8—2, 6—19, 4—10, 3—41, 2—7). Семь богатеев, составлявших 3,7% всех плательщиков, вносили 410 денег, а 86 крестьян-бедняков, составлявших 46,6% всех дворохозяев, платили 370 денег. Следовательно, оценка мощности 7 хозяйств превосходила значительно сумму оценки 86 хозяйств волостной бедноты.

Характерно, что имена богатых крестьян стоят в разрубе первыми. Можно себе представить, какая пропасть в экономическом положении была между этими богатеями и каким-либо бедняком, платившим 2—3 деньги!

Итак, из разруба видно, что небольшая кучка куростровских крестьян сосредоточивала в своих руках большие богатства, а большая часть крестьян бедствовала (См. прим. 17).

[6] Присылка на Двину осенью 1557 г. недельщика с царской грамотой, понуждающей двинян к скорейшему сбору государственных налогов, свидетельствует о недоверии правительства новым земским властям. Чтобы обеспечить сбор налогов в срок «сполна без надобору», агенту правительства предписывается действовать традиционно: 1) взять поручные записи на лиц, которые ответственны за сбор налогов, 2) выколачивать дани и оброки на ослушниках с помощью правежа. Грамота показывает, следовательно, ту обстановку, в которой собирались деньги по волостным разрубам. Порука несомненно повышала активность волостных властей (старост, сотских, пятидесятских, десятских и т. д.), страх попасть под правеж к приставу усиливал внутреннее напряжение в волости.

В 1557 г. налоги собирались по книгам Заболоцкого, писавшего Двину в 1552—1553 гг. Это были: 1) денежные налоги, которые указаны в самих книгах Заболоцкого («за белку, и за горностали, и обежную дань, и ямские деньги, и за поральскую белку, и за морской оброк с рек с Терские стороны..., пищальные деньги да и загуб-

---

[10] Например в Пинежской грамоте 1552 г. сказано: «А приехав им к Москве с тем оброком посулов и поминков не давати никому ничего» (Исторический Архив, т. VIII, М., 1953, стр. 14).

ский оброк» — всего 50—54 деньги с обжи[11], 2) налоги новые, введенные после описания Заболоцкого — («за посошные люди, и за городовое и за засечное дело..., за емчюгу... да приметных денег» — всего по 15 денег с обжи[12], 3) платежей деньгами за посопный хлеб, величина которого зависела от цен на хлеб на Двине 4) оброки с промысловых угодий[13]. 5) Налоги, которые следовало взять с земель, вышедших из льготы (они даны были на льготу Заболоцким в 1552 г. на 5 лет), т. е. все старые и новые налоги и посопный хлеб.

Требуют объяснения некоторые цифры, упомянутые в грамоте. Общее количество сох на Двине — 72 большие сохи, 4 малых сошки, $^1/_2$ обжи означает лишь те сохи, котрые при Заболоцком оказались живущими, запустевшие сохи были отданы на льготу. Общее число сох по книгам Заболоцкого устанавливается по Платежной книге Двинского уезда, оно составляет 997 малых сошек или 99 больших сох и 7 малых сошек. Следовательно, Заболоцкий 27 больших сох и 3 сошки дал в 1552 г. на льготу, которая кончилась к 1557 г.

Посопный хлеб 116 четвертей ржи и 232 четверти ячменя указан в том же соотношении 1 к 2, что и в книгах Заболоцкого. Документы, показывают, что посопный хлеб не всегда брался деньгами, но и натурой. Известно, что из двинских житниц выплачивалась руга монастырям. Наконец, припись к грамоте на обороте об общей сумме денежных платежей «с сохи по рублю и по 2 деньги», соответствует действительности, если под сохой подразумевать трехобежную малую сошку.

[7] Начальная фраза выборного списка позволяет предполагать, что избрание сотского, пятидесятского и десятских производилось в соответствии с Двинской уставной грамотой 1556 г. В ней предписывалось двинским судьям в волостях «выбрати соцких и пятидесяцких и десяцких», которые б были «добры и прямы и всем крестьянам любы»[14]. Данный выбор интересен тем, что в нем указано распределение волощан по десяткам. Как видно, в десятке может быть и не десять человек, а больше и меньше. Институт сотских — древний на Двине. Сотский упоминается, например, еще в Двинской уставной грамоте 1397 г.[15], о них говорится в двинских грамотах XV в.[16]. Основная функция аппарата сотского по Уставной двинской грамоте 1556 г. состоит в полицейском надзоре. «Тем сотником и пятидесятником и десятником,—пишется в грамоте, — всякому в своей сотни и в пятидесятни и десятни беречи того накрепко, чтоб у них ... в волостех... татей и разбойников или к кому лихим людем приезду, и корчем, и ябедников, и подписчиков, и всяких лихих людей, не было»[17]. Однако в условиях развития земских учреждений на Севере функции сотского и его аппарата усложняются. В следующем сохранившемся выборе 3 октября 1591 г. (№ 20) волостные крестьяне ставят в обязанность сотскому: 1) «всякие дела делати земские и волостные» 2) «розрубы волостные збирати» 3) «деньги займовати»,

[11] Размер каждого налога в деньгах указан в Сотной из книг Заболоцкого на Емецкий стан; по ней на черносошных землях на обжу падало от 50 до 54 денег, на церковных и монастырских землях от 26—29 денег. Загубский оброк определялся Заболоцким для всей Двинской области в 6 рублей. (См. Платежную книгу Двинского уезда 1560 г., л. 231).

[12] Эти новые налоги указаны в Платежной книге Двинского уезда 1560 г.

[13] Полный перечень оброков по книгам Заболоцкого приведен в Платежной книге Двинского уезда 1560, лл. 231—292.

[14] ААЭ, т. 1, № 250, стр. 272.

[15] ААЭ, т. 1, № 13, стр. 8.

[16] ГВНВ, № 191 (стр. 226).

[17] ААЭ, т. 1, № 250, стр. 272.

«на каково дело земское приведется» 4) «считатись во всяких проторех и в розходех» с ними волощанами. В этом же разрубе куростровца предписывают пятидесятским и десятским «сотника во всяких земских делах слушати». Пятидесятским на земские дела «десятских свещати», а десятским «свещати» крестьян своего десятка. Как видно, аппарат сотского доходил до каждого крестьянина волости, десяток, как первичная, вероятно, круговой порукой связанная группа, был основой общественной и административной жизни волости.

При значительной дифференциации в среде волостного крестьянства, устанавливающейся и по Куростровским документам (см. прим. 5, 17), законен вопрос, не захватила ли крестьянская верхушка власть в волости. Куростровские столбцы не оставляют сомнения в этом отношении. Все главные выборные должности (земские судьи, сотские, пятидесятские, данщики, оценщики и т. д.) заняты, как правило, представителями богатых крестьянских семей. Богатая волостная верхушка играла решающую роль и на волостном сходе.

Две функции волостного схода выявляются Куростровскими столбцами: выбор должностных лиц волостного самоуправления и разруб при раскладке налогов и других сборов между волощанами.

Формуляр выборных и разрубных списков обычно включает в себя перечисление поименно участников схода. В одних списках сначала указываются сотский, пятидесятские и десятские, затем за словами: «да и люди добрые волостные» (№№ 8, 9, 10) или «да и люди волостные» (14, 16, 18) перечисляются участники схода, в других — должностные лица не упоминаются, а перечень участников начинается со слов: «Люди добрые, большие, середние и молодшие» (№ 12) или «волостные крестьяне» (№№ 20, 22). В конце списка, за последним именем обычно добавляется «и все крестьяне Куростровской волости разрубили...» и т. д. Приведенные заключительные слова могут породить сомнение, что в список занесены не все присутствовавшие на сходе, так как «под всеми крестьянами» можно разуметь часть участников схода, не попавшую в список.

Однако эти сомнения нам кажутся необоснованными. Сход, производящий разруб или выбор, решает очень важный вопрос волостной жизни, который касается каждого волощанина материально. Занесение участников схода в его протокол преследовало цель закрепления решений, принятых на нем. Поэтому можно полагать, что в имеющихся у нас куростровских разрубах и выборах запечатлены все крестьяне, принимавшие в них участие. Таких документов у нас 12, сведем их данные в таблицу.

№№ пп.	Время разруба	Сотский	Пятидесятский	Десятских	Волощан	Всего	№№ публикации
1.	Серед. XVI в.	1	2	8	67	78	5
2.	16 марта 1575 г.	1	1	—	33	35	6
3.	12 ноября 1578 г.	1	1	4	96	102	8
4.	1 ноября 1580 г.	1	1	5	79	86	9
5.	29 июня 1581 г.	1	1	—	30	32	10
6.	7 января 1582 г.	—	—	—	75	75	12
7.	21 ноября 1585 г.	—	1	—	33	34	14
8.	11 февраля 1589 г.	1	1	5	34	41	16
9.	17 сентября 1589 г.	1	—	5	28	34	18
10.	3 октября 1591 г.	—	—	—	22	22	20
11.	7 октября 1592 г.	1	—	—	37	38	21
12.	12 декабря 1594 г.	—	—	—	—	34	22

При анализе приведенных данных о присутствии волощан на сходах следует исходить конечно из общего количества дворохозяев в волости. Из разрубного списка 1549 г. (№ 3) известно, что в волости было 179 самостоятельных плательщиков, чему равнялось, вероятно, и общее число дворохозяев в волости (см. прим. 5). Для последующего времени таких полных списков не имеется. По разрубам 1586 г. устанавливается 126 плательщиков. Но это несомненно не полный список дворохозяев (см. прим. 17), которых, исходя из данных XVII в., было в конце XVI в. около 150 или может быть 200. Итак, из выше приведенных цифр мы можем заключить, что в волостных сходах участвовала редко половина волощан или около того, а чаще всего $^1/_5$ или даже $^1/_6$ их. Некоторые сходы проводились без сотских. Пятидесятские и десятские присутствовали также не на каждом сходе и в полном составе.

Итак, сход почти никогда не был собранием всех волощан. Из куростровских столбцов выявляется одна существенная черта сходов, имеющая общественное значение. На сходах, если сравнивать списки последовательно, главное место всегда занимают богатые крестьяне. Представители этих семей из года в год, из десятилетия в десятилетие всегда присутствуют на сходах. Волостной сход в том виде, в каком он проявился в куростровских документах, был формой господства богатой крестьянской верхушки.

[8] Поставка охотничьих птиц была повинностью всей Двинской области — Куростровская волость в данном разрубе разложила свою долю расходов, падавших на нее «по земскому счету».

Важно указание разруба на количество веревок в волости — 595 веревок. Установить величину веревки точно невозможно. По расчетам А. Ефименко, веревка равнялась 16 000 кв. сажен или 7 десятинам. Однако она отмечала трудность таких расчетов, так как «простые сажени, из которых слагались веревные, были различны, заключая в себе различное число аршин, да и величина аршина была изменчива» [18]. Поэтому веревка в различных волостях, или в одной и той же волости, но в разные времена имела разные размеры [19].

Сопоставляя количество сошек Куростровской волости с числом веревок, можно приблизительно установить величину последней. По Платежной книге 1560 г. в Куростровской волости числилось 57 сошек, а живущих из них — 27 $^1/_2$ [20]. Если в 1575 г. 57 сошек составили 595 веревок, то величина веревки будет 4,5 десятины, если 595 сошек равнялись 27 $^1/_2$ сошкам, то величина их была ок. 2 десятин.

[9] Термин «выхожие веревки» требует разъяснений. Из данного разруба видно, что выхожие веревки не включаются в число 595 волостных веревок. В других разрубах они прямо противопоставляются: собрать по 4 алтына с веревки «у нас и на выхожих» (№ 8), по 3 алтына с полуденьгою «с наших веревок со всех и с церковных со всех и с выхожих по тому ж» (№ 9), по деньге «с веревки з земли своих пашен и с выхожих земель нашего стану» (№ 10), по полушеста алтына «с веревки с своих деревень и с выхожих». Хотя «выхожие веревки» противопоставляются волостным, но оклад с них как видно из приведенных цитат один и тот же (см. так же №№ 14, 17, 18, 21, 22). В тех случаях, когда раскладка производилась по животам, тогда об окладе с выхожих веревок выносилось особое решение. Так, при разрубе 7 января 1582 г. куростровские крестьяне постановили брать по животам — по 9 денег с рубля. «А на выхожие ве-

---

[18] А. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884, стр. 249.

[19] А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в., стр. 147—149.

[20] См. Платежная книга Двинского уезда.

ревки розвели есмя тех денег по сошному разводу по 5 алтын по 3 деньги с веревки». Итак, владельцы выхожих веревок не подпадали под обложение при раскладке по животам, т. е. их хозяйства, их имущества были вне досягаемости волостной оценки. Это может случиться лишь при том условии, если хозяева выхожих веревок являются жителями других волостей. Подтверждение этому находим в памяти 10 марта 1582 г., в которой отмечено, что с выхожих веревок платил 8 денег холмогорец Василий Бурссов (№ 13). Следовательно, исходя из оклада по этому разрубу по 10 денег с веревки, у холмогорца было в Куростровской волости $^4/_5$ веревки земли. Другой плательщик «с выхожих с дву веревок» Ондрей Васильев, отмеченный в той же памяти, не обнаруживается также в списке куростровских волощан. Высказанные соображения о значении термина выхожие веревки дает дополнительные данные для выяснения процессов земельной мобилизации черносошных земель. Разбогатевшие волостные или посадские люди могли приобретать земли в любой другой волости. Так как превращение этих земель в выхожие веревки, в выхожие земли не выводило их из фискальной зависимости от волости, то это отчуждение земель не встречало, вероятно, сопротивления с ее стороны.

[10] Грамоты из Дворовой четверти 1577 и 1581 годов (№№ 7, 11), хотя и даны разными дьяками, но совершенно идентичны по содержанию и тексту; грамоты-напоминания о незамедлительном сборе всех платежей и о присылке их в Москву посылались, видимо, ежегодно и писались по одному формуляру. Сохранение постоянного формуляра в столь разновременных грамотах свидетельствует о устойчивом репертуаре налогов и повинностей, падавших на население Двины.

[11] Размер оброка за наместничий доход был определен Уставной двинской грамотой 1556 г. в 20 рублей с большой сохи. Исходя из сумм, собранных по разрубам 12 ноября 1578 г. (67 р. 12 алтын, из которых часть за таможенный недобор) и 1 ноября 1580 г. (55 р. 7 денег — считая по 3 алтына с полуденьгою с 595 веревок) можно заключить, что в Куростровской волости в 70-х годах (№№ 8, 9) было около 3-х сох. Это заключение кажется подтверждается данными Платежной книги 1560 г., по которой в Куростровской волости было в живущем 27 $^1/_2$ сошек, т. е. менее чем 3 сохи.

Итак, данные разрубов о сборе оброка за наместничий доход, сопоставленные с Платежницей, позволяют предполагать: 1) наместничий окуп брался только с живущих сошек; 2) оклад его не менялся.

[12] Иван Девель — антверпенский купец Ян де Валле, прозванный на Руси Иваном Белобородом, известен как агент испанского короля Филиппа II, действовавший в России[21]. Доставка в Москву меди, свинца и селитры, необходимых Ивану Грозному для ведения войны, была делом первостепенной важности. Куростровская волость была привлечена к этой повинности наряду с другими волостями «с остальными сотник волостными». Двинянам предстояло нанять суда и подводы, а также рабочих (козаков), которые должны были сопровождать груз.

Итак, волостной документ запечатлел интереснейший факт использования русским правительством соперничества Испании и Англии для прорыва экономической блокады.

[13] Разруб 7 января 1582 г. производился в чрезвычайном порядке. 2000 рублей, доправляемые на двинянах «за всякими доходы», были сначала разложены по волостям, а затем раскладывались внутри волости. Доля Куростровской волости составила примерно 5% всей оценочной суммы волостных животов. В разрубе упоминается оцен-

[21] Я. С. Лурье. Английская политика на Руси в конце XVI в. «Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 61, кафедра истории СССР», Л. 1947, стр. 131—134.

ная книга, составленная специальными оценщиками, выбранными волостью во главе с Иваном Бачюриным — одним из богатых крестьян волости. Иногда оценка, данная комиссией, не удовлетворяла волощан. Интересные примеры имеются в упомянутой выше Оценной книге Кемской волости. В четырех случаях оценочная сумма была повышена с пометкой в 3-х случаях: «миром положили», и в одном: «миром накричали»[22]. Эти факты отражают острую борьбу внутри волости при проведении каждой оценки крестьянских хозяйств.

[14] Память 10 марта 1584 г. является списком волощан Куростровской волости, внесших деньги сотнику Мокею Пикишеву вследствие разруба на какой-то расход «по 10 денег с веревки». Список не полный, в нем всего 39 имен. Упоминание Нечая Пикишева в списке дважды (сначала он платит 14 алт. 3 $^1/_2$ деньги, потом 4 алт. 2 $^1/_2$ деньги) свидетельствует, что в список крестьяне заносились по мере уплаты ими разруба, иногда и по частям. Отсюда, выставленные в списке суммы могут и не соответствовать количеству веревок, числившихся за данным хозяином. Он мог уплатить лишь часть суммы. Хотя вывести уверенно соотношение числа веревок между крестьянами по данным этого разруба и нельзя, но указать имена тех, кто имел земли много, все-таки возможно. К таким относятся: Семен Сметанин, имевший 19 веревок (платил 191,5 деньги), Игнатий Тимофеев с. Тряблого — ок. 17 веревок (платил 169,5 деньги), Антаман Агафонов — ок. 15 веревок (платил 144,5 деньги). Четыре домохозяина имели свыше 10 веревок.

В разрубном списке упоминается плата за «выхожие веревки» в том же размере, что и за остальные.

[15] Церковными землями ведала волость. Порядная заключена церковным старостой «во всех крестьян место Куростровские волости». В заключительной записи об окончании поряда опять отмечается, что порядившихся крестьян «додержали до срочных лет» староста и все крестьяне Куростровской волости. Шестая доля урожая передавалась порядчиками «Дмитрию святому», т. е. приходской волостной церкви. Следовательно, им распоряжалась также волость. Главная цель порядной операции для волости — это сохранение налогоплатежной способности церковных земель. Порядчики обязаны платить все пошуги с 12 веревок. Зато волость обязуется не посылать порядчиков ни в какие посылки и не выбирать на должности «в доводы земские... не выбирати». Не имела права волость ценить их имущество и брать с них сборы «по животам», все сборы с них переводились на землю, на веревки, в зависимости от того, сколько их записано в веревной книге. И действительно, в том же году порядчик Василий Парфеньев вносит сотскому Шестому Стрюкову 12 алтын, при разрубе по алтыну с веревки (№ 17).

[16] Некоторые соображения об уставной грамоте царя Федора Ивановича, по которой обязан был судить земский судья, и о связи ее с судебником 1589 г. высказаны нами в комментариях к Судебнику 1589 г.[23].

Избранный земским судьей Мокей Пикишев имел 11 веревок земли. Это далеко превосходило средний уровень крестьянского надела. Таких крестьян в Куростровской волости было не больше десяти (см. № 17).

[17] Сопоставление трех документов (№№ 17, 18, 19), отразивших два разруба 1589 г. (июньского и сентябрьского) по веревкам, позво-

---

[22] А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. в сб. «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР», М.-Л., 1966, стр. 189—190.

[23] Судебники XV—XVI вв. М.-Л., 1952, стр. 420—422.

ляет выяснить картину распределения земли внутри волости (См. прим. 2).

Об июньском разрубе «по алтыну с веревки» свидетельствует память сотскому Стрюкову (№ 17), в которой названо 80 плательщиков, о сентябрьском разрубе «по 10 алтын с веревки.» говорят: сам разрубный список (№ 18), и память о сборе денег по этому разрубу (№ 19), в которой названо 103 плательщика. Оба списка неполные. Но так как время между ними очень небольшое (ок. 3 месяцев), то мы считаем правильным слить эти списки, дополнив один другим. Учитывая, что 57 имен в списках совпали и считая все несовпавшие имена (в июньской памяти 23, в сентябрьской 46) единственный раз упомянутыми, мы получаем более полный список волостных людей — в 126 домохозяев. О каждом домохозяине мы узнаем, что он платил по июньскому разрубу (по алтыну с веревки) или по сентябрьскому разрубу (по 10 алтын с веревки) или по обоим разрубам вместе. Отметим здесь, что в случаях совпадений всегда сумма сентябрьского разруба в 10 раз больше июньской, что свидетельствует о точности волостной раскладки.

Итак, оперируя с данными о высоте платежей 126 домохозяев в зависимости от количества находящейся за ними земли (веревок), мы можем выяснить картину распределения земли в волости. Как и в имущественном отношении (см. прим. 5), так и в распределении земли наблюдается большое неравенство. Если 20 человек владели 1 веревкой и ниже, 30 — от 1 до 2-х веревок, 10 — от 2 до 3-х веревок, то отдельные крестьяне владели по 22 веревки (Семен Сметанин), по 15 веревок (Игнатий Тряблов) и т. д. 7 человек таких богатеев владели $^1/_4$ всех волостных земель, то есть такой же долей, что и 69 крестьян малоземельных. Некоторые крестьяне были почти лишены земли.

Конечно, пропасть существовала между хозяйством многоземельного и малоземельного крестьянина. Если первый был должен обязательно, для ведения своего хозяйства, обращаться к наемному труду, то второй был уже готовой рабочей силой, ибо без работы по найму он не мог существовать.

[18] В 1589 г. политическая обстановка на северной границе России обострилась. Шведское правительство планировало новые захваты Беломорья. Поэтому Двинская земля и должна была снарядить — буквально нанять воинских людей, предоставить вооружение и суда. Судя по Куростровскому разрубу (10 алтын с веревки), это была тяжелая повинность для населения.

[19] Волость, как юридическое лицо, вела судебные дела. Суд с ровдогорцами (Ровдогорская волость находилась рядом с Куростровской) был перенесен в Москву. Волость направляет специального посыльного в Москву «за судным списком такати». Процедура подтверждения судного списка (т. е. протокола разбирательства того или иного дела в первой инстанции) предписана ст. 69 Судебника 1550 г.[24]). В Москву был направлен Василий Бачюрин — один из богатых крестьян волости. Расходы, связанные с поездкой Бачюрина, оказались значительными.

[20] Заказчик своего рода откупщик, которого волость наняла для выполнения повинности по поставке кречетов (охотничьих птиц) в Москву. Для обеспечения расходов заказчика и произведен разруб 22 декабря 1953 г. Заказчик связан был с волостью и в 1599 г. (см. № 23).

Церковная касса была независима от волости. Поэтому и возможны были такие кабалы, о которой сказано в разрубе.

[21] Термины «завели» и «зачли» имеют одно и то же значение. Смысл их тот, что указанные лица переплетали какие-то суммы, а в настоящем разрубе их зачли.

---

[24] Судебники XV—XVI вв., стр. 163—164, 268—269.

А. А. Зимин, А. И. Копанев

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВЫМСКОЙ И ВЫЧЕГОДСКОЙ ЗЕМЛИ КОНЦА XVI В.

Вымская и Вычегодская земля в конце XV — начале XVI в., расположенная в бассейне рек Вычегды и Выми, составляла основную территорию, которую населял народ коми, входивший в числе других народов Севера в состав многонационального Русского централизованного государства.

В дореволюционное время источники по истории народа коми публиковались лишь случайно. В середине XIX в. В. Н. Латкин напечатал «Слободскую грамоту» 1545 года, дававшую льготы слободчику Ивашке Ластке на Усть-Цильме[1]. В 1905 г. С. А. Шумаков издал две Сольвычегодские сотницы 80-х годов XVI в. на вотчину Спасопреображенского Сойгинского монастыря и на село Никольское в Усольском уезде[2]. Общие данные из писцовых книг XVI в. некоторым волостям Вымской и Вычегодской земле были введены в научный оборот в связи с изданием дозорных книг 1608 г.[3]. Отдельные акты появлялись и в общих изданиях — в Актах исторических, Актах Археографической экспедиции и т. д.

Советские историки не только создали обобщающие труды по истории Коми, но и ввели в оборот многочисленные источники по социально-экономической жизни и культуре Коми края периода феодализма.

П. А. Садиков публикует интересную в историческом отношении «Платежницу» 1573—1574 гг. Пустоозерских волостей[4]. Особенно плодотворными по результатам были

---

[1] Дневник В. Н. Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг., СПб., 1852, ч. II, стр. 139—143.

[2] С. А. Шумаков. Сольвычегодские сотницы 7094 г. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, 1905», М., 1905, кн. 3, смесь, стр. 17—22.

[3] Акты времени правления царя Василия Шуйского. Собр. и ред. А. М. Гневушев. М., 1914, стр. 267—354.

[4] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950, стр. 463—483.

разыскания советских историков и литературоведов за последнее десятилетие. Так, П. Доронин опубликовал три жалованные грамоты Ивана III (1482/83, 1484/85 и 1490 гг.), рисующие землевладение и положение крестьянства в различных волостях на Вычегде, Выми, Сысоле, Удоре и Ужге. Им же напечатана Таможенная Вымская грамота 1608 г., имеющая важное значение для характеристики развития товарно-денежных отношений в крае. Как известно, таможенные грамоты XVI—XVII вв. насчитываются единицами и Вымская грамота в их числе занимает весьма важное место. Наконец, П. Доронин опубликовал интереснейшую Вымско-Вычегодскую летопись, содержащую уникальные сведения о пермских князьях XV в., о земской реформе в Пермской земле 1550-х г. и ряд других[5]. Составитель этой летописи Мисаил (конец XVI в.) использовал в своем произведении Устюжский летописный свод и Вологодско-Пермскую летопись[6]. Двадцать пять документов XVI—XVII вв., относящихся к истории крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых, недавно были изданы Н. П. Воскобойниковой, которая в настоящее время занимается историей Яренского уезда в XVI—XVII вв.[7]. В этих документах ярко прослеживается жизнь черносошной деревни Плесовской волости Яренского уезда.

Осуществив, начиная с 1937 г., сплошное археографическое обследование районов Усть-Цилемского края Коми АССР, В. И. Малышев собрал и изучил свыше 600 рукописных книг XV—XX вв.[8]. Благодаря этому ему удалось воссоздать письменную культуру обширного края русского Севера. Десятки писателей-полемистов, писцов-профессионалов выявлены в результате работы В. И. Малышева. Ис-

---

[5] П. Доронин. Документы по истории Коми. — «Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 241—271. Вымская грамота 1608 г., как и все другие документы, опубликована по копии 1927 г., сделанной со сборника, составленного в 1813 г. Однако сохранился список XVII в. этой грамоты (ЛОИИ, коллекция А. М. Шегрена, № 34, лл. 1—8). Вымская грамота восходит, очевидно, к уставной Сольвычегодской грамоте 1595 г. и имеет с ней текстуальное совпадение (Ср. ЦГАДА, городовая книга Соль-Вычегодска № 1, лл. 27—36).

[6] Подробнее см. Б. Н. Флоря. Коми-Вымская летопись. — В сб.: «Новое о прошлом нашей страны», М., 1967, стр. 218—231.

[7] Н. П. Воскобойникова. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых. — «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 384—406.

[8] В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. Ср. его же. Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания.—ТОДРЛ, т. XVII. М.-Л., 1961, стр. 561—604. Его же. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. — Там же, т. XVIII. М.-Л., 1962, стр. 442—457; его же. Исследования и разыскания по литературному наследию Древней Руси. Л., 1967, автореферат докторской диссертации, стр. 27—36.

следования В. И. Малышева встречены с величайшей благодарностью и советской общественностью и за рубежом.

Дальнейшее изучение истории Коми края невозможно без выявления новых и публикации уже известных источников. Так, в актовых собраниях Ленинграда (собрание С. Е. Мельникова и актов до 1613 г. в Ленинградском Отделении Института истории АН СССР и др.) хранятся интереснейшие материалы, характеризующие участие Вымской и Вычегодской земли в событиях крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в. В них, в частности, говорится о посылке ратных людей для участия в народных ополчениях, о сборе «хлебных запасов» и т. п. Все эти материалы еще ждут своего исследователя и в литературе использованы явно недостаточно [9].

В настоящее время мы предлагаем вниманию читателей шесть интересных документов по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. Они дают новые материалы, характеризующие землевладение, феодальные повинности на территории Коми края, а также рисуют торговлю и систему управления Вымской и Вычегодской земли.

Грамоты №№ 2—4 и 6 представляют собою сотные на основные волости Вымской и Вычегодской земли, сделанные с писцовых книг 1585—1586 гг. писца Ивана Григорьевича Огарева и подьячего Филиппа Юрьева (волости: Ужга, Яренск с уездом, Глотова слободка и Сысольская волость). Не сохранились только сотные грамоты на волости Плесовскую, Удорскую и на Усть-Выму. Общие данные по этим волостям можно найти в опубликованных дозорных книгах 1608 г. К тому же их размер был весьма невелик. Так, в 1585—1586 г. из 1935 крестьянских дворов, находившихся в Вымской и Вычегодской земле, в Вымской волости значилось 247 дворов, Удорской волости — 159 дворов, а в Усть-Выме — 89 дворов [10].

«Сотная грамота» в XVI—XVII вв. называлась выписка из писцовых книг, содержащая опись земельных владений одного феодала или одной территориально-административной единицы. Происхождение термина не вполне ясно, очевидно, оно связано с администрацией черносошных земель.

В последние годы интерес к аграрной истории России XVI в. неизмеримо возрос. Это связано с углубленным изучением путей развития русских земель в это столетие, с постановкой вопроса о наличии в первой половине века —

---

[9] См. «Очерки по истории Коми АССР», т. I. Сыктывкар, 1955, стр. 95—96. И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957, стр. 139—140.

[10] Акты времени правления царя Василия Шуйского. Собр. и ред. А. М. Гневушев. М., 1914, стр. 297, 323, 328.

«предбуржуазных тенденций» в развитии экономики русского севера [11]. В настоящее время закончено составление первого тома истории аграрных отношений на русском севере конца XV — первой половины XVI в., осуществленное под руководством проф. А. Л. Шапиро. В основу этого труда положено изучение коллективом ленинградских историков новгородских писцовых книг. Эти книги, равно как и сотные выписи, позволяют создать вместо выборочного обзора тенденций экономического развития, более или менее полную и фундированную картину. К сожалению, в распоряжении исследователя для XVI в. подобного рода материала сравнительно мало, да и он часто носит отрывочный характер. Поэтому столь существенным представляется комплекс сотных грамот конца XVI в. по Вымской и Вычегодской земле.

Публикуемые сотные грамоты рисуют состав населения Вымской и Вычегодской земли, постепенное развитие земледелия на его территории, сочетающееся с охотничьим промыслом. В грамотах отмечаются размеры государственных повинностей. В них есть сведения о наличии имущественного неравенства среди крестьян Коми края, о появлении безземельных казаков и бобылей, об обнищании части крестьян и крестьянских побегах [12].

Сотные грамоты — незаменимый источник для изучения топонимики края и для составления исторической карты Вымской и Вычегодской земли. В последние годы в советской науке роль исторической картографии начинает все более и более оцениваться исследователями медиевистами. Накоплен и известный опыт в этой области. Работы И. А. Голубцова заложили основу первого большого атласа исторических карт СССР [13]. А. Н. Насонов и К. В. Кудряшов продвинули значительно вперед историческую картографию Древней Руси [14]. С. Б. Веселовский выполнил интереснейшие карты Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., остающиеся, к сожалению, все еще неизданными. Карты-схемы

---

[11] См., например, Н. Е. Носов. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968.

[12] Некоторые данные из этих сотных использованы в книге «Очерки по истории Коми АССР», т. I под ред. К. В. Сивкова, А. А. Зимина, Л. И. Суриной. Сыктывкар, 1955, стр. 76 и след.

[13] См. перечень карт, выполненных И. А. Голубцовым: И. А. Голубцов. Вопросы исторической географии, архивоведения, археографии и источниковедения. М., 1963, автореферат докторской диссертации.

[14] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948.

Псковской земли XIV—XV вв., Переяславского уезда XV—XVI вв., Белозерского края XIV—XVII вв. и Заонежья XVI—XVII вв. [15] — только первый приступ к созданию атласа России XVI—XVII вв. В настоящее время группа исторической картографии Института истории СССР под руководством Л. Г. Бескровного ведет большую работу по созданию общего исторического атласа СССР. Писцовые книги, сотные грамоты — ценнейший источник для этой цели. Издание сотных грамот Вымской и Вычегодской земли сделает возможным составление исторической карты этого края.

И еще одно интересное обстоятельство. Сотные грамоты Вымской и Вычегодской земли составлены в 80-х гг. XVI в., когда Россия переживала состояние хозяйственного разорения. Но это разорение затронуло не все районы России. Так, если Шелонская пятина в 1582/83 гг. запустела на 83,58%, другие пятины (кроме далекой Обонежской)—на 55—79% [16], то совершенно иную картину мы видим в Вымской и Вычегодской землях. Здесь на Сысоле пустых крестьянских дворов было только 8,4%. Причем по сравнению со «старым письмом» прибыла «соха» (стало 5,5 сох). В Яренской волости пустых было 16,7% дворов, причем убыла только соха (стало 14 сох с четвертью). Итак, разорение почти не коснулось Вымской и Вычегодской земель. Следы его обнаруживаются преимущественно в городе (Яренске). Это очень важное обстоятельство. Ту же примерно картину мы видим и на южных окраинах России и в Поволжье. Это позволяет глубже понять многие события периода Первой крестьянской войны в России и борьбы с иностранной интервенцией, оплотом последней стали как раз те районы Русского государства, которые не подверглись экономическому разорению, а, быть может, даже переживали известный подъем. Рост населения в северных и отчасти восточных районах страны создавал и реальные предпосылки для освоения бескрайних просторов Сибири.

Грамота № 1 от 6 апреля 1582 г. адресована в Вымскую и Вычегодскую земли. Она характеризует организацию управления и сбор податей в Коми крае в конце XVI в. и выдана в связи со спором по вопросу о плате ямских денег между жителями Соли Вычегодской, подведомственными Дворовой четверти, и населением Коми края, ведавшегося казначеями.

---

[15] Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966 Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.-Л., 1966, А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.-Л., 1951, М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962.

[16] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II. М., 1954, стр. 243.

Усиление феодально-крепостнического гнета к концу XVI в. и порядок поставления «плавных казаков» для организации ямской службы грамота рисует с достаточной отчетливостью. Документ не издавался, но упоминался в литературе неоднократно [17].

Под № 5 издается грамота царя Федора 16 января 1593 г., содержащая освобождение крестьян Глотовой слободы от уплаты «ростов» (процентов) по кабалам на деньги, занятые для выплаты царских податей. Грамота выдана в связи с резким ухудшением положения черносошного крестьянства Коми края в конце XVI в. Население Глотовой слободы еще в 1591 г. обращалось с просьбой о снижении налогов к царскому правительству [18], которое вынуждено было пойти на некоторые уступки местному населению.

Из публикуемых четырех сотниц — три (на волость Ужгу, на город Яренск с уездом и на Глотову слободку) являются подлинными документами, выданными населению писцами (писцом И. Г. Огаревым и подьячим Ф. Юрьевым): они заверены их подписями и печатью. Четвертая сотница на Сысольскую волость представляет собой список начала XVII в., выданный населению волости взамен сгоревшей подлинной сотницы. Второй список этой сотной (неполный) может быть датирован серед. XVII в. и использован нами для вариантов [19].

Три первые сотницы писаны на широких (влист) столбцах. Филигрань на бумаге всех сотниц одна и та же: кувшинчик с одной ручкой и с розеткой на крышке. Почерк, которым писаны все три сотницы, имеет сходство. Сохранность удовлетворительная. Сотная на волость Ужгу (ЛОИИ. колл. А. И. Шегрена, № 21) написана на двух ставах, в четырех местах столбец поврежден мышами, вследствие чего часть текста утрачена. Небольшая черновосковая печать хорошо сохранилась, на ней изображен человек. Сотная на город Яренск с уездом (ЛОИИ, акты до 1613 г., № 458) писана на 14 ставах. Начало первого става оторвано, так что поврежден текст. Печать отчасти скрошилась, изображение неразличимо. Сотная на Глотову слободку (ГПБ. Собр. грамот, I, 202, по описи А. И. Анадреева № 184) писана на 5 ставах. Сверху и с правого угла 1-й став надорван, так что поврежден текст. Печать черновосковая, небольшая, с

[17] П. А. Садиков. Указ. соч., стр. 347; И. Я. Гурлянд. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900, стр. 302; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 11, прим. 2; «Очерки по истории Коми АССР». т. I, стр. 94.

[18] ААЭ, т. I, СПб., 1836, № 350.

[19] Он хранится в Архиве Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР (Коллекция 115, № 1175). За указание на этот список приносим благодарность Н. П. Воскобойниковой.

изображением человеческой фигуры. Сотница на Сысольскую волость (ГПБ, Q, IV, № 369) писана в тетради на 19 листах. Такст на первом листе стерт и читается с трудом. Переплет поздний. На верхнем корешке переплета написано: «Список с сотной с писцовых книг Сысольской волости 7094 (1586 года)». На переплетном листе (нач. XIX в.) запись: «Рукопись вотчинская об Устьсысольском уезде (7108—1600 февраля 12), жертвована в Библиотеку Николаем Павловичем Поповым 25 генваря 1832 года». На последнем листе Сысольской сотной в сп. ЛОИИ запись: «А се список с сотные слово в слово».

Грамота № 1 представляет собою копию, написанную почерком XVII в. на грубой бумаге. Сейчас ее листы сшиты в тетрадку.

Текст грамот печатается в соответствии с «Правилами издания исторических документов». М., 1956. Буквы «в», «д», «м», напечатанные с точкой (в точном соответствии с подлинником), обозначают: «во дворе», «двор» и «место». Обычно употреблявшееся в сотницах сокращение для написания слов «деревня» и «пустошь» нами раскрывается и дается полным словом.

Даем пояснение некоторых встречающихся в документах терминов.

Перевеси — сети для ловли диких птиц.

Слопцы — ловушки (капканы) для охоты на пушного зверя.

Протаможье — штраф за уклонение от уплаты таможенных пошлин.

Городовое и засечное дело — подать за построение и укрепление городов.

Ямчужное дело — подать за изготовление пороха и селитры.

Размет — раскладка податей.

Приметные деньги, по мнению одних, — подать, шедшая на сооружение приметов (осадных сооружений); по мнению других,—добавка к основным государственным налогам, ставшая регулярным платежом.

Клетски—построенное в виде клети (речь идет о церкви).

№ 1

л. 1 **1582 г. апреля 6. — Грамота царя Ивана IV в Еренский городок, Вымь, Сусолу и Удору о порядке платежа ямских денег.**

Список з государской грамоты о ямском деле у еренчан с усольцы 7090-го году.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Еренской городок, и на Вымь, на Сысолу, и на Удору вычегодцкому сотнику Грише Иванову сыну Кузнецу да вымскому сотнику Андрюше Сухоносу, да сысольскому сот-

нику Федче Ларионову сыну Смирному, да удорскому сотнику Ортюшке Першину, или хто по них иные сотники будут, и старостам и целовальником и всем Еренского городка и тех уездов лутчим и середним и молотчим людем.

Били нам челом Степанко Яковлев да Приезжей Козмин, да Иванко Княжей с товарищи во всех Еренсково городка и вымич, и сысолич, и удорич крестьян место. А сказали — по писцовым де книгам в тех волостках у них сошного письма 30 сох с четвертью и пол-пол-четверти сохи. А велено де им с тех сох всякие наши оброки платить на Казенном дворе и во всем де их ведать на Казенном же дворе.

А у Вычегоцкие Соли по писцовым же книгам сошного письма 87 сох. А платят де они наши оброки опричь вас в нашей Дворовой четверти и во всем де их ведают в нашей Дворовой же четверти. И в писцовых де книгах в сошном письме Еренской городок, и вымичи, и сысоличи, и удоричи с усольцы во всем по розну росписаны. А как де и по нашему указу на Вычегодцкую Соль на посад и на уезд на 80 на 7 сох и на Еренской городок, и на Вымь, и на Сысолу, и на Удору положили имати полтретья ста человек плавных человек казаков, и в ту полтретья ста человек вам довелось де было по сохам четвертая доля, а усольцам де довелось было 3 доли, и усольцы де вам сильно в те плавные казаки накинули на вас 100 человек, а себе де взяли полтораста человек. И вы де животишки свои исценили, а те казаки платили [1].

И после де того в 86-м году били есте нам челом, что вам так не в-ызмогу плавные казаки лишние сверх своих за усольцев платить.

И мы де вас пожаловали, велели дьяку своему Андрею Арцыбашеву дати вам свою грамоту к Вычегодцкой Соли
л. 2 к посадцким// людем и ко всем Усольского уезда, чтоб вам те казаки платить по сохам, считаясь вправду, лишка бы де на вас не вызметывали. И дияк де наш Андрей Арцыбашев нашу грамоту такову вам к Вычегодцкой Соли к старостам и к целовальникам дал. Велено де усольцом плавные казаки платить, розчитаясь по сохам вправду, и лишка де на вас взметывати [2] не велели, а насильства де и обиды чинити ни которые не велели ж. И вы де с тою нашею грамотою к Соли Вычегодцкой приехали, и усольцы де Лева Пырской с товарыщи нашу грамоту у вас взяли, а с вами де и в тех плавных казакех не считались. А нашие де грамоты не слушали.

И после де того по нашему указу велено на Вычегодцкой Соли и на уезд, и на Еренской городок, и на Вымь, и на Сосолу, и Удорскую землицу на всех прибывать плавных казаков 50 человек.

И те де усольцы взяли себе 30, а на вас де накинули 20 человек. Лишек же перед собою. А вам де было столько не довелось, да и по ся места де Вычегодцкие Соли посадцкие люди и Усольсково уезду вам Еренсково городка и уезду чинят обиду и насильство великое: взметывают казаков лишек, не по сохам с вами де и нестаютца мимо нашего указу и грамоты и мимо писцовых книг. А нас де там еже лет продают, и вы де те плавные казаки по тому их на-

[1] *В тексте ошибочно:* платити.
[2] *В тексте ошибочно:* вземетывати.

сильству по ся места платили, животишка де свои исценили в конец де взгибли, многи де от того разбежались, и от того де их насильства чинатца вам убытки великие.

Да теж де усольцы чинят вам насильства и опричь тех казаков: каков де к ним наш посланник не приедет, и они де тех посланников на вас наводят, а вам велят себя оплачивать, тем де вас убытчат; продажа де вам от них великая.

А сее де осени в нынешнем в 90-м году приехал де с Москвы из Дворцовые четверти по отпуску дьяка нашего Тимофея Волкова сын боярской Олексий Андреев сын Позняков к Вычегодцкой Соли на посад с наказом подъемных денег правити 1800 рублев. А вы де в наказе у него не написаны. И усольцы де посланника Олексея скупили, чтоб
л. 3 на них тех денег не прави// ли. А в ту де пору послали они к Москве своего посадцкого человека Петра Осеева бити челом. А сказал де тот их челобитчик Петр Осеев, что де будто Еренской городок и Вымь, и Сысола, и Удора с усольцы один уезд, притягивая де вас к себе в подмогу, мимо нашего уложенья. А тем де тот их челобитчик Петр наших дьяков оболгал, и дьяк наш Тимофей Волков дал им нашу грамоту, что де вам те подъемные деньги вместе с усольцы платить. А уезд де и счет у нас. И прису[д]де опричь усольцов у межи де[1] у вас[2] с усольцы по Белой речке.

И дань де и оброки наши платите по книгам на Казенном дворе опричь усольцев, и во всем вас ведают на Казенном же дворе.

А у тех де усольцов уезд и счет, и присуд свой; и платят де наши всякие оброки в Дворовой четверти.

И те де усольцы, приехав с тем Олексеем к вам на Еренской городок с нашею грамотою, что усольцы по ложному челобитью взяли в Дворовой четверти на вас, де те деньги себе правили в подмогу[3]. И вы де тому сыну боярскому[4] Олексею били челом, тово наказу у него прошали, с которым он с Москвы к Соле Вычегодской приехал. И он де наказу вам не показал, норовя усольцом. А вас де бил и мучил, деньги правил тем усольцы и поруку де естя по себе московскую давали, что вас стати на Москве передо мною, царем и великим князем, своими головами для того, что вы наши всякие[5] подати платите о себе, не с ними вместе, и оброчные де деньги на нынешней 90-й год и с прибавкою с Еренскобо городка и с тех волосток платили на Казенной двор опричь же усольцов. Да и за плавные де казаки вы деньги платили в нашей в Дворовой четверти дияку нашему Тимофею Волкову опричь же усольцов. И отпись де им дана в тех [деньгах][6] опричь усольцов.

А на усольцах де белено было такие ж подъемные деньги правити, и они де вас в тех деньгах к себе воротят, а вас де продают, велят себя оплачивать. А вам де так вдвое платить — вконец погинуть.

л. 4 А Олексей де// Позняков поруки по вас московские не взял. И вы без поручной на Москве за тем делом стали.

---

[1] *Последние 3 буквы вписаны над строкой.*
[2] *У вас исправлено из других букв.*
[3] *Исправлено из:* подмоги.
[4] *Исправлено из:* боерскому.
[5] *Первые три буквы исправлены из других букв.*
[6] *В тексте пропуск. Добавлено по смыслу.*

А наперед де того во 88-м году те же усольцы посылали к вам на Еренской городок и в уезд недельщиков из нашие из Дворовой четверти в том: как де Бархат Кокорев приезжал к Вычегодцкой к Соли казаков брать, как наш поход в немцы был, и они де у Вычегодцкой Соли нашего наказу не послушали, и Бархат де Кокорев бил нам челом на Семена да на Максима на Строгановых и на всех усольцех. По нашему де указу, по их вине на Семене да на Максиме и на всех усольцех доправлено пеня наша.

И усольцы де голды били челом на вас таково ж ложно, притягивая[1] вас к себе, чтобы де вы те деньги, которые за их вину на них наша пеня доправлена, с одного с ними ж платили. И вы де тогды за теми приставы на Москве стали, и нам де естя били челом на тех усольцов. И мы де вас пожаловали, велели с усольцы судить всем своим дворовым боярам: князю Федору Михайловичю Трубецкому с товарыщи. И бояре де вас по нашему приказу с усольцы судили. И после суда мы велели вас с усольцы поставить перед собою[2] с очей на очи. И вас де пожаловали оправить, а усольцов де в том обвинили, что де у вас хотели к себе в подмогу приворотить — тем вас продать. А велели де есмя вас во все быти по-старому на Казенном дворе, а с Вычегодскую де Солью со крестьяны не велели смещати.

А ныне де усольцы дияков наших потому ж облыгают.

И мы вас пожаловали, велели про то сыскати и в памяти за приписью дияка нашего Тимофея Федорова написано: дана вам наперед сего 86-го году наша грамота за приписью дьяка нашего Андрея Арцыбашева к Вычегодцкой Соли, к Леве Пырскому с товарыщи. А велено усольцам плавные наши люди платить с вами по сохам, розчитаясь вправду, и лишка им на вас взимстывать не велели.

Да в той же памяти за приписью дьяка нашего Тимофея Федорова же написано: выписано ныне из книг у Соли Вычегодцкой: на посаде и в уезде сошного письма 84 сохи без пол-пол-трети сохи и пол-пол-четверти сохи.

А на Казенном дворе из книги же выписано: на Вычегде Еренсково городка и на Выми, и на Сысоле, и на
л. 5 Удоре 30// сох с четвертью и пол-пол-четверти сохи.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы за те наши плавные люди по нашему указу деньги привозили з данью вместе к Москве и платили на нашем на Казенном дворе, а с Казенного двора те деньги за плавные люди отсылают по нашему указу, где им велим быти. А из-ыных приказов посланников к вам въезжать не велели, и подъемных денег вам в нашу Дворовую четверть платить не велели же. А коли велим на вас плавные люди взяти налицо людьми, и вы б наши посланники, которые учнут приезжати для тех плавных людей по прежней нашей грамоте, какова с ними послана к усольцам за приписью дьяка нашего Андрея Арцыбашева, и по сей нашей грамоте имали на Вычегде Еренсково городка и на Выми, и на Сысоле, и на Удоре те наши плавные люди, счетчи по сохам с 30 сох с четвертью и с пол-пол-четверти сохи по нашему наказу, что доведетца, и лишка б естя за усольцов на вычегжанех не имали.

А прочетчи сю нашу грамоту, посланником отдавати

---

[1] *В тексте:* притягивае

[2] *Исправлено из:* себя

ее вычегжанам назад. И вычегжанам ее держать у себя вперед для всяких наших посланников.

Писан на Москве лета 7090-го апреля в 6 день.

А подлинная государская грамота писана на целых листах за веслою печатью, а за приписью дьяка Олферья Григорьева.

На обороте: л. 1 об. и по скрепам. К сему списку вместо еренских челобитчиков мирских Андрея Балушкина да Микишки Болотова по их веленью свинчанин Ивашко Оринов в том, что они подлинную великого государя грамоту к себе взяли, по их велению руку приложили.

ЦГАДА, ф. 141, 1582, д. 1, лл. 1—5, Копия XVII в.

№ 2

1585—86 г. Сотная с писцовых книг И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на волость Ужгу.

с. 1 Лета 7094-го. Сотня волости Ужги с книг письма и меры Ивана Григорьевича Огарева да подьячего Филипа Юрьева.

Городок в волости в Ужге по реке до Сысоле, а в городе 25 городен, перила и кровля обвалялися. Да в городе ж церковь Афонасей велики без пенья, клетцки, ветх. А образы из нее вынесены на погост в новую церковь Офонасей велики. Того же города наряд: 2 пищали затинные да 5 ручниц малых да 600 ...[1] тинных пищалей, да четверть пуда свинцу, да пол-третья пуда зелья. А приказан тот наряд, пищали и ручницы, и ядра, и свинец, и зелье Ужговского погоста сотнику Иванку Григорьеву да целовальником Парфенку Васильеву да Матвейку Труфанову и всем крестьяном.

Погост Ужга на реке на Сысоле, а на погосте церковь Николы чюдотворца, клетцки, около ее паперть. Да церковь Офонасей велики, клетцки. А в церквах образы и книги, и свечи, и колокола все мирское строенье. А церкви ставят приходом. Да на погосте: в. никольской поп Фефилатей Федоров, в. церковной дьячок Фатейко Федоров, в. пономарь Макар Левонтьев. Пашни церковные 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. Того ж погоста дворы крестьянские: в. Ондрон Исаков, д. пуст Ивашка Родивонова, Ивашко ...[2], в. Корнилко Семенов, д. пуст Кирилка Конанова, в. Тимошка Терентьев, д. пуст Иванка Костянтинова, Ивашко сшел безвестно, д. пуст Стеньки кузнеца, а Сенька сшел безвестно, д. пуст Онтилка Констянтинова, обнищал, д. пуст Михалка Иванова, а Михалко сшел в Верхокамья, д. пуст вдовы Соломанидки, Соломанидка ходит по дворам, в. Ивашко Михайлов, д. пуст Максимка, а Максимко умер, в. Тимошка Савельев да пасынок его Матюшка, д. пуст Петрушки Ларивонова, обнищал. Да около погоста дворы: в. Ивашко Еремеев, в. Томилко Григорьев, в. вдова Елисава Елизаровская жена да сын ее Осипко, в. Бориско Михайлов, в. Гаврилко Олексеев, в. Федько Васильев казак, в. Ивашка да Ларька Васильевы, в. Ивашко Федоров казак. Пашни паханые 18 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 120 копен.

[1] *Вырвана часть текста, вероятно, слова:* ядер железных за

[2] *Часть текста вырвана, вероятно, слова:* сшел с Верхокамья

Деревня на ручью Клементьевская: в. Ортемко да Сенька, да Ефремко Даниловы дети, в. Вахрушко Федоров, д. пуст Митькин, а Митька умер, д. Сеньки Копылова, а Сенька умер, д. пуст Тимошки Михайлова, а Тимошка ходит по дворам. Пашни паханые 2 четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен. А слопцов и перевесья нет.

Починок Ивашка Игумнова: в. Игнашко Дмитреев кузнец. Пашни паханые 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 8 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Озенинская, а Клементьевская тож: в. Лезка Иванов, в. Федька Васильев. Пашни паханые и с Ондрюшкиною Протасьева, а Ондрюшка живет в Колгорте, 3 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня на Гриве: в. Мален Григорьев, в. Ивашко Васильев, в. Прибыток Семенов, в. Пронька Ушаков, в. Терешка Григорьев, д. пуст // Гришки Левонтьева, обнищал, в. Носко Семенов, в. Ортемко Давыдов, д. пуст Ивашка Григорьева, сшел безвестно, д. пуст Петрушки Давыдова, обнищал. Пашни паханые 7 четвертей в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. А слопцов и перевесья нет.

с. 2

Погост Колгорт, а на погосте часовня Афонасей велики: в. Офонька Нестеров сын Торопов, в. Матюшка Федоров, в. Костя Шаньгин, в. Ивашко да Сергейко Костянтиновы, в. Самсонко Бурко, в. Севка да Сидорко Михайловы, д. пуст Демки, Демка умер, д. пуст Федька, Федько умер, в. Федько Зимин. Около погоста дворы: в. Васька Ерофеев, д. пуст Ондрюшкин, Ондрюшка обнищал, ходит по дворам, в. Климко Федоров, в. Лучка Иванов казак. Пашни паханые 15 четвертей без полуштины, да перелогом 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Шарга: в. Ондрюшка Протасов, в. Мелеха Парфеньев, в. Мартемьянко Тимофеев, в. Ивашко Тимофеев, в. Левка Тимофеев, в. Терентей Тимофеев, д. пуст Кондраша Олексеева, обнищал, д. пуст Проньки Терентьева, а Пронька ходит по дворам, д. пуст Гришкин, Гришка сшел в Верхокамье. Пашни паханые 9 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен. А слопцов и перевесья нет.

Починок Левонтьевской: в. сам Левка Олексеев. Пашни паханые осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен. А угодья у них верховья реки Сысолы и с падуны от рубежа от сысольского.

И всего в Ужге городок да погост, да погостец, да живущих 4 деревни да 2 починка. А на погостех 2 церкви, д. попов, д. дьячка, церковного, д. пономарев, да крестьянских молотчих живущих 37 дворов, а людей в них 44 человеки, да казачьих 2 двора, да пустых 21 двор. Пашни паханые крестьянские середние земли 56 четвертей с полуосьминою да перелогом 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж. Сена 370 копен. А сошного письма в живущем полсохи, а доходов давали с полусохи оброку 6 рублев с полтиною за городовое и за засечное дело 25 алтын, за ямчюжное дело пол-полтины приметных 4 алтыны з деньгою, пошлин казначеевых было 25 алтын, казенных подьячих было пошлин полполтины, а по новому письму полсохи ж. Да нового оброку прибыло за рыбную ловлю и за бобровые гони

рубль да пошлины 2 алтына. А по государеву указу велено на них положити оброку за соболи и за белку, и за городовое и за сечное и за ямчюжное дело, и за пашню, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны, и за угодья, и за всякие государевы подати з двора по полтине. А возити им тот оброк к Москве в приказ дьяка Ондрея Щелкалова. А промеж себя ужгеничам во всяких государевых податех сщитатися меж себя, смотря по своим животом и по промыслом, как они промеж себя преж сего сщиталися. А класти им промеж себя в розметы на лутчих людей побольши, а на середних по середнему, а на молотчих людей поменьше. И лишка им на молотчих людей не класти, чтобы от того молотчие люди не розошлися. А угодьями им владети по старому.

К сей сотной писец Иван Григорьевич Огарев печать свою приложил.

На обороте: К сей сотной подьячей Филипп Юрьев руку приложил.

ЛОИИ, колл. А. И. Шегрена, № 21, На 2 ставах в лист.

Подлинник. В нескольких местах поврежден мышами.

Восковая печать хорошей сохранности.

№ 3

1585—86 г.[1] — Сотная с писцовых книг И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на город Яренск с уездом.

л. 1 ...[2] Христово теплая, клетцки. Да церковь Успенье пречистые богородицы...[3] церкви, и образы, и книги, и свечи — все мирское строенье. Да на погосте в. поп Тимофей Федоров сын, в. церковной дьячок Ондрюшка Тизанов сын, в. пономарь Ферапонт Селифонтов сын, в. проскурница Марья. Церковные пашни паханые четверть без полуосьмины в поле, а в дву тому ж. Да на погосте ж дворы крестьянские: в. Яков Мартьянов сын молотчей, в. Конанко Федоров сын молотчей, в. Куземка Онисимов молотчей, в. Еремка Оверкеев сын молотчей, в. Зиновко Олексеев сын молотчей, в. Василей Малафеев сын середней, д. пуст Микиткин Гаврилова сына, Микитка умер, в. Меньшик Иванов сын мо-
с. 2 лотчей, в. бобыль Кирилко Левонтьев, в. бобыль Мо// сейко Левонтьев, в. Гришка Васильев сын молотчей. Пашни паханые середние земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 70 копен.

Деревня Щеголева: в. Патрекей Федоров да сын его Мокейко, середние, в. Огафонко Юрьев, молотчей, в. Фадейко Фомин, молотчей, в. Куземка Осипов, молотчей, в. Василей да Федько, да Демка, середние. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен. Да 2 перевесья, а слопцов нет.

Деревня Софроновская: в. Софронко Дмитреев, середней. Пашни паханые середние земли 2 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Якшина: в. Иван Петров да сын его Жданко,

[1] *Датируется по упоминанию писца И. Г. Огарева.*
[2] *Начало отсутствует.*
[3] *Текст оборван.*

лутчей, в. Исачко Федоров, молотчей, в. Федоско Федоров, молотчей. Пашни паханые середние земли 8 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен. Да 3 перевесья.

Деревня Дементьевская: в. Костя Иванов да сын его Васька лутчей. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен.

Деревня Офонасьевская: в. Ортемко Офонасьев, молотчей, в. Павлик Иванов, молотчей, в. вдова Дарья Данилова жена, молотчея, д. пуст Данков за Первым за Осиповым. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Карпова: в. Гриша Левонтьев, молотчей, в. Бориско Карпов, середней, в. Амос Карпов, середней д. пуст Амосов, Омос живет в другом дворе. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен, да перевесье, а слопцов нет.

Деревня Мартыновская Конецозерья: в. Иев Герасимов, молотчей, в. Куземка Герасимов, молотчей, в. Ивашко Ильин, молотчей, в. Сенька Верещагин, молотчей, д. пуст бобыленской. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Захаровская: в. Фирско Васильев, в. Гришка Васильев. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Починок пуст Романовской, д. пуст Романков, Романко обнищал, ходит по дворам. Пашни перелогом четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

На другой стороне реки Вычегды деревни Иртынского ж погоста, Деревня Видзюр: в. Селиванко Осеев, молотчей, д. пуст Федьков, Федько сшел безвести, в. Васька Кузьмин да сын его Давыдко, середней. Пашни паханые худые земли 3 чети с осьминою да перелогом 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Березник: в. Дмитрей Есипов, середней, в. Осташко Михайлов, молотчей да сын его Калинка. Пашни паханые худые земли 3 чети с полуосьминою, перелогу осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Пастьма: в. Григорей Ермолин да сын его Сенька, лутчей, в. Левка Федоров, молотчей, в. Федосейко Михайлов, середней, в. Конанко Гаврилов, молотчей, в. Микитка Иванов, молотчей, в. Офоня Кондратьев, молотчей, в. Гришин половник Ермолина Гарасимко Ондреев, молотчей. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен. Да 50 слопцов.

Деревня Грозд: в. Давыдко Жданков, молотчей, в. Филька Ондреев, молотчей, в. Сидорко Яковлев, молотчей, в. пречистенской половник Ондрюшка Федоров, молотчей, в. Митрофанко Денисов, середней да сын его Архипко, в. Фалелейко Иванов, молотчей, в. Гришка Федоров, молотчей, в. Иванко Вилы. Пашни паханые и с тою пашнею, которую дал Богданко Степанов по душе к церкве к пречистой, худые земли 6 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 140 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Шорды: в. Ермолка да сын его Ларька, молотчей, в. Максимко Оверкеев, молотчей, д. пуст Иванков

Парфенова, Иванко сшел безвестно. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле а в дву по тому ж; сена 40 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Лопатино: в. Данилко Олексеев, середней, в. бобыль Иванко Горлов, в. Юшко Яковлев, молотчей, в. Вихтор Васильев, середней, д. пуст Микулки Огафонова, Микулка сшол без вести, в. Якушко Васильев, молотчей, в. Филька Брагин, молотчей. Пашни паханые худые земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен. А слопцов и перевесья нет. Да у них же озеро Пастьма и с ыстоком.

Починок Слободка Харлова: в. Петрушин половник Шянгина Перша Федоров. Пашни паханые худые земли 3 чети с осьминою да перелогом 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Слободка Харлова на острову: в. Васька Безрукой, молотчей, в. Сенька Васильев половник Якушко Харламова, молотчей, в. подворник Першин Михалко Дмитреев, д. пуст Михалка, Михалко живет в другом дворе. Пашни паханые худые земли 6 чети да перелогом 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж, сена 80 копен. Тое ж слободки дворы: в. Велишка Степанов. Пашни паханые худые земли 2 чети с полуосьминою да перелогом 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Городище, что был городок Вожемской на Цылибской горе. А на городище в анбаре наряд: 3 пищали затинные в станкех да пищаль затинная в станке невелика да 3 пищали // затинные без станков, да 7 ручниц в станкех, да 6 ручниц без станков, в бочке да в ушатике зелья 5 пуд, да свинцу 15 гривенок, да 1000 ядер железных затинных пищалей, да 200 ядер железных затинных пищалей малых, да слиток колокольной по смете пуда с четыре, а был тот колокол государево жалованье. А приказан тот наряд того ж погоста крестьяном Иванку Савину сыну Тиманову да Тимохе Максимову сыну Виляженину и всем крестьяном того погоста.

с. 3

Погост Цылибская гора, а на погосте церковь Рожество Христово, клетцки, ветха. Да на городище церковь архангела Михаила теплая древеная, клетцки. А в церквах образы и книги, и свечи, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и клепало на колокольнице—все церковное строенье мирское. Да на погосте ж д. пуст попов, в. дьячок Филя Федоров, в. пономарь Останя Микитин. Пашни церковные осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. Да на погосте ж дворы крестьянские: в. Ивашко Савин, молотчей, в. Емельянко Иванов, казак, в. вдова Полагея Кузминская жена, молотчая. Пашни паханые середние земли 4 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Жуковская: в. Власко Григорьев, середней. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня Речка на речке на Войжемке: в. Ивашко Оверкеев, молотчей, в. Сенька Яковлев, молотчей, в. Кондрашка Максимов да племянник его Якушко, молотчие, в. Офонька Семенов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен. А солопцов и перевесья нет.

Деревня Веговская: в. Куземка Ильин вишерянин, середней, в. Ондрюшка Семенов, молотчей, в. Сенька Лариво-

нов, молотчей, в. Иванко Ондреев, молотчей, в. Васька Максимов. Пашни паханые середние земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 150 копен.

Починок Даншин: в. Харитонко Левонтьев, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети без полуосьмины в поле. а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Дмитреевская: в. Ермолка Кузмин, молотчей. в. Офонька Кузмин, молотчей, в. Гришка Яковлев, молотчей. Пашни паханые середние земли 5 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 120 копен.

Деревня Резановская: в. Давыдко Страх, молотчей, в. Сидорко Григорьев, молотчей, в. Юдько Григорьев, середней, д. пуст Ондрюшкин, Ондрюшка сшел без вести. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Дорофеевская на другой стороне погоста: в. Якимко Левонтьев, середней. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Мылакаденская: в. вдова з детьми Симановская жена Федорка, молотчея, в. Ивашко Васильев, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Олексеевская: в. Тимоха Максимов, середней, да сын его Богдашко, в. Олешка Микитин, молотчей. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня Яковенская Тимофея Вилеженина: в. сын Тимофеев Пятунька, середней. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

Деревня Савушинская, а Боландина тож: в. Якуш Васильев, молотчей, в. Федько Ермолин, молотчей, в. Олферко Григорьев, молотчей. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня Ечкинская: в. Евстратко Тимофеев, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Погост Лена на речке на Лече. На погосте церковь Николы чюдотворца вверх древена. Да церковь теплая круглая вверх, Егорья страстотерпца христова. А в церквах образы, и книги, и свечи — все мирское строенье. Да на погосте ж в. поп Федор Петров, в. церковной дьячок Ивашко Ондреев, в. пономарь Микифорко Иванов сын, в. проскурница Овдотья, да 2 кельи, а в них живут нищие, питаютца от церкви божьей. Пашни церковные осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. На погосте ж дворы крестьянские: в. Олешка Левонтьев, молотчей, д. пуст Куземкин, Куземка сшел без вести, в. Сенька Вахромеев, молотчей, в. Ивашко Васильев, молотчей, в. Серешка Терентьев. середней, в. Филип Пищальников, молотчей, в. бобыль Ивашка Харин, в. Прошка Поляк, молотчей.

Того ж погоста деревня Гавриловская: в. Иван да Данило Олексеевы дети Шаньгина, середние. Пашни паханые середние земли 6 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня другая Гавриловская: з. Левка Федоров, середней. Пашни паханые середние земли 6 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Захарьинская: в. Матюшка Фомин, середней, в. Ларька Дмитреев, молотчей, в. Ивашко Ондреева, середнего, двор Васька Федорова, молотчего, в. Семейка Ильин,
л. 4 молотчей.//. Пашни паханые середние земли 7 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня другая Захарьинская: в. вдова Федора Лукина жена да дети ее Сенька да Иванко, молотчие, д. пуст Ондрюшки Барина, Ондрюшка умер, д. пуст Васьки Панфилова, Васька умер, д. пуст Мити Волгина, Митя обнищал, ходит по двором, в. бобылиха вдова Соломанидка Савинская жена, в. Ивашко Ильин, молотчей, в. вдова Ульяна Степановская жена, молотчея. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Шубинская: в. Иван да Гришка Прокофьевы дети, середние. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Огарковская: в. Костя Федоров, середней, в. Офоня Иванов, молотчей, в. Гриша Юрьев, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Шилевская: в. Левка Шилев, середней, в. Васька Якимов, молотчей, в. вдова Анница, молотчея, в. бобыль Черепан. Пашни паханые середние земли 3 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня Михалевская: в. Онтипка Трофимов, молотчей, в. Гришка Савельев, молотчей, в. Васька Сидоров, молотчей, в. Онисимко Денисов, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Юрчаковская: в. Жданко Филимонов, середней, в. Лихор Дмитреев, середней, в. Якуш Иванов, середней, в. Тимошка Юрьев, молотчей, в. вдова Марья Ивановская жена. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Суховская: в. Иванко да Некраско Дмитреевы дети, середние. Пашни паханые середние земли 4 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Ортемовская: в. вдова Овдотья Ортемовская жена да сын ее Ивашко, молотчие. Пашни паханые середние земли 1¼ четверть с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Пустошь Желваковская, пашни паханые наездом худые земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Онаньинская: в. Марко Прокофьев, середней, Жданко Петров, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Починок Юрчаковской пуст Матюшки Федорова. Пашни паханые худые земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж, а пашут тое пашню наездом Юрчаковские деревни крестьяне, сена 10 копен.

Деревня Ондреяново: в. Дениско Ондреев, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня другая Ондреянова: в. Исачко Петров, середней, в. Юшко Огеев, середней. Пашни паханые середние земли 2 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Прислон: в. Онтипа Григорьев да сын его Ондрюшка, середней, в. Оничка Клементьев, молотчей, в. Онуфрейко Данилов, молотчей. Пашни паханые середние земли 7 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Пашинская пуста, пашни паханые наездом худые земли 1 четверть без полуосьмины в поле, а в дв. по тому ж.

Деревня Ярыгинская того же Прислона: в. Игнашко Клементьев, молотчей, в. Ларивонко Родивонов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Клементьевская Пестова пуста, пашню в ней пашет Левка Пестов. Пашни паханые худые земли 2 чети с полуосьминою да перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Клементьевская другая того ж Прислона: в. Левка да Васька Пестовы, середние. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж: сена 20 копен.

Деревня Конец Прислона: в. Ондрюшка Захарьин сын Валыгин, середней, в. Мишка Павлов, молотчей, в. бобыль Лазарько Васильев. Пашни паханые середние земли 2 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Ортемовская, а Яринская тож: в. Тимофей Иванов да сын его Лучка, середней, в. Филипко Иванов, молотчей, в. Юдко Степанов, середней. Пашни паханые середние земли 4 чети с полуосьминой в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Василья Понарьина, Курчем тож: в Михалко Ярыгин, середней, в. Гаврилко Иванов, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен.

Деревня Осиповская: в. Юрьи Иванов сын Верноцева, середней, в. Васька Осипов, молотчей, д. пуст Степанка Русинова, Степанко сшел без вести. Пашни паханые середние
с. 5 земли 8 чети // с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Яковлевская: в. Якуш Гаврилов, середней, д. пуст Фильки Гаврилова, Филька умер, а пашню пашет брат его Якуш. Пашни паханые середние земли 3 чети да перелогом 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Волостька Вадья. Деревня Палкинская: в. Васько Семенов, молотчей, в. Ивашко Семенов, молотчей, в. Ивашко Олексеев, молотчей, в. Ивашко Федоров, молотчей да внук его Гаврилко, в. Ларька Васильев, середней, в. Микитка Левонтьев, молотчей, в. Степанко Иванов, молотчей, в. Мишка Юрьев, молотчей, в. Ивашко Кондратьев, молотчей д. пуст Сергейка Кондратьева, Сергейко умер, а ныне за Митькою за Левонтьевым. Пашни у всех паханые середние земли 12 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен.

Деревня Базлук: в. Ивашко да Меншик Олексеевы, середние, в. Михалко Олексеев, молотчей. Пашни паханые середние земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня другой Базлук: в. Тимофей Иванов сын Сотник, середней, в. Мелешка Федоров, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж;

сена 25 копен. Да у владычни деревни у Онисимовской пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, а пашет ее владычень крестьянин приезжей Кузьмин, сена 20 копен.

Деревня Ляпуновская: в. Онтонко да Прошко Григорьевы, середние, в. Ромашко Федоров да сын его Степанко, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Борисовская: в. Ивашко Варяников, середней, в. Якуш Софронов, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Юрьевская: в. Федько Григорьев, середней. Пашни паханые середние земли 2 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж, сена 100 копен.

Деревня Васильевская: в. Михалко Ондреев, молотчей, в. Богдашко Иванов, молотчей, в. Михалко да Федько Олександровы, молотчие, в. бобыль Игнашко Михайлов, д. пуст Семейки, Семейка умер. Пашни паханые середние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Вобловская: в. Юшко Костянтинов, середней, в. Власко Костянтинов, середней, да сын его Семейка. Пашни паханые середние земли 7 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Романовская: в. Ивашко Федоров, молотчей, в. Петрушка Чюрухин, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня Борисовская: в. Офонька Олексеев, молотчей, в. Сенька Иванов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Сидоровская: в. Захарко Мосеев, середней, в. Ивашко Максимов, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 45 копен.

Деревня Ивановская Глухова: в. Игнашко Ондреев, молотчей, в. Ерошка Перфильев, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть да перелогом 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Юрьевская: в. Иван Павлов сын да сын его Семейка, молотчие. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня Даниловская: в. Савка Данилов, молотчей, в. Ондрюшка Васильев да сын его Харька, молотчие. Пашни паханые и с отхожею пашнею, что у Ондрюшки под слободцкою деревнею, середние земли 2 чети с осьминою да перелогом 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 25 копен.

Деревня Савинская: в. Еремка Васильев да сын его Сидорко, середние. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 70 копен.

Деревня другая Савинская: в. Митька Степанов, молотчей, в. вдова Ульяна Степановская жена да сын ее Баженко, молотчие. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен.

Деревня Рединская: в. Жданко Фомин, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен.

Деревня Ниской Бор: в. Петр Олексеев сын Шаньгин, середней. А та деревня за Петром по государеве уареве и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии жаловальной грамоте на льготе, а дана ему льгота на 15 лет, от лета

7087-го году до лета 7102-го. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Погост Туглим, а на погосте церковь Ивана предотечи вверх. А в церкви образы и книги, и свечи, и колокола, и все церковное строенье мирское. Да на погосте ж в. поп Иван Павлов, в. церковной дьячок Степанко Григорьев, в. покомарь Семейка Кондратьев, в. проскурница Фетиньица.

с. 6 Пашни церковные осьмина в поле, // а в дву по тому ж; сена 100 копен. Да на погосте ж дворы крестьянские: в. Якуш Мосеев, молотчей, в. Олешка Олферов, молотчей, в. половник предотечевского попа Ивана Осипко Федоров, д. пуст старого попа, д. пуст Фролка, Фролко умер. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Того ж погоста деревни. Деревня Церковная пуста, а владеет ею Иван Левонтьев. Пашни паханые середние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Дмитреевская: в. Ивашко Дмитреев да сын его Савка молотчей, в. Микитка Федоров, молотчей, в. Лучка Игнатьев, молотчей, в. Куземка Макаров, молотчей. Пашни паханые худые земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Прилук: в. Ефимко Григорьев да сын его Юшко, середней. Пашни паханые середние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 25 копен.

Деревня Никоновская, дворы стоят врозни: в. Оверька Федоров, молотчей, в. Ивашко Григорьев да сын его Васько, молотчей, в. Оноско Родивонов, молотчей, в. вдова Матренка Левонтьевская жена, молотчея, в. Гришкин половник с Вадьи Куземка Товаров, д. пуст Ивашко Григорьева, а Ивашко живет в другом дворе, д. пуст Ивашка Иванова, умер. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Митинская: в. Офонька да Васька Дмитреевы, молотчие, в. Ларька Павлов, молотчей, в. вдова Настаська Семеновская жена, молотчея. Пашни паханые середние земли 9 чети да перелогом 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Пустошь Кикавец Лейского погоста никольского попа, а дал тое пустошь к Николе по душе Митя Ильин. Пашни перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Исток: в. Зиновко Титов, молотчей, в. Митька Савельев, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть с полуосьминою да перелогом 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Березник: в. Иванко Левонтьев, лутчей, да сын его Иванко, в. Титко Прокофьев да сын его Левка, молотчей, в. Иванов половник Левонтьева Михалко Павлов, д. пуст Титков, Титко живет в другом дворе. Пашни паханые середние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 65 копен.

Деревня Перейма: в. Федько Титов, середней. Пашни паханые худые земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Погост Ошляпье, а на погосте церковь Дмитрей Селунски клетцки да церковь святые мученицы Варвары теплая клетцки. А в церквах образы и книги, и свечи, и колокола, и все церковное строенье мирское. Да на погосте ж в. поп Ондрей Констянтинов, в. церковной дьячок Васька

Осипов, в. пономарь Филька Степанов, в. проскурница Варвара. Пашни церковные 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 35 копен. Да на погосте ж дворы крестьянские: в. Савки Торкова, середней, в. Васька Петров, молотчей, в. Игнашко Назаров, молотчей. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен. Да около погоста дворы врозни: в. Давыдко Оникин, молотчей, в. Петрушка Иванов, молотчей, д. пуст Оверки, Оверка сшел безвестно, в. Игнашко Мартынов, середней, в. Трофимко Васильев, в. Васька Васильев, молотчей, в. Бориско Сергеев, молотчей, в. Куземка Борисов сын Воронова, молотчей. Пашни паханые середние земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 210 копен.

Починок Давыдков пуст, а Давыдко живет в другом дворе. Пашни паханые худые земли осьмина да перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Кремлева, в. Ивашко Федоров, молотчей. Пашни паханые худые земли 2 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Заболотная: в. Максимко Денисов, молотчей, в. Пронька да Елизарко Игнатьевы, молотчие, в. Ларька Устинов, молотчей, д. пуст Ивашков, а Ивашко живет в другом дворе. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Починок Слопечник: в. Пронька Архипов, молотчей, в. Пронька Павлов, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

На другой стороне погоста деревня Зайва: в. Игнашко Ондреев, молотчей, да сын его Федько. Пашни паханые худые земли 1 четверть с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 25 копен.

Деревня Губинская: в. Ондрюшка Софронов, молотчей. Пашни паханые 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен.

Деревня Васильевская: в. Обахумко Васильев, молотчей, в. Офонька Павлов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 65 копен.

Деревня Юринская: в. Олешка Олексеев, молотчей, в. Ждан Ерофеев, середней, д. пуст Мити, а Митя обнищал. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен.

Деревня Красная: в. Васька Кондратьев, молотчей, в. Олешка Ларивонов, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Курчевская, Сметанинская тож: в. Ермолка Назаров, молотчей, в. Трофимко Иванов сын Сметанин, молотчей, в. Митька Григорьев сын, молотчей, в. Корманко Федоров, молотчей, в. Исачко Юрьев, молотчей, д. пуст Обросимка, Обросимко обнищал, ходит по двором, д. пуст Иевков, а Иевко живет в другом дворе. Пашни паханые у всех и с тою пашнею, что пашет Жданко Ерофеев да Павлик Семенов сын Щипачев, середние земли 13 чети да отхожие пашни на Бабине горе 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен. //

с. 7 Деревня Удачина: в. Васька Сидоров, а прозвище Сувор, молотчей, в. Иевко Сидоров, молотчей. Пашни паханые

середние земли 4 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня другая Удачина: в. Иванко Яковлев, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж да перелогом 1 четверть; сена 40 копен.

Деревня Харитоновская: в. Малыга Васильев, молотчей, в. вдова Марфица Нечаевская жена, молотчея. Пашни паханые середние земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Бабина Гора: в. Ивашко да Кипреянко Ларивоновы, середние. Пашни паханые середние земли 6 чети да перелогом 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен.

Деревня Чаща пуста, а пашня пахана наездом, а пашню пашет крестьянин Бабины Горы Иванко Ларивонов. Пашни паханые середние земли 3 чети с полуосьминой да перелогом 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

Деревня другая Чаща: в. Гришка Федоров сын Коркин, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 осьмины да перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Огафоновская, дворы врозни: в. Трофимко Игнатьев, молотчей, в. Треня Игнатьев, молотчей, в. Ивашко Тимофеев, молотчей. Пашни паханые середние земли 8 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Резанова Гора, а дворы стоят врозни: в. Васька да Федько Григорьевы дети, молотчие, в. Трофимко Васильев, молотчей, в. Иванов половник Левонтьева Тренька Дементьев, в. Васька Сидоров, молотчей, д. пуст Данилка Васильева, Данилко умер, в. Жданко Митин, молотчей, в. Серешка Бердников, молотчей. Да за врагом дворы: в. Софронко Власов, молотчей, в. Федько Васильев, молотчей, в. Гаврилко Офонасьев, молотчей, в. Савка да Гаврилко Павловы, молотчие, д. пуст Семейки Клепикова, Семейка сшел безвестно, в. Гришка Тупыс, молотчей, д. пуст Гришки Тупысова, а Гришка живет в другом дворе. Пашни паханые середние земли 25 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен.

Деревня Прислон: в. Оника Васильев, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 25 копен.

Ошляпсково ж погоста крестьяном Тренко Остафьеву да Созонку Софонову, да Ондрейку Григорьеву дано на льготу м. пустое на диком лесу по речке по Поикаихе на 10 лет от лета 7095-го до лета 7105-го на роспашку да пожня Выплав 10 копен. Как льгота отойдет, и им давати всякие государевы подати с ошлапскими крестьяны вместе по государеву указу.

Погост Шоном, а на погосте церковь Илья пророк вверх да церковь Егорья страстотерпца христова клетцки. А в церкви Ильи пророка государево поставленье в киоте образ Николы чюдотворца, а у него на верхнем поле писан Деисус, а по сторонним полям писаны угодники на золоте, да у чюдотворца ж Николы цаты серебряны золочены, да в тех церквах иные образы и книги, и свечи, и колокола, и все церковное строенье мирское. Да на погосте ж в. поп Иван Павлов, в. церковной дьячок Богдашко Лукин, в. пономарь Кирило, в. проскурница Марья. Пашни церковные

2 чети в поле, а в дву по тому ж, сена 20 копен. Да на погосте ж дворы крестьянские: в. Митя Васильев, молотчей, в. Гришка Левоньев, молотчей, в. Трофимко Какулин, молотчей, в. Поликарпик Иванов, молотчей, в. Ларька Федоров, молотчей, в. Истомка Юрьев, молотчей, в. Еремка Какулин, молотчей, в. Ивашко Рякишев, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Того ж погоста с нижнего конца Голяшевой Горы вверх по Вычегде деревни: деревня Голяшева Гора: в. Софронко да Сергейко Аврамовы, молотчие. Пашни паханые худые земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Лакширева: в. Парфенко Денисов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня другая Лакширева: в. Васька Денисов, молотчей, да сын его Павлик. Пашни паханые и с отхожею пашнею середние земли 6 чети в поле а в дву по тому ж; сена 60 копен.

Починок Лакширев: в. Федько Денисов, молотчей, Пашни паханые худые земли 1 четверть да перелогом 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Воробьевская: в. Ивашко Карпов, молотчей, в. Гришка Карпов, молотчей. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Березник: в. Ивашко Филипов, молотчей, в. Давыдко Филипов, молотчей, в. Омельянко Нефедов, молотчей, в. Никонко Ларивонов, молотчей. Пашни паханые середние земли 6 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж: сена 30 копен.

Деревня Фоминская: в. Петрушка да Обросимко Фомины, молотчие. Пашни паханые худые земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. Тое ж деревни отнесен двор, в. Ивашко Ульянов, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети да перелогу осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Голяшева, дворы стоят врозни: в. Онтонко Ульянов, молотчей, в. Петрушка Михайлов, молотчей, в. Гришка Дмитреев, молотчей, в. Митька Михайлов, молотчей, д. пуст Черепанков, Черепанко обнищал, ходит по двором, д. пуст Давыдков, Давыдко обнищал. Пашни паханые середние земли 7 чети с осьминою да перелогом 2 чети с
с. 8 осьминою в поле, // а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня другая Голяшева: в. Терешка Яковлев, молотчей, в. Гришка Лопатин, середней, в. Куземка Иванов, молотчей. Пашни паханые середние земли 7 чети да перелогом 1 четверть с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Наумова: в. Максимко Подвинец да сын его Фролко, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети да перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Ерофеева, Наумова тож: в. Ромашко Ерофеев, середней. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою да перелогом 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Клементьевская: в. Якуш Клементьев, молотчей да сын его Степанко, пашни паханые худые земли

1 четверть без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Деревня Конановская: в. Куземка да Данилко Ивановы дети, молотчие. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Софроновская: в. Костя Евсевьев, середней, д. пуст Дениска Юрьева, Дениско сшел без вести. Пашни паханые и с тою пашнею, что пустово двора пашет Емельянко Иевлев, середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. Тое ж деревни выставок: в. Фатьянко Софонов да сын его Ивашко, молотчей. Пашни паханые середние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 25 копен.

Деревня Чирикова: в. вдова Оксинья да сын ее Ерошка, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Колимова: в. Оничка Олексеев да сын его Петрушка, молотчей; в. Ортемка да Самойлик Парфеньевы, молотчеи. Пашни паханые середние земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен.

Деревня Олексеевская: в. Фатьянко Михайлов да Серко Кокулин, молотчеи. Пашни паханые худые земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Степановская: в. Карпик Павлов, середней, в. Ермолка Иванов, молотчей, в. Васька Степанов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 четверти с полуосьминою в поле, а в дву // по тому ж; сена 20 копен. Тое ж
с. 9 Степановские деревни выставок: в. Федько Епефанов, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

Деревня Бакетовская: в. Федько Михайлов, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен.

Деревня Фомина: в. Якуш Ларивонов, середней, в. Петруша Фомин, середней, в. бобыль Ермолка Яковлев, в. Мартемьянко Фомин, молотчей да сын его Степанко, в. Якуш Прокофьев, молотчей. Пашни паханые середние земли 12 чети с полуосьминою, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Иелская: в. Ермоланко да брат его Прошко Ивановы, середние, в. Ромашко да Игнашко Григорьевы, середние. Пашни паханые середние земли 3 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен. Тое же деревни выставок: в. Данилко Иванов сын, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Вахтина: в. Демка Кирилов, молотчей да 2 двора пусты. Пашни паханые середние земли 3 чети да перелогом 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Кирилова Подгорная: в. Ивашко да Олешка Нестеровы, середние, в. Осипко Костянтинов, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 25 копен.

Деревня Чмутовская, а дворы стоят врозни: в. Гришка Игнатьев да сын его Петрушка, молотчие, в. Павлик Остафьев да племянник Ивашко Семенов, молотчие, в. Якуш Сверчаков, молотчей, в. Ивашко Исаков, середней. Пашни паханые середние земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 45 копен.

Деревня Васильевская: в. Офонасей Иванов, середней да сын его Ивашко. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Желудевская: в. Фалелейко Григорьев да сын его Сенька, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

Деревня Кобычева: в. Тимоха Ондреев да сын его Матюшка, середнеи, в. Куземка Ондреев да сын его Гришка, середнеи. Пашни паханые середние земли 8 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Деминская: в. Семен Прокофьев, середней да дети его Тренька да Самсонко. Пашни паханые середние земли и с тою пашнею, что он прикупил у деревни у Желудинской, 4 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 25 копен, да 15 слопцов.

Деревня Вахрушевская: в. Олешка Федоров, молотчей, в. Ивашко Кузмин, молотчей, д. пуст Сеньки Иевлева, Сенька умер. Пашни паханые худые земли 2 чети с полуосьминою да перелогом 2 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Самковская: в. Сечька Тимофеев, молотчей да сын его Филька, в. Оверька Олексеев да сын его Лучка, молотчеи, в. Петрушка Тимофеев, да сын его Ивашко, молотчеи. Пашни паханы середние земли 6 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. //

с. 10

В Наволоке деревня Илье: в. Елсуфей Нефедов, молотчей, в. Гренька Патрекеев да сын его Карпунька, молотчеи. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Кобычева: в. Перша Тимофеев, молотчей, в. Гаврилко Михайлов да сын его Матюшка, молотчеи. Пашни паханые худые земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Максимова Бобыкова: в. Власко Григорьев, молотчей, д. пуст его ж Власков, а Власко жизет в другом дворе. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

Деревня Борзуновская: в. Нефедко Семенов, молотчей. Пашни паханые худые земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен. Тое ж Борзуновские деревни выставок, в. Исачко Григорьев, молотчей. Пашни паханые худые земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

Деревня Кириловская: в. Семейка Матвеев, молотчей, в. Огафонко да Микифорко Яковлевы, молотчие, в. Архипко Матвеев да сын его Оксенко, молотчеи, в. Ивашко Гарман да дети его Давыдко да Софонко, молотчие, в. Овдокимко Матвеев, молотчей. Пашни паханые и с тою пашнею, что пашет Гришка Игнатьев, середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Ермолинская: в. Якуш Григорьев, молотчей, в. Родивонко Ларивонов, молотчей. Пашни паханые худые земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Наволок: в. Оверка Олексеев, середней, да сын его Лучка. Пашни паханые и с тою пашнею, что Сенька пашет Темин, худые земли 2 чети с полосьминою да

перелогом 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Пустошь Кузьмы Болотова, пашни перелогом 5 чети в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Березник, Шилнова тож: в. Юрьи Захарьин да сын его Дениско, молотчеи, в. Онфимко Власов, середней, в. Орефейко Иванов, молотчей, в. Спирька Семенов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 90 копен.

Деревня Заборья: в. Петрушка Данилов, молотчей, в. Карпик Даикин, молотчей, в. Левка Данилов, молотчей. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен.

Деревня Будрино: в. Бориско Никонов, молотчей, в. Лука Федоров, середней, да сын его Демка, в. Ивашко Филипов, молотчей, в. Сенька Федулов, молотчей, в. Офонька Федоров, молотчей, д. пуст Харьки, Харька сшел без вести, д. пуст Офоньки Захарьина, Офонька сшел без вести. Пашни паханые середние земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен.

Деревня Залужья, Гришово тож: в. Арист Иванов, середней, да сын его Демка, в. Петрушка Мосеев, середней. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Бушуева: в. Степанко Клементьев, молотчей, в. Карпик Филипов, молотчей, в. Назарко Филипов, молотчей, в. Нестерко Федулов, молотчей, в. Ефимко Онисимов, молотчей, в. Ивашко да Федько, да Микитка Михайловы, молотчие. Пашни паханые середние земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен.

Деревня Шоном, а дворы стоят врозни: в. Фомко Федоров, молотчей, в. Максимко Митрофанов, молотчей, в. Федько Микитин, молотчей, в. Ивашко Малафеев, молотчей, в. Филька Офонасьев, молотчей, в. Васька Аврамов, молотчей, в. Сенька Иванов, молотчей, в. Сенька Ильин, молотчей, в. Савка Оверкеев, молотчей, в. Парфенко Оверкеев, молотчей, в. Сенька Васильев, молотчей, в. Олешка Мартемьянов, молотчей, в. Олешка Оверкеев, молотчей да сын его Куземка, в. Сенька Васильев, молотчей, в. Олешка Мартемьянов, молотчей. Пашни паханые середние земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 500 копен.

Деревня Иванова Пронина: в. Иевко Иванов, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

За рекою за Вычегдою над озером над Княженским, что была старая Вычегда. Деревня Княжича: в. Гришка Якимов, молотчей, да сын его Офонька, в. Софонко Патракеев да сын его Митька, молотчей, в. Федько Кондратьев, молотчей, в. Максимко Лиханов, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня Прошова: в. Онфимко Степанов да сын его Микитка, молотчеи. в. Ортюшка Фомин, молотчей, в. Левка Обросов, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Гавриловская: в. Гришка Матвеев, молотчей, да сын его Васько, в. Ивашко Данилов, молотчей. Пашни паханые худые земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 45 копен.

Деревня Матвеевская: в. Левка Матвеев, молотчей, в. Левка Фролов да сын его Сенька, молотчеи. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Брусовинская: в. Ларька Прокофьев, середней, в. Левка да Павлик Фроловы, молотчие. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дзу по тому ж; сена 40 копен.

Деревни в Острову. Деревня Семена Прошова: в. Семейка Некрасов, да сын его Федько, молотчеи. Пашни паханые худые земли 1 четверть без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Пустошь Вахрушовская, а владеют тою пустошью Мартемьянко Фимин да Юшко Прокофьев, да Осипко да Якуш Ларивоновы. Пашни паханые худые земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

с. 111 Деревня Семеновская: // в. Павлик Семенов, середней, в. Филька Иванов, молотчей, в. Якуш Иванов, молотчей. Пашни паханые худые земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен.

Деревня Левинская: в. Савка Иванов, середней. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен. Тое ж деревни д. пуст Сеньки Кондратьева, а Сенька живет в другой деревне, а пашню пашет наездом. Пашни паханые худые земли 1 четверть с полуосьминою да перелогом 1 четверть без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Мосеевская: в. Куземка Федоров, молотчей, в. Васька Федоров, молотчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Тылавыл: в. Осташко Иванов да сын его Якуш, молотчеи в. Митька Яковлев, молотчей, в. Володька да Мосейко Левонтьевы, молотчеи. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

От Яренского городка вверх по Вычегде реке деревня Лантыш: в. Савка Иванов, молотчей, в. Сидорко Иванов, молотчей, д. пуст Гришки Чикушева, а Гришка сшел безвестно, в. Кондрашко Юрьев, молотчей, в. Пронька Денисов, в. Родивонко Омельянов, молотчей, в. Петрушка Омельянов, в. Мирошко Иванов, молотчей, в. Ивашко Юрьев, молотчей, в. Федько Тимофеев, половник Юшка Данилова, д. пуст Степанко Иванова, Степанко умер, в. Елизарко Федоров, в. Ивашко Денисов, молотчей, в. бобыль Левка Семенов, в. Сидорко Ефремов, молотчей, в. Гаврилко Ерофеев, молотчей, в. Петрушка Данилов, половник Федора Наумова. Пашни паханые середние земли 12 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 340 копен.

Починок Сонноры: в. Офонька Иванов, казак. Пашни паханые середние земли полосьмины в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Ягдар: в. Демка Онисимов, молотчей. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

За рекою за Вычегдою деревня Выямково: в. Онтонко Васильев, молотчей, д. пуст Максимка Яковлева, Максимко умер, в. Данилко Ильин, в. Куземка Федоров, в. Трофимко, в. Ефимко, в. Васько Федоровы, в. Меркуш Иванов, молотчей, д. пуст Климка Сергеева, Климка сшел без-

вестни, д. пуст. Онуфрейка Нестерова, Онуфрейко ходит по двором, в. Левка Мартемьянов, в. Сенька Мырза Мартемьянов, молотчей, д. пуст Фильки Кильменева, Филька обнищал, в. Якуш Фомин, молотчей, д. Мартемьянка Ондреева, Мартемьянко умер, в. Кирилко Якозлев, молотчей. Пашни паханые худые земли 9 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 130 копен.

Починок Княжной Мыс: в. Сенька Трофимов, молотчей. Пашни паханые худые земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Погост Жошерть по реке по Вычегде, а на погосте церковь Ильи пророка, клетцки да теплая церковь Николы чюдотворца вверх на 4 углы, а в церквах образы и свечи, и колокола — все мирскае строенье. А церкви ставят приходом. Да на погосте в. поп Родивон, в. церковной дьячок Васька Григорьев, в. пономарь Федосейко Григорьев, в. проскурница Марьица. Пашни церковные 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен. На погосте ж дворы крестьянские с верхнево конца в. Федосейко Григорьев, в. Климко да Максимко Осиповы, молотчие, в. Назарко Осипов, молотчей, в. Пронька Артемов, молотчей, в. Данилко Карпов, молотчей, в. Юшка Данилов, молотчей, в. Карпик да Филька Семеновы дети, молотчие, да их же двор пуст, в. Максимко Семенов, молотчей, в. Пашко Иванов, в. Андрюшка Левонтьев, молотчей, в. Тимоха Семенов, середней, в. Игнашко Никитин, молотчей, в. вдова Настасьица Кузминская Жена, в. Гриша Иванов, молотчей, в. Огафонко Васильев, в. Якуш Ефремов, молотчей, в. Васька Потапов, середней да сын его Данилков, в. вдова Макринка Ивановская жена, молотчея, д. пуст Игнашков, Игнашко сшел безвестно, д. пуст вдовы Офимьи Поздеевские жены, Офимья обнищала, ходит по двором, д. пуст Давыдков, а Давыдко живет в другом дворе, в. Осипко Васильев, середней, д. пуст Иванков Зверихина, Ивашко обнищал, ходит по дворам, в. Онуфрейко Григорьев, молотчей, в. бобыль Гаврилко Иванов, в. Климко Кузьмин, молотчей. в. Гаврилко Омельянов, молотчей, в. Митька Исаков, молотчей, в. Евсейко Лукьянов, молотчей, в. Кондрашко Иванов да сын его Петрушка, молотчей, д. пуст Дениска, а Дениско сшел безвестно, в. Кондрашко Дмитреев да Микифорко Дементьев, середнеи, в. Титко Терентьев, молотчей, д. пуст вдовы Матренки, Матренка сошла безвестно, в. Павлик Иванов, молотчей, в. Игнашко да Ивашко Дмитреевы, середние, 4 дворы пусты, а того не упомнют, чьи были. Пашни паханые худые земли 59 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен.

Деревня Ремья: в. Кондрашко Степанов, молотчей, в. Давыдко Орефин, молотчей, д. пуст Федька Клементьева, Федько умер, д. пуст Еськи Клементьева, Еська умер. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Мосеевская за рекою за Вычегдою: в. Федько Лобанов, молотчей, да 2 двора пусты, Мосейков да Федька Лобановых, Мосейко умер, а Федько сшел безвестно. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Межог, а дворы стоят врозни: в. Вася Семенов сын Межетцкой да сын его Левка, лутчие, в. Васильев, половник Останко, в. Ондрюшка Микифоров, молотчей, в.

с. 12 Игнашко Гаврилов, // молотчей, в. бобыль Кондрашко Харитонов, в. бобыль Ивашка Иванов, з. Васька да Перша, да Кондраш Никоновы, молотчие, в. Минька Сергеев. Пашни паханые середние земли 12 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Погост Гам. Деревня Гам: в. Петруша Родивонов, молотчей, да дети Ивашко да Васька, в. Яким Родивонов, молотчей, да сын Федько, в. Якуш Парфенов, молотчей, в. Демка Родивонов, молотчей, в. Сидорко Васильев, молотчей, в. Иванко Васильев, молотчей, д. пуст Митьки Михеева, Митька сшел безвестно, д. пуст Петрушки, Петрушка обнищал, ходит по двором, в. Васька Родивонов, молотчей, в. Офонька Родивонов, молотчей, д. пуст Осташка, Осташко обнищал, ходил по двором, д. пуст Ивашков, Ивашко обнищал, ходит по двором, д. пуст Митькин, Митька живет в другом дворе, в. Федька Григорьев, молотчей, в. Филька Овдокимов, молотчей, в. Давыдко Юрьев, молотчей, в. Левка Софронов, молотчей. В нижнем конце дворы стоят врозни же: в. Ивашко Иевлев, молотчей, д. пуст Михалка, Михалко умер, в. Сенька Иванов, молотчей, в. Еремка Иванов, молотчей, в. Петрушка Олексеев, молотчей да сын его Власко, в. Сенька Сидоров, молотчей, в. Федько Сидоров, молотчей, в. Ивашко Григорьев, молотчей, в. Ондрюшка Петров, молотчей, д. пуст Проньки. Пронька умер, в. Дениско Григорьев, молотчей, в. Сидорко Григорьев, молотчей, в. Еремка Петров, молотчей, в. Власко Семенов, молотчей, в. Исачко Иванов, молотчей, в. Ларко Иванов, молотчей, рыболов, в. Митка Трофимов, молотчей, в. Тихонко Федоров, молотчей, в. Филька Ларивонов, молотчей, в. Ивашко Матвеев, молотчей, в. Микифорко Туркин, молотчей, в. Гришка Семенов, молотчей, в. Олешка Дементьев, середней, в. Некраско Еремеев, молотчей, в. Левка Ондреев, молотчей, в. Бориско Захаров, молотчей, в. Терешка Иванов, молотчей, в. Оника Семенов, молотчей, в. Овдокимко Михеев молотчей, в. Левка Захаров, молотчей, д. пуст Михалка. Михалко сшел безвестно, в. Михейко Григорьев, молотчей. Пашни паханые худые земли 49 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 400 копен.

Погост Шожем, а на погосте церковь Преображения господа нашего Исус Христа теплая клетцки, а в церкви образы и книги, и свечи, и колокола — все мирское строенье, а церкви ставят приходом. Да на погосте в. поп Иван Ларивонов, в. церковной дьячок Степанко Ортемов, в. пономарь Якуш Васильев. Пашни церковные 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен. Да около погоста дворы крестьянские, а стоят врозни: д. Истомин, а живет в нем подворник Ивашко Олександров, в. Васька Петров, середней, да дети его Ивашко да Степанко, в. Вася Федоров, середней, в. Титко Левонтьев, молотчей, в. Петрушка Максимов, молотчей, в. Ивашко Максимов сын Балин, молотчей, двор другой Васька Петрова, в. Федько Балин, середней, в. Конан Савельев, сын Балина, середней, да сын его Ивашко, в. Федько Олексеев, середней, да сын его Ивашко, в. Истома Иванов, середней, да сын его Осип, в. Савка Офонасьев, молотчей, в. бобыль Ортюша Федоров, д. пуст Истомы Онтонова.

Того ж погоста дворы вниз по реке по Вычегде: в. Якуш да Трифан Ондреевы дети Балина да сын Трифанов Ивашко, середней, д. пуст Савки Чечюлева, Савка живет в дру-

том дворе. Пашни паханые середние земли 30 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 350 копен.

Погост Вездынь: в. Михалко Васильев сын Брагин, середней, в. Игнашко Нестеров, молотчей, в. Ивашко Васильев, молотчей, в. Левка Ондреев сын, молотчей, в. Исачко да Иванко, да Илейка Федоровы дети Седузева, молотчие, в. Ивашко Онаньин сын Каимин, молотчей, д. пуст Тимохи Есипова, Тимоха умер, д. пуст Митьки Есипова, Митька обнищал, ходит по дворам, д. пуст Мартынка Костиня, Мартынко ходит по двором, д. пуст Васьки Федорова, Васька ходит по двором. Того же погоста дворы в нижнем конце: в. Софронко Тимофеев, молотчей. в. Олешка Иванов, молотчей, д. пуст Ивашка Дылина, Ивашко умер, в. Федько Нефедов, молотчей, в. Якуш Петров, молотчей. Пашни паханые худые земли 20 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен.

Деревня Канцамас: в. Кирилко Григорьев, молотчей, да сын его Ивашко, в. Васька Овчинин, молотчей, в. Митька да Сидорко Дорофеевы, молотчие, д. пуст Гришки, Гришка умер. Пашни паханые худые земли 11 чети с осьминою да перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен.

Деревня Новоселец, что было Чюдцкое городище: в. Вахруш Спирин, молотчей, в. Олешка Игнатьев, молотчей, в. Нечейко Васильев, молотчей, д. пуст Спирьки, Спирька умер, д. пуст Прошки Макарова, Прошка ходит по двором. Тое же деревни на другой стороне за врагом: в. Якуш Онтипин, молотчей, в. Михалко Григорьев. Пашни паханые и с тою землею, что пашет Бориско деревни из Арабача, худые земли 11 чети с осьминою да перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Деревня другой Навоселец: в. Оргемко Васильев, молотчей, в. Онуфрейко Игнатьев, молотчей, в. Емельянко Ондреев, молотчей да сын его Игнашко, в. Сенька Иванов, молотчей да сын его Офонька, в. Матюшка Федоров, молотчей, д. пуст Офоньки Федорова, Офонька сшел безвестно. Пашни
с. 13 паханые худые земли // 6 чети с полосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен.

Деревня Арабоч: в. Бориско Дмитреев, молотчей да сын его Гришка, в. Федько Ондреев, молотчей, д. пуст Федька, Федько сшел безвестно, в. Микитка Дмитреев, молотчей, да сын его Юшка, в. Сенька Юрьев, молотчей, в. Онтонко Григорьев, молотчей. Пашни паханые худые земли 8 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен.

Волость Тыдор: в. Мишка да Сенька Дмитреевы, середние, в. Игнашко Федоров, молотчей, в. Павлик Власов, молотчей, да сын его Васька, в. Климко Федоров, середней, в. Терешка Яковлев, молотчей, в. Олешка Никитин да зять его Куземка Петров, молотчей, в. Ивашко Ефимов кузнец, молотчей, д. пуст бобыльской Трофимка, в. Юшка Прокофьев, молотчей, в. Игнашко Олексеев, молотчей, в. Якуш Устинов, молотчей, да сын его Степанко, в. Ермолка да Омоско Ивановы, молотчие. Пашня у них и пожни и уголья пополам с Ывашком с Мартемьяновым, д. пуст Климка, Климко умер, д. пуст Онтипка, Онтипка умер, да 3 места дворовые горелые, в. Кондрашко Тарасов, молотчей, в. Федько Иванов, молотчей, д. пуст бобыльской Ивашка да Захарка Максимовых, обнищали, ходят по двором, в. Дмитрейко Ортемов, середней, да сын его Петруш-

ка. Пашни паханые середние земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 350 копен.

Деревня Карса, а в ней часовня. Да в деревне ж крестьян: в. Ондрюшка Павлов, молотчей, м. дворовое, д. пуст Емельянка, Емельянко ходит по двором, в. Федько Алексеев, молотчей, д. пуст Мартемьянка Ондреева, Мартемьянко живет в другом дворе, в. Архипко Пантелеев, молотчей, в. Мартемьянко Ондреев, середней, в. Федько Исаков, молотчей, в. Сидорко Родивонов, молотчей, да сын его Онкундинко, в. Гриша Мартемьянов, молотчей, в. Михалко Левонтьев, молотчей, д. пуст Перфурка Родивонова, Перфурко умер. Пашни паханые середние земли 10 чети с осьминою да перелогу в вешнею воду песком занесло 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен да 60 слопцов.

Деревня Палевицы над рекою над Вычегдою над курьею, а в ней часовня Николы Чюдотворца. Да в деревне дворы крестьянские: в. Сеня Иванов сын Турлопова, лутчей, в. Иванко Васильев сын Белово, середней да племянник его Васько, в. Олеша Григорьев, молотчей, в. Власко Васильев, молотчей, в. Васька Ортемов, молотчей, д. пуст Симонка, Симанко сшел безвестно, в. Гаврилко Иванов, молотчей, в. Олешка Ондреев, середней, в. Осипко Васильев, молотчей, д. пуст Федька Микитина, Федько обнищал, ходит по двором, в. Ермолка Григорьев, молотчей, в. Устьвыми от Николы Чюдотворца половник Осипко Васильев. Пашни паханые середние земли 13 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен. Да отхожие пожни у Олешки на Малом острову 50 копен; да у Олешки ж да у его брата у Гаврилка по купчей по Черномскому ручью по обе стороны 40 копен да 50 слопцов.

А угодья у всех у вычегоцких крестьян река Вычегда от рубежа Плесовские волости до вершины Вычегды реки, опричь владычних вод. А владычни воды и участки написаны у владыки в государеве жаловальной грамоте и в книгах имянно своею участью по кустовытью. Да Яренского ж города река Яренга да речка Кижма, да речка Лена от вершины и до устья, да озеро Святое, да в том же озере участок неводной Сойгинского монастыря, да озеро Тыдор, да озеро Корка, да озеро Олты, да озеро Елты, да озеро Ирты и с истоки, да озеро Пастьма и с истоком, да озеро Ленсково погоста, да озеро у Туглинсково погоста с истоком, да озеро у Шежемсково погоста с истоком, да озеро Княжинское, и все реки и речки, и озера, которыми они изстари владели. Да в Вычегде ж реке сысольских крестьян участоки против их земель.

И всего Яренского города посад да 9 погостов, да 2 волостки, да 175 деревень живущих, да 11 починков, да пустых 4 деревни, да 3 починка, да 3 пустоши. А на // городище и на посаде, и на погостех монастырь да 14 церквей, а у них в манастыре 2 церкви да келья попа чернова, да 4 кельи, а в них живут 9 старцов, да 4 кельи, а в них 12 стариц черноризиц, да двор церковного дьячка, да двор пономарев, да мирских 9 дворов поповых, да 9 дворов церковных дьячков, да 9 дворов пономаревых, да 7 дворов проскурницыных, да 3 кельи нищих. Пашни манастырские и церковные 19 четий в поле, а в дву по тому ж, сена 280 копен. Да на городище и на посаде, и в уезде лутчих 15 дворов, середних 105 дворов, молотчих 601 двор. И всего

с. 14

лутчих и середних, и молотчих 725[1] дворов, а людей в них 872 человека, да пустых 144 двора. Пашни паханые середние земли 853 чети с осьминою, да худые земли 275 чети без полуосьмины, да перелогу 101 четверть с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 9313 копен. А сошного письма на посаде и в узде в живущем 14 сох с четвертью, а в пусте соха без четверти, а положено в соху середние земли по 120 чети, а худые земли по 150 чети, а лутчих людей положено в соху по 20 дворов, а середних по 30 дворов, а молотчих положено в сошное письмо 60 дворов в соху. А достальные молотчие люди в сошное письмо не положены, потому что положена в сошное письмо пашня. А по старой платежнице и по отписям было в живущем 15 сох, а доходов государю давали за соболь и за белку деньгами 150 рублев, по 10 рублев с сохи, за городовое и за засечное дело 22 рубля с полтиною, по пол-2 рубля с сохи, за ямчужное дело 7 рублев с полтиною, по полтине с сохи, приметных 3 рубли и 22 алтына, по полуполтине с сохи, пошлин казначеевых было 10 рублев, диячих пошлин было 11 рублев с полтиною, казенных пошлин было подьячих 10 рублев. А по новому письму перед старым письмом убыло из живущего в пусто соха без четверти, а доходов убыло 9 рублев и 6 алтын пол-2 деньги да пошлин пол-2 рубля и пол-3 алтына. И в то место прибыло оброку за бобровые гоны и за рыбные ловли 7 рублев, да с того оброку пошлин 14 алтын. А по государеву указу велено на них положити оброку за соболи и за белку, и за городовое, и за засечное, и за ямчужное дело и за пашню, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны, и за всякие угодья з двора по полтине, итово 362 рубля с полтиною. А по государеву указу ж возити им тот оброк к Москве з приказ дияка Ондрея Щелкалова. А в службу и в подать, и во всяких розметех сщитатися им с вымичи и з сысоличи, и с устьвымичи, и с плесовичи, а до Удоры им и до Глотовы слободы дела нет. А промеж себя вычегжаном Яренсково городка во всяких государевых податех считатися, смотря по своим животом и по промыслом, как они преж сево сщиталися. А класти им меж себя на лутчих людей побольши, а на середних по середнему, а на молотчих поменьши, а лишка им на молотчих людей не класти, чтоб оттово молотчие люди не разошлися.

К сей сотней писец Иван Григорьевич Огарев печать свою приложил.

На обороте по склейкам: Подьячей Филип Юрьев руку приложил.

ЛОИИ, акты до 1613 г., оп. 1, № 458. На 14 ставах в лист.

Подлинник. Начало оборвано. Печать восковая.

№ 4

1585—1586 г. — Сотная с писцовых книг И. Г. Огарева и подъячего Ф. Юрьева на Глотову слободку.

Лета 7094-го. Сотная с книг письма и меры Ивана Григорьевича Огарева да подъячего Филипа Юрьева в Глотовой слободке.

[1] *Так в тексте. Должно быть 721.*

Погост Глотова слобод[ка][1] на реке на Мезени, а на погосте церковь Рожество Христово теплая, древян, клетцки, да церковь Никола чюдотворца дрезена, клетцки. А в обеих церквах образы и свечи, и книги, и ризы, и сосуды церковные — все мирское строенье. На погосте ж в. поп Иван, д. церковной пуст, в. пономарь Осипко Григорьев. Пашни паханые 2 четверти, сена церковного на острову противу церкви 50 копен. Да речка Лупья дана изстари Николе на соруженье и з бобровыми гоны и с рыбными ловлями, и з звериными ухожеи. В слободе крестьянских дворов да деревня припущена к слободе Вантанская: в. Тимошка Васильев, в. Васька Павлов, в. Мартемьянко Яковлев, д. пуст Иванка Мокеева, а Иванко живет в деревне на Падше, а тот двор куплен у него из земли у Марка, д. пуст Марка Терентьева, а Марко сшел в 89-м году без вести, в. Сенька Филипов, в. Иванко Тимофеев, бобыль, в. Максимко Васильев, в. Онуфрейко Гаврилов, д. пуст вдовы Иришки Олексеевские жены, а Орина обнищала, ходит по двором, в. Иванко Дементьев, в. Пронька Трофимов, в. вдова Огафья Русиновская жена, в. бобыль портной мастеришко Онашко Иванов, д. пуст Фильки Осипова, а Филька обнищал, ходит по двором, д. пуст вдовы Офушки Федоровские жены, а Офушка обнищала, ходит по двором, д. пуст Осипка Ильина, а Осипко умер, д. пуст Кирилки Ильина, а Кирилко сшел безвестно, в 91-м году, в. Ондрюшка Васильев, в. Ондрюшка Ондреев, д. пуст Ерофеев Харитонова, а Ерофейко живет на пашне в деревне, в. Пахомко да Васька Семеновы, в. два Федора Ильины дети, в. Карпик Ильин, в. Доронька Микифоров, в. Мокейко Микифоров, в. Исачко Микифоров, в. Васька Михайлов, в. Перша Тимофеев, пашня у него в закладе у Михаила у Жилина, в. Ивашко Кондратьев, д. пуст Ивашка Тимофеева, обнищал ходит по двором. Пашни паханые худые земли 16 четвертей с полуосьминою в поле, да перелогу 2 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 400 копен; да 200 слопцов да 5 перевесей.

Тое ж слободы по конец поля вверх по Мезени двор отнесен, в. Панфил Ондреев. Пашня с слободцкою вместе.

Деревня Вылюбь вверх по Мезени, а в ней крестьян: в. Федько Микифоров да сын его Тихонко, в. Онтонко Симанов, д. пуст безпашенной Ивашка Мартемьянова, а
с. 2 Ивашко сшел безвестно // в 90-м году, в. Осташко Нестеров да Нестерко Онтонов, в. Исачко Мокеев, в. Ивашко Мокеев, д. пуст Иванка Семенова, а Иванко сшел безвестно в 90 в 3-м году, д. пуст Мартьянка Семенова, Марьянко обнищал, ходит по двором, д. пуст Луки Иевлева. Лука обнищал, ходит по двором, в. Фома Мокеев, в. Арист да Филька Иевлевы, д. пуст Якуньки, Яконя умер, а жена его по двором ходит, в. Михалко Григорьев, д. пуст Филимонка Васильева, Филимонко обнищал, ходит по двором, д. пуст Проньки Микифорова, Пронька обнищал, ходит по двором, д. пуст Фомки Оксенова, Фомка обнищал, ходит по двором. Пашни паханые худые земли 9 четвертей без полуосьмины, сена 300 копен; да у той же деревни угодей 100 слопцов да перевесье.

Деревня Макарова на реке на Мезени, а в ней крестьян: в. Кондратко Онисимов да сын его Митька. Пашни паханые худые земли 3 четверти с осьминою в поле, а в

[1] *Текст оборван. Добавлено по смыслу.*

дву по тому ж; сена 50 копен; да у той же деревни угодей 10 слопцов, а перевесей нет.

Деревня пуста займища Глотов за рекою за Мезенью, а в ней 2 двора пусты, хоромы обвалялись. Пашни перелогом полторы четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Пустошь, что был починок Петрово селища. Пашни перелогом и лесом поросло 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Деревня Буткон над озером над Буткоиом, а в ней крестьян: в. Афонька Петров, в. Матюшка Сидоров, да у него прикупная пашня, в. Оксенко Левонтьев, д. пуст Васьки Мелентьева, Васька сшел безвестно, в. Никифорко Левонтьев, в. Федько Левонтьев, д. пуст Ивашка Палкина, Ивашко умер, д. пуст Гришки Мелентьева, обнищал, ходит по двором, д. пуст Ивашка Михайлова, Ивашко сшел безвестно в 90-м году. Пашни паханые худые земли 5 четвертей с осьминою да перелогом и лесом поросло, осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена вверх по Мезени противу Лопьи Меньшие да вниз по Мезени за Вордегою 100 копен; да у той же деревне угодей 30 слопцов да 2 перевесья на озере на Буткоие. Да в той же пожни под Орловым гнездом на реке на Лупье участок козловских крестьян Митьки Иванова да Федька, что они преж того тое пожню косили.

Пустошь, что был починок усть Колонсково озера, пашня перелогом и лесом поросла 1 четверть; сена нет.

Погост Кеслонской по реке по Мезени, а на погосте церковь Илья пророк без пенья, древена, клетцки. А в церкви образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихарь, и поручи, и паникадила, и на колокольнице колокола, и все церковное строенье мирское. А церковь ставили приходом. А на погосте дворов: д. попов пуст. Пашни церковные 1 четверть в поле, а в дву по тому ж, сена 30 копен. Да 2 речки: речка Субаса да речка Мадбаса дана к Илье пророку на суруженье з бобровыми з гоны и с рыбными ловлями, и звериными ухожеи. Д. дичка церковного пуст. На погосте ж дворы крестьянские: в. Ондрюшко Власов, да у него ж в деревне на Якшере
с. 3 прикупная пашня // с лугом и с угодьи, д. пуст Ермолки Дмитреева, Ермолка сшел безвестно, в. бобыль Родька Иевлев, в. Окулина Иванова жена Власова, в. Федько Микитин да сын его Онтипка, д. пуст Ивашка Костина, а Ивашко живет в наймех, в. Гашко Федоров безпашенный, в. Силка Карпов. Пашни паханые худые земли 8 четвертей с осьминою да перелогом 3 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 160 копен на усть Малой Лапьи; да у них же угодья: перевесье да у Ондрюшки Власова 50 слопцов.

Деревня Юкшера, а в ней крестьян: в. Ерошка Григорьев, д. пуст Ондрюшки Мелентьева, а Ондрюшка сшел без вести, в. Ивашко Олексеев. Пашни паханые худые земли 5 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен; да к той ж деревне угодей 100 слопцов.

Деревня Шарыба, да к ней же припущена деревня Ручей, а в них крестьян: в. Власко Фомин, в. Мартемьянко Иванов, д. пуст Демки Иванова, а Демка сшел безвестно, д. пуст Гашка Селиванова, а Гашка сшел безвестно, в. Митька Иванов, а прозвище Тимошка, в. Сидорко Се-

ливанов, д. пуст Власка Федорова, а Власко сшел безвестно, в. Кирилко Олексеев, в. Кондрашко Федоров. Пашни паханые худые земли 5 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 160 копен; да в той же деревне угодей 20 слопцов.

Деревня Разварга, а в ней крестьян: в. Сенька Тимофеев, д. пуст Ивашка Тимофеева, а Ивашко ходит с семьею по двором, д. пуст Мосейка Яковлева, Мосейко сшел без вести, в. Онтропко Яковлев, в. Михалко Жилин да с ним 3 сыны Гришка да Федько, да Куземка, д. пуст Тимошки Фомина, Тимошка сшел без вести, д. пуст Федька Фомина, Федько умер, д. пуст Еремки Яковлева, Еремка сшел без вести. Пашни паханые худые земли 6 четвертей с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен; да к той ж деревне угодей 50 слопцов на реке на Лупье да перевесье за рекою за Мезенью.

Деревня Вылюбь, а в ней крестьян: в. Офонька Ефимов, в. Сенька да Ивашко Ефимовы, в. Ондрюшка да Ивашко Филиповы, д. пуст Ермолки Ефимова, Ермолка умер, д. пуст Ульянки Огафонова, Ульянко сшел без вести. Пашни паханые худые земли 2 четверти с осьминою да перелогом 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен. Да к той же деревне угодей 20 слопцов дали на льготу Глотовы слободки крестьянину Фильке Осипову на диком лесу над Дынтынским озере на 9 лет, от лета 7094 июня с седьмага на десять числа до лета 7103-го году по июня по седьмое на десять число, а в те ему во льготные лета лес сечи и дворы ставити, и пашня розпахати,
с. 4 и иных крестьян// к себе называти нетяглых и неписьменых. А в те ему во льготные лета не давати государя царя и великого князя ни дани ни посохи и ни ямских, и ни приметных денег, и ни посошные службы не служити. А как льготные лета отойдут, и ему давати в государеву цареву и великого князя казну по гривне з году на год, а платити ему те деньги з данью вместе.

А угодей у всей у Глотовы слободы: река Мезень с верховья до слободы по правой стороне, да в Мезень же впали речка Пузло да речка Пурзема, да речка Щиморя, да речка другая Позло, да речка Кривая, да речка Кужма, да речка Комша. А на левой стороне речка Яньюга да речка Увьюга, да речка Песьюга, да речка Елва, да речка Южджюга, да 2 речки Селки. А ниже слободы по Мезени до Удорского рубежа до Волока до Ельсково на правой стороне 2 речки Ирьзы да речка Пехьюга, а на левой стороне 2 Лапьи да речка Уса, да от Вымского волока речка Ирва, да вниз по Ирве до Мезени реки озера и реки, и истоки Глотовы слободы.

И всего слобода да погост, да 7 деревень живущих, да деревня пуста, да 2 пустоши. А в слободе и на погосте 3 церкви, одна без пенья, да 2 двора поповых, 1 пуст, 2 двода дьячковых церковных, 1 пуст, двор пономарев, двор проскурницын. Да крестьянских живущих 55 дворов, а людей в них 64 человека, да 37 дворов пустых. Пашни церковные 3 четврети в поле, а в дву по тому ж, сена 40 копен. Да крестьянские пашни паханые худые земли 62 четверти с полуосьминою да перелогом 9 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж, сена крестьянского 1590 копен, да 580 слопцов да 10 перевесей. А сошного письма полсохи. А по старой платежнице и по описи написано

полсохи ж. А оброку давали с полусохи 3 рубли 4 гривны, за городовое и за засечное дело 25 алтын, за ям // чюжное дело полполтины, приметных денег 4 алтына з деньгою, пошлин 2 гривны. Да с рек и с озер за бобровые гоны и за рыбные ловли давати им оброку по рублю да с того оброку пошлин 2 алтына. А преж сего с тех рек и с озер оброку не было. А по государеву указу положено на них оброку за соболи и за белку, и за городовое и за
с. 5 засечное, и за ямчюжное дело, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны, и за пашню, и за всякие угодья з двора по полтине, итого 27 рублев с полтиною. А с Вымскою землею и с Вычегодцкою, и з Сысольскою, и с Удорою, и с иными землями Глотове слободе в государеву службу и в подводы, и во всякие подати не тянуть ни во что и не считатися им с ними ни в чем, потому что Глотовы слободы крестьяне люди не торговые и не прожиточные, и земля у них худа, хлеб не родитца и мороз побивает. А считатися им в оброке и во всяких государевых податех Глотовою слободою меж себя самим, смотря по своим животом и по промыслом, как промеж себя преж сего считалися. А класти им меж себя в розмет на лутчих людей больши, а на середних по середнему, а на молотчих поменьше, и лишка им на молодчих людей не класти, чтоб от тово молотчие люди не разошлися.

К сей сотной грамоте писец Иван Григорьевич Огарев печать свою и руку приложил.

На обороте по склейкам: К сей сотной Иван Григорьевич Огарев руку приложил.

ГПБ, Собрание грамот, I-202 на 5 ставах в лист. Подлинник. У грамоты печать черного воска.

№ 5

1593 г. января 16. — Грамота царя Федора Ивановича крестьянам Глотовой слободы на Выми об освобождении их от уплаты «ростов» по кабалам на деньги, занятые для уплаты царских податей.

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Вымь в Глотову слободку старостам и целовальником, и всем крестьяном.

Прислали есте к нам бити челом Глотовы ж слободки крестьянина Нестерка Онтонова, что вы, Глотовы слободки крестьяне, платячи наши всякие подати и отпущая в Сибирь под наших посланников и под гонцы и под ратные люди подводы, охудали и одолжали великими долги, жены и дети позаложили и в тех заемных деньгах давали деи есте на себя кабалы вдвое и втрое из великих ростов, и которая деи кабала была в рубле, и га кабала ростом стала в 5 рублев и в 6 рублев и больши. И ныне де вы, Глотовы слободки крестьяне, в кабальных деньгах отысцов стоите на правеже, а искупитися деи вам нечим, и хотят деи на вас ысцы те кабальные деньги взять с ростом. Да вы ж деи, Глотовы слободы крестьяне, покупаете себе хлеб на Выми, и вам деи вымичи хлеба у себя покупати не дают, а коли и дадут хлеб купить, и на вас деи вымичи посадские люди емлют сильно помер с четверти по алтыну. А опричь деи вам того места Выми покупать хлеба негде. И нам бы вас, Глотовы слободки крестьян,

пожаловати, велети б вам по своим заемным кабалам платити деньги истину без росту, и вымичем бы на вас с покупново хлеба померу имати не велети. И мы вас, Глотовы слободки крестьян, пожаловали, по кабалам деньги велели есмя вам платити исцом истину без росту, и вымичем с хлеба померново по алтыну давати есмя вам не велели. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б по своим кабалам исцом платили деньги сполна истину без росту, а росту бы есте им не давали. А как учнете на Выми покупать хлеб, и вы б вымичем померново с четверти по алтыну не давали б же.

Писан на Москве лета 7101-го генваря в 16 день.

На обороте: Царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси.

ЛОИИ, Колл. актов до 1613 г., оп. 1, № 532. Печать черного воска. Подлинник.

№ 6

1600 г. февраля 12. — Сотная с писцовых книг 1586 г. И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на Сысольскую волость.

л. 1 Список с сотные слово в слово.

Лета 7108-го февраля в 12 день били челом государю царю и великому князю Борису Феодоровичу всеа Русии Вымского уезда Сысольские волости целовальники Сидорко Афонасьев и во всех сысольских крестьян место. А сказали, в прошлом де во 107 году... в[1] 18 день от молнии згорела у них церковь Афонасия александрейского чюдотворца. А в той де церкви поставлен был их земской ларец с сотными грамотами, и тот де ларец в той церкви згорел же. А в том де ларце были их сотные книги Сысольские земли письма и меры Ивана Огарева и иные многие государевы указные и ямские, и земские грамоты. Да у них же де згорел город. И иные деи у них сотные грамоты нет, и государевых всяких податей платити им не по чему. И государь бы царь и великий князь Борис Федоровичь всея Русии их пожаловал велел им дати сотную грамоту. И государь царь и великий князь Борис Федоро-
л. 1 об. вич всея Русии // Сысольские волости крестьян пожаловал, велел им дати с писцовых книг свою государеву сотную грамоту. А в Четверти окольничего Михаила Михайловича Салтыкова да дьяков Ивана Вахрамеева да Ивана Максимова в писцовых книгах письма и меры Ивана Огарева да подьячего Филиппа Юрьева 94-го году написано:

Город Вотча над рекою над Сысолою, а в нем 29 городен гнилии, перила и кровля обвалялась и тайник завалился. А на городе наряду городового 3 пищали затинных, 9 ручниц малых, станки и приклад переламаны, да ствол ручничной разорван, да зелья по смете с пуд, да свинцу гривенок с 30, да 556 ядер железных, да затинных пищалей. А приказан тот наряд: затинные пищали и ручници, и зелья, и свинец, и ядра Вотченского погоста целовальнику Олеше Костылеву и всем крестьяном того погоста.

[1] *Рукопись попорчена, текст вытерся.*

Погост Вот, а на погосте // церковь Рождества пречистые, клетски да другая церковь теплая Флор и Лавер клетски ж. А в обеих церквах образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и колокола, и все церкозное строение мирское. А на погосте дворов: в. поп Юрий Иванов, в. церковный дьячек Степан Иванов сын Кутимец, в. пономарь Тимоха Степанов. Пашни церковные осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен. На погосте ж дворы крестьянские: в. Бориско Семенов сын Зворыгин, в. Васька Селегов, в. Гриша Ондреев сын Пелмегов да сын его Ондрюшка, в. Фетько Григорьев сын Пелмегов. Пашни паханые 5 чети, сена 50 копен, да 10 слопцов, да 2 перевисья. В. Петрушко Костянтинов. Пашни паханые 1 четь, сена 15 копен. В. Кондрашко Онфимов, в. Митько Семенов сын Чюманов, в. Ондрюшко Григорьев, в. Карпик Микитин сын Чюманов, в. Олешко Дмитриев, д. пуст Куземки Иванова, а Куземко обнищал, ходит по двором. Пашни паханые середние земли // 15 четей, сена 70 копен, да 2 перезисья. Да на погосте ж церковь Стефан великопермский круглая вверх, около ее паперть, да теплая церковь Афонасей великий клетски. А в обеих церквах образы и книги, и свечи, и колокола, и все церковное строенье мирское, а церкви ставят приходом. Да на погосте в. черной поп Михайла, в. церковной диячек Ермолко Степанов, в. пономарь Кузьма Вахрамеев, д. пуст старого пономаря Марка Леонтьева, а в келье нищей Максимко Юрьев. Пашни церковные 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен. Да на погосте ж дворы крестьянские: в. Семен Петров сын Зворыгин, в. Захарко Олферов. Пашни паханые 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен, да 10 слопцов да перевесье. Да на подоле у реки в. вдова Марфа Кузминская жена, д. пуст Ивашка Вымина, Ивашко обнищал, ходит по двором, д. пуст Васьки Иванова, Васька сшел безвестно, д. пуст Петрушки Захарьина, Петрушко обнищал, // в. Фетько Васильев. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 90 копен. Да около погоста дворы врозни вверх от реки: в. Иванко Никонов сын Черного, в. Лучка Козмин Бызов, в. Степанко Федоров, д. пуст Родионка Тимофеева, а Ротька живет в другом дворе, а пашню пашет наездом, в. Михалко Васильев. Пашни паханые 4 четверти в поле, а в дву по тому ж, середние земли; сена 70 копен, а слопцов и перевесья нет.

л. 2 об.

л. 3

За городом деревня Савинская да к ней ж припущена деревня Киличея: в. целовальник Олеша Костелеев, в. Микифорко Микифоров да сын его Ивашко Куч, в. Сенька Филипов. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, да 20 слопцов да перевесья.

Деревня Карчюй да к ней же припущена деревня Выл-горт: в. Юшко Перфильев сын Пыстин, в. Онтонко Перфильев, в. Филько Иванов. Пашни паханые 5 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сена 30 копен; да перевесья, а слопцов нет.

Деревня Чюлипалры да к ней же припущена деревня Изжьды: в. Истомка Михайлов да сын его Ефремко, в. Ивашко Матфеев, в. Гришка Тимофеев, // д. пуст Денис-

л. 3 об.

ков, Дениско сшол безвестно. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Кучеб: в. Микитка Ондреев, в. Ерошко Матфеев, в. Левка Власов, в. Сидорко Федоров. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Зеры, Уяндер тож: в. Фетько Микулин, в. Сидорко Васильев, д. пуст Микитки, а Микитка обнищал, ходит по двором. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня на Исадех: в. Митька да брат его Лукоянко Ивановы, в. Данилка Федоров, д. пуст Оксенка Васильева, а Оксенко умер. Пашни паханые земли середние 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Пустошь, что была деревня Городок Чюгской. Пашни перелогом 1 четь в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Вадыб Сеньки да Митьки Чюманозых з братьею, а в ней крестьян: в. Родионко Михайлов, в. Фетько Алексеев. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, а слопцов и перевесья нет.

л. 4 Деревня Семь Мостов: в. Ивашко Васильев // сын Тырбылев, в. Гаврилка да Поздейка Васильевы дети, в. Онашко Федоров. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою; сена 30 копен, да 10 слопцов, а перевесья нет.

Починок, что была пустошь Куниб: в. Михалко Кузьмин, в. Гришка Степанов, в. Зубко Родионов. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, а слопцов и перевесья нет.

Погост Визенга по реке Визенге, а на погосте церковь Афонасья александрискаго чюдотворца, клетски, около ее паперть, да церковь теплая страстотерпца христова Георгия, клетски. В обоих церквах образы и книги, и ризы, и свечи, и колокола, все церковное строенье мирское, а церкви ставят приходом. Да на погосте ж в. поп Василей Федоров, в. церковный диачек Михалко Федоров, в. пономарь Петруша Павлов. Пашни церковные четь в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Того ж погоста деревни. Дерезня Межатила: в. Митько Пантелеев, в. Ивашко Семенов, в. Июдка Семенов. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня другая Межатыла: в. Еремка Павлов да брат его Ивашко, д. пуст Тараска, а Тараска умер. Пашни паханые середние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет. //

л. 4 об. Деревня Бенгав: в. Якуш Олексеев, в. Дениско Федоров, в. Митько Васильев, в. Демка Павлов, в. Павлик да Некраско Ивановы, д. пуст бобыльский. Пашни паханые середние земли 11 чети с осьминою; сена 30 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Иб: в. Сенька да Афонька Афонасьевы дети. Пашни паханые середние земли 6 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевисей нет.

Деревня Дементиевская под погостом: в. Онтипко Галахтионов да сын его Мороз, в. Васька Максимов. Пашни паханые середние земли 5 четий с осьминою; сена 80 копен, да 50 слопцов да перевесья.

Деревня Иб Большой: в. Якуш Федоров, в. Васька Максимов, в. Рычко Истомин. Пашни паханые середние земли 3 четий с осьминою; сена 30 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Оксеновская: в. Петрушка Федоров да сын его Якуш, в. Степанко Иванов, в. Митя Федоров да сын его Ротька. Пашни паханые середние земли 2 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Модорбка, Кузмино тож: в. Сенька Данилов да сын его Мартын, в. Фетько Иванов да сын его Юшко, в. Поздейко Васильев. Пашни паханые середние земли 5 четий; сена 40 копен, да перевисья и слопцов нет.

л. 5 Деревня другая Оксеновская: в. Гриша Пахов, в. Ивашко Пахов, // в. Филько Пахов. Пашни паханые середние земли 4 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Новинка: в. Гриша Нестеров, в. Митько Нестеров, дворник Фетька Иванов. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Под Сосною: в. Митько Ярофеев да сын его Кондрашко. Пашни паханые середние земли 5 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Кычяныб: в. Спирько Григорьев, в. Кирилко Федосеев, в. Некраско Федоров, в. Гуляйко да Сидорко Федоровы. Пашни паханые середние земли 7 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен, да перевесье, а слопцов нет.

Деревня другая Большой Кычаныб: в. Мосейко Васильев да сын его Потапко, в. Поздейко Васильев, в. Перша Васильев, д. пуст Перши Васильева, а Перша живет в другом дворе, в. Тимоха Макаров, в. Ивашко Вахромеев. Пашни паханые середние земли 12 чети бес полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Мотково: в. Коземка Ерофеев, в. Поликарпик Елизаров. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевисья нет. //

л. 5 об. Деревня Лычем: в. Васько Олексеев, в. Лучко Олексеев, в. Терентейко Олексеев. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, да 20 слопцов, а перевесья нет.

Деревня Инпон: в. Омельянко да Мосейко, да Савко Олексеевы дети Кознецова, в. Ивашко Игнатьев, в. Ивашко да Беляйка Юрьевы. Пашни паханые середние земли 6 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, да 30 слопцов, а перевесей нет.

Тое ж деревни Инпон выставок: в. Левка Иванов, в. Ивашко Ондреев; да у Левки ж на другой стороне двор с пашнею. Пашни паханые середние земли 7 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен, да 25 слопцов, а перевесей нет.

Починок Микулин: в. Левка да Якимко Микулины дети. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Меньшая Койтла: в. Ерошко Иванов, в. Исачко Захарьин, в. Ивашко Григорьев, в. Фетько да Оничко Игнатьевы дети, в. Матюшка Федоров. Пашни паханые середние земли 9 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Большая Котла: в. Митька Гаврилов да Сенька Обрамов, в. вдова Маринка Фролова жена, д. пуст Трофимков, а Трофимко живет в другом дворе, // в. Власко
л. 6 Семенов да сын его Васька, в. Парасковьица Левонтиевская жена Семенова, в. Трофимко Фомин, в. Еремко Козьмин, в. Куземка Семенов, в. Некраско Кузьмин. А дворы стоят врозни. Пашни паханые середние земли 11 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж: да перелогом 5 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен, а слопцов и перевесей нет.

На другой стороне реки Везенги починок Онтонов: в. Мокейко Онтонов. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Починок Макаров: в. Макарко Мокеев. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесья нет.

В Киберском погосте городок Котек на реке на Бубе, в городке 25 городен и те гнилы, и перил и кровли нет. А наряду городового на погосте в анбаре: 3 пищали затинные да 30 ручниц малых, да по смете с полтретья пуда зелья пищального, а весити было нечем, да 835 ядер железных затинных пищалей, да 80 пулек свинцовых ручничных, да четь пуда свинцу. А приказан тот нарят: затинные пищали и ручници, и зелья, и ядра, и свинец, и пульки к киберскому целовальнику Потапу Дементиеву и всем крестьяном Киберского погоста. //

л. 6 об. Погост Кибра, а на погосте церковь Преображение спасово, теплая, клетски, и образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихари, поручи, и колокола, и все церковное строенье мирское приходное, а церкви ставят приходом. А [на] погосте в. поп Иосиф Иванов, в. церковной диячок Ондронко Григорьев, в. пономарь Левка Микиферов. Пашни церковные 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен. Да к церкви к Преображению спасову речка Виюзга, а дали прихожаня по душам.

Того ж погоста деревни: деревня Велпон: в. Офонька Иванов сын Килменев да сын его Фетько. Пашни паханые середние земли 5 четий в поле, а в дву по тому ж у него вопче з братом с Тимохою, а Тимоха живет в другой деревне; сена 10 копен, да 10 слопцов, а перевисья нет.

Деревня Сурма: в. Омельянко Павлов, в. Ивашко Павлов, в. Олешка Павлов, в. Малофейко да Фетька Дмитреевы, д. пуст Самсонка Павлова, а Самсонко сшол безвестно, в. Тимошка Павлов. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, да 10 слопцов да перевесья.

Тое ж деревни выставок: в. Ивашко Ондреев сын Шангин. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Тое ж деревни Сурмины выставок: в. Костько да Олешка Мартемьяновы. Пашни паханые середние земли

л. 7 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен, да 10 слопцов да перевисья. //

Тое ж деревни Сурминские починок Волим: в. Павлик Тимофеев да сын его Максимко. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Нощуй, а Дандор тож: в. Михалко да Ларька Васильевы. Пашни паханые середние земли 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 8 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Мом: в. Петрушка Тимофеев, в. Июткa Тимофеев. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, да 20 слопцов да перевисья.

Займище Дарьинское: в. Куземка Носко. Пашни паханые середние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Руч: в. Тимошка Иванов сын Килменова, в. Ондрюшка Тимофеев сын Килменова, в. Дмитрейко Гол Тимофеев, в. Харька Тимофеев. Пашни паханые середние земли 5 четий с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, да 10 слопцов, а перевесья нет.

Починок Ивашка Никитина: в. Ивашко Никитин. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, да 10 слопцов, а перевисья нет.

По другой стороне погоста деревни: деревня Гошур: в. Ротька Федоров. Да к той же деревни пашня Степанка Федосеева да Вахромейка Васильева сына Ганева. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. У всех
л. 7 об. трех Родивонку в той деревни 3 доли пашни, // а Степанку да Вахрамейку 2 доли; сена 10 копен, да 10 слопцов, а перевисья нет.

Деревня Сенега: в. Савка да Данилко, да Ивашко Васильевы. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Упан: в. Пронька Васильев, д. пуст вдовы Настаськи Ивановы жены, а Настаська обнищала, в. Тихонко Васильев да сын его Максимко, в. Сенька Васильев, в. Июдка Ондреев. Пашни паханые середние земли 7 четий в поле а в дву по тому ж; сена 30 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Микайдырь: в. Кирилко Козьмин сын Щибан да сын его Микитка. Пашни паханые середние земли 3 чети и с прикупною с Левонтьевскою пашнею в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Раквадска: в. Онтипко да Ортемко Власьевы, в. Фетько, прозвище Кисель, Иванов, в. Бориско Павлов. Пашни паханые середние земли 3 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж. Да у Онтипки отхожие пашни за рекою в Ращуре 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, да 10 слопцов, да перевисье.

Деревня Шорибь: в. Ивашко Игнатьев, м. дворовое, д. пуст Родионовской в закладе у Вахруша у Генева, // пашню пашет наездом Вахруш же. Пашни паханые середние
л. 8 земли 2 четверти без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня другая Шарыб: в. Вахромейко Гонев да сын его Ортюшка. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, да 10 слопцов, а перевесья нет.

Деревня Ягиб: в. Тимошка Дмитреев, в. Фетько Дмитреев. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, да 10 слопцов, да перевесья.

Деревня Раскей: в. Степанко Федосеев, в. Тимошка Микитин, в. Мокейко Григорьев, в. Калинка Некрасов, в. Ларька Юрьев сын. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, да 20 слопцов, да перевесье.

Тое ж деревни Раски выставок: в. Никифорко Федоров сын Роптунов да племянник его Васька Малафеев, в. Онтипко Иванов. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, да 10 слопцов, да перевесье.

Деревня Раща: в. Тараско Игнатьев, в. Гаврилко Игнатьев, в. Терешка Игнатьев. Пашни паханые середние земли и с отхожею пашнею, что на Сердючеширяче середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесья нет.

л. 8 об. Деревня Ейтула: в. Евдокимко Ондреев, в. Ондрюшко Пронин, в. Демка Степанов да сын его Потапко, // в. Левка Степанов, в. Фетька Семенов, в. Олферка Степанов да сын его Максимко, в. Сенька Олферов, в. Сакуш Олферов, в. Беляйко Перхуриев. Пашни паханые середние земли 13 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, да 30 слопцов, да перевесье.

Деревня Чюскаил: в. Никонко да Петрушка Ивановы, в. Ондрюшка Петров, в. Павлик Макаров, в. Фетька Павлов, в. Пронька Омельянов. Пашни паханые середние земли 15 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен, да 50 слопцов, да 4 перевисья.

Погост Пычлда, а на погосте церковь Никола чюдотворец, теплая, клетски, а в церкви образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и колокола, и все церковное строение мирское, а церкви ставят приходом. Да на погосте: в. никольской поп Василей Иванов, в. церковной диячек Михалка Федоров, д. пономаря Вася Игнатьева, в. проскурница Евдокея. Пашни церковные 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен. Да озеро Елматы да озеро Пыраты, да озеро Пыелты, а даны те озера Николе чудотворцу. Да у попа ж Василья в закладе поле Черницово у погоста, пашни 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Того ж погоста деревни: деревня Игнатьевская: в. Ивашко Новик Петров сын, в. Митька Михайлов сын, в. Фетько, а прозвище Спирько, да Игнатко Ларионовы. Пашл. 9 ни паханые середние земли 3 чети с осьминою // в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Кичяны: в. Алешка да Фетька Некрасовы. Пашни паханые середние земли 5 четей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, да 10 слопцов, а перевесья нет.

Починок Воронцово: в. Ивашко Тимофеев сын Воронцов. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Збурова: в. Офонька да Влас Юрьевы, в. Исак Филипов, д. пуст Митьки, а Митька сшол безвестно. Пашни паханые середние земли 12 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен, да 30 слопцов, да 3 перевесья.

Деревня другая Бурова: в. Истомка да Петрушка Олек-

сеевы дети Быково. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, да перевесья, да 20 слопцов.

Деревня Каящина: в. Спирько да Ерошка Филины. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, да перевесья, а слопцов нет.

Деревня Кудринское, а Истаный тож: в. Захарка Ефимов, в. Павлик Ефимов, д. пуст Куземки, а Куземка обнищал, ходит по двором. Пашни паханые середние земли 5 чети да перелогом 2 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Починок на Чючком городище: в. Гаврилко Парфенов. Пашни паханые середние земли 3 осьмины в поле, а в дву
л. 9 об. по тому ж; сена 10 копен, // а слопцов и перевисья нет.

Деревня Петуховская: в. Митя Васильев сын, а прозвищем Верещава да сын его Фролко, д. пуст Фролов, а Фролко живет с отцом вместе. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою да перелогом пашни четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, да перевесье, а слопцов нет.

Починок Шаяг: в. Мартемьянко да Парфенко, да Мокейко Власовы, в. Ивашко Иванов, в. бобыль Кирилко Матфеев. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Тылаю, а Сердюковская тож: в. Поминко Иванов, в. Гаврилко Поздеев, в. Обрамко Максимов. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, да перевесья, а слопцов нет.

Деревня Ременево: в. Фетько Парфенов. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Тылябых, а Дяковская тож: в. Ортемко Иванов. Пашни паханые середние земли 2 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Чюкаил: в. Терешка Иванов, в. Якушка Офонасьев, в. Якимко Филипов, в. Куземка Яковлев, в. Исачка Прокопьев. Пашни паханые середние земли 9 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Реталы: в. Савка Васильев. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

л. 10 Деревня Березники: в. Юшко Гаврилов. Пашни паханые середние земли // 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня другой Ретел: в. Ивашка Григорьев, в. Васька Кондратьев, в. Родивонко Степанов, в. Пронька Степанов, в. Фетька Степанов, в. Митька Степанов. Пашни паханые середние земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен, а слопцов и перевесья нет.

Починок Бор пуст, а в нем д. пуст Истоминской, Истомка обнищал, ходит по двором. Пашни перелогом середние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж.

Починок Калинин, д. пуст Калинки, Калинка сшол безвестно. Пашни перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж.

Починок пуст Ротьки Степанова. Пашни перелогом осьмина в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Березник: в. Филька Иванов. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Еныг: в. Ивашко Васильев, в. Семейка Григорьев. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня другое Чютцкое Городище: в. Конанко да Офонька Микитины дети. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, слопцов и перевесья нет.

Деревня Большой Кангирт Паначева: в. Фетько да Ондрюшка Григорьевы дети Паначевы, в. вдова Катеринка[1] Михайловская жена з детьми. Пашни паханые середние земли 7 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Кангорть: в. Гришка Семенов, в. Митька Семенов. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет.

[Деревня] Подсосено: в. Ивашко Черной, живет в закладном дворе, в. Харя Иванов. Пашни паханые середние
л. 10 об. земли // 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен, а слопцов и перевесей нег.

Деревня Тепловская: в. Потапко Васильев. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Новиновской: в. Михалко Ефремов. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Лунеговской: в. Сенька Сидоров, в. Нечайко Иевлев, в. Ондрюшко Кондратьев. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Олешинской: в. Ивашко Князь Семенов. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Починок Пашковской: в. Кондрашко Макаров. Пашни паханые середние земли 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Починок Респашь Иванка Степанова: в. Ивашка Степанов. Пашни паханые середние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 5 копен.

Починок Марка Коржевина: в. Марко Коржевин да брат его Гришка. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Починок Заозерье за рекою за Сысолою: в. Афоня да Петрушка Степановы. Пашни паханые середние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Погост Межадор, а в нем деревни: деревня Михалевская над озерком над Межадором: в. Офоня Климов, в. Фетька Левонтьев. Пашни паханые середние [земли] 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Яковлевская: в. Куземка Осипов, в. Фетька
л. 11 Степанов //, в. Митька Семенов, в. Ерошка Семенов, в. Ондрюшка Меньшой, в. Фетька Ортемов. Пашни паханые се-

[1] *В тексте Канринка.*

редние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Ондреевская: в. Мокейко Онтонов, в. Оничко Петров, в. Савка Григорьев, в. Селиванко Петров, в. Ивашко Олексеев. Пашни паханые середние земли 6 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, да перевесья, а слопцов нет.

Деревня Родивоновская: в. Митька Ортемов, в. Демка Ондреев, в. Фетька Онтипин. Да у тое же деревни на другой стороне за Гаврилом в. Фетька Васильев да брат его Ивашко Ширюм. Пашни паханые середние земли 6 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Ижмосов на ручью на Кинчашере: в. Оверя Козьмин, в. Фетько Рогозин, д. пуст Кости Лукоянова, Костя обнищал, ходит по двором, в. Ивашко Ондреев, в. Захарко Офонасьев, в. Олеша Степанов, в. Ондрюшка Ярофеев, в. Ушачко Ерофеев сын Семенов, в. Пьянко Ортемов. Пашни паханые середние земли 11 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Погост Иб Большой, а на погосте церковь Никола чюдотворца, клетски, да церковь другая теплая пророк Илья, клетски же. И во всех церквах образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и колокола, и все церковное строенье мирское, а церкви ставят приходом. Да на погосте ж в анбаре с Соснового городища наряду: 2 пищали затинныи да пищаль затинная переломлена, да 14 ручниц невеликих заржавели, а иные без станков, да зелья по
л. 11 об. смете // пуда с полтора, а весити было нечем, да свинцу пуд без чети, да 707 ядер железных затинных пищалей. А приказан тот наряд того же погоста соцкому Федору Иванову сыну Большево да целовальнику Ларионку Иванову да Жданку Попову и всем крестьяном Ибского погоста. Да на погосте ж в. никольской поп Кузьма Федоров, в. пономарь Петруша Остафьев. Пашни церковные 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Да к четырем приходом церквам к Егорью страстотерпцу, что Усть[1]-Сысолы, да к Николе чюдотворца, что в Шошках, да Благовещению пресвятей богородицы, что в Пажге, да Илье пророку, что на Ибу, речка Луховская верховина и с подуны выше Большего Холую. А дали тое речку к тем храмом крестьяне сысольские по своих душах.

Да на погосте ж: в. сотник Фетька Иванов сын Большей да сын его Исачка, в. торговой человек Иванко Бус. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою да перелогом 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Того ж погоста деревни: деревня Каменная на берегу на реке на Сысоле: в. Сергей Муравей Федоров сын да сын его Нифонко, в. Фетька Дмитреев Шошин, в. Пронька Яковлев, в. Офонька Иевлев в. Патрейко Иевлев. Пашни паханые середние земли 5 чети в поле, а дву по тому ж; сена 30 копен.

Деревня Подальная: в. Иванко кузнец Офонасьев да сын его Ларька, в. Павлик Ондреев, в. Петруша да Ивашко Федоровы, в. Киприянко Иванов, в. Игнашко Иванов,

[1] *В рукописи*: Усть усть.

л. 12 в. Вахрамейко Иванов. Пашни паханые середние земли // 10 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Прислон на Горе: в. Митька Кирилов, в. Селиванко Семенов, в. Якуш Кирилов, в. Пашко Иванов половник попов Кузьмин, в. вдова Зинопка Коверинская жена. Пашни паханые середние земли 12 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Подгорная: в. Тараско Григорьев да сын его Васька, в. бобыль Костя Широкой. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, а слопцов и перевесья нет.

Починок подле Городища: в. Овдейко Васильев овчинник. Пашни паханые середние земли полторы осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Филинская: в. Олешка да Матюшка Филиповы, в. Максимко да Сенька Филиповы. Пашни паханые середние земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен: а слопцов и перевесей нет.

Деревня Березник: в. Онтонко Михайлов[1] да сын его Илейко, в. Костя Михайлов, в. Корнилко Михайлов, в. Ивашко Михайлов, в. Марко Михайлов сын Гаврилов. Пашни паханые середние земли 7 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 15 копен, да 10 слопцов, да перевесья.

Деревня Еремовская: в. Семейка[2] Васильев, в. Омельянко Федоров, в. Ивашко да Михейко Степановы, в. Данилко Микитин, в. Матюшка Игнатьев да сын его Олешка. Пашни паханые середние земли 7 четей да перелогу 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Березники: в. Ондрейко да Назарко Федоровы дети.

л. 12 об. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; // сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Чюлиб: в. Левка да Вавилко Мартюшевы, в. Онтипка Лукин. Пашни паханые середние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Павловская у погоста: в. Ондрюшка Микулин, в. Фетька Микулин, в. Ивашко Максимов, в. Васька Гришев. Пашни паханые середние земли 6 четий в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесья нет.

Погост Ив[3] Меньшой. Деревня Большее Поле: в. Ивашко, прозвище Паздейко, Васильев, в. Ондрюшка Иванов, в. Поздейко Васильев. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Шульгина: в. Конанко Вахромеев, в. Оникейко Вахромеев, в. Митька Вахромеев, в. Сенька Поротой, в. Петруша Болохня Иванов, в. Лукоянко Данилов да сын его Ротька, в. Ивашко Данилов да сын его Конанко. Пашни паханые середние земли 7 четей с осьминою в поле, а

---

[1] *Здесь начинается список ЛОИИ.*
[2] *В сп. ЛОИИ*: Сенька.
[3] *В сп. ЛОИИ:* Иб.

в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Федотовская: в. Изашко Меньшой Васильев, в. Архипко Петров, в. Максимко Вахромеев, в. Вавилка Иванов, в. Игнатко Иванов, в. бобыль Тимоша Софронов. Пашни паханые середние земли 6 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен, да 30 слопцов, да перевесье. //

л. 13 Погост Гарья. Деревня Степановская:[1] в. Бориско. Пашни паханые середние земли 4 четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Деревня Михалевская: в. Сенька Михайлов да сын его Ивашко, в. Тимошка Михайлов. Пашни паханые середние земли[2] — четь с осьминою —[2] в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Олексеевская, а Микулинская тож: в. Сидорко Федоров, в. Микитка Дмитреев, в. Сенька Дмитреев. Пашни паханые середние земли 6 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, да 30 слопцов да перевесье.

Деревня другая Степановская: в. Ермолка Иванов, в. Гришка Семенов, в. Ивашко Семенов. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Исаков: в. Исачко Левонтиев. Пашни паханые середние земли 1 четь с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Погост Пажга, а на погосте церковь Благовещение пресвятей богородицы, клетски, да другая церковь Успенские богородицы[1], клетски же. А в обеих церквах образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихари, и колокола, и все церковное строение мирское. А церкви ставят приходом. Да на погосте в. поп Павел Дмитреев, в. пономарь Павлик Петров, д. пуст диячка церковного. Пашни церковные осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Того ж погоста деревни: деревня Офонинская: в. Левка Семенов да дети его Савастьянко, Ивашко. Пашни паханые середние земли 6 чети с осьминою в поле, а в
л. 13 об дву по тому ж; // сена 30 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Гаюзовская: в. Онтипко Микитин да сын его Тимошка. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Борисовская: в. Павлик Петров Рогозинин, в. Петрушка Борисов. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Пустошь[4] Илтыдор. Пашни перелогом и лесом поросло 3 чети в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Лезбоивская: в. Данилко Петров, в. Якуш Игнатьев. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

---

[1] *В сп. ЛОИИ доб.:* в. Левка Федоров, в Оверка Данилов, тое ж деревни Степановские выставок в Сенько Павлов да.

[2] *В сп. ЛОИИ:* две четверти с полуосьминою.

[3] *В сп. ЛОИИ доб.:* теплая.

[4] *В сп. ЛОИИ:* починок.

Деревня Песеговская: в. Левка Юрьев, в. половник Левки Юрьева Костька Микитин. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Сертякова: в. Матюшка Семенов да сын его Ортюшка. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Павловская пуста, 2 двора пусты, хоромы розвалились, а пашня пахана. А пашню пашут наездом Левка Семенов да Дениско Прокофьев. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Кичагорть: в. Харька Васильев, в. Дениско Прокопьев. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевисья нет.

л. 14 Деревня Екановская: в. Матюшка Васильев, в. Куземка Васильев. Пашни па// ханые середние земли 1 четь с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Патчимкас: в. Левка Васильев, в. Игнатко Семенов, в. Ивашко Леонтьев, в. Ивашко Яковлев. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Починок пуст вдовы Овдотьицы, Авдотьица обнищала, ходит по двором. Пашни паханые середние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж.

Деревня Лозома, что был погост Лозома: в. Якуш Парфенов, в. Митя Васильев да племянник его Павлик, в. Куземка Исаков, в. Логинко Степанов, в. Давидко Степанов, в. Илейка Тихонов, д. пуст Павлика Иванова, а Павлик сшол безвестно. Пашни паханые середние земли 10 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 300 копен, а слопцов и перевесья нет.

Починок Зыков: в. Офонька Зыков. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесья нет.

Погост Шошки, а на погосте церковь архистратига Михаила да церковь Никола чюдотворец, клетски. А в обеих церквах образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихари, и колокола, и все церковное строение мирское, а церкви ставят приходом. Да на погосте: в. поп Миня Еремеев, в. церковной диячек Власка Игнатьев, в. пономарь Павел. Пашни церковные 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен. Да озерко Радага с истоком да четь реки Луховские Верховины выше Большево Холую вопче с Усть-Сысольским приходом да с Пажгинским да с Ыбовским //.

л. 14 об. Того же погоста деревни: деревня Онаньинская: в. Онисимко Максимов да сын его Мишка. Пашни[1] паханые худые земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 150 копен, а слопцов и перевисья нет.

Деревня Ярофеевская: в. Степан Дмитреев да брат его Тимошка. Пашни паханые худые земли 3 осьмины в в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесья нет.

---

[1] *В тексте* пашни *повторено дважды.*

Деревня Петрушинская: в. Ивашка да Осташка Офонасьевы. Тое ж деревни отнесен двор, в. Давидко да Ивашка Ларионовы. Пашни паханые худые земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен, а слопцов и перевесья нет.

Деревня Митинская: в. Степанко да Харламко Максимовы, в. Сидорко Иванов, в. Кондрашко Федоров, в. Ивашко Федоров, д. пуст Киприяна Афанасьева, а Киприянко обнищал, ходит по двором. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 300 копен, да перевесья, а слопцов нет.

Деревня Гридинская: в Митька Григорьев, в. Ивашка Гришин, д. пуст Захарка Гришина, а Захарко умер. Пашни паханые худые земли 2 чети да перелогу 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Выставок Петровские деревни: в. Федя Савельев да сын его Тимошка. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевисья нет.

л. 15 Деревня Олексеевская, что[1]— был написан погост —[1] // Вильгорт: в. Ивашко Олексеев да сын его Устинко, да тое ж деревни за врагом в. Ивашко Михайлов. Пашни паханые худые земли 6 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, да перезесья.

Деревня Максимовская: в. Митя Васильев да дети его Семейка да Офонька, да Тихонко. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен.

Починок Офонасьев: в. Офонька Прокофьев. Пашни паханые худые земли четь да перелогу четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Петровская: в. Костя Григорьев, в. Фомка Григорьев. Пашни паханые худые земли 2 чети да перелогу осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Починок Олексеевской на Горнове полянка: в. Селиванко Григорьев. Пашни паханые худые земли 2 чети да перелогу четь в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Деревня Васильевская на Долгой полянке: в. Павлик Григорьев да сын его Игнашка да племянник его Игнатко да Кирилка Михайловы дети. Да тое ж деревни отнесен двор, в. Мелех Алексеев. Пашни паханые худые земли 6 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен, да 2 перевесья.

Деревня Матфеевская: в. Ортемко да Меньшик Григорьевы, в. Карпик Григорьев. Пашни паханые худые земли 3 чети с осьминою, перелогу осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен, а слопцов и перевисья нет.

л. 15 об. Деревня Сидоровская: в. Якуш Григорьев, в. Оверка Григорьев, в. Еремка Федоров, // в. Мосейка Михайлов. Пашни паханые худые земли 7 чети[2] в поле[3]; сена 20 копен, а слопцов и перевисья нет.

Починок Ошкин: в. Онтипка Олексеев. Пашни паханые худые земли 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

[1-1] *В сп. ЛОИИ:* была написана на погосте.

[2] *В сп. ЛОИИ доб.:* с осьминою.

[3] *В сп. ЛОИИ доб.:* а в дву по тому ж.

Деревня Офонасьевская: в. Офонька Олексеев, в. Фетька Васильев. Пашни паханые худые земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Починок Березник: в. Якуш Иванов. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Починок Софроновской: в. Романко Софронов. Пашни * паханые худые земли 1½ четь в поле, а в дву по тому ж; сена и слопцов, и перевесей нет.

Деревня Титовская пуста, над озерком над Титовским: д. пуст Мити Васильева, а Митя живет в другой деревни. Пашни перелогом 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесья нет.

Погост на Усть-Сысоле реки, а на погосте церковь страстотерпца христова Георгия, теплая, клетски. А в церкви образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихарь, и паручи, и колокола, и все церковное строенье мирское. А церкви ставят приходом. Да на погосте в. поп Прокофей Федоров, в. церковной диячек Фетька Иванов, в. пономарь Климко Семенов. Пашни церковные земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен. Да церковное ж озеро Куальтый с истоком, а дали тое озеро и с истоком в дом к Георгию страстотерпцу сысольские вотчинники сотцкой Федор[1] с своими детьми и с племянники.
л. 16

Да около погоста дворы врозни: // в. Ивашко Иванов сын Вежова. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет. Б. Якуш Иванов Вежова. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. В. Некраска Савин, а прозвище Зарбай, да брат его Фетька. Пашни паханые середние земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет. В. Кузьма Васильев сын Макарьин да сын его Гришка. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет. В. Костя Вежов да сын его Ярко. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет. В. Юрка да Сидорко Осиповы. Пашни паханые середние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, да 50 слопцов, а перевесей нет.

Починок Каменой: в. Офонька Иванов, д. пуст Истомки Игнатьева, Истома обнищал, ходит по двором, д. пуст Нежеркев, а Нежерко умер. Пашни паханые середние земли и с отхожею пашнею 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Емовской: в. Филька Никитин, в. Ортемка Данилов. Пашни паханые середние земли и с отхожею пашнею 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, да 50 слопцов, а перевесья нет.

л. 16 об. Починок Еремининский: в. Митька да Ивашко Васильевы, в. Фетька Васильев да сын его Якуш. Пашни паханые // середние земли и с отхожею пашнею 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен; да 30 слопцов, а перевесья нет.

Починок Ивановской: в. Перша Иванов. Пашни паханые земли и с отхожею пашнею 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

[1] *В сп. ЛОИИ доб.:* Иванов.

Починок пуст, а в нем д. пуст вдовы Ориньицы Андреевы жены, а пашня пахана наездом. Пашни паханые середние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Починок Федоровский: в. Афонька Сысоев да племянник его Микитка Тарасов. Пашни паханы середние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Починок Каменистой пуст, д. Ивашка Степанова, Ивашко сшол безвестно. Пашни паханы середние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж.

Починок Иванка Вежова: в. Савка Иванов. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж: сена 10 копен, а слопцов и перевесей нет. Того ж починка двор, в. Мокейко Остафьев. Пашни паханы середние земли 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Петровская, да к ней же припущен починок Фроловской: в. Максимко Петров, в. Васька Петров, в. Микитка Филипов, в. Олешка Тимофеев, в. Ивашко Фролов, в. Митька Иванов, в. Ивашко кузнец. Пашни паханые середние земли и с отхожею пашнею 1.1 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 300 копен, да 200 слопцов да 4 перевесья.

л. 17 Починок Боровинка, в. Михалка Петров да брат его Ондрюшка. Да того же починка за Гаврилом[1] // деревня пустая. Пашни паханые середние земли и с отхожею пашнею полторы осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Починок Ильинской: в. Иван Васильев сын Макаринин да сын его Семейка, в. Данилка Игнатьев. Пашни паханые середние земли 5 четей в поле[2], а в дву по тому ж; сена 50 копен, да перевисья, а слопцов нет.

Починок Гудниково: в. Сенька Петров. Пашни паханые середние осьмина да перелогу 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Слоботка Шуигина на речке на Чолве: в. Ондрюшка Еремин да сын его Ивашка, в. Гриша Еремин, в. Юшка Васильев, в. Варламко Федоров, в. Максимко Васильев, д. пуст Ортюшкин, Ортюшка умер, в. Левка Трофимов, д. пуст Офонькин, а Офонька умер. Пашни паханые середние земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Верхней Зеленец: д. пуст Мосейков Федорова, в. Вахромейко Митреев, д. пуст Гриши Митреева, Гришка обнищал. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок другой Зеленец, а в нем часовня Пречистой богородицы, да крестьянских дворов: в. Меньшик Терентьев, в. Митя Терентьев да сын его Сенька. Пашни паханы середние земли 7 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей[3] нет. Того же Зеленца пустошь, а в ней 2 двора пусты, а пашня пахана наездом от того ж починка Зеленца. Пашни паханы середние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж. Того ж Зеленца починок: в. Левка Данилов. Пашни паханы

---

[1] *В сп. ЛОИИ*: врагом.

[2] *Здесь прерывается списск ЛОИИ.*

[3] *Здесь начинается вновь сп. ЛОИИ.*

середние земли осьмина в поле, а з дву по тому ж; сена нет.

л. 17 об. Пустошь Мосеевская. Пашни паханы осьмина в поле, // а в дву по тому ж; сена нет.

Пустошь Мосеевская. Пашни паханые осьмина в поле, а в дву потому ж, земля середняя. А пашет тое пашню Парчеговы деревни вдова Марфица Мокеевская жена.

Деревня Парчега на Прорвере, а в ней часовня страстотерпец христов Георгий, да крестьянских дворов: в. Трифанко Степанов, в. Митька Игнатьев, в. Юшко Русинов, в. Афонька Степанов, в. Селиванко Васильев, Селиванко обнищал, в. вдова Марфа Мокеевская жена. Пашни паханые середние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен, а слопцов и перевисья нет.

Пустошь Чюсова починка Ивашка Драницына, а Ивашка сшол[1]— в Пермь Великую —[1]. Пашни перелогом 1 четь в поле, а в дву по тому же.

Деревня Часовая над истоком над Курьею: в. Митька Плоской да сын его Фетько, в. Данилко Иванов сын Кулаков да сын его Онфимко, в. Ермола Софронов да дети его Омельянко да Мартемьянко, в. Омельянко Петров, в. Тимоха Трофимов. Пашни паханые середние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен, да 50 слопцов, а перевесей нет.

Починок Пезямь: в. Петрушка Иванов. Пашни паханые середние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, да 10 слопцов, а перевесей нет.

Починок Мачга: в. Офонька Матвеев, в. Сенька Васильев. в. бобыль Терешка Ондреев. Пашни паханые середние земли 2 четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, да перевесье, да 20 слопцов. //

л. 18 А угодья у всей Сысольские земли от рубежа Вычегодского от Еренского городка и от Усть Вымского от владычни сохи вверх по Вычегде Часовая курья да курья Черкоумья, да курья Парчегская, да озеро Пополты, да озеро Тыба, да речка Челва и з курьями, да озеро Ёнто, да озеро Озевь, да озеро Колтовское, да озеро Явзи, да курья Моршеумледь, да выше Большего Холую река Лух церковная четырех храмов Благовещению пресвятей богородицы да Николе чюдотворцу, да страстотерпцу христову Георгию, да к Илье пророку. Да по Сысоле вверх церковное Георгия страстотерпца озерко Куалты, да озерко Прасты, да по Вычегде река Лух от Большего Холую до Вычегды, да озеро Ларкыркь, да озеро Кусть, да озеро Кыртоты, да речка Кылты, да озеро Корыты, да озеро Одты, да речка Улчим, да озеро Курья, да озеро Ирмасты, да озеро Коряты, да озеро Лопьты, да речка Лопья, да курья Шебянь, да озеро Чиркоты, да озеро Виняты, да озеро Пынкас, да озеро Чирпаты, да озеро Вежаты, да озеро Шоряты, да озеро Лопьсаты, да озеро Выпкырой, да озеро Лежнитри, да озеро Ижидты, да от Еженитры вверх по Сысоле до Верхнего Чемьяга по обе стороны, да речка Поинь, да речка Визенга, да озеро Шегьты, да озеро Кожерой, да озеро Шекты, да озеро Пальты, да курья большая, да озеро Шиты, да река Весленая, да речка Визенга, да речка Виюзга, да речка Лопья повыше Немьи, а пониже Мыля, да речка Немья,

---

[1—1] *В сп. ЛОИИ:* безвестно.

да озеро Межаты, да озеро Поньгорть, да курья Оленска[1].

И всего в Сысольской волости 10 погостов да 2 погоста. А на погостех 16 церквей да 9 дворов поповых, да
л. 18 об. 9 дворов церковных диячков, да 7 дворов пономаревых, // да двор проскурницин. Пашни церковные 8 четей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 250 копен. Да живущих крестьянских 130 деревень да 39 починков, да пустых 7[1] деревень с пустошами[2] да 5 починков. Да на погостех и в живущих деревнях и в починках 404 дворы, а людей в них 470 человек; да пустых 37 дворов. Пашни паханые середние земли 556 четий с осьминою, да худые земли 150 четий бес полуосьмины, да перелогом 25 четий с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 5653 копны, да 1065 слопцов, да 35 перевесей. А сошного письма в живущем полшесты сохи. А по старым сотным и по отписям было в живущем полпяты сохи. А в соху кладено середние земли по 100 по 20 по 5 чети, а худые земли в соху по 100 по 50 чети. А доходов государю давали с полпяты сохи: дани за соболи и за белку деньгами 32 рубли с сохи, по 7 рублев по 4 алтына без деньги; за посошные люди и за городовое и засечное дело 6 рублев и 25 алтын, по полтора рубля с сохи; за емчюжное дело 2 рубля с четью, по полтине с сохи; приметных денег рубль и 4 алтына з деньгою, по полуполтине с сохи; да пошлин было казначеевых и дьячьих, и казенных подьячих 6 рублев с полтиною, с сохи по рублю и по 15 алтын. Да з Сысольские ж земли с Луховского волока было оброку 2 рубля да пошлин 4 алтына. //

л. 19 А по новому письму прибыла соха в живущие. А доходов прибыли 9 рублев и 12 алтын з деньгою да пошлин рубль и 15 алтын; за рыбную ловлю и за бобровые гоны прибыло оброку 4 рубли, да с тово оброку пошлин 8 алтын.

И теми речками, которые даны на оброк[4]— Ибовского погоста Фетьке Иванову сыну Большего да Селиванку Пелмегову, да Офоньке Климентиеву, да Давиду Онтипину, да Мосейку Васильеву речку Кельтму да речку Трупву, да речку Лопью и с падуны. И оброку им давати государю на год с тех рек по 20 алтын да пошлин по 7 денег. Да Киберского погоста крестьяном дано на оброк Проньки Киневу да Степанку Федосееву речка Уломь да речка Каюнга и с ыстоки; а оброку им с тех рек давати по 2 гривны на год да пошлин —[4].

А по государеву указу велено на них положити оброку за соболи и за белку, и за городовое, и за засечное, и за ямчюжное дело, и за пашню, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны, и за всякие угодья[5] з двора по полтине[6]—, итого 202 рубля —[6]. А возити им тот оброк к Москве в приказ дьяка Ондрея Щелкалова.

---

[1] *В сп. ЛОИИ доб.:* А ловити им те реки и озера всею волостью за один.

[2] *Далее зачеркнуто дворов.*

[3] *Далее зачеркнуто да 9 починков.*

[4—4] *В сп. ЛОИИ, нет.*

[5] *В сп. ЛОИИ доб.:* за всякие государевы подати.

[6—6] *В сп. ЛОИИ нет.*

[7]— А в службе и в подводах считатись им с Вычегдою Еренского города и с вымичи, и с Плесовскою волостию, а до Удоры и до Глотвы слободы дела им нет —[7]. А промеж собою сысоличам во всяких податех считатися, смотря по своим животом и по промыслом, как оне промеж себя преж сего считались. А класти им промеж себя в розмет на лутчих людей побольши, а на середних по середнему, а на молотчих людей поменьши, и лишка им на молотчих людей не класти, чтоб от того молотчие люди не розошлись[8]. А ловити им // реки и озера всею Сысолою волостию всем крестьяном заодин. А по купчим и по духовным крепостям до рек и до озер дела нет.

На сотной пишет дияк Иван Максимов.

На сотной же пишет: справливал подьячей Васька Семенов.

ГПБ, Q. IV. № 369, лл. 1—19. Подлинник.

[7—7] *В сп. ЛОИИ, нет.*

[8] *В сп. ЛОИИ далее следует:* А в подводах и в прогонах и в кормех сысоличем с вычегжаны Еренского городка и с Плесовскою волостью и со владычнею сошкою и с вымскою землею сысоличем считатися по сохам по старому.

К сей сотной писец Иван Григорьевич Огарев и печать свою приложил. А на другой стороне сотные по споем написано: К сей сотной подьячей Филипп Юрьев руку приложил.

III.

ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Е. И. Индова

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Помимо вещевых и изобразительных комплексов в собрании Государственного Исторического Музея в Москве значительное место занимают источники письменные.

В общей сложности к настоящему времени в Отделе Письменных Источников ГИМа хранится 459 фондов и коллекций, в составе которых насчитывается 43 с половиной тысячи единиц хранения. По форме преобладают фонды личного происхождения — их 304, (с количеством 26,5 тыс. единиц хранения). Коллекций — 155 (в них до 17 тыс. единиц хранения). Среди образователей личных фондов большинство хозяев-землевладельцев есть горнозаводчики — представители торгово-промышленной буржуазии, государственные и военные деятели, ученые, деятели искусства и культуры.

Документы коллекций собирались не только частными лицами (Е. В. Барсов, А. И. Барятинский, А. П. Бахрушин, П. Я. Дашков, А. Д. Чертков, П. И. Щукин и др.), они поступали из упраздненных музеев («Музея 40-х годов», «Старая Москва», «Военно-исторического музея»), прежде существовавших научных обществ, а также пополнялись за счет уточнений профилей музеев. Так, поступила в ОПИ ГИМ из музея революции СССР коллекция документов по экономической и социальной истории. Собрание Письменных источников ГИМа пополнялось и в результате проведения Музеем историко-бытовых экспедиций [1].

Отдел Письменных Источников ГИМ провел и проводит большую работу по описанию и систематизации документальных материалов. Вследствие этой работы удалось из

[1] Письменные источники в собрании Государственного Исторического Музея. ГИМ, часть I, М., 1958. Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела Письменных источников Государственного исторического Музея., М., 1967 г.

коллекции и отдельных разрозненных документов создать тематические фонды и, в частности, фонды по истории землевладения дворян и крестьян: (ф. 229), истории церквей и духовенства (ф. 226), местного управления России (ф. 113), крестьянского и помещичьего хозяйства (ф. 68) и фонды отдельных северных монастырей (Вологодского Спасо-Прилуцкого (ф. 61) и Кирилло-Белозерского (ф. 484).

Материалы по Европейскому Северу России за хронологический период с XVI по начало XIX в. встречаются в ОПИ в 32 фондах. По разным причинам оказались они в этих фондах.

Девять фондообразователей были владельцами имений в Вологодской губернии. Это Соковнины и Бобринские (ф. 357) (земли в Вологодском уезде, с Вишенки с деревнями) Квашнины-Самарины (ф. 253) (имение в Вологодском у.), Зубовы (ф. 242), получившие имение А. В. Суворова в Вологодском у., переданное им дочери Наталье, помещики: Ечкин (ф. 125), Алябьевы (ф. 187), Мальцевы (ф. 446), Стремеуховы (ф. 21) Абольяниновы (ф. 234) и Воронцовы (ф. 60). Отдельные вотчинные документы дают представление о социально-экономической жизни на определенных ограниченных территориях, но в совокупности они позволяют судить об общих процессах.

В пяти фондах ОПИ мы находим документы по истории Европейского Севера по самой широкой тематике. Это потому, что их фондообразователи были не только помещиками, но и несли в этих местах государственную службу.

К ним прежде всего следует отнести фонд (94) Алексея Петровича Мельгунова (1722—1788), сенатора, президента Камер-Коллегии, генерал-губернатора Ярославской и Вологодской губерний, фонд (158) Смирнова Владимира Саввича (1781—1865), вице-губернатора Новгородской и Владимирской губерний, фонд (323) Епанчиных и особенно материалы Николая Николаевича Епанчина (1883—1923), землеустроителя, старшего инженера Комитета Государственных сооружений, работавшего в Белозерье.

Большой интерес представляет фонд (170) Урусовых, а в нем документы сенатора Михаила Александровича Урусова, связанные с командировками в 1830—1843 гг. в различные губернии России по причине голода и недовольства. М. А. Урусов обследовал местные учреждения ведомства Министерства внутренних дел Вологодской губернии и города Вологды в 1843—1844 гг. По этому поводу отложилась его обширная переписка с гражданским губернатором губернии, рапорты губернских и уездных учреждений городов: Вологды, Яренска, В. Устюга, Тотьмы, Никольска, Сольвычегодска, Грязовца, Вельска.

Обширный фонд (14) Голицыных также, помимо вотчинных документов, имеет в своем составе общие данные об экономическом состоянии северных губерний. Они отложились во время работы Сергея Павловича Голицына (1815—1887) в качестве члена Комиссии по проведению реформы 1861 г. на Севере и деятельности его сына Григория Сергеевича (1838—1893) — члена Государственного Совета, обследовавшего Север на предмет улучшения быта государственных крестьян.

Документы по истории Севера содержатся и в четырех личных фондах, представители которых занимали в XVIII—XIX веках крупные государственные посты.

К ним следует отнести фонд (17) Уваровых. Среди бумаг Сергея Семеновича Уварова (1786—1855), министра финансов, а затем министра просвещения, сохраняются документы по составлению статистической карты России, описание губерний, в том числе и северных (1819 г.).

Ценные источники по экономической истории содержатся также в фонде (395) Соймоновых. В первую очередь это бумаги Михаила Федоровича Соймонова (1730—1804), директора Олонецких заводов, и его внука Владимира Юрьевича (1772—1825), вице-президента Берг-Коллегии. Среди документов Собрание ведомостей об оплате мастеровым и работным людям по Вологодской губернии, трактаты о дорогах на Севере, проекты об устройстве Вятской губернии и др.

В фонде (3) Куракиных среди бумаг, присылаемых на имя Алексея Борисовича Куракина (1759—1829), канцлера и министра внутренних дел, историк Севера найдет описание казенных и помещичьих селений Костромской и Вологодской губерний, составленное к 1798 г.

В фонде (307) Николая Ивановича Гродекова — генерал-губернатора и исследователя Средней Азии находятся указы Духовной консистории по Вологде и Белозерью, а также записная книга о денежных сборах, взимаемых с крестьян в казну в первой половине XVIII века.

В составе еще двух фондов, принадлежащих ученым и педагогам, имеются также ценные материалы по истории Севера. В фонде (37) Симони Павла Константиновича (1859—1939), члена-корреспондента АН, историка, находится рукописная книга пословиц и поговорок, собранных в Вологодской и Владимирской губерниях к 1888 году. В рукописи содержатся интересные факты по северному быту.

В фонде (172) Уланова Василия Яковлевича (1880—1919), тоже историка и сотрудника «Русских ведомостей», сохраняется переписка с издательством «Известий Архангельского общества изучения русского Севера».

В составе фондов известных коллекционеров Барсова Л. В., Барятинского А. И., Бахрушина А. П., Забелина И. Е., Попова А. Н. и Савелова Л. М. содержатся источники по различным вопросам истории русского Севера. Особым богатством отличается Собрание Елпидифора Васильевича Барсова (1836—1917), (ф. 450), увлеченность его сбором документов по истории Севера связана с биографией. Историк, секретарь Общества истории и древностей Российских, он был сыном священника Череповецкого уезда. Первую свою работу педагога Олонецкой духовной семинарии он уже совмещал с собирательством, путешествуя по Северу пешком. И далее, через всю свою жизнь Барсов пронес любовь к Северному краю. Благодаря тому, что он никогда не порывал связей с местным сельским духовенством, возможности изысканий документов увеличивались. Многие из них на местах выявляли и приобретали для него бумаги. И в результате накопилось огромное собрание первоисточников. Из коллекций Барсова представилась возможность выделить в самостоятельные фонды источники о хозяйстве и жизни Северных монастырей: Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого. Помимо этого, значительное количество материалов собрано было по монастырям Александрову, Свирскому, Антониеву-Сийскому, Воскресенскому, Череповецкому, Ферапонтову, Вятскому, Успенскому. В собрании также есть и документы по светскому землевладению и хозяйству, крестьянскому хозяйству, быту, классовой борьбе, по истории северных городов, промыслов и др.

Следующую по богатству собранных источников по истории Севера следует считать коллекцию Ивана Егоровича Забелина (1820—1908), (фонд 440). В ней имеются материалы по светскому и духовному землевладению, а также общие данные о хозяйстве Вологодской и Вятской губерний.

Среди документов Коллекции Алексея Петровича Бахрушина (1853—1904), (фонд 1), особую ценность представляют материалы по вотчинному хозяйству Вологодской губернии, а также хозяйственная переписка вотчинников и данные о сборах с крестьян в казну.

В Коллекции А. И. Барятинского, (ф. 342), сохраняется группа дел по истории земельного владения боярина В. А. Лопухина в Вологодском у. Здесь же среди источников находится рукописное сочинение Шлецера А. Л. «История Севера», датированное 1787—1788 гг.

В Коллекции историка Алексея Николаевича Попова сохраняется группа источников по проведению реформы 1861 г. на Севере. Значительный документальный материал по Северу собран в Коллекции историка, специалиста по генеалогии, Савелова Леонида Михайловича (1868—1947),

(ф. 216). Здесь и документы по вотчинам Белозерского у., челобитные о земле и крестьянах, заемные памяти, отписки и платежные книги, хозяйственная переписка и другие источники, характеризующие жизнь монастырей XVII века: Кирилло-Белозерского, Пошехонского, Углицкого Александровского и пр., документы Углицкой провинциальной канцелярии с группой источников XVII века, среди которых дела о побегах крестьян, исках с них, недоимках и пр., указы Духовного управления по Вологодской губернии с 1735 по 1854 г. и т. д.

Как уже указывалось, в ОПИ, из отдельных коллекций были созданы два специальные фонда по истории Северных монастырей Кирилло-Белозерского (ф. 484) и Вологодского Спасо-Прилуцкого (ф. 61). Оба эти фонда дают возможность изучать монастырское и крестьянское хозяйство по преимуществу в XVII веке. Сведения монастырских фондов хорошо дополняются документами особого фонда ОПИ, известного под названием фонда «По истории церквей и духовенства» (ф. 226), в котором содержатся бумаги хозяйственного архива Вологодского архиерейского дома за XVII в. Среди них ранняя перепись дворов в Вологде (1630 г.), купчие на землю по городу, книги хлебных сборов по Белозерскому монастырю и др.

В фонде «Материалы по истории местного управления России» (ф. 113) есть интересные данные о работе Кожевенного завода Н. И. Рыбникова в Вологодском у. за 1702 г.

Значительное количество источников по истории землевладения помещичьего и крестьянского, а также хозяйства крестьян и владельцев, находится еще в двух фондах ОПИ (ф. 68 и ф. 229), которые и формировались из различных коллекций с целью выявления именно такого рода источников. В этих фондах мы находим материалы по истории землевладения и крестьян Поморья конца XV—XVII вв.; здесь копии земельных актов Строгановых 1540—1611 гг., дела о землевладении в Вологодском уезде, спорные дела о землях помещиков Дохторовых и Бегечевых, прошения, записи на владения помещиков Усова и Горемыкина, хозяйственные документы по имениям Золотиловых и Харламовых в Вологодском и Белозерском уездах, сказки о крестьянах помещика Ушакова, дела о поместьях Уткина, Молчановых, Кульбакиных и Смольяниновых, Сиверса и Ушаковых по Вологодскому и Белозерскому уездам, купчие записи об обмене земель, закладные бумаги по различным имениям и пр.

Большой комплекс источников этих фондов составляют документы о землевладении и хозяйстве крестьян Поморья. Среди них есть редкие, как, например, опись на 1660 г. имущества крестьян Третьяковых, жителей Потемского стана,

а также акты о разделах земель и имущества между крестьянами, бумаги о перепродаже земель, аренде, о сборах с крестьян податей.

В указанных фондах сохраняются бумаги Яренской приказной избы, где находятся акты о землях, известных торговых гостей XVII века Филатьевых и Панкратьевых, бумаги Великоустюгского суда по земельным делам за 1841—1852 годы, среди которых много закладных на земли помещиков и крестьян. Здесь же источники по экономике Вологодского, Белозерского, Сольвычегодского, Усольского и Устюжского уездов, дела о торговле крестьян, сборах с них, рекрутчине, крестьянских побегах, а также демографический материал — реестры проживающих в северных городах и селах в XVII—XVIII веках.

Представление о землевладении в Вологодской губернии значительно дополняется источниками из фонда 68, который тоже специально посвящен теме о крестьянском и помещичьем хозяйстве. Внимание привлекают здесь такие документы, как роспись крестьянских сборов по Вологодскому у., датированная 1710—1712 гг., описи поместий и крестьян Милославских, помещиков Вологодского уезда конца XVII века, а также документы на поместья и крестьян различных владельцев Вологодской губернии XVII в.

Аналогичные источники по землевладению имеются и в составе фонда (282) «Коллекции Музея революции СССР». Но в отличие от предыдущих этот фонд содержит материалы по классовой борьбе северных крестьян и, в частности, среди документов грамота Симона — архиепископа Вологодского и Белозерского в Ферапонтов монастырь с извещением о судьбе восстания Разина, с описанием отдельных эпизодов восстания 1672 г. В числе декументов этого фонда большое количество дел, характеризующих общее положение Северного края, как-то материалы о состоянии Вологодской губ. накануне отмены крепостного права (на 1859 г.), проект об улучшении быта крестьян Вятской губернии, датированный 1859 годом, краткое описание уездов Вологодской губернии, «Систематическое собрание прав и обязанностей управления казенных крестьян» (рукопись Петра Гуляева под 1829 годом), списки членов губернских дворянских комитетов по устройству быта помещичьих крестьян на 1858 г., проект общего положения об устройстве быта помещичьих крестьян Вологодской и Вятской губерний. «Обзор оснований, принятых при составлении «Положения о крестьянах» и др.

В делах Комиссии по устройству быта северных крестьян приводится много ценных сведений о размерах крестьянских наделов, встречается денежная оценка крестьянских

хозяйств, перечень повинностей, указание на их размеры в денежном выражении.

Документы содержат оценку угодий, находящихся в пользовании крестьян, проекты об образовании сельских обществ, проекты об отношении помещиков с крестьянами. И, наконец, здесь же находим общий свод сведений о настоящем положении имений Вятской и Вологодской губерний.

Таков далеко не полный перечень фондов и типов источников по истории Европейского Севера, хранящихся в Отделе Письменных источников Государственного исторического музея. Какое же время и какие проблемы помогут осветить источники из Собрания ОПИ Государственного исторического музея?

В целом хронология документов ОПИ по Северу растянута на два с лишним столетия — XVII и первая половина XIX в.

Территориально может идти речь почти о всех северных районах. Но полнее всего фонды ГИМ отражают историю Вологодско-Белозерского района, частично Вятской и Архангельской губерний, а также Олонецкого края.

Для XVII века можно с уверенностью утверждать, что Собрания ОПИ ГИМ дают большой материал по истории землевладения Вологодской области, Олонецкого и отчасти Вятского районов. Источники показывают, как шел процесс становления духовного и светского землевладения. Помимо роли государства, определявшего основные направления этого процесса, большое значение в определении конкретных форм и размеров землевладений имела внутренняя борьба, борьба между духовными и светскими феодалами, между крупными, средними и мелкими владельцами и, наконец, между классом феодалов в целом и крестьянством.

Купля, перепродажа, обмен, аренда и просто захват земель — все эти явления составляют содержание жизненной практики, как показывают материалы Севера уже в XVII в. После наделения землей, получения земли начиналась жесточайшая борьба за ее сохранение, увеличение, перемену района на более выгодный в хозяйственном отношении. Эти черты в известной мере присущи были и крестьянскому землевладению. Это хорошо прослеживается на источниках Севера, по вотчинным, монастырским и специальным фондам ОПИ ГИМ.

Для XVII в. возможно составить представление и о таких проблемах, как состояние крестьянского и владельческого хозяйства, народного быта, степени эксплуатации крестьян, размерах торговли и частично формах классовой

борьбы — побегах, участие в Соловецком восстании крестьян северных районов, борьбе с рекрутчиной и др.

Для XVIII в. — материалы ОПИ позволяют судить о характере поместно-вотчинных хозяйств отдельных феодалов и в первую очередь Воронцовых, Квашниных-Самариных, Зубова, Алябьевых, Абольяниновых, Епанчиных и Голицыных.

Много документов особенно от начала XVIII в. о денежных сборах с крестьян, нормах этих сборов, очевидно связанных с пересмотром норм обложения в этот период. Немало источников XVIII века имеется в фондах ОПИ и по общей экономике Северных губерний. Из них особую ценность представляют специальные описания губерний, содержащие сведения по экономике, быту и народонаселению, губернаторская и чиновничья переписка по управлению и экономическим делам. Эти источники родились в результате административной деятельности государственных чиновников, специальных комиссий и обследований, сюда же относятся специальные рукописи по истории Северного края и его населенных мест.

Для истории Европейского Севера XIX века документы ОПИ ГИМ дают частичное представление о вотчинном хозяйстве и крестьянстве, но главным образом они сообщают сведения по экономике и быту Северных районов, причем, содержат много статистических данных. Экономические описания сопровождаются приложениями цифровых таблиц. Среди источников этой поры документы о деятельности Архангельского общества изучения Севера, материал народного фольклора, поуездные сведения о состоянии крестьян, их хозяйства, карты земельных угодий, населенных мест и дорог.

Но особую ценность представляют источники, связанные с проведением реформ 1861 г. на Севере в Архангельской губернии, Олонецком крае, Вятке и Вологде.

Здесь в комплексе сохраняются подробнейшие сведения о крестьянском положении, состоянии монастырских и помещичьих хозяйств, имеется денежная оценка повинностей и всех крестьянских работ, крестьянского имущества, угодий, представлено систематическое обозрение фактических прав и обязанностей государственного крестьянства с заключениями современников о состоянии края в канун реформ 1861 г.

Эти документы представляют большой научный интерес.

В целом собрание ОПИ ГИМ дает обширный материал по истории Европейского Севера и не может быть обойдено исследователями периода позднего феодализма.

———

Л. Г. Дубинская

МАТЕРИАЛЫ УСТЮЖСКОЙ ЧЕТВЕРТИ 1675—1700 гг. ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНЫХ УЕЗДОВ

История крестьянства является одной из главных тем советской исторической науки. Проблемы о характере форм крестьянского землевладения, налогообложения, возникновения новых отношений не феодального характера, товарности крестьянского хозяйства и крестьянского расслоения тесно связаны с исследованиями по истории крестьянства северных уездов. Источниковедческая база исследований по XVII веку по многим вопросам представлена недостаточно. Отдельные дела, документы или сведения, имеющиеся по одному уезду и отсутствующие по другому, или освещающие явления с какой-то одной стороны, требуют от исследователя предположений не полностью подтверждаемых документами. Фрагментарность сведений и их неполнота делают ценным каждый новый документ, как подтверждение уже имеющихся немногих сведений, распространение их на более широкую территорию, не говоря уже о тех документах, которые расширяют наши представления и хронологические рамки.

Одним из наиболее компактных комплексов, содержащих источники по истории крестьянства XVII в., является хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов фонд Приказные дела старых лет. В составе этого фонда сохранилось в столбцах делопроизводство Центральных учреждений XVII в.: приказов Устюжской четверти, Новгородского, Владимирского, Княжества Смоленского, Малороссийского и Посольского, незначительное количество документов Приказа Казанского дворца и некоторых других.

Описана и доступна исследователям часть фонда, на которую имеется 7 томов описей.

Дела, содержащие источники по Европейскому Северу, выделены из столбцов и приказов Устюжской и Новгородской четверти и рассредоточены по всем 7 томам описей. Наиболее полно использованы документы о северном кресть-

янстве за первую половину и середину века в работах М. М. Богословского [1], М. А. Дьяконова [2], П. А. Колесникова [3], Ю. А. Тихонова [4] и др. Некоторая часть дел за 80-е и 90-е годы использовалась в работах Н. В. Устюгова [5], П. А. Колесникова [6] и др. Однако использованность материалов за последнюю четверть XVII в. невелика, тем более, что часть фонда, которая не вошла в описи, представлена в основном источниками за последние десятилетия XVII в.

В данной работе делается попытка обзора материалов приказа Устюжской четверти по истории крестьянства за 1675—1700 гг., находящихся в коллекции фонда Приказные дела старых лет.

В основе систематизации большей части этого фонда был хронологический принцип, отчего пользование справочным аппаратом неудобно, т. к. дела приказов перемежаются. Каждая единица хранения представляет собой отдельное самостоятельное, законченное дело, выделенное из целого комплекса дел, находящихся в столбце.

В части фонда, на которую описи еще не составлены, сохранились целые столбцы, содержащие дела одного определенного приказа и столбцовая россыпь, из которой могут быть выделены большие части столбцов, отдельные дела, отдельные документы или части документов. Принцип систематизации предполагается пофондовый, т. е. столбцы и дела различных приказов должны быть разделены на самостоятельные комплексы с сохранением цельности столбцов, как источников по истории делопроизводства этих приказов. Столбцы приказа Устюжской четверти занимают значительное место, и в описанной части ф. Приказные дела старых лет и, приблизительно, 5-ю часть материалов, не попавших в описи. Приказ Устюжской четверти ведал территорией городов с уездами: Устюга Великого, Соли Вычегодской, Тотьмы, Вязьмы, Бежецкого Верха, Ржевы Володимировой, Старицы, Белева, Устьянских волостей, Устюжны Железопольской, Ржева, Старицы, Звенигорода, Можайска, Рузы, Великих Лук, Венева, Дмитрова, Клина, Пошехонья, Чаронды и Погорелого городища.

---

[1] М. А. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, тт. I и II, М., 1912.

[2] М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения. М., 1898 г. (Половники поморских уездов в XVI и XVII вв.).

[3] П. А. Колесников. Восстание в Тотьме и Тотемском уезде в XVII в. — «Русское государство в XVII веке». М., 1961 г.

[4] А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. «Рынок Устюга Великого в период складывания Всероссийского рынка (XVII в.)», М., 1960 г.

[5] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. — «Исторические записки», кн. 34, М., 1950 г.

[6] П. А. Колесников. «Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в.», Вологда, 1957 г.

Дела по территории Севера можно условно подразделить по тематике. Большáя группа дел характеризует земельные отношения между крестьянами, между крестьянами и монастырями, крестьянами и посадами, государственную политику в отношении крестьянских земель. Источники дают право говорить о свободном фактическом распоряжении крестьянами землею, находящейся в их владении — продаже земли и закладах.

Спорные земельные дела между черносошными крестьянами сохранились в столбцах 1674/75 гг.[7] (Чюшевицкая волость), 1685/87 гг.[8] (Калининская вол. Чарондская округа), 1688[9] и 1695[10] годов.

В основе крестьянских споров лежат причины разного характера: родственники оспаривают право на владение землей, купленной у одного из них, часто уже умершего. Обычно оспаривается не право продажи, а сам факт ее — купчая объявляется подложной. «А в купчей написано: в 193-м году, апреля, в 11 день Шалги Большие Кречатовы крестьянин Ермолка Иванов продал он тое же деревни зятю своему Оксенку Андрееву и детям ево Ивашку да Петрушке Оксеновым свой участок тяглые земли в той же деревне Кречатове полполполтрети выти ... избою и двором владеть дочере ево Дарьице с мужем ее Ивдокимком...»[11]. Однако Дарьица после смерти отца оспорила землю, проданную отцом. Тяжба продолжалась долго. Дарьица тоже умерла, спор ведут уже дети истцов и отчетчиков. За землю в полполполтрети выти 2 поколения ведут напряженную борьбу, в которую включается вся волость, т. к. проводятся дважды «повальные» обыски. Дела подобного рода в столбцах встречаются часто.

Много дел о земельных закладах. Заимодавец был в основном заинтересован не в уплате долга, а в том, чтобы у него остался земельный заклад. Так, крестьянин Кивокурской волости Устюжского у. Дмитрий Кузнецов прятался у родственников, чтоб не получить в срок долг — 20 р. у крестьянина, заложившего ему $^1/_2$ деревни Скрыпицыной, а когда срок прошел, он деревню уже не отдал. Однако племянник незадачливого крестьянина, а может и вправду опоздавшего с уплатой долга, подал иск и в Приказе Устюжской четверти выписано, что «В прошлом 194-м году по указу великого государя и по выпискам за дьячьими пометами велено Устьянской Пежемской волости крестьяном по за-

---

[7] Ф. 141, Приказные дела старых лет, без описи, 1674 г. № 300.
[8] Там же, б/о, 1685 гг., № 1064.
[9] Там же, б/о, 1688 г., № 7150.
[10] Там же, б/о, 1695 г., № 473.
[11] Там же, оп. 7, 1690 г., ед. хр. 77, л. 5—6.

кладным кабалам и по купчим деревенские участки отдавать на выкуп» [12] и выписано 5 примеров.

Отец крестьянина Халеской вол. Устюжского у. Тихона Дьяконова Курицовского задолжал другому крестьянину 50 р., сын не смог отдать долга и истцу отдали 1/4 деревни «с пожнями и скотом» [13].

Иногда земельные претензии не обосновываются в челобитных с вызовом на суд (других же документов в деле нет): крестьяне Сухонского Черного стана жалуются, что Иван Мелентьев с товарищами (крестьяне того же стана) «вступаются в деревнишку их Чернятино» «насильством своим» «неведомо за что и по каким крепостям» [14].

Крестьяне закладывали и продавали свои тяглые участки не только друг другу. Тяглые земли продавались и закладывались посадским людям [15]: спорное земельное дело на владении жеребьем в дер. Черняновой Окологородской вол. Тотемского у. между крестьянами этой дер. Иваном Мальцевым и пос. чел. г. Тотьмы Степаном Тарутиным [16]. Крестьянские земли всякими правдами и неправдами приобретали монастыри: спорное земельное дело между крестьянами Устюжского у. и м-рем Галичского у. [17]. Троице-Глединский монастырь по закладной кабале за 15 р. и 10 мер ржи, и 6 мер ячменя получил 1/2 дер. Лыткицкой у крестьян Камаринского стана Устюжского у. Ульяны Михайловой и ее племянника Дмитрия Давыдовых. Крестьяне Давыдовы заявляют, что монастырь старается отнять землю, потому что эта «Деревнишко к их монастырским деревням смежна и поблиску»... [18]. Пытаются отнять землю у крестьян и подъячие и церковные старосты [19].

О широком распространении перехода тяглых земель в руки монастырей и беломестцев свидетельствуют дела о проверке прав на владение тяглыми пашенными землями и угодьями у монастырей, купцов, церквей, подьячих и посадских людей [20]. В 1690 г. в города Устюжской четверти были разосланы грамоты: «...Поморским посадским людям и уездным тягль'м ... своих земель и деревенских участков и всяких угодий и торговых промыслов и заводов и соляных варниц... архиереям в дом и в монастыри и к церквам и церковным причетникам и монастырским слушкам и именитым людям Строгановым и гостем и гостиньи сотни и

---

[12] Ф. 141, ПДСЛ, оп. 7, 1690 г., ед. хр. 216, л. 6.
[13] Там же, 1690 г., ед. хр. 224.
[14] Там же, оп. 7, 1690 г., ед. хр. 224.
[15] Там же, 1690 г., ед. хр. 7, лл. 2 и 3.
[16] Там же, б/о, 1678 г., № 938.
[17] Там же, б/о, 1690 г., № 1158.
[18] Там же, б/о, 1690 г., № 224.
[19] Там же, оп. 7, 1690 г., № 45.
[20] Там же, б/о, 1690 г., № 594.

всяких чинов торговцам не продавать и не закладывать и во всякие крепости не укреплять» [21].

Правительство пыталось остановить этот процесс. Однако, источники говорят о повсеместности и обыденности этого явления, о значительном переходе черных земель в руки Строгановых, монастырей, посадских людей и беломестцев.

Большой интерес представляют документы и дела, связанные с обложением населения налогами: роспись обложения стрелецким хлебом волостей Тотемского у. — б/д. [22]. Черновой материал описания дворов, оброчных земель и угодий в Ярокурском стане, Шемогоцкой и Варженской волостях Устюжском у. [23] и в Тотемском у. и обложение их налогами 1667—1676 гг. [24]: дела об изменении налогообложения в Устюжском и Тотемском у., о снятии налогов с пустых дворов [25]; дело по челобитной крестьян Тотемского у. о неправильном описании земель Богданом Засецким и о присылке нового писца [26]; дела по обложению окладными налогами и оброком населения (по категориям) г. Тотьмы и уезда 1678—1685 гг. [27]; черновые материалы писцовых и переписных книг по Окологородной вол. Тотемского у. [28].

В фонде в большом количестве представлены сведения о сборе налогов с населения: приходо-расходные столбцы Приказа [29], отдельные приходо-расходные документы, учитывающие стрелецкие и оброчные деньги [30], приход и расход кружечных дворов г. Соли Вычегодской [31], приходо-расходный столбец кружечных дворов г. Устюга Великого и Устьянских волостей за разные годы [32], счетные списки за разные годы [33], счетные памяти по приходо-расходным книгам ямских и ружных старост, подъячего земской избы, г. Устюга Великого [34]; росписи сбора оброчных денег [35], расходная роспись пятидесятника Вочевской вол. [36], расходные росписи, памяти и расписки земских старост, сборщиков и посыльщиков Вохомской вол. Устюжского у. [37],

---

[21] Ф. 141, ПДСЛ, оп. 7, 1690 г., № 112.
[22] Там же, б/о, № 972.
[23] Там же, б/о, № 972.
[24] Там же, о/б., № 3015.
[25] Там же, б/о, № 3017.
[26] Там же, б/о, № 405.
[27] Там же, № 1185.
[28] Там же, № 3077.
[29] Там же, б/о, 1677 г., № 1082, 1692 г., № 1088.
[30] Там же, б/о, 1693 г., № 82.
[31] Там же, б/о, 1678 г., № 118.
[32] Там же, б/о, № 968.
[33] Там же, б/о, № 989, 301, 82.
[34] Там же, б/о, № 814.
[35] Там же, б/о, 1691 г., № 475, 523.
[36] Там же, б/о, 1678 г., № 814.
[37] Там же, б/о, 1678 г., № 814.

роспись книг и столбцов таможенного и кружечного дворов г. Устюга Великого[38], роспись льготных и пустых земельных участков в Сольвычегодском у.[39], дела о сборе оброчных денег в Чаронгской округе[40]; разводные списки земского целовальника Уфтюжской вол. Устюжского у. Увара Власова по данным, оброчным, полоняничным, стрелецким, ямским деньгам и деньгам на мирские расходы[41], списки описей подьячих Устюжской четверти о приеме стрелецких и полоняничных денег с поместий и вотчин[42], списки описей и уплатных в получении денежных налогов с волостей Устюжского у.[43], отписки и списки отписей сборщиков, голов и откупщиков за 1664—1678 гг., отписки воевод о составлении смотренных списков на неокладные доходы, о невзыскании доимочных денег за пустые и нищие дворы (1691—1694 гг.[44], грамоты из Приказа и отписки подьячих, посланных для взыскания доимочных стрелецких и оброчных денег (1691—1694 гг.)[45] и повседневная переписка Приказа с воеводами.

Основным налогом на население в последней четверти XVII в. были, как известно, стрелецкие деньги. В «Выметке из приходо-расходных книг Устюжской четверти на 1688/1689 г. значится «оброчных — 140 р. 27 алтын, пол 4 деньги, стрелецких — 1217 р. 2 алтын»[46].

Тотемский воевода Ив. Андр. Яковлев пишет в Приказ, что он «Стрелецких денег собрал в оклад 320 р. 6 алтын, 4 деньги на 197 г., на 196 — в доимку собрал 20 р. 6а. 4 д. Оброчных денег по раздаточным оброчным книгам — 130 р.[47].

Воевода Устюжны Железопольской Василий Бирилев пишет, что собрал «Стрелецких денег на нынешней на 198 год — 375 рублев, 3 алтына, 4 деньги, да с мельницы Тормосихи оброчных денег 16 алтын 4 деньги»[48]. По отписке выборного земского судейки отписной сошки Луской Пермцы Ношульской вол. в 1691/1692 году сбор стрелецких денег был 62 рубля, а оброчных (с Верхолузья — 16 алт. 4 д.[49] и т. д.

Наблюдается повсеместная большая задолженность крестьян. В отписке из Тотьмы читаем: «И на нынешней 197

[38] Ф. 141, ПДСЛ, б/о, № 716.
[39] Там же, б/о, 1685 г., № 301.
[40] Там же, б/о, № 3009.
[41] Там же, б/о, 1677 г., № 1062.
[42] Там же, б/о, 1686 г., № 475.
[43] Там же, б/о, 1678 г., № 989, 1083, 734.
[44] Там же, б/о, № 475.
[45] Там же, б/о, № 780.
[46] Там же, оп. 7, 1690 г., ед. хр. 328, л. 6.
[47] Там же, 1689 г., ед. хр. 76, л. 3.
[48] Там же, 1690 г., ед. хр. 55, лл. 7—8.
[49] Там же, лл. 9—10.

году запустили доимку многую» [50]. В том же 1689 г. доимка на Устюжском у. равнялась 895 руб., на Соли Вычегодской — 17 руб. [51]. При сравнении бросается в глаза высокая задолженность крестьян Устюжского уезда и рост ее из года в год.

К 1680 г. задолженность устюжских крестьян исчислялась в 1981 р. 27 а. 5 д., в 1681 г.—3117 р. 9 а. 3 д., 1682 г.— 3822 р. 14а., после 1682 г. задолженность устюжских тяглецов постепенно снижается, оставаясь очень высокой [52].

Понижение задолженности, очевидно, было результатом снижения стрелецкого оклада на 1/3 в 1681 г. и разделением городов на 10 разрядов [53].

Очень интересные сравнительные данные по задолженности крестьян по уездам, ведавшимся в Устюжском, Новгородском, Володимирском и Галицком приказах, имеются в росписи за 1691 и 1692 гг. [54].

Причины недоборов, большой доимки объясняются в документах по разному. Одной из наиболее часто встречающихся мотивировок является переход части земель по закладным и купчим к беломестцам, на которых не раскладывается тягло [55]. Правительство и администрация сознательно грабили население, задерживая указы об освобождении от налогов пустые дворы и «нищие избенки»: «...О збавке стрелецких денег в грамоте у Соли всем нам сказано, а указу к нам, бедным, не бывало и по сё число [56].

Как причина роста задолженности выдвигается рост налогов: с 1632 по 1638 гг. платили с сохи — 90 руб., с 1638 по 1653 гг. — 168 руб. с сохи, с 1653 по 1660 гг. по 228 руб. с сохи, в 1661 г. платили хлебом — 175 четвертей ржи, 175 четвертей овса, с 1662 г. — прибавлено на соху по 594 руб. с полтиною, т. е. по 822 руб. с полтиною с сохи «против прошлых годов вчетверо» [57].

В челобитной мирских челобитчиков от посада и волостных крестьян Тотемского у. задолженность и разорение объясняются завышением и без того высоких поборов: «...Чтобы нам, бедным сиротам вашим, платя по неправым книгам Богдана Засецкого со многих пустых и лишних написанных дворов и нищих избенок и келей не против иных городов и достальным в рознь не разбрестись и в конец не

---

[50] Ф. 141, ПДСЛ, 1689 г., ед. хр. 76, л. 3.
[51] Там же, 1690 г., ед. хр. 32, л. 3.
[52] Там же, оп. 7, 1690 г., ед. хр. 321, л. 2—3.
[53] Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. I, М., 19.
[54] Ф. 141. ПДСЛ, оп. 7, 1692 г., ед. хр. 121, л. 1—3.
[55] Там же, 1689 г., ед. хр. 76, л. 5.
[56] Там же, 1691 г., ед. хр. 51, л. 8.
[57] Там же, 1691 г., ед. хр. 51, л. 5.

погинуть и ямской гоньбы не остановить и ваших государственных служб и податей не отбыть...» [58].

Документы показывают, что фискальная система не учитывала суровость северных условий. В голодные не урожайные годы налоги не уменьшались и были особенно разорительны для крестьянских хозяйств. «На Чаронде на посаде и в Чаронской округе от великих морозов хлеб вызяб и сенные покосы от безмерных дождей потопило и скотина их многая от посещения Божия померла, а которая скотина у них осталась и той скотина на Чаронде и Чаронской округе купить некому» [59].

В крестьянских челобитных звучат затушеванные, неясно выраженные угрозы: «чтобы нам... не разбрестись... и емской гоньбы не остановить и Ваших государских служеб и податей не отбыть» [60].

Однако не только глухие угрозы отражаются в документах 1683 и 1686 гг. — в Чушевицкой и Устьянской волостях был крестьянский бунт. Крестьяне отказались платить налоги (стрелецкие деньги). После подавления бунта сыск вел И. К. Елагин (воеводой был Б. Нетесев) [61].

В 1683 г. был убит своими беглыми крестьянами помещик Матвей Тимофеевич Челищев при содействии крестьян дер. Холмицы Луцкого у. Василия Михайлова с товарищами [62]. Встречаются сведения о влиянии крестьянской войны. «...И смута большая, что были на Волге и на Унже воровские люди, и о том были из городов от воевод отписки для береженья от воровских людей и крестьяне де многие от большого платежу стрелецких денег и от смертного правежу и от воровской смуты и от голоду разбрелись врозь и твоих, великий государь, всяких денежных доходов взять за те пустые выти не на ком» [63]. (Сольвычегодск, отписка воеводы Ивана Нармацкого).

Классовые противоречия усугублялись злоупотреблениями местной администрации: например, дело о злоупотреблениях подьячего съезжей избы Чарондской округи в 1691 г. [64], дело по челобитной крестьян Мольской, Стрельской и Толшемской волостей Тотемского у. о лишних поборах, взятках и других злоупотреблениях земского старосты П. Каплина, купных старост Андрея Выдрина с товарищами и пристава Василия Мухина с товарищами [65] (1693—

[58] Ф. 141, ПДСЛ, оп. 7, 1691 г., ед. хр. 98.
[59] Там же, оп. 7, 1695 г., ед. хр. 291, л. 2.
[60] Там же, оп. 7, 1691 г., ед. хр. 98, л. 2.
[61] Там же, 1683 г., № 344.
[62] Там же, б/о, 1683 г., № 342.
[63] Там же, оп. 7, 1691 г., ед. хр. 51, л. 2.
[64] Там же, б/о, папка 84.
[65] Там же, б/о, папка 1154.

1694 гг.), дело о злоупотреблениях старост Чарондской округи, о злоупотреблениях на кружечных дворах [66].

Дела и документы о крестьянских наймах немногочисленны. К ним относятся порядные записи тотемских волостных крестьян [67], порядные записи на поставку березовых дров всеуездному старосте Ивану Романову с крестьян Тотемского у., список с отписи в получении денег 24 р. за дощанник по 23 порядным на 73 р. 20а., 5 д.

Большой интерес представляют дела о торговле: списки с купчих, отписей, записей и таможнях (1677), о контрабанде винокурением и продаже вина—1676 г. [68], дело о выдаче Вас. Грудцыну для гостя Ивана Панкратьева 1000 р. из таможенных и кружечных сборов [69].

Таким образом, в фонде Устюжского приказа имеется ценнейший комплекс материалов по истории крестьянства XVII в. (последняя четверть), еще не вошедших в научный оборот. Эта большая группа материалов не может претендовать на полноту сведений (см. выше) или их всесторонность. Однако информация довольно обильная по ряду вопросов.

Большая группа источников освещает характер крестьянского землевладения, свободное фактическое распоряжение землей, значительный переход тяглых земель в руки монастырей, купцов, посадских людей, подьячих и других беломестцев, что было тесно связано с крестьянским разорением и как его следствие и как причина. Материалы фонда значительно должны восполнить пробелы в сведениях по обложению налогами крестьян Устьянских волостей, Тотемского и Устюжского уездов и дополнить материалы писцовых и переписных книг по этим районам; восполнить и расширить сведения о формах, методах и размерах взимавшихся налогов.

Большой и интересный, разнохарактерный материал представлен в фонде для анализа причин крестьянского разорения и расслоения. Ценный, но небольшой круг материалов имеется в фонде о торговле, крестьянских промыслах и классовых протестах крестьян.

---

[66] Ф. 141, ПДСЛ, б/о, папка 998.
[67] Там же, б/о, 1675 г., № 505.
[68] Там же, б/о, № 732.
[69] Там же, папки 506 и 526.

Л. С. Прокофьева

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ АРХИВА ЛОИИ АН СССР ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР

Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР является одним из старейших и богатейших хранилищ документальных источников как по отечественной, так и всеобщей истории. Он существует уже более ста лет. Фонды по истории нашей родины составляют в архиве большинство и представляют собой ценнейшее собрание документов, характеризующих различные стороны социально-экономических и политических отношений Русского государства XVI—XIX вв.

В общем количестве единиц хранения, заключенных в русских фондах — 192 408 [1], приблизительно четвертую часть — около 42 000 единиц хранения [2] составляют источники по аграрной истории русского Севера.

Не будет ошибкой сказать, что, возможно, ни в одном из архивов Советского Союза история Европейского Севера СССР не представлена источниками так широко, как в архиве ЛОИИ. И это не случайно. Дело в том, что у архива Ленинградского отделения Института истории весьма примечательна история его образования. Первые поступления архива, образующие его основу, составляют те документальные материалы, которые отложились в результате деятельности, созданной в 1834 г. в Петербурге Археографической комиссии. Непосредственно образованию комиссии предшествовал шестилетний период (1828—1834 гг.) деятельности археографической экспедиции во главе с известным в то время историком и археографом, академиком Павлом Михайловичем Строевым. Экспедиция обследовала до

[1] Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.—Л., 1958, стр. 13—14.

[2] Вполне естественно, что документов по аграрной истории Европейского Севера СССР будет несколько больше названной цифры, так как они, безусловно, содержатся и в фондах, не имеющих непосредственного отношения к территории Севера.

200 библиотек и архивов в монастырях, губернских правлениях и казенных палатах 14 губерний Европейской России, обнаружив в том числе значительное количество материалов в северных губерниях: Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой и др.

С конца 1836 г. до середины 40-х годов в комиссию поступило значительное количество документов из архивов северных губернских правлений и присутственных мест: Яренского и Олонецкого уездных судов, Вятского и Устюжского городовых магистратов, Кольского городнического правления, а также рукописные книги и актовый материал из учреждений духовного ведомства: из Антониева Сийского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Важского Богословского монастырей, а также Шенкурского собора.

Несколько позднее в 50—60-х годах XIX в. большое количество документальных источников поступило в комиссию от частных лиц: известных ученых, историков-краеведов и вообще любителей старины, значительно обогативших собрание северных материалов. В 1859 г. член-корреспондент Академии наук, языковед П. И. Савваитов передал комиссии материалы Вологодского архиерейского дома, преподаватель истории Вологодской семинарии, известный краевед Н. И. Суворов — вологодские акты, И. К. Зинченко — материалы Устюжской и Холмогорской епархий, сольвычегодский врач Н. Г. Ордин — документы Николаевского Коряжемского монастыря, П. М. Строев — документы Соловецкого монастыря.

По мере своей деятельности с 1834 по 1921 гг. археографическая комиссия[3] благодаря своим многочисленным членам и корреспондентам приобрела, описала и опубликовала в разных изданиях (Актах Археографической экспедиции, Актах исторических, Актах юридических, в Русской исторической библиотеке и др.) большое количество собранных ею документов, в том числе по истории Европейского Севера СССР, ныне хранящихся в архиве ЛОИИ и составляющих его ценнейшую часть.

После Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей исключительно благоприятные условия для развития архивного дела, собрание материалов по истории русского Севера пополнилось новыми и весьма ценными коллекциями документальных источников. После 1917 г. в архив поступили такие крупнейшие собрания рукописных материалов, как фонды Антониева Сийского, Александрова Свирского монастырей, архив Устьянской Дмитриевской во-

---

[3] С 1 января 1922 г. комиссия вошла в состав учреждений, подведомственных Академии наук СССР (БСЭ, т. 3, стр. 163).

лости, документы Архангельского по крестьянским делам присутствия и др. В 1936 г. в архив ЛОИИ поступила обширная коллекция академика Н. П. Лихачева, содержащая богатейшие материалы по истории Европейского Севера, в том числе архив Спасо-Прилуцкого монастыря. В этот же год академиком Н. К. Никольским была передана часть фонда Кирилло-Белозерского монастыря.

В собирании и описании документов, поступивших в архив ЛОИИ в годы Советской власти, принимали участие такие известные ученые как Б. Д. Греков[4], А. И. Андреев, В. Г. Гейман.

Документальные источники архива ЛОИИ, относящиеся к территории русского Севера, по своему происхождению можно подразделить на три группы. Первую и самую многочисленную группу составляют материалы монастырей, архиерейских домов и церквей, вторую — документы местных учреждений и третью — материалы, относящиеся к поместно-вотчинным фондам. Что касается документов первой группы, то в архиве ЛОИИ содержатся материалы, относящиеся более чем к 40 духовным учреждениям (перечень см. в табл. № 1), главным образом монастырям и архиерейским домам. Среди них такие крупнейшие феодалы своего времени, влиятельнейшие очаги экономической и культурной жизни на Севере, как Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Антониев Сийский, Спасо-Прилуцкий, Троицкий Гледенский, Ферапонтов монастыри, а также крупнейшие архиерейские дома: Вологодский, Холмогорский, Устюжский.

Особенно широко представлены материалами Вологодско-Белозерские монастыри. И это вполне естественно, ибо в этом нашла свое проявление одна из специфических особенностей политической и аграрной истории Европейского Севера СССР, заключающаяся в том, что на Севере, особенно в Вологодском и Белозерском уездах очень широко утвердилось монастырское землевладение. Как отмечал в свое время академик М. Н. Тихомиров: «Нигде на русском севере монастыри не получили такого распространения, как здесь. Они насчитывались тут десятками, иногда тесно группировались вокруг какого-либо общего центра. Например, в непосредственной близости к Кириллову Белозерскому монастырю располагались такие большие монастыри, как Ферапонтов и Горицкий Девичий» [5].

---

[4] Б. Д. Греков в 1922 г. описывал документы Александрова Свирского монастыря (см. ЛЗАК, за 1918—1922, вып. 32, Пгр., 1923, стр. 80).

[5] М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 237.

Таблица 1

Духовные учреждения[6]

	Название духовных учреждений	Годы, за которые имеются материалы	Кол-во единиц хранения
1	Александров Ошевенский монастырь	1539—1646	1
2	Александров Свирский	1572—1920	3500
3	Андрусов Олонецкий	1628—1715	8
4	Антониев Сийский	1490—1800	8574
5	Архангельский Телегов	1545—1764	98
6	Благовещенский Ворбозомский	1638—1783	8
7	Богословский Важский	1451—1715	62
8	Богоявленский Кожеозерский	1584—1698	15
9	Вассианов Спасо-Каргопольский	1547—1680	14
10	Введенский Островский Оятский	1630—1690	9
11	Воскресенский Горицкий Белозерский	1650—1685	6
12	Габанова Олонецкая пустынь	1698, 1718	2
13	Задняя Никифорова Олонецкая пустынь	1677, 1686, 1711	3
14	Кандалакшский монастырь	1563—1718	1
15	Кириллов Белозерский	1522—1820	1504
16	Кириллов Новоезерский	1562—1732	5

[6] Некоторые из документов, относящиеся к монастырям и архиерейским домам, публиковались в изданиях АК и других. Ниже приводим важнейшие из них. Александров Свирский монастырь: ДАИ, т. VII, № 12, 13, 25, 57, 92, АЮБ, т. VIII, № 135, 150. Антониев Сийский монастырь: Исторические сведения об Антониезом Сийском монастыре епископа Макария. Чтения ОИДР, кн. 3, 1878 г. А. И. Андреев. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде. Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930. Н. С. Чаев. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева Сийского монастыря в XVII в. Исторический архив, вып. I, стр. 25—66. Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониеву Сийскому монастырю XVI—XVII вв. Исторический архив, вып. 8, стр. 80—197. Кирилло-Белозерский монастырь: Н. К. Никольский. Кириллов Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII в., том 1, вып. 2, СПб., 1910 г., приложение. Сб. ГКЭ, т. I, Пгр., 1922. ААЭ, тт. I—IV, АЮ, № 71—77 и др. АИ, т. I—IV. Соловецкий монастырь: Н. С. Чаев. Северные грамоты XV в. ЛЗАК, вып. XXXV. ААЭ, т. I, № 223, 295. РИБ, т. XXXII. XXXV. Спасо-Прилуцкий монастырь. РИБ, т. XXXII, XXXV, ААЭ, тт. I—IV. Троицкий Гледенский: РИБ, тт. XII. XIV, XXV. Ферапонтов монастырь: ААЭ, тт. I, III, IV, РИБ, т. XXXII Устюжский архиерейский дом: РИБ, тт. XII. XIV, XXV. Холмогорский архиерейский дом: РИБ, тт. XII, XIV, XXV. Успенский Устюжский собор: РИБ, тт. XII, XIV, XXV.

	Название духовных учреждений	Годы, за которые имеются материалы	Кол-во единиц хранения
17	Кодлозерская пустынь	1627—1685	8
18	Корнильев Комельский	1576—1577	1
19	Крестный Кийостровский	1623—1799	54
20	Никитский Белозерский	1649—1758	27
21	Николаевский Катромский	1581—1613	1
22	Николаевский Корельский	1534—1734	197
23	Николаевский Корякемский	1548—1746	1653
24	Нила Сорского пустынь	1636—1689	26
25	Пахомиева Кенская пустынь	1616—1697	7
26	Пертоминский Преображенский	1658	1
27	Печенгский на Коле	1641—1698	16
28	Соловецкий	1419—1885	345
29	Спасо-Ефимиев Сянжемский	1526—1754	8
30	Спасо-Каменный Вологодский	1497—1692	14
31	Спасо-Преображенский Пыскорский	1579—1679	1
32	Спасо-Прилуцкий	1510—1813	2149
33	Спасский Козьеручьевский	1616—1679	17
34	Троицкий Гледенский	1617—1761	191
35	Троицкий Усть-Шехонский	1639	1
36	Ферапонтов Белозерский	1438—1701	44
37	Вологодский архиерейский дом	1490—1799	4787
38	Олонецкое духовное правление	1725—1904	41
39	Устюжский архиерейский дом	1628—1760	183
40	Холмогорский архиерейский дом	1500—1758	539
41	Преображенский Холмогорский собор	1687—1860	87
42	Успенский Устюжский собор	1500—1681	429
43	Коллекция документов разных монастырей	1455—1802	124
44	Коллекция документов разных церквей	1599—1890	87

По своей разновидности все документальные источники архива ЛОИИ по аграрной истории Севера можно разделить на две группы. Первую группу составляет актовый материал, вторую — книги.

В фондах духовных учреждений актовый материал представлен большим количеством жалованных грамот о

судебных и финансовых льготах монастырям-вотчинникам, грамот и памятей монастырским старцам, таможенным головам и целовальникам, актов на владение землею, промыслами, рыбными ловлями и др. недвижимое имущество (духовные купчие, меновные, закладные, отводные, раздельные), крестьянские поручные, порядные и оброчные записи, закладные и заемные кабалы, таможенные выписи и «досмотры», различного рода росписи, крестьянские челобитные, судные дела, дела о беглых крестьянах, различного рода отписки монастырских властей, приказчиков, целовальников, разнообразные указы и т. д.

Значительное место в собрании документов монастырей, архиерейских домов и церквей занимают книги, которые по общепризнанному мнению являются одним из важнейших источников по аграрной истории.

Основное значение книг состоит в том, что для характеристики тех или иных социально-экономических процессов они дают большой статистический материал. Монастырские книги имеют несколько разновидностей. Это приходо-расходные книги денег, хлебных запасов, рыбной и соляной продажи; книги отписные, дозорные, писцовые и переписные, «ужинно-умолотные», вкладные, отписные, копийные и др., содержащие многообразный и интересный материал не только по истории крестьянского и монастырского хозяйства, но могущие служить ценным материалом для решения других больших и сложных проблем, выходящих за рамки монастырской вотчины. Общеизвестно, например, что приходо-расходные книги монастырей, являясь важнейшим источником по аграрной истории, имеют большое значение при изучении такой проблемы, как проблема складывания внутреннего рынка России.

Знакомство с приходо-расходными книгами дает в руки исследователя и краеведа богатейший материал по географии торговых путей, социальному составу лиц, вовлеченных в торговлю, организации торговли, номенклатуре товаров, о ценах и торговых пошлинах, о размерах торговых операций. Последнее очень важно, если учесть, что на русском Севере в XVI — первой половине XVII вв. проходили оживленные торговые пути, существовали крупные торговые центры, которые вели бурную торговлю, такие как Архангельск, Холмогоры, Вологда, Белозерск и др.

Особенно много ценных сведений содержат монастырские книги о природе феодальной собственности на землю, о населении монастырской вотчины и эксплуатации крестьян. В этом их глубокий социальный смысл.

Прекрасным образцом использования монастырских книг в сочетании с актовым материалом и яркой иллюст-

рацией того, какие богатейшие материалы хранят в себе документальные источники монастырей являются: работа А. А. Савича «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.», Б. Д. Грекова «Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв.», А. Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI в.» и многие другие.

Следует здесь же оговориться, что в количественном отношении материалы по фондам духовных учреждений распределяются крайне неравномерно. Поэтому наряду с огромными фондами, насчитывающими тысячи единиц хранения, как например, фонд Антониева Сийского монастыря, включающий более 8500 единиц хранения, Александрова Свирского монастыря — 3500 единиц хранения, Спасо-Прилуцкого — 2149 единиц хранения, в которых как актовый материал, так и книги представлены довольно широко и многогранно, в архиве ЛОИИ довольно большая группа монастырей и др. духовных учреждений представлена очень небольшим количеством документов (см. табл. 1), а некоторые монастыри даже одной единицей хранения, например, Кандалакшский, Пертоминский Преображенский, Александров Ошевенский.

Тем не менее, несмотря на то, что некоторые монастыри представлены единичным количеством документов, сами по себе эти одиночные источники представляют определенный научный интерес: по Кандалакшскому монастырю, например, это вкладная книга. Причем первый вклад этой книги датирован 1563 г., последний 1687 г., так что эта книга дает возможность проследить историю земельных владений монастырской вотчины на протяжении более чем столетия. По Пертоминскому Преображенскому монастырю — это переписная книга 1658 г., которая содержит описание монастырского имущества, земельных владений и рыбных угодий. По Александрову Ошевенскому монастырю — это копийная книга грамот XVI—XVII вв. Бесспорен научный интерес этих книг, особенно в сочетании с другими источниками.

Вторую группу документальных источников архива ЛОИИ по русскому Северу составляют материалы местных учреждений: Белозерская, Вологодская, Вятская[7], Олонецкая[8], Каргапольская, Двинская, Соликамская воеводские избы; Устюжская, Сольвычегодская, Устюжны Железнопольской, Шенкурская земские избы; Белозерская провин-

[7] Часть документов опубликована: ЛЗАК, вып. XVIII, приложение. ААЭ, т. IV.

[8] Часть документов опубликована: Карелия в XVII веке. Сборник документов, составитель Р. Б. Мюллер, под редакцией А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948 г.

циальная канцелярия, Архангелогородская губернская канцелярия, Холмогорская таможенная изба и др. Всего в архиве ЛОИИ представлены материалы более 30 местных учреждений, расположенных на территории русского Севера (см. табл. 2). И что особенно ценно, что среди них значительно представлены документальными источниками волостные земские миры: волостные земские избы Двинского уезда, волостная земская изба Ловзенской волости Каргопольского уезда, волостные земские избы Сольвычегодского и Мезенского уездов, Устьянская Дмитриевская и Устьянская Пежемская волостные земские избы. В том, что в архиве ЛОИИ оказались представленными волостные земские избы, нашла свое проявление вторая специфическая особенность аграрной истории русского Севера, состоящая в том, что крайний Север, главным образом Поморье, представлял собой край, где господствовало черное крестьянское землевладение. Поморье, как неоднократно отмечалось в трудах дореволюционных и советских исследователей, представляло собой край черных крестьянских волостей, не похожий на тот, который простирался к югу от Волги [9].

Таблица 2

Местные учреждения

	Название местных учреждений	Годы, за которые имеются материалы	Кол-во единиц хранения
1	Архангелогородская губернская канцелярия	1710—1772	1363
2	Белозерская воеводская изба	1601—1766	2198
3	Белозерская провинциальная канцелярия	1738—1766	67
4	«Большеземельской» тундры Архангельской губернии самоеды	1765—1873	8
5	Борисоглебская Матигорская волостная изба Двинского уезда	1744—1789	9
6	Важского уезда волостные земские избы	1567—1785	434
7	Верховажская посадская земская изба	1691—1704	4
8	Вологодская воеводская изба	1655—1727	12
9	Вытегорское уездное казначейство	1775—1800	12

[9] М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере XVII в., т. I, М., 1909, С. Ф. Платонов. Прошлое русского Севера, Пгр., 1923. Н. Е. Носов. Земская реформа на русском Севере XVI в. Сб. Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, стр. 131—157 и др.

	Название местных учреждений	Годы, за которые имеются материалы	Кол-во единиц хране-ния
10	Вятская (Хлыновская) воеводская и земская избы	1649—1735	99
11	Вятская воеводская канцелярия	1735	14
12	Двинского уезда волостные земские избы	1495—1704	300
13	Кайгородская воеводская изба	1640—1641	1
14	Каргопольская воеводская изба	1712	1
15	Каргопольского уезда Ловзенской волости земская изба	1656	1
16	Мезенского уезда волостные земские избы	1613—1698	14
17	Олонецкая воеводская изба	1550—1702	3043
18	Олонецкая воеводская канцелярия	1755—1773	3
19	Солигаличская земская изба	1592—1681	24
20	Соликамская воеводская изба	1579—1647	5
21	Сольвычегодская (Усольская) земская изба	1592—1706	60
22	Сольвычегодского уезда волостные земские избы	1579—1700	21
23	Устьсысольская воеводская изба	1685—1686	1
24	Устьянская Дмитриевская волостная земская изба	1562—1798	1380
25	Устьянская Пежемская волостная земская изба	1709—1722	1
26	Устюжны Железнопольская земская изба	1614—1700	2
27	Устюжская земская изба	1587—1823	286
28	Холмогорская таможенная изба	1634—1701	2303
29	Чердынская воеводская изба	1605—1735	1653
30	Чердынская воеводская канцелярия	1732—1735	131
31	Шенкурская земская изба	1670—1713	12
32	Яренская земская изба	1580—1723	269
33	Яренского уезда волостные земские избы	1559—1723	103

В этой группе материалов архива ЛОИИ отложились документальные источники, которые дают возможность проследить внутренний склад северной крестьянской волости: структуру управления, количество выплачиваемых государственных повинностей, социальную дифференциацию

волощан, промысловую и земледельческую деятельность северных крестьян. В архиве ЛОИИ, например, представлены очень интересные материалы по Куростровской волости, расположенной на реке Северной Двине против г. Холмогор, такие как царские грамоты о сборе податей и пошлин, «выборные списки», разрубные списки о разверстке денежных сборов, памяти денежных сборщиков о собранных деньгах, порядные записи, челобитные. Блестящим образцом изучения подобного рода материалов могут служить работы А. И. Копанева [10].

Помимо Куростровской волости в архиве ЛОИИ хранятся документальные источники по Ухтостровской, Чухченемской, Юрольской и др. волостям Двинского уезда, представляющие тем больший интерес, что их определенная часть относится к XVI веку. Среди них документы на земельные и денежные сделки крестьян (купчие, дельные, ценные, отступные, закладные, порядные, «посильные» грамоты, платежные отписи), губная каргопольская грамота 1539 г., грамота о порядке уплаты податей 1591 г., жалованная грамота пинежанам, кеврольцам, мезенцам об исчислении подати «особо от двинян и холмогорцев», выпись из волостных оброчных книг 1661 г., челобитные крестьян земским властям. Существенным дополнением к данного рода документам, дающим представление о жизни северных крестьян, составляют документы волостных земских изб Сольвычегодского уезда. Среди них документы о земельных и денежных делах крестьян Лальской, Учетской и др. волостей.

Весьма значительно представлена документальными источниками Устьянская Дмитриевская волость. В материалах земской избы этой волости имеются документы, связанные с организацией мирского самоуправления (1616—1670 гг.), судные дела о спорных землях (1578, 1580, 1690 гг.), заемные кабалы (1610—1671 гг.), духовные (1562—1643 гг.), память сборщику о раскладке податей с крестьян 1650 г. и др. [11].

---

[10] А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в. (из истории подвинского крестьянства), сб. «Академику Б. Д. Грекову — ко дню семидесятилетия». М., 1952. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. «Исследования по отечественному источниковедению» Сб. статей, посвященных 75-летию профессора. С. Н. Волка. М.—Л., 1964. Неземледельческая волость в XVI—XVII в., «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сб. статей памяти И. И. Смирнова. М., 1967.

[11] 7 документов из материалов данной земской избы опубликованы М. Романовым. (М. Романов. История одного северного захолустья. Великий Устюг, 1925).

Широко представлены волостные земские избы Важского уезда. Здесь так же, как и в перечисленных выше волостных земских избах, отложились источники, характеризующие выборы мирских властей, заключаемые крестьянами земельные и денежные сделки, памяти о мирских сборах с крестьян, а для более позднего времени, XVII — начало XVIII веков, сохранились писцовые книги по Верховажской, Шенкурской, Подвинской четвертям за 70—80 годы XVII столетия, переписная книга Важского уезда с указанием «тяглового солдатского жеребья» II половины XVII столетия, писцовая книга рыбных ловель Важского уезда 1705 г.» (см. стр. 520—521).

Среди материалов других местных учреждений большой интерес представляют документальные источники Белозерской воеводской избы, Холмогорской таможенной избы и особенно фонд Архангелогородской губернской канцелярии.

В фонде Белозерской воеводской избы с точки зрения аграрной истории большой интерес представляют отписки, памяти, «доезды», обыски, челобитные, судебные дела о поместном землевладении, указы, отписки и памяти о денежных и хлебных сборах и повинностях с крестьян, росписи недоимок, дела о беглых крестьянах, материалы об организации торговли, о торговле хлебом, роспись торговых крестьян 1684 г.

Подавляющее большинство документов Холмогорской таможенной избы составляет таможенное делопроизводство, которое дает возможность проследить развивающиеся в XVII веке торговые центры, проходящие мимо Холмогор торговые пути, движение товаров, организацию торговли и участие в ней крестьян Поморья [12].

Для изучения аграрной истории Европейского Севера большую ценность представляют собой писцовые и переписные книги I четв. XVIII века в фонде Архангелогородской губернской канцелярии. Здесь хранятся: переписная книга 1710 г. гор. Архангельска и Холмогор «посадских и других разных чинов людей», переписная книга 1710 г. города Ваги «посадом и уезду, посадских и уездных разных чинов людей», переписная книга 1710 г. «Кевролы и уезда, крестьянских и бобыльских дворов и в них людей по именам», переписная книга 1710 г. стольника А. Матюшкина «в Кольском остроге и в уезде дворов и всех чинов», переписная книга этого же года Двинского уезда, «состоящих в волостях, в погостах и деревнях духовного и светского чина людей...» и многие другие подобного рода книги (см.

[12] В. М. Неклюдов. Обзор актов Холмогорской таможенной избы XVII в. Проблемы источниковедения, сборник III, М.-Л., 1940.

стр. 520—521). Кроме них в этом же фонде можно найти приходные книги различных денежных сборов, а также доимочные и окладные книги, в том числе окладную книгу пашенных земель и сенных покосов по г. Архангельску и Двинскому уезду 1772 г.[13]. Хранящиеся в данном фонде книги дают возможность извлечь из них большие количественные характеристики главным образом по социально-демографической истории населения Севера, а также и другим вопросам социально-экономической жизни.

Как мы уже отмечали выше, большая часть материалов архива ЛОИИ поступила в него в составе коллекций. Результатом чего явилось то обстоятельство, что документальные источники по тем или иным духовным и местным учреждениям, а также по поместно-вотчинным фондам, поступившими в составе коллекций, не выделялись из них, а образовывали их составные части. Поэтому большинство монастырей и местных учреждений, представленных в таблицах № 1 и № 2, не составляют самостоятельных фондов, а входят в состав какой-либо коллекции. К числу коллекций, в которых материалы по аграрной истории русского Севера занимают значительное место, относятся: коллекция рукописных книг (№ 115), коллекция Н. П. Лихачева (№ 238), коллекция актовых книг (№ 2), коллекция важских актов (№ 27), коллекция П. М. Строева (№ 12), коллекция двинских актов (№ 47), коллекция рукописей Археографической комиссии (№ 11) и др.

Третью, наименьшую группу материалов архива ЛОИИ по аграрной истории русского Севера, составляют источники, относящиеся к поместно-вотчинным фондам. В этой группе материалов представлены помещики Дивовы, Едемские, Загряжские, Зворыкины, Кашинцевы, Моложениновы, купцы-промышленники Строгановы и др. Все эти перечисленные землевладельцы в основном не местные помещики (за исключением разве Моложениновых, вологодских помещиков), а земельные собственники, имевшие свои владения в Вологодском, Белозерском и Важском уездах. Следует сразу же сделать оговорку, что несмотря на научную значимость отдельных источников этой группы материалов (выписи из писцовых книг, платежные отписи, земельные акты, челобитные по различным вопросам и др.), в основном относящихся к XVII веку, перечисленные и не упомянутые здесь помещики представлены очень незначительным количеством источников, которые не дают возможнос-

[13] О делах, отложившихся в фонде Архангелогородской губернской канцелярии, имеется печатная опись. См. А. Ф. Шидловский. Указатель литературы о деятельности Петра Великого на Севере и опись старых дел губернских присутственных мест в Архангельске с 1710—1725 гг. Архангельск, 1910.

ти представить сколько-нибудь полно хозяйство того или иного помещика и могут служить лишь определенным дополнением к материалам, хранящимся в других архивах.

Кроме перечисленных, отдельные документы по аграрной истории Европейского Севера СССР можно встретить в некоторых личных фондах и коллекциях, порою сравнительно небольших, но представляющих большой научный интерес. Например, в архиве ЛОИИ под номером 26 значится фонд архимандрита Антониева Сийского монастыря Вениамина (в миру В. Г. Смирнов), насчитывающий 21 единицу хранения.

Вениамин, согласно указу Синода от 1824 г., стоял во главе духовной миссии, направленной в уезды Архангельской губернии на предмет обращения ненцев в православную веру. По всей вероятности, архимандрит Вениамин был увлечен возложенной на него миссией. Как видно из материалов, представленных в одноименном фонде, он намеревался создать «историческое известие о самоедах и географическое и топографическое описание всех самоедских кочевий Архангельской губернии». В фонде сохранились его статьи и черновые заметки о быте, нравах, языке, внешнем облике, характерных особенностях ненцев, о занимаемой ими территории, которые при соответствующей критической обработке могут представлять определенный исторический интерес. Ценность материалов данного фонда состоит также еще и в том, что в нем представлены, правда в копиях XIX в., выписи из писцовых книг и жалованные грамоты XVI—XVII в., которые дают возможность проследить за территориальным расселением ненцев в указанный период, ознакомиться с их занятием, промыслами, почерпнуть данные о выплачиваемой ненцами «государевой дани».

Представляет определенный научный интерес переписка Вениамина с академиком А. М. Шегреном и этнографом А. И. Шренком по поводу его сочинений о языке.

Немногочисленные, но весьма интересные документы можно найти и в материалах, относящихся к крестьянам села Турчасово Архангельской губернии—Типисевым (кол. 226) и в материалах подъячих Шенкурской съезжей избы — Турутиных (кол. 27), вятских купцов — Чарушиных (кол. 30), устюжских мещан — Коробицыных (кол. 238) и др.

Отдельные рукописи, представляющие большой интерес для аграрной истории Севера, можно встретить в фонде Воронцовых. Здесь имеется сочинение В. В. Крестинина «Исторические известия об Архангельске и самоедском народе XVIII в.» (№ 440), а также «Историческое, топографиче-

ское и камеральное описание гор. Архангельска, Холмогор, Шенкурска, Пинеги, Мезени, Онеги» (№ 497), «Историческое и топографическое описание Олонецкого наместничества и уезда» (№ 518) и др.

В коллекции рукописи Археографической комиссии (№ 11) хранятся «Материалы к истории статистики Российского Севера», собранные П. М. Строевым (№ 32): 1) Статистические сведения об Архангельской губернии в 1786 г., 2) Краткое историко-топографическое описание гор. Архангельска и порта, 3) Краткая история гор. Омеги, 4) Исторические сведения о гор. Яренске и др., 5) Грамоты и другие акты Важской области XIV—XVII вв., 6) Краткое описание Вологодской губернии, сочиненное в 1827 г. Н. П. Брусиловым, и др.

В коллекции Библиотеки Академии наук (№ 226) имеется рукопись сочинения М. М. Мясникова «Историческое описание страны, издревле известной под именем Ваги» (оп. 1, № 85).

Отложившийся в архиве ЛОИИ материал, относящийся к территории нынешних Архангельской, Вологодской, Кировской, Мурманской, Карельской и Коми АССР, дает нам возможность выделить для изучения несколько историко-географических районов: Архангельск и Холмогоры, Белоозеро, Вага, Шенкурск, Каргополь и Чаронда, Вологда, Вятка, Карелия. Хронологически более обеспечен материалами период с XVI по I половину XVIII века, менее II половина XVIII и XIX вв.

Богатство представленного в архиве ЛОИИ источниковедческого материала дает возможность осветить важнейшие аспекты социально-экономической истории русского Севера: землевладение и землепользование, зерновое хозяйство и огородничество, промыслы, ремесло и торговлю, формы феодальной зависимости и категории сельского населения, сельскохозяйственное освоение земель и орудия труда, формы найма и зарождение капиталистических отношений, специфика социально-экономического развития русского Севера и его роль в становлении и развитии Русского государства и множество других.

Первостепенное место в ряду источников, хранящихся в архиве ЛОИИ занимают писцовые и переписные книги, которые содержат крайне богатые и разнообразные сведения по истории землевладения, сельского хозяйства и населения.

Учитывая ценность этого источника для изучения аграрной истории русского Севера, мы попытались выявить все имеющиеся в архиве ЛОИИ писцовые и переписные книги для данного региона (исключая монастырские). Ни-

же приводится их список с указанием фонда или коллекции, в которой хранится та или иная книга, и порядкового номера (указан в скобках).

Коллекция рукописей Археографической комиссии (№ 11)

1. Белозерская писцовая книга 1675—1676 гг., на 187 лл., (№ 99).
2. Сотная Устюжны Железнопольской XVII в., на 215 лл., (№ 116).
3. Переписная книга гор. Белозерска 1706 г., на 187 лл., (№ 97).

Коллекция актовых книг Археографической комиссии (№ 2)

1. Выпись из писцовых книг 1500 г. гор. Корелы и Корельского уезда, на 203 лл., (№ 10).
2. Писцовые книги Чарондского посада и Чарондской округи 1615 г., на 349 лл., (№ 81).
3. Писцовые книги Чарондского посада и Чарондской округи 1616—1620 гг. Список, на 395 лл. (№ 45).
4. Чарондские писцовые книги 1624 г. Список, на 382 л., (№ 69).
5. Писцовые книги Чарондского посада и Чарондской округи 1624—1625 гг. Список, на 534 лл., (№ 44).
6. Отказные и передельные книги Белозерского уезда 1637—1638 гг., на 197 лл., (№ 32). Частично опубликованы: АЮ, том II, № 138.
7. Переписная книга Чарондского посада и Чарондской округи 1646 г., на 652 лл., (№ 21).
8. Отказные, отдельные, передельные, мерные и переписные книги Белозерского уезда 1637—1641, 1676 гг., на 256 лл., (№ 33). Частично опубликованы: АЮ, том II, №№ 135, 136, 137.

Коллекция рукописных книг (№ 115)

1. Платежная переписная книга Поморской Пустозерской волости 1574 г., на 43 лл., (№ 1174).
2. Переписная книга по Сольвычегодску не ранее 1622—1623 гг., на 8 лл., начало и конец утрачены, (№ 654).
3. Сотная с устюжских писцовых книг 1623—1626 гг., на 65 лл., (№ 645).
4. Писцовая книга Верховажской четверти 1677 г. Список, на 78 лл., (№ 423).
5. Писцовая книга Подвинской четверти Важского уезда 1677 г., Список, на 438 лл., (№ 308).
6. Писцовая книга Верховажской четверти 1677 г. Список, на 394 лл., (№ 310).
7. Писцовая книга Верховажского посада 1678 г., на 37 лл., (№ 620).
8. Писцовые книги Подвинской четверти Важского уезда 1678—1680 гг. Список, на 210 лл., (№ 306).
9. Писцовая книга Подвинской четверти Важского уезда 1680 г. Список, на 246 лл., (№ 307).
10. Писцовая книга Шенкурской четверти Важского уезда не ранее 1681 г. Список, на 213 лл., (№ 311).
11. Писцовая, приправочная книга Шенкурской четверти Важского уезда 1681. Список, на 183 лл., (№ 312).
12. Писцовая книга Вельского погоста 1682 г., на 13 лл., (№ 620).
13. Перечневая роспись с писцовых книг Устюжского уезда 1682—1683 гг., на 18 лл., (№ 637).

14. Писцовая книга оброчным рыбным ловлям 1705 г. Список, на 193 лл., (№ 313).

15. Переписная книга Слободского стана Верховажской четверти 1708 г., на 55 лл., (№ 422).

16. Переписная книга гор. Каргополя не ранее 1712 г., на 73 лл., (№ 305).

17. Переписная «тягловая, солдатская» книга Важского уезда II половины XVII в. Список, на 489 лл., (№ 309).

Архангелогородская губернская канцелярия, 1710 год, фонд 10, опись 3

1. Переписная книга гор. Архангельска и Холмогор, на 1152 лл., (№ 1).

2. Переписная книга гор. Ваги с уездом, на 901 лл., (№ 2).

3. Переписная книга гор. Кевролы и Мезени, на 154 лл., (№ 7).

4. Переписная книга Кольского острога с уездом, на 172 лл., (№ 20).

5. Переписная книга Кольского острога с уездом, на 74 лл., (№ 21).

6. Переписная книга гор. Кевролы с уездом, на 68 лл., (№ 25).

7. Переписная книга города Архангельска, на 1018 лл., (№ 26).

8. Переписная книга Двинского уезда, на 898 лл., (№ 27).

9. Переписная книга гор. Ваги, на 1237 лл., (№ 113).

10. Переписная книга гор. Кевролы с уездом, на 329 лл., (№ 117).

11. Переписная книга гор. Кевролы и Мезени, на 162 лл., (№ 121).

12. Выписка из перечневых книг Кольского острога, на 24 лл., (№ 122).

1711 год.

13. Переписная книга гор. Архангельска, на 312 лл., (№ 304).

14. Переписная книга Пустозерского уезда. Список, на 48 лл., (№ 365).

1712 год.

15. Переписная книга Кольского острога, на 44 лл., (№ 529).

1714 год.

16. Переписная книга гор. Ваги, на 100 лл., начало и конец утрачены, (№ 88, оп. 4).

17. Переписная книга Подвинской четверти Важского уезда, на 984 лл., (№ 744).

1725 год.

18. Переписная книга Архангелогородской провинции, на 700 лл., (№ 775).

19. Книга той же провинции, на 726 лл., (№ 776).

20. Книга той же провинции, на 747 лл., (№ 777).

1772 год.

21. Окладная книга пашенных земель и сенных покосов по гор. Архангельску с Двинским уездом, на 263 лл., (№ 759).

Документальные источники архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР имеют большую литературную и публикаторскую традицию. На материалах архива ЛОИИ написано большое количество монографий, статей, диссертаций [1].

Но все богатства архива ЛОИИ до конца еще не раскрыты и ждут своих исследователей и первооткрывателей, тем более, что дальнейшее изучение аграрной истории русского Севера требует расширения источниковедческой базы и совершенствования методов исследования.

---

[1] Козинцева Р. И., Рутенбург В. И. В архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Вопросы истории, 1962, № 2, стр. 160–166.

Е. А. Соболева

РЕДКИЕ КНИГИ В ФОНДАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. И. В. БАБУШКИНА

(Русская книга — XIV в. — начало XIX в.)

Вологодская областная библиотека им. И. В. Бабушкина при своем основании в 1919 году получила несколько ценных, сложившихся на протяжении многих десятилетий, книжных собраний.

Это были девять библиотек помещичьих усадеб, библиотека Вологодской духовной семинарии, жандармского управления, часть фундаментальной библиотеки мужской гимназии. На основе старых книг из этих собраний и сложился фонд редких книг, которым располагает областная библиотека в настоящее время. Пополнение этого фонда было случайным и незначительным. Часть книг выбывала в связи с передачей их в центральные библиотеки и в областной краеведческий музей.

В настоящее время фонд старинной редкой книги насчитывает до 2,5 тысяч единиц хранения и включает издания XVI, XVII, XVIII и начала XIX вв. Самая «древняя» книга в этой коллекции — двухтомный «Октоих», напечатанный в 1594 году Андроником Тимофеевым Невежею — учеником первопечатника Ивана Федорова. Книга выполнена в традициях первых лет русского книгопечатания. В традиционном послесловии мастер обращается к читателям и просит их о снисхождении к его труду: «Любезно молим вас, милостивы нам будите и незазоривы ума нашего немощи и недоумению». На книге имеется вкладная запись 1596 года, в которой «аз многогрешной вологжанин» сообщает о том, что он «положил сию святую книгу Охтай печатной» на поминовение родителей.

Следующие по времени две книги: «Минея, служебная», октябрь месяц, напечатанная в 1609 году Иваном Андрониковым Невежею, и «Минея общая», напечатанная мастером Аникитою Федоровым Фофановым Псковитином также в 1609 году. В начале книги сообщается, что «Минея общая» является первой книгой, напечатанной в новой типографии,

основанной по повелению царя Ивана Васильевича: «повеле... в царствующем граде Москве, иже есть матере градовом Российския земли, сделати новую сию штанбу, еже есть печатных книг дело; и дом новый устроить превеликий повеле, ... и первые повеле — заложить в дело в сию новую штанбу и произвести новым сим печатным тиснением сию... книгу общую Минею».

Хранится в библиотеке, изданная в Москве в 1653 году «Кормчая книга» (Номоканон) — свод церковного права.

Заслуживают упоминания еще две книги: Сборник переводов Епифания Славенецкого, содержащий «творения отцов церкви» 1665 года. Это одна из первых московских книг, снабженная титульным листом. Интересна по своему оформлению «Триодь цветная», напечатанная в 1685 году в Чернигове.

Черниговская «Триодь» очень отличается по оформлению от строгого оформления московских изданий: имеется яркий и перегруженный выходными сведениями титульный лист; на обороте титула — герб издателя Лазаря Барановича со стихами под ним, в тексте много небольших гравюр на дереве, а в целом — все броско и ярко и очень далеко от спокойной и торжественной московской книги. Как известно, до конца XVII века книгопечатание на Руси было подчинено нуждам церкви и сосредоточивалось на первых порах на церковных книгах. Лишь во второй половине века начинается медленный процесс «обмирщения» печати. Печатное наследие этого времени ценно для нас не содержанием. Книги XVI—XVII веков дают возможность проследить историю книгопечатания, изучать развитие культуры, они интересны в художественном отношении, дают богатый материал для изучения истории языка. Помимо указанных выше наиболее интересных изданий XVII века, в библиотеке хранятся и другие книги этого периода: Скрижаль, служебники, ирмологий и т. д.

Выпадает по своему содержанию из этой коллекции еще одна книга XVII века: «Синопсис или краткое собрание от различных летописцев о начале славено-российского народа...». Киев, тип. Печерской лавры, 1680. Это история расселения древних славян, история Киева и Киевской Руси.

Авторство «Синопсиса» приписывается Иннокентию Гизелю. «Синопсис» в дальнейшем много раз издавался гражданским шрифтом, был первым учебником по русской истории и оставался единственным до выхода «Краткого летописца» Ломоносова в 1760 году. В библиотеке имеется также одно из поздних изданий «Синопсиса» — 7-е тиснение, 1785 года.

Богатый материал для изучения русской культуры может дать коллекция русских книг гражданской печати. Интересны издания эпохи преобразований Петра I. Среди них — инструкции по военному и морскому делу: «Инструкции и артикулы военные надлежащие к Российскому флоту» (М., 1710); «Книга устав морской. О всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море» (СПб, 1720); Первое русское сочинение на международную тему с обоснованием позиции автора историческими документами — «Рассуждение о причинах войны со Швецией», написанное П. Шафировым (имеется в библиотеке в двух изданиях — СПб., 1717 и 1722 гг.).

Книга по теории фортификации известного в то время голландского инженера М. Кугорна «Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте», в переводе М. Шафирова (М., 1710); книги по космогонии, географии, истории: Гюйгенс Хр. «Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях» (М., 1724). Книга была издана по личному распоряжению Петра I. В ней впервые в России излагалось в популярной форме учение Коперника в виде определенной системы; Гюбнер И. «Земноводного круга краткое описание» (М., 1719). Это был прославленный учебник конца XVII и начала XVIII вв., при жизни автора выдержал 36 изданий. Русский перевод появился на 10 лет раньше французского. В книге 5 гравюр с аллегорическими изображениями Атланта и четырех частей света. Варений Б. География генеральная... (М., 1718)— физическая география с широким использованием математических и астрономических сведений.

Из числа исторических книг, изданных в этот период, в библиотеке имеется «Введение в гисторию Европейскую» С. Пуффендорфа (СПб., 1718) и «Книга историография початия имене славы и расширения народа славенскаго» Мауро Орбини (СПб., 1722).

Любопытны книги, которые, по мысли Петра I, должны были способствовать введению новых бытовых форм в жизнь общества того времени, и были напечатаны по его распоряжению. Это книги «Приклады, како пишутся комплементы разные» (в библиотеке хранится первое издание— М., 1708 года) и «Юности честное зерцало» (издание, хранящееся в библиотеке — СПб., 1767 года) «Приклады», — первый русский печатный письмовник, рекомендовал новые образцы эпистолярного стиля, взамен «уничижительных» подписей — вежливые и сохраняющие достоинства автора концовки писем. «Юности честное зерцало» — этот своеобразный кодекс дворянского житейского обхождения подчеркивал, что молодые люди должны вести себя так, «по-

добно якобы им с каким иностранным лицом говорить случилось» и «не быть подобным деревенскому мужику». Книга наставляла «младого отрока» в правилах поведения за столом, — в обращении со старшими и т. п.

Интересен большой конволют, включающий 12 различных изданий первой четверти 18-го века: «Слова» по поводу торжественных событий, «Синаксар о преславной победе под Полтавой» (Чернигов, 1710), «Ключ дому Давыдову или Слово на взятие города Шлиссельбурга...» (М., 1722), «Преславное торжество освободителя Ливонии, государя Петра I» (М., 1704) и др.

Указы Петра I представлены в библиотеке несколькими сборниками, изданными Имп. Академией наук в 1739 и 1777 годах.

К последующему периоду относится деятельность гениального русского ученого и поэта М. В. Ломоносова. Его труды представлены в библиотеке прижизненными изданиями: «Российская грамматика Михаила Ломоносова» (СПб., 1755), «Краткой российской летописец с родословием» (СПб., 1760), «Древняя Российская история от начала российскаго народа...» (СПб., 1766), «Первыя основания металлургии или рудных дел» (СПб., 1763).

Кроме того, имеется второе прижизненное издание собрания сочинений Ломоносова (1754—1759) гг.).

Обращают на себя внимание высоким качеством полиграфического выполнения первые издания Академии наук, открывшейся в 1725 году и организовавшей издательство и типографию в 1728 году: это «Commentarii Academiae Scientiarum» — первое научное издание Академии наук, сборники научных трудов и исследований академиков (в библиотеке хранится несколько томов).

Большой интерес для читателей представляют труды академиков 18 века, посвященные изучению и описанию нашей родины. Библиотека может предложить читателям: «Описание Сибирскаго царства» Г. Ф. Миллера — (СПб., 1750), «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1755), «Топография Оренбургская...» П. И. Рычкова (СПб., 1762), «Журнал или Дневные записки...» Н. П. Рычкова (СПб., 1770), «Дневные записки» И. И. Лепехина (СПб., 1771—1805).

В 1745 году Академия издала «Атлас Российской империи» (СПб.,), который считается вершиной русской картографии 18 века. В библиотеке имеется 3-е издание этого атласа, напечатанное с тех же досок, что и первое издание.

Из числа капитальных исторических работ, хранящихся в библиотеке, следует отметить «Историю российскую»

В. Н. Татищева (М., 1768—1848) и «Историю российскую» М. М. Щербатова (СПб., 1770).

Имеется небольшая коллекция медицинских книг 18-го века. На этих книгах читатель встречает имена первых русских врачей 18-го столетия: С. Г. Забелина, Н. М. Максимовича-Амбодика, А. Бахерахта, Хр. Пекена, А. Ф. Шафонского.

Экземпляр книги А. Ф. Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год» (М., 1775), имеет на переплете вытисненную надпись «За труды лекарю Иосифу Кирдану», а из надписи на титульном листе следует, что Иосиф Кирдан был участником борьбы с эпидемией в Москве. Его имя встречается на страницах книги Шафонского. Из биографии М. Я. Мудрова, выдающегося деятеля медицины начала XIX века, уроженца города Вологды, известно, что в годы юности он был домашним учителем детей вологодского штаб-лекаря О. И. Кирдана, который оказал ему значительную помощь, когда Мудров отправился в Москву, чтобы поступить в университет. Вот такие связи позволяет иногда установить книга и ее история.

Ста двадцатью книгами представлены в библиотеке издания просветителя 18-го века Н. И. Новикова. Среди них: Мабли «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастья греков (СПб., 1773 г.), в переводе А. Н. Радищева и с его примечаниями; «Елиана различные повести», ч. I (СПб., 1773), «О народах издревле в России обитавших» Миллера (СПб., 1773), «История о невинном заточении ближняго боярина Артемона Сергиевича Морозова» (СПб., 1776) и др.

Хранится в библиотеке комплект «Древней Российской Вивлиофики или Собрания разных древних сочинений...» (СПб., 1773), а также несколько томов второго издания этого труда.

Изданием «Древней Российской Вивлиофики» Новиков положил начало научной систематизации исторических материалов. В «Вивлиофике» впервые были опубликованы многие неизвестные до того времени исторические документы.

Большой интерес для вологжан представляет изданная Новиковым в 1782 году книга А. А. Засецкого «Историческия и топографическия известия по древности о России; и частно о городе Вологде и его уезде...» (М.,), являющаяся первой попыткой изложить историю г. Вологды и дать его краткое описание.

Как ценнейший памятник хранит библиотека прижизненные издания произведений А. С. Пушкина: «Стихотво-

рения Александра Пушкина» (СПб., 1829), «Борис Годунов» (СПб., 1831), «История Пугачевского Бунта (СПб., 1834), сочинения поэта-вологжанина К. Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» (СПб., 1817), «Сочинения К. Н. Батюшкова» (СПб., 1834—1850), альманахи декабристов «Полярная звезда» (СПб., 1824—1825), издававшиеся Бестужевым и Рылеевым.

Не меньший интерес и уважение читателей вызывают издания так называемой вольной русской печати за границей. В фонде библиотеки имеется несколько выпусков «Полярной звезды», издававшейся в Лондоне А. И. Герценом и Н. Огаревым (1858, 1859, 1861).

Беглый обзор может дать лишь слабое представление о книжных сокровищах библиотеки. Названа лишь небольшая их часть. Полное представление о фонде старинных редких книг читатель сможет получить по выходе в свет печатного каталога, который готовится к выпуску.

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ В ВОЛОГДЕ

(Библиография)

Письма В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Вологду

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [В Вологду. Первая половина апреля 1913 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 337.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [В Вологду]. — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 331—332. До востребования. Вологда. 24 или 25 дек. 1912 г.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [Казанская площадь, дом Муромцева, квартира Гороховой. Вологда, 28 дек. 1912 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 332—333.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [Екатерининско-Дворянская, 40. Вологда, 12 или 13 мая 1913 г.]. — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 339—340.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [Екатерининско-Дворянская ул., 40. Вологда. 18 июня 1913 г.]. — Полн. собр. соч., изд. 5-е т. 55, с. 342.

Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [Екатерининско-Дворянская ул., д. 40. Вологда, 24 июня 1913 г.].—Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 342—343.

Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [Екатерининско-Дворянская, д. 40. Вологда. 28 или 29 июня 1913 г.]. — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 343.

Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [В Вологду. 26 июля 1913 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 343—344.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [Московская улица, дом Самарина, кв. 3. Вологда. 12 или 13 ноября 1913 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 344—345.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [Московская улица, дом Самарина, кв. 3. Вологда. 21 декабря 1913 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 345—346.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [Московская улица, дом Самарина, кв. 3. Вологда, 16 февраля 1914 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 350.

Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [В Вологду. 21 февраля 1914 г.]— Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 351.

Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [В Вологду. 10 апреля 1914 г.]— Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 353.

Ленин В. И. М. И. Ульяновой. [Московская улица, дом Самарина, кв. 3. Вологда, 22 апреля 1914 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 354—355.

Крупская Н. К. и Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [В Вологду. 16 марта 1914 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 351—353.

Крупская Н. К. и Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [В Вологду. 7 января 1914 г.] — Полн. собр. соч, изд. 5-е, т. 55, с. 348—349.

Крупская Н. К. и Ленин В. И. М. А. Ульяновой. [В Вологду. 26 декабря 1913 г.] — Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 346—347.

Крупская Н. К. М. И. Ульяновой. [В Вологду. 10 апреля 1913 г.].— Ленин В. И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 446.

Крупская Н. К. М. А. Ульяновой. [Вологда, Московская ул., дом Самарина, кв. 3. 15 апреля 1914 г.]. — Ленин В. И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 449.

Крупская Н. К. М. А. Ульяновой. [Вологда, Московская ул., дом Самарина, кв. 3. 8 июня 1914 г.] — Ленин В. И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 55, с. 449—450.

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. Изд-во политической литературы. М., 1969.

Малков В. Переписка семьи Ульяновых. — «Красный Север», 1970, 21 января, 7 марта.

Шаньгин А. Письма из эмиграции. — «Красный Север», 1959, 26 февраля. О письмах В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Вологду М. А. и М. И. Ульяновым.

Рычкова Н. Письмо Ленину из Вологды [от А. И. Ульяновой]. — «Вол. комсомолец», 1959, 21 апреля.

М. И. Ульянова в вологодской ссылке

Елизаров П. П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. [Лит. обработка И. Д. Мошнина]. М., Политиздат, 1967. 135 с.; 6 л. илл. О вологодской ссылке М. И. Ульяновой — с. 100—105.

Ершов Д. А. Мария Ильинична Ульянова. Саратов. Приволжск. кн. изд-во, 1965. 182 с. с илл. Вологодская ссылка — с. 57—64.

Лазебников А. Е. Их знал Ильич. [М., «Сов. Россия», 1967]. 183 с.; 18 л. илл. гл.: Дом, ставший историей. [В Раскопино] — с. 3—18.

Лебедев Н. В. Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть. (1917—1920 гг.) Вологда, обл. кн. ред., 1957. 232 с. М. И. Ульянова — с. 25, 32—34 с илл.

Лозгачев-Елизаров Г. Я. Незабываемое. Изд. 5-е. Саратов. Приволжск. кн. изд-во, 1966. 260 с. с илл. О вологодской ссылке М. И. Ульяновой — с. 61—76.

Осьминский Т. И., Озеринин Н. В. и Брусенский И. И. Очерки по истории края. (Вологодская область). Вологда, кн. изд-во, 1960. М. И. Ульянова — с. 240, 243.

Стубарев А. М. И. Ульянова в Вологде. — В кн.: Экскурсии по родному краю. Вологда, 1963, с. 166—173. М. И. Ульянова в вологодской ссылке. — В кн.: Летопись города Вологды (1147—1962). Вологда, 1963, с. 63—66. Мария Ильинична **Ульянова** — секретарь «Правды». М., «Правда», 1965. 339 с. с илл. Гл.: Быстрова Л. В Петрограде. (Встречи с М. И. Ульяновой в Вологде). с. 122—125.

Дьяконицын Л. Семья Ульяновых в Вологде (1913—1914 гг.) (К биографии М. И. Ульяновой) — «Нева», 1964, № 1, с. 213—214 с линогравюрой В. Корбакова.

Деларов Л. Как я познакомился с семьей Ульяновых. — «Север», 1924, № 1 (5), с. XIV—XVI.

Кузьмин Я. Семья Ульяновых в Вологде. — «Север», 1924, № 1 (5), с. XII—XIV.

Из дел вологодской охранки о семье Ленина. — «Северная звезда», 1924, № 1—2, с. 58—63.

Любимов И. В. В вологодской ссылке. (Воспоминания). — «Правда», 1937, 14 июня. В статье есть и о М. И. Ульяновой.

Лазебников А. Дом, ставший историей. — «Сов. Россия», 1965, 18 апреля. О пребывании семьи Ульяновых в Вологде и Раскопино.

Стубарев А. Мария Ильинична Ульянова. (К 90-летию со дня рождения) — «Красный Север», 1968, 18 февраля с фото. Деятельность в вологодской ссылке.

Красикова Г. История одной фотографии. — «Красный Север», 1968, 13 сентября с фото М. И. Ульяновой и А. П. Винокуровой.

Железняк В. Народная тропа. (Раскопино сегодня). — «Красный Север», 1967, 29 августа с рис.

Стубарев А. В раскопинском домике Ульяновых. — «Красный Север», 1966, 27 августа. Автор опровергает версию о пребывании В. И. Ленина в Вологде.

Стубарев А. М. И. Ульянова и вологодское подполье. — «Красный Север», 1963, 19 февраля.

Николаев Н. Там, где жила семья Ильича. [Вологда и Раскопино]. — «Красный Север», 1961, 30 ноября.

Стубарев А. Воспоминания вологжан о семье Ульяновых. — «Красный Север», 1960, 12 мая.

Стубарев А. Квартиры Ульяновых в Вологде. — «Красный Север», 1960, 21 февраля. На Торговой площади и на Екатерининской улице.

Стасев Д. Борцам за народное счастье. — «Красный Север», 1959, 28 июля. Об открытии мемориальной доски в Раскопино, на доме, в котором жила М. И. Ульянова.

Стубарев А. М. И. Ульянова в вологодской ссылке. — «Красный Север», 1957, 4 августа.

Федотов К. М. И. Ульянова в вологодской ссылке. (По материалам Госархива). — «Красный Север», 1941, 15 июня.

Федышин И. Ульяновы в Вологде. — «Красный Север», 1935, 24 октября.

Илинчик И. Семья Ленина в вологодской ссылке. — «Красный Север», 1931, 22 января с 2-мя фото.

Ценная архивная находка. — «Красный Север», 1926, 2 сентября. Дело М. И. Ульяновой, находящейся в 1912—1914 гг. в вологодской ссылке.

Дом-музей Ульяновых в Вологде

Федотов В. Дом, где жили Ульяновы. — «Правда», 1967, 7 апреля. О создании дома-музея по ул. Советский проспект 16-а.

Водовозов М. Говорит М. И. Ульянова. — «Красный Север», 1968, 1 авг. Магнитная лента с записью речи М. И. Ульяновой в филиале Вологодского краеведческого музея.

Стубарев А. Дом-музей Ульяновых. — «Красный Север», 1968, 3 января с фото. К открытию музея в доме № 16 по Советскому пр. в Вологде.

Уразов О. Растет людской поток. — «Красный Север», 1968, 26 декабря с илл. О доме-музее Ульяновых в Вологде.

Красикова Г. Интересный экспонат. — «Красный Север», 1968, 16 августа. Кубок семьи Ульяновых в филиале Вологодского краеведческого музея.

Степановский В. Не зарастет народная тропа. — «Красный Север», 1968, 21 апреля с илл. О доме-музее семьи Ульяновых в Вологде.

Водовозов М. Советский проспект, 16-а. — «Красный Север», 1967, 6 апреля. К открытию дома-музея Ульяновых в Вологде.

Стубарев А. Новые документы о замечательной семье. (Об открытии в Вологде филиала краеведческого музея в квартире, где жила семья Ульяновых). — «Красный Север», 1962, 8 апреля.

Малков В. Дом, ставший историей. — «Вол. комсомолец», 1970, 30 января об экспозиции дома-музея Ульяновых.

В. В. ПЕЧЕНСКАЯ.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Библиография)

Овсянкин Е. И. В годы суровых испытаний. (Архангельск), Сев.-Зап. кн. изд., 1965. 112 с. с илл. Библиография: с. 109—111.

Автор рассказывает о работе Архангельской партийной организации во время Великой Отечественной войны.

Овсянкин Е. И. В годы суровых испытаний. В кн.: Этапы большого пути. (Сборник материалов по истории Арханг. областной комсомольской организации. (Архангельск), 1958, стр. 61—76.

Комсомольские организации в годы Великой Отечественной войны.

СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. (Краткая хроника). М., Воениздат, 1964. Архангельск — стр. 43, 55, 64, 208. Архангельская область — стр. 10, 37, 111, 234, 292, 298, 300, 319, 365, 437.

Архангельцы в боях за Родину

(Общие работы)

Золотые звезды северян. Сев.-Зап. кн. изд., 1967. 262 с. с илл. Библиография: с. 253—269.

Биографические очерки о славных сынах Архангельской области — Героях Советского Союза.

Копылов А. Подвиг земляков. Архангельск, 1953. 91 с. с илл.

В книге рассказывается о героических подвигах наших земляков в боях с врагами.

Николаев А. Солдатская слава. Сев.-Зап. кн. изд., 1968. 70 стр.

Книга рассказывает за какие подвиги в Великой Отечественной войне награждены орденами и медалями Советского Союза отважные воины — уроженцы Архангельской области.

Сухопутные войска

Богданов Евг. Фронтовые будни. — В ж. «Юность», 1965, № 3, стр. 97—99.

Воспоминания архангельского писателя — бывшего связиста, старшего сержанта.

Буров А. Извещение недействительно. В кн.: Буров А. Твои герои, Ленинград. Лениздат, 1966, стр. 118—120.

О Герое Советского Союза И. Д. Вежливцеве.

Копылов А. Герой Советского Союза Иван Вежливцев. Арх. изд., 1946. 37 стр.

Арутинов Е., Жуков М. Встреча. В кн.: Пламенные сердца. Одесское обл. изд., 1958, стр. 179—186.

О Герое Советского Союза М. Е. Воронцове.

Арутинов Е., Жуков М. В засаде. В кн.: Арутинов Е., Жуков М., Пламенные сердца. Одесское обл. изд., 1958, стр. 165—178.

О Герое Советского Союза Я. П. Крапивине.

Овсянкин Е. И. Николай Васильевич Мамонов. Калининград, Кн., изд., 1966. 20 стр. с илл.

Мамонов Н. В. Герой Советского Союза. В кн.: Балязин В. Н. Памятники славы. Калининград, Кн. изд., 1959, с. 47—48. Фото памятника.

Николаев А., Овсянкин Е. Ни шагу назад. Чебоксары. Чувашское кн. изд., 1966, 40 стр.

О Герое Советского Союза Родионове М. Е. — молодом маймаксанском рабочем, о его подвиге.

Копылов А. Высота славы. — В кн.: Подвиг земляков. Арх. кн. изд., 1953, с. 14—27.

О незабываемом подвиге А. Г. Торцева, Героя Советского Союза на высоте Важная (Мурманск).

Копылов А. Подвиг на Днепре. В кн.: Подвиг земляков. Арх. кн. изд., 1953, с. 66—76.

О Герое Советского Союза В. А. Федоркове.

Военно-воздушные силы

Захаров Ф., Сергеев Л. В северном небе. Сев.-Зап. кн. изд., 1968. 150 стр.

О подвигах летчиков-архангелогородцев 5-го отдельного авиаполка рассказывается в этой книге.

Военно-морской флот

Вайнер Б. А. Северный флот в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1964. 399 с. с илл.

Со страниц книги зримо встают образы отважных сынов Родины — моряков, пехотинцев, летчиков, подводников. Среди них немало наших земляков. Трое из них — А. О. Шабалин, С. М. Агафонов и А. Г. Торцев удостоены звания Героя Советского Союза.

Северный флот в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1947. 31 стр.

Кучепатов Ю. Н. Архангельский порт в период Великой Отечественной войны. Моряки Севера в Великой Отечественной войне. В кн.: Кучепатов Ю. Н. Архангельский морской порт. Сев.-Зап. кн. изд., 1968, стр. 83—94; стр. 94—106.

Величко М. Дважды Герой Советского Союза А. О. Шабалин. М., Воениздат, 1948. 23 стр.

Величко М. Катер-невидимка. В кн.: Книга о героях. Очерки. М., Воениздат, 1958, с. 466—473.

Гайдар Т. Морской снайпер. — В кн.: Люди бессмертного подвига. (Очерки о дважды героях Советского Союза). М., 1962. Кн. 2-ая, стр. 461—467.

А. О. Шабалине, дважды Герое Советского Союза.

Коничев К. Мастер торпедного удара. Арх. изд., 1947. 57 стр. О дважды Герое Советского Союза А. О. Шабалине.

Камалов Х. Х. Штурм хребта Муста-Тунтури и порта Линахамари. В кн.: Камалов Х. Х. Морская пехота в боях за Родину. (1941—1945 гг.). М., Воениздат, 1968, стр. 186—194.

О дважды Герое Советского Союза А. О. Шабалине и о Герое Советского Союза С. М. Агафонове.

Леонов В. Лицом к лицу. (Воспоминания разведчика в литературной записи С. Глуховского). М., Воениздат, 1957 г., стр. 111—134.

О Герое Советского Союза С. М. Агафонове.

Шахов С. С. Атакуем «Щука». М., Воениздат, 1967. 96 с. с илл. (Рассказывают фронтовики).

О легендарной «Щуке» — 402-й подводной лодке, о комиссаре котлошанине Н. А. Долгополове и о др. моряках экипажа.

Кузнецов Н. Г. Накануне. М., «Воениздат», 1966. 343 стр.

Автор книги — народный комиссар Военно-Морского флота. В своих воспоминаниях он пишет «о последних месяцах перед Великой Отечественной войной и ее начале».

Камалов Х. Х. Боевые действия морской пехоты в Заполярье. — В кн.: Камалов Х. Х. Морская пехота в боях за Родину. (1941—1945 гг.). Воениздат, 1968, стр. 101.

О подвиге секретаря комсомольской организации отряда морской пехоты Александра Торцева, Героя Советского Союза.

Бессонов И. Герой Советского Союза Александр Торцев. Архангельск, 1943. 24 стр.

Партизанское движение

Овсянкин Е. И. Участие тружеников Архангельской области в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. — В кн.: Сборник историко-краеведческих статей. В. 12, стр. 3—22. (Архангельский Гос. педагогический институт им. М. В. Ломоносова).

На основе архивных материалов автор рассказывает о боевой жизни партизанских отрядов «Полярник», «Большевик» и отряда под командованием В. Т. Сысуева, сформированных из патриотов Архангельской области и действовавших в лесах Карелии.

Аржанов А., Ярошев В. Григорий Токуев. М., Изд. «Молодая гвардия», 1950. 136 стр.

Кравченко В. Григорий Токуев. Арх. обл. изд., 1949, 86 стр.

Книги рассказывают о боевой деятельности белорусского партизана-подрывника Героя Советского Союза, уроженца Архангельской области.

Помощь тыла фронту

Овсянкин Е. И. Героические подвиги трудящихся Архангельской области в годы Великой Отечественной войны. Материалы для бесед и докладов. Архангельск, 1965. 35 с.

Эдлинский С. Ф. Северный транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. М., «Морской транспорт», 1968. 251 с. Библиография: 229—235.

М. Н. ШЕРСТНЯКОВА.

ВОЛОГЖАНЕ — УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Библиография)

В краткий список литературы выборочно включены монографии, книги, ученые записки, изданные преимущественно в последние годы, и, в виде исключения, статьи из толстых журналов. Материал местных газет в список не вошел.

Основной принцип расположения литературы — логическая последовательность, внутри рубрик — от общего к частному.

Область в годы Великой Отечественной войны

Область в период Отечественной войны (1941—1945 гг.) — В кн.: **Осьминский Т. И., Озеринин Н. В. и Брусенский И. И.** Очерки по истории края, Вологда, 1960, с. 366—396.

Минеев В. А. и Малков В. М. Вологодская область. Экономико-географическая характеристика. Вологда, 1958. 317 с. с илл.

О народном хозяйстве области в годы Великой Отечественной войны — с. 97—98.

Вологжане в боях за Родину

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. В 6 томах. М., Воениздат, 1960—1965.

Т. 1. 1960. С. В. Ильюшин — с. 92, 453, 454; Н. Г. Кузнецов — с. 97.

Т. 2. 1961. Вологод. обл. — с. 558; Вологда — с. 171, 214, 217, 303, 508, 527, 548; Вытегра. — с. 173; Череповец — с. 217; В. Болонин — с. 527; С. В. Ильюшин — с. 511. 539.

Т. 3. 1961. Вологодская обл. — с. 189; С. В. Ильюшин — с. 166.

Т. 4. 1962. С. В. Ильюшин — с. 584.

Т. 5. 1963. С. В. Ильюшин — с. 386, 412.

Т. 6. 1965. Череповецкий р-н Вологод. обл. — с. 163; М. С. Кедров — с. 135; И. С. Конев — с. 341; Н. И. Кузнецов — с. 157, 160.

Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., Госполитиздат, 1958. 563 с. с илл.

Листовки о героях-вологжанах:

«Игорь Александрович Каберов» — с. 143—149.

«Герои Днепра» [О В. Иванове и Н. Петухове] — с. 219—221.

«Бесстрашный офицер Дмитрий Глухов» — с. 254—256.

«Бессмертный подвиг Анатолия Угловского» — с. 272—274.

Вологжане — генералы и армиралы. Ч. I. Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969. 136 с.

О жизненном пути и ратных подвигах 47 вологжан — генералов и адмиралов.

Вологжане — Герои Советского Союза. Вологда, 1959, 352 с. с илл. Библиогр.: с. 338—347.

Биографические очерки о 115 вологжанах — Героях Советского Союза.

Золотые Звезды северян. Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. 262 с. с илл.

Включены очерки об уроженцах Вологод. обл.: Н. Г. Кузнецове — с. 229—230, 249, 256; Н. В. Мамонове — с. 119—124, 249—250, 256; И. С. Мусинском — с. 129—131, 250, 257; П. М. Норицыне — с. 132—135, 250, 257; А. В. Пелевине — с. 242, 250, 257; А. М. Сергееве — с. 165—169, 251, 258; В. И. Щелкунове — с. 212—217, 252, 260. А. Д. Юдине — с. 218—222, 252, 260.

Вологжане в боях за Родину. Вологда, 1945. 89 с. с илл.

Левичев Б. Вологжане в годы Великой Отечественной войны. — «Блокнот агитатора» (Вологда), 1965, № 8, с. 18—28.

Сухопутные войска

Борзунов С. Ради нескольких строчек. М., «Моск. рабочий», 1969. 342 с.

О В. Н. Иванове — с. 19, 27, 30, 56; Н. Е. Петухове — с. 19, 27, 30, 56; Д. А. Чекулаеве — с. 236.

Ильенков В. Красноармеец Арсений Шадрин. Очерк. — «Октябрь», 1941, № 9—10, с. 134—138.

Платонов В. В. Это было на Буге. М., Воениздат, 1966. 142 с. с илл.

О бойцах 17-го Краснознаменного Брестского пограничного отряда, среди которых был вологжанин, командир пулеметного отделения А. Л. Круглов (с. 134—135).

Лобода В. Ф. Афанасьев Владимир Андреевич. — В кн.: **Лобода** В. Ф. Солдатская слава. Кн. 2. М., Воениздат, 1967, с. 29—30.

О В. Афанасьеве, старшем сержанте, кавалере 3-х орденов Славы.

Лобода В. Ф. Суслов Сергей Александрович.—Там же, с. 306—307.

О сержанте С. Суслове, боевые заслуги которого отмечены орденами Славы трех степеней.

Лобода В. Ф. Илюшичев Н. А. — Там же, с. 130.

О старшине Н. Илюшичеве, кавалере 3-х орденов Славы.

Лобода В. Ф. Дружкин Александр Федорович — Там же, с. 107—108.

О младшем лейтенанте, артиллеристском разведчике А. Дружкине, награжденном орденами Отечественной войны и Славы трех степеней.

Шашло Т. Дороже жизни. (Из воспоминаний танкиста). М., Воениздат, 1960. 253 с.

В тексте книги материалы о танкисте-вологжанине М. Шитове.

Шапа Л. Крепче брони. — В кн.: Бечно живые. М., «Молодая гвардия», 1958, с. 152—158.

О подвиге Героя Советского Союза А. Угловского.

Дружинин Б. В. Двадцать пять фронтовых тетрадей. М., Воениздат., 1964. 187 с.

Об А. Угловском — с. 139—140, о И. М. Чекавинском — с. 65—73.

Коничев К. Мой земляк Юдин. — В кн.: Север. Литературно-художественный альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. Кн. 9. Архангельск, Архангельское изд-во, 1947, с. 35—61.

О Герое Советского Союза А. Д. Юдине.

Глуховский С. Ночью в разведке — В кн.: **Глуховский** С. Золотая Звезда. Очерки о Героях Советского Союза. М., Воениздат, 1954, с. 187—194.

О Герое Советского Союза В. Заседателеве.

Мар Н. Весной сорок пятого. Из рассказов полковника Лукина. — В кн.: **Мар. Н.** 50 интервью. М., «Сов. Россия», 1964, с. 223—244.

О разведчике отряда Медведева Б. Харитонове, уроженце г. Череповца, и его отважном рейде в тыл гитлеровцев зимой 1945 года.

Полевой Б. Маршал-солдат. — В кн.: **Люди** бессмертного подвига. (Очерки о дважды Героях Советского Союза). Кн. I. Изд. 2-е, испр. и доп. М., Политиздат, 1965, с. 399—407.

Конев Иван Степанович. [Краткая биография маршала Советского Союза, с портр.] — Там же, с. 398.

Лебедев А. Г. Записки сапера. М., Изд-во ДОСААФ, 1966. 160 с. с илл.

Автор повести, вологжанин, рассказывает о фронтовых буднях и героизме советских солдат в последние месяцы Великой Отечественной войны.

Военно-воздушные силы

Советские Военно-Воздушные силы в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1968. 451 с. с илл.

Летчики-вологжане М. П. Жуков (с. 38, 39); А. Ф. Клубов (с. 315, 316, 412); Е. Н. Преображенский (с. 62). Авиаконструктор С. В. Ильюшин (с. 11, 13, 18). Маршал И. С. Конев (с. 320).

Школа штурмующих небо. Рассказ о боевом пути Ейского авиаучилища. Краснодар. Кн. изд-во, 1968, 215 с. с илл.

О И. Каберове (с. 102—103) и Е. Н. Преображенском (с. 142—144).

Смирнов Н. К. Балтийская доблесть. Л., 1966. 51 с. (Об-во «Знание». РСФСР. Ленингр. организация).

Автор — вице-адмирал в отставке, уроженец Вологодской области пишет о вологжанах — Героях Советского Союза: Е. Преображенском (с. 13—19) и И. Каберове (с. 35—43).

Селяничев А. К. Великий подвиг Балтики. М., «Просвещение», 1968. 240 с. с илл.

О И. А. Каберове — с. 169; Н. Г. Кузнецове — с. 139, 144; Е. Н. Преображенском — с. 137—139.

Фролов М. Крылатая гвардия. Книга-репортаж о летчиках-героях. Л., Лениздат, 1963. 136 с.

О летчике М. Жукове— с. 35.

Покрышкин А. И. Небо войны. Повесть фронтовых лет. Изд. 2-е, переработ. М., «Мол. гвардия», 1968, 464 с.

О дважды Герое Советского Союза, летчике А. Ф. Клубове — с. 284—287, 293, 297, 298, 303, 306, 307, 309, 323, 335, 345, 355—358, 360—367, 369, 374, 388, 407, 408—410, 419.

Голышев М. Сын матроса с «Авроры». — В кн.: **Люди** бессмертного подвига. (Очерки о дважды Героях Совегского Союза). Кн. I. Изд. 2-е, испр. и доп. М., Политиздат, 1965, с. 353—359.

Клубов Александр Федорович. [Краткая биография, с портр.] — Там же, с. 352.

Буханов М. Александр Клубов. Биографический очерк. Вологда, 1954. 111 с. с илл.

Рытов А. Г. Рыцари пятого океана. М., Воениздат, 1968. 396 с. с илл. (Военные мемуары).

О. Н. С. Мусинском — уроженце Великоустюгского р-на (с. 288—289, портр. с. 176).

Военно-Морской флот

Стрижаченко И. Подвиг черноморца Глухова. Симферополь, Крымиздат, 1959. 92 с.

Капица П. Дмитрий Глухов. — В кн.: **Книга** о героях. Очерки. М., Воениздат, 1958, с. 252—276.

О Герое Советского Союза, командире морских катеров Д. А. Глухове.

Смирнов Н. Подвиг мичмана Чугунова. — «Звезда», 1962, № 7, с. 141—142.

Вологжанин Я. Чугунов награжден орденом Ленина за героические подвиги при форсировании Невы.

Партизанское движение

Тропами борьбы. Вологда, Кн. изд-во, 1961. 127 с. с илл.

В сборнике собраны документы и воспоминания о деятельности вологодского партизанского отряда «За Родину», героически сражавшегося на территории Карелии.

Королев М. Ф. В лесах Калевалы. Записки комиссара партизанского отряда. Вологда, Кн. изд-во, 1960. 200 с. с илл.

О боевых операциях отряда «Красный партизан», действовавшего в годы Великой Отечественной войны на территории Карелии, в составе которого были и вологжане.

Докторов З. В грохоте войны решается наше будущее. Очерк — В кн.: **В грозные** годы. Сборник материалов о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Петрозаводск, Карельское изд-во, 1964, с. 77—81.

О партизанке К. А. Дунаевой, уроженке г. Устюжны.

Выжлов Н. А. Сквозь огонь войны. (Воспоминания партизана). Вологда, 1964. 48 с.

Автор — вологжанин рассказывает о своем боевом пути.

Помощь тыла фронту

Патриотические и трудовые дела вологжан в тылу. — В кн.: **Осьминский Т. И., Озеринин Н. В. и Брусенский И. И.** Очерки по истории края (Вологодская область). Вологда, 1960, с. 378—396.

Комсомольцы и молодежь области в годы Великой Отечественной войны. — В кн.: **Всегда** с коммунистами рядом. Из истории Вологод. обл. комсомольской организации. Вологда, 1959, с. 93—123.

Худякова Н. Д. Вся страна с Ленинградом (1941—1943 гг.). КПСС — организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады. Л., Лениздат, 1960. 234 с. с илл.

В книге содержится материал о помощи трудящихся Вологодской области ленинградцам во время блокады.

Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. 460 с. с табл. и илл.

Материал о Вологодской обл. на с. 77, 82, 85, 148, 260, 299, 323, 384—392, 399—402, 413—435.

Озеринин Н. В. Патриотизм колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны. — «Учен. записки» (Череповецкий гос. пед. ин-т), Вологда, 1958, т. 1, с. 7—38.

По материалам Вологодской области.

Г. М. КАРАСЕВА.

КОМИ АССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

(Библиография)

Коми АССР в период Великой Отечественной войны. (1941—1945 гг.). — В кн.: Очерки по истории Коми АССР. Т. 2. 1917—1961. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1962. (АН СССР. Коми филиал), с. 311—370.

Идет война народная... — В кн.: Сказ о земле Коми. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1967, с. 43—57.

На фронте и в тылу. — В кн.: 40 лет Коми АССР. 1921—1961. Очерки о развитии экономики и культуры Коми республики. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1961, с. 22—26.

Для дела победы. — В кн.: 25 лет Коми АССР, 1921—1946. Сыктывкар, 1946, с. 183—193.

Коми областная партийная организация в период Великой Отечественной войны (1941—1945 годы). — В кн.: Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1964, с. 223—253.

Ваше дело живет, ваши вечно живут имена. — В кн.: Автографы поколений. 50-летию Ленинского комсомола посвящается. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1968. с. 61—84.

Коми комсомол в годы Великой Отечественной войны.

Александров А. В боях за Родину. — В кн.: Юность огневая. (Из истории Коми комсомола). Сыктывкар, Коми кн. изд., 1958, с. 129—146.

Участие воспитанников коми комсомола на фронтах Великой Отечественной войны.

Бабиков М. Об отважных и стойких. — В кн.: Юность огневая. (Из истории Коми комсомола). Сыктывкар, Коми кн. изд., 1958, с. 147—157.

Воспоминания о боевых друзьях и соратниках, защищавших Заполярье.

Чебыкин Н. «Идет война народная...» — В кн.: Юность огневая. (Из истории Коми комсомола). Сыктывкар, Коми кн. изд., 1958, с. 115—128.

Трудовые успехи комсомольцев Коми республики в тылу в годы Великой Отечественной войны.

Александров А. Н. Во имя жизни. О подвигах трудящихся Коми АССР на фронтах Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг. [Изд. 2-е, перераб. и доп.]. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966. 119 с. с илл.

Александров А. Н. Коми воины в боях за Родину. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1959, 52 с. с илл. (Коми отд. о-ва по распространению политич. и науч. знаний). Библиогр.: с. 51—52.

Александров А. Н. Труд во имя победы. Вклад трудящихся Коми АССР в победу в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). Сыктывкар, Коми кн. изд., 1968. 132 с.

Бабиков М. Морские разведчики. (Воспоминания). Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966. 112 с. с илл.

Воспоминания бывшего главного старшины Военно-Морского Флота, Героя Советского Союза М. М. Бабикова.

Баблюк Б. Девушки в пилотках. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1967. 59 с.

Очерки о женщинах-воинах: регулировщице прифронтовых дорог Е. А. Лозицкой, санитарке М. В. Размысловой, зенитчице А. А. Поповой-Турышевой, разведчице в тылу врага и враче А. И. Вишневской и фельдшере Н. Н. Забоевой-Копытиной.

Кисляков В. На сопках Заполярья. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1968. 120 с. с илл.

Воспоминания Героя Советского Союза В. П. Кислякова.

Сердца и звезды. Очерки о Героях Советского Союза — тех, кто родился, жил и живет в Коми республике. (Ред.-сост. А. И. Усов). Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966. 232 с. с илл. (К 50-летию Советской власти).

Биографические очерки о 16 Героях Советского Союза.

Тентюков Б. М. Очерки о военном мужестве. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1969. 63 с.

В сборник вошли 7 очерков о мужестве и отваге коми воинов.

Ануфриев А. В боях и походах. «Войвыв кодзув», 1967, № 5, с. 37—43. — На коми яз.

Коми воины в боях за Родину.

Бабиков М. Когда крепости сдаются без боя. — «Молодая гвардия», 1966, № 2, с. 242—252.

Воспоминания Героя Сов. Союза М. А. Бабикова о десантной операции Советских Военно-Морских Сил по овладению городом Вонсон в Сев. Корее. 1945 г.

Кисляков В. П. Моряки на скалах. — «Войвыв кодзув», 1967, № 5, с. 3—15; № 7, с. 3—14. — На коми яз.

Воспоминания.

Орлов В. Рейды в тыл врага. [Докум. повесть. Предисл. И. С. Кирюшкина]. — «Войвыв кодзув», 1962, № 8, с. 15—30. — На коми яз.

Об участии коми народа в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.

Парилов П. По дорогам побед. — «Войвыв кодзув», 1958, № 2, с. 28—32. На коми яз.

Воспоминания командира артиллерийского дивизиона в годы Великой Отечественной войны П. П. Парилова, о подвигах которого напоминает артиллерийское орудие из его дивизиона (152 мм гаубица № 3963), экспонируемое ныне в артиллерийском музее в Ленинграде.

Тентюков Б. Два побега. — «Войвыв кодзув», 1967, № 2, с. 38—40. — На коми яз.

О неизвестных коми воинах, бежавших из фашистской неволи.

Тентюков Б. Коми батальон. — «Войвыв кодзув», 1965, № 4, с. 38—43. — На коми яз.

Об отдельном разведывательном батальоне (ОРБ), действовавшем на территории Прибалтики.

Худяев А. Человек хочет что-то сказать. — «Войвыв кодзув», 1966, № 2, с. 41—43. — На коми яз.

Воспоминания сапера.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Бабиков Макар Андреевич

Леонов В. Лицом к лицу. Воспоминания морского разведчика в литературной записи С. Глуховского. М., Воениздат, 1956. 152 с.

То же. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1959. 155 с. с илл.

Бриман М. Пять вех на пути разведчика. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 201—227.

Глуховский С. В первой разведке. — В кн.: Глуховский С. Подвиг известного солдата. М., «Молодая гвардия», 1956, с. 141—168.

Из воспоминаний дважды Героя Советского Союза В. Леонова о морских разведчиках.

Тимушев С. В отряде смелых. — В кн.: Герои Отечественной войны. Сборник очерков. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1949, с. 98—109. — На коми яз.

Шашабрин К. Воспитание мужества. — В кн.: Новый Север. Сыктывкар, «За Новый Север», 1947, с. 44—48.

Габов Николай Николаевич

Лыюров А. Десять против трехсот. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 89—97.

Горчаков Иван Павлович

Ануфриев А. День ценою в жизнь. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 112—127.

Гущин Николай Федорович

Макаров И. Пока бьется сердце. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 160—175.

Данилов Алексей Дмитриевич

Шурганов М. Подвиг на Днепре. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 83—88.

Кисляков Василий Павлович

Вайнер Б. А. Северный фронт в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1964, с. 32.

Вещезерский Г. А. У хладных скал. (О боях в Заполярье). М., Воениздат, 1965, с. 99—100. (Военные мемуары).

Козлов И. А. и Шломин В. С. Северный флот. М., Воениздат, 1966, с. 111, 217—218, 237. Илл. между с. 96 и 97.

Орлов В. Герой Советского Союза старший сержант Кисляков. М., Мол. гвардия, 1941. 20 с. с илл. (Герои Отечеств. войны).

Орлов Д. Один против ста. — В кн.: Герои Отечественной войны. Сборник очерков. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1949, с. 23—31. — На коми яз.

Смелого пуля боится. В кн.: Это было на Крайнем Севере. (Сборник). Мурманск, кн. изд., 1965, с. 344—347.

Один против ста. — «Крестьянка», 1941, № 18, с. 5.

Карпенко В. Один против ста. Герою Советского Союза В. П. Кислякову. (Стихи). — «Сов. воин», 1966, № 3, с. 8.

Юхнин В. Сказ о Герое. (Пер.: А. Глоба.) — В кн.: Поэты коми. Под ред. С. Обрадовича и В. Юхнина. М., «Сов. писатель», 1946, с. 70—83.

То же. На коми яз. Сыктывкар, Коми Госиздат, 1945, 34 с.

Лобанов Виктор Иванович

Торопов И. Сын Пармы. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 67—82.

Уизлевский А. Подвиг Виктора Лобанова. — В кн.: Новый Север. Сыктывкар, Изд. газ. «За Новый Север», 1947, с. 39—43.

Марков Иван Петрович

Федоров Г. Герой Советского Союза лейтенант Марков. Сыктывкар, Коми Госиздат, 1941. 23 с. — На коми яз.

Федоров Г. В строю живых. — В кн. Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 7—24.

Федоров Г. Верный сын Родины. — В кн.: Герои Отечественной войны. Сборник очерков. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1949, с. 3—22. — На коми яз.

Федоров Г. Герой Советского Союза лейтенант Марков. (Очерк). — «Ударник», 1941, № 3, с. 19—33. — На коми яз.

Никишин Михаил Дмитриевич

Мерц В. «Катюши» бьют с неба. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 176—200.

Оплеснин Николай Васильевич

Оплеснин Н. В. Три раза через реку. (Воспоминания). — В кн.: Репертуарный сборник № 2. Сыктывкар, Коми ГИЗ, 1943, с. 49—53. — На коми яз.

Юхнин В. Герой Советского Союза Николай Оплеснин. Сыктывкар, Коми ГИЗ, 1942. 52 с. — На коми яз.

Мерц В. Логика героизма. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 42—58.

Юхнин В. Воспитанник комсомола. — В кн.: Юхнин В. Рассказы и очерки. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1961, с. 10—32. — На коми яз.

Юхнин В. Герой Советского Союза Николай Оплеснин. (Очерк). — «Войвыв кодзув», 1948, № 12, с. 7—25. — На коми яз.

Сердитов Семен Алексеевич

Попов С. Бессмертие солдата. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 59—66.

Попов С. Парень с Лузы.. — В кн..: Герои Отечественной войны. Сборник очерков. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1949, с. 73—84. — На коми яз.

Попов С. Бессмертие бойца. (Рассказ). — В кн.: Рассказы коми писателей. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1954, с. 3—25. — На коми яз.

Тимушев Георгий Федорович

Тимушев С. С Волги до Тиссы. — В кн.: Герои Отечественной войны. Сборник очерков. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1949, с. 85—97. — На коми яз.

Шарков В. Дорогой славы. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 138—149.

Хатанзейский Андрей Гурьевич

Александров А. Боевой путь сапера. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 150—159.

Александров А. Путь героя. (Документ. очерк). — «Войвыв кодзув», 1960, № 2. с. 37—42. — На коми яз.

Черепанов Сергей Михайлович

Журавлев-Печорский В. Сержант 1249 полка. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 106—111.

Чупров Александр Ефимович

Александров. А. Рядовой Чупров. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966, с. 98—105.

Шевелев Антон Антонович

Ширяев В. На дальних и ближних подступах. — В кн.: Сердца и звезды. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1966. с. 128—137.

Томин В. и Грабовский С. По следам героев берлинского подполья. (Документальная повесть). М., Политиздат, 1964. 102 с. с илл.

Участник берлинского подполья лейтенант В. А. Истомин («Рудольф») — уроженец с. Палауз, Койгородского района Коми АССР.

Лисочкин И. Солдаты незримого фронта. Документальная повесть о чекистах-разведчиках. Л., Лениздат, 1965. 208 с. с илл.

Один из «солдат незримого фронта» С. А. Малыгин, уроженец с. Сейты Корткеросского района Коми АССР.

Амосов В. Человек не сгибается. (Докум. повесть). — «Войвыв кодзув», 1966, № 5, с. 9—31. — На коми яз.

Повесть о жизни Александра Ануфриева в фашистском плену, о стойкости и мужестве советского солдата.

Шурганов М. Его могила в Латвии. — «Войвыв кодзув», 1967, № 2, с. 32—37. На коми яз.

О командире партизанской группы, действовавшей в оккупированной Латвии, И. И. Бажукове.

с. 35—38. — На коми яз.

Торопов И. Солдат — ветеран. — «Войвыв кодзув», 1965, № 10,

Об участнике трех войн И. Н. Мелехине.

Улитин А. Братья. — «Войвыв кодзув», 1966, № 9, с. 25—37. — На коми яз.

О братьях Морозовых, геройски сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны.

Шурганов М. Всегда в походе. — «Войвыв кодзув», 1967, № 11, с. 37—38. — На коми яз.

О генерал-лейтенанте А. И. Одинцове.

Ануфриев А. Один из морских дьяволов. — «Войвыв кодзув», 1967, № 5, с. 40—42. — На коми яз.

Об участнике Сталинградской битвы А. О. Хозяинове, о котором пишет в своей книге «Начало пути» Маршал Советского Союза В. И. Чуйков.

Шурганов М. Кавалер пяти орденов. — «Войвыв кодзув», 1965, № 5, с. 43—46. — На коми яз.

О боевом пути фронтовика А. Д. Худоева.

Д. М. ТОМОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Постановление Бюро Отделения истории Академии Наук СССР 3

Состав Северного отделения Археографической комиссии АН СССР 4

С. О. Шмидт. Основные направления работы Археографической комиссии и ее филиалов 6

I. Статьи и сообщения

А. С. Бланк, В. А. Сазонова. Ленинское наследие и некоторые вопросы истории Вологодчины 21

Н. В. Лебедев. Документы о пребывании в вологодской ссылке М. И. Ульяновой 35

Т. И. Кирсанова. Статистический материал как источник по изучению крестьянства Севера в первые годы Советской власти 62

Г. Н. Лохтева. Письма крестьян как источник изучения интернациональной солидарности крестьянства СССР с трудящимися зарубежных стран 67

А. А. Угрюмов. К вопросу о становлении Советской власти в Кокшеньге 75

В. М. Кабузан. Движение населения Северного района в XVIII — первой половине XIX в. 84

В. П. Червяков. Миграция населения в Русском государстве в XVII — 1 четв. XVIII века 90

И. В. Власова. Материалы переписей населения XVIII—I четв. XX в. как источник для изучения сельского расселения . . 109

У. М. Полякова. Городовая обывательская книга Архангельска 1786—1788 гг. 123

Н. Ф. Демидова. Памятник местной статистики о крестьянских отходах в XVIII в. 152

Е. Н. Бакланова. Переписная книга 1717 г. как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском у. . . . 170

П. А. Колесников. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции Поморского населения в XVI—нач. XVIII в. 182

О. В. Овсянников. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. 197

Н. П. Воскобойникова. Писцовые и переписные книги Яренского у. конца XVI—XVII вв. как исторический источник . 212

Я. Е. Водарский. Сводные источники о земельных угодьях Вологодского у. в первой пол. XVII в. 237

В. Г. Миронова. Проблема хронологии некоторых двинских актов 245

В. Л. Янин. К датировке Двинских грамот Мухановского собрания 260

II. Публикации

Н. Н. Парфенов. Листовки VI армии 269

Л. С. Скепнер. Новые документы о Ф. С. Чумбарове-Лучинском 297

Б. Г. Михайлов. Документы о пребывании в вологодской ссылке П. Л. Лаврова 3

Г. Г. Фрументков. Архангельский «Колокольчик» . . 3

Ф. И. Резников. К истории земледелия Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний второй трети XIX в. . . . 328

С. М. Троицкий. Переписная книга Ледеигского усолья князя А. Д. Меншикова 344

П. А. Колесников. Миграция северного крестьянства в XVI—нач. XVIII в. 353

З. А. Огризко. Данные о крестьянском движении в 70—80-х годах XVII в. 375

Ю. С. Васильев. Кодимская волость Важского у. в середине XVI в. 381

А. И. Копанев. Куростровские столбцы XVI в. . . . 398

А. А. Зимин, А. И. Копанев. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. 432

III. Обзоры, описания, библиография

Е. И. Индова. Источники по истории Европейского Севера в собрании ГИМа 489

Л. Г. Дубинская. Материалы Устюжской четверти 1675—1700 гг. по истории северных уездов 497

Л. С. Прокофьева. Обзор материалов архива ЛОИИ АН СССР по аграрной истории Европейского Севера СССР . . . 506

Е. А. Соболева. Редкие книги в фондах Вологодской областной библиотеки 522

В. В. Печенская. Семья Ульяновых в Вологде (список литературы) 528

М. Н. Шерстнякова. Архангельская область в годы Великой Отечественной войны (библиография) 531

Г. М. Карасева. Вологжане — участники Великой Отечественной войны (библиография) 534

Д. Д. Томова. Коми АССР в Великой Отечественной войне (библиография) 539

ГЕ00411. Сдано в набор 19. 2. 1970 г. Подп. к печати 27. 3. 1970 г.
Формат $60\times90/16$. Бум. л. 17. Печ. л. 34. Уч.-изд. л. 40,98.
Тираж 800. Цена 2 р. 50 к. Зак. 317.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

Таблица посошных налогов с двинского населения по Платежной книге Двинского уезда 1560 г.

Приложение 1

Платежно-налоговая единица	По письму И. Заболоцкого: Количество окладных единиц: сошки	обжи	налоги: старые налоги: р.	а.	д.	ямские деньги: р.	а.	д.	рожь: четв.	осм.	ячмень: четв.	осм.
1	2		3			4			5		6	
1. Верхняя половина Холмогор	5	1	3	3	5	—	32	—	—	—	—	—
Стали ново	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Волость Матигоры	58	—	31	30	—	10	14	4	29	—	58	—
3. В Матигорской же луке в Быстрокурье на Марилове острову деревни Ивана святого с Ростокины улицы, что в Новегороде	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4. В Матигорской же луке в церковных в Никольских и в Борисоглебских, что в Койдокурье, Матигорского Николы	9	1/2	3	22	5	—	—	—	—	—	—	—
5. Волости в Колмогорской луке	10	—	7	10	—	—	—	—	5	—	10	—
6. В Спасских деревнях, что Спас на Курцове городище в розных станех и на Нальострове и в Княжеостровской луке и в Койдокурской и на усть Лындоги и на Костькове горе и на Айноне горе и в Колмогорской луке и на Ухтострове всего одиннатцать деревень	5	—	1	25	—	—	—	—	—	—	—	—
7. В Чюхчеменской волости	11	—	8	12	—	—	—	—	5 1/2	—	11	—
8. В Чюхчеменской же луке в церковных в Никольских да Ильи пророка, в Никольских же что в Куростровской луке, да в Троецких и в Дмитреевских	5	—	1	25	4	—	30	—	—	—	—	—
9. В Куростровской луке и на Роздине горе и на Лукине берегу	41	—	24	3	4	7	30	5	20	1	41	—
10. В Пенежской луке и на Унзенге и на Березнике и в [illegible]кове и в Заозерье, и в [illegible]е, и на Волоку на Пене[illegible] и на Кулую и в Шуломи[illegible]0	72	—	39	20	—	12	32	—	36	—	72	—
11. В Пинежской луке в [illegible]ркве в Никольских	1	2	—	7	14	—	10	—	—	—	—	—
Верхние половины, что вышли изо льготы, а давал на льготу двинской писец Иван Заболоцкой с товарищи:												

Платежно-налоговая единица	По письму В. Гагина—в живущем: количество окладных единиц: сошки	обжи	налоги: старые налоги: р.	а.	д.	ямские деньги: р.	а.	д.	за городовое и засечное дело: р.	а.	д.	емчуга: р.	а.	д.	примет: р.	а.	д.	рожь: четв.	осм.	ячмень: четв.	осм.
1	7		8			9			10			11			12			13		14	
1. Верхняя половина Холмогор	4	1 15/16	2	22	1	—	27	5 1/2	—	23	1 1/2	—	7	5	—	3	5 1/2	—	—	—	—
Стали ново	—	7/8	—	5	2 1/2	—	—	10 1/2	—	—	9	—	—	3	—	—	1 1/2	—	—	—	—
2. Волость Матигоры	20	2 17/24	11	16	5	3	25	3 1/2	3	4	3 1/2	1	—	9 1/2	—	17	2 1/2	10	1/2	19	1
3. В Матигорской же луке в Быстрокурье на Марилове острову деревни Ивана святого с Ростокины улицы, что в Новегороде	3	1	—	19	—	—	20	—	—	18	4	—	5	3 1/2	—	2	5	—	—	—	—
4. В Матигорской же луке в церковных в Никольских и в Борисоглебских, что в Койдокурье, Матигорского Николы	6	2 1/2	1	5	5	1	7	4	1	—	5	—	11	2	—	5	4	—	—	—	—
5. Волости в Колмогорской луке	4	1/2	2	9	4 1/2	—	25	—	—	20	4 1/2	—	6	5 1/2	—	3	3	2	1/6	4 1/6	—
6. В Спасских деревнях, что Спас на Курцове городище в розных станех и на Нальострове и в Княжеостровской луке и в Койдокурской и на усть Лындоги и на Костькове горе и на Айноне горе и в Колмогорской луке и на Ухтострове всего одиннатцать деревень	2	—	—	11	2	—	12	—	—	10	—	—	—	20	—	—	10	—	—	—	—
7. В Чюхчеменской волости	4 1/2	1/6	2	17	1/2	—	27	2	—	22	5 1/2	—	7 1/2	—	—	3	5 1/2	2	1/2	4 1/2	—
8. В Чюхчеменской же луке в церковных в Никольских да Ильи пророка, в Никольских же что в Куростровской луке, да в Троецких и в Дмитреевских	2	1/2	—	12	2	—	13	—	—	10	5	—	3	4	—	1	5	—	—	—	—
9. В Куростровской луке и на Роздине горе и на Лукине берегу	22	17/12	12	9	5 1/2	4	1	5	3	12	4	1	4	1 1/2	—	18	5	11	1/2	22	1
10. В Пенежской луке и на Унзенге и на Березнике и в [illegible]кове и в Заозерье, и в [illegible]е, и на Волоку на Пене[illegible] и на Кулую и в Шуломи[illegible]0	47	1/4	25	29	5 1/2	8	15	5	7	2	1/2	2	11	5	1	3	5 1/2	23	1	47	1/2
11. В Пинежской луке в [illegible]ркве в Никольских	1	1	—	7	3	—	8	—	—	—	40	—	2	1 1/2	—	--	7	—	—	—	—
Верхние половины, что вышли изо льготы, а давал на льготу двинской писец Иван Заболоцкой с товарищи:																					

Платежно-налоговая единица	По письму В. Гагина—в пусте: количество окладных единиц: сошки	обжи	налоги—с пуста сложено*: старые налоги: р.	а.	д.	ямские деньги: р.	а.	д.	за городов. и засечное дело: р.	а.	д.	емчуга: р.	а.	д.	примет: р.	а.	д.	рожь: четв.	осм.	ячмень: четв.	осм.	Листы источника	Примечание
1	15		16			17			18			19			20			21		22		23	24
1. Верхняя половина Холмогор	—	2 1/16	—	15	—	—	4	1/2	—	3	5	—	—	8	—	—	4	—	—	—	—	131—132	
Стали ново	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132	
2. Волость Матигоры	37	3/8	20	13	1	6	22	2 1/2	4	18	4	1	17	—	—	25	1	18	1	37	1/2	132—133	
3. В Матигорской же луке в Быстрокурье на Марилове острову деревни Ивана святого с Ростокины улицы, что в Новегороде	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	133 об.—134	
4. В Матигорской же луке в церковных в Никольских и в Борисоглебских, что в Койдокурье, Матигорского Николы	2	1	—	13	4	—	14	—	—	11	4	—	4	—	—	2	—	—	—	—	—	134—134 об.	
5. Волости в Колмогорской луке	5	1/2	3	7	1/2	1	—	10	—	29	1	—	9	4	—	4	5	2	1 5/6	5 5/6	—	135—136	
6. В Спасских деревнях, что Спас на Курцове городище в розных станех и на Нальострове и в Княжеостровской луке и в Койдокурской и на усть Лындоги и на Костькове горе и на Айноне горе и в Колмогорской луке и на Ухтострове всего одиннатцать деревень	3	—	—	17	—	—	18	—	—	15	—	—	5	—	—	2	3	—	—	—	—	136—137	
7. В Чюхчеменской волости	6	1 1/3	3	18	—	1	5	2	—	32	—	—	14	1/2	—	7	1/2	3	1/3	6 1/3	—	137—138 об.	
8. В Чюхчеменской же луке в церковных в Никольских да Ильи пророка, в Никольских же что в Куростровской луке, да в Троецких и в Дмитреевских	2	2 1/2	—	16	4	—	17	—	—	21	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	— 138 об.—139 об.	
9. В Куростровской луке и на Роздине горе и на Лукине берегу	18	1 5/12	10	6	3 1/2	3	10	5	2	25	4 1/2	—	30	5	—	15	2 1/2	9	1/2	18	—	1 139 об.—141 об.	
10. В Пенежской луке и на Унзенге и на Березнике и в [illegible]кове и в Заозерье, и в [illegible]е, и на Волоку на Пене[illegible] и на Кулую и в Шуломи[illegible]0	24	2 3/4	13	22	3	4	16	1	3	24	3 1/2	1	8	1	—	20	4 1/2	12	1	25	—	141 об.—143	
11. В Пинежской луке в [illegible]ркве в Никольских	1	—	—	11 1/2	—	—	2	--	—	10	—	—	3 1/2	—	—	2	—	—	—	—	—	143—144	
Верхние половины, что вышли изо льготы, а давал на льготу двинской писец Иван Заболоцкой с товарищи:																							

* Сюда входит «на поральскую белку 10 денег».

Платежно-налоговая единица	По письму И. Заболоцкого: количество окладных единиц		налоги: старые налоги			ямские деньги			рожь		ячмень		По письму В. Гагина—в живущем: количество окладных единиц		налоги: старые налоги			ямские деньги			за городовое и засечное дело			емчуга			примет			рожь		ячмень		По письму В. Гагина—в пусте: количество окладных единиц		налоги—„с пуста сложено“: старые налоги			ямские деньги			за городов. и засечное дело			емчуга			примет			рожь		ячмень		Листы источника	Примечание
	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.		
1	2		3			4			5		6		7		8			9			10			11			12			13		14		15		16			17			18			19			20			21		22		23	24
В Матигорской волости	12	2½	5	68	7[1]	2	10	2	6	1	13	—	3 1/12	—	1	22	2	—	18	1	—	15	1	—	5	½	—	2	3	—	3	3	—	9	2 5/12	5	13	1	1	25	3	1	15	4½	—	16	2½	—	8	1½	4	1	9	—	144—146 об.	
На Митигорах деревни Спасские, что Спас на Курцове	16	½	2	24	1	2	30	2	—	—	—	—	7	1/12	1	16	4½	1	8	5	1	1	5	—	1/1	4	—	4	5	—	—	—	—	9	1 1/12	1	21	1½	1	22	5	1	13	3	—	15	3½	—	7	5	—	—	—	—	146—147	
В Чючеремской волости	2	—	1	3	2	—	12	—	1	—	2	—	—	17/24	—	8	1	—	2	3½	—	2	1	—	—	4½	—	—	2½	—	2/3	—	1½	1	1 17/24	—	29	2	—	9	2	—	7	5½	—	2	4	—	—	8	—	1½	—	3	147—148	
В Чючеремской же волости в монастырских и в Ыльинских и в Никольских, что в Чюремской волости	4	1	—	23	2	—	26	—	—	—	—	—	1	1/3	—	6	—	—	6	4	—	5	3½	—	1	5	—	1	—	—	—	—	—	3	2/3	—	17	2	—	19	2	—	16	½	—	5	2	—	2	4	—	—	—	—	148—149	
В Куростровской волости.	16	—	8	16	4	2	29	2	8	—	16	—	4	23/4	2	23	2	—	29	3	—	24	3½	—	8	1½	—	4	1	2½	—	5	—	11	1/4	5	26	4	1	33	1	1	22	½	—	18	3	—	9	1½	4½	—	11	—	149—150	
В Куростровской волости деревни Никольские, что Никола в Чюхченеме	1	—	—	5	4	—	6	—	—	—	—	—	1	—	—	5	4	—	6	—	—	5	—	—	—	10	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150об.—151	
В Куростровской же луке, деревни Богоявленские, что на Ухтострове	—	1	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1/4	—	—	3	—	—	3	—	—	2½	—	—	1	—	—	½	—	—	—	—	—	3/4	—	—	9	—	—	9	—	—	7½	—	—	3	—	—	1½	—	—	—	151—152	
В Пенжеской луке	8	—	3	30	3	1	14	4	4	—	8	—	1½	23/24	1	9	—	—	13	5½	—	11	3½	—	3	4½	—	1	5½	1	½	2	1	5	2 1/24	2	21	3	1	6	½	—	28	2½	—	9	2½	—	4	3½	2	1½	5	1	152—153 об.	
В Ямецком стану оприч церковных	118	⅔	66	10	3½	21	9	2	65	⅔	130	—	84	1¼	47	16	1	15	6	3	12	22	1	4	7	2½	2	3	3½	42	5/12	84	5/6	33	2⅜	18	31	1	6	2	5	4	20	2½	1	17	5½	—	25	4	16	2	34	—	153 об.—155	
В Емецком же стану в церквох	2	2½[2]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2½	—	16	5	—	17	—	—	14	1	—	4	4	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	155 об.—156	
В Емецьком же стану в монастырских, что на Кривом монастырь Успение Пречистые и с теми деревнями, что на Пенежском волоку	6	2⅝	1	6	—	1	8	3	—	—	—	—	2	1⅓	—	—	80	—	14	4	—	12	1½	—	4	½	—	2	—	—	—	—	—	4	7/12	—	26	—	—	27	—	—	28	5½	—	9	4	—	4	5	—	—	—	—	156—157	
Емецкие, что вышли из льготы	13	11/24	6	4	½	2	—	7	3	1½	6½	—	2	⅛	1	4	½	—	12	1½	—	10	1	—	—	20	—	—	10	1	—	2	—	11	¼	5	—	—	1	22	1½	2	7	1½	—	—	—	—	9	1½	2	1½	5½	—	157—158	
В Емце, на Двине реке монастырь Успение Пречистые на Кривом	2½	—	—	16	3	—	16	—	—	—	—	—	2½	—	7	4	—	5	—	—	4	1	—	—	8½	—	—	4½	—	—	—	—	1	2	—	9	2	—	11	—	—	10	—	—	20	—	—	10	—	—	—	—	158—159	
В Нижней половине на посадех на Колмогорах и в Спасских дворех, что Спас на Курцове городище	5	½	2	19	5	—	31	—	—	—	—	—	3	1 1/16	1	22	5	—	18	3	—	16	5	—	5	3½	—	2	4	—	—	—	—	1	2 7/16	—	30	2	—	12	3	—	3	½	—	3	½	—	—	9	—	—	—	—	1	
В Нижней же половине в Неноксе на посаде	8	1	2	—	—	1½	—	—	—	—	—	—	12¼	—	4	4	1	2	5	5	1	27	½	—	20	1	—	10	½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	161 об.—162	
На Уне и на Луде на посадех и в царевых и великого князя дворех в непашенных, что были своеземцовы	8	—	7	—	20	1	14	4[3]	—	—	—	—	8	1	7	13	1	1	16	4	1	8	2	—	13	5½	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	162—163	
Волость Низовская лука	10	—	5½	—	—	—	60	—	5		10	—	8½	⅛	4	24	3	1	18	2	1	9	4½	—	14	2	—	7	1	4½	1/12	9	1/6	1	1 1/6	—	25	3	—	8	2	—	6	5½	—	2	2	—	—	7	—	1½	1	1	164—165 об.	

[1] Цифра составилась: 1) Оброк за белку 5 рублей 25 алтын 5 денег. 2) за горностаи 30 алтын и 2 деньги 3) за поралскую белку и за морской оброк с терские стороны 13 алтын.

[2] Далее помечено: «оприч Кривцовского монастыря».

[3] Далее в окладном формуляре следует: «за городовые и засечные дела и за ямчюу полторы рубля с гривною приметных денег две гривны».

| Платежно-налоговая единица | По письму И. Заболоцкого | | | | | | | | | | | По письму В. Гагина—в живущем | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | По письму В. Гагина—в пусте | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | Листы источника | Примечание |
|---|---|---

Платежно-налоговая единица	По письму И. Заболоцкого										По письму В. Гагина—в живущем																По письму В. Гагина—в пусте												Листы источника	Примечание
	количество окладных единиц		налоги								количество окладных единиц		налоги														количество окладных единиц		налоги—„с пуста сложено*													
			старые налоги			ямские деньги			рожь		ячмень		старые налоги			ямские деньги			за городовое и засечное дело			емчуга			примет			рожь		ячмень													
	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.		
1	2		3			4			5		6		7		8			9			10			11			12			13		14		15		16			17			18			19			20		21		22		23	24
58. В Низовской же луке Николы Корельского монастыря	6	1/2	—	1	3	2 1/2	1	16	1	—	—	—	3	3/8	—	17	5 1/2	—	18	4 1/2	—	15	4	—	5	1 1/2	—	2	4	—	—	—	—	3	1 1/4	—	18	5 1/2	—	30	4 1/2	—	17	1/2	—	5	4 1/2	—	2	5	—	—	—	—	191—192	
59. В Лодемской волости деревни Борисоглебские, что Борис Глеб на Матигорах	3	1/2	—	18	1	—	19	—	—	—	—	—	2	1	—	13	1	—	14	—	—	11	4	—	3	5 1/2	—	2	—	—	—	—	—	—	2 1/2	—	5	—	—	5	—	—	4	1	—	—	8 1/2	—	—	4 1/2	—	—	—	—	192—193	
60. В Низовской же луке Архангельского монастыря, что на Низу деревни	16	—	2	26	—	2	29	2	—	—	—	—	5	1 3/4	—	30	10	1	—	1	—	27	5 1/2	—	9	2	—	4	4	—	—	—	—	10	1 1/4	1	24	4	1	29	1	1	18	4 1/2	—	17	1 1/2	—	8	4	—	—	—	—	193—194 об.	
61. В Заостровской луке	11	—	3	—	10	—	66	—	5 1/2	—	11	—	2	1 7/8	1	14	4 1/2	—	15	4 1/2	—	12	5 1/2	—	4	2	—	2	1	1	2/3	2 1/3	—	8	1 1/8	1	20	1 1/2	1	16	5 1/2	1	8	3 1/2	—	14	—	—	7	—	4	1/3	2 5/6	—	194 об.—196	
62. В Заостровской луке деревни Никольские, что Никола чюдотворец в Заостровской волости	1	1	—	7	4	—	8	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	2	—	—	—	10	—	—	3 1/2	—	—	2	—	—	—	—	1	—	—	5	4	—	6	—	—	5	—	—	—	10	—	—	5	—	—	—	—	196—197	
63. В Лиссостровской луке	28	—	14	16	4	5	—	8	14	—	28	—	8	—	4	19	2	1	14	4	1	—	40	—	—	80	—	—	40	4	—	8	—	20	—	9	30	—	3	20	—	3	—	—	1	—	—	1/2	—	—	10	—	20	—	197—198 об.	
64. В Лисостровской же луке деревни Воскресенские	1	—	—	5	4	—	6	—	—	—	—	—	—	3/4	—	—	9 1/2	—	—	9	—	—	7 1/2	—	—	3	—	—	1 1/2	—	—	—	—	—	2 1/4	—	4	4 1/2	—	4	3	—	3	4 1/2	—	—	8	—	—	4	—	—	—	—	198—199	
65. В Терпилова	12	—	6	5	—	2	5	2	6	—	12	—	3 1/2	—	1	21	5 1/2	—	21	—	—	17 1/2	—	—	5	5	—	2	5 1/2	2	—	4	—	8	1 1/2	4	16	2 1/2	1	17	4	1	9	1	—	14	1	—	7	1/2	4	—	8	—	199	
66. В Заостровской же луке деревни, что были Юрьевского монастыря	11	—	5	20	—	—	66	—	5 1/2	—	11	—	4 3/4	—	2 1/2	—	—	—	29	3	—	24	3 1/2	—	8	1 1/2	—	4	1	2	11/12	4	15/6	6	1/4	3	—	20	1	3	1	—	30	2 1/2	—	10	1	—	5	1/2	3	1/12	6	1/2	200—202	
67. В Уйме, что были своеземцевы Федька Шюигина з братьею и с племянники	7	—	3	28	2	1	8	4	3 1/2	—	7	—	1	2	—	30	3 1/2	—	10	—	—	—	25	—	2	5	—	—	8 1/2	—	1 2/3	—	3 1/3	5	1	2	31	1	—	32	—	—	26	4	—	—	—	—	—	4 1/2	2	1/4	4	5/12	202—203 об.	
68. Во Княжеостровской луке в Ягоднике	27	2	15	7	4	4	29	4	14	—	28	—	8	2 13/24	4	31	—	1	20	1 1/2	1	11	2	—	14	5 1/2	—	7 1/2	—	4 1/2	—	9	—	17	1/12	10	10	—	3	9	2 1/2	2	14	1 1/2	—	31	—	—	15 1/2	—	9	1	19	—	204—205	
69. Во Княжеостровской же луке деревни церковные Введения Пречистые	2	1/2	—	12	3	—	13	—	—	—	—	—	—	1 1/4	—	2 1/2	—	—	2 1/2	—	—	2	1/2	—	—	4	—	—	2	—	—	—	—	1	2 1/4	—	10	1	—	10	3	—	8	4 1/2	—	3	—	—	—	10	—	—	—	—	205—206 об.	
70. Во Княжеостровской же луке деревни Успенья Пречистые	—	2 1/4	—	4	4 1/2	—	4 1/2	—	—	—	—	—	—	1 1/4	—	2	4	—	2 1/2	—	—	2	1 1/2	—	—	4 1/2	—	—	2 1/2	—	—	—	—	—	1	—	2	1/2	—	2	—	—	—	10	—	—	3 1/2	—	—	2 1/2	—	—	—	—	206об.—207 об.	
71. Во Княжеостровской же луке деревни Якова святого, что на Курцове	—	2 1/2	—	4	5	—	5	—	—	—	—	—	—	1 1/4	—	2	2 1/2	—	2 1/2	—	—	2	1/2	—	—	4	—	—	2	—	—	—	—	—	1 1/4	—	2	2 1/2	—	2 1/2	—	—	2	1/2	—	—	4	—	—	2	—	—	—	—	207 об.—208 об.	
72. В Койдокурье в Кехте и на Костькове горе.	22	—	12	—	20	3	32	—	11	—	22	—	5	1 2/3	3	2	1	1	—	1/2	—	27	5	—	9	1 1/2	—	4	4	2 1/2	2/3	5 1/2	—	16	23/22	9	—	7	2	31	5 1/2	2	14	4	—	27	1/2	—	13	3 1/4	8	9/24	16	41/48	208 об.—210 об.	
73. Койдокурской же волости деревни Никольские, что Никола в Койдокурье	3	—	—	17	—	—	18	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	2	—	—	—	10	—	—	3 1/2	—	—	2	—	—	—	—	2	2	—	10	—	—	16	—	—	—	80	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	210—211	
74. В Койдокурской же волости деревни Никольские, что Николка на Матигорах	2 1/2	—	—	14	1	—	15	—	—	—	—	—	—	2	—	3	5	—	4	—	—	—	20	—	—	7	—	—	3 1/2	—	—	—	—	1	2 1/2	—	10	2	—	11	—	—	9	1	—	3	1/2	—	—	9	—	—	—	—	211 об.—212 об.	

Платежно-налоговая единица	По письму И. Заболоцкого										По письму В. Гагина—в живущем																По письму В. Гагина—в пусте																Листы источника	Примечание
	количество окладных единиц		налоги								количество окладных единиц		налоги														количество окладных единиц		налоги—„с пуста сложено"																	
			старые налоги			ямские деньги			рожь		ячмень																																					
	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	сошки	обжи	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	р.	а.	д.	четв.	осм.	четв.	осм.		
1	2		3			4			5		6		7		8			9			10			11			12			13		14		15		16			17			18			19			20			21		22		23	24
5. В Великой Курье своеземцы	3	—	1	21	4	—	18	—	—	3	3	—	—	1	—	6	1/2	—	2	—	—	—	10	—	—	3 1/2	—	—	2	—	1/3	—	2/3	2	2	1	15	3 1/2	—	16	—	—	—	80	—	—	—	—	—	40	1	2/3	2 1/3	1/3	212 об.—213 об.
6. На Ухтострозе	4	1	2	13	4	—	26	—	2	1/3	4	2/3	1	15/12	—	26	4 1/2	—	8	5	—	7	2	—	2	1	—	—	6 1/2	—	1 1/2	—	3	2	1/4	1	20	1 1/2	—	17	2	—	14	2	—	4	4 1/2	—	2	2 1/2	1	5/6	2	1 2/3	214—215 об.
7. На Пильих горах, волостка что была Якозлевская Селезнева	6	1/2	4	20	1	—	37	—	3	1/6	6	1/3	4	1/3	3	2 1/2	—	—	24	4	—	20	3 1/2	—	6	5	—	3	2 1/2	2	1/6	4	1/3	2	1/6	1	17	4	—	12	2	—	10	2	—	3 1/2	—	—	—	10 1/2	1	1/12	2	1/6	216—217
8. В волости Немьюге	2	2	2	20	—	—	16	—	—	—	—	—	—	1 1/2	—	16	1	—	3	—	—	2 1/2	—	—	—	7 1/2	—	—	4	—	—	—	—	2	1/2	2	4	—	—	13	—	—	10	5	—	3 1/2	1/2	—	2	—	—	—	—	—	217 об.—218
9. В Пенежском уезде волость Перемьская	9	1/2	6	28	—	1	21	4	4 1/2	1/6	10	1/3	6	1/2	4	26	5	1	3	4	—	30	5	—	10	1 1/2	—	5	1	3	1/6	6	1/3	3	—	2	5	1	—	18	—	15	—	—	5	—	—	—	2 1/2	—	3	—	3	—	218—219 об.
10. В Пенежском уезде волостка на Марьине горе и в Кеврольской слободке Мартюша Федорова	7	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	2	6	32	—	1	12	5	1	5	—	—	12	4 1/2	—	6	2 1/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	219 об.—220
11. На Марьине горе и в Кеврольской волости и в Верколе в церковных	1	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1/2	—	6	—	—	7	—	—	5	5	—	1	5 1/2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	220—220 об.
12. В Пенежском уезде в волости в Чяколе и на Шестове горе и на Березнике	36	1	27	11	2	6	18	—	18	1/3	33	2/3	32	13/24	24	15	4	5	26	3	4	27	3	1	20	1 1/2	—	26	5	16	1/6	32	1/3	4	1/2	2	32	—	—	25	—	—	20	5	—	7	—	—	3 1/2	—	2	1/6	4	1/3	220 об.—222
13. В Чакольской же волости церковные Рождества Пречистые	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	10	—	2	—	—	—	10	—	—	3 1/2	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	222—
14. В волости в Верколе	8	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	1	6	19	3	1 1/2	—	—	1	8	2	—	13	5 1/2	—	7	—	4	1/3	8	2/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	222 об.—223 об.
15. В волости в Кевроле	73	1/2	52	27	5	13	4	4	36	—	71	—	66	19/24	48	2	3 1/2	11	30	5	9	31	2	3	10	3	1	21	5 1/2	33	9/12	66	9/12	—	6	1/2	4	25	1 1/2	1	7	1	1	—	7	—	11	3	—	5	4 1/2	2	1 5/6	4 1/3	—	223—224
16. В Пинежском же уезде на реке на Пинеге в волостке в Лавеле	8	—	7	10	4	1	14	4	4	—	8	—	7	1 7/12	6	—	5	—	12	2	1	4	4	—	12	4	—	6	2	3 1/2	2/3	7	1 1/3	—	1 1/24	—	10	3	—	2	2	—	—	11	—	—	4	—	—	2	—	1/2	—	2/3	225—226
17. В волости Суре	16	—	13	12	—	2	29	2	7 1/2	—	17	—	12	17/24	10	13	1/2	2	7	5 1/2	1	28	5	—	20	4 1/2	—	10	2 1/2	6	2/3	12	1 1/3	3	1 17/24	2	22	2 1/2	—	21	2 1/2	—	17	5	—	5	5 1/2	—	2	5 1/2	—	3 1/3	3	2/3	226 об.—228
18. В той же волости в церковных	—	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/2	—	1	—	—	—	5	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	228
19. В волости Вые	13	—	12	20	2	2	11	2	6 1/2	—	13	—	12	2 1/2	12	14	5 1/2	2	10	2	1	30	5	—	21	2	—	11	4	6	5/6	12	1 2/3	—	1/2	—	5	2 1/2	—	1	—	—	—	5	—	—	2	—	—	1	—	1/12	—	1/6	228—229 об.
20. В той же волости в церковных	—	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/2	—	1	—	—	1	—	—	—	5	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	229 об.—
21. В волости в Малой Пинежке	14	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	2	12	6	2	2	20	8	2	18	2	—	25	—	—	12	3	7 1/2	1/3	15	2/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	229 об.—230 об.
22. На Мезени	25	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	1/2	27	29	1	4	17	4	—	25	5	1	8	4	—	21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230.—231

«Да загубского оброку со всей Двинской земли шесть рублев» (л. 231).